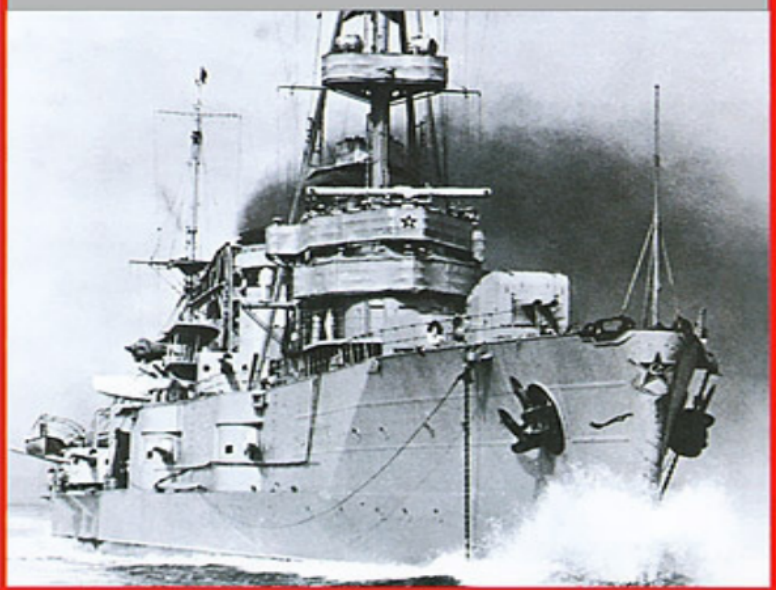
НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И БИОГРАФИИ

Николай Скрицкий

ФЛАГМАНЫ ПОБЕДЫ



КОМАНДУЮЩИЕ ФЛОТАМИ И ФЛОТИЛИЯМИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1941—1945

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Николай Владимирович Скрицкий, известный своими работами об отечественных флотоводцах, представляет вниманию читателей сборник биографических очерков о советских командующих флотами и флотилиями в годы Великой Отечественной войны. Для удобства понимания хода войны автор начал книгу с биографии наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова, связанного со всеми основными военными событиями.

При создании книги использована обширная литература по военно-морской истории и предоставленные архивами материалы, чтобы воссоздать биографии как знаменитых людей, так и тех, чьи жизнеописания почти не освещены в литературе.

- Николай Владимирович Скрицкий
- Введение
- КУЗНЕЦОВ НИКОЛАЙ ГЕРАСИМОВИЧ Нарком ВМФ
-
-
-
-
-
-
- КОМАНДУЮЩИЕ ФЛОТАМИ
- БАСИСТЫЙ НИКОЛАЙ ЕФРЕМОВИЧ Врио командующего Черноморским флотом
- ВЛАДИМИРСКИЙ ЛЕВ АНАТОЛЬЕВИЧ Командующий Черноморским флотом
-
- ГОЛОВКО АРСЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ Командующий Северным флотом
-
- ОКТЯБРЬСКИЙ (ИВАНОВ) ФИЛИПП СЕРГЕЕВИЧ Командующий Черноморским флотом и Амурской флотилией
-
-
- ТРИБУЦ ВЛАДИМИР ФИЛИППОВИЧ Командующий Краснознаменным Балтийским флотом
-
- ЮМАШЕВ ИВАН СТЕПАНОВИЧ Командующий Тихоокеанским флотом
-

- КОМАНДУЮЩИЕ ФЛОТИЛИЯМИ
- АБАНЬКИН ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ Командующий Онежской и Амурской флотилиями
- АБРАМОВ НИКОЛАЙ ОСИПОВИЧ Командующий Дунайской флотилией
- АВРААМОВ НИКОЛАЙ ЮРЬЕВИЧ Командующий Чудской военной флотилией
- АЛЕКСАНДРОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ Командующий Азовской флотилией
- АНДРЕЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ Командующий Северной Тихоокеанской флотилией
- АНТОНОВ НЕОН ВАСИЛЬЕВИЧ Командующий Онежской и Амурской флотилиями
-
- АРАПОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ Командующий Северной Тихоокеанской флотилией
- АРЖАВКИН АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ Командующий Чудской военной флотилией
- БАРАНОВСКИЙ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ Командующий Ладожской флотилией
- БОГОЛЕПОВ ВИКТОР ПЛАТОНОВИЧ Командующий Ладожской флотилией
- ВОРОБЬЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ Командующий Волжской флотилией
-
- ГОРШКОВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ Командующий Азовской и Дунайской флотилиями
-
-
- ГРИГОРЬЕВ ВИССАРИОН ВИССАРИОНОВИЧ Командующий Днепровской флотилией
-
- ДОЛИНИН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ Командующий Беломорской флотилией
- ДРЕВНИЦКИЙ ВАСИЛИЙ МАРТЫНОВИЧ Командующий Ильменской флотилией
- ДЬЯКОНОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ Командующий Онежской флотилией
- ЗЕМЛЯНИЧЕНКО СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ Командующий Ладожской флотилией
- ЗОЗУЛЯ ФЕДОР ВЛАДИМИРОВИЧ Командующий Каспийской флотилией
- КУЧЕРОВ СТЕПАН ГРИГОРЬЕВИЧ Командующий Беломорской флотилией

- ПАНТЕЛЕЕВ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ Командующий Беломорской и Волжской флотилиями
- РОГАЧЕВ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ Командующий Пинской и Волжской флотилиями
- САПОЖНИКОВ САМУИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ Командующий Волжской флотилией
- СЕДЕЛЬНИКОВ ФЕДОР СЕМЕНОВИЧ Командующий Каспийской и Амурской флотилиями
- СМИРНОВ ПЕТР АНДРЕЕВИЧ Командующий Волжской флотилией
- СТЕПАНОВ ГЕОРГИЙ АНДРЕЕВИЧ Командующий Беломорской флотилией
- ТРАЙНИН ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ Командующий Ладожской флотилией
- ФРОЛОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ Командующий Дунайской флотилией
- ХОЛОСТЯКОВ ГЕОРГИЙ НИКИТИЧ Командующий Азовской и Дунайской флотилиями
-
- ХОРОШХИН БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ Командующий Ладожской флотилией
- ЧЕРОКОВ ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ Командующий Ладожской флотилией
-
- Заключение
- Литература
-

Николай Владимирович Скрицкий Флагманы Победы. Командующие флотами и флотилиями в годы Великой Отечественной войны 1941–1945

Введение

Уже несколько лет назад страна отметила 65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, а биографии многих людей, сыгравших значительную роль в достижении этой победы, как и их заслуги, неизвестны читателям. В лучшем случае о них есть статьи в специальных изданиях и энциклопедиях, в худших – о них просто упоминают в книгах о Великой Отечественной войне.

К числу обойденных можно отнести и тех, кто командовал флотами и флотилиями советского ВМФ. Даже о наркоме ВМФ Н.Г. Кузнецове больше всего можно было судить по его воспоминаниям, и только в последнее время начали появляться его биографии солидного размера (правда, небольшими тиражами). Биографии командующих флотами были выпущены в свое время в небольших книжечках «Политиздата», да и то не все. Командующим флотилиями повезло и того меньше. Для большинства из них в лучшем случае есть статьи в газетах, журналах, энциклопедиях и сборниках статей.

Даже вышедшая в 2001 году, основанная на документах Центрального военно-морского архива книга В.М. Лурье «Адмиралы и генералы Военно-Морского Флота России в период Великой Отечественной и Русско-японской войн (1941–1945)» не упоминает некоторых командующих военными флотилиями, которые не дослужились до адмиральских чинов. Да и составлен справочник для специалистов, как канва биографии, которую следует дополнять фактами, рассеянными в многочисленной литературе. Лишь часть этой литературы указана в приведенных списках.

Не все командующие флотилиями указаны и в составленном В.Д. Доценко «Словаре морском биографическом», который вышел в 2000 году и включает более 3 тысяч кратких справок по жизни и деятельности моряков и других деятелей отечественного флота.

Автор в ряде своих книг («Самые знаменитые флотоводцы России», «Русские адмиралы», «Сто великих адмиралов») обращался к наиболее известным деятелям советского ВМФ, в первую очередь участникам Великой Отечественной войны. Однако, разумеется, во всех этих книгах не было возможности поместить даже всех командующих флотами и флотилиями в годы войны, которые стали адмиралами.

В этой книге автор делает попытку, используя многочисленную литературу о действиях ВМФ в Великой

Отечественной войне и документы архивов, составить биографические очерки о командующих флотами и флотилиями в военные годы. Разумеется, по возможности указаны и наиболее яркие эпизоды из жизни и деятельности флагманов, которые выходят за рамки войны.

Жизнеописания в наибольшей степени будут обращены к служебной деятельности моряков. Автор считает, что подготовленные им биографии явятся основой для будущих историков, которые смогут исследовать более подробно жизнь тех или других участников войны. Для тех, кто решит продолжить изучение биографий и подробнее ознакомиться с событиями, в которых участвовал тот либо другой герой книги, приведен список основной литературы, а по тексту даны подстрочные примечания и ссылки на использованные издания.

В 80-х годах XX века в приложении к книге «Боевой путь Советского Военно-Морского Флота» авторы привели основные сведения о флотах, флотилиях и их руководящем составе. Это приложение указывает, в каких временных рамках существовали флоты и флотилии после Октябрьской революции, кто и когда ими командовал [1] .

Обращаясь непосредственно к командующим флотами и флотилиями, следует иметь в виду, что первые в военные годы менялись редко. Стоявший во главе ВМФ Н.Г. Кузнецов оставался на посту в течение всей войны. Всю войну командовали флотами В.Ф. Трибуц (Краснознаменный Балтийский флот), А.Г. Головко (Северный флот), И.С. Юмашев (Тихоокеанский флот). Черноморским флотом командовал до 23 апреля 1943 года Ф.С. Октябрьский, затем, до 10 марта 1944 года, его сменил Л.А. Владимирский, 10–28 марта флотом временно командовал Н.Е. Басистый, а после вновь на пост командующего вернулся Октябрьский.

С командующими флотилиями дело сложнее, так как флотилии создавали и ликвидировали в ходе войны не раз. Командующих меняли также неоднократно.

Азовская военная флотилия была создана в июле 1941 года, когда возникла угроза прорыва германских войск к Азовскому морю. С 25 июля по 13 октября флотилией командовал капитан 1-го ранга А.П. Александров, а позднее, до ухода кораблей флотилии на Черное море (14 сентября 1942 года), – контр-адмирал С.Г. Горшков. Вторично флотилию создали в феврале 1943 года, когда советские войска вышли к берегам Азовского моря. Командовал флотилией с февраля 1943 года до ее расформирования 20 апреля 1944 года тот же С.Г. Горшков, если не считать небольшого периода в январе-феврале 1944 года,

когда обязанности командующего исполнял Г.Н. Холостяков.

На Краснознаменной Амурской военной флотилии сменилось несколько командующих. С начала войны до 29 июня 1943 года флотилию возглавлял П.С. Абанькин. Его сменил переведенный с Черного моря Ф.С. Октябрьский (29 июня 1943 – 21 марта 1944 года). С 21 марта по 2 сентября 1944 года командующим вновь стал П.С. Абанькин, затем до 23 июня 1945 года флотилией командовал Ф.С. Седельников, а в июне 1945 года его заменил Н.В. Антонов, которому довелось руководить боевыми действиями флотилии в войне с Японией.

У Беломорской военной флотилии, существовавшей с 15 августа 1941 по 15 апреля 1945 года, также было несколько командующих: М.М. Долинин (15 августа – 7 октября 1941 года), Г.А. Степанов (7 октября 1941 – 6 марта 1943 года), С.Г. Кучеров (11 марта 1943 – 30 августа 1944 года), Ю.А. Пантелеев (30 августа 1944 – 15 апреля 1945 года).

Волжская военная флотилия существовала с октября 1941 по июнь 1944 года. Командовали ею С.Г. Сапожников (28 октября – 6 ноября 1941 года), С.М. Воробьев (6 ноября 1941 – 16 февраля 1942 года), Д.Д. Рогачев (16 февраля 1942 – 14 мая 1943 года), Ю.А. Пантелеев (14 мая – 16 декабря 1943 года), П.А. Смирнов (16 февраля 1943 – 30 июня 1944 года).

Днепровскую военную флотилию, расформированную в июне 1940 года и превращенную во флотилии Дунайскую и Пинскую, вновь сформировали в сентябре 1943 года. До декабря 1945 года Днепровской военной флотилией командовал В.В. Григорьев.

Дунайскую военную флотилию создали в июне 1940 года, после того как советские войска заняли Молдавию. Командующими были Н.О. Абрамов (с 28 июня 1940 по 16 сентября 1941 года) и А.С. Фролов (с 16 сентября до 21 ноября 1941 года). С апреля 1944 года Дунайскую флотилию восстановили. Командовали ею С.Г. Горшков (20 апреля – 12 декабря 1944 года) и Г.Н. Холостяков (12 декабря 1944–1945 год).

Ильменская военная флотилия существовала в июле-октябре 1941 года, пока войска Северо-Западного фронта вели бои в районе озера Ильмень. Командовал флотилией В.М. Древницкий (28 июля – 20 октября 1941 года).

Каспийской военной флотилией, которая вела боевые действия в августе 1942 – феврале 1943 года, командовали: Ф.С. Седельников (1940 – 10 сентября 1944 года), Ф.В. Зозуля (с 15 сентября 1944 года).

Ладожская военная флотилия существовала с июня 1941 по ноябрь 1944 года. С 25 по 30 июня флотилией временно командовал В.П. Барановский, с 30 июня по 18 июля – С.В.

Земляниченко, с 24 июля по 8 августа – В.П. Боголепов, с 8 августа по 13 октября – Б.В. Хорошхин, с 13 октября 1941 по 25 сентября 1944 года – В.С. Чероков.

Онежская военная флотилия существовала в августе-ноябре 1941 года, после чего ее расформировали и корабли передали в Волжскую флотилию. Но в апреле 1942 года был создан Онежский отряд кораблей, который вел боевые действия с мая по декабрь. В декабре отряд переименовали в Онежскую военную флотилию, которая вела боевые действия до 7 октября 1944 года и была расформирована ввиду того, что фронт ушел далеко от Онежского озера. Флотилией первоначально командовал А.П. Дьяконов (7 августа – 28 ноября 1941 года, 10 мая – 7 июля 1943 года); он же командовал отрядом в 1942 году. С 7 июля по 11 августа 1943 года временно командовал флотилией Н.В. Антонов. С 11 августа 1943 по 25 января 1944 года командующим был П. С. Абанькин, с 25 января по 10 июля 1944 года обязанности командующего исполнял Н.В. Антонов.

Пинская военная флотилия существовала с июня 1940 по октябрь 1941 года. Ее создали на основе Днепровской военной флотилии, когда к Советскому Союзу были присоединены Западная Украина и Западная Белоруссия. С июня 1940 по 18 сентября 1941 года флотилией командовал Д.Д. Рогачев.

Северная Тихоокеанская флотилия была создана в августе 1939 года. Первым ее командующим стал М.И. Арапов с августа 1939 по 13 февраля 1943 года; сменил его В.А. Андреев с 14 апреля 1943 года. Андрееву довелось командовать флотилией в ходе войны с Японией в августе-сентябре 1945 года.

Чудская военная флотилия существовала в июле-августе 1941 года. Командовал ею Н.Ю. Авраамов. В 1944 году был организован отряд кораблей, которым командовал А.Ф. Аржавкин.

Мы с вами, уважаемый читатель, можем убедиться, что некоторые командующие успели за время войны руководить несколькими флотилиями и флотами. Об их деятельности возможно написать, пользуясь книгами и статьями, документами архивов о соответствующих событиях Великой Отечественной войны. Конечно, даже документы не дают стопроцентной гарантии достоверности, и приходится сравнивать разные источники.

Разумеется, в зависимости от того, каков был срок службы того или другого командующего во главе флота или флотилии, сколько было сделано в период его командования, зависит и объем биографического очерка. Если кто-либо командовал флотилией несколько дней или недель, придется обойтись очень

скромной информацией о нем. Следовательно, предложенные читателю очерки будут разниться по объему и подробности изложения.

Автор выражает благодарность сотрудникам Центрального военно-морского архива и особенно В.М. Лурье. Благодаря справкам по биографиям некоторых командующих флотилиями, которые подготовил В.М. Лурье, и материалам, которые любезно предоставило руководство ЦВМА, удалось значительно пополнить и уточнить посвященные им очерки и уменьшить число пропущенных лиц до минимума.

Автор благодарен также сотрудникам РГА ВМФ за помощь в подборе материалов к биографиям некоторых командующих.

Для удобства изложения первую часть книги составляет биографический очерк наркома ВМФ Николая Герасимовича Кузнецова, в котором дана общая картина участия флотов в войне. Далее следуют биографии командующих флотами, затем – командующих флотилиями в алфавитном порядке. Таким образом, читатель, обращаясь к последующим биографиям, будет уже иметь представление о месте и роли флотов и флотилий в истории Великой Отечественной войны по биографии наркома.

Биографии Н.Г. Кузнецова, С.Г. Горшкова и некоторых других деятелей Военно-морского флота расскажут о некоторых страницах истории развития отечественного флота в послевоенное время. Автор считает, что благодаря такой форме изложения читатель получит некоторое представление не только об участии ВМФ в Великой Отечественной войне, но и об эпизодах развития советского флота в другие периоды его истории.

КУЗНЕЦОВ НИКОЛАЙ ГЕРАСИМОВИЧ Нарком ВМФ

Как-то Николай Герасимович Кузнецов писал другу о результатах необычных подсчетов. Оказалось, моряк дважды был в звании контр-адмирала, трижды вице-адмиралом, дважды адмиралом и дважды Адмиралом Флота. Он тогда еще не предполагал, что через годы, уже после смерти, ему вторично присвоят звание Адмирала Флота Советского Союза. Этого звания его лишили, когда моряк завершал путь на флоте, пролегший от низшего до высшего морского звания.

Родился Николай Кузнецов 11 (24) июля 1904 года в селе Медведки ныне Котласского района Архангельской области. Деревня стояла на берегу реки Ухтомки, впадавшей в Северную Двину. Двенадцати лет мальчик остался без отца и отправился на заработки в Архангельск [2] . Летом 1915 года мать отвезла младшего сына в Котлас, что был в 20 верстах от Медведки. Оттуда дядя Павел Федорович на речном пароходе перевез мальчика в Архангельск. Это было первое плавание в жизни будущего флагмана. Он жил у дяди, работал по дому, а летом возвращался в деревню помогать матери и брату в поле. Учебу в Архангельске вскоре пришлось бросить, однако юноша много читал, устроился рассыльным в Управление работ по улучшению Архангельского порта. Его взяли однажды в море рыбаки, и старшой артели, понаблюдав, напророчил: «Будешь добрым моряком» [3] .

В июне 1919 года Кузнецов уехал, как обычно, в деревню, а в июле интервенты заняли Архангельск и двинулись на Котлас. Для обороны на реке была организована Северо-Двинская военная флотилия. Пятнадцатилетнего юношу не могли призвать на военную службу, но приняли перепечатывать документы. В 1920 году он числился машинистом-переписчиком 2-го разряда Технического отдела Военного порта флотилии. Вскоре с изгнанием интервентов кончилась война, и флотилию расформировали. При помощи знакомого писаря Кузнецов получил «Перерегистрационную карту», в которой был указан возраст на два года больше и то, что он зачислен в центральный флотский экипаж. Это позволило ему получить военно-морское образование [4] .

Военмор Кузнецов полгода проходил строевую подготовку в Соломбальском полуэкипаже. Затем с эшелоном моряк прибыл служить и учиться на Балтику. В подавлении Кронштадтского

мятежа ему участвовать не довелось. В 1921–1923 годах Кузнецов прошел подготовительную школу для моряков военного флота и подготовительные курсы при Военно-морском училище. Его зачислили на специальный курс училища. Моряк старательно учился, что отражают характеристики в личном деле. Одна из них гласит: «Очень способный. Общее развитие хорошее. Специальная подготовка отличная, политическая подготовка хорошая, отношение к службе отличное, будет хороший артиллерист» [5] . В частности, как старшекурсника Кузнецова в 1925 году назначили командиром 1-го отделения 1-го взвода роты А первого курса нового набора.

Будущие командиры прошли хорошую морскую школу, четыре кампании плавали на различных кораблях, побывали в дальнем походе, прошли по Балтике, Северному и Норвежскому морям в Северный Ледовитый океан, получили значительный опыт в навигации и морской практике. В последнем году будущим командирам было доверено покомандовать стоявшим на якоре линкором [6] .

В 1924 году Кузнецов – член делегации от училища на похороны В.И. Ленина. После возвращения с похорон он выступал перед рабочими фабрик и заводов о виденном в Москве. Моряк подал заявление о вступлении в партию и в 1925 году стал членом ВКП(б) [7] .

После училища Кузнецову, как одному из пяти лучших выпускников, предложили самому избрать флот, на котором он хочет продолжить службу. Несмотря на то что была возможность служить на линкоре, самом крупном корабле Морских сил Балтийского моря, моряк избрал Черное море, где почти не оставалось кораблей, кроме крейсера «Коминтерн» и нескольких миноносцев. Однако в Николаеве достраивали крейсер, получивший название «Червона Украина». Именно на этот современный корабль и хотел попасть Кузнецов. После окончания Высшего военно-морского училища имени М.В. Фрунзе в октябре 1926 года молодого командира направили вахтенным начальником крейсера «Червона Украина» Морских сил Черного моря. В 1926–1929 годах он – вахтенный, затем старший вахтенный начальник крейсера «Червона Украина», командир батареи. За четыре кампании моряк хорошо себя зарекомендовал. В одной из ежегодных аттестаций было написано: «Приспособляемость к практической жизни удивительно высока. Инициативен, дисциплинирован, требователен к подчиненным, любит море. В походной обстановке исключительно вынослив» [8] .

В аттестации 1927 года было записано: «Заслуживает

продвижения во внеочередном порядке». Эту аттестацию моряк подтвердил в походе 1928 года, когда в Стамбуле пришлось ликвидировать пожар на борту [9] .

Через три года, в 1929-м, перспективного командира направили в Морскую академию на факультет оперативного искусства, который он окончил в 1932 году. Вместе с В.А. Алафузовым Кузнецов самостоятельно занимался сверх программы французским и немецким языками. За блестящее окончание оперативного факультета в мае 1932 года Кузнецов получил первую награду – именной пистолет с надписью «Командиру-ударнику Н.Г. Кузнецову за успешное окончание В. М. Академии от Наморси РККА. 4.5.1932» [10] .

Сам он об этом времени писал: «В Военно-морской академии мы получили солидное оперативно-тактическое образование, основательно изучили многие проблемы будущей войны на море. Именно в стенах академии нам привили правильные взгляды на роль флота в обороне нашей Родины. Исходя из единой для всех Вооруженных Сил стратегии, мы ясно стали видеть место флота как одного из видов вооруженных сил» [11] .

Кузнецов считал, что у офицеров должен быть либо командный, либо штабной склад ума. Сам он относил себя к первой категории, избегая работы в штабе. Когда Кузнецову предложили после академии службу в штабе с повышением (моряка знали по стажировке в штабе Морских сил Балтийского моря), он попросился на корабль. Отказался Кузнецов и от должности командира. Как добросовестный человек, он посчитал, что следует пройти необходимую ступень – должность старшего помощника командира корабля [12] .

В мае 1932 года Кузнецов и В.А. Алафузов прибыли в Севастополь. Алафузова определили в штаб флота, а Кузнецова – старпомом на крейсер «Красный Кавказ», на котором после столкновения с другим кораблем сменили командование. В 1932–1934 годах Кузнецов – старший помощник командира крейсера «Красный Кавказ», который в 1933 году стал одним из лучших кораблей Морских сил Черного моря. Моряк учился искусству управления кораблем и сам совершенствовал систему подготовки экипажа. За время деятельности Кузнецова на корабле появился четкий уставной порядок, твердо соблюдали корабельное расписание, экипаж получал все положенное. Флаг-штурман бригады крейсеров А.Н. Петров вспоминал, что старпом был близок к команде, как бывший матрос, однако сохранял высокую требовательность к боевой подготовке: «Впервые я увидел, как старпом заставил всех командиров боевых частей, да и нас, флагманских специалистов, разработать методику боевой

подготовки. Раньше никакой методики не было. Старослужащие обучали молодых, как и что надо делать. Но это пригодно для одиночек. А действия подразделения? А взаимодействие? А учения по боевым частям, по кораблю в целом? Все, по сути, началось с «Красного Кавказа». В полной мере эту работу развернул, когда стал командиром «Червоной Украины». Все потом вылилось в «Курс боевой подготовки корабля» в масштабе флота. Мы тогда только рожали БУМС – временный Боевой устав Морских Сил. Это академия работала. А «Курс» на корабле – его инициатива и заслуга. Он, помнится, вроде бы и не работал. Стоим на рейде, выглянешь – старпом на юте, а всюду все вертится. Это было чудом!» [13]

Кузнецов поддержал предложение командира БЧ-V И. Прохватилова организовать обучение команды борьбе за живучесть в масштабах всего корабля. Сначала общекорабельные учения проводили на якоре, затем отрабатывали на ходу. Подготовку экипажа крейсер продемонстрировал в плавании по иностранным портам: Турция, Италия, Греция. Через год, в сентябре, командующий флотом приказал Кузнецову принять крейсер «Червона Украина», отправлявшийся в Батум. По возвращении моряк вступил в командование.

Крейсер являлся флагманским кораблем командующего И.К. Кожанова. Кузнецов добился выхода корабля из ремонта в марте. К осени 1934 года крейсер претендовал на звание лучшего корабля Морских сил. К стрельбам была подготовлена новинка, предложенная главным артиллеристом А.В. Свердловым, – стрельба на больших скоростях и дистанциях с упреждением неприятеля для поражения его с первых залпов. Со второго залпа шит был изрешечен. Однако при выходе в ночной поход крейсер намотал на винт сеть, и первое место досталось «Красному Кавказу». Винил в неудаче Кузнецов только себя, как командира [14] . Тем не менее крейсер «Червона Украина» под командованием моряка достиг высоких показателей в боевой и политической подготовке, а командира наградили орденом Красной Звезды. Командующий флотом И.К. Кожанов в 1935 году писал о самом молодом капитане как о растущей личности [15] .

В 1935 году «Червоной Украине» не раз приходилось, кроме плановых учений, выходить в море с К.Е. Ворошиловым, Т.К. Орджоникидзе, Г. Димитровым. Продолжалась борьба за первый залп при активной деятельности всего экипажа. На сентябрьских учениях Морских сил с авиацией экипаж крейсера продемонстрировал отличную подготовку. Наблюдавший за учениями представитель Морских сил страны Э.С. Панцержанский после блестящей ночной швартовки крейсера

сказал Кузнецову: «Браво, кэптен!»

В один из последних походов за границу турецкая пресса отметила: «Русские, очевидно, хорошо знают наши проливы, если сумели ночью самостоятельно пройти через Босфор». Речь шла о «Червоной Украине», которую Кузнецов, выполняя приказ командования, ночью провел через пролив и доставил в Севастополь [16] .

За время командования кораблями моряк ни разу не был в отпуске, а когда представилась возможность отдохнуть в академии, он выпросился в плавание на торгово-пассажирском судне в Кильскую бухту, Гамбург, Гулль и Лондон. Навсегда командование крейсером осталось первой его любовью.

В августе 1936 года Кузнецова срочно вызвали в Москву. Предстояла поездка в Испанию. Моряка назначили на незнакомую ему должность военно-морского атташе. До Испании он добирался через Германию и Францию, увидел разгул германского фашизма.

О деятельности Николая Герасимовича в Испании можно судить по его книге «На далеком меридиане», в которой он рассказывал о работе своей и своих помощников по повышению боеспособности республиканского флота [17] .

Первоначально Кузнецов – военно-морской атташе. Не имея возможности вмешиваться, он только наблюдал за состоянием испанского флота, поражался своеобразному подходу моряков к дисциплине, отмечал слабую подготовку команд. Испанский язык не входил в число известных ему. Пришлось осваивать язык и добиваться доверия. После того как атташе участвовал с испанским флотом в опасном боевом походе к Бискайе и флот вернулся в Средиземное море, его назначили главным военно-морским советником.

Приходилось делать немало. Основной задачей стало охранение грузовых судов, которые из СССР доставляли грузы для Испанской республики. Так как Франко располагал эскадрой и в любой момент мог получить поддержку германского и итальянского флотов, следовало приводить в боеспособное состояние республиканский флот. Необходимо было учить морскому делу и порядку корабельной службы командиров, выдвинутых из матросов, отучать от расхлябанности и недисциплинированности массу моряков, приводить в порядок техническую часть флота. В частности, пришлось восстанавливать формуляры на торпеды, уничтоженные вражьей рукой. При этом Кузнецов и прибывавшие в его распоряжение опытные советские моряки должны были действовать не приказами, а советами и личным примером. Дон Николас, как называли главного

советника в Испании, добился уважения умением, тактом и мужеством, что испанцы особенно ценили.

Уже в 1937 году республиканский флот при помощи советских советников добился первых успехов. В бою с крейсером «Либертад» получил повреждения новейший крейсер мятежников «Балеарес»; через полгода его потопили торпеды с республиканского миноносца.

Кузнецову приходилось много ездить по портам, налаживая боевую службу, организовывая прием «игреков» (судов с военными грузами). Его называли «альмиранте», хотя адмиральского чина моряк еще не имел. Один из советников позднее вспоминал, что авторитет главного советника был так велик, что при упоминании его имени самые несговорчивые заявляли: «Не надо говорить с альмиранте, я подумаю, все будет сделано» [18] .

Имел авторитет Кузнецов и у противника. Испанский генерал Кейпо де Льяно грозил смести с лица земли Картахену, через которую шли танки и самолеты, действовавшие против франкистов. Когда испанские самолеты в ходе ночной атаки добились попадания в немецкий линкор «Дойчланд», генерал по радио обвинял «альмиранте Кузнецова» в том, что тот явился главным виновником провала блокады республики.

Отозвали Кузнецова осенью 1937 года, за заслуги наградили орденами Ленина и Красного Знамени. На должности, требовавшей не только знаний, но и дипломатического искусства, моряк пользовался уважением и своих товарищей, и испанцев. Он получил опыт организации операций против германских фашистов и представление о значении флота, авиации и подводных лодок в современной войне. Значительно позднее флотоводец оценивал значение командировки: «Во время этой войны мы, советские моряки, приобрели немалый опыт, ясно представили себе роль авиации в любых операциях флота, необходимость воздушного прикрытия его сил в базах, убедились, как важно, чтобы авиация, призванная действовать с флотом, организационно входила в его состав, была с ним под единым командованием и повседневно обучалась действовать на море. Наконец мы воочию увидели, насколько быстротечны события в современной войне, особенно в ее начале, как внезапным ударом можно повлиять на весь ход войны. Это заставило серьезно думать о постоянной боевой готовности нашего советского флота» [19] .

Кузнецов считал, что не следует слишком быстро отзывать советников, которым требовалось немало времени на освоение. Однако новые энергичные люди требовались и в СССР. После

многочисленных арестов среди высшего командования в 1937 году освободились должности разных уровней. Одну из них предстояло занять Кузнецову. Он не пробыл в санатории положенного месяца: уже через неделю моряка вызвали в Москву и сообщили о назначении на Тихоокеанский флот (ТОФ).

С августа 1937 года Кузнецов – первый заместитель командующего Тихоокеанским флотом в звании капитана 1-го ранга. Затем его произвели в флагманы 2-го ранга и назначили вскоре командующим [20] . Командовал он ТОФ с 10 января 1938 по 28 апреля 1939 года [21] .

К тому времени флот еще создавали. По Северному морскому пути в 1936 году перевели два нефтяных эсминца. Торпедные катера и малые подводные лодки перевозили по железной дороге, минные заградители и тральщики переоборудовали из мирных судов. Кораблестроение на Дальнем Востоке только начиналось. Требовались огромные средства и усилия, чтобы построить базы, гарнизоны, освоить и изучить Тихоокеанский театр.

Кузнецов не имел опыта командования соединением. Тем не менее он учился на ходу. Не засиживаясь в кабинете, молодой флагман бывал в частях и на кораблях, объехал огромное пространство Дальнего Востока, вникал в суть службы, добивался от командиров досконального знания театра военных действий и противника.

В отличие от других флотов на Тихом океане учились плавать круглогодично, несмотря на тяжелые климатические условия. Именно здесь ставили рекорды автономности для подводных лодок и пересматривали нормы мореходности малых судов. В условиях, когда могла неожиданно вспыхнуть война, моряки не прекращали службу никогда. Учитывая недостаток надводных кораблей, которым часто приходилось выступать в роли вспомогательных судов, основную силу составляли береговая оборона, авиация и подводные лодки. Последние нередко выводили в море за ледоколами.

Особое значение на Дальнем Востоке имело взаимодействие с сухопутными войсками. Маршал В.К. Блюхер, командовавший Отдельной краснознаменной Дальневосточной армией (ОКДВА), был главнокомандующим на Дальнем Востоке, которому оперативно подчинялся флот. Видимо, присматривавшийся к молодому флагману маршал и рекомендовал его на пост командующего. В беседах с Кузнецовым он высказывал свои мысли о совместной деятельности сухопутных и морских сил. Зная соотношение сил ТОФ и Японии, Блюхер ставил морякам выполнимую задачу – охранять фланги, оборонять побережье и готовиться к защите Владивостока. Одновременно он

рекомендовал активнее использовать подводные лодки и авиацию для действий против противника в море. Значительно позднее адмирал писал: «Опыт Великой Отечественной войны показал, насколько был прав талантливый полководец. В войне нет ничего более необходимого и более сложного, чем взаимодействие всех родов оружия и видов Вооруженных Сил. Чтобы правильно распределять между ними задачи, согласовывать планы совместных действий, надо еще в мирную пору много поработать. Во время учений некоторые оперативные ошибки еще можно исправить. Иное дело в боевых условиях; здесь каждый промах в организации взаимодействия грозит тяжелыми последствиями» [22] .

В период двухнедельного конфликта на озере Хасан, когда возникла опасность для Владивостока, Кузнецов изыскивал способы действия сил флота во взаимодействии с наземными войсками. На позициях были развернуты подводные лодки; на север, где баз не было, отправили подводные минные заградители серии «Л» с плавбазой «Саратов». Малые суда перевозили войска, грузы для армии, участвовали в боевых действиях.

В ходе боевых действий, ожидая воздушный налет на Владивосток, командующий организовал полномасштабные учения по затемнению, которые выявили недостатки готовности базы и флота. Вопрос готовности к нападению надолго стал важнейшим для Кузнецова. Так как флот – это не только корабли, но и многочисленные береговые организации, верфи и т. п., потребовалось обеспечить всеобщую их готовность на случай войны. Уже с начала 1938 года Кузнецов организовал тренировки «Тыловое обеспечение боевых операций». В штабе флота начальник штаба Б.Л. Богденко и начальник оперативного отдела М.С. Клевенский разрабатывали систему ступенчатой готовности флота, которая со временем приобрела общефлотский характер [23] .

На Тихом океане отрабатывали первые подледные плавания, подводники осваивали прием погружения лодок от налета авиации на стоянке.

Как командующий, Кузнецов стал членом Главного военного совета ВМФ, но редко ездил в Москву, чтобы не терять месяц на дорогу. Контр-адмирал привык к Тихоокеанскому флоту, привез жену во Владивосток. Однако весной 1939 года он получил новое назначение.

Умение Кузнецова наладить боевую подготовку флота и управлять его силами в трудных условиях было замечено в столице. 28 марта И.В. Сталин предложил флагману 2-го ранга работу в Москве. На следующий день Главный военный совет РК

ВМФ решил освободить наркома ВМФ М.П. Фриновского (не моряка, бывшего заместителя наркома НКВД) от должности и сменить его первого заместителя флагмана 2-го ранга П.И. Смирнова Н.Г. Кузнецовым. С марта 1939 года Кузнецов был заместителем наркома ВМФ. С апреля 1939 года он уже оказался на посту наркома. Так как и Смирнова, и Фриновского арестовали, принимать дела было не у кого. Сразу пришлось действовать самостоятельно [24] .

Уже в первый день руководства наркоматом Кузнецов потребовал от подчиненных жить жизнью флота и знать все о нем в своей сфере деятельности, уменьшить бюрократическую переписку. Флагман не стеснялся делать выговор опытному моряку Н.Н. Несвицкому за то, что на учениях Балтийского флота осенью 1939 года линейные корабли шли без противолодочного зигзага. Он ограничил число отпускников и кораблей в ремонте зимой; остальным следовало плавать и учиться. На всех флотах развернулась борьба за первый залп. Кузнецов распорядился воссоздать на кораблях кают-компании как место отдыха и воспитания командиров. На совещаниях он поддерживал дух свободного обсуждения. Нарком записал как-то, что объединяет людей не здание, а единство цели, стремление каждого внести свой вклад [25] .

Так получилось, что моряку досталась нелегкая ноша подготовки к войне с Германией, которую он считал неизбежной, и руководство флотом в ходе самой тяжелой из войн истории.

Не хватало специалистов после репрессий 30-х годов. Не существовало документа, регламентировавшего взаимоотношения Наркоматов обороны и ВМФ. Строили немало кораблей, однако основные средства шли на линкоры и крейсера, тогда как мало уделяли внимания противолодочным и тральным силам, зенитной обороне кораблей. Система базирования и организация флота отставали от роста его численности. Потому 25 июля 1940 года, представляя трехлетний план кораблестроения (1940–1942), Кузнецов направил И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.А. Жданову и К.Е. Ворошилову доклад, в котором отметил несбалансированность в развитии сил флота. Лишь 19 октября 1940 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР решили пересмотреть программу в пользу легких сил. Однако до начала войны устранить диспропорции не удалось [26] .

Предполагали создать в 40-х годах сбалансированный флот, но не успели. Об этом Кузнецов писал в статье, вышедшей уже после смерти: «Главный морской штаб… считал тогда, что война начнется не так скоро, и документы готовил с расчетом на «большой флот», понимая под этим готовность многих военно-

морских баз, окончание строительства береговой обороны и наличие на театрах сбалансированных флотов (то есть на рациональное соотношение разных кораблей – вплоть до авианосцев, подводных лодок, тральщиков» [27] .

Лучше получилось с повышением боевой готовности флотов. Еще на Тихом океане флагман продумывал систему, позволяющую флоту всегда быть в готовности к нападению. Уже через несколько месяцев после вступления в должность он ввел в действие трехстепенную систему оперативной готовности флота [28] . По этой системе готовность № 3 предусматривала поддержание обычной службы при готовности к войне. При готовности № 2 корабли принимали все запасы, увольнение сокращали до минимума. По готовности № 1 все корабли и части были готовы немедленно действовать.

Позднее Кузнецов сам признавался, что основной трудностью на первом этапе работы наркомом явился трепет перед авторитетами. Не всегда удавалось отстоять свои взгляды. В частности, не удалось доказать, что приграничная Либава годится лишь как операционная база. Тем не менее нарком добился разрешения перевести оттуда линкор, а затем, за месяц до войны, и весь отряд легких сил в Рижский залив. Слишком поздно руководство страны пришло к выводу, что необходимо, прекратив постройку линейных кораблей, направить средства на более нужные легкие силы. Со временем, получив опыт, Кузнецов все чаще спорил по кардинальным вопросам развития флота, даже если его возражения вызывали недовольство самого И.В. Сталина.

Кузнецов в качестве наркома ВМФ участвовал в переговорах с представителями Англии и Франции. Он был искренне уверен, что при конструктивном подходе государства могли выступить единым фронтом против фашизма. Заключенный с Германией договор о ненападении он считал только средством получить отсрочку, необходимую для перевооружения, и был уверен, что Гитлер непременно нападет на Советский Союз. К этому он и готовил флот.

В конце 1940 года вступило в силу Временное наставление по ведению морских операций. В декабре 1940 года под руководством Кузнецова были проведены сборы высшего комсостава ВМФ, посвященные изучению опыта первого года мировой войны в Европе и войны с Финляндией. В результате были определены недостатки и выработаны пути их исправления.

На расширенном Главном военном совете ВМФ под председательством Кузнецова выступил с анализом современного состояния военно-морского дела по опыту первого года мировой войны адмирал И.С. Исаков. Он сменил на посту начальника

Главного морского штаба Л.М. Галлера. Кузнецов, считая себя из-за особенностей прохождения службы недостаточно подготовленным штабистом, полагал необходимым в качестве поддержки опираться на теоретически подготовленного начальника ГМШ [29] .

В феврале 1941 года Кузнецов приказал увеличить состав боевого ядра флота и издал директиву о разработке оперативного плана войны против Германии и ее союзников. В апреле-июне 1941 года проводили учения и проверки хода ремонта кораблей, постройки новых баз, аэродромов, фактической готовности флота к переходу на оперативную готовность № 1. Любые недостатки в оперативной готовности кораблей, частей и соединений флота нарком считал чрезвычайным происшествием и приказывал сурово наказывать виновных. Приказ этот вышел 5 июня 1941 года. В ближайшие дни обстановка еще более обострилась. Исходя из поступавших сведений о сосредоточении неприятельских войск у границ, нарком ВМФ по собственной инициативе перевел флоты 18–19 июня на оперативную готовность № 2, а в ночь на 22 июня – на оперативную готовность № 1 [30] . Командующих флотами конфиденциально предупредили о возможности войны.

В 1.12 22 июня узел связи Наркомата ВМФ передал следующую директиву Кузнецова Военным советам КБФ, СФ, ЧФ, командующим Пинской и Дунайской флотилиями: «В течение 22.6/23.6 возможно внезапное нападение немцев. Нападение немцев может начаться с провокационных действий. Наша задача не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать осложнения. Одновременно флотам и флотилиям быть в полной боевой готовности, встретить возможный удар немцев и их союзников. Приказываю: перейдя на оперативную готовность № 1, тщательно маскировать повышенную боевую готовность. Ведение разведки в чужих территориальных водах категорически запрещаю. Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить» [31] .

Все эти меры позволили флотам ВМФ СССР встретить нападение 22 июня 1941 года во всеоружии. От первых налетов гитлеровской авиации на военно-морские базы потерь не было.

В 3.15 22 июня Н.Г. Кузнецову позвонил командующий Черноморским флотом Ф.С. Октябрьский и сообщил о налете германской авиации на Севастополь. Вскоре последовали звонки с других флотов. Стало ясно: война началась [32] .

Гитлеровцы, вторгаясь в СССР, рассчитывали на внезапность. Прорвав слабую оборону на границе, они крупными танковыми группировками направились в глубь страны. Массу советских

самолетов и другой техники уничтожали на местах стоянок ударами с воздуха. Потеря складов вооружения и боеприпасов в приграничной зоне затруднила мобилизацию.

Положение на флотах в начале войны оказалось лучше. Благодаря отработанной системе боевой готовности моряки вовремя и во всеоружии встретили первое нападение. По планам развертывания флоты ставили минные заграждения, начинали мобилизацию, развертывали дозоры. В море на патрулирование выходили надводные корабли и подводные лодки. Донесения с флотов за первый день войны свидетельствовали: моряки выдержали экзамен. На Черном море зенитным огнем отбили попытку неприятельской авиации перекрыть фарватер магнитными минами. На Севере день прошел относительно спокойно, и Кузнецов запретил затрагивать территорию Финляндии, атакуя аэродромы противника лишь в Норвегии. Дунайская флотилия ответила огнем на обстрел неприятеля. На Балтике сброшенные у Кронштадта мины заметили, и их начали тралить. Единственно беспокоило положение Либавы. На базу двигался неприятель, а взаимодействие с сухопутными войсками еще не отладили. Нарком ВМФ позднее писал: «…никто не мог предугадать, как сложится с началом военных действий обстановка на фронтах. А без ее учета нельзя было планировать дальнейшие крупные операции. Тогда мы впервые на деле почувствовали подчиненную роль Военно-Морского Флота общим стратегическим планам Вооруженных Сил, ощутили необходимость координации действий с сухопутным командованием. Пока что оба военных наркома самостоятельно разбирались в обстановке, и каждый по своему усмотрению реагировал на нее. Но уже на второй день войны была создана Ставка Главного Командования во главе с Наркомом обороны Маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко» [33] .

Позднее в не опубликованной при его жизни рукописи Н.Г. Кузнецов отмечал: «Накануне войны у нас не было четкой военной доктрины, а потому не могло быть и четко сформулированных задач флоту, не была определена и его роль в системе Вооруженных сил. Без этого нельзя было приступить к разработке конкретных задач флотам» [34] .

До начала боевых действий в руководстве вооруженных сил считали, что война для Красной армии будет наступательной. Соответствующие задачи имели и флоты, которым, по предвоенным планам, следовало бороться с флотами противника. Так как высшее военное командование не верило в способности флота решать оперативно-стратегические задачи, в мирное время не было налажено взаимодействие сухопутных и морских сил. В

реальности оказалось, что основная задача флотов и флотилий – именно поддержка войск, ведущих боевые действия, да еще в условиях отступлений. Однако первые годы войны ни Генеральный штаб, ни командующие фронтами не ставили Главный морской штаб в известность о планируемых с подчиненными им морскими силами операциях [35] . Такое положение вещей затрудняло взаимодействие флотов и флотилий с сухопутными войсками.

Любопытно отношение к флоту в высшем звене военного руководства. Если в Ставке Главного Командования Вооруженных сил СССР нарком ВМФ присутствовал, то в составе образованной 10 июля Ставки Верховного Командования во главе с И.В. Сталиным ни одного моряка не было. Не вошел Кузнецов и в состав Ставки Верховного Главнокомандования, созданной 8 августа, когда Сталина назначили Верховным главнокомандующим. Наркома ВМФ включили в состав Ставки только 17 февраля 1945 года [36] .

Нападение Германии на Советский Союз сразу изменило расстановку сил в мире. Уже 22 июня премьер-министр Великобритании У. Черчилль заявил о поддержке СССР в войне. 24 июня президент США Ф.Д. Рузвельт, несмотря на то что страна еще не вступила в войну, обещал предоставить «всю возможную помощь». Со временем обещания вылились в поставки вооружения и продовольствия по ленд-лизу. 12 июля Кузнецова вызвали в Кремль на церемонию подписания англо-советского соглашения, которое предусматривало совместные действия и содержало обязательства не заключать сепаратного мира. Не раз нарком встречался с английским морским представителем контр-адмиралом Дж. Майлсом. Два моряка быстро нашли общий язык. После первого же разговора Майлс обещал доложить в адмиралтейство о проблемах обеспечения морских перевозок между двумя странами. Позднее Англия и СССР обменивались информацией о современном вооружении. В конце июля 1941 года прибыл специальный представитель президента США Гарри Гопкинс. Он вел переговоры со Сталиным, в которых участвовал и нарком ВМФ. Обсуждали вопросы о том, какие грузы должны поступить из Америки для фронта и промышленности. Гопкинс был уверен, что Соединенным Штатам предстоит вступить в войну. Он являлся сторонником активизации английских действий в Европе. Улетев в Лондон, Гопкинс организовал Московскую конференцию трех стран (Англии, США и СССР) в сентябре-октябре 1941 года, на которой были решены важные вопросы совместных действий и помощи Советскому Союзу снабжением [37] .

Но помощь союзников начала поступать позднее. Теперь же приходилось рассчитывать только на свои силы. Как и в Финской кампании, война для флота явилась несколько иной, чем планировали. В Главном морском штабе ожидали, что противник будет высаживать морские и воздушные десанты. Однако Германия, не располагавшая большим флотом, сберегала его для войны с Англией и США и поставила целью брать военно-морские базы с суши. Потому основной задачей ВМФ СССР стало взаимодействие с армией и авиацией. Кроме того, флот выполнял типичные для него задачи: действия на неприятельских коммуникациях силами подводных лодок и легких сил, постановку минных заграждений и траление поставленных неприятелем мин, перевозки войск и грузов. Но и в этих типичных для морских сил действиях возникли проблемы, в первую очередь на Балтийском море.

Еще за два дня до начала войны германские и финские суда начали постановку минных заграждений на вероятных путях движения советских кораблей. На позиции вышли подводные лодки. Активность противника заметили, но ее причины до начала боевых действий оказались неясны. Уже 23 июня на минах подорвались эсминец «Гневный» и крейсер «Максим Горький»; первый затонул, а крейсер потребовал длительного ремонта [38] .

Так как для обеспечения защиты от минной опасности требовалась сотня быстроходных тральщиков, а налицо состояло лишь двадцать, в первые же дни командование Балтийского флота приказало подобрать в Ленинграде все пригодное для траления, не исключая речных колесных буксиров. Слабой оказалась зенитная оборона. Недостаток сторожевых кораблей пришлось компенсировать даже весьма дефицитными тральщиками [39] .

Наиболее острое положение возникло в районе Либавы (Лиепаи). Атаку неприятельской авиации защитники базы успешно отбили, в ответ самолеты Балтийского флота нанесли удар по Мемелю (Клайпеде). С утра 22 июня подводные лодки вышли на позиции, надводные корабли начали ставить минные заграждения. Часть кораблей отправили в тыл. Однако неприятельские сухопутные войска быстро прошли дорогу от границы до города. Неотмобилизованная 67-я стрелковая дивизия и флотские подразделения сдерживали натиск противника, не позволив взять Либаву с ходу. До войны Н.Г. Кузнецов говорил с командующим Прибалтийским военным округом об обороне Либавы и Риги с суши, но тот был уверен, что немцы так далеко не пройдут. Неподготовленность сказалась. 25 июня неприятель прорвался к судостроительному заводу. Пришлось взорвать

стоявшие на ремонте корабли и склады. Остатки защитников продолжали вести бои в окружении еще пять дней. В примечаниях к книге «На флотах боевая тревога» Николай Герасимович самокритично отмечал:

«Уже после войны я слышал замечания о нецелесообразности создания военно-морской базы в Либаве. Мне представляется, что основная ошибка заключается не в этом. В Либаве следовало иметь военно-морскую базу лишь для временного базирования небольших сил. Строительство же Либавской военно-морской базы не было увязано с планами сухопутного командования, и поэтому она оказалась плохо прикрытой с суши.

Бесспорной ошибкой Наркомата ВМФ нужно признать развертывание в Либаве военно-морского училища противовоздушной обороны, за что мы и поплатились» [40] .

В начале войны морская авиация обнаруживала в море неприятельские конвои с грузами для войск, продвигавшихся к Риге, а потом и далее, на Псков и Таллин. Однако не всегда было возможно выслать в море специально подготовленную минно-торпедную авиацию. Ее самолеты использовали для поддержки сухопутных войск. Когда В.Ф. Трибуц сообщал в Москву о ненормальности положения, из Наркомата ВМФ он получил указание: «Таллин, Ханко и острова Эзель и Даго удерживать до последней возможности». Удары по конвоям наносили теми силами и средствами, которые были под рукой. Оказалось, что опробованные на довоенных учениях согласованные действия авиации, подводных лодок и надводных кораблей в боевых условиях осуществлять не удавалось. Следовало учиться в боях уже без упрощений мирного времени [41] .

К счастью, германский флот слабо поддерживал действия сухопутных войск. Правда, в конце сентября в Або-Аландский район прибыли линкор «Тирпиц», тяжелый крейсер и несколько легких крейсеров. Крейсера стояли и в Либаве. Но этой морской группировке поставили иную задачу: не позволить прорваться кораблям Балтийского флота после захвата Ленинграда и Кронштадта в Северное море. Так крупные корабли германского флота и простояли на Балтике в бездействии.

Отмечая, что люди блестяще выдержали тяжелые испытания 1941 года, когда пришлось отходить от границы до Ленинграда, оставляя после героической обороны свои базы, Кузнецов писал, что в отличие от довоенных планов флоту пришлось заниматься делами сухопутными, к которым ранее готовились мало: «Конечно, если бы войска фашистской Германии были остановлены на наших границах, немецкому флоту пришлось бы действовать активнее. Тогда пригодились бы все варианты наших

довоенных оперативных планов. Недостаточная же подготовленность к началу войны театра военных действий, неожиданное направление вражеских ударов подчас приводили нас к ряду ошибок в борьбе за свои районы и базы, а иногда ставили в исключительно тяжелое положение. Так, в конце июня, когда была захвачена Рига, кораблям отряда легких сил пришлось базироваться на не приспособленные для этого бухты, а затем отходить мелководным фарватером через Моонзунд. И все же командование Балтийского флота сумело под носом у противника углубить моонзундский фарватер и вывести через него крейсер «Киров» и многие другие корабли и суда. На поверку вышло, что гитлеровцы раньше времени прокричали о том, что им удалось «запереть большие силы красных в Рижском заливе» [42] .

К началу июля выявилась угроза Таллину. Главком Северо-Западного направления К.Е. Ворошилов приказал командованию Балтфлота выставить засаду сухопутных частей южнее Таллина, вести разведку и лишние корабли отправить на восток. Не располагая войсками, В.Ф. Трибуц мог выставить в качестве заслона лишь небольшие флотские подразделения. Не оставалось времени строить укрепления, ибо со стороны Риги уже двигались на Таллин войска противника. В воспоминаниях Н.Г. Кузнецов сокрушался, что не пришло в голову решение стянуть для обороны столицы Эстонии всю 8-ю армию. Однако в Наркомате ВМФ твердо решили оставить флагманский командный пункт именно в Таллине, ибо только оттуда можно было управлять гарнизонами на Ханко и на островах. Решение поддержал и Сталин, сказав: «Таллин нужно оборонять всеми силами». За лето удалось построить три линии обороны, основанные на заброшенных укреплениях времен Первой мировой войны. Части 10-го стрелкового корпуса, боевые корабли, береговая артиллерия, зенитная артиллерия и авиация флота остановили продвижение противника и заставили его подтянуть подкрепления. 19 августа неприятель перешел в наступление на первый оборонительный рубеж. Несмотря на значительные потери от огня корабельной и береговой артиллерии, гитлеровцы решительно продвигались вперед. 25–27 августа бои шли на последней линии обороны. В этой ситуации 26 августа Кузнецов получил разрешение Ставки вывести корабли и войска для обороны Ленинграда [43] .

Переход прикрывали две подводные лодки южнее Хельсинки и морская авиация (от Кронштадта до острова Гогланд). Боевые корабли распределили на три отряда, которым предстояло прикрывать переход четырех конвоев на определенных участках маршрута. После полудня войска, оборонявшие Таллин, перешли

в наступление, оттеснив противника местами до нескольких километров, и вернулись в Таллин для погрузки. Корабли и суда вышли на рейд утром 28 августа. Отход войск и посадку на суда прикрывала корабельная и береговая артиллерия. На переходе неприятельские самолеты и торпедные катера наносили удары по судам конвоев. Но главную опасность представляли мины. После подрыва нескольких кораблей и судов В.Ф. Трибуц приказал до рассвета встать на якоря. Днем 29 августа отряд главных сил прибыл в Кронштадт. За ним постепенно подходили конвои. Всего на переходе из 195 кораблей, транспортов и вспомогательных судов погибло 53, в основном от мин. Из 23 тысяч бойцов на дно ушли 4 тысячи, однако боевое ядро флота и большая часть войск прибыли к цели и влились в оборону Ленинграда. В сентябре-октябре после упорной защиты были оставлены острова Моонзундского архипелага, на которые гитлеровцы осуществили несколько высадок десанта.

Ханко оставался последним пунктом, далеко оторванным от главных сил. Несмотря на сложное положение в полуокружении, защитники полуострова не только отбивали нападения противника, но и сами один за другим захватывали десантами окружающие островки. Держался и островок Осмуссар с сильными береговыми батареями. Лишь в конце ноября организовали вывоз войск с Ханко. К 2 декабря в Ленинград было переброшено более 22 тысяч из 27 тысяч защитников. В октябре и ноябре эвакуировали также 10 тысяч человек с Гогланда, Бьёркё и других островов Финского залива [44] .

В общем, на приморских направлениях основным результатом действия флота явилась оборона портов и островов, задерживавшая на дни, недели и месяцы наступление противника и сорвавшая замысел «молниеносной» войны. Моряки приковали значительные силы неприятеля в критический период обороны Ленинграда. Именно потому Н.Г. Кузнецов уже 29 июня требовал оборонять как Моонзундский архипелаг, так и Ханко до последней возможности.

Среди неудач и отступлений следует отметить успешную деятельность морской авиации Балтийского флота, которая наносила удары по портам противника и ставила мины в его водах. Наиболее примечательным событием явилась бомбардировка Берлина. Она была задумана как ответ на первую бомбежку Москвы в конце июля. Рассчитали, что если самолеты с бомбовой нагрузкой пятьсот килограммов поднимутся с острова Эзель, то смогут пройти 900 километров до столицы Германии за три с лишним часа и вернуться. После проверок Кузнецов доложил Ставке, и Сталин утвердил предложение, но назначил

наркома ВМФ ответственным за выполнение операции. Потребовалось время, чтобы 15 самолетов ДБ-3 перебросить на Эзель, завезти необходимые запасы горючего и авиабомб. В ночь на 8 августа после предварительной разведки бомбардировщики дошли до цели и сбросили бомбы. В Германии считали, что налет совершили англичане, однако английское радио сообщило, что 7–8 августа английская авиация на Берлин не летала. Всего за десять налетов на столицу Германии было сброшено 311 бомб, замечены 32 пожара. Сталин предложил брать на борт по две пятисоткилограммовые авиабомбы. Доводы Кузнецова, что самолеты со старыми моторами не способны выполнить такую задачу, он признал неубедительными. Однако попытки взлета с грузом в тонну кончились аварией двух самолетов, и более Сталин на повышении бомбовой нагрузки не настаивал [45] .

В середине августа Кузнецов хотел выехать на Балтийский флот, но задержало наступление неприятеля под Одессой. Только в конце месяца он получил разрешение Ставки Верховного Главнокомандования. В Ленинграде нарком ВМФ осмотрел только что отремонтированный крейсер «Максим Горький». В то время формировали первые морские отряды для боев на суше. Часть экипажа крейсера могла пойти на фронт, однако не было оружия (винтовки передали ленинградскому народному ополчению). На кораблях даже начали изготавливать ножи и сабли. Тогда еще никто не знал, что балтийцам придется послать на берег свыше 125 тысяч человек, сформированных в семь бригад и другие подразделения. 30 августа Кузнецов побывал в Кронштадте и выслушал отчет о Таллинском переходе, 31 августа он прибыл на форт Красная Горка. Так как 8-я армия отступала, оборону у форта занимали моряки, но им недоставало оружия. Наркому пришлось дать разрешение отбирать оружие у неорганизованно отходивших бойцов. В дальнейшем моряки с помощью береговой и корабельной артиллерии удержали форт и плацдарм у Ораниенбаума, оказали большую помощь в обороне и наступлении. Можно считать, что именно артиллерия флота явилась основной силой, которая преградила неприятелю путь к Ленинграду.

В начале сентября германские войска у Ивановских порогов вышли к Неве. Кузнецов узнал об этом от женщины, позвонившей по городскому телефону в Смольный. На другом берегу реки строили береговые батареи моряки. Они и начинали борьбу с неприятелем, остававшимся за Невой до конца блокады. Вскоре морякам пришлось создавать Невскую морскую укрепленную позицию, высаживать десанты под Шлиссельбург [46] .

Город оставался в критическом положении. Корабельная

артиллерия составила основную огневую силу обороны. Гитлеровцы в сентябре бросили значительные силы авиации, которые тяжело повредили линкор «Марат»; имели повреждения и другие корабли. Когда после возвращения Кузнецов встретился со Сталиным, тот, выслушав доклад об обстановке, сказал, что положение исключительно серьезное, и приказал: «Составьте телеграмму командующему и отдайте приказание, чтобы все было подготовлено на случай уничтожения кораблей». Уже с конца августа на флоте готовили предварительный план минирования кораблей. Но решение о начале минирования было слишком серьезным. Николай Герасимович ответил, что его авторитета будет недостаточно, ибо флот подчинен Ленинградскому фронту и нужна подпись самого Верховного главнокомандующего. Сталин предложил подписать документ у начальника Генерального штаба, но и Б.М. Шапошников не решился. Он с Кузнецовым принес подготовленную телеграмму Сталину, однако тот телеграмму не подписал и оставил у себя. Позднее Николаю Герасимовичу пришлось напомнить о ней, когда в Москву пришла телеграмма, обвинявшая В.Ф. Трибуца в паникерстве и преждевременном минировании кораблей [47] .

О том, какое международное значение имела судьба Балтийского флота, свидетельствуют обязательство англичан возместить ущерб в случае уничтожения его кораблей, и ответ Сталина, что ущерб должна возместить Германия [48] .

В начале октября германское наступление поставило под угрозу столицу СССР. В первой половине месяца нарком ВМФ в соответствии с постановлением ГКО приказал выделить с флотов 35–40 тысяч моряков для формирования 25 морских стрелковых бригад. Он также приказал сформировать для обороны Москвы 5–6 бригад из состава моряков Тихоокеанского флота и Амурской флотилии. Подготовленный им проект решения ГКО был утвержден на заседании 18 октября 1941 года. Узнав о начале эвакуации Наркомата обороны, Кузнецов побывал в Ставке и получил указание вывезти Наркомат ВМФ, оставив в Москве минимум людей. Нарком отдал распоряжение перевести управления наркомата в Куйбышев и Ульяновск. Пришлось выехать на Волгу и Н.Г. Кузнецову, чтобы добиться помещений для эвакуированных работников штаба и узла связи. После возвращения он прибыл в почти пустое здание наркомата, где оставался Л.М. Галлер [49] .

Для обороны Москвы использовали все возможные силы. Участвовали в ней и моряки. Еще в июне по запросу Генерального штаба Наркомат ВМФ начал формировать Особую артиллерийскую группу ВМФ из двух артиллерийских

дивизионов с орудиями калибром 100–152 миллиметров. Они были развернуты под Вязьмой и Ржевом и погибли в октябрьских боях. 23 октября нарком ВМФ приказал образовать в подчинении командующего войсками Московской зоны обороны первый морской отдельный отряд моряков, составленный из батальона охраны Наркомата ВМФ, батальона Московского флотского экипажа, гвардейского флотского дивизиона «катюш» и дивизиона противотанковых орудий. Такие сравнительно небольшие силы имели огромное значение, ибо Г.К. Жуков рассказывал, что для прикрытия опасных направлений набирал бойцов батальонами, ротами и даже десятками [50] .

Вскоре под Москву прибыло несколько морских стрелковых бригад, укомплектованных преимущественно моряками, во главе с командирами, имевшими опыт командования на суше. Кузнецов вспоминал, что, несмотря на то что после боев и пополнения из других родов войск моряков оставалось немного, морские традиции в бригадах сохранялись. Благодаря совместным усилиям удалось остановить наступление немцев на Москву, а 5–6 декабря началось контрнаступление, в котором участвовали и морские бригады. Моряков отличало то, что они в атаке расстегивали ворот гимнастерки, чтобы были видны тельняшки.

Северный флот в 1941 году главным образом помогал сухопутным войскам защитить Мурманск. 29 июня 1941 года 19-й немецкий горнострелковый корпус вторгся с финской территории. Германское командование планировало овладеть Кировской железной дорогой, Мурманском, Полярным и всем бассейном Белого моря до Архангельска включительно, а также Карелией. Для этого были сосредоточены превосходящие силы немецких и финских войск и авиации. Участие кораблей флота в операции не предполагали. Однако 14-я армия при поддержке Северного флота не позволила гитлеровцам осуществить свои намерения [51] .

Северный флот имел 8 эсминцев, 15 подводных лодок и ни одного более крупного корабля. В ходе мобилизации его численность возросла лишь за счет вооруженных мирных судов. Тем не менее роль североморцев в обороне подступов к Мурманску оказалась значительно больше, чем роль германского флота в поддержке наступления. Моряки огнем артиллерии и высадками десантов сорвали замыслы противника.

Советское командование рассчитывало на помощь английского флота в Варангер-фьорде, по которому проходили основные коммуникации германской группировки под Мурманском. 30 июля английская авиация с авианосцев нанесла удар по Киркенесу и Петсамо, на север прибыли две подводные лодки и

несколько тральщиков для обеспечения проводки конвоев. Но помощь союзники ограничили преимущественно поставками. Осенью 1941 года, после Московской конференции трех союзных держав, началось движение конвоев по Баренцеву морю в незамерзающий Мурманск. Путь этот пролегал в зоне действий германских подводных лодок и авиации, действовавших с баз в Норвегии. Требовалось организовать обеспечение безопасности перевозок. Потому в октябре 1941 года Кузнецова вызвал Сталин и поручил спешно отправиться на Северный флот, чтобы выяснить, все ли подготовлено для встречи конвоев. Нарком выехал в Архангельск, где с А.Г. Головко обсудил, какие силы выделить для обеспечения проводки конвоев и каков должен быть порядок взаимодействия с англичанами, как в осенне-зимнее время использовать Архангельский порт. В этот период неприятель еще не организовал борьбы с конвоями, и транспорты осенними ночами прибывали к цели почти без потерь.

Если другие флоты только оборонялись, Черноморский флот и Дунайская флотилия в начале войны даже переходили в наступление. Первоначально флот действовал традиционно. Входы в базы прикрыли минными заграждениями. Подводные лодки вышли на патрулирование к неприятельским берегам. Морская авиация наносила удары по объектам в Румынии. Основными целями стали нефтяные месторождения в Плоешти и порт Констанца, через который вывозили нефть в Германию. Обстрел Констанцы осуществили и надводные корабли. Дунайская флотилия, отразив нападение, сама высадила десант на румынский берег. Командование ожидало от неприятеля высадки крупного воздушного десанта в Крыму по образцу захвата Крита. И действительно, Гитлер в приказе от 21 августа объявил одной из важнейших целей наступления на юге захват Крыма с его аэродромами. Однако задачу эту решали силами сухопутных войск.

Первые недели, пока неприятельские войска двигались сравнительно далеко, основными оставались традиционные вопросы. Подрыв на магнитных минах эсминца «Быстрый» и других судов вызвал необходимость изучить устройство этих мин и найти средства для борьбы с ними. Сотрудничество моряков с учеными позволило разработать магнитные тралы, а также ввести систему размагничивания для боевых кораблей.

22 июня 1941 года нарком ВМФ Кузнецов предписал ставить минные заграждения перед черноморскими портами. Это требование вытекало из того, что в Москве опасались появления на Черном море итальянского флота или нападений румынских и германских кораблей с целью выставить мины на подступах к

портам. Мины, выставленные за июнь – июль, стали причиной затруднения для отечественного судоходства, на них погибло несколько кораблей и судов.

Сам Кузнецов считал, что потери на своих минных полях происходили из-за плохой организации переходов судов и слабой подготовки лоцманов [52] . В одной из книг своих мемуаров он писал, отвечая тем, кто критиковал минные постановки у черноморских портов при отсутствии опасности от неприятельских флотов:

«Бесспорно одно: минировать нужно продуманно. Следует помнить, что мины – угроза не только противнику, но и своим кораблям, что рано или поздно их придется тралить, что штормы срывают их и тогда они носятся по воле волн.

Я и теперь придерживаюсь мнения, что с оперативной точки зрения постановка оборонительных минных заграждений около своих баз не только на Черном море, но и на Дальнем Востоке была правильной. По идее своей минные поля не могут представлять сколько-нибудь серьезной опасности для плавания и в то же время дают почти полную гарантию командованию от появления в этих местах ночью или в тумане кораблей противника… Постановка минных полей, конечно, требовала ходить строго по фарватерам.

Считать применение такого мощного оборонительного оружия, как мины, неправильным лишь из-за того, что с ним прибавилось забот, – значило бы признавать свое неумение обращаться с ним» [53] .

Тогда же, в июне-июле 1941 года, по данным разведки, на Черное море прибыли 10–12 итальянских подводных лодок и ожидали появления итальянских надводных кораблей и судов с десантом. Сообщали и о деятельности на Черном море германских подводных лодок. Поэтому, кроме минных постановок, Черноморскому флоту пришлось организовать патрулирование подступов к важнейшим портам. 7 июля нарком ВМФ, опираясь на данные разведки, даже приказал выставить в Керченском проливе сети, чтобы неприятельские подлодки не прошли в Азовское море. Разведданные, поступавшие в Москву из Севастополя, дезориентировали командование ВМФ. Ожидали высадку морского и воздушного десанта. 13 июля Кузнецов предупредил Военный совет Черноморского флота о возможных активных действиях противника на Черном море. Он писал, что «…оборона побережья на ближайшие дни должна считаться основной задачей Черноморского флота» [54] . Только позднее стало известно, что неприятель в 1941 году не собирался действовать на море, а добивался победы сухопутными войсками

и авиацией.

Обстрел Констанцы, который проводили под огнем неприятельских батарей на минных полях два лидера эсминцев, привел к гибели одного из них и повреждению второго. Позднее Кузнецов отмечал, что следовало по опыту предвоенных учений обстреливать цели на берегу дальнобойной артиллерией крейсеров из-за пределов минного поля. Так и действовали далее [55] .

Несмотря на то что Черноморский флот по мощи превосходил все морские силы его противников на театре, он оказался в сложном положении из-за того, что к обороне баз с сухопутного направления черноморцы готовились мало.

В первые же дни войны командующий Одесской военно-морской базой контр-адмирал Г.В. Жуков получил приказ немедленно строить оборону со стороны берега. До того защитой Одессы служили минные заграждения, береговые батареи и корабли. 19 июля Ставка Верховного Командования преобразовала Приморскую группу войск, которая все еще удерживала государственную границу, в Приморскую армию. Командующий армией Г.П. Софронов получил задачу от Г.К. Жукова: «Положение на Южном фронте трудное. Не исключено, что этой армии придется, увязывая свои действия с Черноморским флотом, остаться в тылу противника. Конкретно – в районе Одессы. Одессу нам нужно удержать, не дать врагу использовать ее как свою базу на Черном море». В тот же день армия начала отход с боями к Днестру и удерживала этот рубеж до конца июля. 26 июля Кузнецов направил в адрес Военного совета Черноморского флота телеграмму с требованием удерживать Одессу до последней возможности, а также готовить береговые батареи к стрельбе по суше и учить их взаимодействовать с авиацией и кораблями.

15 августа войска оставили Николаев, в котором были собраны Дунайская флотилия и недостроенные боевые корабли. Их пришлось уводить своим ходом или на буксире в порты Азовского моря, а потом на Кавказ.

Когда противник прорвал фронт и отрезал Приморскую армию, та отошла на передовые рубежи под Одессой. 5 августа началась 73-дневная оборона. Захват Одессы гитлеровцы возложили на 4-ю румынскую армию, составлявшую половину вооруженных сил Румынии. Однако эта задача оказалась румынам не по силам, и 24 сентября румынский диктатор И. Антонеску обратился к Гитлеру с просьбой поддержать его войсками и авиацией.

В воспоминаниях, возвращаясь к Одессе, Н.Г. Кузнецов считал

ее примером «тесного взаимодействия вооруженных сил»: «Можно с уверенностью сказать, что Приморская армия не удержала бы Одессу столько времени без моряков, но и сравнительно малочисленные флотские части тоже не смогли бы заполнить всю линию обороны и долго защищать город. Я не говорю уже о том, что значили в те дни боеприпасы и продовольствие, которые доставляли сражавшимся черноморцы…» [56]

Первоначально существовало два командования: Отдельной Приморской армии, подчиненной Южному фронту, и командования Одесской военно-морской базы. Даже когда в начале августа Приморская армия была отрезана от главных сил Южного фронта и Кузнецов предложил назначить руководителем обороны командира военно-морской базы Г.В. Жукова, решение не приняли. Лишь 19 августа, после того как вновь Кузнецов предложил объединить командование, решили организовать Одесский оборонительный район (ООР) под руководством контр-адмирала Жукова. В его подчинении оказались и Приморская армия, и военно-морская база. Благодаря такой структуре город получал всемерную помощь флота. Корабли поддерживали огнем действия сухопутных войск, перевозили подкрепления, с них высадили десант под Григорьевкой 22 сентября. Своевременно принятые меры помешали противнику захватить город и в августе, и в сентябре 1941 года. Одесса могла продолжать оборону. Однако появилась угроза Крыму и Севастополю.

Угроза Крыму возникла уже 12 сентября 1941 года, когда морская батарея у Перекопа сделала первые выстрелы по войскам 11-й армии неприятеля. Главную базу флота с моря обороняли береговые батареи и минные заграждения. Сухопутную оборону города начали строить только летом 1941 года. В сентябре были готовы сотни дотов, дзотов и окопов, но для их обороны следовало иметь 10 тысяч человек. Флот мог выделить половину. Севастополю требовались сухопутные войска. Именно такие обстрелянные войска и могла предоставить Приморская армия. 29 сентября Ставка приняла решение оставить Одессу. В тот же день Кузнецов передал Военному совету Черноморского флота приказ приготовиться к эвакуации, 30 сентября послал телеграмму с рядом практических указаний, основанных на опыте Таллинского прорыва. Так как приказ поступил заблаговременно, эвакуация прошла удивительно спокойно и незаметно. Почти без потерь последним рейсом вывезли более 30 тысяч войск прикрытия. Кузнецов вспоминал: «Войска отошли настолько скрытно, что, когда последний эшелон уже вышел из порта, румыны все еще боялись двинуться к городу» [57] .

Пока Приморская армия не прибыла, частям 51-й армии,

занимавшим оборону на Перекопском перешейке, флот предоставил зенитную и береговую артиллерию, поддержку авиации и Азовской флотилии, 7-ю бригаду морской пехоты. Так как моряки играли большую роль в Крыму, в трудный период Ставка назначила командующим войсками Крыма заместителя наркома ВМФ вице-адмирала Т.П. Левченко. Но исправить критическую ситуацию не удалось. Кузнецов сетовал: «Перечитывая документы того периода, относящиеся к обороне Крыма, я снова и снова прихожу к выводу, что мне, как Наркому ВМФ, надлежало более настойчиво ставить перед правительством вопрос об организации единого командования в Крыму на случай войны» [58] .

Когда войска 11-й немецкой армии прорвали Ишуньские позиции, 51-я армия отступила на Керченский полуостров под давлением противника, который старался отрезать пути отхода советских войск. 28 октября командующий Черноморским флотом Ф.С. Октябрьский отбыл на Кавказ, чтобы готовить базы для перевода кораблей. Приморская армия еще двигалась к Севастополю. Так как наличных сил на позициях (около 12 тысяч человек) оказалось недостаточно, пришлось сформировать батальоны на базе училищ и эвакуированных гарнизонов Евпатории и Тендры.

30 октября береговая батарея № 54 открыла огонь по немецкой танковой колонне. Началась оборона города. В ноябре неприятель наступал на Севастополь, но его отражали защитники. Постепенно к городу прибывали измотанные войска Приморской армии. Несколько дней потребовалось на переформирование. 9 ноября оборона была организована. Левченко назначил командовать Севастопольским оборонительным районом командующего Приморской армией И.Е. Петрова, хотя командующий флотом Ф.С. Октябрьский уже прибыл в главную базу. В начале ноября вице-адмирал Октябрьский получил разрешение Главного морского штаба и наркома ВМФ перевести все силы, не нужные для обороны Севастополя, на Кавказ. Но Октябрьский 4 ноября послал Сталину и Кузнецову телеграмму, в которой официально предлагал перенести командный пункт в Туапсе, оставив руководителем обороны Севастополя Г.В. Жукова. 6 ноября в телеграмме Сталину он сообщал, что вывел основные силы флота из Севастополя. В тот же день поступила телеграмма Левченко об организации Севастопольского и Керченского направлений; на обоих направлениях командование он передал армии и считал допустимым, чтобы Военный совет флота руководил с кавказского побережья.

Кузнецов выступил против смены командования перед штурмом главной базы; он считал, что только командующий флотом способен руководить обороной Севастополя, и послал соответствующую телеграмму в Генеральный штаб. Б.М. Шапошников согласился с ним. 7 ноября завизированный им и Кузнецовым проект директивы был подписан Сталиным и направлен на имя Левченко. В соответствии с директивой Левченко следовало оставаться в Керчи, а руководство обороной Севастополем возлагали на Ф.С. Октябрьского, которому следовало иметь в Туапсе начальника штаба флота. Главной задачей флота стала активная оборона Севастополя и Керченского полуострова, чтобы связать силы неприятеля и не позволить ему переправить войска на Таманский полуостров. Старым крейсерам и эсминцам следовало действовать под Севастополем и в Феодосийском заливе для поддержки сухопутных войск. В помощь армии было разрешено использовать линкор, новые крейсера и Азовскую флотилию. Большую часть авиации следовало перевести на аэродромы Северо-Кавказского военного округа и действовать с них по целям в Крыму. Предстояло эвакуировать из Севастополя и Керчи все лишнее для обороны. Сам нарком ВМФ 7 ноября послал телеграмму Военному совету Черноморского флота с призывом защищать упорно главную базу флота [59] .

В своих воспоминаниях Н.Г. Кузнецов особо остановился на боязни командующих различными флотами потерять дорогостоящие корабли. В результате такой боязни противник получал преимущество, активно используя свои силы. Потому Николай Герасимович считал вполне правильным рисковать линкором и крейсерами для обороны Севастополя, тогда важнейшей задачи. Разумеется, следовало использовать их разумно. Крейсер «Червона Украина» погиб от налета германской авиации после того, как несколько дней стоял на одном месте в бухте, тогда как другие корабли, появлявшиеся в Севастополе для обстрела и сразу уходившие в море, не получали заметных повреждений от действия авиации. Кузнецов писал: «…Мне представлялось правильным артиллерийские корабли уводить в последнюю очередь, хотя их и могла уничтожить авиация противника. Впоследствии, когда военные годы остались позади и оборона Севастополя стала историей, а опытом уже было проверено, как в свое время нужна была корабельная артиллерия для защиты побережья Кавказа, приходилось выслушивать по этому поводу критику в свой адрес. Но я и теперь считаю, что действовал правильно» [60] .

11 ноября 11-я немецкая армия предприняла решительный

штурм Севастополя. Защитники при поддержке с моря успешно выдержали натиск, и 21 ноября штурм прекратился. Противник не смог взять город с ходу и приступил к осаде.

В ходе кампании 1941 года потребовалось широко использовать для взаимодействия с сухопутными войсками флотилии, как те, что существовали до войны, так и заново организованные.

В ноябре 1941 года Кузнецов побывал в Архангельске. Кроме проблемы защиты союзных конвоев на переходе, потребовалось прикрывать грузы в портах Мурманске и Архангельске от германских атак с воздуха. Рано наступавшая зима потребовала срочно приготовить ледоколы. Этим занималась Беломорская военная флотилия, обеспечивавшая перевозки на севере.

Кроме Беломорской, в 1941 году действовало еще несколько военных флотилий. Одной из первых потребовалось восстановить Ладожскую военную флотилию, которую расформировали после заключения мирного договора с Финляндией. Первоначально флотилия взаимодействовала с сухопутными войсками, а с 12 сентября, когда начались перевозки для блокированного Ленинграда по Ладожскому озеру, основной задачей моряков стало поддержание Дороги жизни, как эту трассу, проходившую летом по воде, а зимой – по льду, называли ленинградцы. Только с 12 сентября по 1 декабря по ней перевезли 40 тысяч человек и более 60 тысяч тонн грузов. Уже налаживали ледовую трассу, а суда продолжали пробиваться сквозь замерзающие воды озера. Несмотря на обстрелы артиллерии и атаки авиации, несмотря на потери, моряки Ладожской флотилии выполняли свой долг. Суда флотилии в ноябре перебросили войска, которые позволили восстановить фронт у Волховстроя. Важность трассы оказалась такова, что ее действия проходили под контролем Ставки, а начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников в октябре 1941 года передал Кузнецову слова Сталина, что необходимо увеличить перевозки и уменьшить потери [61] .

С 7 августа до начала осеннего ледостава действовала Онежская военная флотилия, сформированная для поддержки сухопутных войск. Дунайская флотилия оказалась единственной, которая не только не отступала в первые дни войны, но даже перешла в наступление. После отхода с Дуная флотилия не исчезла, ее ядро послужило основой для Азовской флотилии.

Особенно сложно оказалось воевать морякам Пинской военной флотилии. Она была в 1939 году преобразована из Днепровской, когда границу переместили на запад после присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии. По предложению Наркомата ВМФ речные корабли передвинули ближе к новой

границе, а командование флотилии расположили в Пинске. Киев, который являлся прежней базой, считали тыловым городом. Морякам флотилии пришлось принять бой на стыке групп германских армий «Юг» и «Центр». Зачастую из-за ненадежной связи моряки флотилии под командованием Д.Д. Рогачева действовали самостоятельно, поддерживая части Красной армии. Последние бои флотилия вела 15–19 сентября под Киевом, в окружении. 5 октября Н.Г. Кузнецов с горечью подписал приказ о расформировании флотилии. Но ее личный состав продолжил борьбу. Расстреляв снаряды, моряки взорвали корабли, воевали на суше; часть их через линию фронта вернулась на флот [62] .

Дальний Восток располагался вдали от линии фронта. Однако Тихоокеанский флот оставался в боевой готовности. Договор о нейтралитете с Японией, подписанный 13 апреля 1941 года, не мог служить гарантией безопасности, как и договор о ненападении с Германией. Только необходимость нанести поражение США и овладеть источниками природных ресурсов в Юго-Восточной Азии сдерживала японцев; на Советский Союз они планировали напасть после успешного завершения войны на Тихом океане. 8 декабря 1941 года Япония объявила о закрытии для мирного судоходства проливов Лаперуза, Сангарского и Корейского, которые она объявила «морскими оборонительными зонами». Японцы топили и захватывали советские суда. Поэтому тихоокеанцам следовало быть начеку. Кузнецову удалось добиться у правительства разрешения поставить минные заграждения; постановки у Владивостока и других военно-морских баз начали только после 12 июля. Минные постановки не привели к политическим осложнениям: Япония готовилась воевать против США. А командованию Тихоокеанского флота было спокойнее укрываться за минно-артиллерийскими позициями.

Нападение японцев на Пёрл-Харбор заставило США вступить в войну. Однако первоначально это мало повлияло на советско-германскую войну, да и опасность со стороны Японии хотя и ослабела, но не исчезла совсем.

По-прежнему в Европе Красная армия вела войну против гитлеровцев в одиночку. Но к новому году положение на фронтах было стабилизировано. Под Москвой германские войска отбросили далеко на запад. На Балтике с помощью флота возникла прочная оборона Ленинграда. На Севере удалось остановить наступление на Мурманск. Переоценив успехи и возможности, Ставка Верховного Главнокомандования сама решила перейти в наступление. Первой целью для флота стал Керченский полуостров.

Нарком ВМФ узнал о том, что намечено вторжение войск Закавказского фронта на Керченский полуостров, только в 20-х числах ноября. Главный морской штаб немедленно приступил к расчетам. Времени на подготовку оказалось недостаточно, но командование Закавказского фронта, Черноморского флота и Азовской флотилии подготовило план, утвержденный 7 декабря Ставкой. Кроме высадок десантов у Керчи и у горы Опук, по предложению флота наметили десант в порту Феодосии [63] .

17 декабря гитлеровцы предприняли решительный штурм Севастополя. Защитникам при поддержке флота удалось остановить неприятельский натиск. Потребовалось отвлечь часть сил от десанта у Керчи и Феодосии для помощи Севастополю. Поэтому высадку пришлось проводить по частям: 26 декабря на северное и восточное побережье и у горы Опук, а 29 декабря – в Феодосии. В результате решительных действий войска 44-й армии освободили Феодосию, а 51-я армия оттеснила противника с Керченского полуострова. Командованию германских войск пришлось прекратить второй штурм Севастополя и перебросить подкрепления под Керчь. Н.Г. Кузнецов высоко оценил значение Керченско-Феодосийской десантной операции. Однако без резервов возможности развить успешную высадку не оказалось. Противник, подтянув войска, в январских боях вернул Феодосию и потеснил части 51-й армии. Кузнецов писал в мемуарах: «…Об этом поучительном примере полезно вспомнить. Внезапный захват города с моря – дело великое, но он далеко еще не венчает выполнения всего задуманного плана. Опыт показывает: удержать захваченный подобным образом город или район побережья иногда бывает не легче, чем занять» [64] .

Новый 1942 год Н.Г. Кузнецов встречал дома с женой, которая приехала из Куйбышева, и командующим ВВС Красной армии П.Ф. Жигаревым. Оба военачальника поздравили с Новым годом Сталина. Все были уверены, что впереди год перемен. Сталин в беседе с Г. Гопкинсом, специальным представителем президента США, назвал победу под Москвой началом коренного перелома в войне. Николай Герасимович, как и другие советские люди, был уверен, что Красная армия перейдет в наступление, и в первую очередь войска, высаженные на Керченском полуострове, смогут деблокировать Севастополь и освободить Крым. К началу года восстановили работу государственного аппарата. Главный морской штаб уверенно управлял действиями флота и готовил планы участия флота в намеченных наступательных операциях [65] .

Однако у гитлеровского командования оказались прямо противоположные планы: как можно быстрее овладеть

Севастополем, чтобы без помех развернуть наступление на юге. В результате не Красная армия, а германские войска весной 1942 года перешли в наступление, и пришлось от планов наступательных перейти к планированию обороны. Позднее Николай Герасимович писал: «События 1942 года показали, что при более осторожной и точной оценке сил противника, учете нехватки техники в нашей армии в начале 1942 года и уровня подготовки войск нам следовало планировать наступательные операции в более скромных масштабах и тщательнее готовиться к тому, чтобы измотать врага в оборонительных боях, если он предпримет наступление. Чего бывает достаточно для обороны, может оказаться мало на случай наступления! Переход Красной Армии к обороне летом 1942 года совершался в обстановке, не выгодной для нас, при значительном превосходстве сил противника. Потребовались огромные усилия, чтобы остановить его, разгромить под Сталинградом и вынудить к отступлению на других участках фронта. Возможности наших Вооруженных Сил в то время были еще недостаточными, чтобы вести стратегическую оборону и одновременно проводить крупные наступления» [66] .

В январе-феврале 1942 года германская авиация наносила такие удары по транспортам, идущим в Севастополь, что пришлось доставлять грузы и пополнения в осажденный город на боевых кораблях. К этому времени возникли проблемы с управлением действиями флота, ибо штаб находился на Кавказе, а командующий Черноморским флотом – в Севастополе. В начале марта Н.Г. Кузнецов доложил лично Сталину о необходимости назначить руководителем обороны Главной базы человека, знакомого со спецификой флота, и предложил направить командующим Севастопольским оборонительным районом генерала С.И. Кабанова, ранее руководившего обороной Ханко. Верховный главнокомандующий уклонился от ответа. В начале апреля начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников предложил кандидатуру И.Е. Петрова. В конце апреля Ф.С. Октябрьский на вопрос Кузнецова, согласен ли он, что во главе СОР должен быть моряк, после раздумий ответил отрицательно. И позднее этот вопрос вызывал споры. В воспоминаниях Н.Г. Кузнецов отмечал, что общевойсковой начальник может командовать обороной морской базы, если большая часть действий происходит на суше. Так было на Ханко. В Одессе руководство оставалось за моряками. Кузнецов делал вывод, что успех зависел от личных качеств военачальника, а не от рода войск, к которому он принадлежал [67] .

23 апреля 1942 года Кузнецов вылетел в Краснодар с С.М. Буденным, которого назначили главкомом Северо-Кавказского

направления. Прибывший на следующий день Ф.С. Октябрьский доложил о состоянии Черноморского флота. По его мнению, Севастополь должен был устоять, и командующий просил лишь не отвлекать значительные силы Приморской армии для наступления на Симферополь. Побывав в Новороссийске, нарком с Буденным 27 апреля вылетел на Керченский полуостров. Командовавший войсками генерал-лейтенант Д.Т. Козлов доложил о состоянии дел, но вскоре в разговор вмешался представитель Ставки Л.З. Мехлис. Он полностью отрицал возможность успешного наступления немцев и отхода наших войск. К этому времени уже дважды была изменена дата наступления в Крыму. Не хватало транспортных средств, медленно шла разгрузка [68] .

Пока продолжалась подготовка, противник сам перешел в наступление на Керченском полуострове. Кузнецов узнал об этом 8 мая в Поти. Немедленно нарком вылетел на гидросамолете в Новороссийск, затем выехал в Краснодар. Член Военного совета Северо-Кавказского направления адмирал И.С. Исаков сообщил ему, что части 11-й германской армии стараются ликвидировать Керченский плацдарм, чтобы повернуть все силы на Севастополь. Сталин 11 мая через Шапошникова вызвал Кузнецова в Москву. Он приказал Буденному и Исакову выехать на Керченский полуостров. Подступы к плацдарму не были укреплены так, как в Севастополе, и штабу пришлось укрыться в каменоломнях. Так как войска не имели резервов, они не смогли долго сопротивляться натиску противника. Сразу же после прибытия в Керчь после совещания с командующим фронтом Д.Т. Козловым, Мехлисом и другими было принято решение прекратить перевозки грузов для Крымского фронта, весь свободный тоннаж с конвоем из катеров и тральщиков направить в Керчь, немедленно начать эвакуацию тяжелой артиллерии. Исаков распорядился выслать все суда, находившиеся поблизости, вне зависимости от ведомственной принадлежности. 19 мая через Керченский пролив переправили последние части из 120 тысяч эвакуированных войск. Однако в Аджимушкайских каменоломнях до октября 1942 года продолжали сражаться тысячи бойцов [69] .

Ожидали, что противник сразу постарается форсировать Керченский пролив и вторгнется на Таманский полуостров. Однако немецкое командование решило сначала окончательно овладеть Крымом. 7 июня начался третий штурм Севастополя. Неприятель располагал большим превосходством в силе и технике. Перед наступлением неприятельская авиация и артиллерия пять дней наносили удары по позициям защитников. Несмотря на такую подготовку, гитлеровцы не могли первые дни

заметно продвинуться. Захваченные ими пункты севастопольцы отбивали в контратаках, восстанавливали разрушенные укрепления.

Севастопольская авиация действовала под огнем артиллерии и бомбежками. Неприятельские торпедные катера и самолеты блокировали Севастополь с моря. В результате значительных потерь в судах грузы и пополнения доставляли на боевых кораблях, потом пришлось ограничиться доставкой самого необходимого на быстроходных кораблях, самолетах и даже подводных лодках. Флот мог принять на свои аэродромы сотню самолетов, перевезти танки, но их недоставало: начиналось наступление неприятеля в направлении Сталинграда. О трудностях с вооружением свидетельствует телеграмма Н.Г. Кузнецова в Ставку с просьбой выслать 5 тысяч винтовок для моряков [70] .

30 июня Кузнецов получил телеграмму Ф.С. Октябрьского о том, что в Севастополе идут уличные бои и более 2–3 дней продержаться невозможно. Нарком ВМФ связался по телефону со Сталиным и получил его разрешение на эвакуацию. 1 июля Военный совет Черноморского флота вылетел в Новороссийск с последнего аэродрома. Однако до 12 июля не имевшие возможности эвакуироваться защитники Главной базы продолжали вести бои [71] .

Позднее И.С. Исаков сказал в разговоре Н.Г. Кузнецову, что, если бы эвакуацию продумали и подготовили заранее, вероятно, удалось бы спасти больше людей и ценностей. Однако возможно ли было в условиях того времени заранее ставить вопрос о подготовке эвакуации, когда следовало драться до последней возможности? Только героическая оборона смогла удержать надолго 11-ю германскую армию в Крыму и не позволить использовать ее при наступлении на Кавказ и к Волге. А это сыграло важную роль в крушении гитлеровских планов [72] .

В условиях господства противника в воздухе невозможно оказалось повторить тот вариант, который получился в Одессе. К моменту эвакуации из Одессы защитники еще далеко не исчерпали возможности обороны. Севастопольцы обратились с телеграммой именно тогда, когда дальнейшую борьбу продолжать стало невозможно. Они выполнили приказ драться до последнего. Возможности прикрыть эвакуацию у них не оставалось. Поэтому спастись и добраться до Кавказа удалось немногим.

После взятия Севастополя германские войска развернули наступление на Кавказ и Сталинград. Важнейшими целями для них стали Новороссийск и Туапсе – порты, необходимые для

снабжения. Однако здесь гитлеровцев ждало разочарование. Несмотря на то что германская авиация еще с весны бомбила Новороссийск (один из этих налетов видел сам Кузнецов 26 апреля 1942 года), неприятель не заставил отказаться от использования порта. Неудачные бои на Керченском полуострове побудили Ставку принять меры к обороне Таманского полуострова и подступов к Новороссийску и Туапсе. И хотя неприятель не форсировал пролив вслед за отступившими войсками Крымского фронта, укрепления пригодились в августе, когда встала угроза Кавказу. Сталин сказал Кузнецову: «Немцы не должны завладеть Новороссийском». 17 августа был создан Новороссийский оборонительный район (НОР), а в конце месяца ему уже пришлось принять натиск противника. Город защищали совместно войска армии и моряки. Ценой больших потерь гитлеровцам удалось взять почти весь город, но советские войска удержали берег Цемесской бухты на окраине Новороссийска. Артиллерия простреливала акваторию. Из-за этого противнику так и не удалось воспользоваться портом. Туапсе гитлеровцам вообще не удалось взять. Их остановили на Гойтхском перевале [73] .

На Севере фронт стабилизировался. Более того, для отвлечения внимания противника от проведения наступательных операций на других участках фронта, в первую очередь в Крыму, наметили провести небольшое наступление: силами 14-й армии прорвать фронт на рубеже реки Большая Лица и двинуться на запад. Для содействия наступлению 28 апреля высадили десант на мысе Пикшуев, который занял значительный плацдарм. Однако 14-я армия не смогла продвинуться, и десанту пришлось перейти к обороне. Флот продолжал артиллерийским огнем кораблей и береговых батарей поддерживать сухопутные войска [74] .

Так как оборону Полярного и Кольского заливов Ставка возложила по предложению Наркомата ВМФ на Северный флот, в конце июля 1942 года организовали Северный оборонительный район под командованием генерал-лейтенанта береговой службы С.И. Кабанова. Организация СОР способствовала улучшению взаимодействия с 14-й армией. Линия фронта практически не менялась. Это позволило флоту заниматься традиционными задачами.

Одной из важнейших явилась борьба по пресечению коммуникаций противника. В условиях бездорожья грузы и подкрепления германским войскам можно было подвозить только морем. Для борьбы с судоходством использовали в первую очередь подводные лодки, сведенные в бригаду из четырех

дивизионов во главе с опытными командирами. Подводники, действуя вдоль широкой полосы побережья, вынуждали противника распылять противолодочные силы. Они не только патрулировали на позиции в море, но и прорывались в неприятельские базы. Подводные лодки Северного флота пользовались торпедным оружием, ставили мины на фарватерах, которыми ходили вражеские суда, а при необходимости использовали и корабельную артиллерию. Подводные лодки Д-3, К-22, М-171, М-174 первыми в советском ВМФ получили звания гвардейских. Наряду с подводниками на коммуникациях противника действовали торпедные катера, эсминцы, а также авиация. Уже к зиме 1941/42 года неприятель почувствовал необходимость защищать свои перевозки. С декабря он начал минные постановки, чтобы преградить путь подводным лодкам к судоходным путям. Суда стали идти под прикрытием кораблей и авиации. В результате советские подводники, в 1941 году не имевшие потерь, за 1942 год лишились девяти подводных лодок [75] .

Зимой 1941/42 года германское командование перевело на Север линкор «Тирпиц» и другие крупные корабли, увеличило до 520 число самолетов. Однако вырос и состав Северного флота за счет кораблей и самолетов, переброшенных с других флотов. Соотношение сил менялось в пользу Северного флота. Все было сделано, чтобы флот мог выполнять наиболее важную теперь задачу – обеспечение проводки конвоев. Кроме внутренних конвоев, позволявших доставлять необходимые грузы в заполярные порты Сибири, предстояло охранять конвои, прибывавшие из-за границы с военными грузами.

1942 год стал началом массовых перевозок военных грузов союзников через северные моря. В этот период Кузнецову не раз приходилось разговаривать с английскими и американскими морскими представителями. Все чаще разговоры касались конвоев. Для обеспечения их переходов в Архангельске и Мурманске работали английские и американские представители.

Конвои 1941–1943 годов формировали в портах Лох-Ю, Скапа-Флоу (Англия) и Рейкьявик (Исландия). В 1942 году численность судов в конвоях доходила до сорока. Конвои шли мимо островов Ян-Майен и Медвежий в Мурманск и Архангельск. Корабли от эсминца и ниже осуществляли круговое охранение судов от нападения подводных лодок и авиации. Ближнее прикрытие от надводных кораблей противника осуществлял обычно отряд крейсеров. При необходимости защитить конвой от нападения крупных кораблей неприятеля создавали отряд дальнего прикрытия из крейсеров, линкоров и авианосцев.

Союзники обеспечивали переход до подступов к советским портам. Осенью 1942 года была установлена разграничительная линия по меридиану 18 (позднее 20) градусов, за которой лежала зона ответственности Северного флота. Командование флота самостоятельно решало конкретные вопросы движения конвоев с отделениями английской морской миссии в Полярном и Архангельске; те имели свои радиостанции и сообщали советскому командованию о выходе и перемещении конвоя [76] .

С наступлением весны и полярного дня потери возросли до 10 процентов состава судов, тем более что гитлеровцы, понявшие, что блицкриг не получился, выделили значительные силы для борьбы с северными конвоями. Черчилль считал, что необходимо прервать отправку конвоев до наступления полярной ночи. Под его влиянием британское адмиралтейство пыталось прекратить посылать суда. Кузнецову не раз приходилось сообщать в Ставку Верховного Главнокомандования о таких попытках. Он же готовил проекты телеграмм советскому представителю в Англии или непосредственно Черчиллю.

Скандальный случай произошел летом 1942 года с конвоем PQ-17. 34 транспорта с охранением оставили Исландию 27 июня. Отряд адмирала Гамильтона из 4 крейсеров и 3 эсминцев прикрывал конвой от надводных кораблей. Для дополнительного прикрытия конвоя сосредоточили линкоры «Дюк оф Йорк» и «Вашингтон», авианосец «Викториес», 2 крейсера и 14 эсминцев адмирала Д. Тови. Советские подводные лодки развернули в линию на случай выхода «Тирпица» в море. Сил было достаточно даже на случай появления мощного германского линкора. Более того, существовал замысел заманить «Тирпиц» под удар линейных кораблей и авианосной авиации. Однако начальник английского морского штаба адмирал Д. Паунд не хотел рисковать крупными кораблями. Он запретил эскадре Тови заходить восточнее Медвежьего острова. Узнав о выходе в море «Тирпица», Паунд приказал силам прикрытия отойти на запад. Гамильтон перестарался и отозвал корабли непосредственного охранения конвоя. Позднее стало известно, что «Тирпиц» с прикрытием был обнаружен английской авиацией и советской подводной лодкой К-21, которая выпустила четыре торпеды. Германское командование приказало эскадре возвращаться. Но конвой оставался без прикрытия. В итоге тихоходные транспорты попали под удары подводных лодок и авиации. Погибло 24 судна. Уменьшить потери удалось лишь после вступления конвоя в зону действия Северного флота. Кузнецов заключил описание гибели конвоя: «Крупные потери транспортов в конвое PQ-17 не раз потом были предметом официальных и частных разговоров. Как я

уже отмечал, наши союзники имели все основания не уклоняться от встречи с «Тирпицем» и, если потребуется, принять бой. Во время таких разговоров вспоминались и случаи оставления отдельных транспортов без достаточного прикрытия, имевшие место и в нашем флоте. Конечно, подходя к делу с чисто военной стороны, надо сказать, что обстоятельства иногда заставляют жертвовать отдельными кораблями, как транспортными, так и боевыми, чтобы не понести еще больших потерь. Но нельзя сбрасывать со счетов моральную сторону вопроса. Мы всегда придерживались принципа – не оставлять в беде товарищей по плаванию, особенно если они не вооружены» [77] .

Гибель конвоя PQ-17 вызвала понятное недовольство Сталина, которому Кузнецов доложил, что у англичан не было оснований оставлять конвой без охранения. Черчилль же воспользовался этим эпизодом, чтобы прекратить движение конвоев до осени, и предлагал увеличить поставки через Иран. Однако как раз в это время Советский Союз вел тяжелые бои с наступавшими германскими войсками и нуждался в притоке военных материалов. Поэтому 23 июля Сталин заявил в письме Черчиллю протест, он писал о том, что наша страна несет гораздо более тяжелые потери. Черчиллю пришлось реагировать. 31 июля прибыло письмо, в котором премьер-министр сообщал о том, что очередной конвой из 40 судов будет отправлен в начале сентября, но предупредил о возможных потерях двух третей судов [78] .

Конвой PQ-18 вышел из Исландии только 7 сентября. В английской зоне обеспечения он потерял 13 транспортов, в советской – только 1. Тем не менее британское адмиралтейство отказалось посылать конвои, и по предложению советского командования перевозки производили одиночные транспорты, шедшие без охранения. С октября 1942 по февраль 1943 года из 40 одиночных судов погибло 6 союзных и 4 советских транспорта [79] .

В конце 1942 года Кузнецов получил разрешение вновь побывать на Северном флоте. Он увидел, что флот основательно приготовился к борьбе с неприятелем. Командные пункты укрыли в скалах. Скалы служили маскировкой и некоторой защитой стоявшим у них кораблям. Полярная ночь способствовала проводке конвоев. Однако льды в Архангельске и неприятельские бомбардировки с воздуха Мурманска затрудняли разгрузку судов. В годы войны потребовалось организовать и конвойную службу для судов, переходивших из порта в порт у северных берегов Советского Союза. Перевозками в Арктике руководил уполномоченный Государственного Комитета Обороны и начальник Главсевморпути контр-адмирал И.Д. Папанин,

известный полярник. Он не раз обращался за помощью к флоту. К весне 1942 года Беломорскую флотилию пополнили кораблями; для проводки судов в Карском море существовал отряд Карского моря из кораблей, береговых батарей и самолетов. Уже в начале войны Папанин просил у Кузнецова несколько пушек для защиты острова Диксон. В 1942 году эти пушки пригодились.

24 августа старший офицер английской военной миссии в Архангельске сообщил, что германский линейный корабль («карманный линкор») «Адмирал Шеер» вышел из Норвегии в неизвестном направлении. Позднее выяснили, что командование противника решило нанести удар по советским конвоям в Карском море. Гитлеровцы рассчитывали уничтожить несколько транспортов с ценными грузами и весь ледокольный флот. Операция «Вундерланд» началась с выхода в море подводных лодок, за ними последовал 16 августа линкор. Он прошел в Карское море. Перехватить конвой, шедший с востока, не удалось. Тогда командир «Адмирала Шеера» решил истребить суда в проливе Вилькицкого. Однако 25 августа линкор столкнулся в море с ледокольным пароходом «Сибиряков». «Адмирал Шеер» быстро потопил пароход, пытавшийся сопротивляться, но радист успел сообщить на Диксон, что его преследует военный корабль. Сразу же в боевую готовность привели все базы в Арктике. Когда германский линкор появился перед Диксоном, его встретили огнем береговое орудие и малые пушки сторожевого корабля «Дежнев». Получив несколько попаданий, немцы отказались от высадки десанта и вернулись в базу. Операция «Вундерланд» провалилась: неприятелю не удалось прервать движение по Северному морскому пути и даже нанести заметный ущерб. Больше потерь нанесли минные постановки противника, проведенные в 1942 году у Кольского залива, в Белом море, на подступах к Архангельску и в Арктике. В первый период войны было потеряно в Арктике 7 транспортов, 7 кораблей охранения и 10 вспомогательных судов. Но принятые меры позволили не допустить более значительных потерь [80] .

На Балтике в 1942 году флот содействовал сухопутным войскам в обороне Ленинграда. Кузнецов вспоминал, что корабельная артиллерия и береговые батареи из морских орудий, в том числе и снятые с крейсера «Аврора» пушки, прикрывали город с суши, зенитная артиллерия и истребители – с воздуха. Много моряков воевало на суше. Главным образом моряки при поддержке артиллерии флота удерживали Ораниенбаумский плацдарм, с которого позднее началось освобождение города.

Гитлеровцы постарались запереть и уничтожить Балтийский флот. Весной 1942 года несколько авиационных налетов

германской авиации на Кронштадт и Ленинград имели целью именно боевые корабли. Однако потери оказались сравнительно невелики, и большая часть кораблей продолжала действовать в целях обороны города. Не сыграли в полной мере в 1942 году свою роль и минные заграждения в Финском заливе, и минные постановки перед Кронштадтом с самолетов. Подводные лодки летом 1942 года с потерями, но прорывались сквозь минные заграждения в воды Балтийского моря. Немецкое командование недоумевало, какие подлодки топят его суда, пока не выяснилось, что подводники выходят из Кронштадта. Ущерб неприятельскому судоходству наносила и авиация Балтийского флота; бомбардировщики и торпедоносцы сделали тысячи вылетов в «крейсерство», уничтожая транспорты [81] .

Азовская флотилия в 1942 году главным образом содействовала сухопутным войскам на берегах Азовского моря, участвовала в Керченско-Феодосийской операции. После потери Крыма и продвижения неприятеля на юг к концу августа флотилия покинула Азовское море, и ее силы подкрепили Черноморский флот в борьбе за Кавказ.

Ладожская флотилия зимой 1941/42 года готовилась к весенней навигации, которая началась в мае и продолжалась до января 1943 года. За навигацию флотилия перевезла по воде более миллиона человек и 1 миллион 690 тысяч тонн грузов. Ладожская трасса оказалась настолько важна для существования блокированного города, что гитлеровцы сбрасывали на суда тысячи бомб, а осенью даже попробовали прервать перевозки с помощью надводных сил. 22 октября свыше 20 судов, вооруженных пушками и пулеметами, направились к острову Сухо, прикрывавшему восточную часть трассы. Однако огонь защитников острова, удары авиации и кораблей флотилии привели к разгрому неприятельской попытки захватить остров. Когда 8 ноября Кузнецов вновь вылетел в Ленинград, он рассматривал полузатопленные суда – трофеи боя у Сухо. Далее противник не предпринимал таких серьезных попыток помешать перевозкам по Ладожскому озеру [82] .

Сформированная в 1941 году Онежская флотилия на зиму была уведена на восток, на Волгу. В апреле 1942 года для поддержки сухопутных войск был сформирован Онежский отряд кораблей; он успешно действовал и к концу года был переформирован в Онежскую военную флотилию.

Особая задача выпала в 1942 году Волжской военной флотилии. Летом 1941 года Наркомат ВМФ создал на Волге учебный отряд для подготовки моряков. В октябре, когда шли бои за Москву, отряд преобразовали в военную флотилию. Весной

1942 года одним из основных направлений гитлеровского наступления стал Сталинград. Неприятель намеревался перерезать пути доставки нефти и горючего с Каспийского моря для нужд страны и фронта. Флотилия в дни Сталинградской битвы обеспечивала военные перевозки, несмотря на то что в июле германская авиация начала минирование реки. Для борьбы с электромагнитными донными минами потребовалось срочно переоборудовать суда в тральщики. Было развернуто 500 постов наблюдения за сбрасываемыми минами, суда усиленно проводили траление. Волжане продолжали перевозки, несмотря на потерю 60 судов от авиации и 20 – от мин. Только помощь авиации флота помогла отбивать налеты противника с воздуха. Когда неприятель приблизился к Сталинграду, в августе-сентябре 1942 года флотилия главные силы направила на поддержку сухопутных войск. Моряки взаимодействовали с защитниками города, поддерживали их огнем артиллерии. Опаснейшим делом являлась перевозка войск и грузов через Волгу в осажденный Сталинград. Этим занимались под огнем и боевые корабли, и суда Волжского речного пароходства. За время Сталинградской битвы волгари перебросили на плацдарм свыше 100 тысяч солдат и офицеров, необходимые грузы и вывезли тысячи раненых. В частности, когда шли бои за центр города, флотилия на боевых кораблях за две ночи перевезла через реку 13-ю гвардейскую дивизию генерала А.И. Родимцева. Моряки несли большие потери (на бронекатерах до 65 процентов), но продолжали выполнять боевую задачу. В боях под Сталинградом впервые применили с бронекатеров «катюши». На суше воевали морские стрелковые бригады, присланные с разных флотов.

Так как обстановка на Тихом океане в 1942 году оставалась относительно спокойной, часть сил флота использовали для нужд фронта. Несколько морских бригад, укомплектованных тихоокеанцами, сражались при обороне Москвы и на других участках. В 1942 году с Тихоокеанского флота были направлены на Северный шесть подводных лодок. Им предстояло пересечь Тихий океан, через Панамский канал пройти в Атлантический океан и дальше следовать в Полярный. Лодки прошли 17 тысяч миль. Это был самый длительный поход советских подводных лодок. Л-16 погибла, торпедированная неизвестной подводной лодкой. Остальные в январе-июне 1943 года прибыли на Северный флот и заметно усилили его возможности.

Кузнецов координировал действия флотов. Особенное внимание он обращал на взаимодействие с сухопутными войсками. По указанию наркома Главный морской штаб в 1942 году при содействии специалистов Генштаба разработал

Инструкцию по организации связи взаимодействия войск Красной Армии с кораблями, соединениями и частями Военно-Морского Флота.

Еще на совещании в декабре 1940 года Кузнецов высказал мысль о том, что историю необходимо знать, чтобы она помогала разгадать вероятные способы борьбы противника и найти контрмеры. В 1942 года он это конкретизировал как требование «быстро извлекать непосредственный опыт по проведенным операциям или боевой деятельности флотов с тем, чтобы также быстро помочь остальным, указать на наши сильные стороны и ошибки».

В.А. Касатонов, осенью 1941 года переведенный в оперативный отдел Главного морского штаба, вспоминал: «Здесь мне довелось наблюдать работу Н.Г. Кузнецова на командном пункте при оперативных докладах, рассмотрении планов операций и боевых действий сил флотов и флотилий. Поражала его великолепная память. Он всегда хорошо знал обстановку на морских театрах, на фронтах, состояние сил, планируемые боевые действия, ход их выполнения, допущенные просчеты и принятые меры по их устранению. Часто выезжал на флоты и флотилии, в осажденный Ленинград. Но каждый раз ему приходилось обращаться за разрешением в Ставку (он не был ее членом до конца марта 1944 года), что, конечно, сковывало его инициативу» [83] .

На местах Кузнецов не ограничивался встречами с командующими, а бывал в частях и на кораблях, лично наблюдая положение дел. Он имел постоянную связь с начальником Генерального штаба, что способствовало тесному взаимодействию сухопутных и морских сил.

Существовали проблемы и в области судостроения. Потери верфей и недостаток материалов ограничивали воз можности пополнения флотов и флотилий. В частности, с первых дней войны бронекатера оказались таким удобным средством борьбы с противником на реках, что для их постройки выделили несколько заводов. Проблемой являлись башни и броня, необходимые для танков. Удавалось получать вооружение для бронекатеров лишь за счет сверхпланового выпуска их предприятиями. Несмотря на трудности, заводы достраивали подводные лодки и эскортные корабли. А конструкторы продолжали разработку новых проектов кораблей и совершенствование существующих [84] .

Рассчитывая на содействие союзников, еще 18 июля 1941 года Сталин в письме предлагал Черчиллю открыть второй фронт во Франции и действовать морскими и воздушными силами Великобритании на Севере. Рассматривали вариант высадки в

Норвегии английской дивизии или норвежских добровольцев для отвлечения неприятеля от Восточного фронта. Так как Черчилль признал высадку во Франции непосильной, Советский Союз предложил высадить 25–30 дивизий в Архангельске или перевезти их в южные районы СССР через Иран. Премьер-министр Великобритании предложил направить войска для охраны нефтеносных районов на Кавказе, что оказалось неприемлемо для СССР.

Нарком ВМФ знал о переговорах Сталина с У. Черчиллем в Москве в августе 1942 года, когда бои шли на подступах к Сталинграду и Северному Кавказу. Однако Черчилль приехал не для обсуждения сроков открытия второго фронта. В 1942 году речь шла о высадке англо-американских войск в Африке. И этот год, и следующий советские войска вели боевые действия против Германии и ее союзников почти в одиночку [85] .

Н.Г. Кузнецов, начиная в своих мемуарах описание событий 1943 года, отметил, что новогодний праздник в Германии отмечали трауром по войскам, погибшим в Сталинграде. После победы на Волге изменился характер советских операций. Войска от обороны переходили в наступление. Но кампания 1943 года не стала триумфальным маршем. Мощь противника не удалось окончательно сломить. Поэтому наступательные действия проходили далеко не в тепличных условиях. Новые задачи вставали и перед моряками. Николай Герасимович вспоминал: «В новой обстановке Главный морской штаб детально анализировал положение на побережье и морских театрах, где предстояло освободить военно-морские базы и крупные приморские города. Естественно, возник ряд существенных вопросов: что предстоит делать флотам, где вероятнее всего предстоит высаживать десанты, какие корабли лучше всего использовать в этой обстановке?» [86]

Наступление первоначально развернули на юге страны, при освобождении Кавказа и Крыма. В них принимали участие как Черноморский флот, так и Азовская военная флотилия.

В начале 1943 года Ставка поставила задачу перед Южным и Закавказским фронтами окружить и уничтожить вражескую группировку на Северном Кавказе. Для моряков первой целью стал Новороссийск. Еще во второй половине ноября 1942 года Н.Г. Кузнецова вызвали в Генеральный штаб и сообщили план наступательной операции на юге. Флоту следовало огнем корабельной и береговой артиллерии и высадкой десанта у Южной Озерейки содействовать наступлению 47-й армии на Новороссийск и взятию города, а также обеспечить коммуникации вдоль кавказского побережья и прервать перевозки противника

между Крымом и Таманским полуостровом. Для подготовки операции нарком ВМФ направил на юг начальника Главного политического управления ВМФ И.В. Рогова с группой политработников. Одновременно готовили план высадки десанта. Н.Г. Кузнецов своей властью выделил войска, которым предстояло высаживаться на берег. Моряки усиленно тренировали десантников, отрабатывали взаимодействие между всеми участвовавшими в операции силами [87] .

Предпринятое 27 января наступление левого фланга Черноморской группы войск, несмотря на поддержку шести береговых батарей и артиллерии кораблей, окончилось неудачей. Хотя основной десант у Южной Озерейки следовало высадить после прорыва обороны противника, командующий Закавказским фронтом, которому оперативно подчинялся Черноморский флот, приказал провести десантирование немедленно, чтобы помочь наступлению 47-й армии севернее Новороссийска. Однако 4 февраля у Южной Озерейки из-за штормовой погоды и сопротивления противника удалось высадить только часть войск; поэтому командующий флотом перенацелил все десантные силы в район Станички, где отвлекающий отряд майора Ц.Л. Куникова высадился успешно. К 5 февраля на расширенном плацдарме собрали 17 тысяч бойцов. Однако 47-я армия не могла прорвать оборону неприятеля, и плацдарм, названный Малой Землей, смог только притянуть значительные силы противника, пытавшиеся сбросить десантников в море [88] .

18 февраля Ставка направила Н.Г. Кузнецова на Черноморский флот. Ему предстояло проследить за переброской в Геленджик войск, предназначенных для Малой Земли. Пользуясь этим плацдармом, предстояло начать освобождение Новороссийска. Добираться пришлось кружным путем, через Саратов – Астрахань – Краснодар в Туапсе. Так как последние части уже грузили на корабли, нарком ВМФ с командующим флотом Ф.С. Октябрьским направился в Геленджик по суше. К концу февраля на плацдарме сосредоточили два корпуса. Ставка требовала перевезти на Малую Землю артиллерию, танки, автомашины. Однако флот не располагал достаточными плавучими средствами для переправы тяжелой техники. Перевозки проводили ночами на малых судах под непрерывным обстрелом неприятеля. Каждую операцию такого рода прикрывали огнем артиллерии и действиями авиации. Прибыв в Москву, Кузнецов доложил об этом Сталину. Сталин не согласился с его мнением и направил под Новороссийск группу специалистов во главе с Г.К. Жуковым. С ними на Северный Кавказ выехал и нарком ВМФ. Кузнецову и Жукову удалось

увеличить перевозки на Малую Землю. Однако и Жуков пришел к выводу, что высадка значительных сил на Малую Землю теперь нецелесообразна, и убедил Сталина, что следует прекратить наступление Северо-Кавказского фронта, чтобы подготовить войска к решительным действиям.

Сталин, недовольный действиями Октябрьского, вызвал вернувшегося с Черного моря Кузнецова и предложил ему назвать замену. Нарком ВМФ предложил кандидатуру командующего эскадрой Л.А. Владимирского, который вскоре принял командование [89] .

Продвижение Красной армии на запад после победы под Сталинградом поставило под угрозу германские войска на Северном Кавказе и в Крыму. Чтобы обеспечить их снабжение морем, гитлеровцы укрепляли военно-морские базы в Севастополе, Евпатории, Феодосии и Керчи. Транспорты шли преимущественно ночами под сильным охранением. Чтобы помочь наступающим войскам, следовало нарушить перевозки противника. 1 января 1943 года нарком ВМФ направил Военному совету Черноморского флота телеграмму с текстом: «По имеющимся сведениям, немцы очень заинтересованы в морских перевозках из Румынии в Крым и на Керченский полуостров, и нарушение этих сообщений в данный момент будет большим содействием нашему сухопутному фронту». 30 января и 4 февраля Н.Г. Кузнецов подтвердил задачу, требуя использовать надводные корабли и авиацию флота. Подводники и авиация действовали у западного побережья моря, а с конца мая по указанию наркома ВМФ летчики начали постановку мин в северо-западной части моря, на Дунае и Днепре.

Чтобы стимулировать действия подводников, катерников, летчиков по уничтожению кораблей и судов противника, 31 мая Совнарком издал постановление о выплате денежных сумм участникам в зависимости от вида потопленного судна. 3 июня соответствующий приказ об установлении денежных наград подписал Н.Г. Кузнецов. Однако в июне же он издал и второй приказ, в котором указал те признаки, которые могли подтвердить потопление корабля противника [90] . Таким образом, на основе голословного заявления невозможно было потребовать награду.

Ленинград в ноябре 1942 года, когда Н.Г. Кузнецов прибыл в город, продолжал жить в условиях блокады, однако снабжение уже позволяло избежать голодных смертей массы населения. Сохранял боеспособность и Балтийский флот. Нарком ВМФ обсудил с командованием флота задачи на 1943 год. Успешные прорывы советских подводников на просторы Балтики в 1942 году позволяли надеяться на успех и в кампанию 1943 года. Через много лет Николай Герасимович вспоминал:

«Подводные лодки мы очень берегли и старались использовать их с максимальной эффективностью. Помню, когда над Ленинградом нависла особая угроза и даже возник вопрос о возможном уничтожении кораблей, кое-кто из флотских товарищей предлагал воспользоваться Зундом – проливом, связывающим Балтийское и Северное моря, чтобы перевести часть подводных лодок на Северный флот. Уже был назначен и командир отряда, который поведет лодки, – Герой Советского Союза Н.П. Египко. Я доложил Ставке о готовящейся операции (хотя в душе и не совсем соглашался с этим замыслом). И.В. Сталин хмуро выслушал меня и ответил довольно резко, в том смысле, что не об этом следует думать, надо отстаивать Ленинград, а для этого и подводные лодки нужны, а коль отстоим город, тогда подводникам и на Балтике дела хватит.

И действительно, летом 1942 года балтийские подводники славно поработали, отправили на дно десятки вражеских судов, парализуя морские перевозки противника» [91] .

Подводники действовали, несмотря на то что временами буквально приходилось скрести дно килем, проходя минные поля. Однако немцы перекрыли узость Финского залива в районе Нарген – Порккала-Удд двойными линиями сетей и минными заграждениями, вблизи которых патрулировали десятки сторожевых кораблей и катеров. Несколько подводных лодок в 1943 году погибло при попытке преодолеть этот противолодочный рубеж. Поэтому пришлось отказаться от действий подводников, и борьба с неприятельскими перевозками легла на авиацию. Для этого потребовалось получить разрешение начальника Генерального штаба на ограничение действий морских самолетов по сухопутным целям. В Балтийском море, Рижском и Ботническом заливах пикирующие бомбардировщики и торпедоносцы в свободной охоте находили и атаковали неприятельские суда, ставили мины. Гитлеровцам даже в отдаленных районах Балтики пришлось применять систему конвоев. В ближних районах успешно действовали советские катера, а тральщики обеспечивали кораблям и судам благополучное движение сквозь минные поля.

Рассказывая, как приходилось от одних средств борьбы переходить к другим, Н.Г. Кузнецов вспоминал о предвоенных спорах сторонников подводного и катерного флотов: «Война и тем и другим раскрыла ошибочность их суждений. Как невозможно одним «москитным» флотом решать все задачи на море, так нельзя рассчитывать только на подводные лодки. Скажем прямо: весной и летом 1943 года противнику удалось сковать действия наших подводных лодок. И нам пришлось бы туго, если бы мы не имели «сбалансированный», разнообразный по классам кораблей флот. Те боевые задачи, которые не могли решить в то время подводные лодки, решили корабли других классов и морская авиация» [92] .

Но все это происходило позднее. А в ноябре 1942 года Николай Герасимович знал, что намечено наступление Ленинградского и Волховского фронтов, чтобы деблокировать Ленинград, и серьезная роль предстояла морякам. Когда в конце ноября нарком ВМФ вернулся в Москву, Сталин настойчиво расспрашивал его об отражении германского десанта на остров Сухо. Кузнецов догадывался, что этот интерес связан с предстоящим наступлением, но не знал конкретных деталей плана, разработанного Генеральным штабом. Его ознакомили с планом операции позднее, когда уже шла подготовка к наступлению.

Первой приняла участие в подготовке Ладожская флотилия, которой пришлось в 1942 году перевозить большую часть грузов и войск, поступавших в Ленинград до прорыва блокады. Зимой подкрепления шли по ледовой Дороге жизни. Именно эти войска и грузы были необходимы для организации наступления изнутри блокады. Береговая и корабельная артиллерия калибром от 100 до 305 миллиметров в период прорыва блокады выпустила по противнику свыше 29 тысяч снарядов. 16 января именно морские орудия сорвали попытку контратаки неприятеля против 67-й армии. Морякам пришлось первыми форсировать Неву. Морская авиация, несмотря на метель и плохую видимость, поддерживала наступавших [93] .

Наступление, начатое 12 января 1943 года, завершилось 18 января прорывом блокады. А уже 6 февраля по спешно построенной железной дороге грузы от Ладожского озера пошли в Ленинград.

Однако гитлеровцы еще располагали достаточными силами, чтобы наносить ощутимые удары. В апреле 1943 года Н.Г. Кузнецова вместе с наркомами морского флота П.П. Ширшовым и речного флота З.А. Шашковым направили на Волгу, где германские минные постановки с воздуха затруднили перевозки.

Совместными усилиями трех наркомов удалось наладить защиту караванов от мин и налетов авиации. На время положение стабилизировалось. Однако летом вновь возникли проблемы с перевозками. На минах подрывались баржи с нефтью. Задержка поставок горючего встревожила Государственный Комитет Обороны. Кузнецова вызвали в кабинет И.В. Сталина, где собрались члены ГКО и Генерального штаба. Задав ряд вопросов о перевозках по Волге, Сталин поручил наркому ВМФ выехать на место и принять самые решительные меры для обеспечения движения судов. 8 мая Кузнецов с новым командующим Волжской военной флотилией Ю.А. Пантелеевым и наркомом речного флота З.А. Шашковым вылетел в Сталинград. Прежде всего была организована система наблюдения за сброшенными минами, подготовлена карта миноопасных мест, развернуто траление. Кузнецов вернулся в Москву, когда движение по реке было восстановлено [94] .

В июне 1943 года, когда накал борьбы за Волгу переместился вверх по реке, Н.Г. Кузнецову вновь потребовалось вылететь, теперь в Саратов. Город постоянно бомбили, немецкая авиация старалась уничтожить мост через Волгу, однако огонь зениток с берега и кораблей не позволил противнику добиться ни одного попадания. К этому времени сотни гражданских судов переоборудовали в тральщики, которые многократно проходили места минных постановок, чтобы сработали аппараты кратности современных германских мин. Свыше 400 наблюдательных постов, тысячи добровольных помощников позволяли определять места, где неприятель ставил мины, и уничтожать их. В результате нефтеналивные суда перестали подрываться. Если в июне 1943 года план перевозок был выполнен на 70 процентов, то в последующих месяцах – полностью. 8 тысяч судов за лето доставили 7 миллионов тонн нефтепродуктов. Это был вклад волгарей в победу под Курском.

В воспоминаниях Н.Г. Кузнецов признался, что был момент, когда германская военная машина могла одержать верх в борьбе против судоходства, если бы выставила еще пару сотен мин. Однако подвело слепое следование плану. Прекратив операцию, немцы позволили снабжать фронт топливом [95] .

Следующим направлением, которое привлекло внимание наркома ВМФ, стал Новороссийск. Все лето продолжалась подготовка наступления на Северном Кавказе. Во второй половине августа сначала заместитель начальника Генерального штаба А.И. Антонов ознакомил Кузнецова с предстоящей операцией. Затем Сталин вызвал моряка и, выслушав наметки плана освобождения Новороссийска, направил на юг, чтобы

оценить положение на месте. 18 августа 1943 года Николай Герасимович вылетел в Краснодар, где командующий Северо-Кавказским фронтом И.Е. Петров ознакомил его с планом разгрома таманской группировки противника. В первую очередь предстояло взять Новороссийск атаками с Малой Земли и с востока. Петров намечал десант у Анапы, однако согласился с предложением моряков провести высадку прямо в Новороссийский порт, где десант могла поддержать береговая артиллерия.

С трудом Н.Г. Кузнецов добрался по разбитым дорогам до Геленджика, где располагался командный пункт флота. Там уже усиленно разрабатывали план операции. Благодаря тщательной разведке и подготовке высадка десанта в Новороссийске в ночь на 10 сентября 1943 года прошла успешно. После ударов с воздуха и артиллерийского обстрела первая группа из 9 торпедных катеров атаковала торпедами огневые точки на молах; высаженные штурмовые группы подорвали боносетевые заграждения. Через открытый проход в порт ворвалась вторая группа из 13 торпедных катеров, которые атаковали вражеские объекты на берегу. Третья группа катеров выпустила торпеды по причалам. После такой подготовки в порт вошли катера, которые высадили на берег около 4 тысяч человек. Так как наступавшим группировкам 18-й армии не удалось прорвать позиции противника, в ночь на 11 сентября в порт высадили подкрепления. Кузнецов дал разрешение, хотя и понимал, что операция будет стоить жертв. Несмотря на значительные потери, усиленный десант помог восточной группировке прорвать вражескую оборону. Германские войска под угрозой окружения начали отходить. 16 сентября Новороссийск был освобожден.

Освобождение Новороссийска открыло возможность развития операций в сторону Крыма. Еще в конце января 1943 года Н.Г. Кузнецов предложил воссоздать Азовскую флотилию, ибо северная часть Азовского моря была освобождена, а войска, наступавшие к Перекопу и Таманскому полуострову, нуждались в поддержке с моря. Базой флотилии, возглавлял которую вновь С.Г. Горшков, стал Ейск. В распоряжение флотилии возвратили корабли и катера, уведенные на Черное море. К лету флотилия обрела силу и отбивала нападения германской авиации. В августе-сентябре 1943 года суда флотилии высадили несколько десантов, способствуя освобождению Таганрога, Осипенко и других прибрежных пунктов. После взятия Новороссийска открылась возможность овладеть всем Таманским полуостровом как плацдармом для вторжения в Крым.

Таманский полуостров противник сильно укрепил. Доставку

грузов через Керченский пролив обеспечивали значительные германские морские силы, минные заграждения и береговая артиллерия. Тем не менее Черноморский флот десантом 20 сентября 1943 года занял Анапу. Последующие десанты, высаженные Азовской флотилией и Черноморским флотом в разных пунктах Тамани, способствовали наступлению войск Северо-Кавказского фронта. В октябре весь Таманский полуостров был освобожден [96] .

Северный флот, как и ранее, в 1943 году главным образом обеспечивал переходы конвоев и оставался в непосредственном подчинении наркома ВМФ. В этом году германский флот использовал против судоходства на Севере преимущественно подводные лодки, так как значительную часть бомбардировочной авиации пришлось перебросить на другие участки фронта. В январе и феврале три союзных конвоя достигли советских портов без потерь. Однако с началом полярного дня союзники прекратили отправку конвоев и возобновили доставку грузов северным маршрутом только в ноябре 1943 года. Так как в Альтен-фьорде базировались германские линейные корабли, для прикрытия конвоев англичане посылали линкоры и крейсера. В декабре 1943 года Н.Г. Кузнецов по указанию Ставки побывал в Полярном. Именно в эти дни, 26 декабря, когда линкор «Шарнхорст» попытался атаковать конвой РА-55А, шедший из советских портов, он в свою очередь оказался под обстрелом кораблей прикрытия конвоя и был потоплен.

Нарком ВМФ побывал на полуострове Средний, где располагался командный пункт командующего Северным оборонительным районом. Оттуда можно было просматривать весь Варангер-фьорд, через который проходил маршрут неприятельских перевозок. Кузнецов сам наблюдал один из боев с неприятельским конвоем, прикрытым дымовой завесой. По судам вели огонь советские береговые батареи, им отвечали германские. Так как эффективность стрельбы по площадям оказалась невысока, вслед за тем конвой атаковали торпедные катера, для которых неприятельская дымовая завеса служила укрытием. Кузнецов отмечал в воспоминаниях, что в 1943 году на Севере основные потери противнику нанесли авиация, подводные лодки и торпедные катера.

Так как промышленность пополняла подводные силы Северного флота только малыми подводными лодками, которые можно было доставлять по железной дороге, пять средних подлодок с хорошо подготовленными экипажами прибыли в Полярный с Тихого океана. Они успешно воевали.

Численно советская авиация (около 300 самолетов)

сравнялась с германской, но та имела в Северной Норвегии больше аэродромов, с которых атаковала конвои. Нашим летчикам приходилось действовать с большего расстояния. Тем не менее они не раз наносили успешные удары по неприятельским самолетам на аэродромах. Летчики миноторпедной авиации осуществляли одиночную охоту. В воздухе над Варангер-фьордом действовали все типы самолетов. В хорошую погоду конвои атаковали торпедоносцы, в плохую погоду – истребители и штурмовики. Авиационное командование совершенствовало тактику, а со второй половины 1943 года приступило к совместным действиям с подводными лодками и торпедными катерами.

Совершали набеговые операции и эскадренные миноносцы. Командующий Северным флотом А.Г. Головко, человек энергичный, иногда сам выходил в набег. Торпедные катера и малые охотники ставили мины на подходах к Петсамо и западнее порта. Хорошо была организована разведка. Так как авиация и подводные лодки не всегда могли вовремя сообщить о движении противника, применяли высадку наблюдательных групп на необитаемые острова и берега. Немало информации о движении неприятельских конвоев флот получал от норвежских патриотов. Несмотря на тяжелые погодные условия и действия противника, по внутренним коммуникациям на Севере было за войну перевезено около 1 миллиона 200 тысяч человек пополнения и свыше 1 миллиона 600 тысяч тонн различных грузов.

На Черноморском флоте осенью 1943 года одной из основных задач стала морская блокада запертых в Крыму неприятельских войск. Для этого использовали авиацию, торпедные катера и эскадренные миноносцы. Последние выходили из Туапсе, два-три часа действовали у берегов Крыма, затем обстреливали береговые объекты и возвращались. Однако гибель трех эсминцев от ударов германской авиации 6 октября 1943 года заставила отказаться от таких рискованных походов.

В 20-х числах октября Сталин вновь направил Кузнецова на Черноморский флот. Ставка планировала высадить десант на Керченский полуостров, а затем наступлением с плацдарма и ударом Южного фронта овладеть Крымом. Для подготовки операции оставалось всего три недели. Верховный главнокомандующий заявил, что для флота высадка – это основная задача, которой следует уделить все внимание и силы. Однако обстановка внушала тревогу. Неприятель укрепил берега Керченского пролива. Он располагал флотилией из легких, сильно вооруженных судов (быстроходных десантных барж), которым нечего было противопоставить на сильно

заминированном мелководье. Германская авиация могла вести разведку и наносить удары по плавучим средствам, которые готовили для высадки. Отвести их далеко не представлялось возможным, ибо приходилось собирать все, что было пригодного, вплоть до шлюпок. Такие суда в осеннюю непогоду не могли пройти по бурному морю значительное расстояние. А им предстояло не только высадить десант, но и снабжать его всем необходимым. Для участия в высадке подбирали лучшие части, которые следовало доставить на берег с минимальными потерями. По плану следовало силами Черноморского флота и Азовской флотилии высадить два десанта, в районе Керчи и у поселка Эльтиген, чтобы сходящимися ударами расчистить плацдарм с портами Керчь и Камыш-Бурун; с плацдарма предстояло начать освобождение Крыма. Однако спешка при подготовке, недостаток сил и средств могли привести к неудаче, тем более что противник ожидал высадку.

В воспоминаниях Н.Г. Кузнецов высказал свои мысли об организации десантных операций:

«Опыт учит, что десантные операции бывают лишь тогда удачны, когда продуманы до конца. Сама высадка – это ведь лишь первый этап. Часто самое трудное начинается позже. Десанту мало высадиться и удержаться на узкой береговой полосе. Плацдарм создается для дальнейшего наступления. А если это наступление не удается, теряется весь смысл десанта.

Командование, принявшее решение о высадке десанта, особенно крупного, обязано детально проанализировать обстановку и предусмотреть все перипетии дальнейшей борьбы. Иначе операция может застопориться, десант придется снимать, или, что еще хуже, он будет окружен и погибнет» [97] .

В случае Керченско-Эльтигенской десантной операции не удалось предусмотреть все заранее, и результат ее оказался далек от запланированного.

Высадку, назначенную на 28 октября, из-за плохой погоды перенесли на 1 ноября. Но и во второй срок десантирование у Керчи пришлось отменить и суда вернуть в порт. Однако у Эльтигена, хоть и с задержкой, передовые войска высадились с 162 малых судов. Им пришлось сразу же выдержать натиск неприятеля. Только вечером началась переброска подкреплений, стоившая немало жертв. 2 ноября защитники плацдарма выдержали до двадцати контратак. Часть сил противника удалось оттянуть, высадив второй десант. Авиация наносила удары по неприятельским кораблям в портах. До 1 декабря десант удерживал рубежи, после чего был вынужден прорваться к Керчи и занять там оборону. Тем временем 3 ноября на Керченский

полуостров высадили десант из состава 56-й армии суда Азовской флотилии; к 20 ноября на плацдарм перевезли весь десант, включая тяжелую технику. Северо-Кавказский фронт, войска которого переправили в Крым, был преобразован в Отдельную Приморскую армию. В Керчь для подкрепления эльтигенцев также перебросили 83-ю бригаду морской пехоты. Однако удержать позиции не удалось, и большую часть десанта перевезли в Тамань. В общей сложности высаженные войска оттянули на себя значительные силы гитлеровцев, которые потеряли в боях за Керченский полуостров с 31 октября по 11 декабря тысячи солдат и много техники. Действия войск с Еникальского полуострова способствовали наступлению 4-го Украинского фронта со стороны Перекопа. Однако сил для освобождения Крыма не хватило.

Следующей крупной операцией, в которой предстояло участвовать морякам, стало снятие блокады Ленинграда. По замыслу Ставки Ленинградскую область и Новгород следовало освобождать силами Ленинградского и Волховского фронтов во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом и при поддержке сил 2-го Прибалтийского фронта, дальней авиации и партизанских соединений. На флот были возложены две основные задачи: перевозка войск из Ленинграда через Лисий Нос на Ораниенбаумский плацдарм, который советские войска удерживали с начала войны, и сосредоточение сил корабельной и береговой обороны для стрельбы по неприятельским укреплениям в полосе наступления. Обе задачи предстояло выполнять в зимних условиях и скрытно от противника, в руках которого оставались берега Финского залива. Германская артиллерия простреливала залив. Тем не менее с 5 по 20 ноября 1943 года было совершено ночами 93 рейса судов. Второй этап переброски войск проходил с 23 декабря по 21 января 1944 года. На сей раз суда пробивались сквозь льды. Наступление с Ораниенбаумского пятачка началось утром 14 января 1944 года после мощной артподготовки, в которой участвовала артиллерия и авиация флота. Войска сосредоточенной на плацдарме 2-й ударной армии прорвали фронт противника в направлении Ропши. 43-я армия перешла в наступление 15 января. Ропша была освобождена 19 января. Одновременно войска Волховского фронта успешно наступали на Новгород. До 30 января при поддержке авиации и артиллерии флота советские войска полностью разблокировали Ленинград. На втором этапе наступления, с 31 января по 15 февраля, противника отбросили за пределы досягаемости корабельной и морской артиллерии, и поддержку оказывала морская авиация. За войсками шли военные строители,

восстанавливавшие береговые батареи, аэродромы и другие сооружения флота [98] .

Успешные действия моряков и рост числа награждений вызвал к жизни проект учреждения специально морских наград. В середине 1943 года нарком ВМФ сделал такое предложение Сталину, но не вызвал его энтузиазма. Тем не менее Кузнецов отдал указания проработать идею в Главном морском штабе. Речь шла об орденах Ушакова и Нахимова. Сразу же появился вопрос: какой орден считать старшим? Не все знали, каковы заслуги Ф.Ф. Ушакова, основательно забытые в народе с XVIII века. Такие же вопросы возникли и в правительстве. После обсуждения проекта правительственной комиссией 3 марта 1944 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении орденов Ушакова и Нахимова I и II степеней и медалей Ушакова и Нахимова. Свою роль сыграл И.В. Сталин, который рассмотрел представленные Кузнецовым проекты статутов и рисунки новых наград, без вопросов утвердил эскизы ордена Ушакова и медалей, но предложил украсить орден Нахимова рубинами. Николай Герасимович писал: «Возражать не было оснований. Так орден Нахимова I и II степеней получился, по-моему, самым красивым, но и дороговатым» [99] .

После публикации указа пошли письма. Люди больше знали Нахимова и не понимали, почему орден Ушакова имеет более высокий статус. В годы войны попробовали разъяснить заслуги Ф.Ф. Ушакова через газеты и радио. А после Победы сняли фильм «Адмирал Ушаков», который консультировал И.С. Исаков. Появление фильма на экранах сразу прекратило поток писем.

В 1944 году Николаю Герасимовичу удалось решить важнейший вопрос взаимодействия родов войск в операциях. В послевоенных воспоминаниях он писал: «Мы не имели единого взгляда на доктрину ведения войны… Доктрина, как нечто плохо осязаемое для нас, скрывалась в голове Сталина, а он неохотно делился своими мыслями и намерениями… И не случайно сейчас нельзя привести в пример ни одного документа за его подписью, в котором излагались бы взгляды на ведение войны, ее характер и взаимоотношения наркоматов». До войны считали, что Ставка Главнокомандования будет ставить задачи флотам на кампанию, а оперативные задачи в ходе кампании – нарком ВМФ и командующие объединениями, в подчинении которых окажутся флоты. Фактически, как известно, война пошла иначе, чем ее планировали. Общее руководство фронтами и подчиненными им флотами оказалось в руках Генерального штаба. Однако Генеральный штаб за два года войны ни разу не ориентировал Главный морской штаб по вопросам дальнейшего хода военных

действий, что затрудняло постановку соответствующих задач флотам. Так как наладить обмен информацией между Генеральным и Главным морским штабами Кузнецову не удалось, он в декабре 1943 года доложил непосредственно Сталину, что командующие фронтами и армиями даже не ставят в известность подчиненные им морские силы о намеченных операциях. Нарком предложил, чтобы оперативные директивы флотам исходили только из Ставки Верховного Главнокомандования и чтобы Генеральный и Главный морской штабы объединили усилия при подготовке оперативных директив флотам и флотилиям. Для лучшего взаимодействия было предложено при штабах фронтов (армий) создать морские отделы, подчиненные соответствующим начальникам штабов. Сталин согласился. Но лишь 31 марта 1944 года вышла директива Ставки, в которой были сформулированы основные принципы управления силами флота и их взаимодействия с другими силами. Флоты и флотилии стали подчиняться наркому, как главнокомандующему ВМФ. 5 апреля Кузнецов подписал приказ о формировании морских отделов и морских групп. Вскоре начальники Генерального и Главного морского штабов утвердили положение о морских отделах. После этого проекты оперативных директив Верховного главнокомандующего для флотов разрабатывали в Главном морском штабе. Затем их согласовывали с начальником Генерального штаба. 8 июня было введено в действие Положение о морском представительстве при фронтах, отдельных армиях и военных округах Красной Армии, подготовленное Главным морским штабом по опыту первых наступательных операций 1944 года. Благодаря принятым мерам ВМФ сыграл значительную роль в проведении наступательных операций. Тем не менее лишь 2 февраля 1945 года Н.Г. Кузнецова ввели в состав Ставки Верховного Главнокомандования [100] .

В 1944 году и на Северном флоте появилась эскадра. После капитуляции Италии в конце июля 1943 года союзники получили в качестве трофеев весь итальянский флот. Ставка потребовала от Кузнецова сведения о составе этого флота. На конференции министров иностранных дел СССР, Англии и США советская делегация предложила передать Советскому Союзу треть флота, то есть линкор, крейсер, 8 эсминцев и 4 подводные лодки. После длительных переговоров только 7 февраля 1944 года союзники обещали предоставить все эти корабли. Однако, чтобы не настроить против себя итальянцев, англичане и американцы на время войны выделили старые линейный корабль «Ройял Соверин», крейсер «Милуоки», 8 эсминцев и 4 подводные лодки из состава своих флотов. Доложив Сталину о том, что союзники

предлагают старые корабли, Кузнецов предложил направить их на Северный флот для охранения конвоев, противолодочной борьбы и охраны побережья. Сталин согласился. Для приемки и доставки кораблей назначили вице-адмирала Г.И. Левченко, спешно собрали в Архангельске экипажи для кораблей. Ответственным за комплектование назначили Кузнецова, который срочно выехал на Север [101] .

Глава английской военно-морской миссии высказал сомнение, что советские моряки смогут быстро освоить большие, незнакомые для них корабли. Чтобы упростить задачу, для линкора моряков набирали с линкоров, для крейсера – с крейсеров. Потребовалось собрать около 3 тысяч человек. 28 апреля они были отправлены с очередным конвоем. Н.Г. Кузнецов специально прилетел в Архангельск, чтобы проводить их. Команды благополучно достигли Англии. Правда, 30 апреля был потоплен транспорт, на котором располагалась команда одного из эсминцев, но всех спасли. В британских портах советские моряки решительно взялись за освоение неизвестной техники, несмотря на то что не знали языка. Линкор, названный «Архангельск», приняли за двадцать дней, и 30 мая над ним взвился Военно-морской флаг СССР. Успешно прошли как приемка других кораблей, так и их подготовка к переходу. Озадаченные англичане поговаривали, что вместо матросов прислали инженеров. А 17 августа линкор, крейсер и эсминцы вышли из Скапа-Флоу и 24 августа благополучно прибыли в Мурманск, где крейсер был назван «Мурманск». За кораблями, составившими эскадру, последовали 4 подводные лодки с индексом «В»; лишь В-1 не дошла до цели. Все полученные корабли советские моряки успешно использовали до конца войны, а в 1947 году их возвратили хозяевам в обмен на 33 итальянских корабля, переведенные на Черноморский флот [102] .

Еще большую трудность составила доставка предоставленных американцами небольших охотников за подводными лодками и тральщиков. Так как на судах их разместить не удалось, советские моряки решили привести эти малопригодные для океанского плавания суденышки своим ходом. Специалисты Главного морского штаба вынесли заключение, что вряд ли катера и тральщики смогут пересечь океан. Наркому ВМФ пришлось немало подумать, прежде чем он подписал приказ о переходе судов. Первыми за двадцать суток цели достигли 12 охотников за подводными лодками (БО) и 12 тральщиков типа АМ; они сразу же включались в боевую службу. Позднее на Северный флот своим ходом перешли еще 34 охотника и 24

тральщика. Советские моряки продемонстрировали как мужество и морское искусство, так и умение изучать в короткий срок сложную технику. Радисты осваивали радиолокаторы, артиллеристы – неизвестные им ранее автоматические пушки. В воспоминаниях Кузнецов отмечал, что благодаря пополнению флот мог выделять для охранения конвоев каждый раз до 40 кораблей и 2 авиационных дивизий.

Весной 1944 года Ставка стала больше внимания уделять действиям морских сил, которые принимали участие в освобождении берегов и приморских городов, а И.В. Сталин сказал Н.Г. Кузнецову: «Наступило время для более активных действий флотов в море» [103] .

На Черном море это означало в первую очередь освобождение Крыма и Одессы. Потеря трех эсминцев, неполадки при высадке десанта у Керчи и мнение Сталина, что Л.А. Владимирский и И.Е. Петров спорят между собой, вызвали решение сменить командование перед началом активных действий на Черном море. Петрова сняли после того, как Приморская армия была подготовлена им к наступлению. На командование Черноморским флотом вернули Ф.С. Октябрьского. Кузнецов вспоминал: «Ни Генштаб, ни Наркомат ВМФ не вносили предложений о смене командования Приморской армии и Черноморского флота. С.М. Штеменко пишет, что для него остается неразгаданной причина снятия И.Е. Петрова, а для меня до сих пор не ясна причина освобождения от должности Л.А. Владимирского» [104] .

По плану прежде вторжения в Крым следовало взять Одессу, которую противник собирался упорно оборонять. Чтобы блокировать неприятельские коммуникации, использовали подводные лодки, действовавшие из Поти, Очамчире и Туапсе. Часть торпедных катеров и морской авиации перебазировали в Каркинитский залив. На освобожденной Кинбурнской косе в Скадовске возобновили Очаковскую военно-морскую базу. Оттуда катера атаковали неприятельские суда в районе Одессы и Очакова, позднее у Ак-Мечети, Евпатории и берегов Румынии. Морская авиация бомбила Констанцу и Сулину, действовала против судов в море. При поддержке флота с 26 марта по 14 апреля войска 3-го Украинского фронта провели Одесскую наступательную операцию. Начал операцию небольшой десант лейтенанта К.Ф. Ольшанского, который высадился под Николаевом, вызвал тревогу и двое суток притягивал силы противника. А 28 марта войска фронта освободили Николаев. Моряки участвовали и во взятии Очакова, высадив 31 марта группу морских пехотинцев у Очаковского маяка. Пока десантники отвлекали противника, войска овладели Очаковом в

тот же день. Утром 10 апреля ударами с трех сторон была освобождена Одесса.

Еще не пришла к концу операция под Одессой, а уже 11 апреля Ставка утвердила директиву на освобождение Крыма, подготовленную Главным морским штабом. Замысел операции заключался в одновременном наступлении на Симферополь и Севастополь со стороны Перекопа и с Керченского полуострова. Черноморский флот и Азовская флотилия должны были содействовать наступлению Отдельной Приморской армии на первом этапе борьбы и всему фронту – на последнем. В период решительного наступления морякам следовало блокировать с моря крымские порты и коммуникации противника, а также готовиться к перебазированию в Севастополь и созданию Дунайской флотилии [105] .

Когда Кузнецов участвовал в рассмотрении директивы И.В. Сталиным, Верховный главнокомандующий дал прямое указание не рисковать крупными кораблями. Основная тяжесть действий легла на авиацию, легкие силы и подводные лодки.

Приказ наркома ВМФ предписал бригаде подводных лодок: «Во взаимодействии с авиацией уничтожать транспорты и плавсредства противника на коммуникациях в северо-западной части Черного моря». Несмотря на действия неприятельской авиации, подводники выходили к берегам Румынии, Болгарии и Крымского полуострова, топили неприятельские суда. Ночами из засад активно действовали торпедные катера, которым часто помогали самолеты-разведчики. Некоторые катера были вооружены реактивными установками. Морякам с торпедных катеров также удалось потопить несколько судов и кораблей. Особенно крупные потери противник понес при эвакуации Крыма [106] .

Наступление 4-го Украинского фронта под Перекопом началось утром 8 апреля 1944 года после двух с половиной часов обработки неприятельских позиций на перешейке и у Сиваша обстрелом артиллерии и ударами с воздуха. В наступление перешла и Отдельная Приморская армия. К 13 апреля, сокрушив сопротивление противника, советские войска вышли к внешним обводам обороны Севастополя. Штурм начали 5 мая, а 9 мая город был освобожден. Большую часть войск противника в Крыму удалось уничтожить или пленить.

После тщательного обследования бухт и траления днем 5 ноября 1944 года эскадра Черноморского флота вступила в Севастополь, отметив возвращение в главную базу двадцать одним залпом из ста орудий. В начале февраля 1945 года нарком ВМФ побывал в Севастополе и видел линкор, крейсера, эсминцы,

стоявшие на своих местах [107] .
6 июня 1944 года союзники наконец высадили войска в Нормандии. Появился долгожданный второй фронт. Однако накал боевых действий на советско-германском фронте не ослабевал, ибо боевые действия во Франции мало оттягивали сил на запад. По-прежнему германские корабли и самолеты угрожали конвоям, продолжавшим идти из Исландии в Мурманск и Архангельск. Если на Черном море ввиду освобождения советских берегов стоял вопрос о переносе боевых действий к берегам Болгарии, Румынии и на Дунай, то на Севере противник оставался под Мурманском, а на Балтийском море германские перевозки продолжали играть большую роль для хода войны. На всех флотах оставались постоянные задачи (траление, обеспечение своих перевозок и борьба с перевозками противника). Поэтому для моряков существовало широкое поле деятельности.

Следующим этапом общего наступления стали действия на берегах Балтики. После деблокирования Ленинграда в марте 1944 года фронты перешли к обороне. Требовалось время для подготовки к последующему наступлению. В частности, чтобы придать Краснознаменному Балтийскому флоту боеспособность, потребовалось вернуть на корабли хотя бы часть специалистов, которые служили в сухопутных частях. Уже в начале марта И.В. Сталин в разговоре с Кузнецовым выяснил, каковы возможности морских сил на Балтике, и утверждал, что наступает период более активных действий на море. По вызову Верховного главнокомандующего для более обстоятельного выяснения положения дел на театре в Москву прибыл В.Ф. Трибуц. Сталин внимательно выслушал Трибуца, который заверил, что к вскрытию льдов флот будет готов выйти в море. Сталин сказал, что у моряков появляется возможность проявить себя на море, и поставил основные задачи: вести борьбу на коммуникациях противника, защищать свои морские сообщения и охранять занятое побережье. Сталин одобрил мысли Кузнецова и Трибуца о том, что следует действовать на море преимущественно авиацией, а там, где возможно, использовать и надводные корабли. Он обратил особое внимание на необходимость борьбы с минной опасностью и предупредил, что вскоре потребуется поддержка флота со стороны моря. В отличие от прежней практики, когда флоты при проведении операций оперативно подчиняли сухопутным войскам, Сталин дал указание: «Задачи по боевым действиям на море будут ставиться главнокомандующим Военно-Морским Флотом», подразумевая Николая Герасимовича. Однако только с начала февраля 1945 года по инициативе Кузнецова

была опубликована директива, которая узаконила роль наркома ВМФ как главнокомандующего флотом [108] .

Флот приступил к подготовке Выборгской операции. Н.Г. Кузнецову дважды пришлось побывать в Ленинграде и организовать координацию действий морских сил с войсками Ленинградского фронта. По замыслу операции 21-й и 23-й армиям при поддержке авиации и флота следовало прорвать долговременную оборону противника на Карельском перешейке в направлении Выборга. До начала операции Краснознаменному Балтийскому флоту предстояло с 23 мая по 8 июня перевезти на Лисий Нос 21-ю армию. Прорыв следовало начать с обстрела морской артиллерии и атак авиации на мощный опорный пункт противника Старый Белоостров. В ходе наступления флоту и Ладожской флотилии предстояло огнем поддерживать войска, прикрывать с моря их фланги, уничтожать боевые корабли и транспорты противника.

Операция прошла успешно. 21-ю армию моряки перевезли незаметно. После длительного обстрела артиллерии, которая разрушила большинство укреплений противника, армия двинулась вперед и 11 июня вышла к новой линии Маннергейма. Вновь морская артиллерия расчистила путь наступающим войскам. Морская авиация и торпедные катера, господствовавшие в Выборгском заливе, не позволили неприятельским кораблям оказать поддержку своим силам, тральщики прокладывали фарватеры. 20 июня советские войска взяли Выборг.

Военный совет Ленинградского фронта поручил флоту своими силами занять острова Бьёркского архипелага, без чего нельзя было продолжать наступление. Уже 21 июня моряки высадили десант на остров Пийсари и на следующий день овладели им. Затем были заняты Торсари, Бьёркё и другие острова. Сложнее оказалось взять остров Тейкарсари, на который германское командование перебросило дивизию в помощь финнам. Первая попытка высадки в ночь на 1 июля не удалась. Однако в ночь на 4 июля высаженная с кораблей КБФ 224-я дивизия овладела Тейкарсари и Суонинсари. Авиация флота успешно истребляла неприятельские корабли и суда. В результате совместных действий армии и флота Выборгский залив и его северное побережье были очищены от неприятеля.

В боях за Выборгский залив произошло интересное событие. Гитлеровцы пробовали использовать не только надводные корабли, но и подводные лодки. Одну из них потопил советский катер-охотник под командованием старшего лейтенанта А.П. Коленко. Лодку удалось поднять. Среди других трофеев были найдены немецкие торпеды с акустическими приборами

самонаведения. В этот период союзники при борьбе с германскими подводными лодками столкнулись с трудностями. Подводники противника получили на вооружение торпеды, которые шли на шум винтов кораблей охранения и подрывали их. Потому для союзников очень важно было узнать секрет нового оружия. Кузнецов вспоминал: «Свой трофей мы не скрывали от союзников. У. Черчилль обратился к Сталину с просьбой допустить английских специалистов осмотреть немецкую лодку. Верховный вызвал меня и спросил мое мнение. Я ответил, что, по-моему, нет оснований отказывать союзникам. В этом духе и последовал ответ английскому премьеру. Я со своей стороны отдал приказ командующему флотом В.Ф. Трибуцу разрешить английским представителям посетить и осмотреть трофейный корабль. Англичане после осмотра горячо благодарили за эту экскурсию, особенно за ценные сведения о немецких акустических торпедах. Сталина это насторожило: а не слишком ли ценный секрет мы выдали. Нам с Трибуцем пришлось поволноваться. Сталин напомнил, что союзники своими военными секретами делятся с нами очень неохотно. Но ничего, на этот раз все обошлось благополучно» [109] .

Вслед за успешным завершением Выборгской операции началась операция Карельского фронта. Командующий фронтом К.М. Мерецков намеревался силами 7-й армии провести наступление на Олонец, Сортавалу и взять Петрозаводск. Действия армии должны были поддержать Ладожская и Онежская флотилии. Ладожской флотилии, в частности, следовало высадить десант в районе рек Олонка и Видлица и помочь войскам армии форсировать Свирь, а Онежской – содействовать наступлению в сторону Петрозаводска, блокировать корабли противника в базах и обеспечить перевозки войск и грузов. Уже через день после падения Выборга, 21 июня, правый фланг 7-й армии начал наступление; другим войскам следовало начинать днем позднее. Ладожская флотилия 22 июня выступила с войсками на борту из Старой Ладоги и на рассвете следующего дня высадила под Видлицей десант, который способствовал успешному наступлению. Суда флотилии переправили через Свирь свыше 48 тысяч человек и значительное количество грузов, включая 212 танков и 305 автомашин. В то же время корабли Онежской военной флотилии помогли переправиться на правый берег Свири частям 368-й стрелковой дивизии. Тактические десанты установили, что южнее Петрозаводска противника нет, и командующий флотилией капитан 1-го ранга Н.В. Антонов высадил десант в самом городе. Неожиданной атакой противника выбили из столицы Карелии [110] .

Следующим объектом наступления стала Прибалтика. Гитлер на совещании отметил этот район как стратегически важный, из которого Германия получала 50 тысяч тонн сланцевой нефти, 10 тысяч тонн никеля и 9 миллионов тонн высококачественной шведской руды. Поэтому группа армий «Север» получила приказ упорно защищать оборонительные рубежи между Нарвским заливом и Псковом. С другой стороны, советские войска нанесли поражение германским войскам в Белоруссии, вступили в Литву. Гитлеровскому командованию пришлось перебросить часть сил группы армий «Север» в Белоруссию, что создало условия для перехода в наступление и в Прибалтике.

Неприятель упорно оборонялся. На Чудском озере немцы создали флотилию, насчитывавшую свыше сотни судов, в том числе более полусотни хорошо вооруженных барж. Советская Чудская военная флотилия, составленная преимущественно из катеров, уступала по силе. Однако в результате решительных атак морской авиации противник понес большие потери. Это помогло успешным действиям, когда войска 3-го Прибалтийского фронта 10 августа перешли в наступление на Тарту. 16 августа был высажен десант в тылу неприятельской группировки; речные корабли обеспечили переправу войск. 25 августа 1944 года советские войска взяли Тарту.

Гитлер 9 июля дал директиву не допустить прорыва русских к Балтийскому морю. Так как это все же произошло, морское командование получило приказ всеми силами защищать Наргенскую позицию и острова Моонзундского архипелага. На передовой Гогландской минно-артиллерийской позиции только с января по сентябрь 1944 года противник выставил около 15 тысяч мин и минных защитников, а всего их было на позиции свыше 30 тысяч. Минная опасность была такова, что германские корабли подрывались на собственных минах. Но эти меры не помогли.

4 сентября правительство Финляндии объявило о разрыве отношений с фашистской Германией. Германское командование, ожидая этого, заранее подготовило десанты на Гогланд и Аландские острова. Однако попытка высадить 14 сентября на Гогланде войска кончилась для гитлеровцев неудачей: финны по условиям перемирия с СССР при поддержке советской авиации удержали остров. Десантные силы понесли значительные потери, а высадившиеся на Гогланде капитулировали. Немцам пришлось отказаться от высадки и на Аландские острова. Советские же корабли со временем получили возможность базирования в финляндских портах за линией минных заграждений.

14 сентября в наступление перешли все три Прибалтийских фронта. 1-й Прибалтийский фронт решительно наступал в

направлении Даугавы, тогда как два остальных продвигались медленно. Гитлеровское командование под угрозой охвата отвело войска на подготовленные тыловые рубежи перед Ригой. Однако отход из Эстонии проходил под ударами Ленинградского фронта, который 17 сентября перешел в наступление при поддержке КБФ.

В Прибалтийской наступательной операции Ленинградскому фронту предстояло освободить Таллин. Флоту следовало поддерживать наступление огнем, прикрытием переправ на Теплом озере (проливе между Чудским и Псковским озерами) и высадками десантов на Чудском озере. В частности, бригада речных кораблей за две недели переправила через Теплое озеро войска 2-й ударной армии, которая и осуществила прорыв фронта. Так как из-за минной опасности крупные корабли не могли поддерживать огнем наступление с моря и Ставка разрешила использовать их только в крайнем случае, мелкие десанты высаживали отряды торпедных катеров, а поддержку с воды дополнила помощь подразделений 260-й отдельной бригады морской пехоты, которые двигались по берегу на автомашинах. После прорыва фронта 2-я ударная армия направилась на Пярну, а 8-я армия перешла в наступление на Таллин. 22 сентября войска армии освободили столицу Эстонии, а на следующий день советские войска вышли к Рижскому заливу. Вскоре войска фронта взяли остров Вормси и полуостров Виртсу, что позволяло перевести некоторые соединения кораблей Моонзундским проливом.

Следующей важной целью стал Моонзундский архипелаг, который по решению Ставки следовало очистить от противника не позднее 5 октября, то есть всего за шесть суток. Эту задачу предстояло решить Ленинградскому фронту во взаимодействии с флотом. Неприятель кроме сильных войск на островах организовал два отряда поддержки из крейсеров и эсминцев, использовал другие корабли и суда, чтобы обеспечить быструю переброску войск и артиллерийскую поддержку. С советской стороны из-за минной опасности можно было применить, кроме авиации, лишь катера и другие мелкие суда. Тем не менее, использовав занятые уже 27 сентября Вормси и полуостров Виртсу, 29 сентября советские войска высадили десант на остров Моон (Муху). В тот же день остров очистили от противника. 2 октября десант с катеров Балтийского флота при поддержке авиации был высажен на острове Даго (Хийумаа). 3 октября после боев остров освободили от неприятеля. 5 октября десанты высадили на остров Эзель (Сааремаа); одновременно войска 8-го эстонского корпуса переправились через пролив и по Ориссарской дамбе с острова Муху. К исходу 8 октября большая

часть острова была очищена от противника. Однако задержка действий из-за штормовой погоды позволила немцам перебросить на Эзель дивизию из Курляндии, что позволило затянуть бои, особенно за полуостров Сырве. Неприятеля поддерживали корабли флота, тогда как советские корабли из-за минной опасности не могли пройти в район боев. Когда Кузнецов по просьбе Трибуца обратился в Ставку, ему было указано: «Крупными кораблями не рисковать, используйте авиацию, торпедные катера и подводные лодки». Однако и так большую часть авиации флота использовали против неприятеля на полуострове Сырве. Только 24 ноября остров Эзель был полностью освобожден [111] .

Осенью 1944 года Кузнецов побывал и в Ваенге, где ознакомил командующего Северным флотом А.Г. Головко и командующего Карельским фронтом К.А. Мерецкова с приказом Ставки на наступление с целью овладеть Печенгой. К этому времени Северный флот стал гораздо сильнее, чем к началу войны. Существовала эскадра, выросло число подводных лодок, катеров и самолетов, что позволяло серьезно помогать армии в наступлении. План, разработанный командующими фронтом и флотом, предполагал, что две бригады морской пехоты прорвут фронт противника перед Северным оборонительным районом, после чего морякам предстояло высадить десанты и совместно с 14-й армией наступать на Петсамо. Флоту следовало обеспечить перевозку войск армии из Мурманска на западный берег Кольского залива и ее снабжение. Руководил действиями флота А.Г. Головко с командного пункта на острове Рыбачий. Еще 5 октября был прорван фронт, советские войска форсировали реку Титовку. Высаженный у губы Малая Волоковая десант способствовал наступлению. 7 октября в наступление перешли и главные силы, заставляя противника отходить с полуострова Средний [112] .

В тот же день командующий Северным флотом получил телеграмму: «Нарком считает весьма желательным участие флота в занятии нашей будущей ВМБ и крупнейшего населенного пункта на Севере». Тем самым Н.Г. Кузнецов предлагал морякам подумать, какое участие они могут принять во взятии Печенги, не нарушая взаимодействия с Карельским фронтом. Им предстояло взять порт Лиинахамари на западном берегу Печенгской бухты. Задумали смелый план. Чтобы противник не смог преградить путь десантным судам в узком фьорде, простреливаемом многочисленной артиллерией, было решено высаживать десант с быстроходных катеров. Расчет сделали на быстроту, внезапность и высокие качества морской пехоты, которая составляла десант.

Благодаря стремительности потери оказались невелики. Высадка оказалась столь неожиданной, что немецкий командир базы Лиинахамари успел передать в Киркенес: «Большевистские катера прорвались в базу. Срочно эвакуируюсь». 15 октября 14-я армия заняла Петсамо. А 25 октября 1944 года в Москве прогремел салют в честь взятия Киркенеса и освобождения первой части территории Норвегии [113] .

Так как германский флот лишился баз в районе Варангер-фьорда, уменьшилась опасность ударов с воздуха по морским коммуникациям. Англичане стали отправлять большие конвои по 30–50 транспортов. Германский флот попробовал активизировать действия подводных лодок. Однако охранение кораблями и союзников, и Северного флота заметно улучшилось. На путях противника успешно действовали поисковые ударные группы из подводных лодок и надводных кораблей, так что потери конвоев стали невелики. В то же время противник нес потери в транспортах и кораблях от ударов сил Северного флота, в первую очередь авиации. Николай Герасимович отмечал, что иногда против неприятельского конвоя действовало до 800 самолетов. Время от времени сам командующий руководил действиями разнородных сил. Когда в море показывался конвой, его атаковали и подводники, и летчики, и торпедные катера, добиваясь успеха. Для обороны своих судов гитлеровцам приходилось увеличивать число кораблей охранения.

Итак, Красная армия при поддержке флота почти вытеснила неприятеля с территории Советского Союза и уже перешагнула границы. Теперь войскам предстояло освобождать от фашизма страны Европы.

Черноморский флот не мог использовать крупные корабли для действий у прикрытых минами берегов Болгарии и Румынии, поэтому с началом Ясско-Кишиневской операции основную роль предоставили авиации. Важнейшими целями стали Констанца и Сулина. Летчики отвлекли внимание нападением на Сулину, а затем обрушились на Констанцу и уничтожили около 70 кораблей и судов. Атаки продолжались до 25 августа и парализовали деятельность портов.

Дунайская флотилия, сформированная по решению Ставки в апреле 1944 года, осуществила 22 августа переправу через Днестровский лиман и высадила десант на его западный берег. Уже к вечеру высаженные войска овладели Аккерманом (Белгородом-Днестровским). Следующей целью стало устье Дуная. 23 августа корабли флотилии вышли из Одессы, на рассвете 24 августа высадили десант у Жебриян и преградили пути отхода германо-румынских войск, которым пришлось

капитулировать. В то же время другой отряд флотилии вошел в Килийское гирло и направился вверх по Дунаю; высаженный десант овладел Вилковом. 23 августа в результате вооруженного восстания профашистское правительство Антонеску было свергнуто. Новое правительство Румынии объявило войну Германии, войска которой начали наступление на Бухарест. В этой обстановке успешно продолжалось наступление на суше. Но моряки двигались быстрее. 25 августа С.Г. Горшков сообщал из Килии, что частей армии поблизости нет [114] .

Командующий Черноморским флотом после прорыва в Килийское гирло оставил часть кораблей Дунайской флотилии при устье Дуная; эти силы заняли 27 августа Сулину. Главные силы направлялись вверх по реке. 26 августа пала Тулча. Весь Нижний Дунай оказался под контролем советских моряков; румынская флотилия капитулировала. Ставка поставила новую задачу. Войска 3-го Украинского фронта должны были выйти на границу с Болгарией и овладеть Констанцей. В этих условиях нарком ВМФ после обсуждения с Главным морским штабом поставил адмиралу Октябрьскому задачу захватить и освоить порт Констанцу. Дунайской флотилии следовало организовать траление и судоходство на реке и поддерживать действия сухопутных войск. С 24 августа по 8 сентября суда флотилии перевезли 179 тысяч человек и много техники на южный берег Дуная. Немцы пытались увести около 200 судов от Браилова по реке, но у Прахова были остановлены наступавшими войсками 2-го Украинского фронта и затопили суда.

29 августа командующий румынским флотом принял предложение капитулировать. Советские войска заняли Констанцу. Сразу же после капитуляции началось перебазирование кораблей в порт и самолетов на румынские аэродромы. Для управления ими уже 29 августа в Констанцу самолетом прибыла оперативная группа штаба ВВС Черноморского флота, а 8 сентября – оперативная группа штаба флота. Тем временем войска 2-го Украинского фронта заняли Плоешти и 31 августа вошли в Бухарест, а 3-й Украинский фронт 5 сентября вышел на румыно-болгарскую границу.

Так как болгарское правительство продолжало оказывать поддержку Германии, 5 сентября советское правительство заявило, что Советский Союз начинает войну против Болгарии. 3-му Украинскому фронту было поручено вступить в пределы страны. Черноморскому флоту во взаимодействии с воздушными десантами и сухопутными войсками следовало занять Варну и Бургас. 2 сентября 1944 года Военный совет Черноморского флота утвердил план, в соответствии с которым предстояло подводными

лодками, торпедными катерами и авиацией блокировать оба порта, огнем корабельной артиллерии способствовать наступлению сухопутных войск и высадить десанты в Варну и Бургас. Для выполнения плана были выделены корабли Дунайской флотилии, катера, подводные лодки, авиация и части морской пехоты. Так как освобождению Болгарии Ставка придавала особое значение, в штаб командующего 3-м Украинским фронтом направили Г.К. Жукова и Н.Г. Кузнецова. 30 августа они прибыли в Фратешти, где размещался штаб фронта. В пути Жуков со слов Г. Димитрова утверждал, что болгары воевать не будут и встретят советские войска хлебом-солью. Так и получилось, когда 8 сентября передовые советские войска вступили в Болгарию. Тем временем оперативная группа штаба Черноморского флота разработала план высадки в Бургас и Варну. Узнав о начале наступления, командование Черноморского флота предложило в расчете на мирное разрешение послать в эти два порта небольшие десантные партии на самолетах «Каталина». Все произошло так, как предсказывал Георгий Димитров. Болгарские войска и флот не оказывали сопротивления. В ночь на 9 сентября вооруженное восстание в Софии смело профашистское правительство. 9 сентября Ставка приказала прекратить продвижение войск в Болгарии. Взявшее власть в стране правительство Отечественного фронта объявило войну Германии. Черное море перестало быть театром военных действий. Но часть моряков Черноморского флота продолжила воевать в составе Дунайской военной флотилии. С 28 сентября по 21 октября 1944 года флотилия участвовала в Белградской операции. Моряки переправляли через Дунай войска, высаживали десанты в тыл противника, вели бои в столице Югославии. В ходе подготовки к Будапештской операции кораблям Дунайской флотилии пришлось переправлять значительные силы с правого на левый берег Дуная. По приказу Кузнецова создали две дополнительные бригады речных кораблей из мониторов и бронекатеров и бригаду траления. Флотилия успешно участвовала в Будапештской и Венской операциях, завершившихся взятием столиц Венгрии и Австрии [115] .

Успешные действия трех союзных стран в Европе потребовали решения ряда проблем, как военных, так и политических. Для этого было решено провести Ялтинскую (Крымскую) конференцию. Николай Герасимович узнал о конференции в Ставке в январе 1945 года. На наркома ВМФ возложили обязанность подготовить флотский аэродром, обеспечить самолеты, на которых прибудут главы иностранных правительств, а также безопасность союзных кораблей, прибывающих на Черное

море для поддержания связи. Поэтому Н.Г. Кузнецов немедленно направил в Крым для подготовки аэродрома командующего авиацией ВМФ генерал-полковника С.Ф. Жаворонкова, а сам прибыл в Севастополь за неделю до конференции.

2 февраля специальный поезд доставил в Крым И.В. Сталина и В.М. Молотова, а 3 февраля прибыли самолеты с У. Черчиллем и Ф.Д. Рузвельтом. Кузнецов лично встречал английского адмирала флота Э. Каннингхэма; вместе два адмирала встретили американского адмирала Э. Кинга. На автомобилях делегации прибыли в Ялту. Сталин не встретил гостей. Кузнецов считал, что так он выразил недовольство тем, что союзники долго не открывали второй фронт [116] .

В полном составе делегации собирались только на пленарных заседаниях, а в другие дни военные и морские представители встречались отдельно и готовили свои предложения для глав делегаций. Первое пленарное заседание состоялось 4 февраля. На нем обстановку на советско-германском фронте изложил генерал армии А.И. Антонов. Он напомнил, что наступление советских войск началось ранее срока, чтобы помочь союзникам, терпевшим поражение в Арденнах. Три фронта успешно продвигались на 25–30 километров в сутки, тогда как союзникам в Арденнах лишь удалось выйти на прежнюю занятую ими линию. Выступавший адмирал Э. Каннингхэм рассказывал о трудностях борьбы с германскими подводными лодками и просил быстрее взять Данциг, в котором строилось большинство этих лодок. Сталин заверил, что скоро Данциг будет взят, чем удовлетворил Черчилля. Так как разногласий по военным вопросам не было, остальные семь заседаний были посвящены вопросам политическим.

На Крымской конференции 4–11 февраля 1945 года в Ялте главы СССР, США и Великобритании решали широкий круг военных и политических вопросов. Первейшей задачей являлась координация действий вооруженных сил трех стран в окончательном разгроме гитлеровской Германии. Однако, так как советские войска стояли в 60 километрах от Берлина, вставали вопросы и послевоенного урегулирования. Руководители трех стран договорились о требовании безоговорочной капитуляции Германии после ее поражения, разделении страны на три зоны ответственности, причем Берлин оказывался зоной международного управления. Участники конференции провозгласили своей целью уничтожение германского нацизма и милитаризма, для чего следовало ликвидировать германские вооруженные силы и провести другие шаги по демилитаризации страны. Однако три страны заявили, что в их цели не входит

уничтожение германского народа, которому только избавление от нацизма и милитаризма откроет возможность достойного существования в сообществе наций. На конференции стороны рассматривали вопросы о репарациях с Германии в качестве частичного погашения ущерба СССР и другим союзным странам антигитлеровской коалиции, о создании Организации Объединенных Наций и основных принципах ее деятельности, о Польше и Югославии.

Так как война еще не завершилась, 6 февраля главы правительств пришли к решению, что Советский Союз вступит в войну против Японии. Американский адмирал флота Э. Кинг заявил, что необходимо быстрее кончать войну в Европе против Германии и общими силами действовать против японцев. Союзники не рассчитывали на быстрое окончание войны. Когда Кузнецов на вопрос Кинга, когда окончится война, предположил, что Германия капитулирует в конце 1945 года, а Япония несколько позднее, его сочли оптимистом. Союзников обрадовало заявление советских руководителей, что через два-три месяца после завершения войны на Западе СССР вступит в войну на Востоке. Нарком ВМФ решил, что время подходящее, чтобы обратиться к союзникам с предложением получить от США по ленд-лизу боевые корабли для усиления Тихоокеанского флота. Сталин посчитал такое предложение преждевременным. Позднее он вызвал Кузнецова и спросил, готов ли тот вести разговор о кораблях. Когда главы союзных правительств требовали скорейшего открытия боевых действий на Тихом океане, Сталин и поднял вопрос о поставках кораблей. Вопрос был решен в принципе с Рузвельтом, и Кузнецову оставалось только согласовать детали с Э. Кингом. В результате Советский Союз получил более 250 единиц фрегатов, тральщиков, катеров и десантных судов, за которыми были вскоре направлены в Америку команды [117] .

12 февраля Ф.Д. Рузвельт, а за ним и У. Черчилль оставили Севастополь. Н.Г. Кузнецов мог спокойнее вздохнуть, когда последний самолет и корабль союзников покинули пределы Крыма.

Вскоре после возвращения из Ялты Кузнецова вызвали в Кремль, где А.Н. Поскребышев сообщил, что 2 февраля Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение ввести в свой состав А.М. Василевского, А.И. Антонова и Н.Г. Кузнецова. Николая Герасимовича удивило, что ни прежний, ни новый начальник Генерального штаба не был членом Ставки. Для самого же наркома ВМФ почти ничего не изменилось. Он вспоминал позднее: «Как нарком, я и до этого бывал на совещаниях Ставки и

Государственного Комитета Обороны, куда меня вызывали по флотским вопросам. Нередко я обращался в Ставку сам, когда добивался нужного мне решения правительства или Верховного Главнокомандования. Иногда я звонил И.В. Сталину, если обстановка требовала немедленного доклада. И, несмотря на занятость, Верховный всегда находил время выслушать меня и дать исчерпывающий ответ» [118] .

Николай Герасимович оставил описание деятельности Ставки, как она виделась ему. Все основные вопросы решал сам Верховный главнокомандующий И.В. Сталин. Как правило, он не собирал на заседание всех членов Ставки. Кузнецов заметил, что постоянно на заседаниях присутствовал начальник Генерального штаба. Именно Генштаб являлся основной опорой в работе Верховного главнокомандующего. Других участников вызывали в зависимости от обсуждаемого вопроса. Среди них были представители Ставки, которых Сталин направлял на фронты в важные моменты, командующие фронтами и армиями, которым предстояло выполнять операцию или директиву. Прежде чем принять решение, Сталин тщательно выяснял обстановку у тех, кто имел к нему отношение. Кроме представителей Ставки, на фронты посылали и других ответственных работников аппарата. Не раз Верховный главнокомандующий направлял на флоты заместителей наркома ВМФ, а то и самого наркома и требовал указать, когда тот выезжает. Приглашали на заседания наряду с военными наркомов различных отраслей промышленности, директоров заводов, что устанавливало связь фронта и тыла. Государственный Комитет Обороны фактически сливался со Ставкой, образуя одно целое. Вызывая исполнителей, Сталин интересовался мнением и рядовых летчиков, танкистов, артиллеристов, от которых добивался оценки того или иного вида оружия. От каждого вызванного он требовал исчерпывающего доклада. В частности, от наркома ВМФ он ожидал подробностей о движении конвоев, о доставке в советские порты трофейных кораблей и т. д. Временами Сталин не терпел возражений, однако в большинстве случаев терпеливо выслушивал собеседника и мог согласиться с хорошо обоснованной точкой зрения. Он резко прерывал докладчика, если считал, что тот плохо знает вопрос [119] .

Зимой – весной 1945 года советские войска продолжали наступление на Берлин и против группировки германских войск в Померании и Восточной Пруссии. В боевых действиях, включая взятие Берлина, участвовали моряки.

В ходе Висло-Одерской операции 12 января – 3 февраля 1945 года советские войска вышли на границу с Германией и начали

форсирование Одера. Одновременно с 13 января началась Восточно-Прусская операция 2-го, 3-го Белорусских фронтов и Балтийского флота, проходившая до 25 апреля. По решению Ставки войска 2-го Белорусского фронта совершали обходной маневр на Мариенбург, а 3-му Белорусскому фронту при содействии 2-го Прибалтийского фронта и Балтийского флота следовало ударом на Кенигсберг отсечь и уничтожить по частям восточно-прусскую группировку противника. Одновременно следовало разгромить данцигско-гдынскую группировку неприятеля. 1-му и 2-му Прибалтийским фронтам предстояло блокировать курляндскую группировку противника и не допустить переброски ее войск на другие направления.

Балтийский флот после выхода из войны Финляндии получил возможность действовать подводными лодками и надводными кораблями из финских портов. Подводники делали все возможное, чтобы не допустить эвакуации неприятельских войск из блокированных с суши портов. Наибольшего успеха добился командир подводной лодки С-13 А.И. Маринеско; он 30 января недалеко от Данцига потопил лайнер «Вильгельм Густлов», на котором вывозили гитлеровцев, в том числе подготовленные команды подводников, а 9 февраля – транспорт «Генерал Штойбен» [120] .

28 января войска 2-го Прибалтийского фронта освободили порт Мемель (Клайпеда). При взятии города отличилась морская артиллерия. Два железнодорожных дивизиона поддерживали сухопутные войска и переправу их на косу Фриш-Нерунг, обстреливали корабли в порту и мешали эвакуировать войска морем.

10 февраля – 4 апреля проходила Восточно-Померанская операция 1-го и 2-го Белорусских фронтов. 28 марта 1945 года войска 2-го Белорусского фронта освободили город Гдыню, 30 марта – Данциг (Гданьск). Однако противник располагал еще Либавой, через которую сначала доставлял подкрепления, а затем начал эвакуацию войск и имущества. Морякам следовало прервать эти перевозки. Ставка подготовила совместно с Главным морским штабом директиву для Балтийского флота, в которой было указано: «Операционной зоной флота является все Балтийское море вплоть до проливов». Флоту следовало поддерживать наступающие войска огнем, высаживать десанты и уничтожать корабли и суда противника. Действия флота имели важное значение, так как войска 3-го Белорусского фронта готовились к разгрому кенигсбергской группы врага. Кузнецов лично выехал в Палангу (западнее Либавы), откуда командующий Краснознаменным Балтийским флотом В.Ф. Трибуц руководил

действиями моряков. Именно мимо Паланги проходили морские коммуникации курляндской группировки. С пирса курортного городка можно было наблюдать, как транспорты входят в Либавский порт. Морская авиация наносила удары по портам, в то время как подводные лодки и торпедные катера действовали против судов в море. Однако неприятель, уклоняясь от атак торпедных катеров, проложил маршруты мористее. Поэтому нарком ВМФ предложил выделить больше воздушных сил для борьбы с судоходством и для ударов по портам в период формирования конвоев. В море авиации следовало взаимодействовать с подводниками и катерниками. От использования крупных надводных кораблей пришлось отказаться: слишком велика оставалась минная опасность. Кроме того, командование считало, что лучше истребители использовать для прикрытия действий против Либавы и позиций противника, чем для охранения кораблей. Несмотря на то что авиация Балтийского флота была вдвое сильнее неприятельской и добилась значительных успехов, нарком ВМФ обратился к начальнику Генерального штаба с просьбой выделить три дивизии бомбардировщиков и дивизию истребителей [121] .

Германское командование попыталось перебросить часть войск из курляндской группировки. 21 марта из Либавы вышли пять транспортов с охранением из сторожевых кораблей и тральщиков. Однако конвой обнаружили балтийские летчики, и ударная авиагруппа потопила 4 транспорта и 2 сторожевика из состава этого конвоя. Всего с января по май, по данным журнала боевых действий группы армий «Север», советская авиация уничтожила 158 судов и 20 повредила.

9 апреля пал Кенигсберг. В его штурме принимала значительное участие морская железнодорожная артиллерия. Пушки калибром до 180 миллиметров не только разрушали долговременные укрепления противника, но и препятствовали движению судов в Кенигсбергском канале. После падения Кенигсберга морская артиллерия содействовала взятию порта Пиллау. А 26 апреля войска 2-го Белорусского фронта взяли Штеттин (Щецин).

25 апреля советские войска завершили окружение Берлина, а 2 мая овладели городом. Во взятии столицы Германии принимали участие моряки Днепровской флотилии, которую возродили осенью 1943 года. В марте 1944 года флотилия начала действовать на реках Припять, Птичь, Березина. Днепровцы содействовали войскам огнем артиллерии, высадками десантов и перевозками войск и техники. Флотилия была награждена орденом Красного Знамени. К началу Берлинской операции по

рекам и каналам суда флотилии, проделав пятисоткилометровый путь, прибыли на Одер, обеспечивали переправу войск через реку. Затем часть катеров послали на Шпрее. Моряки вели бои во взаимодействии с сухопутными войсками на подступах к Берлину, а затем и внутри города. За успешные действия на Берлинском направлении флотилию наградили орденом Ушакова I степени [122] .

С падением Берлина и даже после капитуляции Германии боевые действия не совсем завершились. В последние дни войны гроссадмирал Дёниц, который стал главой правительства после самоубийства А. Гитлера, направил генерал-адмирала фон Фридебурга с группой офицеров к фельдмаршалу Монтгомери с предложением принять капитуляцию германского флота. Тот, очевидно по указанию Черчилля, приказал с 4 мая прекратить действия английской авиации против германского флота. Пользуясь этими обстоятельствами, 7 мая Дёниц приказал всем германским кораблям на Балтике покинуть порты и базы, которым угрожали советские войска, до полуночи 9 мая; корабли и суда, не имевшие возможности уйти, следовало уничтожить. Даже после подписания Акта о безоговорочной капитуляции продолжали сопротивляться отдельные группировки неприятельских войск, отказывавшиеся сдаваться советским войскам. В морях действовали германские подводные лодки, командование которых не знало о капитуляции. В частности, о появлении немецкой подводной лодки в зоне действия Северного флота А.Г. Головко сообщал еще в середине мая. На датском острове Борнхольм противник продолжал сопротивляться и 9 мая. Но флотская авиация атаковала неприятельские войска и суда на острове, а затем была высажена рота бойцов. Германское командование приступило к оформлению капитуляции. Однако советским катерникам и подводникам приходилось перехватывать суда с войсками, пытавшиеся уходить к берегам Швеции.

Как нарком ВМФ, Н.Г. Кузнецов участвовал в Потсдамской конференции глав правительств союзных держав 17 июля – 2 августа 1945 года. Получив через начальника Генерального штаба указание готовиться к поездке, 14 июля он вылетел в Берлин. До начала конференции Николай Герасимович успел осмотреть столицу Германии. Он встречался с начальником Генерального штаба А.И. Антоновым, который уже занимался Тихим океаном. Антонов говорил, что, возможно, Кузнецову придется выехать на Восток.

17 июля состоялось первое заседание, в котором участвовали Сталин, Трумэн и Черчилль. Сразу возникли проблемы. После

окончания войны Черчилль не чувствовал большой нужды в Советском Союзе. Г. Трумэн был осторожнее, так как рассчитывал на советскую помощь в борьбе с Японией. Кузнецов, в частности, не раз вел разговоры с Э. Кингом о предстоящих совместных действиях на Тихом океане.

Одним из камней преткновения стал вопрос о разделе трофейного германского флота. Сталин уже в апреле 1945 года поинтересовался у Кузнецова, готовят ли моряки новую программу кораблестроения, и велел представить при первой возможности наметки программы, а также планы, как можно использовать трофейные суда. В Потсдам нарком взял данные о местонахождении неприятельских судов, собранные Главным морским штабом. На одном из первых заседаний Сталин поставил вопрос о разделе трофейных кораблей. Дальнейшее Н.Г. Кузнецов описал следующими словами:

«Помнится, как болезненно воспринял У. Черчилль даже постановку этого вопроса. Он считал, что раздел трофейного немецкого флота между союзниками на равные части вообще не правомерен. При этом он в качестве аргумента ссылался на то, что англичане во время войны понесли огромные потери на море, к тому же к моменту капитуляции большая часть немецкого флота оказалась в портах Англии и в оккупированных англичанами военно-морских портах Германии, Дании, Норвегии и Франции.

Возникла полемика. Мне никогда прежде не приходилось видеть Сталина таким рассерженным. А Черчилль даже вскочил, чуть не уронив кресло. Лицо его налилось кровью, он бросал резкие негодующие реплики. Сталин посоветовал на время отложить рассмотрение этого вопроса» [123] .

Когда Кузнецов вновь подошел со списками кораблей к Сталину, тот предложил подождать. Вскоре после неудачи Черчилля на выборах его сменил в качестве премьер-министра Эттли. Он более спокойно отнесся к проблеме раздела германского флота. Однако в ходе заседания глав правительств родилась расплывчатая формулировка: «Участники конференции в принципе договорились относительно мероприятий по использованию сдавшегося германского флота и торговых судов. Было решено, что три правительства назначат экспертов, которые совместно выработают детальные планы осуществления согласованных принципов». Встревоженный Кузнецов высказал Сталину мнение, что, если сразу не решить вопрос, он может бесконечно затянуться. Сталин согласился, и главы правительств поручили военно-морским представителям согласовать вопрос на конференции.

Совещание Н.Г. Кузнецова, Э. Кинга и Э. Каннингхэма с участием дипломатических советников и флотских специалистов произошло вечером 31 июля. Воспользовавшись тем, что американский адмирал предложил в качестве председателя кандидатуру советского наркома ВМФ, Николай Герасимович дал согласие при условии, что они не разойдутся, пока не решат вопрос. Остальным пришлось согласиться. Если моряки не очень возражали против раздела, постоянные проблемы выдвигал британский дипломат Робертсон. Кузнецов еле успевал опровергать его замечания. Последним стало замечание о том, что невозможно разделить наличные трофейные корабли на три равные группы. Тогда Кузнецов предложил разделить их на примерно равные группы и тянуть жребий. Позднее время заставило всех согласиться. Так как с разделом возникли трудности, решили создать тройственную комиссию. С советской стороны участвовал адмирал Т.П. Левченко, срочно вызванный из Москвы. На заседании 14 августа комиссия примерно распределила корабли на три группы и провела жеребьевку. Союзники разделили более 500 боевых кораблей и 1339 вспомогательных судов. Из них Советский Союз получил 155 боевых кораблей (в том числе крейсер, 4 эсминца, 6 миноносцев, несколько подводных лодок), которые использовали как учебные и вспомогательные суда [124] .

Несмотря на Победу, окончательного мира еще не было. В полной мере вставала проблема борьбы с минной опасностью на всех морях. Требовалось восстанавливать разрушенные базы и верфи, строить новые корабли. Это уже были планы мирного времени. Однако оставалась Япония, которая продолжала сопротивляться союзникам. С ней в соответствии с потсдамскими договоренностями предстояло воевать, в том числе и морякам.

Подготовку к войне начали заранее. 5 апреля 1945 года советское правительство денонсировало советско-японский договор о нейтралитете от 13 апреля 1941 года. После завершения войны на Западе Главный морской штаб разрабатывал планы взаимодействия Тихоокеанского флота с 1-м Дальневосточным фронтом. В середине мая 1945 года Н.Г. Кузнецова вызвали в Кремль, где решали вопрос о переброске войск на Дальний Восток. Вслед за начальником Генерального штаба нарком ВМФ доложил о планах усиления Тихоокеанского флота.

На том же заседании было решено отпраздновать День Победы парадом. Парад состоялся 24 июня 1945 года. В нем участвовал и сводный морской полк. В день парада Кузнецов стоял на трибуне Мавзолея В.И. Ленина. Перед ним проходили

герои воздушных и торпедных атак, обороны баз и десантных высадок [125] .

Тем временем события нарастали. 6 августа США сбросили атомную бомбу на Хиросиму, 9 августа – на Нагасаки. 8 августа Советский Союз объявил войну Японии и в ночь на 9 августа начал боевые действия. Основания для вступления в войну у Советского Союза были и кроме договоренности с союзниками. Японцы топили и захватывали советские суда. Несмотря на договор о ненападении с Японией, не было никакой уверенности, что восточные границы останутся безопасными. Тихоокеанцам приходилось быть настороже. Они не только отправляли свои корабли и моряков на действующие флоты и фронты, но и поддерживали боеготовность, учились на опыте своих сотоварищей, охраняли побережье и морские перевозки. Командующий флотом И.С. Юмашев просил усилить флот кораблями. Такая возможность возникла только в 1945 году, когда американцы, заинтересованные в том, чтобы Советский Союз вступил в войну против Японии, передали тихоокеанцам фрегаты, десантные и другие корабли, необходимые для операций на море. Тогда же установили разграничительную линию между районами действий американского и советского флотов.

К августу 1945 года на Восток были переброшены многочисленные обстрелянные войска из Европы, что позволило создать превосходство над противником в людях и технике. Главнокомандующим на Дальнем Востоке назначили маршала А.В. Василевского. Под его командованием находились Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные фронты. По стратегическому плану всем трем фронтам следовало наступать по сходящимся направлениям, чтобы овладеть важными пунктами Маньчжурии и разгромить Квантунскую армию. Амурской флотилии предстояло действовать со 2-м Дальневосточным фронтом на Амуре и Сунгари. Тихоокеанскому флоту следовало нарушать неприятельские морские сообщения в Японском море, обеспечить свои коммуникации, не позволять японцам высаживаться на советское побережье и затруднять базирование кораблей врага на порты Северной Кореи. Н.Г. Кузнецову поручили координировать действия флота и флотилии с операциями сухопутных войск. Он узнал об этом в конце Потсдамской конференции и вскоре вылетел на Дальний Восток. До Читы нарком добрался, несмотря на нелетную погоду, и своим появлением удивил маршала Василевского [126] .

К началу военных действий на Дальнем Востоке Тихоокеанский флот насчитывал 1 крейсер, 1 лидер, 12 эсминцев

и миноносцев, 78 подводных лодок, 204 торпедных катера, десантные суда, тральщики и другие корабли, более 1500 самолетов. Японский флот был численно сильнее. Несмотря на острый недостаток горючего, он мог при необходимости появиться у советских берегов, и исключать его появления не следовало. Поэтому на рассвете 8 августа флот перевели на оперативную готовность № 1, была организована система конвоев, усилены минные заграждения.

Важнейшей целью тихоокеанцев стали корейские порты Юки, Расин и Сейсин, через которые японцы снабжали Квантунскую армию. Флот выделил для нападения на эти порты торпедные катера и значительные силы авиации. Атаки с воздуха и моря позволили уже 12 августа овладеть Юки и Расином. Взятие Сейсина, в котором стоял сильный гарнизон, потребовало больших усилий. Предстояло высадить 334-ю стрелковую дивизию, 13-ю бригаду и 355-й батальон морской пехоты. Морякам батальона, высаженного в первом эшелоне, пришлось выдержать несколько атак противника. С прибытием подкреплений порт был взят 16 августа, и тихоокеанцы получили возможность базировать в Корее свои корабли.

В середине августа Кузнецов с Василевским вылетал в Приморье. Побывал он на командном пункте Тихоокеанского флота во Владивостоке, узнал о боях за Сейсин и подготовке десанта в Гензан, а также о действиях Северной Тихоокеанской флотилии в борьбе за Курильские острова и Южный Сахалин [127] .

11–25 августа проходила Южно-Сахалинская операция 2-го Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота. В то время как войска начали наступление по суше, корабли Тихоокеанского флота высадили десанты в порты Торо и Маока. К 25 августа японская дивизия, оборонявшая Южный Сахалин, была разгромлена, и полуостров вернулся в пределы СССР.

15 августа Василевский приказал Юмашеву и командующему 2-м Дальневосточным фронтом генералу армии М.А. Пуркаеву провести операцию по освобождению островов северной части Курильской гряды. Командование флота поручило выполнение операции войскам Камчатского оборонительного района и силам Петропавловской военно-морской базы, которым следовало внезапно высадить десант в северо-восточной части острова Шумшу, овладеть военно-морской базой Катаока и, используя ее как опору, брать острова Парамушир и Онекотан. 18 августа моряки высадили десант на остров Сюмусю (Шумшу); после кровопролитных боев 25 августа японский гарнизон капитулировал. В тот же день началась капитуляция японцев на

других островах, продолжавшаяся до 1 сентября.

Перед возвращением в Москву Н.Г. Кузнецов побывал на Амурской флотилии, которой командовал контр-адмирал Н.В. Антонов. Флотилия, используя свыше 200 судов и кораблей, главным образом мониторы и бронекатера, активно действовала на Амуре и Сунгари, заходя в тыл противника. Среди моряков насчитывалось немало людей с военным опытом. Главные силы флотилии обеспечивали переправу через Амур 2-й и 15-й армий, высадку десантов при взятии города Сахаляна и других городов вдоль побережья реки, на Сунгари оказывали поддержку сухопутным войскам во взятии городов Цзямусы, Саньсин и, наконец, Харбина, который пал 20 августа. Двигаясь вверх по Сунгари, моряки флотилии находили фарватеры среди ферм взорванных мостов, лавировали среди пущенных противником по течению бревен. Они высадили десант, который вместе с сухопутными войсками взял базу японцев Фуцзинь, захватили и разоружили Сунгарийскую речную флотилию японцев [128] .

22 августа советские авиадесантные войска взяли Порт-Артур и Дайрен (Далянь). 1 сентября завершилось разоружение японской Квантунской армии. 2 сентября был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Японии. 3 сентября стало праздником Победы над Японией.

Еще шли бои и войска высаживались на последний из Курильских островов – Кунашир, когда Кузнецову позвонил Сталин и шутливо предупредил, чтобы на Хоккайдо не высаживались. А через несколько дней он вызвал наркома ВМФ в Москву. Предстояло рассмотрение новой кораблестроительной программы. Уже в столице Кузнецов увидел в газетах Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 года, которым ему, Юмашеву и Антонову было присвоено звание Героя Советского Союза. Через несколько дней моряк получал награду в Кремле [129] . Звание Героя Советского Союза Кузнецов получил за образцовое выполнение заданий Ставки Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями флотов в войне против фашистской Германии и милитаристской Японии и личный вклад в дело Победы [130] .

По пути с Дальнего Востока нарком набрасывал планы кораблестроения мирного времени. Он считал, что необходимо строить крейсера, эсминцы, подводные лодки, которые себя оправдали, и авианосцы, ибо без авиационной поддержки и надводных сил нет поддержки подводникам. По возвращении Кузнецов поручил начальнику Главного морского штаба и другим помощникам разработку планов, которые легли в основу программы кораблестроения. В воспоминаниях Николай

Герасимович не раз повторял основную идею о сбалансированности флота:

«Флот должен быть сбалансирован исходя из задач, стоящих перед Вооруженными Силами страны. Только это определит соотношение надводного и подводного флота, классов кораблей, типов самолетов, вооружения. И следует учитывать, как изменилась обстановка, изменились средства вооруженной борьбы.

Все это учитывается сейчас. Наш флот строится с учетом опыта минувших войн и на основе научного предвидения на будущее» [131] .

Это было написано в 60-х годах. Тогда же, осенью 1945 года, для Кузнецова начинался новый этап жизни – послевоенный. Нарком надеялся, что после Победы деятельность его станет проще и спокойнее. Он не мог и предположить, какие трудности и проблемы ждут его впереди.

Окончание войны поставило перед руководством флота нелегкие проблемы. Требовалось восстанавливать разрушенные базы и создавать новые в районах, которые оказались на территории СССР. На долгое время растянулась очистка акваторий от мин и затопленных судов. За время боевых действий износились боевые корабли. Всеми этими вопросами занимался нарком. Но начиналась работа и на перспективу. Статус СССР как великой державы требовал создания мощного флота.

В ноябре 1945 года правительству представили проект 10-летнего плана кораблестроения. Несмотря на недостатки, план этот следовало провести в жизнь, чтобы, исходя из возможностей прошедшей через тяжелую войну страны, обеспечить оборону в первые послевоенные годы. Однако выработать единые взгляды руководства на развитие ВМС не удалось. Споры шли на самом высоком уровне. Уже в 1946 году И.В. Сталин сказал Кузнецову: «Почему, Кузнецов, ты все время ругаешься со мной? Ведь органы давно просят у меня разрешения тобой заняться». В следующем году они и занялись, очевидно получив согласие Сталина, желавшего припугнуть несговорчивого наркома. По результатам проверки Главного морского штаба Кузнецова понизили в должности. С февраля 1947 по март 1948 года моряк – начальник Управления военно-морских учебных заведений [132] .

Тем временем против Кузнецова, а также его помощников Л.М. Галлера, В.А. Алафузова и Г.А. Степанова было возбуждено дело о передаче союзникам научно-технических сведений, якобы представлявших военную тайну. Несмотря на отрицательное заключение экспертной комиссии, Сталин приказал привлечь четверых к суду чести. Суд в январе 1948 года приговорил троих

обвиняемых к заключению. Кузнецов держался на суде уверенно и пытался защитить своих подчиненных. По решению суда его понизили в звании до контр-адмирала. 8 марта 1948 года моряка сняли с должности и зачислили в распоряжение главкома. Март – июнь 1948 года Кузнецов находился в распоряжении главкома ВМС. С июня 1948 по февраль 1950 моряк состоял заместителем главнокомандующего войсками Дальнего Востока по ВМС [133] .

О деятельности моряка на этом посту свидетельствует характеристика Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского, главкома войск Дальнего Востока. Представляя своего заместителя в 1950 году к ордену Красного Знамени, маршал писал: «…показал себя добросовестным и старательным адмиралом. Свои взаимоотношения с командующими флотами и флотилией организовал на правильной основе, с высокой служебной требовательностью. Среди командования флотов, флотилий и офицеров флотов, а также в управлении ГК войск Дальнего Востока авторитетен. Выдержанный член партии» [134] .

В этот период Тихоокеанский флот делился на два – 5-й и 8-й. Кузнецов не приветствовал разделения ни Балтийского, ни Тихоокеанского флота на два; решения принимал Сталин. Вероятно, он хотел, чтобы СССР имел флотов не менее, чем США. Собственно, несогласие Кузнецова с решением Сталина и стало одной из причин опалы. Теперь контр-адмирала вновь назначили командовать флотом на Дальнем Востоке, правда, уже только частью Тихоокеанского флота.

Кузнецов командовал 5-м ВМФ с 20 февраля 1950 по 8 июля 1951 года. В 1951 году Сталин сменил гнев на милость. То ли он решил, что достаточно «воспитывал» норовистого моряка, то ли не оказалось более подходящей кандидатуры, но Кузнецова произвели в вице-адмиралы и в июле 1951 года назначили военно-морским министром. С 20 июля 1951 по 5 января 1956 года Н.Г. Кузнецов – военно-морской министр, первый заместитель министра обороны ВМФ СССР – главнокомандующий ВМС СССР [135] .

В 1953 году, вскоре после смерти Сталина, Кузнецова восстановили в звании адмирала флота, а после реорганизации Военного министерства и Министерства Военно-морского флота в Министерство обороны СССР назначили первым заместителем министра обороны – главнокомандующим военно-морскими силами [136] .

В этот период Кузнецов старался создать сбалансированный флот с применением современных видов оружия и техники (атомные двигатели, ракеты, вычислительная техника,

электроника и автоматика). О ракетном вооружении Кузнецов поднимал вопрос еще в 1951 году. В 1954–1955 годах на кораблях и берегу появились первые ракетные комплексы, строили первую атомную подводную лодку. В 1955 году флагман подал записку Г.К. Жукову записку о необходимости начать разработку для подводных лодок дальнобойных ракет, гироскопических приборов и вычислительной техники для их применения. Это были последние важные документы, подписанные главкомом ВМС СССР. В дискуссиях о развитии военного флота главком ВМС имел свои взгляды и твердо защищал их, высказавшись даже о некомпетентности Н.С. Хрущева. Вскоре ему это припомнили. В марте 1955 года флотоводцу присвоили звание Адмирала Флота Советского Союза. Однако через два месяца у Кузнецова случился инфаркт. Он обратился к министру обороны с просьбой перевести на более легкую работу. Жуков, расценив обращение как нежелание работать с ним, предложил назвать человека, который мог бы принять должность, и Кузнецов назвал С.Г. Горшкова [137] .

Когда 29 октября 1955 года взорвался и затонул в Севастополе линейный корабль «Новороссийск», главкома обвинили в неудовлетворительном руководстве, хотя из-за инфаркта он полгода не исполнял должность. В начале декабря его сняли с поста. Декабрь 1955 – февраль 1956 года моряк находился в распоряжении министра обороны СССР. В феврале 1956 года его уволили в отставку в звании вице-адмирала. В воспоминаниях Кузнецов писал: «На строгость по уставу жаловаться не положено. Но я возмущался тем, что решение было принято без вызова меня, без дачи объяснений и даже без предъявления документа о моем освобождении» [138] .

Позднее адмиралу Касатонову стало известно от маршала А.М. Василевского, что решение принял по записке Жукова сам Н.С. Хрущев. Долгое время обращения моряка в Президиум ЦК КПСС, к Л.И. Брежневу, министрам обороны Г.К. Жукову и А.А. Гречко с просьбой объективно разобраться в его деле не находили ответа. Только 26 июля 1988 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ о восстановлении Н.Г. Кузнецова в воинском звании Адмирала Флота Советского Союза [139] .

Оставленный без должности, Николай Герасимович оставался моряком и энергично взялся за литературную деятельность. Он редактировал и снабдил предисловием книгу о судьбе конвоя PQ-17, переводил книгу Д. Калверта «Подо льдом к полюсу», для академического журнала написал опубликованную в 1975 году статью «Некоторые вопросы океанско-морских операций английского и американского флотов в годы Второй мировой

войны» [140] .

Работая в библиотеках и архивах, моряк готовил и воспоминания, и статьи по вопросам истории флота. Кузнецов свободно читал литературу на английском, немецком, испанском и немецком языках. Три года моряк собирал материалы к своим воспоминаниям. В 1965 году книга «Накануне» была готова. Высокую оценку ей дал К.М. Симонов. За первой книгой последовали другие.

С 1971 года Н.Г. Кузнецов работал на общественных началах в качестве военного консультанта в Главной редакционной комиссии научного труда «История Второй мировой войны 1939–1945 гг.». В этот же период выходят одна за другой статьи и книги воспоминаний флотоводца о его деятельности в Испании и участии в управлении флотом в годы Великой Отечественной войны: «Накануне» (1971), «На далеком меридиане» (1971), «На флотах боевая тревога» (1971), «Курсом к победе» (1975), «Крутые повороты: Из записок адмирала» (1995) и др. Книги давались Кузнецову нелегко, были выстраданы. Часть его работ увидела свет лишь после смерти флотоводца. Другие, опубликованные при жизни, вызывали необычайный интерес читателей (особенно книга «Накануне», от которой ожидали откровений) и были позднее переизданы.

Основной целью автора явились выводы о прошедшем, из которых следовало извлекать поучения для будущего. Он и других флотоводцев побуждал писать о прошлом, чтобы последующие моряки учились на опыте былом. Одним из немногих мемуаристов он затрагивал вопросы стратегии.

Адмирал писал и биографические очерки о людях, с которыми встречался. Своему будущему биографу В. Рудному, критикуя одну из написанных им работ, адмирал высказал свое мнение: «В биографической книге, если она назначена не только для временной пропаганды, нужно уметь раскрыть качества военачальника. Не только говорить, где он был, а рассказать, какую работу проводил, что сделал и в чем заключается его талант. Нельзя вырывать из коллектива и ставить над коллективом. Это не поднимает, а обедняет. Он не парил над флотом, а трудился на флоте вместе с другими людьми. У большого начальника наряду с большими делами бывают и ошибки. Они случаются на фоне жизни и деятельности флота. Их нельзя замалчивать, чтобы описание полезной деятельности, хороших дел не превратилось в лакировку» [141] .

Наградили флотоводца за заслуги 4 орденами Ленина (1937, 1945, 1945, 1952), 3 орденами Красного Знамени (1937, 1944, 1950), 2 орденами Ушакова I степени (1944, 1945), орденом

Красной Звезды (1935), орденом «Знак Почета» (1934), польскими орденами Крест Грюнвальда 1-го класса, Командорский крест, югославскими – «Партизанская звезда» I степени, «Народное освобождение» (все в 1946 году), монгольским «За боевые заслуги» (1972). Умер Николай Герасимович 6 декабря 1974 года в Москве и похоронен на Новодевичьем кладбище, на 1-м участке, 44-й ряд, 1-е место [142] .

Летчик В.К. Коккинаки называл Кузнецова на редкость порядочным человеком. Маршал Советского Союза А. М. Василевский писал семье покойного, что хранит постоянную память «о редкостном человеке, талантливейшем военачальнике и любимом друге Николае Герасимовиче, отдавшем все, что он мог за свою жизнь, делу укрепления, развития и победы наших славных Вооруженных сил» [143] .

Три сына флотоводца (Виктор, Николай, Владимир) учились в Нахимовском и высших военно-морских училищах. Отец воспитал их в убеждении, что родство не облегчает, а обязывает.

Лишь в 1988 году моряка восстановили в звании Адмирала Флота Советского Союза. Его именем названы Военно-морская академия в Санкт-Петербурге и авианесущий корабль Северного флота [144] . В Котласе есть улица Н.Г. Кузнецова [145] .

Рассматривая биографию Николая Герасимовича Кузнецова, следует отметить, что перед нами жизнь человека, который всего себя отдал развитию отечественного флота. Когда он мог влиять на развитие подготовки моряков и судостроение в качестве командующего Тихоокеанским флотом, наркома, министра или главкома ВМФ, он делал это, невзирая на беды и неприятности, которые ему грозили. Когда его отлучили от высокого поста, он продолжал заботиться о развитии и совершенствовании флота как морской писатель, стараясь донести до массы читателей свой опыт и мысли, навеянные этим опытом.

Кузнецов стал одним из первых командующих флотом, которому пришлось управлять морскими силами с берега, практически не выходя в море. Именно такая форма управления из центра с помощью современных средств связи и получения информации стала ныне наиболее эффективной. В мирное же время высшее лицо на флоте обязано бывать на кораблях и театрах военных действий, чтобы знать положение на местах и готовить моряков всех уровней и технику на случай войны.

Моряк и политический деятель, Н.Г. Кузнецов выше своих личных интересов ставил интересы государственные и ради них переживал и оскорбления Сталина, и непонимание многих властей предержащих и даже соратников. Превратности судьбы не заставили моряка озлобиться против страны и правительства,

которые допускали по отношению к нему грубый произвол. И в дальнейшем, получив возможность высказать наболевшее о виновниках своих несчастий, Николай Герасимович был справедлив в их оценке. В частности, его характеристика Г.К. Жукова во многом совпадает с современной оценкой полководца «без ретуши».

В этом Кузнецов напоминает адмирала Павла Васильевича Чичагова, который не раз выполнял щекотливые поручения императора Александра I, делал все возможное для захвата Наполеона, несправедливо был обвинен в том, что упустил императора, и все же не дал обиде превысить понимание государственного характера решений, под каток которых попал.

В отличие от П.С. Нахимова, который так и не женился, а семьей для него стали все моряки, Николай Герасимович был хорошим семьянином. Конечно, супруге его нелегко было жить с человеком, которого судьба то поднимала на недосягаемую высоту, то больно роняла с этой высоты.

Завершая биографию Николая Герасимовича, следует привести слова известного морского специалиста, автора ряда книг о современном отечественном флоте Г.Г. Костева: «Таким образом, можно утверждать, что если военно-морская идея поддерживается верхним эшелоном власти, то она всегда работает как на возвеличивание государства в мире, так и на усиление его военной мощи. В проведении военно-морской идеи в жизнь особая роль принадлежит личностям, четко представляющим значение ВМФ для жизнедеятельности государства. В истории нашего Отечества таких было четыре государственных деятеля, которые оказали исключительное влияние на развитие военного флота страны, – Петр I, Екатерина II, Н.Г. Кузнецов и С.Г. Горшков» [146] .

КОМАНДУЮЩИЕ ФЛОТАМИ

БАСИСТЫЙ НИКОЛАЙ ЕФРЕМОВИЧ Врио командующего Черноморским флотом

Н.Е. Басистый очень недолго командовал Черноморским флотом в годы Великой Отечественной войны. Однако его вклад в боевые действия оказался немалым. А командующим Черноморским флотом он стал в послевоенные годы.

Николай Басистый родился 9 (21) мая 1898 года в деревне Юрьевке, ныне Тарутинского района Одесской области, Украина. В 1914 году юноша поступил в Севастополе в школу юнг. В 1915 году он окончил школу и был направлен в Минную школу на учебное судно «Рион». Летом 1916 года его выпустили из Минной школы унтер-офицером 2-й статьи. Он служил минно-машинным унтер-офицером на эсминце «Жаркий», миноносце «Сулин», участвовал в многочисленных плаваниях. Осенью 1916 года за минную постановку у Босфора моряка наградили Георгиевской медалью, вскоре произвели в унтер-офицеры 1-й статьи. В феврале 1917 года Басистого избрали членом судового комитета «Жаркого». С декабря 1917 по январь 1918 года моряк в составе отряда участвовал в установлении советской власти в Одессе, в подавлении восстания гайдамаков. В 1918 году он в Нижнем Новгороде поступил на Волжскую военную флотилию, служил сигнальщиком на артиллерийской барже «Сережа», не раз бывал в боях.

На Волго-Каспийской флотилии Басистый был сигнальщиком и дальномерщиком канонерской лодки «Красное знамя». Он воевал против войск генералов А.И. Деникина и П.Н. Краснова в районе Царицына, в 1919 году стал членом партии большевиков. Сигнальщиком на канонерской лодке «Красное знамя» моряк принимал участие на Каспийском море в боях с английской флотилией у форта Петровский, высаживался с десантом. В 1921 году он служил военным контролером [147] .

В октябре 1921 – августе 1922 года моряк окончил Коммунистический университет имени Свердлова в Москве. В 1922–1923 годах он служил лектором, инструктором, ответственным организатором Николаевской военно-морской базы, с октября 1923 по январь 1924 года – помощником комиссара Управления обеспечения безопасности кораблевождения Черного и Азовского морей (Убекочерназморей). С января по май 1924 года Басистый был

ответственным организатором, далее до октября 1925 года – комиссаром Машинной школы, а затем до октября 1926 года – начальником (и одновременно комиссаром) Машинной школы Учебного отряда Морских сил Черного моря. В октябре 1926 года Басистый поступил на подготовительный факультет Военно-морской академии. В марте 1931 года он окончил Военно-морскую академию имени К.Е. Ворошилова. Это открыло ему путь к командованию кораблями. Правда, моряк был оставлен при академии. С марта 1931 по апрель 1932 года моряк был дублером командира эсминца «Энгельс» Морских сил Балтийского моря и адъюнктом кафедры оперативного искусства Военно-морской академии. Но он хотел быть командиром эсминца и добился перевода на флот [148] .

Моряка направили на Тихоокеанский флот. В апреле 1932 – марте 1934 года Басистый был начальником штаба бригады заграждения и траления, затем до октября 1936 года – начальником отдела боевой подготовки этого штаба [149] . В октябре 1936 года он поступил в Академию Генерального штаба РККА, но проучился полгода и был направлен в Испанию. В апреле 1937 года Басистый прибыл в Испанию, был советником командира полуфлотилии эсминцев, затем – всей флотилии, начальника Морского штаба под именем Хуан Монтенейо. С осени моряк – советник командующего Средиземноморским флотом Мигеля Буиса. Вернулся он в июле 1938 года, был награжден орденом Красного Знамени. До октября 1939 года капитан 2-го ранга Басистый состоял начальником оперативного отдела штаба Черноморского флота, в декабре 1938 – апреле 1939 года временно исполнял обязанности начальника штаба флота [150] .

Позднее моряк вспоминал: «Немало потрудились мы и над системой готовности, начавшей вводиться на флоте. Готовности были названы по номерам. Номер три – обычная, повседневная, номер два – более высокая, с известным напряжением для людей и техники, номер один – для угрожаемой обстановки, когда техника и оружие могут действовать немедленно, а люди находятся на боевых постах… Мы немало помучились, определяя их во всех деталях» [151] .

По настоятельной просьбе, с которой моряк обратился к наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову, его назначили на корабль. С октября 1939 года Басистый стал командовать крейсером «Червона Украина». Под его руководством крейсер, находившийся в ремонте, был вскоре введен в строй, а экипаж успешно сдал курсовые задачи по управлению кораблем. Командиром крейсера Басистый вступил в Великую Отечественную войну.

Флагманский корабль бригады крейсеров 23–27 июня участвовал в постановке минных заграждений у Главной базы флота, в июле-августе выходил в море для охраны конвоев в юго-восточной части Черного моря. Капитан 2-го ранга не раз ходил командиром крейсера к Одессе. К примеру, 29 августа «Червона Украина», лидер «Ташкент» и 3 эсминца обстреливали деревни под Одессой, в которых располагались неприятельские войска. Несмотря на то что батарея противника открыла огонь, Басистый приказал стрелять из 8 пушек. Задача была выполнена ранее, чем враг пристрелялся, и крейсер вышел из зоны обстрела. Позднее при поддержке лидера «Ташкент» крейсер в зоне действия батареи противника обстреливал другую цель. 30 августа крейсер при поддержке эсминцев вновь обстреливал противника под Одессой. В результате удалось подавить германские береговые батареи. 1 сентября «Червона Украина» с эсминцами вновь подавляла неприятельские батареи, чтобы позволить разгрузить транспорт в порту. Обстрел начали эсминцы. Когда две батареи обнаружили себя, Басистый открыл огонь по одной из батарей. Корабли заставили врага прекратить огонь. В ходе разгрузки неприятельская артиллерия возобновила обстрел, но крейсер и эсминцы подавили обе батареи. Корабли выдержали несколько ударов с воздуха. Только после окончания разгрузки транспорта отряд кораблей оставил позицию [152] .

17 сентября крейсер «Червона Украина» с 3 эсминцами эскортировал 3 транспорта с войсками 157-й стрелковой дивизии для Одессы. Конвой атаковали 2 торпедоносца и 9 бомбардировщиков, но моряки отразили атаку и благополучно доставили войска, которые помогли отбросить неприятеля от Одессы [153] . В начале октября крейсер участвовал в эвакуации войск из Одессы. В частности, на последнем этапе эвакуации 14 октября «Червона Украина» под флагом командующего эскадрой с крейсером «Красный Кавказ» и 5 эсминцами прибыла в Одессу. 16 октября под прикрытием огня кораблей началась погрузка войск. Морякам пришлось отбить несколько атак авиации. После завершения погрузки крейсер принял на борт Военный совет Одесского оборонительного района и войска прикрытия. Эвакуация прошла благополучно. Крейсерам в пути пришлось прикрывать транспорты от атак с воздуха. В результате на пути погиб только один пустой транспорт [154] .

Когда возникла угроза Севастополю, в начале ноября из главной базы увели большинство крупных кораблей. Старые крейсера, в том числе и «Червона Украина», с эсминцами использовали для артиллерийской поддержки защитников Севастополя [155] .

К этому времени Басистый получил новое назначение. С 24 октября 1941 года капитан 1-го ранга командовал Отрядом легких сил из новейших кораблей. В составе ОЛС состояли крейсера «Молотов», «Ворошилов», 30-й дивизион эсминцев [156] .

Отряд легких сил активно действовал. 8–10 ноября 1941 года крейсер «Молотов» ходил для обстрела скопления вражеских войск в районе Феодосии. «Ворошилов» получил повреждения в Новороссийске 2 ноября. В ноябре было принято решение запретить одиночные походы линкора и новых крейсеров «Ворошилов» и «Молотов». В случае похода каждому из этих кораблей следовало придавать по 2 эсминца. Несмотря на запрет, 29 и 30 декабря «Молотов» обстреливал позиции противника под Севастополем [157] .

Отрядом легких сил моряк командовал с октября 1941 по июль 1942 года. Он был командиром высадки десанта в Феодосии в ходе Керченско-Феодосийской операции (декабрь 1941 – январь 1942 года) [158] .

По плану Керченско-Феодосийской операции основной целью являлась высадка в Феодосии войск 44-й армии. В составе отряда высадки «А», которым командовал капитан 1-го ранга Басистый, входили отряд кораблей высадки и поддержки десанта (капитан 1-го ранга В.А. Андреев), отряд высадочных средств (капитан-лейтенант А.П. Иванов), два отряда десантных транспортов с группой кораблей охранения и отряд прикрытия высадки десанта. Отряд высадки «Б» (контр-адмирал Н.О. Абрамов) из состава Азовской флотилии (контр-адмирал С.Г. Горшков) и Керченской военно-морской базы (контр-адмирал А.С. Фролов) должен был высадить войска 51-й армии у горы Опук [159] .

Под руководством Н.Е. Басистого штаб высадки, в основном из состава Отряда легких сил, разрабатывал план операции. Флагманский штурман Б. Петров вспоминал о Басистом: «Он не ждал, когда штаб доложит ему на утверждение готовые материалы, а сам участвовал в работе… С ним можно было и поспорить. Иногда он просил отвлечься от работы и ставил какой-нибудь важный вопрос на обсуждение». По плану высадку в порту должны были провести крейсера «Красный Крым» и «Красный Кавказ», 3 эсминца, 6 тральщиков, 18 «малых охотников», 14 транспортов. Чтобы избежать путаницы, Басистый утвердил только три сигнала: «Открыть огонь», «Следовать в порт», «Вход в порт свободен» [160] .

Для маскировки цели операции командующий эскадрой контр-адмирал Л.А. Владимирский и командир Отряда легких сил капитан 1-го ранга Н.Е. Басистый подготовку экипажей к

погрузке и выгрузке войск объясняли тем, что необходимо сократить время высадки подкреплений в Севастополе. Артиллеристов кораблей обучали обстрелу береговых объектов с помощью корректировщиков. На кораблях заменили поврежденные шлюпки, поставили новые стволы зенитных автоматов. Планировали провести высадку одновременно в двух направлениях. Однако германский штурм Севастополя потребовал перебросить для защиты главной базы часть подготовленных к высадке войск. Для перевозки использовали часть кораблей, необходимых для обеспечения десанта. Поэтому 26 декабря начали высадку только на северном побережье силами отряда кораблей «Б». К 30 декабря были высажены до 20 тысяч человек 51-й армии. Но наступление не давало большого успеха, пока не началась высадка в Феодосии [161] .

28 декабря корабли в Новороссийске приняли два полка передового отряда и вечером вышли в море. Для маскировки сначала суда направлялись к Севастополю и только с темнотой повернули на Феодосию. Лишь в море десантникам сообщили о цели похода. В 3.48 29 декабря корабли отряда поддержки открыли огонь по Феодосии, а Басистый передал по радио приказ: «Катерам следовать в порт». Противник не ожидал нападения и открыл огонь по кораблям в море с задержкой. Катера без сопротивления высадили в порту передовые группы, которые успешно начали наступление. На очищенный от противников мол высадили войска с эсминцев и тральщика «Щит». Крейсер «Красный Кавказ» с трудом пришвартовали к молу. Десантников с крейсера «Красный Крым» перевозили в порт «Щит» и баркасы. Все это происходило под обстрелом противника. Снаряды, мины повреждали корабли. Крейсера не только высаживали десант, но и обстреливали противника, поддерживая наступающих десантников. После высадки войск корабли вышли на внешний рейд и в течение дня маневрировали, обстреливая цели на берегу. Под их прикрытием в порту провели высадку войск с двух отрядов транспортов, несмотря на то что корабли покрывались льдом. С 26 по 31 декабря были доставлены на Керченский полуостров основные силы двух армий [162] .

В бою Басистый находился под огнем на крейсере «Красный Кавказ». Когда крейсера ушли в базу, моряк остался на эсминце «Сообразительный» и руководил артиллерийской поддержкой десанта. После высадки моряк разместился со штабом вблизи Феодосийского порта. Штаб занимался приемом и разгрузкой транспортов, отправкой раненых, обеспечивал связь с командованием 44-й армии и поддержку войск артиллерией кораблей [163] .

В сводке Совинформбюро 31 декабря 1941 года об освобождении Керчи и Феодосии было написано: «При занятии особенно отличились войска… и группа военно-морских сил во главе с капитаном 1-го ранга Басистым».

3 января 1942 года Н.Е. Басистого произвели в контр-адмиралы [164] .

Параллельно Отряд легких сил продолжал помощь Севастополю, который стал основной целью для 11-й армии противника в Крыму. 1 января, 5 января крейсер «Молотов» («Слава») с эсминцами приходил в Севастополь, доставлял подкрепления, конвоировал транспорты и обстреливал неприятельские позиции. В феврале было запрещено использовать линкор и новые крейсера для обстрелов береговых объектов без разрешения командующего флотом; каждый из них следовало сопровождать несколькими эсминцами. Но в период мартовского наступления в Крыму линкор, крейсера и эсминцы провели 11 стрельб, в которых участвовал и крейсер «Молотов». В ночь на 10 и 11 мая крейсер «Ворошилов» с 2 лидерами обстреливал цели на берегу. Однако поддержка флота не помогла. Германские войска перешли в наступление на Керченском полуострове и 14 мая подошли к окраине Керчи. 16 мая лидер «Харьков» поддерживал арьергарды 44-й армии, которая оставляла Керчь [165] .

Когда германские войска овладели Феодосией, Басистый покинул порт на последнем транспорте. В мае он вновь поднял флаг на крейсере «Молотов» [166] .

После взятия Керченского полуострова германское командование сконцентрировало усилия на Севастополе. На Черное море прибыли германские и итальянские подводные лодки и катера, которые совместно с авиацией действовали на советских коммуникациях. Поэтому каждый поход с грузами в Севастополь превращался в боевую операцию. В перевозках участвовали и крейсера, и эсминцы Отряда легких сил. К примеру, крейсер «Молотов» доставлял подкрепления 12, 15 июня, «Ворошилов» – 27 мая. Лидеры и эсминцы ходили в Севастополь чаще [167] .

В походе «Ворошилова» участвовал и Н.Е. Басистый. 19 мая он получил приказ доставить в Севастополь 9-ю бригаду морской пехоты. Следовало использовать быстроходные крейсер и 2 эсминца, чтобы они прибыли к цели около часу ночи, а через два часа после спешной разгрузки вышли обратно. Контр-адмирал решил погрузить 26 мая основную массу войск и грузов на крейсер, а на эсминцы – по 300 бойцов и по 30 тонн грузов. Отряду следовало выйти из Батуми в 2.00 27 мая курсом на

запад, повернуть у берегов Анатолии на север и полным ходом идти к Севастополю. В порту следовало корабли отшвартовать к Угольному причалу кормой, носом на выход. Его решение было утверждено. Сразу после погрузки провели тренировки по выгрузке техники. Операция началась в 1.45. Басистый находился на «Ворошилове», который сопровождали эсминцы «Сообразительный» и «Свободный». Корабли двигались по плану. Вечером 27 мая на подходах к Крыму отряд неоднократно атаковали бомбардировщики и торпедоносцы, но он успешно дошел до цели и за 1,5 часа высадил бригаду. Приняв на борт 406 раненых, крейсер вышел из бухты. И на этом переходе до Туапсе корабли не раз подвергались атакам самолетов, но моряки успешно маневром и огнем отбивали атаки. Опыт перехода был одобрен Военным советом флота [168] .

11–12 июня «Молотов» и эсминец «Безупречный» перебросили в Севастополь 138-ю отдельную стрелковую бригаду. 15 июня Басистый сам ходил в Севастополь на «Молотове» с эсминцем «Безупречный». Корабли доставили около 4 тысяч человек маршевых подкреплений и грузы. Чтобы избежать атак с воздуха, Басистый провел отряд в главную базу с юго-запада, благополучно достиг цели и возвратился [169] .

Командуя Отрядом легких сил, Басистый не раз водил свои корабли, доставляя подкрепления в Севастополь и вывозя раненых. Каждый поход проходил в условиях отражения атак авиации, торпедных катеров и подводных лодок. С июля 1942 по март 1943 года Басистый командовал бригадой крейсеров [170] . Бригада решением наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова была создана на основе Отряда легких сил [171] .

Вскоре Басистый выполнял новое задание. Чтобы воспрепятствовать переправе противника через Керченский пролив, командующий эскадрой Л.А. Владимирский получил приказ послать крейсер «Молотов» и лидер «Харьков» для уничтожения судов и плавучих средств, которые были сосредоточены неприятелем в порту Феодосии и Двуякорной бухте. Обстрел следовало провести в ночь на 3 августа. Военный совет флота утвердил предложенный план действий. Отряду следовало перейти из Поти в Туапсе, выйти на запад вечером 2 августа, с наступлением темноты повернуть на Крым. «Харькову» предстояло выпустить 100 130-мм снарядов по Двуякорной бухте, «Молотову» – 180–180-мм снарядов по Феодосийскому порту. Следовало уложить обстрел за 15 минут. «Харьков», отстрелявшись ранее, должен был прикрывать крейсер. Возвращаться в Поти корабли должны были форсированным ходом, чтобы быстрее оказаться в сфере деятельности своей

авиации [172] .

Поход начался по плану. Утром 2 августа корабли прибыли в Туапсе, где их обнаружили германские разведчики. В 17.38 отряд выступил на запад под прикрытием самолетов и торпедных катеров. Передовым шел «Харьков». Басистый находился на крейсере «Молотов». Вскоре неприятельские разведчики обнаружили корабли. Попытки брать курс на Новороссийск не обманули немцев, ибо перед этим не раз торпедные катера и авиация нападали на Двуякорную бухту, да и береговые радиолокаторы видели советские корабли. До полуночи отряд Басистого не смог обнаружить район обстрела. Только после 0.49 3 августа, когда Феодосию атаковала авиация, командир крейсера приготовился стрелять по приблизительной обсервации. По приказу Басистого «Харьков» открыл огонь и выпустил 59 снарядов по Двуякорной бухте. Крейсер так и не стрелял по Феодосии, ибо ему пришлось несколько раз уклоняться от атак торпедных катеров. На отходе одна из торпед, сброшенных двумя торпедоносцами, попала в корму «Молотова» и оторвала ее вместе с рулями. Управляясь машинами, крейсер направился к Поти, отбивая атаки катеров и самолетов. Вместе с «Харьковом» он отразил 23 атаки противника, пока не оказался в сфере, в которой ему могли оказать помощь надводные корабли и авиация [173] . Кораблю удалось уклониться от 21 торпеды; артиллеристы уничтожили 2 торпедных катера и 3 самолета [174] . Тем не менее крейсер вышел из строя надолго, и Басистый задумался, при каких обстоятельствах можно отказаться от выполнения боевой задачи. Позднее стало известно, что гитлеровцы вывели суда из Феодосии и Двуякорной бухты после предыдущих нападений.

Бригада крейсеров, как и вся эскадра, в августе обеспечивала эвакуацию ценностей из Новороссийска, в сентябре-октябре огнем поддерживала оборонявших город-порт, перевозила войска в Туапсе и Сочи, обстреливала районы расположения врага на Крымском полуострове. Только в августе «Красный Кавказ» перевез 9718 человек, «Красный Крым» – 1143 человека [175] .

19 ноября 1942 года нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов потребовал подготовить несколько отрядов кораблей для действий против коммуникаций противника у западных берегов Черного моря, чтобы на время прервать неприятельские перевозки. Уменьшение численности германской авиации, отвлеченной действиями на других участках фронта, способствовало выполнению замысла. Штаб эскадры подготовил план набега 29 ноября. По плану крейсеру «Ворошилов», лидеру «Харьков» и эсминцу «Сообразительный» следовало утром 1 декабря обстрелять

Сулину в устье Дуная, разрушить радиостанцию на острове Змеиный, уничтожать плавучие средства у берегов Румынии и по возможности обстрелять Бургас. Эсминцам «Беспощадный» и «Бойкий» предстояло искать плавсредства между мысами Калиакрия и Шаблер, обстрелять порт Мангалия и продолжать поиск до Констанцы. Авиация должна была производить разведку и наводить корабли на цели; для воздушного прикрытия на самолеты ДБ-3ф поставили дополнительные пулеметы. Однако из-за плохой погоды использовать авиацию оказалось сложно. Погода как помогла скрытно подойти к цели, так и затруднила определение места. Отряд из двух эсминцев южнее мыса Шаблер обстрелял артиллерией и затем дважды атаковал торпедами силуэты транспортов на рейде. Так как противник никак не реагировал, вероятно, в темноте за транспорты приняли очертания берега. В то же время группа «Ворошилова», которой командовал сам Л.А. Владимирский, разрушила радиостанцию на острове Змеиный. Так как взрывы мин в параванах нанесли повреждения крейсеру, отряд прекратил операцию, и утром 2 декабря корабли вернулись в Батуми. В декабре еще дважды корабли эскадры ходили к берегам Румынии, вели обстрел портов в Крыму [176] .

27 января 1943 года Черноморская группа войск начала операцию по освобождению Новороссийска и Тамани. В этой операции Черноморскому флоту предстояло огнем корабельной артиллерии способствовать наступлению сухопутных войск под Новороссийском и высадить десант в районе Южной Озерейки, чтобы совместно с 47-й армией освободить Новороссийск. Флоту также предстояло обеспечить морские перевозки вдоль кавказского побережья и прервать неприятельские морские коммуникации [177] .

С конца 1942 года Басистый участвовал в разработке плана высадки десанта под Новороссийском. Он высказывался против десанта у Южной Озерейки, в 30 километрах от Новороссийска, где бухта была открыта для штормов. Вместе с Л.А. Владимирским моряк предложил организовать основную высадку в Станичке, вблизи города [178] . Однако был избран вариант, предложенный штабом флота.

В ночь на 1 февраля отряд кораблей эскадры обстрелял позиции противника под Новороссийском. Но и эта поддержка не помогла войскам 47-й армии прорвать линии обороны неприятеля. Чтобы помочь наступающим, командующий Закавказским фронтом приказал высадить десант ранее, чем войска вышли на запланированные рубежи. Главные силы высаживали у Южной Озерейки, а вспомогательный десант – у

Станички, на Суджукской косе. Отряд огневого содействия десанту возглавил вице-адмирал Л.А. Владимирский. Н.Е. Басистый командовал высадкой, в том числе отрядом огневой поддержки из 2 старых эсминцев, 3 канонерских лодок, тральщика и 4 сторожевых катеров. Флаг Басистый поднял на эсминце «Незаможник». Ему предстояло со своим отрядом высадить первый эшелон десанта в районе Южной Озерейки и поддержать его огнем. Высадку намечали на 1.00 4 февраля. Первым вышел из Батуми отряд огневого содействия. Отряд корабельной поддержки выступил из Геленджика вечером 3 февраля. Флагманский «Незаможник» шел во главе отряда. Басистого беспокоили маломореходные суда с десантом. 3 тральщика буксировали плашкоуты-болиндеры с танками. 3 малых буксира, 10 сторожевых катеров, 5 сейнеров, 6 баркасов имели разные скорости и на волнении двигались медленно. Они не успевали подойти к Южной Озерейке вовремя, и Басистый радировал Владимирскому и Октябрьскому с просьбой перенести время высадки. Около полуночи, когда отряд приближался к цели, Владимирский получил просьбу командира высадки отложить начало операции на 1,5 часа. Разномастные суда с десантом не успевали к сроку. Владимирский сообщил об этом командующему флотом, но Октябрьский не изменил план. Корабли маневрировали в море, а авиация нанесла удар по плану. Из-за того, что самолеты-корректировщики улетели ранее, чем отряд огневого содействия открыл огонь, стрельба оказалось малоэффективна. После ухода отряда огневого содействия основная тяжесть легла на корабли Басистого. Противник, предупрежденный авиационным налетом и обстрелом, оказал в районе Южной Озерейки упорное сопротивление. Условия местности позволяли противнику простреливать участок высадки десанта из орудий, расположенных на обратных скатах высот, не доступных для артиллерии эсминцев. Высадили к 6.00 только часть войск. В 6.20 по приказу командира высадки отряд корабельной поддержки начал отход. Десант у Станички, высаженный по плану, прошел успешно, и со временем занятый им плацдарм стал Малой Землей. А войска, высаженные в районе Южной Озерейки, почти все погибли в боях с противником [179] .

Увидев опасность потерять высаженные войска, Басистый принял решение отказаться от продолжения высадки у Южной Озерейки и возвращаться. 6 февраля он с отрядом выступил в море и успешно высадил у Станички 255-ю бригаду морской пехоты. Однако к этому времени противник уже укрепился, и взять Новороссийск не удалось. Позднее на Малую Землю перевезли войска, составившие 18-ю десантную армию [180] .

После неудачи десанта в Москве решили сменить Ф.С. Октябрьского во главе Черноморского флота. 10–28 марта флотом временно командовал Н.Е. Басистый. После на пост командующего вступил Л.А. Владимирский [181] .

Приказом наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова от 9 апреля 1943 года контр-адмирала Н.Е. Басистого назначили командующим эскадрой [182] . В марте-апреле 1943 года он был начальником штаба эскадры Черноморского флота. 23 апреля 1943 года флагмана произвели в вице-адмиралы. В апреле-мае 1943 года Басистый исполнял обязанности начальника штаба Черноморского флота. Затем он стал командующим эскадрой кораблей Черноморского флота, которой командовал с мая 1943 по ноябрь 1944 года. Эскадра артиллерией поддерживала фланги войск в обороне военно-морских баз, обеспечивала и проводила высадку оперативных и тактических десантов, защиту морских коммуникаций, уничтожала транспортные средства противника в море. По поручению командующего флотом Басистый организовал подготовку и осуществил захват кораблей румынского военно-морского флота в Констанце. Из состава эскадры 3 корабля получили звание гвардейских, 6 были награждены орденом Красного Знамени. С ноября 1944 по январь 1945 года Басистый являлся начальником штаба флота, с января по апрель 1945 года вторично временно исполнял обязанности командующего Черноморским флотом. С апреля 1945 года он вернулся на должность начальника штаба флота и занимал ее до осени 1948 года. С ноября 1948 по август 1951 года Басистый командовал Черноморским флотом. 11 мая 1949 года его произвели в адмиралы [183] .

В 1946–1950 годах моряки Черноморского флота напряженно учились в море. Осенью 1948 года на флоте проводили большие учения с участием сухопутных войск и авиации. В сентябре 1949 года под руководством Басистого успешно прошло тактическое учение флота во взаимодействии с войсками Одесского военного округа и авиацией [184] .

С августа 1951 года адмирала назначили первым заместителем военно-морского министра (с 3 апреля он был первым заместителем главнокомандующего ВМФ). В ноябре 1956 года моряк был назначен заместителем главнокомандующего по военно-научной работе, в июне 1958 года – военным инспектором-советником Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. С сентября 1960 года моряк оказался в отставке [185] .

В отставке адмирал взялся за перо. Из печати вышло несколько его работ: *Басистый Н.Е.* В боях с белогвардейцами и

интервентами на Волге (1918–1919 гг.) // Морской сборник. 1968. № 2. С. 25–31; *Он же.* Море и берег. М.: Воениздат, 1970; *Он же.* Незабываемое бывает // Москва. 1970. № 5. С. 171–172.

С 1952 по 1956 года Н.Е. Басистый являлся кандидатом в члены ЦК КПСС. Дважды его избирали депутатом Верховного Совета СССР [186] .

За службу Басистый был награжден 2 орденами Ленина (1942, 1945), 4 орденами Красного Знамени (1937, 1944, 1945, 1948), орденом Ушакова II степени (1944), Кутузова II степени (1945), медалями, американским орденом Морской крест (1943). Скончался Николай Ефремович Басистый 20 октября 1971 года в Москве [187] . Похоронили его на Новодевичьем кладбище, на 15-м месте 2-го ряда 8-го участка, вместе с женой, Тамарой Иосифовной Басистой (1904–1960) [188] .

ВЛАДИМИРСКИЙ ЛЕВ АНАТОЛЬЕВИЧ Командующий Черноморским флотом

Из босоногого мальчишки с берега Каспия Лев Анатольевич Владимирский стал флотоводцем, за 70 лет жизни избороздил многие моря и океаны, проходил на судне там, где ранее мало кто побывал, командовал кораблями и эскадрами. И всегда его отличала одержимость морем.

По документам родился Лев Владимирский 14 (27) сентября 1903 года в Гурьеве [189] . Фактически это произошло в рыбачьей деревушке Ракуши на Каспийском море. Позднее семья перебралась в ближайший город Гурьев, где отец преподавал в русско-киргизской школе, а мать была акушеркой. Юноша, мечтавший стать красным командиром, осенью 1921 года занимался на военном факультете Среднеазиатского университета. Владимирский окончил один курс военного факультета в Ташкенте в ноябре 1921 – июле 1922 года. Не раз курсантов в отряде ЧОН посылали против басмачей. Когда же басмачество разгромили и в 1922 году факультет закрыли, юноша избрал морскую службу. В июле 1922 года он поступил в Военно-морское училище и окончил его в мае 1925 года. Курсантом в 1924 году Владимирский стал участником первого дальнего похода «Авроры» и «Комсомольца» из Кронштадта в Мурманск и Архангельск. В 1925 году, после окончания Военно-морского училища имени М.В. Фрунзе в Ленинграде, он вызвался служить на Черном море. Молодого вахтенного начальника определили на миноносец «Лейтенант Шмидт» [190] .

На корабле моряк вскоре стал хорошим штурманом. Командование оценило его способности. Уже через год, с весны 1926 года, Владимирский – старший вахтенный начальник, помощник командира достраиваемого крейсера «Червона Украина». В этот период его аттестовали: «Лучшего помощника быть не может». В октябре 1926 – ноябре 1927 года моряк окончил артиллерийский класс Специальных курсов командного состава ВМС РККА. С ноября 1927 по январь 1929 года он служил артиллеристом эсминца «Шаумян», с января по апрель 1929 года – артиллеристом эсминца «Незаможник», с апреля по декабрь 1929 года – эсминца «Петровский», а затем вернулся на «Шаумян» и служил артиллеристом до мая 1930 года. В мае-декабре 1930 года Владимирский – дивизионный артиллерист дивизиона

эскадренных миноносцев [191] .

С декабря 1930 по май 1932 года моряк служил старшим помощником командира эсминца «Шаумян». Впервые Владимирский командовал кораблем в зимнем походе к Новороссийску, сменив заболевшего командира. Дивизион ходил в Новороссийск, затем – в Батуми. Штормило, одежда обледеневала, но неисправностей не отмечали, а место корабля в море было известно точно [192] .

Истый моряк, Владимирский любил парусные гонки шлюпок и нередко брал призы. Когда «Шаумян» в составе эскадры сопровождал до Турции короля Афганистана летом 1928 года, старпом эсминца со своим экипажем заслужил кубок королевы на устроенных в Мраморном море шлюпочных гонках. Осенью 1930 года «Шаумян» вновь ходил с отрядом кораблей за границу, в Италию и Грецию. Старпом получил немалую мореходную практику. Совершенно заслуженно Владимирского в 1932 году назначили командиром достраиваемого сторожевого корабля «Шквал».

Служба на Черноморском флоте, не связанном ледовым покровом, продолжалась круглогодично. Однако плавания не были легкими. Только хороший моряк мог выстоять в дальних штормовых походах. Владимирский был из таких. Уже летом 1933 года, через несколько месяцев после подъема флага, сторожевик ходил в охранении кораблей эскадры. В одном из штормовых походов, когда другие сторожевые корабли ушли в базу, только «Шквал» сохранял свое место в строю [193] .

Командиром «Шквала» моряк состоял с мая 1932 по апрель 1935 года. В мае 1935 – ноябре 1936 года Владимирский – командир старого эсминца «Петровский», в октябре-декабре 1936 года командовал лидером «Москва», а с декабря 1936 года по октябрь 1937 года – лидером «Харьков». С октября 1937 по июнь 1938 года он состоял начальником штаба бригады крейсеров Черноморского флота [194] .

Моряк настолько хорошо освоил современную технику, что получил поручение обкатать оба только что достроенных лидера и весной 1938 года выходил в море то на «Харькове», то на «Москве». Параллельно он с командиром БЧ-2 подготовил наставление по боевому использованию артиллерии новых кораблей.

Как и многие, Владимирский просил послать его добровольцем в Испанию, где шла борьба молодой республики с франкистами, поддержанными Германией и Италией. На театр боевых действий он не попал. Однако моряку доверили не менее важное поручение: сопровождать груз для испанских

республиканцев. Дело было опасное, не раз фашисты атаковали суда с грузами для Испании. Существовала вероятность, что капитан парохода «Бонифацио» предпочтет утопить судно и получить страховку. Однако Владимирский добился того, что груз достиг Бордо, и в конце апреля 1938 года вернулся в Москву [195] .

Здесь капитан 2-го ранга получил новое сложное задание: провести во Владивосток два гидрографических судна. Необычная командировка продолжалась с июня 1938 по февраль 1939 года.

В полукругосветном плавании Владимирский поднял брейд-вымпел на «Полярном», за ним следовал «Партизан». Оставив Балтику, моряк третий раз проходил Датские проливы. Первый раз он шел в 1924 году курсантом, второй – когда возвращался от Бордо. Теперь он был командиром корабля и отряда. Маршрут пролегал через Плимут – Бостон – Панамский канал – Датч-Харбор к Камчатке. Осенью отряд прибыл во Владивосток. Его экипажи стали первыми советскими военными моряками, которые побывали в Америке. В океанском плавании Владимирский организовал измерение температур, скорости течения и других характеристик водной стихии. По опыту дальнего похода Лев Анатольевич в Москве предложил создать специальные гидрографические суда для океанских исследований. Эту его идею удалось реализовать только через много лет. Пока же на первом плане стояла оборона страны [196] .

После возвращения с Дальнего Востока – отпуск, а затем – новая командировка. В Италии достраивали лидер «Ташкент» для Черноморского флота. Владимирскому пришлось готовить корабль к испытаниям, и по ходу дела его предложения и замечания использовали при доделках. Один из кораблестроителей А.К. Усыкин вспоминал о Владимирском: «Его интересовали такие тонкости, которые не сразу поймет и узкий специалист. Владимирский был адмиралом «макаровского склада». В марте 1939 года моряк принял на испытаниях корабль и доставил его в Одессу [197] .

«Ташкент» оказался последним кораблем, которым командовал Владимирский. С июня 1939 года моряка назначили командующим эскадрой кораблей Черноморского флота [198] .

Эскадра за лето – осень успешно выполнила план боевой подготовки. Ее командир получил звание капитана 1-го ранга – далеко не флагманский. Однако уже с конца года Владимирский при том же чине поднимал уже флаг с двумя звездами старшего флагмана. Он командовал эскадрой, включавшей линкор, бригаду крейсеров и 2 дивизиона эсминцев; кроме того, формировал

Отряд легких сил (ОЛС) из новых крейсеров и эсминцев. Фактически, кроме подводных, трально-заградительных и вспомогательных судов, в его подчинении оказался основной плавсостав флота [199] .

Трудное было время. Вступали в строй новые корабли. Изучая опыт войны на западе, Владимирский замечал недостатки в Черноморском флоте. Он докладывал командующему о слабом прикрытии Севастополя с воздуха, об отсутствии на кораблях средств защиты от донных неконтактных мин, ибо размагничивание кораблей еще не было завершено. Моряк анализировал возможности потенциальных противников – Германии и Италии, ожидая прорыва итальянского флота на Черное море [200] .

Экипажи готовились к боевым действиям на всех флотах. С ноября 1939 года разрабатывали систему оперативной готовности на флоте, и командующий эскадрой не раз проводил ночные проверки боеспособности, чтобы противник не застал врасплох. Эскадра из линкора, 5 крейсеров, 3 лидеров и 14 эсминцев являлась основной силой флота, и на учения сил не жалели. Владимирский постоянно упоминал, что суть боевой готовности не только в отличном состоянии техники, но и в умении ею пользоваться в море, в бою. Он полагал, что флагманы должны быть уверены в командирах, но и командиры кораблей должны быть уверены в том, что флагманы поймут их. Это было важно при принятии по-деловому решений.

Самого Владимирского не всегда понимали. В частности, на учениях под Одессой он командовал эскадрой «синих» и нашел способ миновать минные заграждения. Адмирал полагал, что необходимо на учениях действовать как в бою, а параваны не считал надежной защитой. Однако на разборе учений флагмана обвинили в «боязни». Практика войны обнаружила его правоту.

Собрав после учений командиров кораблей, Владимирский сказал: «Я верю в ваше мужество, в добрую волю. Ошибетесь – разберемся вместе, спокойно. Вас должно заботить лишь одно: право стоять на мостике, командовать людьми, жизнь которых зависит от ваших решений, должно быть подкреплено морально. Будет так – ваши подчиненные сделают все возможное и невозможное, лишь бы выполнить приказ» [201] .

4 июня 1940 года Владимирского произвели в контр-адмиралы [202] .

Планы первых операций будущей войны (минных постановок, набегов на базы и коммуникации вероятных противников) преимущественно были рассчитаны на морские бои и атаки баз с моря. Действительность оказалась иной.

Зимой-весной 1941 года продолжалась упорная учеба моряков. Владимирский основное внимание обращал на ввод в строй новых кораблей. Боеготовность Черноморского флота подтвердили летние маневры. Только 21 июня флагманский корабль Владимирского вернулся в главную базу, сохраняя готовность № 2, а в ночь по приказу из Москвы флот перешел на готовность № 1. Это позволило во всеоружии отразить налет германской авиации на Севастополь, не получив потерь. Черноморцы первыми из моряков вступили в войну.

Первой задачей эскадры явилась постановка минных заграждений у своих баз, которую выполнили крейсера. Следующую операцию – набег на Констанцу двумя лидерами – готовили в штабе флота. В соответствии с планом кораблям предстояло вести огонь и маневрировать на минных полях. Владимирский предложил обстрелять Констанцу дальнобойными орудиями крейсера «Красный Кавказ», который до войны готовился к стрельбе по берегу. Однако в штабе не изменили план, несмотря на замечания Владимирского, ибо список участвующих кораблей был уже доложен в Москву. Опытный моряк оказался прав: при обстреле Констанцы эскадра потеряла на минах лидер «Москва», что не случилось бы, последуй штаб флота рекомендациям [203] .

Опыт пошел впрок. Следующее предложение Владимирского (рассредоточить корабли, чтобы они меньше страдали от атак авиации, и перевести в порты Кавказа те из них, на которых не проведено размагничивания, чтобы избежать подрывов на минах) было принято. Часть кораблей отправили на Кавказ.

Основными задачами флота стали обеспечение перевозки грузов и поддержка сухопутных войск в обороне приморских пунктов. Летом корабли эскадры действовали под Одессой. С 13 августа они обстреливали позиции противника. Однако первоначально стрельбу вели по площадям с большим расходом снарядов. В частности, 19 августа 3 эсминца выпустили 450 фугасных снаряда, не зная их результативности. На разборе обстрела Владимирский указал дальнейшие стрельбы вести с обязательной высадкой корректировочных партий на берег, а по площадям стрелять только ночью при большом удалении цели [204] .

В эти дни Владимирский записал в дневнике: «1. Иметь корабли в высокой боевой готовности. 2. Добиться отличной подготовки к артстрельбам по берегу. 3. Повышать готовность к отражению атак авиации, постоянно помнить о минной опасности. Обобщать, внедрять боевой опыт» [205] .

Эта программа требовала серьезной работы. На разборах

боевых действий под Одессой изучали опыт действия неприятельских авиации и флота в войне на западе. Владимирский требовал от командиров замечать в бою тактические приемы неприятеля. Опыт доводили до всех, что способствовало совершенствованию ПВО кораблей. Пришлось спешно усиливать недостаточную зенитную артиллерию.

Благодаря хорошо организованным действиям удалось на боевых кораблях перебросить 157-ю дивизию, которая помогла удержать Одессу. Однако гитлеровцы прорвались на окраины города. Их требовалось отбросить ударом с моря. Владимирского назначили командовать десантом под Григорьевкой. 21 сентября он направился на эсминце «Фрунзе» с документами на высадку в Одессу, где ожидали средства высадки, но не дошел: эсминец атаковала германская авиация. Владимирский приказал вести поврежденный корабль к Тендровской косе, где тот и сел на грунт. Раненый флагман, спасенный торпедным катером, приказал доставить его в Одессу, где по памяти восстановил основные погибшие документы, сообщил в Севастополь и ушел на крейсере «Красный Кавказ» поддерживать операцию. Как известно, десант под Григорьевкой позволил отбросить противника от города и продолжить его оборону [206] .

Владимирскому же досталось и эвакуировать Приморскую армию из Одессы. 13 октября он получил приказ командующего флотом, в ночь на 14 октября вышел с эскадрой. Благодаря хорошо подготовленным действиям эскадры удалось перевезти войска, необходимые для обороны Крыма и Севастополя. Боевые корабли прикрывали эвакуацию так успешно, что был потерян только один транспорт, шедший без войск. За эту операцию командующего эскадрой наградили орденом Красного Знамени [207] .

25 ноября Владимирский на лидере «Ташкент» с 2 эсминцами вышел из Батуми, конвоируя 3 тихоходных танкера и ледокол «Микоян», которым следовало пройти через Босфор, Дарданеллы и далее направиться на Дальний Восток. Несмотря на шторм, отряд благополучно прошел в 25 милях от турецкого побережья, доставил суда в Босфор и вернулся в базу. В это время другие корабли эскадры обстреливали неприятельские войска под Севастополем [208] .

С 31 октября 1941 года корабли эскадры начали артобстрелы противника, подошедшего к Севастополю. Каждый корабль, доставлявший подкрепления и грузы в Севастополь, получал приказ обстреливать определенные цели, временно включаясь в систему обороны главной базы. Главным противником оставалась неприятельская авиация. Владимирский настаивал, что

необходимо увести из Севастополя линкор и новые корабли, оставив 2 старых крейсера и эсминцы. Военный совет флота согласился, и «Парижская коммуна» вышла из Севастополя накануне неприятельского налета. Часть бомб легла в месте прежней стоянки линкора. Позднее в Севастополе погибла «Червона Украина». Вопреки приказу командующего эскадрой место стоянки крейсера не меняли подолгу, и авиация потопила его. Контр-адмирал вообще предложил крупные корабли эскадры оставить в море, между Батумом и Синопом, снабжая всем необходимым без захода в базу. Идея для того времени была новая. Не существовало соответствующих кораблей снабжения, и предпочли пользоваться портами побережья Кавказа. Только через много лет адмиралу довелось претворять свой замысел в жизнь. За освоение подвижной базы флота он был награжден орденом [209] .

Как правило, командующий поднимал флаг на линкоре – главной артиллерийской силе флота. В конце октября, подчинив отряд легких сил себе, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Октябрьский уменьшил эскадру еще более, оставив в ней преимущественно старые корабли. С этими силами Владимирскому довелось и обстреливать неприятельские войска под Севастополем, срывая наступление Манштейна, и обеспечивать высадку в Керченско-Феодосийской десантной операции.

В конце декабря 1941 года, когда наступили критические дни для Севастополя, линкор под флагом Владимирского под эскортом «Ташкента» и «Смышленого» вышел из Поти ив 1.00 встал на якорь в Севастопольской бухте. В течение дня моряки вели огонь по неприятельским войскам, подавили пытавшуюся обстреливать линейный корабль батарею, отбили налет авиации и вечером приняли 1025 раненых. Утром прибыл и открыл огонь крейсер «Молотов» («Слава»). В ночь на 31 декабря оба корабля отправились на Кавказ в условиях сильной пурги и ветра. Так как не были видны маяки и створы, Владимирский решил пройти фарватером, который простреливала батарея с мыса Сарыч. Эскортные эсминцы поместили на неподбойном борту, орудия линкора развернули в сторону берега. Однако при плохой видимости удалось пройти без выстрела [210] .

Относительно слабые налеты авиации в этот период объяснялись тем, что начиналась Керченско-Феодосийская операция, в которой участвовали корабли эскадры.

Операцию готовили скрытно. Контр-адмирал Владимирский в ходе подготовки объяснял, что обучение быстрой погрузке и высадке с судов нужно для сокращения времени пребывания в

Севастополе под огнем. Предстоящей переброской в Севастополь объясняли и сосредоточение кораблей в Туапсе и Новороссийске. Крейсера и эсминцы готовились высаживать войска и вести артиллерийскую поддержку [211] .

Хорошо подготовленная высадка войск в Феодосии в ночь на 29 декабря оказалась неожиданностью для гитлеровского командования, занятого отражением десанта, высаженного на Керченском полуострове силами Керченской военно-морской базы и Азовской флотилии.

Высадка под командованием капитана 1-го ранга Н.Е. Басистого прошла успешно. Десантников с катеров, крейсера «Красный Кавказ» и других кораблей под обстрелом высаживали на причалы и мол. Одновременно корабли вели огонь по неприятельским огневым точкам и скоплениям войск. Высадив войска и корректировочные партии, крейсера «Красный Крым», «Красный Кавказ» и эсминцы вышли на рейд и вели огонь с ходу по заявкам с суши.

В результате операции фельдмаршал Э. Манштейн 1 января прекратил наступление на Севастополь.

В январе 1942 года корабли эскадры перевозили подкрепления в Феодосию и поддерживали войска огнем. Вечером 5 января и линкор «Парижская коммуна» («Севастополь») под флагом Владимирского вышел из Новороссийска в прикрытии эсминца «Бойкий». 6 января корабли обстреляли немецкие войска в районе Старого Крыма и Щебетовки, поддерживая левый фланг 44-й армии в Крыму, и отошли в Новороссийск полным ходом. От огня линкора большие потери понесла моторизованная дивизия противника [212] .

К середине января в строю эскадры оставались линкор, 2 крейсера и 5 эсминцев. Командующий флотом просил на время прекратить использовать флот для высадок тактических десантов, однако сухопутное командование потребовало продолжать высадки как часть предстоящего наступления. Одной из высадок стал десант в Судаке, которым командовал Владимирский. В период подготовки десанта 12 января линкор с 2 эсминцами обстрелял скопление неприятельских войск в районе Старого Крыма и Изюмовки. К 15 января подготовка десанта завершилась.

Десанту (1750 человек, 4 горных орудия) следовало после высадки занять перекресток дорог. Для высадки выделили крейсер «Красный Крым», эсминцы «Сообразительный», «Шаумян», канонерскую лодку «Красный Аджаристан» и 6 катеров. По требованию Ставки увеличить огневую мощь поддержки дополнительно направили линкор под флагом командующего эскадрой в охранении 2 эсминцев. Линкору после

артподготовки следовало обстрелять скопления вражеских войск. Несмотря на задержку тихоходной канонерки и путаницу при посадке войск на корабли, внезапная высадка ночью на 16 января при поддержке артиллерии кораблей обошлась почти без потерь благодаря скрытности. При звуках авиамоторов корабли прекращали огонь, чтобы не демаскировать себя. Через несколько лет к подобной тактике прибегли англо-американские силы при высадке в Нормандии. Но ни этот десант, ни второй, также успешно высаженный в Судаке 25 января, не могли добиться успеха, ибо неприятель уничтожал высаженные отряды ранее, чем они могли вступить во взаимодействие с главными силами [213] .

В феврале-марте 1942 года корабли эскадры проводили обстрелы побережья и боролись с неприятельской авиацией, поддерживая попытки Крымского фронта перейти в наступление. Участвовал в набегах и Владимирский. Вечером 20 марта 1942 года он на линкоре в охранении 2 эсминцев и лидера «Ташкент» вышел из Новороссийска в район Феодосии, в ночь на 21 марта обстрелял Владиславовку. При обстреле неприятельских позиций следующей ночью было обнаружено, что из-за чрезмерного износа стволов орудий линкора из них вылетают куски металла. Во время отхода была замечена подводная лодка, и командир линкора просил разрешения командующего эскадрой уничтожить ее. Контр-адмирал решил подождать, как будет действовать лодка, ибо считал ее своей. Так и оказалось, ибо подводники продолжили движение над водой, не пытаясь атаковать и погружаться [214] .

Наступление Крымского фронта окончилось неудачно, и 21 марта гитлеровцы начали контрнаступление. После тяжелых боев обе стороны в начале апреля перешли к обороне.

Деятельность германской авиации все более активизировалась. В эти дни Владимирский записал в дневнике: «В феврале более 40 налетов на порты, только 4 – на корабли в море. В марте – более 50 на порты, около 30 на корабли в море. Что принесет апрель?» [215]

Так как к апрелю 1942 года в строю оставались только 16 транспортов, с весны подкрепления Севастополю доставляли корабли эскадры, в первую очередь «Красный Крым» и эсминцы. Эти рейсы проходили в условиях усиления неприятельской авиации в Крыму. Советскому командованию, не располагавшему истребителями дальнего радиуса действия, приходилось посылать в охранение с воздуха даже бомбардировщики и разведчики [216] .

8 мая германские войска перешли в наступление против Крымского фронта. Корабли эскадры выходили для обстрелов

целей на берегу, поддерживая боевые действия фронта. 15–20 мая, когда потерпевшие поражение войска Крымского фронта эвакуировались на Таманский полуостров, лидер «Харьков» стал последним кораблем, который 16 марта поддерживал фланг войск фронта.

Черноморский флот 20 мая поступил в подчинение Северо-Кавказскому фронту. Кроме обороны кавказского побережья и Севастопольского оборонительного района (СОР), нарком ВМФ предписал использовать на коммуникациях надводные корабли, в первую очередь эсминцы. Основной проблемой стала доставка подкреплений и грузов в Севастополь. Неприятель к лету 1942 года развернул на морском направлении более сотни пикирующих бомбардировщиков, десятки торпедоносцев, катера, подводные лодки, которые с июня начали выходы на советские коммуникации. Вход в бухты Севастополя затрудняли также огонь дальнобойных батарей и сбрасываемые с самолетов донные мины с магнитными взрывателями. Все это превращало переход судов в боевую операцию. Потребовалось перевозить подкрепления на боевых кораблях – крейсерах и эсминцах – и даже подводных лодках.

Н.Г. Кузнецов вспоминал: «В героической обороне Севастополя немалая заслуга Владимирского, участие кораблей эскадры помогло отбить все три ожесточенных вражеских штурма. Корабли подвергались атакам вражеских самолетов, иногда и гибли со всем личным составом, но эскадра под командованием Владимирского продолжала выполнять свою задачу» [217] .

Владимирскому запретили командовать конвоями. Однако 18 июня он выходил на помощь поврежденному у Синопа «Харькову», а полузатопленный неприятельской авиацией «Ташкент», с трудом вырвавшийся из Севастополя, встретил на торпедном катере и доставил к берегу под своим флагом. Окончательно лидер погиб в Новороссийске из-за того, что в базе задержались с выполнением приказа Владимирского рассредоточить корабли. Командующий считал гибель «Ташкента» и «Бдительного» своей виной; он сразу же отправил все корабли из Новороссийска в Поти. На случай атаки авиации флагман предложил план постановки в Поти дымовой завесы. Дымзавеса способствовала защите порта от налетов с воздуха [218] .

С августа 1942 года Отряд легких сил, переформированный в бригаду крейсеров, вновь вошел в состав эскадры, что значительно ее усилило. После оставления Севастополя до декабря флот преимущественно способствовал армии в обороне портов и берегов Кавказа, а также совершал набеги на берега

Крыма и неприятельские коммуникации.

Вице-адмирал Владимирский в период подготовки гитлеровцами переправы с Керченского полуострова на Таманский получил приказ 3 августа 1942 года обстрелять плавучие средства противника, сосредоточенные в Двуякорной бухте, город и порт Феодосию орудиями крейсера «Молотов» и лидера «Харьков» после налета авиации. Однако это был не первый обстрел Двуякорной бухты. Немцы были настороже. Запланированный традиционно за полчаса до обстрела налет авиации должен был их предупредить. Владимирский возражал против шаблонных действий, но получил приказ выходить [219] . Неприятельские самолеты обнаружили отряд, и на отходе его атаковали торпедные катера и торпедоносцы. Одна из торпед оторвала корму крейсера «Молотов», но корабли дошли до Поти [220] .

С начала августа корабли эскадры участвовали в эвакуации из Новороссийска, с начала сентября – в обороне Новороссийского оборонительного района (НОР). Корабли перебрасывали подкрепления и поддерживали свои войска артиллерийским огнем. В конце сентября в число главных задач флота вошли также действия на коммуникациях противника и набеги на его порты надводных кораблей.

Сам Владимирский, по подсчетам его биографа, за время войны участвовал в 20 боевых и 4 обеспечивающих операциях [221] .

В октябре вице-адмирал лично ходил на эсминцах «Бойкий» и «Сообразительный» для уничтожения портовых сооружений, складов и судов в порту Ялты. Корабли в ночь на 1 октября вышли из Поти на запад, вдоль берегов Анатолии, в районе Синопа были обнаружены неприятельской авиаразведкой, однако, изменив курс, оторвались и в ночь на 2 октября обстреляли намеченные цели. Внимание неприятельских береговых батарей отвлекли оставленными на воде патронами Гольмса, имитирующими пожар, и направились к Батуми [222] .

29 ноября Владимирский повел крейсер «Ворошилов» с эсминцами для обстрела портов в западной части Черного моря. При обстреле радиостанции на острове Фидониси (Змеиный) вблизи крейсера взорвалась мина, затем вторая. Флагман вывел корабль с минного поля, дав ход вперед: он посчитал это меньшим злом, чем разворот. 2 декабря отряд вернулся к Батуму, избежав атак авиации, которая в то время действовала под Сталинградом [223] .

В операции «Море» при попытке вернуть Новороссийск Владимирский командовал отрядом кораблей огневой поддержки

и прикрытия десанта. На крейсере «Ворошилов» с 3 эсминцами он вышел из Поти в Новороссийск вечером 31 января и утром 1 февраля провел обстрел целей, которые освещались авиацией. Ориентирами служили костры на берегу. Стрельба получила высокую оценку сухопутного командования и способствовала наступлению 47-й армии [224] .

Так как наступление развивалось медленно, было намечено высадить десант: основные силы в районе Южной Озерейки, вспомогательные – у Станички. Для поддержки десанта в районе Южной Озерейки был сформирован отряд огневого содействия под флагом Владимирского (крейсера «Красный Крым», «Красный Кавказ», лидер «Харьков», эсминцы «Сообразительный» и «Беспощадный»). Первый эшелон десанта должен был высадить отряд корабельной поддержки контр-адмирала Н.Е. Басистого, а эсминец «Бойкий» и 4 сторожевых катера – отвлекать противника обстрелом района между Анапой и Благовещенской и демонстрацией высадки десанта [225] .

Владимирский высказывал сомнение в целесообразности высадки у Южной Озерейки из-за открытого непогоде побережья. Как известно, именно из-за шторма десант в этом пункте не был завершен и основные усилия перенесли на плацдарм вспомогательного десанта. Было разрешено лишь разработать план на случай высадки у Станички, где намечался вспомогательный десант [226] .

Вечером 3 февраля все отряды направлялись к цели. После полуночи отряд Владимирского подходил к цели, когда вице-адмирал получил известие, что составленный из разнотипных тихоходных судов отряд высадочных средств задерживается. Пришлось отложить на 1,5 часа начало артподготовки. Владимирский сообщил об изменении командующему флотом. Тем не менее налет авиации начался в срок. Начатая в 2.01 4 февраля стрельба проходила по площадям неудачно, ибо самолеты-корректировщики уже улетели, а длительное маневрирование кораблей затруднило ориентировку. После стрельбы крейсера отошли, а эсминцы обстреляли скопления неприятельских войск на берегу.

Огонь кораблей не смог подавить огневые точки противника на обратных скатах высот. Тем не менее большая часть десанта была высажена. Так как армия не развила наступления, десант вел два дня бои в окружении, и остатки его соединились с десантом у Станички, которая стала основным плацдармом, позднее названным Малой Землей.

В марте-апреле корабли эскадры ремонтировались и обеспечивали переходы транспортов. 9 апреля приказом наркома

ВМФ командующим эскадрой назначили контр-адмирала Н.И. Басистого. Командующим флотом Ставка назначила вице-адмирала Владимирского. Он сменил Октябрьского, которым Ставка была недовольна после неудачи операции под Новороссийском. Владимирский командовал Черноморским флотом с 24 апреля 1943 по 19 марта 1944 года [227] .

В конце апреля вице-адмирал провел совещание с командным составом о подготовке к борьбе с активной деятельностью противника на море и к освобождению Новороссийска. Он пропагандировал взаимодействие с авиацией и для обороны, и для ударов по неприятелю [228] .

29 апреля Владимирский поставил перед эскадрой задачи артиллерийским огнем истребить самолеты на аэродроме Анапы и произвести поиск плавучих средств в районе мысов Меганом, Сарыч. Командиры эсминцев «Бойкий» и «Беспощадный» получили в Туапсе от командующего указание после обнаружения плавсредств обстрелять Ялтинский порт, мыс Киик-Атлама и причалы в Двуякорной бухте. В ночь на эсминцы, не встретив судов, обстреляли цели, кроме Ялтинского порта, который закрыл туман, тогда как эсминец «Железняков» и сторожевой корабль «Шторм» при обстреле аэродрома у Анапы вызвали большие пожары [229] .

При Владимирском увеличилась активность флота. В разработке планов применяли анализ опыта и творческий подход.

В мае корабли эскадры продолжали набеги на берега противника. Германские войска, оттесненные на Таманский полуостров, укрепились. Силам флота пришлось наносить удары по портам, демонстрируя подготовку высадки десанта. Эскадра 4 июня выходила с той же целью к мысу Пицунда.

В июне-июле большинство кораблей эскадры требовало ремонта, и действовали против берегов легкие силы – сторожевые корабли, ракетные катера, которые, в частности, 21 августа обстреляли аэродром у Анапы. До осени катера выставили свыше 500 мин в Керченском проливе, минировали устье Дуная. Активно действовали подводные лодки [230] .

В августе 1943 года была задумана операция на юге. Владимирский предложил провести высадку десанта силами флота прямо в Новороссийский порт при поддержке артиллерии с суши. После споров замысел приняли, его утвердила Ставка. План операции разрабатывали в обстановке особой секретности. Только 28 августа командующий подписал директиву начальнику высадки контр-адмиралу Г.Н. Холостякову. Предварительно проводили демонстрации у Южной Озерейки и Анапы. Моряки торпедных катеров готовились осуществить задумку

Владимирского – атаковать прибрежные доты торпедами. Катерам и другим малым судам предстояло стать основными средствами высадки. Вице-адмирал, которого назначили командовать операцией, не хотел рисковать крупными кораблями и оставил эскадру Н.Е. Басистого в Поти. Операция в ночь на 9 сентября 1943 года прошла в основном по плану, однако сломить сопротивление противника не удавалось. 10 сентября Владимирский предложил высадить второй эшелон на правом фланге плацдарма, что позволило в ночь на 13 сентября прорвать гитлеровскую оборону под Новороссийском. 15 сентября город был взят, и 16 сентября Москва салютовала победителям [231] .

В первые дни октября на Черное море прибыл нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов. Он узнал о налаженном взаимодействии фронта и флота, успешных совместных действиях по освобождению Таманского полуострова, Темрюка и планах дальнейших действий на море, в первую очередь против сил противника, эвакуирующих войска с Таманского полуострова. Кроме авиации, планировали и набеги надводными кораблями.

5 октября командующий послал лидер «Харьков», эсминцы «Беспощадный» и «Способный» для обстрела в ночь на 6 сентября портов Феодосии и Ялты, где могли собраться суда, вывозившие немецкие войска с Таманского полуострова. Уже при движении к цели отряд был обнаружен, но командир отряда капитан 2-го ранга Г.П. Негода продолжал действия по плану, ибо и раньше неприятель обнаруживал корабли в море без особых последствий. «Харьков» обстрелял Ялту. Корабли даже не дошли до цели, столкнувшись с отрядом торпедных катеров, затем – с БДБ. Негода не торопился уходить, потратил время, чтобы поднять из воды летчиков сбитого немецкого самолета. Неприятельская авиация неоднократно атаковала отряд. Сначала был поврежден «Харьков». Г.П. Негода, несмотря на приказ командующего флотом затопить «Харьков» и отходить, пытался спасти поврежденный корабль, но потерял и два остальных от ударов авиации.

Рассматривая внимательно этот случай, Владимирский обвинял себя в том, что не послал еще несколько самолетов, и за то, что назначил командиром дивизиона человека, в котором сомневался. Позднее он писал: «Этот тяжелый для нас урок есть прежде всего расплата… за боязнь принять ответственное решение, боязнь быть обвиненным в трусости, если оставлен, если утоплен корабль… Правда, на нашу психологию влияет и «бытие» – авось удастся спасти корабль, у нас их так немного» [232] .

Несмотря на тяжелый случай, адмирал защитил Негоду,

который много лет после того служил на флоте. Флагман не имел привычки сваливать вину на подчиненных.

После этого случая Ставка Верховного Главнокомандования потребовала дальнейшие действия направить на обеспечение боевых действий сухопутных войск, а дальние походы кораблей проводить только с ее разрешения.

В октябре началась подготовка к высадке в Крыму. Были запланированы десанты на Еникальском полуострове и у Эльтигена. Владимирский не рассчитывал на внезапность и считал необходимым провести высадки одновременно в северной и южной частях Керченского пролива, что заставило бы противника распылить силы. Он рекомендовал провести десант не у Эльтигена, а в Камыш-Буруне, но командование фронта запланировало иначе. Когда ухудшилась погода, командующий флотом предложил отложить десант, но генерал Петров, уже доложивший в Ставку о начале операции, не решился перенести срок. В результате суда Азовской флотилии, понесшие потери в бурном море, пришлось возвращать позднее. Нарушение первоначального плана повлекло за собой неудачу операции. Удалось лишь создать плацдарм у Эльтигена, названный Огненной Землей, который на время связал значительные германские войска. Не дали успеха и частные десанты 9–10 и 22 января в Крыму [233] .

На последнем этапе эскадра флота занималась в основном перевозкой войск, грузов и артиллерийской поддержкой сухопутных войск.

Ставка была недовольна большими потерями без видимых успехов. Л.А. Владимирский еще успел проводить в освобожденный от немцев Скадовск первый эшелон торпедных катеров и сам шел с ним. На запад перебросили и часть авиации для согласованных с кораблями действий на коммуникациях Крыма с Болгарией и Румынией. Но в марте вице-адмирала вызвали в Москву. Позднее Н.Г. Кузнецов писал: «Ни Генштаб, ни Наркомат ВМФ не вносили предложения о смене командования Приморской армии и Черноморского флота… Для меня до сих пор не ясна причина освобождения от должности Л.А. Владимирского» [234] .

2 марта 1944 года постановлением Государственного Комитета Обороны Владимирского отстранили от командования флотом, 4 марта понизили в звании до контр-адмирала и назначили командующим эскадрой Краснознаменного Балтийского флота [235] . Сам Владимирский писал в начале мая будущей жене Е.С. Добронравовой: «Сознание того, что за время войны мною лично или под моим руководством проведено

несколько десятков операций с успехом в большей или меньшей степени, дает мне большую моральную поддержку… Теперь меня ждут иные пути» [236] .

В апреле флагман принимал эскадру Балтийского флота. В первую очередь он побывал на каждом корабле. Большинство командиров сменилось, с осени 1941 года большая часть кораблей почти не плавала. Как только появилась возможность, началась подготовка командного состава на тральщике, затем отдельные эскадренные миноносцы ходили по Морскому каналу и кронштадтским рейдам, готовясь к весенним действиям в море. Со временем все командиры получили допуск на самостоятельное управление.

С 9 июня 1944 года линкор и крейсера от Торговой пристани открыли огонь по неприятелю. На следующий день войска начали наступление, 20 июня освободили Выборг, в сентябре – Эстонию, в ноябре – Моонзундские острова. Но командование решило не переводить флот в Таллин. Пока лед сковывал Финский залив, Владимирский исследовал возможности базирования кораблей в портах Прибалтики и Восточной Пруссии. Параллельно с планами портов он набрасывал в записных книжках наметки состава будущего флота, изучал опыт вражеских флотов и считал необходимым изучать опыт союзников [237] .

Имя Владимирского отмечали в приказах Верховного главнокомандования. В наградном листе контр-адмирала было записано: «Корабли эскадры в течение кампании 1944 года отработали задачи по боевой подготовке. При разгроме немецко-финских войск на Карельском перешейке огнем своей артиллерии способствовали продвижению частей Красной Армии» [238] .

24 апреля 1945 года Владимирского вновь произвели в вице-адмиралы. До конца 1946 года он командовал эскадрой. В декабре 1946 – январе 1947 года флагмана направили в распоряжение кадров ВМС. В январе-мае 1947 года он окончил Академические курсы офицерского состава при Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. С марта 1947 по март 1948 года моряк состоял адмирал-инспектором инспекции флота Главной инспекции Вооруженных сил. Ему пришлось заниматься освоением боевого опыта и новых мест базирования флота. В 1947 году, когда обсуждалась программа кораблестроения, Владимирский выступал за строительство авианосцев. В марте-сентябре 1948 года он был начальником Военно-морских учебных заведений ВМС, в июне-сентябре также старшим морским начальником в Ленинграде [239] .

Л.А. Владимирский принял дела начальника Военно-морских учебных заведений у Н.Г. Кузнецова, которого направили на

Тихий океан. Кузнецов предложил добиваться дальних плаваний для курсантов. В том же году «Ангара» и «Неман» под флагом вице-адмирала вышли в поход, в Норвежское море.

В сентябре 1948 – марте 1950 года Владимирский был заместителем главного инспектора Главной инспекции Вооруженных сил по ВМС, затем до января 1951 года – заместителем главного инспектора ВМС. В январе-ноябре 1951 года он окончил военно-морской факультет Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова. В 1951 году с Дальнего Востока вернулся и стал во главе флота Н.Г. Кузнецов. Три года работал с ним Владимирский. С ноября 1951 года он состоял начальником Главного управления боевой подготовки – заместителем начальника Морского генерального штаба, затем с мая 1953 по март 1955 года – начальником управления боевой подготовки Главного штаба ВМС. В это время создавали новые уставы и курсы обучения на основе опыта войны. 31 мая 1954 года Владимирский стал адмиралом [240] .

В марте-октябре 1955 года Владимирский по предложению Н.Г. Кузнецова состоял заместителем главкома ВМФ по кораблестроению, что позволило ему осуществить ряд идей на основе боевого опыта. Моряк принимал участие в создании первых в мире подводных лодок-ракетоносцев, присутствовал при первом пуске баллистической ракеты с подлодки Б-67 в Белом море 16 сентября 1955 года [241] .

С октября 1955 до февраля 1956 года адмирал находился в распоряжении главкома ВМФ; с февраля 1956 года его назначили председателем морского научно-технического комитета. В этой должности Владимирский находился до августа 1959 года, после чего его назначили руководителем научно-исследовательской группы при главкоме ВМФ до декабря 1960 года. Далее Владимирский был референтом главнокомандующего. С марта 1961 по февраль 1962 года Владимирский служил руководителем научно-исследовательской группы при Военно-морской академии. В 1961 году он возглавил длительное плавание в северо-западной части Атлантического океана в качестве начальника совместной океанографической экспедиции. В феврале 1962 – феврале 1967 года адмирал был заместителем начальника Военно-морской академии – начальника Академических курсов офицерского состава. Он был одним из участников подготовки и проведения гидроакустической экспедиции на экспедиционно-океанографических судах «Балхаш» и «Байкал» в 1966 году. С февраля 1967 по май 1970 года Владимирский являлся профессором-консультантом Ученого совета академии. В 1967–1968 годах он возглавил две комплексные океанографические

экспедиции в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах, которые продолжались 22 месяца. В экспедиции «Прилив-2» в Индийском океане принимали участие подводные лодки Б-95 и Б-98. В 1969 году моряк стал лауреатом премии имени М.В. Фрунзе. С мая 1970 года адмирал вышел в отставку [242] .

Относительно спокойная береговая служба позволила моряку опубликовать ряд своих статей: *Владимирский Л.А.* К вопросу об итогах борьбы на морских коммуникациях во Второй мировой войне//Морской сборник. 1957. № 8. С. 29–35; *Он же.* Военное кораблестроение и Реактивное оружие и ведение боевых действий на море // Новое в военной технике. М.: Воениздат, 1958. С. 174–179, 194–202; *Он же.* Черноморский флот в Крымской наступательной операции // Морской сборник. 1959. № 4. С. 61–71; *Он же.* Вместе с армией // Морской сборник. 1965. № 5. С. 14–22; *Он же.* К 30-летию перехода гидрографических судов «Полярный» и «Партизан» из Ленинграда во Владивосток // Записки по гидрографии. 1968. № 4. С. 93–97.

В последнее десятилетие службы адмирал заботился о физической бодрости (ежедневно проходил 10 километров пешком, строго следил за весом), ибо разработал для себя план деятельности в новом направлении – изучении океанов. В 60-х годах Владимирский организовал несколько гидрографических экспедиций. Его наградили орденом Ленина [243] .

Последняя экспедиция на «Полюсе» началась 15 октября 1968 года в Кронштадте. Экспедиционное судно, с 16 научными лабораториями на борту, могло проводить комплексные гидрографические работы. Владимирский никогда ранее не был в Индийском океане и был рад возглавить экспедицию, предназначенную раскрыть несколько белых пятен на карте.

Судно благополучно прошло через Балтику, датские проливы и Ла-Манш, перенесло волнение в Бискайском заливе. После того как «Полюс» миновал Канарские острова, установилась хорошая погода. 31 октября пересекли экватор. Это событие было отмечено праздником и купанием новичков, которым Нептун выдал грамоты о переходе через экватор. Далее в плавании моряки видели остров Вознесения, день 7 ноября отметили у острова Святой Елены – места последних лет жизни Наполеона Бонапарта. В середине ноября судно обогнуло Африку и направилось к Мозамбикскому проливу. Моряки попутно проводили исследования в проливе и обнаружили несколько не нанесенных на карту подводных гор. Оказалось, что и течения плохо изучены.

Пройдя проливом, который навевал воспоминания о плавании 2-й Тихоокеанской эскадры З.П. Рожественского 1904–

1905 годов, закончившемся поражением при Цусиме, экспедиция достигла Сейшельских островов. Члены экспедиции изучали погоду и сведения отправляли в метеоцентры. Моряки исследовали и уточнили размеры острова Коэтиви. Продолжая гидрографические работы, «Полюс» направился к порту Карачи. 3–6 февраля судно стояло у причала. Моряки осмотрели молодой город-порт.

«Полюс» направился на юг, к экватору. 26 февраля начальник экспедиции получил телеграмму из Москвы. Далее следовало идти в Коломбо, а оттуда к глубоководной впадине Тонга и далее через Тихий океан – к берегам Чили. Судно должно было, таким образом, совершить кругосветное плавание и стать первым надводным советским судном, обошедшим вокруг света.

В плавании моряки наблюдали летучих рыб и акул. Последних не без успеха ловили, чтобы получить сувенир в виде сушеного плавника, челюсти или хотя бы фото на фоне хищницы.

11 марта «Полюс» пришел к Цейлону. Вблизи порта Галле члены экипажа занялись приведением в порядок техники перед дальним плаванием, а заодно и покраской. 26 марта судно прибыло в Коломбо. Владимирский, как и в Карачи, совершил несколько официальных визитов. Моряки посетили город, побывали в древней столице острова Канди, 31 марта встретились с экипажами океанологических судов «Академик Вавилов» и «Академик Лебедев», зашедших в Коломбо. 1 апреля экспедиция продолжила путь. «Полюс» прошел мимо Мальдивских островов, большинство которых представляют собой коралловые атоллы.

7 апреля уже седьмой раз судно пересекло экватор, 8 апреля вступило в Зондский пролив. Моряки наблюдали знаменитый вулкан Кракатау, известный извержением 20 августа 1883 года. А 9 апреля Владимирскому вблизи островов Индонезии наконец удалось уловить зеленый луч; увидеть его адмирал мечтал с детства.

Через мелководные Тиморское и Арафуртское моря «Полюс» направился к берегам Австралии, по пути отмечая на дне отмели и банки. Непросто оказалось пройти через узкий и опасный Торресов пролив. «Полюс» сделал это первым из советских военных кораблей. Далее судно с востока обогнуло Новую Гвинею и оказалось в Коралловом море – месте, где в годы Второй мировой войны проходили многочисленные сражения японского и американского флотов.

Лоция южной части Тихого океана предупреждала, что Коралловое море изобилует опасностями. Многие из этих опасностей, существовавшие на картах, «Полюс» не обнаружил. Однако приходилось внимательно наблюдать за морем, ибо

некоторые острова были нанесены неверно. Одновременно гидрографы занимались измерением глубин, изучением донного грунта и другими присущими им работами. Далее судно направилось через Меланезию и Полинезию. Пройдя в стороне от островов Фиджи и Тонга, моряки приступили к исследованию впадины Тонга. Они обнаружили наибольшие глубины 10 430 и 10 437 метров и выход холодной воды. Район этот был известен вулканической деятельностью. Завершив 1 мая работы, второй день 1 мая (который появился из-за движения с востока на запад) посвятили празднику. В тот же день судно направилось к острову Пасхи, а оттуда – к берегам Чили. 28 мая «Полюс» прибыл в порт Вальпараисо. Как и ранее, официальные визиты совмещались с осмотром Вальпараисо и расположенного в 150 километрах Сантьяго. Встречались моряки и с чилийской молодежью.

1 июня «Полюс» оставил Вальпараисо и направился к югу. Судну предстояло пройти Патагонскими проливами. Узости и сильное течение делали проливы опасными. Магелланов пролив оказался более широким и безопасным.

8 июня экспедиция вышла в Атлантический океан. Судно 21 июня в восьмой раз пересекло экватор. На обратном пути «Полюс» прошел через Гибралтарский пролив в Средиземное море. Пополнив запасы топлива с танкера «Золотой Рог», гидрографическое судно зашло в Танжер, через Бискайский залив, Ла-Манш и Балтийское море 14 июля вернулось в Ленинград. За девять месяцев моряки прошли 49 927 миль, значительная часть которых приходилась на Южное полушарие, в котором они находились около семи месяцев. И Мозамбикский, и Торресов проливы, и Коралловое море, и Патагонские проливы были места опасные и малоизученные. Например, в Патагонских проливах из отечественных моряков ранее побывал только С.О. Макаров на «Витязе» в 1887 году [244] .

После возвращения Л.А. Владимирский защитил кандидатскую диссертацию. Журнал «Морской сборник» в 1971 году опубликовал его записки «Вокруг света на «Полюсе» [245] .

С 1970 года адмирал находился в отставке, но не оставил морское дело. Подготовку к новой экспедиции прервала смерть 7 сентября 1973 года, на пороге 70-летия. В этот день он должен был лететь в Новороссийск для участия во вручении городу ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» [246] .

Адмирал умер в Москве. Владимирский был награжден 2 орденами Ленина (1947, 1968), 3 орденами Красного Знамени (1941, 1944, 1945), орденами Суворова II степени (1943), Ушакова II степени (1945), медалями, именным оружием. Его именем после смерти моряка было названо океанографическое

исследовательское судно [247] .

Похоронен моряк в Москве, на 7-м участке, в 6-м ряду некрополя Новодевичьего кладбища [248] .

Многие считали Владимирского слишком мягким для командующего флотом. Однако Н.Г. Кузнецов оценивал его несколько иначе: «Владимирский был прямым и честным. Всегда открыто высказывал свои взгляды, смело брал на себя ответственность… Мягкий и добрый, он в то же время был неуклонно требователен». Сам адмирал, неизменно выдержанный и вежливый, обращавшийся на вы со всеми, не позволял себе угрожать или повышать голос. Он говорил: «Прежде всего следует считать своих подчиненных не хуже, чем ты сам» [249] .

Владимирский был самокритичен, но высокие требования предъявлял и к подчиненным, и к начальникам. Он считал: «Проявить мужество гражданское потруднее, пожалуй, чем проявить храбрость в бою». Выступая против соглашательства, адмирал писал: «Бывает, что подчиненные настолько «чутко» прислушиваются к мнению начальника, что когда спрашивают их мнение, то высказывают не свое суждение, а то, что желает слышать начальник. Последствия тут могут быть самые печальные…» [250] В Севастополе улицу назвали его именем. Корабль науки «Адмирал Владимирский» совершил плавание вокруг Антарктиды. Это – наилучшая память об одном из флагманов Победы.

ГОЛОВКО АРСЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
Командующий Северным флотом

Не так много в СССР было моряков, послуживших на всех флотах и постоянных флотилиях, получивших опыт в Испании. Одним из немногих явился Арсений Григорьевич Головко, все годы Великой Отечественной войны командовавший Северным флотом.

Арсений Головко родился 10 (23) июня 1906 года в станице Прохладной на Северном Кавказе, в Кабардино-Балкарии, и вырос в большой казачьей семье. Отец семи детей – казак, ветфельдшер, мать – крестьянка. В 1920 году юноша вступил в комсомол, два года учился на рабфаке в Ростове-на-Дону и подрабатывал в порту. После рабфака он поехал в Москву, учился в Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. В 1925 году Головко по комсомольскому набору направили на флот [251] .

Начинал Головко матросом на Балтике, а затем молодого моряка послали на учебу. В ноябре 1925 – мае 1928 года Головко учился в Военно-морском училище имени М.В. Фрунзе. В 1927 году Головко вступил в ВКП(б). После окончания училища его направили в Морские силы Черного моря. Моряк с мая по сентябрь 1928 года служил вахтенным начальником эсминца «Фрунзе», затем до ноября 1929 года – командиром взвода, завхозом, штурманом канонерской лодки «Ленин». В ноябре 1929 – октябре 1930 года моряк служил групповым штурманом канонерских лодок Морских сил Каспийского моря. В октябре 1930 – мае 1931 года Головко обучался в минном секторе Специальных курсов комсостава ВМС РККА. После курсов его направили в Морские силы Балтийского моря. С мая по ноябрь 1931 года он состоял дивизионным минером дивизиона эскадренных миноносцев. В ноябре 1931 – марте 1932 года Головко был преподавателем Специальных курсов комсостава ВМС РККА [252] .

На берегу моряк оставался недолго. В марте 1932 года его направили флагманским минером бригады траления и заграждения тогда еще рождавшегося Тихоокеанского флота. С января 1933 по август 1936 года Головко служил начальником штаба отряда торпедных катеров особого назначения, начальником штаба и командиром бригады торпедных катеров. Это была солидная проверка сил перед новыми испытаниями.

На Тихом океане вместе с товарищем по училищу А.В. Кузьминым Головко проводил эксперименты по эффективному

использованию торпедных катеров, был сторонником ночных атак и однажды на учениях флота незаметно проскочил в бухту Золотой Рог. Оригинальный подход комбриг применил и для улучшения жизни семей моряков: зимой он вызвал пожарных, которые на морозе облили ветхие строения, образовав ледяную шубу. В домах сразу потеплело [253] .

В августе 1936 года будущего флотоводца направили учиться в Военно-морскую академию имени К.Е. Ворошилова. Но курс занятий пришлось неожиданно прервать. Шла война в Испании, советские специалисты помогали испанским республиканцам защищать страну от фашизма. С группой добровольцев А.Г. Головко в 1937 году направили в Испанию. Там он под именем дон Симон Гарсия Галвис сменил на посту советника главной базы флота Картахены С.С. Рамишвили, возвращавшегося на родину. Моряк участвовал в разработке планов операций, выходил в море встречать транспорты из СССР, с его именем связано потопление франкистского крейсера «Балеарес». Здесь будущий адмирал получил представление о действиях авиации, конвоях и т. п., что ему позднее пригодилось как командующему флотом. Моряка наградили орденом Красного Знамени. После возвращения его направили на Северный флот. Головко исполнял должность начальника штаба флота (май – июнь 1938), командовал дивизионом эсминцев Северного флота (июнь – август 1938). Он и думать не мог, что Север станет наиболее важным в его судьбе, тем более что знакомство с ним было кратковременным. С августа 1938 по июль 1939 года Головко командовал Каспийской военной флотилией, затем до июля 1940 года – Амурской военной флотилией. 29 июля 1939 года он стал флагманом 2-го ранга, 4 июня 1940 года его произвели в контр-адмиралы [254] .

26 июля 1940 года флагмана назначили командующим Северным флотом [255] . В этом качестве Арсений Григорьевич прошел всю Великую Отечественную войну.

7 августа 1940 года А.Г. Головко принял флот у контр-адмирала В.П. Дрозда [256] . Меньше года было у молодого флагмана, чтобы исправить накопившиеся на флоте недостатки и привести его в боеспособное состояние. Требовалось ремонтировать почти все эсминцы. Трудности создавали большие перемещения командного состава после арестов на флоте.

При первой встрече с работниками штаба флота Головко сказал: «Вы, товарищи, отныне моя опора. Позвольте надеяться, что каждый из вас на доверенном участке будет работать в полную силу, – и шутя добавил: – Благо полярный день никого здесь не ограничивает» [257] .

Для поднятия боеспособности командующий максимальное количество кораблей поставил на ремонт, а командирам остальных предписал готовить экипажи по-боевому, без условностей, в любую погоду. Береговым артиллеристам следовало бороться за первый залп, тылу – обеспечивать всем необходимым самые отдаленные точки. Головко наладил взаимодействие с армией.

Приходилось принимать неординарные решения. После гибели подводной лодки Д-1 Головко, кроме строгого выговора, получил указание проводить учения на глубинах, не превышающих рабочей глубины погружений подводных лодок. Но в Баренцевом море таких глубин почти не было. Чтобы не сорвать боевую подготовку, командующий взял на себя риск игнорировать запрещение. К маю 1941 года подводники уже отрабатывали торпедные атаки. Инспекция из наркомата в мае 1941 года отметила улучшения в жизни и работе на флоте, но посчитала его небоеспособным из-за того, что эсминцы еще оставались в ремонте. Однако через несколько недель напряженной работы и они вошли в строй [258] .

Добиваясь повышения боеспособности, командующий сам часто выходил в штормовые походы, наблюдая за становлением моряков. Он часто напоминал слова С.О. Макарова: «Мало знать, нужно еще уметь. Уметь – это главное». Он требовал от командиров умения верно оценивать обстановку, принимать смелые решения и действовать напористо. Выход в море Головко расценивал как школу войны [259] .

А война приближалась. Все чаще командующий получал известия о приготовлениях гитлеровских войск у границ. Уже днем 17 июня немецкий самолет прошел над Полярным и благополучно ушел за границу; артиллерия базы огонь не открыла, а самолеты не смогли догнать. В тот же день, не получив определенного указания на донесение, Головко объявил на флоте оперативную готовность № 2. 18 июня поступил приказ Главного морского штаба готовить к выходу подводные лодки для наблюдения и отражения возможного нападения. Головко намеревался выслать «Щуки» и часть «Малюток», а остальными «Малютками» охранять горло Белого моря [260] .

19 июня командующий приказал рассредоточить подводные лодки и готовить их к выходу в море. Ежедневно иностранные самолеты пересекали границу, боевые корабли накапливались в приграничных портах Финляндии и Норвегии. Головко ожидал нападения. Приказ наркома ВМФ перевести флот на оперативную готовность № 1, поступивший вечером 21 июня, не застал врасплох. Второй приказ предусматривал выделить корабли и

самолеты для прикрытия горла Белого моря. 22 июня начались бомбежки. В течение дня поступили приказы о всеобщей мобилизации, о введении военного положения в базах и об отправке подводных лодок на патрулирование к Варде, чтобы не допускать неприятельские суда к Варангер-фьорду. Следовало авиацией действовать по аэродромам противника, не трогая войска Финляндии.

В первые дни противник накапливал силы у границы, действуя авиацией. Северный флот огнем береговых орудий действовал по неприятельским судам на подходах к Петсамо, был сбит Б.Ф. Сафоновым первый самолет. После осмотра остатков самолета командующий принял решение снабдить все колесные самолеты, действующие над морем, резиновыми шлюпками и аварийными радиостанциями для спасения жизни летчиков [261] .

26 июня, когда стало известно о вступлении Финляндии в войну, Головко записал в дневнике: «Пусть теперь соседи не пеняют. Мы их не трогали, хотя видели все их приготовления и могли помешать им силой оружия. Наше правительство давало правителям Финляндии возможность отказаться от войны. Теперь же они пожнут то, что посеяли» [262] .

Несмотря на превосходство неприятельской авиации в численности, самолеты флота уже в первые дни войны наносили удары по аэродромам и портам противника, вступали в воздушные бои. Командующий отметил необычный случай, когда тихоходный разведчик МБР-2 атаковал «Юнкере» и заставил его отступить. Батарея П.Ф. Космачева с полуострова Средний потопила за несколько минут сторожевой катер у порта Петсамо. С другой стороны, неприятным сюрпризом явилось применение неприятельской авиацией бомбежки с пикирования.

Командование флота эвакуировало мирное население, перевозило подкрепления для армии. Так как недоставало эскортных судов и горючего для них, Головко принял решение отправить скопившиеся свыше 155 торговых и рыболовецких судов в Белое море днем без охранения, поодиночке и с разными интервалами, а неприятельскую авиацию отвлечь налетами на ее аэродромы. В результате нестандартного решения все суда достигли цели благополучно. Позднее Головко писал: «Расчет оказался верным. Риск был необходим, целесообразен и потому оправдан. Теперь можно сказать: еще одно столкновение умов в войне на море здесь, в Заполярье, выиграно нами» [263] .

Тем временем 29 июня, после того как артиллерия обстреляла пункты сосредоточения неприятельских войск, гитлеровцы перешли в наступление на суше и оттеснили

немногочисленные силы 14-й армии. План наступления был расписан по часам. Обороняющиеся сорвали его, однако были вынуждены отходить.

Вскоре вопросы поддержки армии стали важнейшими для командующего флотом, ибо наступление угрожало главной базе флота. Еще до получения приказа из Москвы Головко выслал для артиллерийской поддержки войск эсминцы, хотя и мог их прикрыть с воздуха лишь 6 истребителями. Корабли вели огонь до того, как их атаковали до 40 пикирующих бомбардировщиков, и только туман позволил им уйти. Посланный за оставленной на берегу корректировочной группой катер старшего лейтенанта И.А. Кроля подвергся атаке 18 бомбардировщиков. Катер лишился руля, затем вышли из строя два двигателя, но лихой моряк на третьем двигателе продолжал маневрировать, уклоняясь от бомб, и благополучно вернулся. Для Головко все это являлось признаком высокого духа моряков, не сломленных первыми успехами противника [264] .

Благодаря тому что один из полков 14-й армии удержал позицию на горном хребте Мусту-Тунтури, немцам не удалось прорваться к Мурманску. В дальнейшем эта позиция была передана флоту, и моряки обороняли Северный оборонительный район три года. Для этого флоту пришлось сформировать и срочно отправить на фронт отряды из корабельных специалистов, ибо морской пехотой он не располагал. Добровольцев хватало, но оружие срочно пришлось перебрасывать из Москвы. Моряки из-за лихой храбрости и отсутствия подготовки несли большие потери, не желая переползать и атакуя в рост, но они вызывали страх у противника своим неудержимым натиском и служили не только боевой, но и моральной поддержкой солдатам, создали перелом в настроении обороняющихся войск. Перелому в обстановке способствовали и высаженные флотом дерзкие тактические десанты моряков. В результате наступление было остановлено, и линия фронта стабилизировалась надолго [265] .

Обезопасив базу с суши, флот продолжил повседневную традиционную деятельность: организацию и охрану перевозок, борьбу на неприятельских коммуникациях и т. п.

С начала войны флот, кроме авиационной и артиллерийской поддержки, занимался перевозками всего необходимого для сухопутных войск, что помогло 14-й армии устоять.

Командующий нередко провожал моряков в бой и встречал их после возвращения.

Предвоенные оперативные планы не предусматривали действий Северного флота в океане. В его составе было 8 эсминцев, 7 сторожевых кораблей, 2 тральщика, 15 подводных

лодок, 15 охотников за подводными лодками и другие суда и корабли; численно он не уступал германским силам в портах Норвегии, но в любой момент противник мог подвести подкрепления. Из 116 самолетов половину составляли старые машины; неприятель располагал явным преимуществом в авиации. Именно авиация, как правило, и становилась причиной гибели кораблей и судов. Так случилось, когда 20 июля пикирующие бомбардировщики потопили новейший эсминец «Стремительный». Командующий корил себя за то, что недооценивал опасность с воздуха, ибо ранее с планирования гитлеровцы в цель не попадали [266] .

В 1941 году набеги совершали и германские надводные корабли (эсминцы), которые потопили героически защищавшиеся сторожевики – вооруженные траулеры «Пассат» и «Туман», гидрографическое судно «Меридиан» и несколько других судов. В свою очередь, высылаемая в погоню авиация атаковала и наносила повреждения неприятельским эсминцам.

Осеннее наступление, предпринятое немцами в сентябре, также не увенчалось успехом. Флот вновь отправил на сушу добровольцев, которые помогли в основном удержать линию фронта. Правда, гитлеровцам удалось продвинуться к берегу Мотовского залива и установить батареи, которые обстреливали все суда, снабжавшие обороняющихся. Однако при поддержке авиации снабжение не прекращалось, и к зиме германским войскам пришлось остановиться, не дойдя до Мурманска.

Подводники Северного флота в начале войны не добивались результатов, пока не была отработана тактика торпедных атак. Головко писал о подводниках: «К ним успех пришел далеко не сразу, несмотря на решимость и отвагу командиров и экипажей. Этих качеств было еще недостаточно, чтобы отдельные удачи сменились постоянным успехом. Решали опыт, доскональная изученность театра и приемов противника, знание препятствий, и природных, и специально подготовленных гитлеровцами на том или другом участке, искусство поиска, мастерство при выборе момента и направления торпедной атаки плюс спокойная воинская дерзость, ошеломляющая врага»1.

Успех приносили не только торпедные атаки. Подводники применяли артиллерию, а со временем и мины, которые ставили у неприятельских баз. Три раза подводные лодки – «Малютки» скрытно проходили в порт Петсамо. Все больше неприятельских судов выходило из строя, пока гитлеровцы не наладили систему охранения. Со временем подводники начали отмечать потопление неприятельского судна выстрелом из орудия возвращающейся подводной лодки. Первый такой выстрел 19 октября 1941 года из

орудия подводной лодки К-2 вызвал недоумение командующего, однако со временем традиция прижилась, а команду лодки-победительницы на берегу ждал жареный поросенок [267] .

16 сентября 1941 года А.Г. Головко произвели в вице-адмиралы [268] .

Несмотря на текучку, командующий оставлял время на раздумья. В дневнике военного времени он отражал свои мысли: «Надо снова продумать всю боевую работу наших лодок. Надо осмотреться, возможно, многое упускаем, что немцы предприняли какие-то меры ПЛО, которые мы не установили, – это ясно. Надо разгадать, какие именно. Боюсь, что тут мины. Глубины позволяют ставить мины у всего побережья. В некоторых местах мины нужны специальные – глубоководные, но все же постановка возможна. Если ориентироваться на мины, то вдоль всего норвежского побережья нельзя плавать. Проще говоря, тогда надо отказаться от боевых действий. Это невозможно. Ведь немцы-то плавают. Стало быть, и нам надо продумать свои действия, просмотреть, изучить пути, по которым ходят корабли противника. И ходить теми же самыми путями» [269] .

Со временем, кроме проводки конвоев вдоль своих берегов, в том числе и по Северному морскому пути, флоту пришлось взять на себя охранение внешних конвоев, прибывавших из-за границы с грузами для Советского Союза. Летом – осенью конвои шли на Архангельск. Однако порт замерзал, и пришлось избрать Мурманск.

До конца 1941 года в Кольский залив заходили лишь военные корабли англичан. Союзники 30 июля совершили налет авианосными самолетами на Киркенес и Петсамо, но понесли значительные потери без особых результатов. В августе в Полярное прибыла постоянная английская военно-морская миссия; представители миссии были направлены в Мурманск, доступный из-за теплого течения круглогодично, и Архангельск. Англичане в ноябре 1941 года интересовались возможностями Мурмайского порта. Все это явилось подготовкой к отправке конвоев.

10 декабря Головко записал в дневнике: «Дело явно идет к тому, что конвои будут приходить в Мурманск; отсюда же станут промышлять рыболовные суда. Нужны серьезные мероприятия, чтобы сделать положение коммуникаций более устойчивым. Для конвоев мал запас угля и мазута в Мурманске; его хватает только для нужд самого флота, снабжать из этого количества торговые суда будет очень трудно. В общем, трудностей предвидится много…»

25 декабря он добавил: «Судя по всему, транспортные суда

пойдут в Мурманск. Забот теперь не оберешься. Особенно после сообщения о том, что гитлеровцы собираются перебросить на север девять подводных лодок с опытными командирами. Много хлопот доставит снабжение англичан продуктами и нефтью, поскольку самим не хватает» [270] .

Первый конвой из 9 судов прибыл 12 января. Так как из порта оборудование вывезли в начале войны и подготовки к приему судов не вели, выгрузка еще не завершилась 17 января, когда прибыл второй конвой. Тогда же появились первые суда, получившие попадания торпед с немецких подводных лодок. Кроме подлодок, германское командование перебросило в порты Норвегии тяжелые корабли, которые использовало против конвоев зимней ночью.

Северный флот располагал небольшими силами. Тем не менее в своей зоне ответственности он обеспечивал безопасность конвоев как надводными и подводными силами, так и авиацией.

Весной и в начале лета 1942 года конвои продолжали идти. Не раз советские моряки вместе с англичанами вступали в бой с неприятельскими кораблями и самолетами, заранее наносили удары по неприятельским базам и самолетам с воздуха.

Удивляясь, как легко союзники принимают решение топить суда с грузами для Советского Союза, получившие повреждения, Головко в дневнике привел пример с транспортом «Старый большевик», который после бомбежки отстал от конвоя, погасил пожар, исправил повреждения и дошел до порта, и написал: «Что же, да послужит этот факт примером всем в союзных конвоях. Ибо он красноречиво отвергает инструкцию об уничтожении поврежденных транспортных судов. Не уничтожать, а защищать, отстаивать и спасать – вот чем следует руководствоваться в своих действиях каждому, кто назвался союзником в совместной борьбе» [271] .

В июле 1942 года конвой PQ-17 был обнаружен неприятелем и понес значительные потери. В большей части они стали следствием того, что под угрозой появления линкора «Тирпиц» английское командование приказало охранению конвоя отойти, а судам следовать поодиночке. В итоге многие беззащитные суда стали жертвами авиации и подводных лодок. Советские моряки сделали все возможное, чтобы спасти торговые суда и их моряков. Но для английского правительства этот случай послужил предлогом для прекращения конвоев в самые тяжелые дни боев на советско-германском фронте. Головко считал, что союзники специально позволили германским кораблям прорваться из французских портов, чтобы устранить угрозу их на коммуникациях в Атлантике [272] .

Позднее стало известно, что конвой англичане хотели использовать как приманку, чтобы истребить «Тирпиц» подобно «Бисмарку»; однако германская эскадра, когда стало ясно, что она обнаружена и даже атакована советской подводной лодкой К-21, стрелявшей по «Тирпицу» торпедами, вернулась в базу, и ловушка не сработала.

Летом, пользуясь тем, что Северный флот занимался поиском рассеянных судов PQ-17, германское командование направило подводные лодки для действий на советских коммуникациях в Арктике. Они обстреливали полярные станции на Новой Земле, потопили несколько судов. Еще большей угрозой стал «карманный линкор» «Адмирал Шеер». Он пытался прорваться в Карское море для истребления конвоев, но после боя с «Сибиряковым» 25 августа и защитниками острова Диксон 27 августа отказался от дальнейшего крейсерства и ушел ранее, чем авиация и подводные лодки смогли его атаковать.

К приходу первого осеннего конвоя PQ-18 командование Северного флота приготовилось заранее, развернув на позициях подводные лодки и нанося удары по базам и конвоям противника. В результате принятых мер из 13 погибших судов только одно приходилось на зону ответственности Северного флота. В бою 18 сентября 1942 года у Канина Носа, продолжавшемся 2,5 часа, советские моряки вместе с союзниками отразили атаки бомбардировщиков и торпедоносцев, истребив 15 машин.

Головко на флагманском командном пункте руководил охранением конвоя. Он получал известия о появлении неприятельских подводных лодок, авиации, о движении судов и принимал решения. 19 сентября командующий записал в дневнике:

«Конвой PQ-18 прибыл к месту назначения – на Северодвинский рейд. Из 40 транспортных судов достигли конечного пункта 27. Потеряны: до начала сопровождения нашими кораблями – 12 транспортов, из них 9 были лишь подорваны торпедоносцами и подводными лодками противника, но добиты и уничтожены эскортными кораблями; в операционной зоне Северного флота – один транспорт, также добитый английским эскортным кораблем. Цифры сами говорят за себя…

Два с половиной часа боя у Канина Носа окончательно решили судьбу конвоя. Вечерний налет бомбардировщиков, когда конвой транспортов уже стоял на Мудьюгском рейде, не помог противнику. 24 «юнкерса» были встречены нашими истребителями и в беспорядке сбросили бомбы в воду. Не пострадало ни одно из транспортных судов. Противник потерял два самолета» [273] .

14 октября А.Г. Головко встречал лидер «Баку» и эсминцы «Разумный» и «Разъяренный», которые пришли с Тихого океана по Северному морскому пути. Так исполнилась мечта С.О. Макарова и других русских флотоводцев о возможности маневра силами между морскими театрами России.

Прибывшие корабли оказались необходимым подкреплением. Они могли сменить эсминцы, которые не выдерживали штормы на Баренцевом море. В мае у эсминца «Громкий» оторвало носовую оконечность, в ноябре у «Сокрушительного» оторвало корму и в шторм он погиб; удалось снять большую часть экипажа. Этот эпизод, в котором командир корабля Курилех и большинство офицеров оставили эсминец до того, как был спасен экипаж, оказался единственным на Северном флоте и дал основания Головко для заключения: «Поступок Курилеха больше чем личная трусость; это преступление командира, презревшего свой долг – священный долг: думать не о себе, а прежде всего о корабле и людях» [274] .

В качестве противоположного примера он привел случай с подводником Ф.А. Видяевым. В походе его подводная лодка подорвалась на мине. Однако моряки держались в море, двигаясь под импровизированным парусом, пока не пришла помощь. Только приказ заставил Видяева оставит обреченную лодку, и уходил он последним. Вторым примером стал случай с летчиком Курзенковым, который был сбит, упал в сугроб без парашюта, но все же смог выйти к своим.

В январе-марте 1943 года на Северный флот прибыло 5 подводных лодок, которые пришли с Тихого океана, обогнув половину земного шара. Подводники сразу включились в боевые действия. Л.М. Сушкин, к примеру, успешно применял тактику торпедного залпа сразу по двум целям.

Успешно действовали и другие тихоокеанцы. В то же время то одна, то другая лодка не возвращалась из похода.

За 9 месяцев 1943 года Северный флот совершил несколько набегов эсминцами и катерами на коммуникации противника. Постоянно дежурили на позициях подводники. Авиация завоевала господство в воздухе на морских коммуникациях противника, а сухопутный фронт окончательно стабилизировался. Однако, после того как весной 1943 года союзники вновь прекратили посылать конвои, а грузы доставляли одиночные суда, для их обеспечения пришлось распылить силы флота. Воспользовавшись этим, германские подводники прорвались в Карское море, ставили мины и действовали торпедами.

Так как организация движения судов в этом районе оставляла желать лучшего, командующий Северным флотом добился

упорядочения судоходства, что позволило представлять себе положение судов и организовать их защиту. В частности, посланная к мысу Желания (остров Новая Земля) подводная лодка С-111 капитана 3-го ранга П. И. Егорова обнаружила и потопила германскую субмарину U-639 [275] .

Летом 1943 года Северный флот организовал переход группы речных судов из устья Печоры к устью Оби, вывод нескольких групп судов из Арктики в Белое море почти без потерь. Однако в Арктике флот не располагал достаточным числом самолетов и противолодочных кораблей. 10 октября 1943 года Головко вызвали в Ставку, чтобы обсудить предложения по выводу транспортных судов из Арктики и причины гибели судов в Карском море. Командующий объяснил те трудности, с которыми встречается флот в охранении коммуникаций, особенно после прекращения движения союзных конвоев, и предложил оставить транспортные суда в Арктике на зимовку, выведя только ледоколы. На следующую кампанию Северному флоту обещали подкрепление противолодочными кораблями и самолетами. Это было особенно важно, ибо флот не мог выделять более 1–2 кораблей эскорта на 2–3 судна, тогда как германские конвои имели 10–11 эскортных судов на каждый транспорт.

Как бы доказывая, что конвой под охранением кораблей Северного флота доходит до цели безопасно, в октябре-ноябре из Архангельска до губы Белушья под прикрытием двух эсминцев прошел транспорт «Марина Раскова». Несмотря на шторм и потерю руля судном, командир конвоя капитан 2-го ранга А.И. Турин благополучно доставил его к цели. Позднее под конвоем кораблей флота из Карского моря вывели в Архангельск ледоколы.

В ноябре обещания Москвы начали исполнять. Флот получил свыше сотни самолетов, из США прибыли 7 тральщиков и 9 больших охотников. Узнав, что катера пойдут через океан своим ходом, старый моряк-американец сказал: «Только железные люди способны идти осенью через океан на таких утлых, к тому же деревянных суденышках» [276] .

Моряки-североморцы уже ранее на деревянных судах добивались успеха. Если до войны считали, что в условиях Севера торпедным катерам действовать невозможно, то практика показала ошибочность прежних взглядов. Начав с 2 катеров, североморцы увеличили их численность до бригады. Расположившись в базе недалеко от фронта, они по сигналу о появлении неприятеля срочно выходили, невзирая на дурную погоду, и наносили неожиданные удары по конвоям противника. Со временем было налажено взаимодействие катеров, подводных

лодок и авиации в атаках на неприятельское судоходство.

При методе «нависающей завесы» подводные лодки располагались на позициях вдоль неприятельского побережья и атаковали неприятельские конвои по информации, полученной от воздушной разведки. После атак подводников на конвой нападали катерники и торпедоносная авиация. Эта тактика значительно увеличила эффективность действий на коммуникациях [277] .

В ноябре-декабре 1943 года по настоятельному требованию Сталина возобновились конвои союзников. Для обеспечения их безопасности советская авиация наносила удары по неприятельским аэродромам, подводные лодки развертывали завесой у берегов Норвегии, а надводные корабли обеспечивали непосредственное охранение.

К началу 1944 года Северный флот располагал 23 подводными лодками, лидером, 8 эсминцами, 20 сторожевыми кораблями, 14 торпедными катерами, 63 охотниками и сторожевыми катерами, 36 базовыми и 40 катерами-тральщиками, 353 самолетами. В течение нескольких месяцев поступили от отечественной промышленности и из-за границы по ленд-лизу корабли и самолеты, заметно увеличившие возможности флота. Была даже сформирована эскадра из старых линкора, крейсера и эсминцев, полученных от союзников в счет раздела итальянского флота. Боевую ценность эскадры Головко оценивал низко, а вот увеличение легких сил его радовало [278] .

Чтобы всегда быть в курсе событий, динамик радиосвязи был установлен в кабинете командующего на флагманском командном пункте. По нему Головко следил за боевыми действиями и знал многое раньше, чем приходили донесения. Временами он и сам передавал указания по радио [279] .

По предложению Головко часть торпедных катеров перебазировали к авиабазе в Пумманки, что позволило упростить взаимодействие летчиков и катерников. В результате их действий резко усложнились условия для передвижения германских конвоев в Петсамо [280] .

Германское командование попробовало нанести удар по советским и союзным конвоям, используя новое оружие подводных лодок – шнорхель и акустические электроторпеды, наводящиеся на звук винтов судна. Было потоплено несколько судов и эскортных кораблей. Однако на ход боевых действий единичные успехи повлиять не могли. План перевозок по арктическим трассам был успешно выполнен.

Теперь уже гитлеровцы готовились к обороне заполярных никелевых рудников, обеспечивали свои перевозки.

Отмечая заслуги командующего Северным флотом, 31 марта 1944 года его произвели в адмиралы [281] .

В сентябре-декабре 1944 года советские войска Карельского фронта во взаимодействии с Северным флотом развернули наступление по освобождению Печенгской области и части Северной Норвегии. 8 сентября военный совет флота в соответствии с замыслом наступления разослал директиву. Следовало содействовать наступлению 14-й армии для выхода на Петсамо (Печенгу). Был подготовлен план операции «Вест».

29 сентября Главный морской штаб прислал указание сформировать Печенгскую военно-морскую базу. Но Печенгу еще требовалось взять, и подготовка операции была в разгаре. Северному оборонительному району предстояло прорвать оборону противника на перешейке полуострова Средний и отрезать пути отхода на Петсамо, а для содействия наступлению следовало высадить десанты в тылу противника. 6 октября Петсамо-Киркенесская операция была подготовлена и началась 7 октября. После артподготовки 14-я армия перешла в наступление и продвинулась за день на 4–10 километров. Флот сосредоточивал силы для десанта. В ночь на 9 октября Головко перешел из Полярного на выносной пункт управления в Озерко. Ночью началось наступление морской пехоты. Первоначально был высажен отвлекающий десант в районе мыса Пикшуев Мотовского залива. Две группы десантников высадились при поддержке артиллерии кораблей и береговых батарей. Позднее часть 63-й бригады морской пехоты была высажена на берегу залива Малая Волоковая для наступления во фланг и тыл противника на Среднем и далее на Петсамо. Высадка была проведена с быстроходных катеров. Утром 10 октября десант выдвинулся во фланг противника, что позволило перейти в наступление 12-й бригаде морской пехоты, прорвать позиции врага на Мусту-Тунтури и заставить его начать отход. Высадившийся с 63-й бригадой разведывательный отряд И.П. Барченко-Емельянова прорвался на мыс Крестовый при входе в гавань Лиинахамари перед Петсамо. Десант захватил батареи. При поддержке авиации моряки отбили гитлеровские атаки. Это позволило до полуночи 12 октября высадить десант с быстроходных катеров непосредственно в Лиинахамари. Совместными действиями частей морской пехоты 15 октября город Петсамо (Печенга) был взят, а через сутки по радио передавали приказ Верховного главнокомандующего [282] . В честь победителей салютовала Москва.

После освобождения Петсамо Головко прибыл на катере в порт, где сразу же начали развертывать военно-морскую базу

[283] .

17 октября авиация Северного флота нанесла несколько успешных ударов по неприятельскому конвою, направлявшемуся для эвакуации войск противника. В ходе атак экипаж одного из торпедоносцев, поврежденного зенитной артиллерией, до последнего продолжал атаку, сбросил торпеды, взорвавшие судно, и затем врезался в воду. Подводники также атаковали немецкие суда с войсками. 25 октября части Карельского фронта взяли штурмом Киркенес при поддержке десантов с моря и вышли за государственную границу с Норвегией.

1 ноября в дневнике Головко подвел итоги операции для флота с 7 по 31 октября. За время операции 28 североморцев стали Героями Советского Союза [284] .

6 декабря был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении медали «За оборону Советского Заполярья». Начиналось возрождение освобожденных городов, уничтоженных гитлеровцами. Но еще не кончились боевые действия, и Головко писал в дневнике: «Многие тысячи людей будут отмечены знаком высокой доблести, мужества и героизма – медалью «За оборону Советского Заполярья». Она явится высокой наградой и будет вдохновлять наших людей на новые подвиги. Враг еще не добит. Вражеские подводные лодки еще появляются в водах Ледовитого океана. Борьба с ними должна быть беспощадной, неумолимой и непрерывной. Советские заполярники изгнали врага с суши, вышвырнули его из баз северной части Норвегии. Надо навсегда и бесповоротно изгнать его с моря» [285] .

Пока Головко выезжал в Москву, германские подводники начали действовать в Баренцевом море и зимой 1944/45 года торпедировали акустическими торпедами несколько судов. Северному флоту пришлось действовать активнее, чтобы прикрывать как внутренние, так и внешние союзные конвои.

Весной англичане предложили поставить заграждение из противолодочных мин перед Кольским заливом. По этому поводу Головко записал в апреле, что считает постановку нецелесообразной, убедил Главный морской штаб. Когда же англичане надавили через правительство и ставить мины было приказано, адмирал отметил: «С этими минами нам придется повозиться много. Вытралить их будет трудно» [286] .

До последних дней войны немецкие подводные лодки замечали в море. Советские моряки пытались уговорить немецких подводников сдаться в соответствии с указаниями Дёница, но безуспешно. Те уходили, чтобы сдаваться союзникам.

Весной по приказу Ставки начали отправлять по железной

дороге катера на Тихий океан, где Советский Союз готовился к вступлению в войну с Японией. На севере основной проблемой стало траление минных заграждений. После капитуляции Германии оставались несдавшиеся части и подводные лодки, что заставляло быть настороже. Только 3 июня 1945 года Головко подписал приказ, переводивший корабли и части на положение боеготовности мирного времени. Суда возвращали прежним владельцам, а плавание гражданских судов разрешали «без эскорта с сохранением мер противоминной обороны» [287] .

В ходе войны командующий Северным флотом применил новые формы ведения вооруженной борьбы: проведение нападений на коммуникации противника разнородными силами флота (авиация, подводные лодки, катера), использование подводных лодок методом нависающей завесы, топмачтовое бомбометание и низкое торпедометание для атак кораблей и судов. Северный флот провел несколько операций по охране внутренних коммуникаций и внешних конвоев, по нарушению коммуникаций противника. Для обороны союзных конвоев корабли флота совершили 868 выходов в море, провели более 1400 транспортов. Высадки десантов помогли 14-й армии разгромить противника, освободить районы Петсамо и Северной Норвегии. Не раз имя Головко отмечали в приказах Верховного главнокомандования. Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов считал, что Головко являлся одним из самых образованных флотоводцев, а успешные действия флота на Севере явились наилучшей аттестацией для командующего [288] .

Головко, сам любитель театра и литературы, помогал организовывать деятельность местной труппы, способствовал работе писателей, а когда выяснился талант матроса Л. Кербеля, он помог ему проявить свой талант, заказав серию скульптурных портретов героев – моряков и летчиков [289] . Со временем скульптор Лев Кербель стал известен своими монументальными произведениями.

После войны Головко оставался во главе Северного флота. С апреля 1946 по февраль 1947 года он был заместителем начальника Главного штаба, а затем до марта 1950 года – начальником Главного штаба – заместителем главнокомандующего ВМС. С марта 1950 до августа 1952 года моряк состоял начальником Морского генерального штаба – первым заместителем военно-морского министра [290] .

С 6 августа 1952 по 27 января 1956 года Головко командовал 4-м флотом на Балтике, а позднее, до 24 ноября 1956 года, – КБФ [291] . Под его флагом флот совершал первые походы за границу.

С ноября 1956 года Головко был первым заместителем

главкома ВМФ. Он внес существенный вклад в строительство отечественного флота, в совершенствование его боеготовности. В аттестации на Головко было записано: «Является крупным военачальником и хорошим организатором. Направление в строительстве и развитии флота, а также роль флота в современной войне понимает правильно. Как первый заместитель Главнокомандующего ВМФ со знанием дела руководит флотами, центральными учреждениями и службами, направляя их деятельность на улучшение качества боевой подготовки и повышение боеготовности ВМФ» [292] .

В должности первого заместителя главнокомандующего Головко сохранил морскую лихость и умение. Адмирал флота Г.М. Егоров вспоминал, что в шторм эсминец с Головко вошел в тесную бухту и адмирал привычно перескочил на обледенелый катер, когда его палуба на мгновение сравнялась с палубой эсминца. Интересно, что как во время войны, так и в 50-х годах флагман был, видимо, единственным, кто носил на адмиральской форме матросский бушлат. После осмотра объектов на берегу и оперативного решения вопросов Головко на том же эсминце отбыл в другую базу [293] .

Головко являлся депутатом Верховного Совета СССР 2-го и 4-го созывов. Адмирал вел в ходе Великой Отечественной войны дневник. Записи этого дневника легли в основу его мемуаров «Вместе с флотом», выпущенных Воениздатом впервые в 1960 году (переизданы в 1979 году).

Умер А.Г. Головко в Москве после тяжелой болезни сердца на 57-м году жизни, 17 мая 1962 года. Похоронили его в 43-м ряду 1-го участка Новодевичьего кладбища – мемориала. Памятник на могиле выполнил скульптор Л. Кербель. Это была самая большая благодарность за ту поддержку, которую молодой моряк получил от адмирала.

Хорошее впечатление об адмирале сохранили и многие другие его сослуживцы. К примеру, член Военного совета ВМФ СССР адмирал В.М. Гришанов писал:

«Жизнь талантливого и самобытного советского адмирала – повод для бесконечных размышлений. Он досконально знал флот во всем его многообразии и к тому же обладал личным обаянием. Еще знаменитый русский адмирал С.О. Макаров говорил в свое время, что унылые люди не годятся для такого бойкого дела, как морское. Это целиком применимо к характеру А.Г. Головко. Его отличала бодрость духа, жизнелюбие, умение сплотить людей. Как известно, он был прост и доступен. Однако прост не в смысле простодушия. Он обладал тонким, я бы сказал утонченным, умом и большой силой воли. Этим объяснялось его положительное

влияние на самых разных людей, будь то матросы или адмиралы. Он понимал, что главное в человеке – его нравственное начало, и постоянно заботился о воспитании воинов, любящих Родину, преданных нашей партии и народу…

На протяжении войны у А.Г. Головко появилась еще одна ценная черта – умение воспринять, подхватить все прогрессивное, что рождалось на войне, и быстро внедрить в боевую практику. Тут множество убедительных примеров: потопление вражеских транспортов артиллерией подводных лодок (как известно, впервые этот метод применил М. Гаджиев), атаки торпедных катеров в дневную пору и при свежей погоде, низкое торпедометание, взаимодействие подводного флота с авиацией и еще многое, что было вовремя замечено руководством флота и получило широкое распространение.

А.Г. Головко понимал, что «один в поле не воин», и опирался на знающих, деловых людей, авторитетных на флоте…» [294]

Генерал армии С.М. Штеменко, вспоминавший о совместной службе в Москве, на вечере памяти адмирала 16 декабря 1970 года говорил о своих впечатлениях:

«Первый раз я увидел его в начале сорок третьего года, когда по вызову Ставки он прибыл в Москву. И, впервые встретившись с ним, я понял, какой это действительно незаурядный человек. Он мыслил оригинально и не боялся смелых суждений.

В 1946 году Арсения Григорьевича назначили зам. начальника Главного морского штаба, а я был начальником Генерального штаба. В Москве так же, как и на флоте, проявился его большой военный талант, прекрасные организационные способности. Он был и мечтателем, и мыслителем, и трезвым реалистом. Его всегда занимали проблемы будущего. Хотя времени у нас всегда не хватало, но бывали случаи, что засиживались иногда до утра, ибо он был замечательным собеседником, хорошо знавшим литературу, искусство. А уж что касается флота, тут он был как рыба в воде. С поразительной быстротой и в совершенстве он постиг трудную работу в центральном аппарате.

…Он не только любил и понимал свою работу, но творчески развивал военно-морское дело, проявляя ясность и гибкость мышления. И был очень принципиальным человеком… умел отстоять свою точку зрения. По любому вопросу имел свое мнение и открыто высказывал его… все его предвидения и мечты о большом океанском флоте постепенно сбывались. И в том, что наша страна имеет могучий флот, есть доля трудов нашего любимого товарища и друга» [295] .

За добросовестную службу адмирал был награжден 4

орденами Ленина (1943, 1944, 1950, 1956), 4 орденами Красного Знамени (1938, 1941, 1945, 1956), 2 орденами Ушакова I степени (1944, 1945), орденом Нахимова I степени (1944), орденом Красной Звезды (1944) и многими медалями. Адмирал получил также иностранные награды: норвежский орден Святого Олафа степени Большого креста, югославские ордена «Братство и единство», «Партизанская звезда» I степени (1946) [296] .

После адмирала остались жена Кира Николаевна и дочь Наташа – обе актрисы – и сын Михаил, который пошел по стопам отца, стал морским офицером.

Именем флотоводца назвали 18 декабря 1962 года ракетный крейсер «Адмирал Головко» (бывший «Доблестный») [297] .

ОКТЯБРЬСКИЙ (ИВАНОВ) ФИЛИПП СЕРГЕЕВИЧ Командующий Черноморским флотом и Амурской флотилией

9 (21) октября 1899 года в крестьянской семье Сергея Ивановича и Прасковьи Васильевны Ивановых родился сын, окрещенный Филиппом. Никто из жителей деревни Малое Богоявленье (Лукшино), что в Старицком уезде Тверской губернии (ныне Старицкий район Тверской области), и не предполагал, что на свет появился будущий флотоводец [298] .

По другим данным, родился Филипп 12 (25) октября. В семье было трое сыновей и две дочери; прокормить всех с маленького участка было невозможно, и зимой отец, а затем и сыновья подрабатывали. Жизнь мальчика начиналась трудно: пять лет пастушком у помещика и только четыре – в сельской школе. 15-летним Филипп отправился на заработки в Шлиссельбург. Сначала был мальчиком на побегушках, затем, несмотря на молодость, – кочегаром на пароходе. Две навигации юноша ходил в рейсы, зимой изучал механизмы, весной 1918 года стал помощником машиниста, а в декабре добровольцем поступил на Балтийский флот. Членом партии большевиков стал в 1917 году. Участвовал в Гражданской войне на Балтике и Севере. С ноября 1918 по июнь 1919 года моряк служил кочегаром на посыльном судне «Озилия» («Азилия»), с июня по октябрь 1919 года – на транспорте «Секрет» [299] .

Не раз Филипп приходил в гости к брату Матвею. Тот служил на одном из кораблей эскадры. В одном из визитов юноша попал под ночной налет английской морской авиации, в котором брат погиб. Эта ночь стала боевым крещением моряка. В сентябре 1919 года ему пришлось креститься в морской купели, когда шлюпка с эсминца «Самсон», на котором служил матрос, затонула на Неве [300] .

В 1919–1920 годах Иванов окончил Машинную школу Балтийского флота. В июне-ноябре 1920 года он служил кочегаром на учебном судне «Океан» [301] . Затем моряк стал машинистом на Севере (на вспомогательном крейсере «Лейтенант Шмидт» [302]). Тогда начинали создавать Морские силы Северного моря на базе Северо-Двинской флотилии. Однако вскоре моряк тяжело заболел тифом, затем в отпуске провел период Кронштадтского мятежа. После «фильтрации»

признанного благонадежным Филиппа Иванова вернули на Балтику и назначили на линейный корабль «Гангут» машинистом [303] .

На «Гангуте» моряк служил в августе-октябре 1921 года [304] . В октябре 1921 года Филиппу представилась возможность учиться. С группой из 25 человек его от политуправления Балтийского флота направили в Петроградский коммунистический университет. В университете изучали, кроме политических наук, ораторское искусство, физиологию, анатомию и многое другое. Курс моряк окончил с отличием, был произведен в политработники и, как отличник, стал работать в политическом аппарате Морских сил Советской России. В августе 1722 года молодого политработника направили начальником агитпропа политотдела Морских сил Северного моря. В 1924 году его избрали членом Архангельского райкома ВКП(б). Тогда же Филипп Сергеевич сменил фамилию на Октябрьский в честь Великой Октябрьской социалистической революции и женился в Архангельске на Марии Николаевне, дочери портнихи [305] .

Летом 1725 года по предложению командования способный молодой моряк поступил на параллельные курсы при Военно-морском училище имени М.В. Фрунзе. Так начинался путь Ф.С. Октябрьского к званию флотоводца. Учился он на параллельных курсах с октября 1925 по октябрь 1928 года. В мае 1928 года Октябрьский блестяще окончил училище. С мая по сентябрь юноша был стажером помощника командира тральщика «Клюз», приобрел опыт управления кораблем, участвовал в боевом тралении. Ему предложили командование сторожевым кораблем «Пионер», но молодой командир не решился и просил дать в командование катер. В том же году он был назначен командиром торпедного катера. Катером Октябрьский командовал с сентября 1928 по ноябрь 1929 года, затем до ноября 1930 года – группой катеров, далее до января 1931 года – дивизионом катеров, а потом до июня 1932 года – отрядом торпедных катеров Морских сил Балтийского моря. За четыре года командования торпедным катером, затем дивизионом и отрядом катеров моряк получил немалый опыт. Тем временем началось создание Тихоокеанского флота. На Дальний Восток отправляли наиболее подготовленных командиров, которым предстояло осваивать новый театр. Среди них оказался и Октябрьский. 11 мая 1732 года он со своими катерами прибыл во Владивосток. С июня 1932 по октябрь 1933 года Октябрьский служил командиром и военкомом отряда торпедных катеров, затем до февраля 1938 года – командиром и военкомом бригады торпедных катеров Тихоокеанского флота [306] .

Требовалось создавать базы, мастерские, строить жилье. Молодой командир решительно взялся за работу. Его старание и умение заметили. Через два года, в 1934-м, Октябрьский уже командир бригады торпедных катеров Тихоокеанского флота, еще через год его наградили за успехи в боевой и политической подготовке бригады орденом Красной Звезды. Из моряков, начинавших службу в этом первом соединении Тихоокеанского флота, многие стали флагманами или известными катерниками. А комбриг, за шесть лет научивший подчиненных плавать в любых условиях, получил новое ответственное задание. В конце лета 1937 года он сдавал бригаду.

1937 год… Исчезали в застенках руководители флотов и армий. На их место назначали способную молодежь. Так в конце августа Ф.С. Октябрьский оказался на высоком посту.

В 1934 году японские войска вышли к Амуру. Инциденты, случавшиеся на реке, могли перерасти в конфликт. При таких обстоятельствах Октябрьского направили на Краснознаменную Амурскую флотилию. Он сменил арестованного летом 1937 года И.Н. Кадацкого-Руднева. Кадацкий-Руднев немало сделал для развития флотилии, за что его в 1935 году наградили орденом Красной Звезды. Но заслуги не спасли флагмана. Октябрьскому приходилось работать в условиях, когда то одного, то другого моряка арестовывал особый отдел. В феврале 1938 года Октябрьскому присвоили звание флагмана 2-го ранга и назначили командующим. Командовал флотилией он с февраля 1938 по март 1939 года, участвовал в боевых действиях в районе озера Хасан (1938) [307] .

Начавшийся 29 июля 1938 года инцидент на озере Хасан разросся в столкновение японских и советских войск. По-боевому была развернута и Краснознаменная Амурская военная флотилия. Под командованием Октябрьского отряд кораблей флотилии вышел к устью Сунгари в готовности нанести удар в тыл противника. Несмотря на требование командования препятствовать высадке японцев только маневрированием кораблей, командующий на свой страх и риск приказал командирам в случае попытки неприятеля форсировать Амур не допускать высадку, действуя огнем и маневром [308] .

После кампании жизнь на флотилии, вмерзшей в лед, не затихала. Кроме ремонта, продолжалась учеба. Флагман применил новую методику учений, приближенную к боевой обстановке. Бывший флагманский артиллерист писал об этой методике: «В учении участвовали все: порт, мастерские, различные службы и прочие обеспечивающие организации. Если во время учений предполагалось проводить артиллерийские

стрельбы, минные постановки, траление, то на каждый корабль выдавалось все необходимое. Если, например, данный монитор должен стрелять по берегу, то, чтобы личный состав корабля не мог заранее догадаться по боезапасу, какая именно стрельба предстоит – по береговым, морским или зенитным целям, выдавался боезапас на все виды стрельб. На мониторе не знали также, на каких плесах он будет стрелять. Расстановка мишеней, выбор момента стрельбы были делом штаба руководства и обеспечивающих служб» [309] .

Особенно важно было для действий на реке знание фарватеров. Флотилия училась взаимодействию с сухопутными войсками. Выучку флотилии высоко оценивали прибывавшие из центра проверяющие. Потому в 1939 году, когда флагман 2-го ранга делегатом XVIII съезда ВКП(б) находился в Москве и был избран членом Ревизионной комиссии ЦК, его ожидало новое назначение – командующим Черноморским флотом.

Командующим флотом моряк был с 25 марта 1939 по 23 апреля 1943 года. 3 апреля 1939 года Октябрьского произвели во флагманы 1-го ранга, 4 июня 1940 года – в контр-адмиралы [310] .

Черное море позволяло плавать круглогодично. Приходилось заниматься вопросами кораблестроения и судоремонта, развитием портов и баз, заботиться об укреплении с суши Севастополя и о досуге моряков…

Начинали с элементарного порядка. Позднее Октябрьский писал: «Стоило больших усилий, чтобы в течение 1939–1940 годов приучить командный состав жить строго по уставу, чтобы в любое время 50 процентов командиров и сверхсрочников были на корабле. И если командир сходил на берег, то чтобы на корабле находился его старпом» [311] .

До того нередко бывало, что все командиры в воскресенье оставляли корабли.

В июне 1940 года командующего вызвали срочно в Москву. В кабинете Сталина обсуждали директиву о вступлении войск в Бессарабию. Иосиф Виссарионович интересовался составом румынской флотилии на Дунае и поручил Октябрьскому готовить флот на случай действий у берегов Черного моря и на Дунае. Письменных директив дано не было. Воевать не потребовалось, но с июня 1940 года у флагмана прибавилась новая забота: в составе флота была сформирована Дунайская флотилия. В связи с присоединением Молдавии к СССР страна получила выход к Дунаю. Потребовалось развивать новую систему базирования, приводить в порядок доставшиеся от Румынии суда, готовить моряков к возможным боевым действиям. Через много лет

адмирал писал: «Не подлежит сомнению, что если бы не было Дунайской военной флотилии… если бы Бессарабия находилась в руках Румынии, то немцы подошли бы к Одессе, а возможно, и взяли бы ее не в октябре 1941 г., а еще в июле» [312] .

В послевоенных записках, которые готовил флагман, он писал о том, что, кроме Севастополя, на Черном море не было оборудованных баз. Даже в Севастополе не существовало управления главной базы. Октябрьский считал, что командующий должен иметь командный пункт в любой базе, чтобы из нее управлять флотом. Ничего из этого не существовало. Октябрьский отмечал недостаточный район плавания эсминцев, затруднявший их использование вдали от баз, недостатки в действиях торпедных катеров, долгое отсутствие гидролокаторов и радиолокаторов на кораблях флота. В частности, он узнал, что гибель подводных лодок на позиции объясняется использованием радиолокации противником [313] .

Энергичная деятельность флагмана была замечена. 21 мая 1941 года его произвели в вице-адмиралы [314] .

Главным делом оставалась боевая подготовка, направленная на борьбу с морскими силами противника. В августе 1940 года нарком обороны маршал С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников направили Сталину и Молотову записку о развертывании вооруженных сил СССР. Для Черноморского флота были поставлены задачи:

«а) постановкой минных полей, действиями подводных лодок и авиации затруднить проход неприятельскому флоту в Черное море;

б) активными действиями Черноморского флота уничтожить прорвавшийся в Черное море флот противника;

в) активно оборонять наши берега от прорвавшегося в Черное море надводного флота вероятных противников;

г) не допускать высадки десантов на берега Черноморского побережья в Крыму и на Кавказе;

д) активными действиями, и прежде всего авиации, постановкой мин с воздуха вести постоянную борьбу с морским флотом противника и особенно в Мраморном море;

е) прочно обеспечивать с моря фланг Юго-Западного фронта;

ж) в случае выступления Румынии уничтожить румынский флот и прервать ее морские сообщения;

з) в случае выступления Турции нанести поражения ее флоту, прервать здесь ее морские сообщения, разрушить гавань Трапезунд».

Документ объявлял, что итальянский флот будет иметь основные действия на Черном море [315] .

Из этих положений, в меру сил и возможностей, исходили и перед началом, и в начале войны. Кроме того, высадка немецких парашютистов на острове Крит в мае 1941 года заставила советское командование озаботиться и обороной Крыма от атаки с воздуха [316] .

В Генштабе к весне 1941 года благодаря действиям разведки знали состав плана «Барбаросса» и готовили планы разгрома германских войск в течение 10–15 дней на территории Польши и Чехословакии [317] . Однако серьезных изменений в плане действий на Черном море не внесли, хотя было известно, что действия неприятельского флота на Черном море не предусмотрены. Вероятно, эти сведения считали настолько секретными, что о них не оповещали даже высшее командование флота. Поэтому войну на Черном море готовили и начинали по прежним планам, с минными постановками и обороной берегов от нападения неприятеля.

На флоте, несмотря на пакт о ненападении с Германией, были уверены в неизбежности войны и готовились к ней. Об этом свидетельствует изданный перед войной приказ командующего Черноморским флотом:

«В связи с появлением у наших баз и побережья подводных лодок соседей и неизвестных самолетов, нарушающих наши границы, а также учитывая всевозрастающую напряженность международной обстановки, когда не исключена возможность всяких провокаций, приказываю:

1. При нахождении в море всем кораблям особо бдительно и надежно нести службу наблюдения, всегда иметь в немедленной готовности к отражению огня положенное оружие.

2. О всякой обнаруженной подводной лодке, надводном корабле и самолете немедленно доносить с грифом «Фактически» [318] .

14 июня 1941 года, ранее, чем обычно, были начаты общефлотские учения. Корабли стреляли снарядами и торпедами, ставили и тралили минные заграждения, высаживали десант на западное побережье Крыма и поддерживали его артиллерийским огнем [319] .

Учения, завершившиеся 19 июня 1941 года, показали высокую готовность флота. Уже через три дня, с началом войны, черноморцы подтвердили эту готовность, когда открыли огонь по атаковавшим Севастополь самолетам.

В ночь на 22 июня в штаб флота пришла шифрограмма о переходе на оперативную готовность № 1. Приказ был быстро выполнен, и налет не застал флот врасплох. Донесение Октябрьского о начале войны первым поступило в Москву, где

еще надеялись оттянуть начало военных действий.

Чтобы решиться отдать приказ встретить неизвестные самолеты огнем после строгих указаний не поддаваться на провокации, требовалось немалое мужество. Позвонивший ночью из Москвы Берия объявил донесение Октябрьского паникерским. Не сносить вице-адмиралу головы, если б он ошибся [320] .

Позднее Маршал Советского Союза Г.К. Жуков отмечал в записках, что Черноморский флот стал одним из первых объединений, организованно встретивших нападение [321] .

Противнику не удалось с помощью постановки донных неконтактных мин заградить вход в севастопольские бухты.

Начались военные будни. Филипп Сергеевич занимался минными постановками и формированием морских бригад, ремонтом кораблей и эвакуацией населения. Не ограничиваясь оборонительными действиями, уже в 15.00 22 июня он телеграфировал в наркомат ВМФ: «Немецкие самолеты непрерывно безнаказанно бомбят Измаил. Румынские мониторы уничтожают погранзаставы, а наша авиация ничего не делает. Прошу бомбить Тульча, Исакча, аэродромы противника» [322] . Вскоре корабли эскадры обстреляли нефтехранилища в Констанце, авиация бомбила промыслы в Плоешти, в море развернулись действия подводных лодок.

Подготовленная в предвоенные годы Дунайская флотилия явилась единственным объединением, которое во взаимодействии с сухопутными войсками заняла часть неприятельской территории и удерживала ее, пока ее флангу не стали угрожать наступающие войска противника. Уже утром 22 июня корабли флотилии вступили в перестрелку с батареями Галаца.

Командующему приходилось заниматься вопросами сбережения и опознавания своих кораблей, плавания кораблей строго по протраленным фарватерам, поддержанием боеготовности, борьбой со слухами о десантах, которые отнимали время, и нарушениями скрытности переговоров по телефону. Потребовалось срочно усиливать зенитное вооружение кораблей, разгадывать секрет магнитных мин и вырабатывать меры борьбы с ними, рассредоточить склады боеприпасов.

Октябрьский после войны выступал против постановки минных заграждений у своих баз. В воспоминаниях он писал: «Зачем нужно было с первых дней войны ставить минные заграждения? Против кого их ставили? Ведь противник-то сухопутный, он на море имеет главным образом авиацию да торпедные катера, которым мины – не помеха. И вот, несмотря на то что мины будут больше мешать нам, чем противнику, заставили нас ставить мины, на которых больше погибло своих

кораблей, чем противника. У нас одних эсминцев погибло три: «Дзержинский», «Смышленый», «Совершенный» [323] .

Не один Октябрьский считал, что минные заграждения ставить у Севастополя не было необходимости. Однако 22 июня нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов приказал ставить мины. С 23 июня по 21 июля Черноморский флот поставил в районе Севастополя, Одессы, Керченского пролива, Новороссийска, Туапсе, Батуми и озера Устричное 7300 мин и 1378 минных защитников, то есть более половины запасов минного оружия. На минах подрывались свои боевые корабли и транспортные суда. Мины мешали маневрированию кораблей. Октябрьскому пришлось организовать траление мин, чтобы расширить фарватеры [324] .

Особую тревогу вызывали ложные донесения разведки. Уже в начале июня Октябрьский сообщал Кузнецову, что на Черном море 10–12 неприятельских подводных лодок. Сразу же после авианалета на Севастополь был организована противолодочная оборона портов (противолодочные сети и боны, патрулирование кораблей и авиаразведка). Для той же цели были использованы 8 из 12 подводных лодок, высланных в море. В июне-июле разведданные сообщали неверные сведения о возможном прибытии в Дарданеллы итальянской эскадры, об ожидании прибытия итальянских эсминцев в болгарские порты и т. п., о движении немецких подводных лодок по Дунаю, о прибытии в Констанцу и Варну германских кораблей и моряков [325] . Вся эта дезинформация заставляла не только расходовать моторесурсы кораблей и самолетов, но и тратить силы и средства для противодесантной обороны от нападения с моря и воздуха.

В частности, вечером 23 июня из штаба Дунайской военной флотилии поступило неверное сообщение о выходе из Констанцы 6 эсминцев и миноносцев. Посланные на перехват лидер и 2 эсминца противника не обнаружили. Второй выход к острову Змеиный (Фидониси) в ночь на 9 июля для поиска и уничтожения якобы шедших с десантом транспортов также оказался бесполезным [326] .

Более того, такая ориентировка нервировала людей. Летчики обнаруживали многочисленные подлодки, подводники пробовали по ошибке атаковать свои подводные корабли, а на суше от бойцов истребительных батальонов поступали сообщения о высадке морских и воздушных десантов, вскоре опровергнутые. Но сообщения продолжались, и Октябрьскому приходилось принимать меры и докладывать в Москву о несуществующей угрозе. В первой декаде июля он выслал дополнительно 5 подводных лодок и требовал от командиров военно-морских баз и соединений усилить бдительность на случай морского или

воздушного десанта, так как поступили от агентуры сведения о выходе из портов Болгарии и Румынии 37 судов с войсками. Такие сведения, поступавшие в Москву, заставили наркома ВМФ 13 июля предупредить Военный совет Черноморского флота о возможности активных действий противника. Нарком писал, что «…оборона побережья на ближайшие дни должна считаться основной задачей Черноморского флота». Подобные указания поступали и позднее [327] .

Из активных действий начала войны следует отметить обстрел Констанцы в ночь на 26 июня лидерами «Москва» и «Харьков», которые должны были действовать под прикрытием крейсера «Ворошилов» с 2 эсминцами и при поддержке авиации. Обстрел оказался удачным. Артиллерийским огнем были подожжены нефтесклад в порту и поезд с боеприпасами. Однако при действии на минном поле подорвался и погиб лидер «Москва» [328] . Октябрьский после войны считал неверным, что для обстрела Констанцы послали лидеры, действовавшие на минном поле. Он полагал более подходящим вести обстрел с крейсеров, вооруженных дальнобойными пушками. Так и было сделано в ноябре 1942 года при обстреле базы в Сулине [329] .

Уже в июле Октябрьский решил просить командование флота ремонт производить в Севастополе, чтобы не гонять корабли в Николаев. Скоро вопрос решился сам собой, ибо фронт дошел до Николаева. 15 августа был оставлен Николаев, 21 августа – Очаков.

4 июля командующий отправил на Кавказ бригаду крейсеров и бригаду эсминцев, приказав части их быть в часовой, а остальным – в трехчасовой готовности. То же относилось к кораблям, остававшимся в главной базе [330] .

Так как не хватало оружия для ополчения, приходилось собирать охотничьи ружья и малокалиберные винтовки.

17 июля последовал приказ наркома ВМФ – выводить Дунайскую флотилию в Одессу. До того Октябрьский старался задержать ее на реке до последнего момента. Флотилия оставила Дунай 20 июля, после обеспечения переправы войск. А в Одессе объявили боевую готовность № 1.

5 июля командующий получил приказ о формировании Азовской флотилии. 20 июля последовало решение Государственного Комитета Обороны об организации Азовской флотилии.

26 июля впервые использовали для атаки Констанцы истребители-бомбардировщики, которые к цели доставили под крыльями ДВ-3. 4 самолета сбросили 2 тонны бомб. Неприятель так и не понял, откуда они взялись.

В начале августа впервые после начала войны многие корабли вышли на боевую подготовку. Октябрьский считал ее столь же обязательной в дни войны, как и в дни мира [331] .

Когда гитлеровские войска приблизились к черноморскому побережью, главной задачей стала оборона приморских городов и создание новых баз флота на Кавказе. Одновременно пришлось заняться перебазированием на восток недостроенных кораблей, плавучего дока и других судов.

27 июля 1941 года командующий приказал командиру Одесской военно-морской базы контр-адмиралу Г.В. Жукову:

«1. Немедленно приступить к созданию сухопутной обороны, организовать круглосуточную работу, использовать все силы и средства вооружения, в том числе мины.

2. Отправить в Севастополь только то, что не нужно для обороны, категорически запретить эвакуацию воинских частей.

Материальная часть стационарных береговых батарей Од ВМБ не вывозится, а уничтожается в самый последний момент» [332] .

По предложению Октябрьского 18 августа был назначен руководитель обороны Одессы, объединивший командование, а 19 августа пришло решение Ставки создать Одесский оборонительный район (ООР) во главе с контр-адмиралом Г.В. Жуковым [333] .

Все больше внимание на Одессу обращали в Москве. 26 августа начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников интересовался положением в городе. 28 августа в Одессу был отправлен большой конвой с грузами и пополнениями (морскими отрядами). 6–9 сентября Октябрьский с разрешения наркома ВМФ лично побывал в Одессе и 9 сентября разрешил провести десант под Одессой для ликвидации обстрела города. Следовало захватить плацдарм, на котором располагались германские батареи, обстреливавшие Одессу [334] . Успех десанта под Григорьевкой облегчил положение города.

Продолжавшаяся 73 дня оборона Одессы сковала 4-ю румынскую армию и усиливавшие ее войска. Удерживать город можно было и далее. 6–9 сентября вице-адмирал ходил в осажденную Одессу и знал ее возможности. Однако германское наступление угрожало уже главной базе.

17 августа Военный совет Черноморского флота получил сообщение от наркома ВМФ: «По агентурным данным, немцы готовят десант в Крым из румынских и болгарских портов, и десант будет поддержан авиацией, действующей из района Николаева». В последующие дни агентурные сводки подтверждали, что подготовка к высадке десанта в Крыму идет полным ходом, а концентрация войск противника у Перекопа

является отвлекающей операцией. Неверные донесения разведки об опасности высадки десанта неприятеля с моря или воздуха заставляли командующего Черноморским флотом принимать меры. Значительные силы войск, оборонявших Крым, были развернуты по берегу полуострова, и под Перекопом оставалась меньшая часть [335] .

14 августа Октябрьский получил телеграмму о формировании армии в Крыму и приказ о создании артиллерийского укрепленного района на Перекопе [336] . Он 18 августа сообщал Н.Г. Кузнецову, что укрепления на Перекопе сухопутные войска строят плохо, а по берегу Сиваша, проходимому пехотой и танками, укреплений нет вообще. Моряки направили для целей обороны запасные морские орудия. Часть их установили к началу сентября в районе Перекопа, но без надлежащих укрытий от огня противника. Большую часть морских орудий разместили на береговых батареях в Крыму и других пунктах побережья для стрельбы по морским целям. Сухопутные войска также были развернуты главным образом для противодесантных целей [337] . Направление основных сил армии и флота на борьбу против нападения с моря сыграло свою роль в обороне Крыма.

15 сентября начались бои под Перекопом. В условиях, когда неприятель располагал авиацией, подготовленной для действий на море, флот не мог обеспечить снабжение всем необходимым одновременно и Одессы, и Севастополя. 28 сентября вице-адмирал обратился в Ставку за разрешением перевезти войска из Одессы в Крым и получил согласие на следующий день. С 1 по 17 октября был осуществлен оригинальный план эвакуации, при котором были вывезены практически без потерь все войска за один рейс. Октябрьский разрешил рискованную операцию только после того, как удостоверился в том, что она тщательно подготовлена. 35 тысяч воинов влились в число защитников Крыма [338] .

Черноморский флот выделил в сентябре артиллерию, инженерные средства, морскую пехоту для усиления армейских формирований, занимавших чонгарские и перекопские позиции. Авиация флота с 20 по 30 сентября сделала 2127 самолето-вылетов на Перекопском направлении, к северным берегам Крыма были направлены боевые корабли. Однако защитить подступы к Крыму не удалось [339] . Причиной стало то, что большая часть сил, распределенных по всему полуострову, не могла помешать прорыву германских войск в Крым.

24 сентября при поддержке всей артиллерии 11-й армии и авиации германский 54-й корпус перешел в решительное

наступление. Несмотря на поддержку береговых батарей, 25 сентября после упорных боев 156-я стрелковая дивизия под давлением превосходящих сил отступила за Турецкий вал. 26 сентября немцы преодолели вал. Завязалась упорная борьба за Армянск, к которому генерал Батов подтянул подкрепления. 11-й армии генерал-полковника Манштейна пришлось ослабить давление под Перекопом, чтобы отразить наступление армий Южного фронта. Тем не менее германские войска продолжили наступление за Перекоп. Завязалась борьба на Ишуньских позициях. Когда войска 11-й армии ликвидировали опасность со стороны Южного фронта, Манштейн смог сосредоточить для наступления в Крыму три корпуса, передав танковый и моторизованный корпуса для наступления на Ростов. 10 дней германским войскам потребовалось, чтобы прорвать Ишуньские позиции, к которым подходили уже подкрепления из войск Приморской армии. Немецкому командованию пришлось столкнуться с огнем морских батарей и ударами авиации. Только 28 октября 11-я армия смогла перейти в преследование и 16 ноября овладела Крымом, кроме района Севастополя, куда отошли войска, оборонявшие полуостров [340] .

Уже 21 октября командующему флотом стало ясно, что дело дойдет до борьбы за главную базу и важно заранее оборудовать базы на Кавказе. Так как подготовка к обороне Севастополя с суши успешно завершалась, в конце октября Октябрьский ездил по портам Кавказа: осмотрел Потийскую военно-морскую базу, порты Очамчири, Сухуми, Сочи, Туапсе [341] . Требовалось на новом месте развертывать систему базирования флота и снабжения Севастополя. Флагман добивался утверждения своих предложений. В телеграмме И.В. Сталину и Н.Г. Кузнецову от 4 ноября он настаивал: «…Докладывая третий раз, прошу утвердить проведенные и проводимые мною мероприятия. Если вновь не будет ответа, буду считать свои действия правильными…» [342]

Узнав о прорыве Ишуньских позиций и угрозе главной базе флота, 1 ноября Октябрьский на эсминце «Бойкий» вышел в Севастополь. Несмотря на шторм и повреждения корпуса, он требовал торопиться.

Очевидно, действия командующего считали в Москве правильными. 4 ноября 1941 года силы флота и сухопутные войска, оборонявшие Главную базу Черноморского флота, были объединены в Севастопольский оборонительный район (СОР). 9 ноября командующим СОР назначили Октябрьского. Он принимал меры для совершенствования обороны города. В ночь на 11 ноября, перед началом первого наступления на Севастополь, Октябрьский доложил о приеме командования,

сообщил, что на 46 километров фронта всего 23 тысячи штыков и сабель, 4 тысячи орудий, и просил дать горностелковую дивизию, 100 пулеметов, 3 тысячи винтовок и десяток танков. Уже 16 ноября Ставка приказала все имеющиеся в Новороссийской морской базе снаряды и патроны отправить в Севастополь, как и запрошенные подкрепления [343] .

Пока советские войска задерживали наступление неприятеля в Крыму, Октябрьский, опираясь на помощников, организовал инженерное оборудование обороны Севастополя с суши, в мирное время не существовавшей. Было налажено взаимодействие флота, авиации и войск, оборонявших позиции. Создали три линии обороны, поддержанные флотской артиллерией. 30 октября первыми выстрелами 54-й береговой батареи по механизированной колонне противника началась оборона города. Сначала оборону осуществляли моряки, а с 9 ноября стали прибывать части отходившей Приморской армии.

В середине ноября советские войска оставили Керченский полуостров. Гитлеровцы вышли на подступы к Севастополю и пытались его взять с ходу, но понесли большие потери и перешли к обороне. Пользуясь этим, советское командование решило высадить войска на Керченском полуострове, чтобы оттуда начать освобождение Крыма.

23 ноября 1941 года Октябрьский получил директиву Ставки об оперативном подчинении Черноморского флота Закавказскому фронту. Начиналась битва за Кавказ. Однако для командующего важнейшим направлением оставалось Севастопольское. Зная о движении к главной базе масс неприятельских войск, он приказал 26 ноября послать отряд кораблей из 2 крейсеров и 3 эсминцев для поддержки защитников СОР артиллерийским огнем. Были приняты меры по совершенствованию укреплений и системы артиллерийского огня. Вице-адмирал ставил своим подчиненным задачу сделать все необходимое, чтобы не сдать Севастополь [344] .

3 декабря началась подготовка высадки в Крыму. Однако запрос маршала Василевского о десанте по овладению Керченским полуостровом поступил только 5 декабря. Октябрьский ответил, что такой десант возможен. Он телеграфировал: «Десантную операцию на Керченском п-ове можно выполнить. Но надо на боевых кораблях, посадка из Новороссийска, но не из Анапы. На Азовском море ледовая обстановка может не позволить. Предлагаю: 1. Главные места высадки – Керчь, Феодосия; 2. Сковывающее направление – Судак; 3. Высаживать с боевых кораблей при сильной артиллерийской подготовке кораблей; 4. Одновременно начать наступление из Севастополя, когда

прибудет 388 СД. Руководство поручить Исакову, мне из Севастополя тяжело» [345] .

10 декабря по приказу из Москвы командующий флотом с членом Военного совета И.И. Азаровым и оперативной группой штаба прибыл в Новороссийск, где размещался командный пункт 44-й армии, тогда как командные пункты Азовской флотилии и 51-й армии были основаны в Темрюке. Штабы и личный состав флота впервые готовили такую десантную операцию. К участию к высадке привлекли около 300 различных плавучих средств, которые требовали ремонта [346] . На месте уточняли обстановку, готовили суда. Однако известия о начале немецкого наступления на Севастополь с 17 декабря и трудное положение города заставило задержать высадку. 19 декабря командование СОР сообщило о том, что Севастополь продержится не более трех дней, и 20 декабря Ставка приказала Октябрьскому срочно выехать в главную базу [347] .

Октябрьский предложил высадить намеченный в Керчи десант также и в Феодосии силами флота. Знаменитая Керченско-Феодосийская операция кануна Нового, 1942 года оттянула вражеские силы, начавшие 17 декабря второе наступление на Севастополь, позволила еще полгода удерживать главную базу флота и сковать крупные германско-румынские формирования в Крыму.

Керченско-Феодосийская операция проходила с 26 декабря 1941 по 2 января 1942 года не совсем по плану. Когда стало известно, что в ходе второго наступления на Севастополь гитлеровцы потеснили защитников и грозил их прорыв к бухтам, 20 декабря Ставка приказала Закавказскому фронту перебросить в Севастополь дивизию, две стрелковые бригады, боеприпасы и оказать поддержку авиацией. Вечером Октябрьский с отрядом кораблей (крейсера «Красный Крым», «Красный Кавказ», эсминцы «Бодрый» и «Незаможник»), на борту которых находились стрелковая дивизия и бригада морской пехоты, отправился с Кавказа к Севастополю. Пришлось прорываться днем под берегом, под обстрелом противника. Рискованная операция удалась. Корабли высадили войска, которые при поддержке корабельной артиллерии контратаковали и восстановили положение [348] . Но при этом пришлось использовать части, подготовленные к десантной операции.

Когда фронтовое командование решило снять командующего Приморской армией генерала И.Е. Петрова, считая его действия при отражении штурма Севастополя неверными, Октябрьский направил Сталину телеграмму в защиту генерала. Просьбу Военного совета флота удовлетворили. До конца обороны Петров

командовал войсками армии [349] .

26 декабря началась Керченско-Феодосийская операция. Значительную роль сыграло предложение Октябрьского высаживать десант непосредственно в порту Феодосии. Военно-морской историк Г.И. Ванеев отмечал: «Командующий флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский принял решение – передовой отряд десанта высаживать непосредственно на причалы порта с боевых кораблей. Это было смелое решение. Высадка десанта в порт, занятый противником, – беспрецедентный пример в истории военно-морского искусства. Однако такое решение было верным, ибо позволило использовать боевые корабли одновременно как десантные суда и как корабли артиллерийской поддержки. Кроме того, в этом случае значительно сокращалось число транспортов для доставки десанта» [350] .

К началу 1942 года высаженные с кораблей Черноморского флота, Керченской военно-морской базы и Азовской флотилии части заняли плацдарм на Керченском полуострове. На плацдарм перебросили две армии. Возник новый фронт, названный Крымским.

В канун Нового года приказ Верховного главнокомандующего поздравил командующих Закавказским фронтом и Черноморским флотом с освобождением Феодосии и Керчи. Успех Керченско-Феодосийской операции вызвал резонанс в печати союзников. Гитлеровцам пришлось снять войска с других направлений и ослабить давление на Севастополь. В результате начатого 17 января противником контрнаступления советским войскам пришлось отойти, оставив Феодосию.

Период относительного затишья под Севастополем был использован, чтобы укрепить оборону. Все, что можно было, укрывали под землю, готовясь к весеннему наступлению. 13 апреля Октябрьский дал приказ штабу разработать план отражения комбинированного удара противника [351] .

23 апреля Октябрьский получил сообщение, что создано Северо-Кавказское направление во главе с маршалом Буденным, которому подчинен флот. Следующим вечером командующий в Краснодаре встретился с маршалом и наркомом ВМФ Кузнецовым. Последний предложил Октябрьскому перенести командный пункт в Туапсе, но тот отказался и с разрешения Сталина остался в Севастополе.

27 апреля пришлось принять решение о подготовке доставки грузов подводными лодками. Позднее адмирал вспоминал: «Вызванный из Севастополя в Краснодар к главкому Северо-Кавказского направления Маршалу Советского Союза С.М. Буденному, я воспользовался этим полетом на Кавказ, и в беседе

с командиром Новороссийской ВМБ кап. 1-го ранга Т.Н. Холостяковым – старым и опытным подводником – мы обсудили вопрос использования подводных лодок для питания Севастополя в случае невозможности прорыва надводных кораблей. Было решено подготовить спецгруппу подводных лодок для этих целей» [352] . Скоро эта группа потребовалась.

29 апреля вице-адмирал вылетел из Геленджика в Севастополь. А 8 мая началось гитлеровское наступление на Керченском полуострове, и вскоре фронт был прорван.

14 мая немцы ворвались в Керчь. Сухопутным войскам не удалось удержать Керченский полуостров. В тот же день началась эвакуация войск на Таманский полуостров. Флот получил приказ поддерживать огнем кораблей и авиацией сухопутные войска.

Поражение Крымского фронта оставило Севастополь один на один с армией Манштейна. 16 мая Октябрьский отправил Сталину и Буденному телеграмму с просьбой о помощи СОР перед лицом неминуемого неприятельского наступления; помощь была оказана в ближайшие дни.

Уже весной противник начал усиленные бомбардировки Севастополя. 1 июня Октябрьский записал в дневнике: «Невозможно не только спать, лежать невозможно… все гремит, шумит, койка ходуном ходит. Нещадно противник бомбит город. Бомбы падают (очень много) в районе ФКП. Бомбят Херсонесский аэродром. Доложили: бомбят до 25 бомбовиков. Очень шумно от артиллерии» [353] .

От налетов страдал город, выходила из строя связь, однако хорошо окопавшийся гарнизон нес сравнительно малые потери. Командующий записывал 3 июня 1942 года: «Вступая в третье, решающее сражение за Севастополь, нам теперь ясно: мы имеем силы, которые в основном готовы к бою. Войск для обороны достаточно, неплохо с артиллерией. Маловато оружия, маловато авиации по сравнению с противником… Моя гвардия и основа – морпехота… Думаю, что чести русского оружия не посрамим» [354] .

Особо трудной к лету 1942 года стала доставка подкреплений и грузов, вывоз раненых, мирного населения и ценностей. Германская авиация охотилась за судами и кораблями в море и самом Севастополе, где порт вскоре оказался под ударами артиллерии противника. Сначала использовали быстроходные транспорты и боевые корабли, а затем потребовалось для перевозки важнейших грузов и спасения раненых использовать подводные лодки.

В разгаре последнего штурма 12 июля Верховный главнокомандующий направил защитникам города

приветственную телеграмму:

«Вице-адмиралу Октябрьскому. Генерал-майору Петрову.

Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя – красноармейцев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пядь советской земли и наносящих удары немецким захватчикам и их румынским прихвостням.

Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа. Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед Родиной. *Сталин* » [355] .

Удержать город не удалось, ибо флот не имел достаточных сил, чтобы доставлять защитникам необходимое количество подкреплений и снабжения. Приходилось горючее перевозить на подводных лодках, ибо прорывы надводных кораблей вели к значительным потерям.

Для решительного наступления войска 11-й германской армии создали группировку артиллерии калибром до 800 миллиметров. На фронте 35 километров было сосредоточено 208 батарей (не считая зенитных) при поддержке авиации 8-го авиационного корпуса [356] . Наступление было начато 7 июня мощной артподготовкой и ударами с воздуха. К 26 июня гитлеровцы почти полностью овладели внешним поясом крепостных сооружений Севастополя и вышли к Северной бухте. Силы наступающих были на исходе. Севастопольцы упорно оборонялись. Но Манштейн предложил неожиданный ход. В ночь на 29 июня две дивизии на штурмовых лодках незаметно переправились через Северную бухту и вышли во фланг позиции на Сапун-горе. 1 июля после массированного удара авиации и артиллерии немецкие войска вошли в город. Но бои за Херсонесский полуостров продолжались до 4 июля [357] . Советские войска надеялись на эвакуацию, но тщетно.

30 июня Октябрьский послал телеграммы Сталину, Кузнецову и Буденному, что Севастополь не продержится более двух-трех дней, и просил разрешения эвакуировать хотя бы часть ответственных командиров и граждан. Разрешение было получено вечером 30 июня. К тому времени уже два дня не было возможности вывозить раненых, которых скопилось до 23 тысяч. В дневнике Октябрьский записал: «Отправил часть людей вчера, отправляю сегодня на самолетах, подлодках. Положение тяжелое. Надо бы побольше вывезти людей. На чем? Противник все топит. Противник ворвался на Куликово поле, Малахов курган, даже вокзал, Исторический бульвар. Бои идут на улицах города». На последнем заседании Военного совета командующий приказал

боеспособным частям прикрывать участок берега, на котором скопились войска СОР, и отход морем [358] . Вывезти удалось немногих. Э. фон Манштейн писал в воспоминаниях, что только на Херсонесском полуострове в плен попало 90 тысяч человек, а советские потери убитыми в несколько раз превышали потери наступавших немецких войск [359] .

1 июля 1942 года командующий с разрешения Ставки последним самолетом эвакуировался из города, который не было возможности оборонять. Оборона Севастополя связала значительные силы противника, не позволяя ему наступать на Кавказе.

После эвакуации из Севастополя Октябрьский руководил операциями Черноморского флота из командных пунктов на Кавказе. Флот поддерживал фланг войск, бившихся за Кавказ, обеспечивал перевозки, действия на неприятельских коммуникациях и против занятых противником берегов.

В дни, когда гитлеровцы прорывались к Черному морю, намереваясь взять Новороссийск и Туапсе, командующий записывал:

«Противник стремится к наибольшему развитию успеха, имея главное направление Армавир – Майкоп. Отсюда вывод: он может, заняв Майкоп, продолжить свое движение на Туапсе, тем самым окружить и отрезать всю нашу кубанскую группировку, нашу Азовскую флотилию, Новороссийск, Керченскую ВМБ.

В Туапсе войск нет, оборона почти отсутствует. Дело очень опасное. В телеграмме Буденному, Кузнецову прошу учесть намечающуюся катастрофу» [360] .

Октябрьский утверждал, что упорно доказывал 5–6 августа адмиралу Исакову необходимость отвести часть сил Азовской флотилии для обороны Туапсе. 11 августа поступила директива Сталина, возлагающая оборону Тамани на Черноморский флот и требующая ни в коем случае не допускать врага к Туапсе. Для объединения сил фронта и флота, обороняющих Таманский полуостров и Новороссийск, 17 августа создали Новороссийский оборонительный район (НОР). Когда гитлеровские войска взяли Анапу и отрезали Таманский полуостров, 6 сентября было решено все силы стянуть к Новороссийску. 10 сентября противнику удалось взять большую часть города, но гитлеровцы так и не смогли использовать порт. 17 октября немецкие войска вышли к Туапсе, однако при поддержке флота город оборонялся до 20 декабря 1942 года.

В начале октября Октябрьский перенес флагманский командный пункт в Сухуми. Именно там, в портах Грузии, базировались боевые корабли и суда, откуда выходили в походы

вплоть до берегов Румынии и Болгарии. Южная часть побережья Кавказа стала основной ремонтной базой и тылом флота.

Крупнейшей операцией этого времени была высадка десанта под Новороссийском в феврале 1943 года. План был разработан в штабе флота еще в декабре. 1 февраля 1943 года командующего вызвали в Туапсе для подготовки освобождения Новороссийска. Флот высадил десант у Южной Озерейки и Станички 4 февраля. Первый пункт должен был стать основным, но из-за шторма была высажена небольшая часть десанта, а основной плацдарм основали под Станичкой. Именно здесь образовалась Малая Земля, которую 18-я десантная армия обороняла при поддержке моряков Черноморского флота, обеспечивавших линию морских коммуникаций. Так как сухопутные войска под Новороссийском не смогли продвинуться, оборона продолжалась долго, но уже без участия Октябрьского.

В апреле 1943 года в Краснодар прибыли маршал Жуков и нарком ВМФ Кузнецов. 23 апреля Кузнецов сообщил, что решением ГКО Октябрьский освобожден от командования флотом. Сталин был недоволен, что десантная операция у Южной Озерейки прошла не по заранее составленным планам и, хотя моряки и сухопутные войска заняли плацдарм, вернуть город не удалось. Эта неудача, а скорее принципиальность адмирала-коммуниста, не стеснявшегося высказывать мнение вразрез со взглядами начальства, привела к тому, что Ф.С. Октябрьского освободили от командования Черноморским флотом. Сдал он дела Л.А. Владимирскому. Некоторое время вице-адмирал был не у дел, а 1 июля стараниями наркома Н.Г. Кузнецова уже выезжал из Москвы вновь командовать Амурской флотилией [361] .

Командовал Амурской флотилией Октябрьский с 29 июня 1943 по 25 марта 1944 года [362] .

Несмотря на то что войны с Китаем и Японией не было, нельзя было надеяться, что это положение будет длиться всегда. 12 июля 1943 года Октябрьский прибыл в Хабаровск, а уже через неделю провел первые учения, показавшие, что флотилия не готова к действиям по опыту войны. Началась напряженная работа. Вице-адмирал писал наркому, прося должность командира главной базы, чтобы освободить командующего от лишних забот для боевой подготовки. 31 июля он записал в дневнике:

«1. Многие задают вопрос, когда и будем ли мы вообще воевать на ДВ. Надо думать не о том, когда будем воевать, а о том, готовы ли мы к войне.

2. Учредил на рейде штаб… опердежурство там во главе с пом. нач. штаба, он же нач. ОБП т. Цейсис. Думаю сам больше

быть на рейде, учить людей там» [363] .

В августе Октябрьскому удалось получить разрешение на использование персонального флага комфлота, на введение должности командира главной базы. Завершалась подготовка плана развертывания флотилии во время войны. Командующий проверял различные степени готовности флотилии. Зимой на флотилии продолжались ремонт и учеба моряков. В декабре вице-адмирал сетовал, что от наркомата не знает, как идут дела на флотах. Сведения поступали частным порядком. В частности, прибывший с Черного моря начальником штаба флотилии Гущин рассказал о гибели трех эсминцев от немецкой авиации, что явилось черным пятном на фоне наступления советских войск и союзников. Октябрьский еще не знал, что это событие повлияет на его судьбу.

Анализируя обстановку, 2 января 1944 года вице-адмирал записывал в дневнике:

«1. Зимнее наступление идет хорошо. 2. 1944 год будет безусловно решающим в войне, но, анализируя дополнительно ряд международных факторов, я думаю, что вообще война на западе, т. е. по разгрому Германии, в 1944 году не закончится. Больше шансов за то, что нам придется весь 1944 год вести жестокие бои, потерять много крови, но мира мы добьемся только в следующем, 45-м.

3. Война на Д. Востоке в 1945-м только начнет принимать решающие формы. Здесь еще предстоит пережить много событий.

4. Все дело не только в том, что эта война особая, она ведется на истребление, но и в том, что наш союзник тоже особый – союз капиталиста с рабочим против бандита. Наши союзники еще очень много будут тянуть.

5. Чем для меня будет 44-й год – не могу сказать, не хочу предсказывать. Одного хочу – чтобы дали отдохнуть моей душе… Дали бы мне поработать на флотилии, довести дело до конца, устранить недочеты, которых очень много» [364] .

Поражает, насколько верно и точно флотоводец, несмотря на удаленность от столицы, оценил стратегическую обстановку и ход войны. Однако довести дело с флотилией ему не удалось. В январе 1944 года Филипп Сергеевич участвовал в сессии Верховного Совета СССР и пленуме ЦК, 6 февраля выехал из Москвы в Хабаровск, а вскоре после возвращения его вновь вызвали в Москву. 13 марта он узнал, что снова будет командовать Черноморским флотом, которому теперь предстояло возвращать свои базы. На заседании ГКО 14 марта Октябрьский был утвержден командующим, ответил на ряд вопросов Сталина и получил указания заниматься ремонтом кораблей и их

перебазированием в Крым; вице-адмирал доказывал, что особенно недостает эсминцев [365] .

Вторично Октябрьский командовал Черноморским флотом с 28 марта 1944 по 18 ноября 1948 года [366] . 10 апреля 1944 года его произвели в адмиралы [367] .

Уже в марте Октябрьский основал флагманский командный пункт под недавно освобожденным Новороссийском. Апрель ознаменовался обсуждением в Ставке плана летней кампании, включавшей освобождение Крыма и Одессы. Было решено, оберегая крейсера и эсминцы, действовать подводными лодками, катерами, наносить удары по румынским портам преимущественно авиацией.

26 марта началась Одесская наступательная операция, в которой участвовали и черноморцы. Десант из 67 человек старшего лейтенанта К.Ф. Ольшанского, высадившийся в Николаеве, три дня удерживал позицию в портовом элеваторе, пока 28 марта город не был освобожден. 10 апреля освободили Одессу.

4 апреля командующий был вызван в Москву и 10 апреля в Ставке Верховного главнокомандования участвовал в обсуждении плана действий по освобождению Крыма и действий на Черном море. После его доклада было решено внести в план коррективы: основной силой считать авиацию, поберечь крейсера и эсминцы, удары по румынским портам наносить авиацией и катерами, минировать Сулину и базы противника, десанты не производить, больше внимания уделять противолодочной обороне и предоставить флоту больше катеров [368] .

Через два дня командующий вернулся в Новороссийск и узнал, что наступление войск в Крыму успешно развивается. 11 апреля была освобождена Керчь, 13 апреля – Феодосия. 23 апреля войска перешли в решительное наступление на Севастополь. В ходе операции по освобождению Крыма флот под командованием Октябрьского наносил удары по коммуникациям противника между Крымом и портами Румынии. Уничтожение транспортных средств противника с войсками и грузами способствовало действиям 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии.

Командующий принял активное участие при разработке операции по освобождению Крыма. В результате подготовленных и скоординированных действий авиации флота, подводных лодок и катеров часть судов неприятеля, пытавшихся вывезти гитлеровские войска из Крыма, была потоплена или повреждена. С начала эвакуации из 230 тысяч войск 17-й армии в Крыму морем и воздухом было вывезено более 150 тысяч. На переходе

морем противник потерял 8100 солдат и офицеров. Безвозвратные потери неприятеля в Крыму составили около 60 тысяч человек, из которых около 25 тысяч попали в плен [369] . Если бы не решение, принятое в Ставке, корабли эскадры могли бы значительно увеличить вражеские потери при эвакуации морем.

10 мая Севастополь был взят. 11 мая Октябрьский уже прибыл в главную базу [370] .

В июле моряки Черноморского флота готовились к действиям по освобождению Румынии и Болгарии. 16 июля командующий вылетел в Москву с планом операций. Но над морем вблизи Анапы двигатели самолета загорелись. Летчику удалось посадить машину на воду, а пассажиры выбросились в воду [371] .

15 августа командующий переместился на новый флагманский командный пункт в Одессе. 16 августа прибыл командующий 3-м Украинским фронтом генерал армии Ф.И. Толбухин. На совещании были уточнены задачи Черноморского флота и Дунайской флотилии в Ясско-Кишиневской операции. В период операции (20–29 августа 1944 года) Черноморский флот огнем поддерживал войска 3-го Украинского фронта на Приморском направлении, нарушал прибрежные морские коммуникации противника, уничтожал корабли и суда, наносил воздушные удары по аэродромам.

В августе 1944 года, в ходе Ясско-Кишиневской операции Черноморский флот блокировал Констанцу и Сулин. Дунайская флотилия 22 августа высадила десант за Днестровский лиман, 23 августа в Жебрияны, 24 августа заняла Вилково, а 25 августа – Измаил и Килию, 27 августа – Сулину и заняла все течение Дуная вплоть до Галаца. Приказ Верховного главнокомандующего, переданный по радио 28 августа в честь успехов моряков, был единственным за войну адресованным персонально флотоводцу. 29 августа Октябрьский предъявил ультиматум командующему румынской флотилией. Моряки овладели кораблями румынской речной флотилии. А 9 сентября приказ Верховного главнокомандующего воздавал должное маршалу Толбухину, адмиралу Октябрьскому и их подчиненным за взятие Варны и Бургаса – болгарских портов. Германские моряки, лишившись баз, 9–10 сентября затопили свои корабли у берегов Болгарии [372] .

Одновременно предпринимали меры для восстановления Севастополя – города и военно-морской базы. 5 ноября 1944 года в главную базу возвратился флот. На мачте линкора «Севастополь» развевался флаг командующего флотом.

В конце декабря Октябрьский заболел, ему сделали сложную операцию. Только в конце февраля он смог писать, лежа в постели

ялтинского санатория Черноморского флота. Здесь он узнал о Ялтинской конференции и удивлялся, почему Сталин не побывал на флоте [373] .

15 апреля впервые после болезни адмирал прилетел в Москву на сессию Верховного Совета. Сессия рассматривала бюджет на 1945 год. Пользуясь случаем, Октябрьский направил докладную записку Сталину с просьбами о помощи в восстановлении главной базы, города Севастополя, и награждении Черноморского флота и города-героя к годовщине освобождения – 9 мая 1945 года. В мае командующего вызвали в Москву: рассматривали планы восстановления Севастополя. Осенью 1945 года Октябрьского беспокоили проблемы топлива для отопления города Севастополя, медленная работа по восстановлению главной базы. Из-за слабой ремонтной базы срывалась подготовка эскадры к летней кампании. В январе 1946 года адмирал провел совещание флагманов по итогам учебного года и послал в Москву на утверждение схему флота мирного времени; он считал необходимым создать бригаду десантных кораблей. В феврале он добивался награждения флота орденом и присвоения звания Героя Советского Союза вице-адмиралам В.Г. Фадееву, С.Г. Горшкову, генерал-полковнику В.В. Ермаченкову, генерал-лейтенанту П.А. Моргунову и генерал-майору Е.И. Жидилову [374] .

В записях этого времени – критические нотки. Пришлось наспех за два месяца подготовить отчет о деятельности Черноморского флота в годы войны, а надо бы гораздо больше времени. Упразднение Наркомата ВМФ и создание Наркомата Вооруженных сил СССР во главе со Сталиным 26 февраля также удивляло. Адмирал писал: «Но дальше пока не ясно, что будет за организация ВМС страны. По логике, должны быть назначены главнокомандующие: сухопутных, морских, воздушных сил, а вот Наркомат ВМФ не нужно было бы упразднять (оставить как министерство), который должен бы возглавить кораблестроение, вооружение, ремонт, снабжение, комплектование, расквартирование и т. д. и т. п.». Октябрьский обсуждал реорганизацию с другими флотоводцами и намеревался высказать свое мнение, если бы их собрали Сталин или Жданов: «Я не «американский наблюдатель», а адмирал советский, и так же, как мои товарищи флотские, несу перед советским народом, перед правительством ответственность за флот, его судьбу, его состояние» [375] .

В послевоенные годы Октябрьский занимался не только проблемами восстановления Черноморского флота.

5 июня 1946 года его назначили членом Высшего военного

совета Вооруженных сил страны (оставив во главе флота). Летом 1946 года командующий на крейсере «Ворошилов», выйдя из Севастополя, обходил порты кавказского побережья. 16 июня он записал в дневнике, что крейсер износился за пять лет, требует ремонта и чистки.

28 июня Октябрьский отмечал: «Эти 25 суток плавания для меня – сущая пытка. Столько недоработок, серость, отсутствие смекалки, выучки, опыта, умения! Измучился, но результат есть. И корабли, и походный штаб сильно выросли, служба стала более слаженной» [376] .

Осенью 1946 года Октябрьский прибыл в Москву и честно доложил Булганину и Василевскому о нуждах флота и хаосе в корабельном и береговом составе. Вскоре пришло указание Н.Г. Кузнецова доложить, что из кораблей законсервировать, что передать гражданским. Так как заводы Министерства судостроительной промышленности не справлялись с ремонтом, то средний и даже капитальный ремонт приходилось делать на флоте.

Приходилось заниматься городом: организовывать милиционеров, автобусы, жилье и т. п.

Узнав о том, что СССР получит часть флота Италии, адмирал не был в восторге:

«Самое главное, если все это – побитое, разбитое, плохое, будет одно мучение. Ремонтная база и так слабая, да если еще такое пополнение – заплачешь! Сейчас у нас невероятная бедность, начиная с флагов (нет флагов) и кончая тросами, не говоря уж о красках. Ничего нет. Нет красок, нечем корабли красить, а еще придет целая эскадра. Хорошо и плохо.

Вот, черт возьми, какие трудности после войны. Ну ничего, пусть дают, справимся, а через годик-два совсем заживем» [377] .

Моряку удавалось добиваться, чтобы опыт войны был учтен кораблестроителями. В январе 1947 года Октябрьский участвовал на совещании в Москве, посвященном кораблестроению. Он считал, что проекты недостаточно учитывают опыт войны: слаба зенитная артиллерия, мореходные качества, мал район плавания. Часть его предложений, особенно по торпедным катерам, морским охотникам и тральщикам, была принята. 17 января на заседании Высшего военного совета после выступления Сталина об изменении командного состава со времен Гражданской войны было решено оставить Военные советы как совещательные органы при командующих-единоначальниках. После споров на совещании у Булганина Октябрьскому удалось отстоять свое мнение о необходимости командиров и их управлений во всех базах [378] .

Приходилось не только учить, но и самому учиться, что видно из дневника. 12 мая 1947 года адмирал на рейде Бельбек записал: «Обложился уставами, наставлениями, правилами, изучаю. Времени прошло не так много, но отстал, кое-что забыл, приходится вспоминать, в том числе новые ППС. Век живи – век учись». Через 4 дня он продолжал: «16 мая. Продолжаю отработку задач флота на рейде Бельбек. Недочетов очень много: флагманы, командиры кораблей хотят бежать вперед, скорее отрабатывать задачи, а я их все время удерживаю, так как очень слаба одиночная подготовка и бойца и корабля». 21 июня на рейде Поти Октябрьский отмечал: «С сегодняшнего дня начинается второй сбор флота в этом году. Неизвестно, как он пройдет. Маловато горючего. Надо плавать. Переход показал, что корабли все сырые, личный состав не обучен, а стоя на якоре, корабль к бою не подготовишь» [379] .

В августе 1947 года, воспользовавшись походом Сталина из Ливадии в Сочи на крейсере «Молотов», Октябрьский высказал свои мысли по увеличению зенитного вооружения и дальности плавания кораблей. После разговора о проблемах ремонта Сталин принял решение придержать постройку новых кораблей, чтобы привести в порядок корабли существующие, поддержал предложение создать на флоте оперативное соединение подводных лодок с командующим и штабом. Уже в сентябре начала прибывать обещанная флоту помощь. Командующий записывал: «Техническое состояние флота понемногу начинает поправляться, наращиваем силы. Остается тяжелым быт: квартиры, казармы, склады – вот гвоздь вопроса» [380] .

Даже в адмиральских чинах Октябрьский оставался близок к матросам. Один из сослуживцев вспоминал: «Мы уже знали: если командующий пришел на корабль, значит, прежде всего куда? – на бак, побеседовать с матросами». Сам флагман, как только военные проблемы отошли, занялся личным составом поближе. Он записывал в дневнике во время рейдовых сборов в июне 1946 года:

«Занялся разбором беспорядка на корабле. И пришел к выводу, что здесь мы на уровне Станюковича. Как сто лет назад жили на корабле, так и сейчас, но лишь с той разницей не в нашу пользу, что тогда матрос больше имел свободного времени.

В самом деле, какие произошли изменения, сдвиги в наличии на корабле техники! А в распорядке дня, в повседневном расписании жизни на корабле это отразилось своеобразно. Надо пересмотреть коренным образом загрузку матроса, как живет матрос, как проводит суточное время, как он используется в течение 16 часов в сутки… Думаю заняться этим» [381] .

Немало в дневнике записей по подбору кадров: «Командующего флотом не так просто вырастить. Надо людей проверять вначале на соединениях (в армии – на армиях, у нас – на эскадре, флотилии), а потом выдвигать на флот»; «… правильная расстановка людей, удачное назначение – это успех дела. Я не так часто меняю людей, но очень много времени уделяю подбору, прежде чем решиться произвести назначение» [382] .

Командующий сетовал, что ценных работников забирают в Москву, но отмечал: «Вообще-то я не особенно обескуражен этим. Буду выдвигать молодежь». Он был рад, что ему наконец утвердили начальником штаба Басистого, а командующим эскадрой – С.Г. Горшкова. О последнем адмирал писал, что это – «будущий флотоводец» [383] .

Поэт Николай Полотай называл Октябрьского добродушным и веселым человеком. И действительно, адмирал не любил скучных людей. Он не утвердил кандидатуру на повышение сухаря, который за всю войну не улыбнулся, и говорил: «Ну, куда такого! Кому он поднимет дух? Перед боем матросам нужно сказать крепкое слово, да еще посолить ядреной шуткой, без которой, извините, на войне нельзя. Уместна и простая шутка, а чаще злая, чтобы сразу, как искра, запалила всех. Нет, нет, на флоте без шутки нельзя» [384] .

Относясь ответственно к своему высокому положению, адмирал был непримирим к бюрократам, трусам, лодырям. Он уважал порядок на флоте и писал как-то: «Особо жму на дисциплину. А как хорошо, когда во всем порядок, люди подтянуты, бодры, когда рейдовые катера и шлюпки – эти визитные карточки кораблей – в образцовом порядке». Но нередко, обнаружив недостатки, он вспыхивал гневом и обрушивался на виновных с разносами. Адмирал сам понимал свою вспыльчивость и писал другу: «Ты же знаешь мой горячий характер, знаешь, что я за все болею. Черт знает, лучше бы не иметь такого характера». Однако, убедившись в своей неправоте, моряк был способен извиниться перед младшим по чину и должности [385] .

Адмирал много покупал книг и почти все прочел. Читал он серьезно и, когда увидел, что молодой адъютант буквально глотает книги, порекомендовал читать более вдумчиво.

Летом 1948 года Октябрьскому предложили стать первым заместителем И.С. Юмашева, возглавлявшего Военно-морской флот СССР. Флотоводец был не в восторге: не хотелось оставлять флот. Даже место для домика, в котором жил, адмирал выбрал так, чтобы из окон видеть бухту и корабли. Он записывал:

«Ничего мне не нужно до конца моих дней, только находиться на флоте, на кораблях, в море». Впервые за свою жизнь в июле 1947 года моряк получил выговор главкома за то, что слишком много времени находится в море. Он просил министра Вооруженных сил СССР Н.А. Булганина оставить его на год-полтора на Черном море, чтобы завершить приведение Черноморского флота в порядок. Однако в командовании происходили большие перестановки, и просьбу не уважили. Адмирал записал в дневнике: «Мое дело – матросское: есть переезжать в Москву». И чуть позднее, после прощального ужина с сослуживцами: «Ужасно тяжело мне уезжать с ЧФ! Такое самочувствие, как будто от меня оторвали кусок живой моей ткани» [386] .

С ноября 1948 по январь 1951 года Октябрьский – первый заместитель главнокомандующего ВМФ [387] .

В первые дни он чувствовал себя не на месте: «…не могу свыкнуться с этой обстановкой, а главное – чувствую, что силы пропадают, как их применить – не знаю, еще не найду себе места, как-то не получается пока».

В январе адмирал продолжал изучать положение на флоте и готовился доложить обстановку министру. Он добился, чтобы всем заместителям предоставляли по два вечера в неделю для спокойной работы дома, и сам этим пользовался, хотя его и могли вызвать в любое время. У адмирала уже складывалось определенное представление о первоочередных задачах, которые следовало разрешать: «Много у меня созрело планов… Какие дела нужно решить! Вот перечень, далеко не полный: 1. Размещение центральных управлений и отделов в Москве. Жуть, убожество. 2. Расквартирование офицеров в Москве. Нет квартир, результат – неукомплектованный аппарат. 3. Нужно на базовое строительство, хотя бы за счет судостроения 130–150 миллионов руб. на 1949 год, чтобы не консервировать объекты по флотам, чтобы двигать базовое строительство, которое в ужасном состоянии. Воды котельной мы не можем дать кораблям. 4. Решить вопрос с пополнением флота рядовым составом, одновременно демобилизовав 1924–25 гг. 5. Нужно списать старые корабли – более 100 единиц. 6. Решить правовой вопрос, нельзя так жить! 7. Нужно решить вопрос о законсервированных единицах, они стареют, а главное, разрушаются. Кому польза? и т. д. Довольно!..» [388]

Адмирала при участии в Московской партийной конференции неприятно поразило, что не было «никакой критики при полном отсутствии самокритики». Он отмечал «много хвастовства, взаимных поклонов и восхвалений».

В эти годы союзникам возвращали корабли, полученные на

время в годы войны. Прибывали на флоты бывшие итальянские корабли. Это добавляло проблем с ремонтом и базированием. Адмирал объезжал предприятия, порты Балтики, изучая военный опыт и сравнивая его с опытом черноморским. Работать приходилось 10–12 часов в сутки, засиживаясь за полночь, а заседания в Кремле затягивались до утра.

На Черное море продолжало тянуть. 22 марта 1949 года моряк записал в дневник: «…Продолжаю «болеть» за черноморцев, всякую их неудачу, всякое замечание по их адресу воспринимаю еще как относящееся ко мне. Не так скоро оторвется эта пуповина, уж больно много вложено сил, энергии, опыта и здоровья в дело в/м флота юга нашей страны. Дорого стоит для меня ЧФ!» [389]

24 января на заседании Высшего военного совета Министерства Вооруженных сил СССР Сталин высказался о том, что соединение армии и флота в одном министерстве ошибочно, ибо флоту уделяют недостаточно внимания. 26 февраля в печати появилось сообщение о создании Военно-морского министерства СССР. Октябрьскому в нем места не нашлось. Еще до того, 29 января, на заседании Высшего военного совета адмирал, невзирая на мнения начальников, высказывал свои предложения. В частности, когда Сталин спросил, почему ранее о недостатках не докладывали, он сообщил, что неоднократно докладывали и письменно и устно Н.А. Булганину. Последнему это не понравилось. Когда в феврале 1950 года Октябрьский находился в отпуске, министр вызвал его, завел разговор о здоровье, посоветовал не выходить на службу, полечиться… Вскоре была ликвидирована должность первого зама, и адмирал остался не удел. 1 марта 1951 года он, вспоминая о том, что не раз критиковал Булганина по конкретным вопросам, отмечал: «…Н.А. ожесточился против меня, а Маленков, председательствовавший на заседании бюро Совета Министров, тоже обиделся на мое упрямство (хотя я был, безусловно, прав). Все это породило резкое постановление правительства, где мне был объявлен выговор, хотя я так и не понял, за что меня так наказали. У меня сложилось твердое убеждение, что критика существует для низов, что критиковать таких людей, как Булганин, нельзя. Мою должность 1-го зама устранили из схемы… Я вновь сижу в ожидании. А дни идут» [390] .

Правда, Октябрьский с 1947 года был болен, но не так серьезно, чтобы отказываться от выполнения обязанностей. Он записал в дневнике: «Могу работать не более шести часов. Больше – уже плохо. Утомляюсь, раздражение сразу возрастает, становлюсь тяжелым». Врачи установили истощение нервной

системы, малокровие и переутомление – адмирал не умел щадить себя [391] .

Адмирал рвался работать. Однако министр Вооруженных сил СССР Булганин избегал встречи с ним. В итоге с зимы 1951 по весну 1952 года адмирал оказался не у дел. Только когда в июле 1951 года на посту военно-морского министра И.С. Юмашева сменил Н.Г. Кузнецов, появилась надежда. После телефонного разговора с военно-морским министром в январе 1952 года Октябрьский подал рапорт с просьбой дать работу. В апреле 1952 года он получил назначение начальником Научно-исследовательского центра ВМФ [392] .

С апреля 1952 года Октябрьский был начальником Управления научно-испытательных полигонов ВМС. С ноября 1953 года он находился в отставке по болезни. Адмирал много читал, охотился. Но через три года, в мае 1957 года, по личной просьбе Ф.С. Октябрьского назначили начальником Черноморского высшего военно-морского училища имени Нахимова в Севастополе. В этой должности он находился до июня 1960 года. 20 февраля 1958 года моряка удостоили звания Героя Советского Союза за умелое руководство флотом и проявленные мужество и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками [393] .

Моряк знал, что он неизлечим. Но, несмотря на слабое здоровье, Октябрьский был в это время членом Центральной ревизионной комиссии ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, активно участвовал в конференциях ветеранов флота в Одессе, Севастополе, Новороссийске. Адмирал стремился встречаться с моряками, солдатами, комсомольцами и школьниками.

С конца 50-х годов адмирал добивался достоверности изображения войны в печати: писал статьи и рецензировал, правил чужие воспоминания, искал сохранившихся свидетелей событий. В мае 1961 года с членами Военно-научного общества он готовил доклад по обороне Севастополя 1941–1942 годов для военно-исторической конференции. Он считал, что этот доклад должен стать одной из основ при подготовке книги по истории обороны города-героя. Моряк трудился также над материалами истории Великой Отечественной войны, посвященными действиям флота [394] .

Были опубликованы следующие статьи адмирала:

Октябрьский Ф.С. Сталинская забота о Военно-Морских силах // Красный флот. 1949. 20 декабря. *Он же.* Годы боевые // Флаг Родины. 1966. 22 июня. *Он же.* Подвиг, который будет жить в веках // Морской сборник. 1967. № 1. С. 7–20; *Он же.*

Севастополь. Июнь 1942 года // Флаг Родины. 1967. 1, 2, 4, 5, 29, 30 июня.

Традиционно Октябрьский перед Новым годом делал записи о годе прошедшем. В 1960 году он записал: «Итак, уходит 1960 год. Еще один год жизни. Этот год для меня лично был и останется особенным. Я закончил свою строевую службу на ВМФ. Последней должностью в моей биографии была должность начальника ЧВВМ училища им. П.С. Нахимова» [395] .

В 1960 году завершилась строевая служба флагмана, но он перешел не на пенсию. С июня 1960 года адмирал был в распоряжении главкома ВМФ. В сентябре 1960 года его зачислили военным инспектором-советником в Группу генеральных инспекторов Министерства обороны СССР [396] .

В период болезни адмирал не раз обращался к своей жизни и делал заключения: «Вообще, жизнь, по-моему, ни для кого не бывает сплошной пуховой периной, скатертью, милой улыбкой, благоухающим садом, соловьиной трелью. Жизнь сурова. И если человек, попавший в трудное положение, начинает теряться, хандрить, слабеть, терять силу воли, впадать в апатию, то такие люди, как правило, идут на дно»; «Я свою жизнь, свое счастье не получил готовым. Всю жизнь я прожил в напряженной работе, учебе, борьбе. Все время я шел вперед, преодолевая всевозможные препятствия, и видел впереди ясную цель жизни»; «Жизнь прожита. Хорошо прошла моя жизнь. Интересно. Единственно, на что я могу обижаться, – это то, что мало учился я в стенах училищ и академий, а учился на работе, у жизни, у людей. Жизнь – моя академия» [397] .

Октябрьский был депутатом Верховного Совета СССР 1-го и 2-го созывов. Наградили адмирала за службу 3 орденами Ленина (1942, 1945, 1958), 3 орденами Красного Знамени (1944, 1949, 1950), 2 орденами Ушакова I степени (1944, 1945), орденами Нахимова I степени (1944), Суворова II степени (1943), Красной Звезды (1935), медалями, болгарским орденом «9 сентября 1944 года» I степени с мечами (1967), американским орденом «Легион достойных» [398] .

Скончался адмирал 8 июля 1969 года после продолжительной тяжелой болезни в Севастополе. Похоронили Филиппа Сергеевича Октябрьского в Севастополе, на кладбище Коммунаров [399] .

Про адмирала не забыли. Улицу, которая ведет к кладбищу, назвали его именем. В честь адмирала были названы учебный отряд Черноморского флота и ВПК Тихоокеанского флота. Имя его – навечно в памяти моряков, в истории Великой Отечественной войны.

ТРИБУЦ ВЛАДИМИР ФИЛИППОВИЧ Командующий Краснознаменным Балтийским флотом

Владимир Филиппович Трибуц начал деятельность представителем самой мирной профессии, а завершил ее известным адмиралом. Очевидно, и способности, и свойства характера позволили ему добиться успехов и положения, о которых родители его не могли и помыслить.

Предки будущего адмирала происходили из Минской губернии и получили фамилию по воле помещика. Они переехали на заработки в столицу. Родился Владимир 15 (28) июля 1900 года в Санкт-Петербурге. Проучившись в трехклассной школе и Петровском высшем начальном училище 6 лет, он летом 1914 года собирался добровольцем пойти на фронт разгоравшейся мировой войны. Однако по настоянию отца, околоточного в одной из частей столицы, мальчик 22 августа поступил в Петроградскую военно-фельдшерскую школу и 14 декабря 1917 года стал лекарским помощником в Петроградском Николаевском госпитале. Не долго Трибуц оставался в столице. Сначала, с февраля 1918 года, в рабочем отряде, а в марте – в Северном летучем отряде моряков П.Е. Дыбенко фельдшер участвовал в боях под Нарвой [400] .

После заключения Брестского мира Трибуца отправили лекарским помощником (лекпомом) на Каспийскую флотилию. Молодой военмор с 22 мая 1918 года служил в амбулатории плавающего отряда. Ему довелось участвовать в качестве медработника при подавлении мятежа в Астрахани 15–16 августа 1918 года. Вскоре лекпому пришлось участвовать в боевых действиях на море. Командующий флотилией С.Е. Сакс собирал на корабли всех способных плавать. Когда он отправлялся с тремя вооруженными судами в набег на бухту Старо-Теречная, на «Вегу» командировали Трибуца. В первом походе удалось взять 6 транспортов. В следующем набеге 9–12 ноября пришлось вступить в бой. Каспийцы повредили неприятельский корабль, обстреляли радиостанцию на Брянской косе [401] .

Флотилия действовала до декабря. Но проверенный морем Трибуц вернулся на сушу. Он боролся с эпидемией тифа, 10–11 марта 1919 года участвовал в подавлении мятежа в Астрахани, лекпомом 2-го десантного отряда моряков оборонял город, а в сентябре вернулся в госпиталь. В госпитале же работали его отец

и сестра Таисия. После просьб назначить на корабль Трибуца 25 марта 1920 года определили лекпомом на эсминец «Деятельный». Здесь он впервые встретился с И.С. Исаковым – командиром эсминца, который поразил его самоотверженным отношением к морскому делу [402] .

1 апреля эсминцы «Карл Либкнехт», «Расторопный» и «Деятельный» направились в первый весенний поход из Астрахани в Петровск (Махачкалу). Корабли вошли в порт ранее войск Красной армии, но без угля. Пришлось грузить топливо с затонувшего эсминца. Вскоре Трибуц заболел тифом и был отправлен в госпиталь, но, когда оправился, вернулся на корабль. 1 мая корабли Волго-Каспийской флотилии перешли в Баку, уже занятый частями Красной армии [403] .

На «Деятельном» Трибуц участвовал в Энзелийской операции. Исаков назначил грамотного моряка в трофейную комиссию. Вскоре после возвращения в Баку его перевели на канонерку «Карс» флота Азербайджана, переименованную в «Ленин». 18 ноября 1920 года Трибуц прибыл на корабль. 14 декабря лодка после ремонта вновь зашла в Энзели, откуда ходили к Ленкорани и с другими кораблями обстреливали войска Джемал-паши. 25 декабря паша был разгромлен, и канонерка вернулась в Энзели, откуда почти ежедневно ходила до Шахсувара. И в новом, 1921 году канонерской лодке приходилось часто выходить в море, помогая Красной армии бороться с басмачами. В сентябре канонерской лодке вновь пришлось выходить для обстрела перешедших из Персии басмачей в районе Ваго – Тангерут – Пенсары. 29 сентября «Ленин» выходил в Астару. В шторм Трибуц помогал управлять кораблем, едва не был смыт за борт [404] .

Итак, за несколько лет службы на Каспии Трибуц участвовал в морских походах, в боях на суше и на море. Моряки канонерской лодки выдвигали его депутатом Бакинского Совета. Он оказался привычным к морю и оставался в строю, когда остальные лежали из-за морской болезни. По всем статьям военмор подходил для дальнейшей службы на флоте, да и самому ему она оказалась по нраву.

В августе 1922 года грамотного, преданного советской власти юношу с группой матросов направили в распоряжение Управления военно-морских учебных заведений. 3 октября 1922 года Трибуц стал слушателем подготовительного курса Военно-морского училища, позднее названного именем М.В. Фрунзе.

Недостаток знаний пришлось компенсировать усиленной учебой. После подготовительного курса курсантов зачисляли на специальный курс. В первый год (младший специальный курс) изучали высшую математику и теоретическую механику, основы

навигации и астрономии, устройство корабля, военно-морскую историю, социально-политические дисциплины. Предметы преподавали опытные офицеры царского флота. На среднем специальном курсе изучали мореходные науки и оружие флота, на старшем, кроме изучения теории морского дела, приобретали навыки управления артиллерийскими и торпедными стрельбами, летом уходили в практическое плавание [405] .

Начиналось возрождение флота после разрухи Гражданской войны. В 1923 году Трибуца послали на крейсер «Аврора», который начали приводить в порядок. Уже в 1724 году первый восстановленный комсомольцами-добровольцами крейсер «Аврора» с учебным судном «Комсомолец» ходил в плавание за границу по маршруту Кронштадт – Берген – Мурманск – Архангельск – Тронхейм – Кронштадт; среди других курсантов на борту крейсера был и В.Ф. Трибуц. Моряки продемонстрировали высокую культуру поведения в иностранных портах, порядок на кораблях в этом первом плавании советских военных моряков за рубежи страны после Гражданской войны. Следующую навигацию Трибуц проходил практику на линкоре «Парижская коммуна», а 6 октября 1926 года в числе десяти лучших окончил училище и был назначен помощником вахтенного начальника этого линейного корабля.

До сентября 1929 года Трибуц прошел должности командира башни и помощника вахтенного начальника, вахтенного начальника, старшего вахтенного начальника линкора «Парижская коммуна». В 1928 году за добросовестную службу моряка удостоили Почетной грамоты РВС Морских сил Балтийского моря «в день 10-й годовщины РККА за труды и энергию в деле строительства и укрепления боевой мощи морских сил РККА». В том же году он стал членом ВКП(б); заявление он подал после смерти В.И. Ленина и с 1925 года числился кандидатом. С конца 1928 года Трибуц – старший вахтенный начальник (хотя формально в должности утвержден с 1 апреля), второй помощник командира линкора. Осенью 1929 года по его просьбе моряка зачислили слушателем Военно-морской академии [406] .

До начала учебы ему довелось пройти через еще одно нелегкое испытание. С Балтики на Черное море перегоняли «Парижскую коммуну» и крейсер «Профинтерн». По просьбе командира линкора Трибуца на время похода вернули на корабль. Моряк отличился в штормовом плавании и в награду получил именной маузер с надписью: «Стойкому защитнику пролетарской революции В.Ф. Трибуцу от РВС СССР». Позднее адмирал передал награду в Военно-морской музей [407] .

В сентябре 1929 – апреле 1932 года Трибуц окончил военно-морской факультет Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. За время учебы моряк стажировался на различных кораблях и в частях, побывал в заграничном плавании на теплоходе «Кооперация». Академию он окончил в апреле 1932 года по первому разряду, получил назначение старшим помощником командира линкора «Марат», который становился отличным кораблем. Моряк участвовал в учениях и под флагом командующего Балтийским флотом Л.М. Галлера ходил в Польшу (1934) [408] .

Итак, в апреле 1932 – марте 1935 года Трибуц был старшим помощником командира линкора «Марат», в ноябре 1933 – феврале 1934 года исполнял обязанности командира. Затем до января 1937 года он командовал эсминцем «Яков Свердлов» [409] . Это был «Новик», прославленный действиями в Первую мировую войну.

Моряк позднее вспоминал:

«Назначение свое я встретил с радостью и гордостью. Командовать кораблем… это большая, ответственная и почетная задача. С большой энергией принялся я за изучение организации корабельной службы, оружия корабля, методов его применения, более детально стал изучать наставления по использованию кораблей такого класса. Мне нужно было освоить управление кораблем, выходы из гавани, постановку к стенке, совместное плавание в составе дивизиона, в охранении линейных кораблей». Вскоре Трибуц сделал эсминец лучшим кораблем этого класса на Балтике. Заслуги моряка были оценены орденом Красной Звезды [410] .

Ранее, чем Трибуц окончательно перешел на штабную работу, он участвовал в походе «Марата» на коронацию королевы Англии. Когда в 1937 году линкор «Марат» ходил на морской парад в Англию, где проходила коронация, командир линкора «Марат» В.И. Иванов потребовал прикомандировать В.Ф. Трибуца, ибо иначе не гарантировал успеха швартовки методом фертоинг. Трибуц месяц тренировал боцманскую команду. Зато в день парада советские моряки продемонстрировали высокое мастерство швартовки и рекордное время при постановке корабля на якорь [411] .

Более моряку не доводилось командовать кораблями, ибо его опыт и способности использовали на штабной работе. В конце 1936 года капитана 2-го ранга вызвали из отпуска. По предложению И.С. Исакова, нового начальника штаба Краснознаменного Балтийского флота (КБФ), его назначили начальником отдела боевой подготовки КБФ. Когда через полгода

Исаков принял флот, Трибуц в том же звании капитана 2-го ранга исполнял обязанности начальника штаба [412] .

Итак, в январе-июле 1937 года Трибуц – начальник отдела боевой подготовки, затем до февраля 1938 года исполняющий обязанности начальника штаба Краснознаменного Балтийского флота [413] .

Осенние маневры 1937 года показали, что при новом командующем И.С. Исакове боевая подготовка флота возросла. Нарком обороны К.Е. Ворошилов на разборе учений отметил, что флот освоил новые тактические приемы, четко управлял учениями и даже нет причин кого-то ругать. В январе 1938 года Трибуца вызвал Сталин, в длительной беседе выяснил знания и мысли моряка. В феврале 1938 года моряка назначили начальником штаба КБФ. Командующим теперь был Г.И. Левченко. На флоте изучали Боевой устав морских сил БУМС-37. Командиры кораблей, подводных лодок, авиации учились тактике совместных боевых операций, штабы в помещениях и на море отрабатывали действия разнородных сил [414] .

С апреля 1939 года Трибуц стал командующим КБФ в звании флагмана 2-го ранга; 28 января 1940 года ему присвоили звание флагмана 1-го ранга [415] .

Трибуц оказался одним из самых молодых командующих флотами. Полученный разносторонний опыт помог справиться, несмотря на молодость, с весьма сложными задачами. На его долю выдалось осваивать новые корабли и подводные лодки. Однако все уже было связано с военными действиями.

Начиналась мировая война. Существовала опасность, что фашистская Германия использует малые государства Прибалтики как плацдарм для наступления против СССР. С другой стороны, растущему советскому ВМФ тесно становилось в Финском заливе. Необходимость решить эти две проблемы привела к переговорам с Латвией, Эстонией и Литвой. 28 сентября 1939 года СССР заключил пакт взаимопомощи с Эстонией, затем с двумя другими странами. В составе советской военно-морской делегации, которую возглавлял И.С. Исаков, Трибуц участвовал в переговорах о предоставлении военно-морских баз в Прибалтике. Вскоре флот смог расположиться в Таллине, Палдиски, Риге, Либаве (Лиепае). В июле 1940 года главная база флота была перемещена из Кронштадта в Таллин. Туда же переехал и командующий. Флот выходил на просторы Балтийского моря.

Огромные усилия потребовались, чтобы подготовить новые порты для базирования боевых кораблей, создать береговую оборону, аэродромы, связь и все прочее, что являлось необходимым в войне.

Первый военный экзамен Трибуц сдал в войне с Финляндией. Зимняя кампания 1939/40 года заставила принимать неординарные решения. Подводные лодки и надводные корабли действовали, несмотря на лед, что пригодилось позднее, в годы более серьезных испытаний. Флот овладел островами Суурсаари (Гогланд), Большой Тютерс, Лавенсаари (Мощный), Сескар (Лесной), Пенисаари (Малый), Нерва и Соммерс. После окончания боевых действий в марте 1940 года по условиям мирного договора эти острова, Карельский перешеек, северное побережье Ладожского озера отошли к России, а на полученном в аренду полуострове Ханко начали сооружать военно-морскую базу. Все эти мероприятия позволили флоту свободно выходить в Балтийское море, обезопасить Ленинград и Кронштадт с суши.

В марте 1940 года Владимир Филиппович в Наркомате обороны выступил с докладом, обобщившим полученный опыт. За успешные действия КБФ он получил орден Ленина и звание вице-адмирала [416] .

Надвигалась Вторая мировая война. Началась спешная работа по оборудованию передовых баз в Прибалтике и на Ханко. Летом 1941 года все яснее становилась неизбежность войны с фашистской Германией. Трибуца беспокоило, что основные силы флота (отряд легких сил, отряд торпедных катеров, бригада подводных лодок и другие корабли) базируются вблизи границы, в Либаве (Лиепае). Тесно стоящие в гавани корабли представляли хорошую цель для авиации. После неоднократных обращений к Москве командующий в мае 1941 года получил разрешение наркома ВМФ перевести часть сил в Рижский залив [417] . Позднее Н.Г. Кузнецов писал: «Июнь с первых же дней был необычайно тревожным, буквально не проходило суток, чтобы В.Ф. Трибуц не сообщал мне с Балтики о каких-либо зловещих новостях. Чаще всего они касались передвижения около наших границ немецких кораблей, сосредоточения их в финских портах и нарушения нашего воздушного пространства»3.

Командующий знал, что германские торговые суда спешно покидали советские порты, а советские транспорты задерживали в портах Германии, что в море замечено движение подводных лодок. Тревогу вызывало и неожиданное прекращение достройки купленного у Германии крейсера «Лютцов». Несмотря на указания из столицы не поддаваться на провокации, вице-адмирал принимал меры предосторожности. 16 июня были выставлены дополнительные корабельные дозоры. В Таллин доставили судно с минами, и моряки тренировались в постановках заграждений. Спешно достраивали береговые укрепления и батареи. Однако сухопутное командование не предполагало прорыва неприятеля в

глубину территории СССР, и к началу войны план прикрытия военно-морских баз с суши не был утвержден. Ответственность за оборону Моонзундских островов и других прибрежных пунктов не объединили в одних руках [418] .

События развивались. Ночью 19 июня поступило сообщение с Ханко о подготовке к войне 22–25 июня со стороны Финляндии. Трибуц доложил об этом в наркомат и просил разрешения перебазировать из Таллина в Кронштадт линкоры. Разрешения он не получил, но все же на свой страх и риск отправил 20 июня «Марат» с охранением в Кронштадт. Только в ночь на 22 июня он получил приказ, оставив в Рижском заливе крейсер и дивизион эсминцев, остальные эсминцы и крейсер вывести в Таллин, а линкоры держать в Кронштадте. Сделать это уже не успели2.

19 июня Военный совет КБФ решил привести флот в повышенную боевую готовность. Трибуц позвонил Н.Г. Кузнецову и предложил начать минные постановки в Финском заливе заранее. Тот одобрил принятые меры, но предложил с минными постановками подождать. В Москве политической еще надеялись на мирный исход событий.

21 июня командующий знал, что после заграждения минными полями входов в свои порты Мемель, Пиллау, Кольберг гитлеровцы начали ставить мины в советских территориальных водах. КБФ мины пришлось ставить уже после начала боевых действий.

В 17.00 21 июня командующий направил командирам частей, соединений и кораблей телеграмму:

«За последние дни значительно усилились случаи нарушения нашей морской, сухопутной, воздушной государственных границ немецкими самолетами. Наблюдается сосредоточение войск на территории Финляндии и государственной границы в Восточной Пруссии. Немцы нагло держат себя, вызывая на провокацию на море.

Приказываю: темпы боевой подготовки не снижать, выполнять поставленные задачи, использовать каждый день, ночь и час хорошей погоды и видимости. Держать дежурные части и части, находящиеся в боевом ядре, готовыми в любой момент использовать оружие.

При выполнении задач боевой подготовки усилить наблюдение в водах, воздухе, немедленно донося обо всех происшествиях и нарушениях.

Меньше говорить о военной опасности, а больше делать для того, чтобы свои боевые части и корабли привести в полное боевое состояние».

Военный совет КБФ под свою ответственность разрешил

самолетам и зенитной артиллерии открывать огонь без предупреждения по самолетам-нарушителям [419] .

В субботнюю ночь на 22 июня Трибуц бодрствовал. В 23.15 21 июня позвонил Н.Г. Кузнецов, сообщил о возможном нападении и предписал перевести флот на готовность № 1. Вскоре отработанный в мирное время приказ выполнили. Были погашены маяки и створные огни, штаб готовился к переезду на остров Суурупи западнее Таллина, где подготовили береговой командный пункт флота. Оставалось только ждать. После 3.20 командующий получил первые сообщения о нападениях на советские суда, приказал идущие в море транспорты завернуть в порты. О нападении гитлеровцев вице-адмирал сообщил в Москву через минуту после Октябрьского, командующего Черноморским флотом. Война стала реальностью. В 5.17 Трибуц подписал телеграмму всем соединениям, частям и кораблям: «Германия начала нападение на наши базы и порты. Силой оружия отражать противника» [420] .

В первые часы потерь в кораблях не было. Началось развертывание флота по планам мобилизации. Теперь уже из Москвы звонили и торопили с минными постановками, которые под прикрытием береговых батарей должны были перекрыть Финский залив. К вечеру 22 июня минные заградители «Ока», «Урал», лидеры «Минск», «Ленинград», эсминцы «Артем», «Карл Маркс» и «Володарский» под прикрытием эсминца «Смелый», тральщиков и морских охотников вышли на минные постановки. Из Рижского залива выслали в прикрытие крейсер «Максим Горький», эсминцы «Гневный», «Гордый» и «Стерегущий». Однако на подходах к указанному району подорвались на минах эсминец и крейсер. «Гневный» пришлось затопить, а для спасения крейсера, у которого оторвало нос, Трибуц послал отряд кораблей и авиацию.

К 30 июня было выставлено 3500 мин и минных защитников, вместе с батареями на Осмуссаре и Ханко составивших непроходимый для противника рубеж. Однако неприятель вел наступление по суше. 24 июня была окружена Либава (Лиепая). Трибуц приказал оборонять базу до последней возможности. Он рассчитывал на подход сухопутных войск и, когда узнал, что капитан-лейтенант Ф.М. Афанасьев взорвал ремонтирующиеся в Либаве корабли, приказал отдать его под суд военного трибунала. Позднее адмирал писал: «Можно сожалеть, что Афанасьева обвинили тогда в панике, и хорошо, что позднее это обвинение с него сняли» [421] .

Вскоре стало ясно, что рассчитывать на сухопутные части бесполезно. 26 июня поступил приказ оставить базу, в которой

были сосредоточены огромные запасы для флота. Командующий выехал в Ригу, над которой нависла опасность. Собрав совещание в Усть-Двинске, он приказал немедленно вывезти все, что можно, на боевых кораблях и вспомогательных судах, а остальное уничтожить. В ночь на 28 июня крейсер «Киров», 6 эсминцев, более 20 транспортов с грузами ушли на восток, за ними последовали подводные лодки с плавбазой «Смольный». Эвакуация оказалась своевременной: 29 июня гитлеровцы взяли Юрмалу, а 1 июля – Ригу [422] .

В мирное время балтийцы готовились вести артиллерийский бой на море, высаживать десанты и бороться с ними, проводить торпедные атаки, тральные работы и другие традиционные операции. Однако главные силы неприятельского флота активности не проявляли. Морякам пришлось столкнуться с активными постановками мин, в том числе с неконтактными взрывателями, с кораблей и самолетов, к чему тральные силы не готовили. Не хватало тральщиков. Основной силой стала авиация, которая помогала остановить гитлеровское наступление на суше. Подводники понесли значительные потери и только во второй половине июля начали возвращаться с победами [423] .

Отступление армии на восток создало проблемы, в довоенное время не изученные. Флоту пришлось защищать свои базы и с суши. 29 июня нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов приказал: «Сааремаа и Хийумаа оборонять при всех условиях обстановки на сухопутном фронте. План обороны в кратчайший срок представить на утверждение… Деритесь за каждую пядь земли в любых условиях возможного окружения. Уверен, что командиры, бойцы выполнят свой долг перед Родиной и оправдают доверие партии».

Кроме Моонзундских островов, в подчинении флота оказалась и база Ханко. Все это пришлось оборонять в условиях, когда самому флоту угрожала опасность.

6 июля начальник штаба флота Ю.А. Пантелеев доложил Трибуцу, что между наступающими к Пярну немецкими войсками и Таллином советских частей нет. Командующий приказал вывести из строя порт Пярну; это удалось сделать, затопив несколько судов.

Связи с 8-й армией не было. В июле-августе командующий лично возглавил оборону Таллина. Пока высланные вперед части сдерживали противника, с 17 июля под городом сооружали три линии обороны. Несмотря на недостаток войск, Трибуц рассчитывал удержать базу.

10–11 июля вице-адмирал побывал на Ханко, убедился в том, что защитники держатся против неприятельских атак и обстрела. Он поставил задачу ханковцам оттянуть как можно больше сил

противника и обещал помощь. Вскоре на Ханко прибыли торпедные катера, 100-мм орудия и другое необходимое [424] .

Тем временем германские войска начали угрожать уже Кронштадтской военно-морской базе, что в мирное время не предполагали. Чтобы Трибуц мог сосредоточиться на действиях в Рижском и Финском заливах, нарком ВМФ приказал создать Управление морской обороной Ленинграда и Озерного района (МОЛ), которому подчинил части и учебные заведения в городе.

Вечером 12 июля был обнаружен на подходах к Ирбенскому проливу неприятельский конвой, и Трибуц решил разгромить его, используя различные боевые средства. Вечером конвой обстреляла батарея с полуострова Сырве, утром 13 июля удар нанесли торпедные катера, а за ними – бомбардировщики. Конвой полностью разгромить не удалось из-за слабого взаимодействия действовавших сил. Эсминцы его так и не нашли. Однако при всех недостатках удалось нанести неприятелю крупные потери и поднять дух моряков.

Ввиду продвижения противника потребовалось создать новую минно-артиллерийскую позицию с батареями на островах Гогланд, Лавенсаари, Большой Тютерс. Для постановки мин Трибуц приказал создать соединение под названием «Восточная позиция» из минных, сетевых заградителей, эсминцев, сторожевых кораблей, тральщиков и морских охотников. К концу июля несколько тысяч мин и минных защитников преградили Финский залив [425] .

В ночь на 8 августа 1941 года советские бомбардировщики с аэродрома Кагул на острове Сааремаа совершили первый налет на Берлин. Они продолжали налеты до 5 сентября, сбросив более 300 крупных бомб. Все необходимое для самолетов доставляли корабли КБФ.

К концу июля германское командование было вынуждено повернуть часть сил с Ленинграда на Эстонию, чтобы выполнить указания Гитлера: истребить советские войска и не дать им эвакуироваться из Таллина. Ввиду усилившегося нажима противника 7 августа Трибуц доложил о сложившемся положении. 15 августа было принято решение подчинить 10-й корпус командующему флотом, и на него возложили оборону главной базы. Используя артиллерию кораблей и отряды морской пехоты, удавалось удерживать главную базу. Из Таллина вывозили материальные ценности [426] .

Так как фронт ушел далеко от Таллина, 26 августа Ставка разрешила эвакуировать город. Расчеты и подготовку операции проводили под обстрелом неприятельской батареи с полуострова Виимси. Участник событий В.М. Крылов вспоминал о Трибуце:

«Казалось, он никогда не терял самообладания, даже в очень критические моменты. Так, когда бои шли уже в предместьях города, накануне посадки войск на суда, на участке 156-го стрелкового полка группа немецких автоматчиков проникла в тыл штаба полка, и штаб, с некоторыми подразделениями, оставив занимаемый рубеж, устремился к гавани. Думается, нет надобности объяснять, чем это грозило в той обстановке.

Ценой огромных усилий и жестокими мерами положение было восстановлено, но в тот момент я случайно был свидетелем крупного разговора командования корпусом и В.Ф. Трибуца с командиром 156-го полка полковником Бородкиным. Убедился тогда, утверждаю и сейчас, что только выдержка и самообладание командующего флотом спасли полковника Бородкина. Несколько позднее выяснилось, что полковник Бородкин находился в тот момент во втором батальоне и о случившемся узнал чуть ли не позднее всех, но под горячую руку для него исход разговора мог стать трагическим» [427] .

Не исключая продолжения отхода войск, Трибуц сохранял рассредоточенными по бухтам транспортные средства, и, когда поступил приказ эвакуировать главную базу, эти суда и боевые корабли приняли всех, кого предстояло вывезти. Благодаря тому, что командующий приказал заранее разработать план эвакуации, большинство защитников Таллина удалось спасти.

Был у вице-адмирала и другой замысел: перевезти войска с Ханко и Моонзундских островов в Таллин и объединенными силами начать наступление в сторону Нарвы.

20 августа он предложил этот план, но с ним не согласились: штаб Северо-Западного направления считал постановку вопроса преждевременной. Вскоре вопрос отпал. Однако и тогда, и после войны Трибуц считал, что можно было надеяться на успех [428] .

В Таллине собралось около 200 кораблей и судов, которым предстояло пройти 321 километр по заливу, берега которого были у противника. Следовало ожидать как атак катеров, так и налетов авиации и минных постановок на фарватере. В то же время на помощь своей авиации, перелетевшей под Ленинград, в районе от Таллина до Гогланда рассчитывать не приходилось. Операция была подготовлена. За несколько дней до начала на Гогланде была образована группа кораблей прикрытия для контроля за фарватерами и несения дозорной службы. Немногочисленные тральные силы провели контрольные траления на отдельных участках фарватера. Военный совет принял предложение начальника штаба флота Ю.А. Пантелеева вести суда и корабли по наиболее удаленному от берегов среднему фарватеру. С начала войны по нему прошли 223 конвоя с незначительными

потерями.

Для перевозки войск было сформировано 4 конвоя во главе с опытными офицерами. Боевые корабли составили главные силы, отряд прикрытия и арьергард. Трибуц поднял флаг на крейсере «Киров». На лидере «Минск», флагмане отряда прикрытия, шел контр-адмирал Ю.А. Пантелеев. Арьергардом командовал командир минной обороны флота контр-адмирал Ю.Ф. Ралль. В ночь на 28 августа 23-тысячный гарнизон был погружен на суда. Трибуц лично наблюдал за посадкой в Минной гавани. Когда посадка завершилась, он прибыл на «Киров». Однако выход задерживался: из-за волнения малые суда, в том числе катерные тральщики, не могли идти [429] .

Знаменитый Таллинский прорыв дорого обошелся. Сказался недостаток и тральщиков, и авиации. Тем не менее большинство судов и кораблей спаслось и составило значительную силу в обороне Ленинграда. Несмотря на минную опасность и атаки гитлеровской авиации, удалось 104 корабля и 25 транспортов и вспомогательных судов довести до цели. Были вывезены части 10-го стрелкового корпуса, гарнизон базы, раненые – всего более 18 тысяч человек.

Осенью КБФ участвовал в обороне Моонзундских островов, полуострова Ханко, в борьбе за Ленинград. Зимой 1941/42 года флот помогал войскам, оборонявшим Северную столицу, и готовился к следующей кампании. Весной, по замыслу Трибуца, подводные лодки, несмотря на противодействие неприятеля, прорывались на Балтику и топили неприятельские суда, нарушая перевозки гитлеровцев, пока противник не перекрыл устье Финского залива минами и сетями, дополненными катерами и самолетами. Но флот продолжал жить, несмотря на блокаду. Моряки вели контрбатарейную борьбу, помогали войскам отбивать наступление противника, зимой и летом обеспечивали перевозки по Ладоге. Еще в 1941 году советская авиация нанесла первый удар по Берлину; обеспечивали полеты корабли КБФ. Когда же развернулось наступление на запад, флот также принял в нем участие. Трибуц лично руководил действиями флота при прорыве блокады Ленинграда, в Выборгской, Свирско-Петрозаводской операциях и при освобождении Моонзундских островов, при разгроме гитлеровцев в Прибалтике, Пруссии и Померании. За заслуги Трибуц получил 31 мая 1943 года звание адмирала [430] .

Вскоре подводные лодки и катера флота вышли на неприятельские коммуникации, во взаимодействии с авиацией нарушая эвакуацию разгромленных группировок противника.

Имя Трибуца не раз отмечали в приказах Верховного

главнокомандования. 23 сентября 1944 года он вернулся в Таллин.

В ходе боевых действий на Балтике за боевые заслуги 22 кораблям, частям и соединениям были присвоены наименования гвардейских, 15 – почетные наименования, 58 – награждены орденами, 154 морякам присвоено звание Героя Советского Союза.

Завершилась война. В.Ф. Трибуц продолжал командовать КБФ. С марта 1946 года, после создания на театре двух флотов, он до весны 1947 года командовал Северным Балтийским флотом, который с января 1947 года именовали 8-м ВМФ [431] . Приходилось руководить очисткой Балтики от мин, восстановлением баз, ремонтом кораблей и массой дел, необходимых в мирное время, чтобы флот в годы войны оказался боеспособен.

28 мая 1947 года адмирала назначили заместителем главнокомандующего войсками Дальнего Востока по военно-морским силам, но уже через год, в июне 1948 года, отозвали. В сентябре 1948 – январе 1949 года он был начальником Управления военно-морских учебных заведений и старшим морским начальником в Ленинграде, в марте 1949 – декабре 1951 года – начальником Гидрографического управления. В июне-сентябре 1948 и январе-марте 1949 года адмирал оставался в распоряжении главкома. С января 1952 года Трибуц – на преподавательской работе в Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова. Сначала он являлся начальником кафедры надводных кораблей, с августа 1953 года – начальником кафедры тактики высших соединений, а с декабря 1953 по июль 1956 года – начальником военно-морского факультета. С июля 1956 по август 1957 года адмирал являлся начальником группы исследования оперативно-тактических проблем Главного штаба ВМФ, а затем до февраля 1961 года – адмирал-инспектором инспекции ВМФ Главной инспекции МО СССР [432] .

В октябре 1959 года Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский дал ему следующую аттестацию:

«Адмирал Трибуц В.Ф. культурный, всесторонне развитый, боевой адмирал. Обладает глубокими знаниями военно-морского дела, богатым командно-практическим и боевым опытом, а также высокой подготовкой в области оперативного искусства и тактики высших соединений военно-морских сил. Хорошо знает службу и работу штабов соединений флота. Имеет ученую степень кандидата военно-морских наук.

Не останавливаясь на достигнутом, продолжает систематически работать над собой, расширяя свой кругозор в

области военных и политических знаний. Военно-морское дело любит и работает с душой, проявляя при этом богатую инициативу. Тщательно готовится сам и подготавливает свой аппарат для проведения работ, связанных с инспектированием, которое проводится на высоком уровне. Умеет хорошо организовать и обеспечить выполнение поставленных задач. При проведении мероприятий настойчив, принципиален, объективен и справедлив.

В таком же духе воспитывает и своих подчиненных.

Трудолюбив и работоспособен. Дисциплинирован и умело поддерживает дисциплину у подчиненных. Свои взаимоотношения с ними строит на деловой основе. Пользуется большим авторитетом у подчиненных и офицеров флота. Принимает деятельное участие в партийно-политической работе».

Эта аттестация была 24 мая 1960 года утверждена аттестационной комиссией Министерства обороны под председательством Маршала Советского Союза А.А. Гречко [433] .

За службу Отечеству флотоводца наградили 2 орденами Ленина (1940, 1945), орденом Октябрьской Революции (1970), 4 орденами Красного Знамени (1943, 1944, 1944, 1948), 2 орденами Ушакова I степени (1944, 1945), Нахимова I степени (1945), Красной Звезды (1935), многими медалями, именным оружием (1930), американским орденом «Легион достойных» (1946), польским – Крест Грюнвальда 1-го класса (1946) [434] .

С февраля 1961 года Трибуц в отставке. Он продолжил работу начальником одного из отделов ВИНИТИ. Одновременно моряк занимался историей советского флота, в первую очередь Балтийского. Он подготовил свыше 200 публикаций, в том числе книги «Подводники Балтики атакуют» (1963), «Балтийцы наступают» (1968), «Балтийцы вступают в бой» (1972), «Балтийцы сражаются» (1975). По совокупности научных трудов адмирала удостоили звания доктора исторических наук (1972). Скончался В.Ф. Трибуц 30 августа 1977 года в Москве и похоронен 2 сентября в 13-м ряду 7-го участка некрополя Новодевичьего кладбища. После смерти имя адмирала присвоили большому противолодочному кораблю [435] .

ЮМАШЕВ ИВАН СТЕПАНОВИЧ Командующий Тихоокеанским флотом

2 сентября 1945 года подписана капитуляция Японии. Вторая мировая война завершилась. Последнюю точку в ней ставили советские войска, разгромившие Квантунскую армию, и Тихоокеанский флот под командованием Юмашева. Прожив ранее детство в местах далеких от моря, по иронии судьбы Иван Степанович стал командующим флотом, выходящим к крупнейшему океану нашей планеты.

Родился Иван Степанович Юмашев 27 сентября (9 октября нового стиля) 1895 года в Тифлисе (Тбилиси) [436] . Сын железнодорожника, он за неуплату был отчислен из пятого класса реального училища и с 15 лет начал трудиться (сапожником, затем рабочим завода цементных изделий, рассыльным в управлении Закавказских железных дорог). После смерти отца мальчик переехал с матерью на ее родину, в село Капустин Яр Астраханской губернии, где батрачил у кулаков, работал писарем в волостном правлении. Река Ахтуба недалеко от села была крупнейшей водной артерией, к которой мог привыкнуть мальчик. Тем не менее летом 1912 года он прочитал в газете объявление: «Кронштадтская школа юнг производит набор…» В сентябре 1912 года Юмашев поступил в Кронштадтскую школу юнг, начав восхождение к высотам морского мастерства с самого начала. Из 500 набранных только 120 человек стали юнгами, выдержав строгую дисциплину и тяготы службы. Среди них был и Иван Юмашев. Он служил на кораблях кочегаром, машинистом, электриком, затем пристрастился к артиллерии [437] . После обучения на учебно-артиллерийском отряде моряк стал на крейсере «Богатырь» старшиной первой башни [438] .

Юмашев участвовал в Первой мировой войне. К Февральской революции он – старшина 12-дюймовой башни одной из береговых батарей Балтийского флота. Матросы избрали его председателем революционного батарейного комитета. Но в сентябре Юмашев тяжело заболел и уехал в отпуск к матери. Жители Капустина Яра избрали его председателем сельсовета и комитета бедноты. В августе 1918 года моряк вступил в члены ВКП(б), позднее возглавлял отряд, боровшийся с бандитизмом. В феврале 1919 года он поступил в Нижне-Астраханский отряд Волжско-Каспийской флотилии, был комендором, старшим

комендором и командиром батареи, принимал участие в боях на Волге и Каспии [439] . Служил он на нефтеналивной шхуне, вооруженной 130-мм орудиями, которая помогала X-й армии оборонять Царицын, участвовал в боях и походах на Волге и Каспии [440] .

В Гражданскую войну, с февраля 1919 по август 1920 года, служил на боевых кораблях Астрахано-Каспийской, затем Волжско-Каспийской военной флотилии комендором, командиром батареи. В августе 1920 года военмора по путевке партии откомандировали на Балтийский флот, командиром батареи линкора «Петропавловск». До мая 1921 года моряк был командиром батареи. В марте 1921 года он участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. Мятежники арестовали его, как большевика и члена судового комитета. Однако, когда начался штурм Кронштадта, арестованные разоружили стражу и помогли наступавшим. После подавления мятежа Юмашев возвратился на линкор и вскоре был назначен вторым помощником командира. Пока подбирали командира линкора, Юмашев командовал кораблем, затем до 1924 года плавал на линкоре, переименованном с марта 1921 года в «Марат» [441] .

Знаний, разумеется, не хватало. В январе 1924 года Юмашев поступил в штурманские классы Специальных курсов усовершенствования командного состава. Слушателем в июле-ноябре он участвовал в переходе Архангельск – Владивосток на посыльном судне «Воровский». Это было его первое знакомство с Тихим океаном. В феврале 1925 года моряк окончил штурманский класс. В феврале-ноябре 1925 года Юмашев – штурман эсминца «Ленин», затем до июня 1926 года – помощник командира эсминца «Зиновьев». В июне 1926 – феврале 1927 года он – старпом командира крейсера «Профинтерн» Морских сил Балтийского моря. После этого военмора перевели на Черное море. В феврале 1927 – ноябре 1931 года моряк командовал эсминцем «Дзержинский», затем до января 1934 года командовал крейсером «Профинтерн», который к тому времени перешел на Черное море. В январе-марте 1932 года он прошел обучение на курсах командиров кораблей при Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. В январе 1934 – сентябре 1935 года Юмашев командовал дивизионом эсминцев, далее до августа 1937 года – бригадой крейсеров [442] .

Знания и командирские качества Юмашева отметил в 1934 году командующий Черноморским флотом, аттестовав его как «одного из лучших командиров по управлению кораблем» [443] .

С августа 1937 по январь 1938 года Юмашев был начальником штаба Черноморского флота, в декабре 1937 –

январе 1938 года исполнял также обязанности командующего флотом, а далее до марта 1939 года являлся командующим Черноморским флотом. С марта 1939 года он командовал Тихоокеанским флотом [444] .

Кандидатуру Юмашева предложил Н.Г. Кузнецов, когда его с поста командующего ТОФ перевели в Москву заместителем наркома ВМФ. Кузнецов мотивировал это тем, что хорошо знал Юмашева. А.А. Жданову он говорил: «На Тихом океане командующему предоставлена большая самостоятельность. Там нужен человек с опытом. У Юмашева такой опыт есть, а все остальные командующие – еще новички» [445] .

Вопрос о назначении решали в конце марта 1939 года, когда с будущим командующим и будущим членом Военного совета Тихоокеанского флота С.Е. Захаровым, бывшим работником ЦК ВЛКСМ, вели беседу в ЦК ВКП(б) [446] .

Уже в апреле флагмана 2-го ранга Юмашева представили активу Тихоокеанского флота. Прибыл он в сопровождении А.А. Жданова и Н.Г. Кузнецова, у которого принимал флот. Вскоре после вступления в должность командующий усиленно начал изучать залив Петра Великого, объехав его почти весь со старым тихоокеанцем В.А. Андреевым. Последнему он поручил командовать охраной водного района (ОВР). ОВР включал береговую оборону, морские охотники и тральщики [447] .

3 апреля 1939 года Юмашеву присвоили звание флагмана 1-го ранга, 4 июня 1940 года – вице-адмирала [448] .

В предвоенные годы энергичный командующий добивался повышения боеготовности флота. В первую очередь он изучил огромный, слабо освоенный театр, затем занялся его совершенствованием. И ранее тихоокеанцы были застрельщиками нового опыта. Теперь же в строй входили новые корабли. Требовались новые ремонтные заводы, порты, аэродромы, батареи и многое другое, без чего флот – не флот. Член Военного совета С.Е. Захаров, назначенный на Тихоокеанский флот вместе с Юмашевым, позднее отмечал, что командующий «всегда спокойный, неторопливый», был любим за простоту и сердечность, находил возможность выходить в море, беседовал с моряками и был внимателен к их нуждам.

После начала Великой Отечественной войны Тихоокеанский флот формально не воевал, но фактически постоянно оставался в напряжении. Япония могла в любой момент напасть. Об этом свидетельствовали повторявшиеся провокации.

Основной задачей Тихоокеанского флота являлась оборона побережья. Морякам следовало совместно с сухопутными войсками осуществлять противодесантную оборону, действовать

на неприятельских коммуникациях авиацией и подводными лодками, оборонять морские пути сообщения. На 2 тысячи миль побережья к началу войны флот располагал 2 лидерами, 12 эсминцами, 6 сторожевыми кораблями, 30 тральщиками, 46 катерами-тральщиками, 92 сторожевыми катерами, 91 подводной лодкой, примерно 150 торпедными катерами и пятью сотнями самолетов. Японский флот имел линейные корабли, авианосцы и многочисленную авиацию [449] . Так как флот Советского Союза на Тихом океане многократно уступал численно японскому, оставалось рассчитывать лишь на оборону.

Наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову потребовалось немало усилий, чтобы доказать необходимость постановки минных заграждений. Кузнецов писал:

«После моих настойчивых обращений разрешение, наконец, было получено. 12 июля 1941 года начались первые постановки мин в заливе Петра Великого, около Владивостока, а затем и возле других дальневосточных военно-морских баз. Корабли и суда оповестили об опасных для плавания районах. Чтобы на минные поля не зашли иностранные суда, в районе Владивостока организовали специальные корабельные дозоры.

С наступлением осенних штормов какую-то часть мин, как и следовало ожидать, сорвало с якорей. Господствующие в это время года северо-западные ветры унесли мины в открытое море.

Но у командования Тихоокеанского флота стало спокойнее на душе, когда перед каждой базой появилась оборудованная минно-артиллерийская позиция. Прибрежные воды систематически просматривались с самолетов, а специально выделенные корабли уничтожали обнаруженные плавающие мины. Безопасность торговых судов на подходах к базам обеспечивали военные лоцманы» [450] .

Итак, на подступах к важным портам выставили минные заграждения, в сочетании с артиллерией составившие прикрытие важных пунктов от десантов. Владивосток укрепляли и с суши. Тысячи жителей участвовали в постройке оборонительных сооружений, в городах соблюдали светомаскировку, готовясь к возможному нападению [451] .

Рассредоточивали корабли, самолеты, склады. Юмашев говорил: «Чтобы обеспечить устойчивую оборону, нужно возможно максимально зарываться в землю». Между командующими флотом и Дальневосточным фронтом были установлены отношения дружбы и взаимодействия [452] .

Учитывая значение военно-морских баз, тихоокеанцы уже 6 сентября 1941 года приняли эффективные меры по их обороне, пользуясь первым опытом обороны Таллина и Одессы. Учения

флота проходили в условиях, приближенных к боевым, за кромкой минных заграждений. В штабах изучали опыт действующих флотов и применяли его при боевой и политической подготовке [453] .

После начала войны Японии против США и их союзников опасность со стороны японского флота и Квантунской армии стала меньше. В этих условиях тихоокеанцы помогали действующим флотам и фронтам. Тихоокеанский флот служил резервом гигантскому фронту, протянувшемуся на западе. Еще в октябре 1941 года командующие фронтом и флотом были вызваны в Москву, где на вопрос И.В. Сталина, какую поддержку могут оказать фронту, обещали помощь всемерную. На фронт шли морские бригады. Свыше 140 тысяч моряков-тихоокеанцев воевало на советско-германском фронте. На Северный флот были отправлены лидер, 2 эсминца и 6 подводных лодок, на Черное море – 10 малых лодок с экипажами и 6 катеров-охотников; на те же флоты перебрасывали торпедные катера и самолеты [454] . При этом Юмашев знал, что нападение Японии не исключено и рассчитывать придется только на свои силы.

Переход подводных лодок Л-15, Л-16, С-51, С-54, С-56 из Петропавловска-Камчатского через Датч-Харбор, Сан-Франциско, Панаму, Галифакс (Канада) и Рейкьявик в Полярный с 25 сентября 1942 по июнь 1943 года явился наиболее длительным переходом советских подводных лодок. Каждая из лодок прошла более 17 тысяч миль и пробыла в море 2200 часов. За исключением торпедированной в пути Л-16, моряки тихоокеанских подводных лодок достигли цели и продемонстрировали умение и мужество в трудных условиях Заполярья, а Г.И. Щедрин и И.Ф. Кучеренко получили звание Героя Советского Союза [455] .

Через Владивосток шло значительное количество грузов из США для нужд фронта. Прибывали и новые корабли, в том числе десантные, которые осваивали тихоокеанцы. Затем моряки использовали новые корабли для защиты судов от мин и временами – для охранения конвоев. Осваивали и боевые корабли, поступавшие от промышленности. Командование держало флот в постоянной боевой готовности, хотя войны до августа 1945 года не было.

Вице-адмирала беспокоила оборона побережья, и он просил помощи средствами. Средств не было, пока шла война на западе. Однако нарком ВМФ старался, чтобы опыт действующих флотов становился достоянием тихоокеанцев [456] .

31 мая 1943 года И.С. Юмашева произвели в адмиралы [457] . Это явилось свидетельством понимания его роли в подготовке

Тихоокеанского флота в надвигающейся войне.

Тихоокеанский флот стал гигантским учебным отрядом, на котором готовили кадры для воюющих флотов. В частности, офицеров обучало Тихоокеанское высшее военно-морское училище; мирная обстановка позволяла на учебных кораблях предоставлять морскую практику будущим командирам флота [458] .

Опытные, знающие моряки требовались и на Тихом океане летом 1945 года, когда разрабатывали план войны против Японии.

Основанием для вступления в войну явились многочисленные провокации японцев и их союзников на границах СССР, а также захваты и потопления советских транспортных судов. В 1941–1944 годах японцы задержали 178 советских судов, свыше десятка было потоплено японскими или неопознанными судами. Япония являлась союзником Германии и Италии, которые были противниками антигитлеровской коалиции. Квантунская армия, в 1941 году по численности приближавшаяся к миллиону человек, в соответствии с существующими планами была готова вторгнуться в пределы СССР. Начиная войну с Японией, Советский Союз выполнял обязательства, которые брал на себя перед союзниками в соответствии с договоренностями на Крымской конференции в Ялте (февраль 1945 года) и Потсдамской конференции (июль 1945 года) [459] .

С 1945 года в боевой подготовке флот стал больше переходить от решения оборонительных к решению наступательных задач. В частности, готовилась к десантам усиленная численно морская пехота. Моряков морально готовили к необходимости разгрома Японии для завершения войны.

В соответствии с замыслом военных действий три фронта (1-й, 2-й Дальневосточные и Забайкальский) должны были нанести удар по силам Квантунской армии, расчленить и разгромить ее при поддержке Амурской флотилии. Флоту была поставлена задача, взаимодействуя с войсками, овладеть портами Северной Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов. Таким образом, морским силам следовало воспрепятствовать японскому флоту доставлять в эти порты подкрепления. Свою роль должны были сыграть морская авиация и подводные лодки. Северной Тихоокеанской флотилии следовало оборонять побережье Татарского пролива и Охотского моря, а Петропавловскому военному гарнизону – берега Камчатки. При благоприятном развитии действий предполагалось овладеть Южным Сахалином и Курильскими островами.

На Дальний Восток, кроме подкреплений, отправился нарком

ВМФ Н.Г. Кузнецов, которого Сталин послал для координации действий флота и армии [460] .

Адмирал Юмашев напряженно работал над планом операций. Руководство высадками десантов он взял на себя. Следовало десанты высаживать ранее, чем к портам подходили сухопутные войска. Для этого использовали быстроходные катера при поддержке авиации.

5 августа 1945 года была установлена разграничительная линия между советской и американской зонами боевых действий. В ночь на 8 августа Военный совет Тихоокеанского флота получил директиву Ставки: перейти на оперативную готовность № 1; приступить к постановке оборонительных минных заграждений; прекратить одиночное плавание транспортных судов, направив их в пункты сосредоточения; организовать движение конвоев; развернуть подводные лодки. Сроком начала операции было указано утро 9 августа [461] .

8 августа советское правительство объявило войну Японии, а боевые действия начались в ночь на 9 августа.

В составе ТОФ были 2 крейсера, лидер эсминцев, 12 эсминцев и миноносцев, 78 подводных лодок, 204 торпедных катера, десантные суда, тральщики и другие корабли, более 1500 самолетов. Хотя японцы располагали еще 500 кораблей и судов, возможностей ими действовать оказывалось немного из-за недостатка горючего и активной деятельности американской авианосной авиации. Однако не было исключено, что японский флот предпримет контрмеры. Тихоокеанский флот перевели на оперативную готовность № 1 на рассвете 8 августа. Торговые суда укрылись в указанных пунктах, была введена система конвоев [462] .

С 9 по 12 августа скрытно были выставлены минные заграждения на подступах к Владиостоку, бухтам Владимира и Ольги, Петропавловску, в Татарском проливе и Сахалинском заливе, всего 1788 мин и 170 минных защитников. Было по мобилизационным планам развернуто 12 подводных лодок, перебазировалась авиация, суда до 10 августа получили извещения и укрылись в портах [463] .

После начала успешного наступления советских войск против Квантунской армии Юмашев по согласованию с Маршалом Советского Союза А.М. Василевским организовал захват северокорейских портов Юки, Расин и Сейсин, чтобы помешать японцам перебрасывать подкрепления и эвакуировать свои войска. Войска 1-го Дальневосточного фронта в ночь на 9 августа развернули наступление вдоль берега Северной Кореи при поддержке Тихоокеанского флота.

Первыми массированные атаки на порты Юки, Расин и Сейсин 9 и 10 августа производили пикирующие бомбардировщики и штурмовики, а также торпедные катера, истребившие в портах десятки судов. 11 августа сложилась обстановка, удобная для высадки в двух первых портах. В ночь на 12 августа разведывательный отряд флота был высажен в Юки с торпедных катеров и обнаружил, что японский гарнизон оставил город. Вскоре десантный отряд высадился в Расине, также оставленном противником. Оба десанта осуществляли с быстроходных катеров, которые поддерживали артиллерией сторожевые корабли, тральщики и катера. В Юки было решено перевести 13 торпедных катеров, организовать оборону и траление, в Расине пришлось выбивать 14 августа японцев с островов у входа в залив.

Трудности для советских моряков составили поставленные перед Гензаном, Сейсином и Расином авиацией США с 12 июля до 11 августа донные неконтактные мины. Несмотря на то что фарватеры бомбили глубинными бомбами торпедные катера, на минах подрывались суда, и пришлось отказаться от Расина как маневренной базы. Так как обстановка в ходе решительного наступления изменялась быстро, приходилось принимать импровизированные решения. Успешное продвижение войск через Юки и Расин создало предпосылки дальнейшего наступления. В частности, решения о десанте в Сейсин, Оденцин и Гензан было принято уже в ходе боевых действий.

Командующий после взятия Расина решил овладеть Сейсином, важным портом в Корее, сильной военно-морской базой. С другой стороны, японцы понимали его значение и собирались удерживать до последней возможности, что привело к серьезным боям. Когда стало известно о взятии Юки и отходе японских войск к северу, Юмашев решил ускорить подготовку высадки в Сейсин, начатую 11 августа в надежде, что противник ослабит и его оборону. Первоначально следовало высадить прямо в порт разведотряд флота, чтобы выяснить систему обороны Сейсина. Отряду следовало удерживать порт до прибытия главных сил – отдельный батальон и отдельная 13-я бригада морской пехоты. Им следовало занять город и удерживать до подхода войск 25-й армии. Отряд кораблей составили минный заградитель «Аргунь», миноносец, 6 фрегатов, 7 тральщиков, 6 сторожевых, 18 торпедных катеров, 12 десантных судов, 7 транспортов при поддержке 261 самолета [464] .

Несмотря на туман в районе Сейсина, 4 торпедных катера с радиолокаторами 12 августа установили, что кораблей в Сейсине не было. Утром 13 августа под обстрелом неприятельских батарей

торпедные катера без потерь высадили десант, который провел доразведку Сейсина. Первоначально с целью разведки высадили разведывательный отряд и роту автоматчиков. Так как японцы изобразили слабость сил, желая отвести десантников от берега и уничтожить, днем 13 августа с кораблей в порт был высажен 355-й отдельный батальон морской пехоты с пулеметной ротой. Этим передовым отрядам и пришлось принять бой при поддержке артиллерии кораблей с многочисленным гарнизоном, достигавшим 4 тысяч. Эти войска в ночь на 15 августа выдержали 14 неприятельских атак.

Тем временем на трех группах судов к Сейсину подошли главные силы – 13-я отдельная бригада морской пехоты. Ее войска прибыли в ночь на 15 августа и за час высадились на причалы порта. При поддержке корабельной артиллерии, а после улучшения погоды – и авиации десантники все же 15 августа не смогли прорвать позиции противника. Лишь после прибытия полевой артиллерии они перешли в наступление по всему фронту, а к вечеру 16 мая в город вошли части фронта, продолжившие преследование отступавших японцев [465] .

16 августа Сейсин заняли десантники и 335-я стрелковая дивизия. Назначенный командующим Южным морским районом генерал-лейтенант С.И. Кабанов организовал оборону захваченных портов, чтобы в них могли базироваться советские корабли.

Юмашев наблюдал за событиями. Когда стало известно о появлении в море японского соединения из линкора и 4 эсминцев юго-восточнее Сейсина, командующий не прерывал десантную операцию, однако принял необходимые меры. Подводные лодки получили предупреждение, авиации следовало усилить разведку. В готовность приводили торпедные катера, торпедоносную и бомбардировочную авиацию, выслали в море дополнительно подводные лодки. Юмашев провел бессонную ночь. К счастью, темнота ночи и туман не позволили японской эскадре найти суда с десантом, удар неприятельской авиации не увенчался успехом. Морская пехота высадилась в Сейсине, и порт был взят [466] .

Генералу Кабанову, основавшему свой штаб в Сейсине, довелось организовать высадку десантов в Оденцине и Гензане. 19 августа десантники взяли без боя Оденцин, оставленный неприятельскими войсками. Так как в соответствии с приказом о безоговорочной капитуляции японские войска начали 19 августа сдаваться, было решено высадить в сильно укрепленную военно-морскую базу Гензан с гарнизоном до 6 тысяч человек небольшой десант из подразделений 13-й отдельной бригады морской пехоты с усилением. Высадку проводили на боевых кораблях без

специальной подготовки. Десант вышел из Сейсина и днем 21 августа высадился в порту. Японское командование в Гензане не торопилось сдаваться перед малочисленными советскими моряками. Сдача гарнизона началась только утром 22 августа. К вечеру, после высадки воздушного десанта на аэродром, капитуляция завершилась. Были взяты значительные трофеи [467] .

На заключительном этапе Маньчжурской наступательной операции были высажены воздушные десанты в Дальний и Порт-Артур, в которых участвовали и моряки. 22 августа над Порт-Артуром появился советский Военно-морской флаг.

В середине августа, когда Н.Г. Кузнецов прибыл на флагманский командный пункт Тихоокеанского флота под Владивостоком, он узнал о взятии Сейсина и ознакомился с планом крупного десанта в Гензане, тогда как Северная Тихоокеанская флотилия начинала боевые действия за освобождение Южного Сахалина и Курильских островов [468] .

Вечером 10 августа поступил приказ командующему 16-й армией наутро перейти в наступление в сторону Южного Сахалина. Наступать предстояло вдоль реки Поронай, по долине, окруженной горами, против 20-тысячной группировки неприятеля. Так как движение войск было связано этим дефиле, им следовало высадкой десантов помочь овладеть портами Отомари (Корсаков), Маока (Холмск) и Эсутору (Углегорск). По плану после подготовки 56-му стрелковому корпусу с 16 по 18 августа следовало перейти в наступление и преодолеть первую линию обороны японцев на Сахалине, тогда как Северной Тихоокеанской флотилии следовало высадить десант в Эсутору. В ходе прорыва второй линии обороны с 19–25 августа предстоял десант в порт Маока. За 15 суток наступающим предстояло пройти 450 километров. С 11 по 16 августа наступление на суше началось и завершилось пленением японского гарнизона Котонского укрепленного района. Этому способствовали действия моряков.

Из-за туманов и низкой облачности штаб флотилии не смог разведать оборону противника в Эсутору, и было решено высадить десант в небольшой порт Торо (Шахтерск). Войска высадки составили 365-й отдельный батальон морской пехоты и батальон 113-й стрелковой бригады, сведенные в разведывательный отряд, второй и третий эшелоны, которые следовало доставить на четырех десантных отрядах и отряде поддержки. План высадки предусматривал последовательную высадку в зависимости от сведений об обстановке. Передовые подразделения высаживались с боевых кораблей при поддержке

их артиллерии прямо на причалы порта. Общее руководство десантом проводил вице-адмирал В.А. Андреев, командующий флотилией, хорошо знавший Тихоокеанский театр и владевший опытом десантов на Черном море [469] .

10 августа адмирал Юмашев поставил Северной Тихоокеанской флотилии задачу овладеть портами Южного Сахалина; высаженные десанты способствовали освобождению острова. В ночь на 15 августа главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А.М. Василевский приказал командующему Тихоокеанским флотом и командующему 2-м Дальневосточным фронтом овладеть Шумшу, Парамуширом и другими Курильскими островами. Подготовленная всего за сутки, операция явилась примером совместных действий армии, авиации и флота [470] .

Военный совет Тихоокеанского флота, оставив за собой общее руководство, поручил проведение операции командующему войсками Камчатского оборонительного района генерал-майору А.Р. Гнечко и командиру Петропавловской военно-морской базы капитану 1-го ранга Д.Н. Пономареву. Следовало внезапной высадкой в северо-восточной части Шумшу нанести удар в направлении японской базы Катаока, овладеть островом и с него, как с плацдарма, позднее взять острова Парамушир и Онекотан.

На Сахалине советские войска 25 августа заняли центральный город Тоёхара, а морской десант овладел военно-морской базой Отомари. Курильская десантная операция завершилась взятием островов Большой и Малой Курильской гряды 1 сентября. А 2 сентября на линейном корабле «Миссури» был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Японии.

Существенный вклад в проведение всех этих операций внес И.С. Юмашев. За заслуги он 14 сентября 1945 года был удостоен звания Героя Советского Союза [471] .

Н.Г. Кузнецов в книге «Курсом к победе» следующим образом отзывался о Юмашеве периода войны с Японией:

«Командующего Тихоокеанским флотом адмирала И.С. Юмашева я знал давно. На Черном море, когда я служил на крейсерах, И.С. Юмашев командовал эсминцем, а затем дивизионом миноносцев. Под его командованием мне довелось служить в 1935–1936 годах, когда он возглавлял бригаду крейсеров.

На редкость спокойный, отлично знающий свое дело моряк, Юмашев в 1937 году был назначен командующим Черноморским флотом. А в марте 1939 года, когда встал вопрос о назначении опытного моряка на Тихоокеанский флот, я без колебаний назвал именно его. Мы вместе с ним направились тогда во Владивосток.

В течение недели я знакомил его с флотом. Я был спокоен: лучшего командующего трудно желать.

К началу войны с японцами И.С. Юмашев уже отлично изучил этот огромный морской театр. Сейчас он превосходно руководил боевыми действиями флота» [472] .

Последнее интервью журналу «Морской сборник» о действиях Тихоокеанского флота и флотилий против Японии отставной адмирал дал незадолго до того, как заболел и умер. Он отмечал, что десанты играли значительную роль в наступательных операциях и проводились успешно благодаря взаимодействию моряков с армией и авиацией, использованию впервые в Советском флоте специальных десантных судов, умению и высокому боевому духу тихоокеанцев [473] .

В послевоенные годы потребовалось немало усилий, чтобы вытралить мины, продолжать пополнение флота и оборудование театра, обучение моряков. Очевидно, деятельность адмирала оценили высоко. 17 января 1947 года постановлением Совета министров СССР Юмашева назначили главнокомандующим Военно-морскими силами, а 26 февраля 1950 года указом Президиума Верховного Совета СССР – военно-морским министром [474] . Пост этот он занимал до 20 июля 1951 года [475] .

Постановлением Совета министров СССР Юмашев был освобожден от должности в связи с тем, что «не принимал достаточного участия в решении крупных вопросов строительства флота, не привлекал в должной мере к решению этих вопросов начальников соответствующих управлений и своих заместителей» [476] .

Н.Г. Кузнецов, сменивший Юмашева в должности, вспоминал, что Сталин, недовольный адмиралом, на заседании Политбюро отметил лишь, что Юмашев пьет. Любопытно, что за 4 года руководства флотом Юмашев почти ничего не изменил в кабинете военно-морского министра; это заметил Кузнецов, когда в кабинет вернулся [477] .

С 10 августа 1951 года до отставки, которая последовала 4 января 1957 года, И.С. Юмашев – начальник Военно-морской академии; скончался он после непродолжительной болезни 2 сентября 1972 года в Ленинграде [478] .

В 1976 году в книге «Освободительная миссия на Востоке» вышла статья И.С. Юмашева «Тихоокеанский флот в боях за Родину».

За службу И.С. Юмашева удостоили звания Героя Советского Союза, 6 орденов Ленина (1943, 3 – 1945, 1955, 1965), 3 орденов Красного Знамени (1938, 1944, 1948), ордена Красной Звезды

(1935), многих медалей, именного оружия, американского ордена «Легион достойных» [479] .

Адмирал В.А. Андреев так охарактеризовал флагмана: «Командующий флотом Иван Степанович Юмашев был человеком примечательным. Умом остер, волею крепок.

Вышел из юнг и всего добился упорным трудом. Своей энергией, знаниями, опытом морской службы, внимательным отношением к людям и спокойной требовательностью Иван Степанович быстро завоевал авторитет и уважение» [480] .

Похоронен Иван Степанович на Коммунистической площадке Серафимовского кладбища в Ленинграде. Но в истории Юмашев связан с Краснознаменным Тихоокеанским флотом. Его именем назван большой противолодочный корабль «Адмирал Юмашев».

КОМАНДУЮЩИЕ ФЛОТИЛИЯМИ

АБАНЬКИН ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ Командующий Онежской и Амурской флотилиями

П.С. Абанькин начинал учебу в учебных заведениях для моряков мирного флота, однако стал моряком флота военного, командовал двумя флотилиями и стал начальником Гидрографического управления ВМС.

Родился Павел Абанькин 5 (18) сентября 1902 года в селе Почково, ныне Сасовского района Рязанской области. В сентябре 1918 – апреле 1919 года он окончил Мореходное училище. В годы Гражданской войны юноша воевал в составе Азовской военной флотилии машинистом вспомогательного судна. Кончилась война, и Павел в августе 1920 – апреле 1921 года учился в политехникуме водного транспорта. После окончания политехникума его направили в Ямальскую полярную экспедицию. С мая 1922 по октябрь 1923 года он сменил несколько работ. На Ямале сначала служил мотористом, затем – заместителем комиссара Ямальской полярной экспедиции. После ликвидации экспедиции по решению Сиббюро РКП (б) моряка назначили управляющим кооперативом в Новосибирске. Но в Сибири он оставался недолго и переехал на юг. Абанькин был помощником багермейстера землесоса Азовского пароходства, затем служил в аппарате Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б). Осенью 1923 года его приняли в Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе. Окончил моряк училище в октябре 1927 года. До января он был стажером командира взвода Машинной школы, затем – помощником вахтенного командира линейного корабля «Октябрьская революция» Морских сил Балтийского моря. В октябре 1928 – мае 1929 года Абанькин прошел также курсы воздушного боя при 3-й школе летчиков и летнабов (летчиков-наблюдателей) в Ораниенбауме. В марте-октябре 1928 года он одновременно являлся стажером летнаба и временно исполнявшим должность начальника штаба, а затем, с мая 1929 по декабрь 1930 года, являлся старшим летнабом и начальником штаба 51-го отдельного авиаотряда в Ораниенбауме. И далее моряк оставался при морской авиации. С декабря 1930 по декабрь 1932 года он был начальником штаба авиаэскадрильи 4-й авиабригады, а затем до декабря 1933 года – начальником штаба авиаэскадрильи 2-й авиабригады Морских сил Балтийского моря.

В декабре 1933 года Абанькин поступил на командный

факультет Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. После окончания академии в мае 1937 года его назначили военкомом Военно-морского авиационного училища имени Сталина в Ейске. До июня 1939 года моряк занимал эту должность; он являлся слушателем Военно-политических курсов в Москве, но не окончил их и был возвращен к прежнему месту службы. В июне 1939 – апреле 1940 года Абанькин состоял членом Военного совета Тихоокеанского флота, в апреле-июле 1940 года – членом Военного совета Амурской Краснознаменной флотилии. С июля 1940 года он стал командующим флотилией [481] .

Амурской флотилией Абанькин командовал с 22 июля 1940 по 29 июня 1943 года. Сменил он на посту командующего А.Г. Головко, которого перевели командовать Северным флотом [482] . 21 мая 1941 года Абанькина произвели в контр-адмиралы [483] .

Первые годы Великой Отечественной войны моряк провел на Амуре. Вся страна помогала фронту. Не оказались в стороне и амурцы. В первые же дни войны поступили заявления от тысяч моряков с просьбой отправить на фронт [484] . За три дня был сформирован первый батальон из добровольцев. На митинге перед отправкой Абанькин дал наказ морякам. 22 октября батальон выехал на запад и вошел в состав 84-й морской стрелковой бригады, которая получила крещение в битве под Москвой [485] .

Это был не последний случай, что моряков-амурцев направляли на фронт или действующие флоты.

Флотилия непосредственно не воевала. Однако Япония могла вступить в войну на стороне Германии. Такая опасность действительно существовала. Японское командование ожидало, когда советские войска будут переброшены на запад и можно будет без особых потерь овладеть Дальним Востоком. Но японцы так и не дождались момента, когда дальневосточные рубежи окажутся беззащитными. В этом свою роль сыграли и моряки Амурской флотилии.

Амурцы должны были во взаимодействии с сухопутными войсками защитить государственную границу по берегам рек Амур, Аргунь, Уссури и озеру Ханка протяженостью до 4 тысяч километров. Чтобы обеспечить оборону этих рубежей, уже с начала июля начали строить мощные оборонительные рубежи вокруг главной базы флотилии – Хабаровска и других приморских баз и опорных пунктов. Моряки упорно учились действовать совместно с сухопутными войсками преимущественно в обороне. Учения проводили в условиях, приближенных к боевым. Так как многие моряки выехали на фронт, оставшиеся осваивали по две-

три смежных специальности, что обеспечивало взаимозаменяемость в бою. Зимой же, когда корабли вмерзали в лед, моряки учились действовать на суше. Приходилось изучать новые корабли, которые флотилия получала от промышленности [486] . Моряки анализировали опыт действующих флотов и флотилий.

Когда японцы поняли, что вторжение на территорию Советского Союза может дорого им обойтись, а германские войска увязли под Москвой, они предпочли вступить в войну с США за источники сырья на юге Тихого океана. Однако и в этом случае существовала постоянная опасность нападения миллионной Квантунской армии, сосредоточенной в Маньчжурии.

При таких обстоятельствах П.С. Абанькин командовал флотилией два года и сдал ее Ф.С. Октябрьскому, которого на время перевели с поста командующего Черноморским флотом. Июнь-август 1943 года контр-адмирал оставался в распоряжении Наркомата ВМФ, а затем его назначили командующим Онежской военной флотилией [487] . Флотилию флагман принял у временного командующего Н.В. Антонова, начальника штаба. Предшествующего командующего, капитана 1-го ранга А.П. Дьяконова, назначили начальником отделения исторического отдела Главного морского штаба.

Командующим Онежской военной флотилией Абанькин состоял с 11 августа 1943 по 25 января 1944 года [488] . Корабли флотилии поддерживали боевые действия 7-й и 32-й армий Карельского фронта, обеспечивали перевозки по Онежскому озеру, вели борьбу с авиацией противника. В период командования Абанькина (1943) на флотилии впервые применили залповый огонь реактивными снарядами по переднему краю противника.

22 августа 1943 года флотилия осуществила огнем поддержку прорыва сухопутными войсками вражеской обороны в районе Важерокса. К началу операции первая группа кораблей незаметно заняла позицию в Онежском обводном канале. На одной из канлодок находился командующий флотилией контр-адмирал П.С. Абанькин. Он не стал вмешиваться в подготовку и ход операции и оставил ее на начальника штаба Н.В. Антонова [489] .

Главные силы, скрытно сосредоточенные в Онежском обводном канале, огнем поддерживали наступление, тогда как прорвавшиеся в Онежское озеро шесть торпедных катеров с реактивными установками должны были ошеломить противника и отвлечь его внимание от места прорыва. Перед началом

операции моряки наладили взаимодействие с сухопутными войсками, провели разведку района действий, оборудовали створы, по которым катера должны были направлять свои удары. Тщательно спланированная и подготовленная штабом операция прошла успешно. Рано утром 22 августа 6 торпедных катеров вышли на озеро и по створам дали залпы по позициям противника. Их огонь послужил сигналом для кораблей из обводного канала и сухопутной артиллерии. Операция войск завершилась также успешно. Захваченные пленные на допросе сообщили, что удар «катюшами» со стороны озера оказал ошеломляющее воздействие [490] .

В августе усилились неприятельские перевозки по озеру. В сентябре-октябре корабли флотилии не раз нападали на коммуникации и опорные пункты противника, провели более 20 успешных боев с неприятелем. Так как противник не рисковал нападать на советские суда, флотилия провела около 240 конвоев, более 800 судов с войсками и грузами [491] .

Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов писал позднее: «Абанькин был на флотилии недолго, но оставил заметный след в организации боевой и повседневной службы, в методической и тактической подготовке командиров соединений и кораблей, укрепив основы дальнейших успехов флотилии» [492] .

Осенью 1943 года флотилия уходила с Онежского озера по частям. Большая часть кораблей направилась на зимовку в начале октября; остававшиеся на озере корабли маскировали уход флотилии. Моряки высаживали демонстративные десанты, посты и береговые радиостанции вели оживленные радиопереговоры. Похолодание во второй половине октября заставило поторопиться с выводом оставшихся судов [493] .

В конце 1943 года контр-адмирал сдал флотилию Н.В. Антонову. В январе-марте 1944 года Абанькин находился в распоряжении Наркомата ВМФ. До сентября 1944 года он командовал вновь Амурской Краснознаменной флотилией. 21 июля 1944 года моряка произвели в вице-адмиралы [494] .

В этот период, как и ранее, Краснознаменная Амурская флотилия готовилась к обороне дальневосточных рубежей страны. Пришлось в первую очередь заниматься боевой подготовкой и находиться в готовности отразить неожиданное нападение. О возможности такового свидетельствовали провокации японской военщины.

С сентября 1944 года моряк – начальник Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова; одновременно он исполнял обязанности главного редактора журнала «Морской сборник». С апреля 1945 по март 1946 года П.С. Абанькин – заместитель

наркома ВМФ, затем до февраля 1947 года – заместитель главнокомандующего ВМС по кадрам. С февраля 1947 по март 1950 года вице-адмирал состоял заместителем главкома ВМС по кораблестроению, а затем до апреля 1952 года – заместителем военно-морского министра по кораблестроению и вооружению. 27 января 1951 года его произвели в адмиралы. В этот период, с декабря 1947 по февраль 1948 года, Абанькин являлся членом суда чести над группой адмиралов [495] .

Н.Г. Кузнецова, Л.М. Галлера, В.А. Алафузова и Г.А. Степанова на основании доноса капитана 1-го ранга В.А. Алферова обвинили в передаче союзникам чертежей секретного вооружения. После проведения допросов адмиралов было решено предать их суду чести. Очевидно, следователи выполняли заказ свыше, ибо Сталин был недоволен независимостью Н.Г. Кузнецова. Под давлением эксперты поддержали обвинение, и 19 декабря Сталин подписал постановление Совета министров СССР о придании адмиралов суду чести. Состав суда назначили приказом министра Вооруженных сил Н.А. Булганина. Очевидно, члены суда имели твердую установку добиться установления виновности адмиралов и старались выполнить эту задачу. Биограф Галлера отмечал: Абанькин пытался доказать, что адмирал недооценивал такое великолепное оружие, как торпеда высотного бомбометания. Ни он, ни другие члены суда не хотели (скорее боялись) учесть, что уже в ходе войны секретность этого оружия была утрачена. Суд чести принял решение предать адмиралов суду Военной коллегии Верховного суда СССР. Высшее командование не вступилось за заслуженных флагманов. Абанькин в аттестации на Л.М. Галлера указал, что тот «в руководстве с подчиненными не имеет твердости, там, где, нужно требовать, приказать или даже наказать, допускает уговоры» и «являясь односторонним специалистом, мало уделял внимания своему политическому образованию» [496] . Видимо, адмирал не смог (или не захотел) предложить более серьезные причины для обвинения. На основании ложных обвинений и аттестаций преданные суду адмиралы получили серьезные наказания.

С апреля 1952 по июнь 1958 года адмирал являлся начальником Гидрографического управления ВМС, которое в 1953 году переименовали в Гидрографическую службу ВМФ. В 1957 году «Географический сборник» опубликовал в номере 12 статью П.С. Абанькина «Ю.М. Шокальский и гидрография». В 1958–1960 годах Абанькин являлся военным консультантом группы генеральных инспекторов МО СССР. С сентября 1960 года моряк находился в отставке. Он был награжден 2 орденами Ленина (1943, 1944), 2 орденами Красного Знамени (1944, 1953), орденом Ушакова I

степени (1945), медалями, югославским орденом «Братство и единство» I степени. Скончался П.С. Абанькин 14 августа 1965 года в Ленинграде. Похоронили его на Серафимовском кладбище [497] .

АБРАМОВ НИКОЛАЙ ОСИПОВИЧ Командующий Дунайской флотилией

Начав службу матросом, Н.О. Абрамов стал контр-адмиралом. Под его командованием Дунайская флотилия в начале Великой Отечественной войны не только оборонялась, сдерживая противника, но и высаживала десант на неприятельскую территорию.

Николай Абрамов родился 1(13) декабря 1897 года на руднике Язяш ныне Аргаяшского района Челябинской области. В 1916 году Абрамова призвали на военную службу. Он был матросом Балтийского флотского экипажа, машинистом эскадренного миноносца «Капитан 1-го ранга Миклухо-Маклай». С 1917 года юноша состоял в партии большевиков. В годы Гражданской войны Абрамов воевал на Восточном фронте бойцом, а в 1919 году после окончания пехотных курсов комсостава – командиром взвода. С октября 1919 до декабря 1920 года он был уволен по болезни, после чего поступил в распоряжение штаба Морских сил Северного моря. В 1921 году моряк окончил Совпартшколу в Екатеринбурге. С декабря 1921 по апрель 1922 года Абрамов был командиром и политруком охраны побережья Северного грузового района. В мае 1922 – июне 1924 года он окончил Военно-морское политическое училище имени Рошаля. С августа 1924 по октябрь 1925 года Абрамов являлся военкомом канонерской лодки «Беднота» Азовской военной флотилии. Очевидно, он продемонстрировал качества моряка, ибо его направили учиться дальше. В 1925–1928 годах Абрамов окончил параллельные курсы при Военно-морском училище имени М.В. Фрунзе. С сентября 1928 по октябрь 1929 года Абрамов был помощником командира канонерской лодки «Красный Аджаристан», затем до октября 1930 года командовал канлодкой «Советская Грузия». В 1930–1933 годах он окончил военно-морской факультет Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова и с июня 1933 по апрель 1934 года являлся старшим помощником крейсера «Червона Украина». Далее до января 1936 года моряк служил начальником штаба дивизиона канонерских лодок. С января 1936 по июль 1938 года он состоял командиром эсминца «Шаумян», в июле-декабре 1938 года – командиром лидера «Харьков». В декабре 1936 – марте 1937 года Абрамов окончил курсы командиров миноносцев. В декабре 1937 – декабре

1938 года он состоял советником при командире соединения эсминцев республиканского флота Испании, в 1939 году был награжден орденом Красного Знамени. В декабре 1938 – апреле 1939 года Абрамов был начальником группы для особых поручений при Военном совете Черноморского флота, далее являлся заместителем начальника штаба Черноморского флота. В феврале-июле 1940 года он командовал Днепровской военной флотилией, а после ее расформирования стал командующим Дунайской военной флотилией. 4 июня 1940 года его произвели в контр-адмиралы. В должности командующего флотилией флагман вступил в Великую Отечественную войну [498] .

В июне 1940 года капитан 1-го ранга Абрамов с большей частью Днепровской флотилии стоял в Одессе, готовясь двинуться на Дунай. Принимая начальника штаба флотилии В.В. Григорьева, моряк был немногословен. Он поставил задачу штабу подготовить соображения, как оборонять границу, и не собирался опекать подчиненного [499] .

Еще с 18 по 21 июня командование Дунайской флотилии провело учения и отработало скрытное сосредоточение групп кораблей на опасных участках. После учений корабли расположили в Рени, Кислицкой протоке (Измаильская группа) и Килии Новой. К началу войны флотилия была в повышенной боевой готовности [500] .

Ночью на 22 июля поступила телеграмма командования Черноморского флота с приказом перейти на оперативную готовность № 1. Флотилия вскоре была готова к боевым действиям. Командующий со штабом перешел в подземный флагманский командный пункт. Уже через 5 минут после того, как в 4.15 противник начал обстрел, Абрамов принял решение открыть ответный огонь. Решение было рискованным, так как не было уверенности, что война началась. Только в 5.00, получив одобрение из Севастополя, командующий мог вздохнуть свободнее. Он послал начальника штаба В.В. Григорьева, чтобы выяснить обстановку. Тот увидел повреждения порта Измаил и был убежден, что необходимо высадить десант на мыс Сату-Ноу, чтобы освободить Измаил от обстрела с этого мыса. Абрамов был согласен с ним [501] .

К началу войны Дунайская флотилия, входившая в состав Черноморского флота, включала дивизион мониторов (5 единиц), дивизион бронекатеров (22 единицы), дивизион катеров-тральщиков (7 единиц), отряд глиссеров, группу вспомогательных судов, отдельную авиаэскадрилью, зенитные и береговые артиллерийские батареи, стрелковую и пулеметную роту. С началом войны в подчинение командующему флотилией

поступал 4-й Черноморский пограничный отряд судов НКВД (4 сторожевых катера МО и несколько других). Корабли флотилии базировались на порты левого берега Дуная. Главной базой являлся Измаил. Он, как и Рени, Килия, Вилково, находился на виду наблюдателей с другого берега. Противник (Румыния), кроме авиации и сухопутных войск, располагал на Дунае речной дивизией, которая включала 7 мониторов, 3 плавучие батареи, 13 сторожевых катеров. Несмотря на то что румынская Дунайская речная дивизия по весу залпа вдвое превосходила Дунайскую флотилию, а германская и румынская авиация была значительно сильнее, перед флотилией поставили важные задачи. Морякам следовало не пропустить неприятельские корабли ниже Рени, не позволить противнику переправиться от Галаца до устья реки и с сухопутными войсками отразить удар румын на Джуржулешты. Для этого и были сформированы Ренийская, Измаильская и Килийская группы [502] .

Флотилия состояла в оперативном подчинении Одесскому военному округу и установила тесные связи с 14-м стрелковым корпусом, который занимал берег Дуная. Так как основные удары неприятельские войска наносили на Киев и Кишинев, на участке от Прута до Черного моря ранее 26 июня значительного натиска не было [503] . Флотилия могла действовать относительно спокойно. Правда, пришлось вывести корабли из порта Рени, который простреливали с другого берега. Однако в течение дня ответным огнем удалось заставить неприятельскую артиллерию замолчать, а попытки противника форсировать реку были отбиты [504] .

С началом боевых действий командование Одесского военного округа предписало Дунайской флотилии наносить удары по румынским кораблям, не позволять противнику форсировать Дунай от Прута до Черного моря и поддерживать 14-й стрелковый корпус. Абрамов решил распределить корабли таким образом, чтобы обеспечить помощь войскам корпуса, занимавшего по фронту 120 километров. Сам он расположился на флагманском командном пункте в Измаиле, связанном с группами кораблей, и выслал офицера связи в штаб 14-го стрелкового корпуса [505] .

Командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский одобрил распределение сил флотилии, но предписал действовать решительно против румынских кораблей в Тульче и Галаце, ибо до того были совершены лишь разрозненные авиационные налеты на Тульчу. Он выделил для поддержки две эскадрильи бомбардировщиков. 23 июня, после запроса наркома обороны Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, что сделано для

предотвращения прорыва неприятельских кораблей по Дунаю, Абрамов принял решение ставить мины у Тульчи, Галаца и высадить десанты на правый берег Килийского гирла [506] .

Утром 24 июня 4 бронекатера поставили 24 мины между Рени и Галацем. Мин было мало, чтобы реально преградить фарватер, и постановку осуществили как демонстративную [507] .

Неприятель пробовал проявить активность. Вечером 24 июня со стороны Галаца появилась колонна мониторов противника. По заранее предусмотренному сигналу румынскую флотилию обстреляла береговая артиллерия, провели штурмовку истребители флотилии. Мониторы не получили серьезных повреждений, однако, не доходя минного заграждения, повернули назад. Скорее всего, неприятельские корабли не решились форсировать заграждение, постановку которого советские моряки сделали заметной [508] .

Так как Измаил оставался под обстрелом неприятельской артиллерии, командующий решил высадить десанты на правый берег. Утром 25 июня после артподготовки высаженная рота морпогранотряда захватила мыс Сату-Ноу, где располагалась неприятельская береговая батарея. В ночь на 26 июня Дунайская флотилия высадила 23-й полк 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, который овладел Килией Старой. Оба берега Килийского гирла оказались в руках советских войск, что позволяло Измаильской группе свободно маневрировать и поддерживать другие группы [509] .

Под Тульчей в ночь на 27 июня 4 бронекатера поставили 8 мин; большего они не добились, попав под обстрел румынских мониторов [510] .

27 июня румынские войска попробовали форсировать Прут у Джурджулешты, были отражены огнем корабельной и береговой артиллерии. Только 29 июня, когда неприятель стал стягивать к Рени артиллерию, Абрамов приказал Ренийской группе уходить в озеро Кагул. Перед уходом катера поставили минное заграждение на фарватере Ренийского плеса [511] .

Итак, в начале войны флотилия совместно с сухопутными войсками удерживала государственную границу и вела контрбатарейную борьбу с румынской артиллерией. Более того. Только на Дунае советские войска при поддержке флотилии пробовали перейти в наступление и высаживали десант на стороне противника. Однако общий отход по всему фронту заставил отступать и левый фланг.

С 1 по 8 июля мониторы с озера Кагул помогли войскам 14-го стрелкового корпуса отразить три попытки противника

форсировать Дунай у села Картал. Только 8 июля ввиду угрозы обхода правого фланга корпуса румынскими войсками командующий Дунайской флотилией приказал вывести Ренийскую группу в Измаил. Ночью 9 июля корабли группы, несмотря на обстрел из Исакчи и Тульчи, прорвались в Измаил без потерь и повреждений. Измаильская и Килийская группы кораблей 26–30 июня при поддержке авиации флота помогали войскам срывать неоднократные попытки противника переправиться через Дунай ниже Исакчи. Однако, когда немецко-румынские войска форсировали в начале июля Прут, сухопутное командование перебросило большую часть 14-го стрелкового корпуса, чтобы остановить наступление врага. На Дунае сухопутных войск осталось мало, и флотилия местами взяла оборону на себя, выделив корабли в Вилковскую группу [512] .

В ночь на 11 июля командование флотилии организовало высадку десанта в районе Периправы, но неудачно. Один из двух бронекатеров с десантниками сел на мель; оба бронекатера с большинством бойцов были потоплены у вражеского берега артиллерией. Только после того мониторы подавили неприятельские огневые точки [513] .

Неприятель с 9 по 19 июля активизировал действия против Измаила, Килии Старой, Вилково, Жебриян: проводил артобстрел, пытался осуществить переправы. Румынские мониторы 13 июля обстреливали Измаил. Но после 14 июля, когда по указанию корректировщиков береговые батареи нанесли повреждения одному из румынских мониторов, корабли Румынской речной дивизии не выходили для обстрела Измаила, пока советские войска не оставили реку.

До 18 июля флотилия вместе с частями 14-го корпуса удерживала фронт на Дунае. Однако неприятель все более охватывал правый фланг войск, угрожая отрезать их. Поэтому 18 июля командир корпуса приказал флотилии обеспечить отход войск. Следовало вывезти отряды с правого берега, островов и поставить минные заграждения, после чего кораблям предстояло уходить в Одессу. Абрамов поручил Измаильской группе из 2 мониторов и 7 катеров эвакуировать войска, высаженные ранее как десантные, и перейти в Очаковское гирло. Килийской группе также предстояло переправить войска и идти в Очаковское гирло. Вилковской группе кораблей (2 монитора и катера) следовало не допустить переправу противника у Вилково до прохода кораблей Измаильской и Килийской групп. Накануне отхода специально выделенная группа кораблей должна была поставить выше Измаила 32 мины. Береговые батареи выводили с войсками корпуса или по воде. Командующий руководил действиями

флотилии через штаб на мониторе «Ударный»; запасной командный пункт оборудовали на мониторе «Мартынов» [514] .

Операция была проведена в ночь на 19 июля. Командующий на «Ударном» с 4 катерами скрытно перешел из Измаила в Очаковское гирло, где монитор замаскировали. Утром прорвались корабли Измаильской и Килийской групп, понеся потери от огня неприятельской артиллерии.

При отходе были поставлены мины в Очаковском гирле. Днем 19 июля флотилия собралась в Жебриянах. 19–21 июля, несмотря на бурное море, корабли перешли в Одессу.

Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов еще 16 июля направил командующему флотилией телеграмму, в которой писал: «Дунайская военная флотилия действовала храбро и решительно, полностью выполнила поставленные перед нею задачи, показав прекрасные образцы боевой работы. Уверен, что славные дунайцы и впредь будут бить противника так же, как они били его на Дунае». За умелое руководство боевыми действиями и отвагу контр-адмирала Абрамова наградили орденом Красного Знамени [515] .

К 22 июля Дунайская флотилия (3 монитора, 17 бронекатеров, минная база «Колхозник», штабной корабль «Буг», другие катера и полуглиссеры, плавмастерские, буксиры) была пополнена 2 канонерскими лодками и сосредоточилась в Николаеве. Моряки получили 10 дней на ремонт. 2 монитора перевели в Пинскую флотилию под Киев, 38 катеров и береговые батареи были переданы Одесской военно-морской базе и Каркинитскому сектору береговой обороны. 30 июля Абрамов решил развернуть силы флотилии у Николаева и Херсона в полосе обороны Южного фронта. Береговой командный пункт основали в Кирьяновке. Тем временем под давлением противника войска фронта отходили далее и далее. Возникла угроза, что неприятель расчленит, прижмет к морю и разгромит Южный фронт. 3 августа штаб фронта перешел в Николаев, и командующий фронтом генерал армии И.В. Тюленев поставил флотилии задачу прикрыть переправу 9-й и 18-й армий на Южном Буге от Вознесенска до Николаева. В соответствии с указанием контр-адмирал выдвинул 2 монитора и 4 бронекатера в район Вознесенск – Новая Одесса; остальные бронекатера и другие силы были распределены отрядами, прикрывая наиболее важные участки переправ. Авиаэскадрилье следовало вести разведку и прикрывать флотилию с воздуха [516] .

7 августа Тюленев приказал флотилии нанести удар кораблями и самолетами по Вознесенску, где противник переправлял по мостам массу войск. После разведки в ночь на 9

августа монитор «Ударный» и 4 бронекатера огнем нанесли большой ущерб войскам противника в Вознесенске. Днем по городу нанесли три удара самолеты. Однако противник продолжал наступление, угрожая Николаеву, 9-й и 18-й армиям. Потому командующий Южным фронтом поставил задачу флотилии поддержать армии до их отхода на левый берег. Переправа проходила 10–14 августа.

Абрамов перевел командный пункт в Николаев, оставив начальника штаба В.В. Григорьева для непосредственного управления войсками в Кирьяновке. 10–11 августа корабли флотилии прикрывали переправу 18-й армии в междуречье Южного Буга и Ингула. 18-я армия защитила Николаев с севера, прикрывая отход 9-й армии. Бои на переправах этой армии продолжались с 11 по 13 августа, когда понтонный мост был разведен. Корабли флотилии сдерживали огнем противника, а затем отошли в Николаев. В ночь на 14 августа город после эвакуации был оставлен.

Дунайская флотилия по приказу заместителя наркома ВМФ вице-адмирала Г.И. Левченко с потерями прорвалась 15 августа в Херсон. Так как войск армии в городе не было, по указанию Левченко Абрамов принял на себя командование гарнизоном Херсона. Гарнизон был составлен из сухопутных частей Дунайской флотилии и Николаевской военно-морской базы [517] . Именно здесь Абрамов и его флотилия особенно отличились. В книге «Черноморский флот» об этом написано: «Мониторы и бронекатера Дунайской флотилии с боями прорвались из Николаева в Херсон. 15 августа к Херсону подошли передовые части 11-й немецкой армии, а войск Южного фронта в городе еще не было. В этих условиях командующий флотилией Н.О. Абрамов принял на себя командование гарнизоном города, сформировал для его обороны отряды морской пехоты и народного ополчения, расставил мониторы и бронекатера на позиции для артиллерийской поддержки войск. С 16 по 18 августа шли тяжелые бои за Херсон». Лишь по приказу войска и флотилия оставили город [518] .

Отход войск и флотилии 18 августа проходил под обстрелом противника. Отход прикрывали 5 бронекатеров, один из которых погиб. Выбросился на берег загоревшийся штабной корабль «Буг», сгорели 2 минные баржи, получила повреждение минная база «Колхозник».

После оставления Херсона Тюленев поручил флотилии оборону участка Днепра от Цюрупинска до Збруевки (30 километров). Правее оборонялась 9-я армия, левее – созданный флотом Тендровский боевой участок. Флотилия располагала 2

мониторами, 2 канонерскими лодками, 10 бронекатерами, несколькими ротами и отдельным артдивизионом; 1 монитор и 5 бронекатеров находились в Никополе. Катера для наблюдения замаскировали в плавнях левого берега, а монитор «Ударный» и канлодки «Буг» и «Днестр» прикрывали их и огнем поддерживали сухопутные войска. До конца августа противник не пытался форсировать Днепр, накапливая силы на Никопольском и Каховском направлениях. 31 августа немцы переправились у Каховки, разобщив 9-ю и 18-ю армии. Отряд кораблей у Никополя был отрезан от главных сил флотилии [519] .

В начале сентября 1941 года на Абрамова возложили ответственность за оборону левого берега Днепра на участке Кринки – Днепропетровский лиман. Он организовал сводный полк, в который вошли береговые подразделения флотилии [520] .

Командующий 9-й армией пытался разгромить противника на Каховском плацдарме. Так как 10 сентября немцы навели переправу ниже Каховки, командарм, которому подчинили флотилию, приказал прервать переправу любой ценой. Днем моряки бронекатеров прорвались и с ходу обстреляли переправу, но потеряли 2 катера. А 11 сентября противник прорвал фронт 9-й армии на Каховском плацдарме. Дунайская флотилия и Тендровский боевой участок были отрезаны. 12 сентября катера, которые вели наблюдение из плавней, отвели к устью; корабли флотилии собрались у острова Соколиный. Части Тендровского участка, в состав которых вошел сводный полк из частей и моряков с погибших кораблей флотилии, заняли оборону. До 18 сентября войска переправились на остров Тендра под прикрытием кораблей (2 монитора, 2 канлодки, 8 бронекатеров). Они продолжали удерживать Тендру до ноября. Канлодки 18 сентября вывели из состава флотилии и направили в Одессу. Монитор «Ударный» погиб 19 сентября от попаданий авиабомб, когда обстреливал вражеские войска на берегу. Монитор «Мартынов» и 5 бронекатеров, которые находились в распоряжении 18-й армии, после отхода армии 18 сентября за Днепр были взорваны своими командами. Оставшиеся корабли флотилии 24 сентября перешли в Севастополь [521] .

Последние действия флотилии проходили без Абрамова. 16 сентября за нарушение воинской дисциплины флагмана отстранили от командования Дунайской военной флотилией [522] . Можно полагать, что он высказался против какого-либо из не очень разумных решений командования. Командование флотилией 22 сентября принял А.С. Фролов. Абрамов отбыл в Севастополь на том же катере, которым 19 сентября прибыл

Фролов [523] .

С сентября 1941 по март 1942 года Н.О. Абрамов командовал Учебным отрядом Черноморского флота [524] . Казалось бы, командование учебным отрядом – спокойная служба. Но только не на Черном море в 1941–1942 годах. Кораблей и людей не хватало, их использовали в самых неожиданных местах. Когда возникла опасность для Севастополя с суши, значительная часть моряков сошла на берег, чтобы защищать главную базу флота. В качестве командира учебного отряда в начале ноября 1941 года Абрамов являлся комендантом II сектора в обороне Севастополя [525] .

Когда подошли войска Приморской армии, часть моряков вернули на корабли. В декабре 1941 года Абрамов командовал отрядом судов для высадки на Керченском полуострове. В донесении 29 декабря Н.Г. Кузнецову вице-адмирал Октябрьский сообщал:

«…Канлодки «Кр. Аджаристан», «Кр. Грузия», «Кр. Абхазия», м/б № 15 с болиндером, транспорт «Кубань» под командованием контр-адмирала Абрамова проболтались двое суток в море, по причине шторма, десант районе горы Опук не высадили, возвратились в Новороссийск.

4. В 7 час. 30 мин. Абрамов своим отрядом вышел на высадку десанта утром 29/XII-41 г. в Камыш-Бурун, в последующем канлодки передаются Фролову» [526] .

Итак, высадке помешал шторм. Однако командиру отряда высадки контр-адмиралу Абрамову и командиру Керченской ВМБ Фролову (в копии Елисееву) Октябрьский писал 29 декабря резко: «Ваши действия меня не удовлетворяют. Вы топчетесь, действуете медленно. Быстро переправить части армии, энергично используйте все средства перевозки, нельзя так работать. Сейчас промедление смерти подобно. *Октябрьский* » [527] .

29 декабря десант был успешно высажен.

С апреля 1942 по август 1944 года контр-адмирал командовал Иоканьгской военно-морской базой Северного флота [528] . В Иоканьге базировался отряд кораблей, которые совместно с охраной водного района главной базы обеспечивали безопасность мореплавания вдоль мурманского побережья [529] .

Из Иоканьги, Архангельска и Мурманска выходили суда, составлявшие как прибрежные, так и дальние союзные конвои. Морякам Иоканьгской базы приходилось конвоировать грузовые суда, бороться с неприятельскими подводными лодками и минной опасностью. Только в январе-мае 1942 года были проведены из Мурманска в Иоканьгу 29 конвоев. Германская авиация, пытаясь нарушить перевозки, не раз атаковала

Мурманск и Иоканьгу. Корабли и суда несли потери в порту. Однако прекратить перевозки неприятелю не удалось [530] .

В одной из аттестаций на Абрамова было написано: «… Военно-морская база поставленные задачи выполнила, обеспечила безопасность плавания, проводку конвоев на подходах к Белому морю, в горле Белого моря, а также в северо-восточной части Баренцева моря» [531] .

С ноября 1944 года Абрамов состоял помощником председателя Союзной контрольной комиссии в Болгарии. Оставался в этой должности он и после окончания войны. Видимо, дипломатическое умение контр-адмирала оценили высоко. С августа 1945 по февраль 1946 года он был направлен в распоряжение польского военно-морского командования. Абрамов занимался формированием польского флота, восстановлением кораблей и судостроительных заводов. После возвращения на родину моряк с февраля 1946 по январь 1948 года являлся командиром Отряда учебных кораблей Южного Балтийского флота. Затем моряка направили в военную приемку. С января 1948 года по апрель 1953 года контр-адмирал состоял старшим уполномоченным по надводным кораблям Постоянной государственной комиссии по приемке военных кораблей при главкоме ВМС, а затем и при военно-морском министре. С апреля 1953 по январь 1957 года моряк состоял в той же должности при Балтийской группе приемки кораблей ВМФ, а затем до мая 1960 года был начальником этой группы. С мая 1960 года Н.О. Абрамова уволили в запас. За годы службы моряк был награжден орденом Ленина (1945), 4 орденами Красного Знамени (1939, 1941, 1944, 1949), орденом Отечественной войны I степени (1944), медалями, именным оружием (1957), польским орденом Крест Грюнвальда III степени, болгарским орденом «9 сентября 1944 года» (1947). Скончался Н.О. Абрамов 27 июля 1964 года в Ленинграде. Похоронили его на Нововолковском кладбище в одной ограде с лейтенантом Н.Н. Абрамовым (1928–1953) [532] .

АВРААМОВ НИКОЛАЙ ЮРЬЕВИЧ Командующий Чудской военной флотилией

Офицер императорского флота Н.Ю. Авраамов отличился в годы Первой мировой войны. В годы Великой Отечественной войны он известен не только заслугами на Чудском и Ладожском озерах. Более знаменит Авраамов как руководитель Школы Юнг на Соловецких островах и автор учебников по морской практике.

Николай Авраамов родился 9 (21) июня 1892 года в городе Баку. В 1906 году юноша поступил в Морской корпус и прошел все этапы службы от кадета до командира корабля. В 1912 году его выпустили из Морского корпуса на Балтийский флот. С декабря 1912 по август 1916 года моряк был вахтенным начальником, младшим артиллеристом крейсера «Громобой». В 1916 году он окончил Артиллерийский класс в Гельсингфорсе. С августа 1916 по февраль 1918 года Авраамов служил артиллерийским офицером, старшим помощником командира эскадренного миноносца «Лейтенант Ильин», а после революции – выборным командиром корабля. Моряк участвовал в Первой мировой войне, получил тяжелое ранение под Ригой в 1916 году. Его наградили орденами Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава III степени, Святой Анны III степени [533] . По другим данным, среди его наград – ордена Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость» и Святого Владимира IV степени с бантом [534] .

В феврале-марте 1918 года Авраамов оставался на «Лейтенанте Ильине». Моряк являлся участником Ледового похода Балтийского флота. В результате этого похода под руководством капитана 1-го ранга А.М. Щастного большая часть кораблей и судов флота была выведена из портов Финляндии в Кронштадт. В апреле 1918 – марте 1920 года моряк служил инспектором по снабжению топливом Балтийского флота. Затем его направили на юг. В мае-июне 1920 года он являлся флагманским артиллеристом штаба коморси Юго-Запада в городе Николаеве, затем до июля – инспектором портов, а июле-августе 1920 года – заместителем флагарта штаба Черного и Азовского морей. В августе-декабре 1920 года военмор был начальником артиллерии штаба Кавказского сектора в городе Новороссийске, затем до февраля 1921 года служил начальником артиллерии и начальником Новороссийского укрепленного района. В феврале-

августе 1921 года он был начальником Туапсинского укрепрайона кавказского побережья. В августе-сентябре 1921 года Авраамов состоял военно-морским экспертом комиссии по чистке личного состава флота в Севастополе. В октябре-ноябре моряк командовал канонерской лодкой «Эльпидифор» № 413, но заболел. До апреля 1922 года он лечился в Батуме и Тифлисе, после чего был по инвалидности демобилизован. На флот Авраамов вернулся весной 1925 года. С апреля 1925 года он был помощником командира Учебного отряда кораблей Морских сил Черного моря по учебной части. В июле-августе и с сентября 1925 по октябрь 1926 года моряк исполнял обязанности начальника Учебного отряда. С октября 1926 по июнь 1928 года он служил начальником распорядительно-строевого отдела штаба флота, затем до ноября 1930 года – начальником отдела и Управления комплектования штаба флота Морских сил Черного моря [535] .

В ноябре 1930 года Авраамов стал жертвой репрессий, но его авторитет и репутация позволили ему вернуться на службу. С января 1932 по сентябрь 1939 года моряк был преподавателем, затем старшим преподавателем, начальником цикла военно-морской практики Военно-морского училища имени М.В. Фрунзе. 17 сентября 1939 года ему присвоили звание капитана 1-го ранга. Далее до февраля 1941 года Авраамов служил на должности старшего инспектора, инспектора управления морской подготовки Управления военно-морских учебных заведений, позднее до июля 1941 года был начальником кафедры морской практики в ВВМИУ имени Ф.Э. Дзержинского. Война застала Авраамова на Чудском озере, где он руководил практикой курсантов училища [536] .

3 июля 1941 года командующий Морской обороной Ленинграда и Озерного района отдал директиву о создании на базе дивизиона учебных кораблей Высшего военно-морского инженерного училища имени Ф.Э. Дзержинского Чудской военной флотилии. Командующим назначили капитана 1-го ранга Н.Ю. Авраамова. В состав флотилии вошли канонерские лодки – бывшие учебные корабли «Нарова», «Эмбах», «Исса». Главной базой флотилии являлся Гдов. Значительную часть из 427 человек моряков флотилии составили курсанты. Директива предписывала перевести все плавсредства из западной части озера в восточную. Флотилии следовало поддерживать огнем войска, содействовать переправе своих войск и препятствовать переправе противника [537] .

Флотилию составили небольшие вооруженные пароходы, буксиры и суда. К боевым действиям была подготовлена только канонерская лодка «Эмбах», перестроенная из парохода. Первой

задачей командующего стало превращение мирных судов в боевые корабли. Времени у него оказалось немного, так как гитлеровские войска вышли к берегу Чудского озера в середине июля. Флотилия получила задачу содействовать сухопутным войскам в обороне Гдовского участка Ленинградского фронта. Она вела боевые действия в июле-августе 1941 года. Совместно с саперным батальоном моряки Чудской флотилии заминировали мосты и заградили течение реки Эмбах баржами с камнем.

Первоначально моряки вылавливали эстонских сторонников фашистов. 11 июля прибыли автомашины с вооружением, и моряки начали устанавливать орудия на корабли. 13 июля флотилия насчитывала, кроме управления, дивизион канлодок, посыльное судно «Уку», 7 озерных и речных пароходов, 13 катеров и несколько барж. Уже 14 июля командующий с канонерками, 2 пароходами, буксирами и баржами выступил в район Спицыно, южнее Гдова, где корабли начали принимать войска 118-й стрелковой дивизии для перевозки на северный берег. После того как противник занял Псков, моряки поставили мины между северной и южной частями Псковского озера. Они поддерживали войска, оборонявшие Гдов. Когда 17 июля фашисты начали наступать на Гдов, Авраамов высадил на берег отряд из 79 человек. Моряки задержали наступление противника, что позволило завершить эвакуацию города, аэродрома и отрезанных частей 118-й дивизии [538] .

После потери Гдова флотилия продолжала боевые действия из Муствэ на западном берегу Чудского озера. 18 июля флотилию подчинили командиру 11-го стрелкового корпуса 8-й армии. 20 июля 3 канлодки обстреляли шоссе у деревни Спицыно и нанесли значительные потери противнику; 21 июля корабли провели разведку у острова Перисар. Но 22 июля неприятельская авиация нанесла сильный удар по базе Муствэ. Личный состав понес значительные потери, корабли получили повреждения. Командующий решил замаскировать корабли в устьях речек и ждать пополнения. Однако противник продолжал двигаться к Муствэ. Пришлось 23–24 июля затопить канлодку «Нарова», посыльное судно «Уку», вспомогательные суда и плавсредства. С остальными кораблями по указанию командира 11-го стрелкового корпуса Авраамов оставил базу. Моряки вели разведку, спасали бойцов, которые на лодках выходили из окружения. 29 июля флотилию передали в подчинение 8-й армии. 31 июля моряки с пехотинцами неожиданно атаковали Муствэ. Но противник наступал, и 1 августа флотилию для пополнения и отдыха отвели к Нарве. Здесь часть вооружения была снята для использования на суше. 5 августа флотилия, подчиненная Нарвской оперативной

группе, получила приказ препятствовать движению противника по северному берегу Чудского озера. 12–13 августа с канлодки «Эмбах» и 4 катеров высадили группу разведчиков южнее Гдова, а на обратном пути отряд потопил катер противника. Но противник занял все берега Чудского озера. 13 августа пришлось затопить суда флотилии, сняв с них вооружение. Моряки сошли на берег. 15–18 августа отряд моряков флотилии вел бои северо-восточнее города Кингисеппа. 20 августа Авраамов во главе 189 человек прибыл в Ленинград, а 27 августа Чудская военная флотилия приказом командующего Морской обороной Ленинграда и Озерного района была расформирована. За время деятельности флотилия помогла организовать десятки партизанских отрядов и забросить их на территорию врага, вывести значительное имущество из Гдова и Тарту [539] . Авраамова наградили орденом Красного Знамени [540] .

Затем капитан 1-го ранга состоял заместителем командующего Ладожской военной флотилией (сентябрь 1941 – январь 1942 года) и первым командиром Осиновецкой военно-морской базы (январь – май 1942 года) [541] .

Еще 2 сентября командующий Ладожской военной флотилией Б.В. Хорошхин получил постановление Военного совета Ленинградского фронта организовать движение караванов судов по озеру и связанным с ним рекам. Для непосредственного руководства военно-морским обеспечением транспортных трасс ввели должность заместителя командующего флотилией. На эту должность и назначили капитана 1-го ранга Авраамова. Но уже в день подписания постановления намеченный путь был прерван: гитлеровцы вышли к Неве в районе Ивановского. Встал вопрос о строительстве новых пристаней. Уполномоченным Военного совета фронта по строительству Осиновецкой гавани и организации разгрузочных работ 8 сентября стал Авраамов. В его распоряжение передали Балттехфлот Наркомстроя СССР с землечерпательным флотом и обслуживающим персоналом, ЭПРОН для водолазных работ, строителей и баржи в качестве причалов. Был установлен срок принятия судов для разгрузки: 11 сентября – первое судно, 18 сентября – 5 судов, 25 сентября – 25 судов. К концу сентября в Осиновце были построены 2 причала с глубиной подхода 2,5 метра [542] .

С конца сентября организация перевозок была изменена. Начальником порта Осиновец назначили капитана госбезопасности М.Г. Евграфова с подчинением начальнику тыла Ленинградского фронта; Авраамов стал первым заместителем начальника. В ведении начальника порта оказались и другие пристани. Он являлся ответственным за поддержание в порядке

гаваней, аварийно-спасательную, санитарную и конвойную службу, охрану и ПВО. Соответственно, та же ответственность лежала и на Авраамове. Уже 12 сентября необорудованный Осиновецкий порт принял первые баржи с продовольствием [543] .

По воспоминаниям командующего флотилией В.С. Черокова, который прибыл на Ладожское озеро в октябре, Авраамов рассказывал ему, как отправлял корабли с десантом в район Шлиссельбурга, и жаловался на трудности с постройкой причала. Очевидно, как заместителю командующего, Авраамову приходилось заниматься не только портовыми, но и боевыми делами [544] . Через некоторое время Чероков побывал в Осиновце и видел новый пирс. Но Авраамов к тому времени еще больше вымотался и похудел [545] .

Несмотря на атаки с воздуха и потери в судах, перевозки продолжали до конца декабря. Только 29 декабря 1941 года Военный совет Ленинградского фронта решил расформировать Осиновецкий порт тыла фронта. Он приказал Военному совету Краснознаменного Балтийского флота создать в Осиновце военно-морскую базу с целью оборонять сухопутный участок на западном берегу, обеспечить базирование и ремонт кораблей, продолжить развитие порта Осиновец и обеспечить перевозки по ледовой трассе через Ладожское озеро [546] .

Так как к зиме большинство кораблей флотилии скопилось на западном берегу Ладожского озера, была создана военно-морская база Осиновец, которой подчинили и местечко Морье с жилым фондом. База имела задачи обеспечивать базирование и ремонт кораблей, обеспечивать их боевую деятельность, приемку грузов и прикрывать коммуникации со стороны озера. Командиром базы назначили капитана 1-го ранга Авраамова [547] .

Зимой в районе Осиновецкого порта проводили ремонт кораблей и судов. Кроме того, продолжали совершенствовать портовые и гидротехнические сооружения, готовили суда к весне. К началу навигации Осиновецкий порт мог одновременно принимать 8 барж [548] . Всего во всех бухтах и бухточках на западном берегу было построено 14 пирсов длиной 2200 метров [549] . 20 мая из бухты Морье, относившейся к Осиновецкому порту, первым вышел на разведку буксир «Гидротехник». С этого рейса началась навигация 1942 года [550] .

В наградном листе 1944 года были отмечены заслуги Авраамова этого периода:

«В сентябре месяце 1941 года был назначен Уполномоченным по выполнению операций по снабжению водным путем города

Ленинграда: Ленинградского фронта и КБФ вооружением, боеприпасами, продовольствием и другими видами снабжения. За период его пребывания в Осиновце по май месяц 1942 г. по его инициативе и под его руководством были созданы:

1. Внешние и внутренние причалы с частичным углублением и подъездами.

2. Причал в бухте Гольсмана с волноломом, частичным его углублением и созданием подъездных путей.

3. Пристань в бухте «Морье» с подъездными путями.

4. Новый причал с подъездными путями.

5. Каботажную гавань на новом месте.

6. Волнолом в бухте «Морье», предназначенный для защиты от волн и льда Морьевского причала мелких судов и катеров, а также как единственое место на берегу озера, где могли подходить и швартоваться глубоко сидящие корабли.

Все эти мероприятия значительно способствовали оперативным перевозкам 1942 и 43 г…» [551]

Видимо, тяжелая служба на флотилии подорвали здоровье немолодого моряка. Его направили на преподавательскую работу. С мая 1942 по январь 1943 года Авраамов – начальник курсов младших лейтенантов Балтийского флота, с января 1943 по апрель 1944 года – начальник Школы юнг [552] .

Для школы в июле-августе 1942 года Беломорская флотилия перевезла 1174 подростка в возрасте 14–15 лет [553] . Школа юнг была организована на Соловецких островах. Здесь в полной мере проявился педагогический талант Авраамова, ибо ему приходилось иметь дело с мальчишка ми – людьми непростой судьбы: сиротами, участниками боевых действий.

Большинство из воспитанников стали хорошими людьми. Среди выпускников оказались такие знаменитые люди, как Герой Советского Союза В. Коробов, Герой Социалистического Труда М. Балуев, Л. Павловский, лауреат Госпремии А. Махотин, народный артист Б. Штоколов [554] . Среди воспитанников школы был ставший позднее писателем В.С. Пикуль, который свой первый роман «Океанский патруль» посвятил «Памяти друзей-юнг, павших в боях с врагами, и светлой памяти воспитавшего их капитана 1-го ранга Авраамова» [555] .

С апреля 1944 по сентябрь 1946 года Авраамов являлся начальником Ленинградского военно-морского подготовительного училища, затем был освобожден от должности и назначен в распоряжение Управления кадров ВМС. В октябре 1946 – октябре 1948 года моряк являлся заместителем начальника НИИ аварийно-спасательной службы, после чего находился в отставке [556] .

Опубликованы труды Авраамова «Судоподъем» (1938) «Морская практика» в 4 частях (1939), «Управление маневрами корабля» (1939), «Подготовка и выгрузка грузов» (1939), «Основы военно-морского дела» (1940), «Борьба за живучесть и содержание корабля в исправности на воде» (1941), «Шлюпочное дело» (1951).
Моряка наградили орденами Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость», Святой Анны III степени с мечами и бантом, Святого Станислава III степени с мечами и бантом, Святого Владимира IV степени с мечами и бантом, орденом Ленина (1945), 3 орденами Красного Знамени (1942, 1944, 1944), 2 орденами Отечественной войны I степени (1944), орденом Красной Звезды (1945), медалями [557] .
Умер Н.Ю. Авраамов в апреле 1949 года в Ленинграде. Похоронен моряк на Серафимовском кладбище [558] .

АЛЕКСАНДРОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ Командующий Азовской флотилией

А.П. Александров за свою службу успел побывать и политработником, и следователем, слушателем и преподавателем Военно-морской академии, командовал военно-морскими базами и Азовской флотилией, был начальником штаба Балтийского флота.

Александр Александров родился 8 (21) июня 1900 года в Орле. Правда, в следственном деле было записано, что в действительности он происходил из Одессы и являлся сыном крупного коммерсанта по фамилии Бар. С 1917 года Александров записался в Красную гвардию и с апреля стал членом партии большевиков. С 1918 года он состоял на флоте. В июле 1918 – апреле 1919 года юноша был секретарем районного и членом городского комитета РСДРП, в апреле-июле 1919 года являлся начальником и комиссаром Черноморского водного транспорта в Одессе, в июле-сентябре командовал 1-м морским батальоном особого назначения, направленным на борьбу против отрядов атамана Н.А. Григорьева. Позднее, до 4 апреля 1920 года, он служил политкомиссаром 400-го полка 45-й кавалерийской дивизии, в апреле-мае – военкомом радиостанции «Воронцовский дворец». Несколько лет Александров работал в ревтрибунале. В мае-августе 1920 года он был следователем в Николаеве, в августе-ноябре – членом ревтрибунала побережья Черноаз, затем до декабря – начальником следственного отдела угрозыска. С декабря 1920 года Александрова назначили председателем ревтрибунала западного побережья Черного моря, в июле 1921 года – членом коллегии ревтрибунала Крымской области и побережья Украины. С ноября 1921 по февраль 1922 года он состоял членом военной коллегии Верховного трибунала Крыма. В феврале 1922 – июле 1927 года Александров окончил военно-морской факультет Военно-морской академии. После окончания академии моряк находился на стажировке. В июле-декабре он – вахтенный начальник линейного корабля «Марат», затем до мая 1928 года – начальник штаба дивизии линейных кораблей, в мае-октябре – старший помощник командира эсминца. Затем Александрова направили на научно-преподавательскую работу. В октябре 1928 – январе 1931 года Александров был адъюнктом. В январе-марте 1929 года он окончил армейское оперативное

отделение Курсов усовершенствования высшего начсостава, в 1930 году – курсы адъюнктов при военной секции Ленинградского отделения Коммунистической академии. С января до апреля 1931 года моряк был преподавателем Военно-морской академии. В апреле 1931 – январе 1932 года он состоял командиром и военкомом крейсера «Аврора». С января 1932 по март 1934 года моряк являлся начальником кафедры стратегии и оперативного искусства, позднее, до апреля 1937 года, – начальником штаба Военно-морской академии, а с апреля 1936 года исполнял также обязанности начальника академии. За время научно-преподавательской работы вышли из печати книги Александрова: *Александров А.П.* Критика теории владения морем. Л., 1930; *Он же.* Противодесантная операция. Оперативный очерк. Л., 1933; *Он же.* Операции на морских сообщениях. Оперативный очерк. Л., 1934; *Он же.* Военно-морские силы капиталистических государств. Л., 1934; *Он же.* Операции подводных лодок (в соавторстве с И.С. Исаковым и В.А. Белли). Л., 1933. В апреле-октябре 1937 года Александров являлся советником при командующем флотилией республиканского флота Испании. В декабре 1937 года его уволили со службы, в феврале 1938 года репрессировали. Однако в феврале 1940 года моряка реабилитировали и восстановили в кадрах ВМФ. С июня 1940 года он командовал Новороссийской военно-морской базой Черноморского флота [559] .

Г.Н. Холостяков вспоминал, что капитан 1-го ранга Александров в качестве командира Новороссийской военно-морской базы задолго до того, как немцы приблизились к городу, продумывал систему обороны базы [560] .

В июле 1941 года Александрова назначили командующим Азовской военной флотилией.

20 июля ГКО принял решение о формировании Азовской военной флотилии в составе Черноморского флота. 22 июля нарком ВМФ отдал приказ о формировании флотилии с задачей содействовать войскам Южного фронта в боях на Приморском направлении и обеспечить перевозки на Азовском море. 25 июля соответствующий приказ отдал командующий Черноморским флотом. Командующим флотилией назначили А.П. Александрова, начальником штаба – капитана 2-го ранга И.А. Фроликова. С 25 июля по 10 августа на Кременчугском и Камыш-Бурунском судостроительных заводах переоборудовали в боевые корабли мобилизованные суда Азово-Черноморского пароходства. Были сформированы дивизион канонерских лодок (3 единицы), дивизион сторожевых кораблей-тральщиков (5 единиц), отряд сторожевых катеров и катеров-тральщиков (8 единиц). 12 августа

корабли флотилии собрались в Керченском проливе и подняли Военно-морские флаги. 13–14 августа они подивизионно перешли в главную базу Мариуполь и маневренные базы Осипенко, Ростов-на-Дону, Ейск и Приморско-Ахтарская. Командование, штаб и личный состав готовились к боевым действиям. Вскоре работы прибавилось. Так как наступавшие гитлеровские войска приближались к Донбассу, нарком ВМФ 20 августа приказал в составе Азовской флотилии сформировать Отдельный Донской отряд, которому предстояло содействовать Южному фронту в районах Таганрога и нижнего Дона. До 20 сентября отряд под командованием капитана 1-го ранга С.Ф. Белоусова был сформирован и состоял из дивизиона речных канонерских лодок (4 единицы) и дивизиона речных сторожевых катеров (8 единиц). Корабли были переоборудованы из судов Доно-Кубанского речного пароходства и базировались на Азов и Ростов-на-Дону [561] . В сентябре капитан 1-го ранга Александров с дивизионным комиссаром Н.М. Кулаковым лично прибывал в Керчь, чтобы отобрать рыболовецкие суда, пригодные для переоборудования и пополнения Азовской флотилии [562] .

Азовская военная флотилия во взаимодействии с 9-й и 51-й отдельной армиями участвовала в обороне Крыма. Боевое крещение флотилия приняла 16 сентября, когда ее главные силы (3 канонерские лодки, 3 сторожевых корабля-тральщика, 4 сторожевых катера-тральщика) под флагом Александрова прибыли из Мариуполя к Геническу. Несмотря на атаки германской авиации и обстрел двух немецких батарей, артиллерия флотилии открыла огонь. Артиллеристы заставили замолчать неприятельские береговые орудия и помогли 275-й стрелковой дивизии временно очистить от противника переправу на Арабатскую стрелку. 20 сентября – 6 октября 3 канонерские лодки и меньшие корабли поддерживали огнем части 51-й Отдельной армии в районе Арабатской стрелки и фланг 9-й армии на рубеже озеро Молочное – Мелитополь. Сторожевой корабль-тральщик «Войков» 26 сентября уничтожил 2 мотобота противника и захватил 4 шхуны. Остальные корабли флотилии обеспечивали перевозки по Азовскому морю. Но противник продолжал наступление, и после боев 7–8 октября советские войска были вынуждены оставить Мариуполь. Азовская флотилия поддерживала огнем отходившие части 9-й и 18-й армий и обеспечивала эвакуацию ценностей и судов. В частности, был выведен корпус недостроенного крейсера «Куйбышев». Эвакуацию завершали под огнем артиллерии противника [563] .

Командующий флотилией, отдав приказ об отходе, на сторожевом корабле «Мариуполь» отправился из Ейска для сбора

судов в портах восточного побережья Азовского моря. Для сохранения скрытности он запретил использование радиосвязи. А.В. Свердлов, позднее начальник штаба Азовской военной флотилии, считал, что таким образом Александров потерял управление флотилией.

Управление было восстановлено лишь после того, как 14 октября развернули флагманский командный пункт в станице Приморско-Ахтарская [564] .

Из Мариуполя флотилия перебазировалась в Приморско-Ахтарскую и Ейск. Корабли продолжали поддерживать сухопутные войска. 10 октября капитан 1-го ранга Александров приказал Отдельному Донскому отряду прикрыть северо-восточное побережье Азовского моря от Таганрога до Ейска. Корабли флотилии эвакуировали авиазавод, суда торгового и промыслового флота. В частности, были уведены недостроенные корпуса эсминца «Озорной» и лидера «Ереван». 17 октября гитлеровцы прорвались в центр Таганрога, и эвакуацию завершали под огнем противника [565] .

Тем временем в Москве посчитали, что командующий, который допускал ошибки в управлении флотилией, не способен управлять ею в сложной обстановке [566] . В октябре 1941 года за нарушение воинской дисциплины во время проведения боевой операции капитана 1-го ранга отстранили от командования Азовской флотилией и направили в распоряжение командного управления ВМФ [567] . Сменил его 16 октября контр-адмирал С.Г. Горшков, назначенный 13 октября [568]

В ноябре Александрова арестовали, но в ходе следствия освободили. В январе 1942 года моряка назначили начальником 2-го отделения Исторического отдела Главного морского штаба. В июле-декабре 1942 года Александров состоял начальником штаба Ленинградской военно-морской базы. Он участвовал в подготовке и высадке десанта в поселке Усть-Тосно. В должности заместителя командующего Невской оперативной группы по организации и проведению переправы моряк обеспечил быстрое и организованное форсирование Невы у Невской Дубровки. С декабря 1942 по февраль 1944 года капитан 1-го ранга являлся начальником штаба Ладожской военной флотилии [569] .

Командующий Ладожской военной флотилией В.С. Чероков вспоминал, что у него первоначально была неприязнь к Александрову. Александров, исполняя в 1936 году обязанности начальника Военно-морской академии, отказал в приеме катернику, который имел взыскания. Только после того, как Чероков добился снятия взысканий, его допустили к сдаче приемных экзаменов. Неприязнь исчезла после того, как два

моряка поработали вместе:

«Но с первых дней нашей совместной работы на флотилии от моей давней обиды не осталось и следа. Александр Петрович Александров – человек большой культуры, вдумчивый и неутомимый, оказался образцовым начальником штаба. Мы с ним по-настоящему подружились. Работники штаба относились к нему с искренним уважением, восхищались его работоспособностью, человечностью, хотя загружал он их, как и себя, сверх меры.

Александров больше всего внимания уделял активным действиям кораблей, систематическому поддержанию оперативного режима и разведке…

Заботился Александров и об обороне нашего побережья…» [570]

В апреле 1944 года Александров, переведенный с повышением на Балтику, сдавал дела новому начальнику штаба [571] . В марте-июне 1944 года моряк командовал Лужской военно-морской базой, с июня по ноябрь – Ленинградской военно-морской базой. 27 июля 1944 года Александрова произвели в контр-адмиралы. С декабря 1944 года моряк состоял помощником председателя Союзной контрольной комиссии в Финляндии. В его представлении к ордену Нахимова I степени было указано: «Сумел до назначения начальником штаба КБФ организовать и провести большую работу по выявлению трофейного имущества в портах Финляндии, а также получению необходимого для военно-морского и морского флота большого количества кораблей и судов в счет репараций. Под его непосредственным руководством было погружено и вывезено около 250 тыс. тонн различного трофейного и репарационного груза на 160 транспортах… Александров организовал перевод подводных лодок из района Кронштадтского МОРа в западные базы Финляндии, что позволило КБФ развернуть свои подводные силы на коммуникациях противника в Балтийском море, а также организовал силами финнов ремонт в финских базах подводных лодок, возвращающихся с боевых операций. В силу сложной минной обстановки в Финском заливе единственным путем развертывания флота на Запад были шхерные фарватеры северного побережья залива. По этим фарватерам под руководством Александрова было проведено в западные зоны КБФ около 400 боевых и вспомогательных кораблей без аварий и потерь. Это способствовало развертыванию флота и своевременному проведению боевых операций в Балтийском море…» [572]

С апреля 1945 года контр-адмирал был начальником штаба Краснознаменого Балтийского флота. В этой должности он

оставался и после окончания войны. Погиб А.П. Александров в авиакатастрофе, когда вылетал в командировку в Берлин. Скончался он 18 января 1946 года в Таллине (Эстония). За службу флагман был награжден орденом Ленина (1945), тремя орденами Красного Знамени (1943, 1944, 1945), орденом Нахимова I степени (1945), орденом Отечественной войны I степени (1944), медалями. Похоронили А.П. Александрова в Ленинграде на Смоленском православном кладбище [573] .

АНДРЕЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ Командующий Северной Тихоокеанской флотилией

В.А. Андреев прошел обычный путь советского моряка от комсомольского призыва на флот до высоких чинов. В военные годы он успешно воевал на Черном море, а завершил войну, командуя Северной Тихоокеанской флотилией при взятии Южного Сахалина и Курильских островов.

Владимир Андреев родился 13 (26) декабря 1904 года на станции Бухэду (Бугат) КВЖД [574] . Со временем судьба привела Владимира в столицу. В 1922 году московский комсомолец Андреев с приятелем по призыву «Укрепляй Красный флот» пришел в Хамовнический райком комсомола. Тяга молодежи на флот была столь велика, что в райкоме друзьям предложили только оставшиеся две путевки в Военно-морское подготовительное училище. Так начинался путь будущего адмирала на флот [575] .

В январе 1923 года Владимир Андреев поступил в Военно-морское подготовительное училище и окончил его в сентябре следующего года. С октября 1924 года Андреев обучался в Военно-морском училище имени М.В. Фрунзе и окончил его в октябре 1927 года. В 1925 году он вступил в ВКП(б). За время обучения молодой моряк побывал в первых заграничных походах кораблей советских морских сил «Аврора» и «Комсомолец» (в 1924 и 1925 годах). После училища Андреев служил командиром взвода Балтийского флотского экипажа (октябрь 1927 – январь 1928 года) [576] .

Молодого командира заметили и назначили флаг-секретарем командующего Морскими силами Балтийского моря М.В. Викторова [577] . Сначала Андреев пытался отказаться. Но пришлось подчиниться. Новое место службы давало много. Моряк немало узнал, сопровождая командующего в поездках и плаваниях, выполняя его поручения. Однако Андреев рвался служить на кораблях и добился своего. Специального образования ему не хватало. С октября 1929 по сентябрь 1930 года моряк окончил штурманский класс Специальных курсов комсостава ВМС РККА. С октября 1930 до декабря 1932 года Андреев служил младшим штурманом линейного корабля «Марат» [578] . Затем его направили на Тихий океан.

Тихоокеанский флот в 1932 году только рождался, ибо

кораблей на Тихом океане страна почти не имела. 30 марта закончилось формирование штаба Морских сил Дальнего Востока, а 21 апреля командующий М.В. Викторов подписал первый приказ, в котором были перечислены соединения, части, корабли и учреждения вновь создаваемого флота. Этот день считают днем рождения Тихоокеанского флота. 4 мая были сформированы командование и штаб бригады траления и заграждения, позднее – 9-я артиллерийская бригада и Владивостокский военный порт. В состав Морских сил вошло Управление безопасности кораблевождения и Амурская лоцдистанция с их небольшими судами. Основу будущего флота составляли транспорты и рыболовецкие суда, переоборудованные в минные заградители и тральщики. Но по железной дороге поступали с Балтийского моря торпедные катера и разобранные подводные лодки [579] .

Новому флоту, которому предстояло охранять огромные неосвоенные просторы побережья Тихого океана, были необходимы хорошие моряки. Возможно, Викторов вспомнил про своего способного флаг-секретаря. Неожиданно Андреев, прошедший хорошую штурманскую школу на линкоре «Марат», получил назначение на Дальний Восток.

В апреле 1832 года Андреев прибыл на Тихий океан. Вскоре собралась вся бригада заграждения и траления. Кораблестроительной базы почти не существовало. Морякам с работниками завода самим пришлось переоборудовать мирные суда в минные заградители и тральщики. На долю флагманского штурмана досталось освоение и приведение в порядок старого штурманского имущества. Сразу же после вступления в строй минных заградителей приступили к учениям [580] .

Моряки изучали залив Петра Великого. Тихоокеанский морской театр заметно отличался от других. Позднее Андреев вспоминал: «Пока велись все необходимые работы, нам довелось познакомиться с одной местной достопримечательностью – туманом такой густоты, что уже за несколько десятков метров ничегошеньки нельзя было разглядеть. Этот неделями стоящий туман был для нас прямо-таки грозен. А тут еще ветры, течение, встречные корабли… Вспоминая все эти трудности, хочется сказать огромное спасибо капитанам тех гражданских судов, которые передавались военному флоту, их штурманам. Они по закону истинного морского братства много нам помогали: рассказывали об особенностях плавания в дальневосточных водах, о местных признаках изменения погоды, о приемах, позволяющих определить, насколько приблизился корабль к берегу при плавании в условиях плохой видимости. Их опыт всем нам очень

пригодился» [581] .

С мая 1932 до января 1934 года В.А. Андреев служил флаг-штурманом бригады заграждения и траления. Затем его назначили командиром минного заградителя [582] .

Сначала моряк временно покомандовал минным заградителем «Эривань», получил неплохую практику, а когда поступили новые суда, был назначен командиром минного заградителя «Теодор Нетте». Дела флагманского штурмана он сдал С.Г. Горшкову [583] .

Зима ушла на переоборудование потрепанного судна в минный заградитель. Затем последовали учения и плавания. Приходилось не только ставить мины, но и перевозить грузы. А в 1936 году довелось даже доставлять в район учений и выгружать на воду танки-амфибии. Экипаж «Теодора Нетте» по боевой и политической подготовке был в числе передовых.

С декабря 1936 по январь 1938 года моряк являлся начальником штаба бригады заграждения и траления, а затем до августа 1939 года – командиром этой бригады. Он принимал участие в боях у озера Хасан (1938). С августа 1939 по апрель 1940 года Андреев командовал ОВРом Главной базы Тихоокеанского флота [584] .

За время службы на Тихом океане моряк получил возможность ознакомиться с теми районами, в которых ему пришлось воевать в 1945 году.

В апреле 1940 – апреле 1941 года Андреев окончил командный факультет Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. Направили его на Черное море. С мая 1941 года и во время войны (до 1943 года) Андреев являлся начальником штаба эскадры Черноморского флота. Он принимал участие в разработке планов постановки оборонительных минных заграждений, нанесения удара по Констанце, в боевых действиях кораблей эскадры при обороне Одессы и доставке в город пополнения, оружия и военной техники. Штаб эскадры под руководством Андреева обеспечил в ночь на 22 сентября 1941 года высадку морского десанта под Григорьевкой и эвакуацию войск из Одессы, действия кораблей в ходе обороны Севастополя [585] .

В ходе высадки десанта под Григорьевкой Андреев находился со штабом на борту крейсера «Красный Кавказ». Эсминец «Фрунзе», на котором шел командующий эскадрой Л.А. Владимирский, потопила германская авиация, управление операцией было нарушено. Командование передали командиру десантного отряда капитану 1-го ранга С.Г. Горшкову. Так как отряд высадочных средств опоздал, Андреев рекомендовал

Горшкову использовать для десантирования корабельные средства. После обстрела берега к нему двинулись катера и барказы. При поддержке артиллерии моряки успешно высадились. В наступление перешли и войска из Одессы. Захват плацдарма под Григорьевкой позволил освободить Одессу от обстрела вражеской артиллерии [586] .

Начальник штаба эскадры устраивал разбор боевых оперций, указывал правильные и неверные действия моряков [587] .

После вывода 30 октября части крупных кораблей из Севастополя, который подвергался ударам с воздуха, в главной базе оставались крейсера «Червона Украина», «Красный Крым», эсминцы «Бодрый», «Незаможник», «Шаумян», а также корабли, стоявшие в ремонте. Позднее в Севастополе был создан отряд артиллерийской поддержки, который возглавил капитан 1-го ранга В.А. Андреев с группой штабных работников. В состав отряда вошли также крейсер «Красный Кавказ», эсминцы «Дзержинский» и «Железняков». Кроме того, артиллерийскую поддержку защитников Севастополя осуществляли корабли эскадры, приходившие в главную базу [588] .

17 декабря, когда гитлеровцы начали штурм Севастополя, было решено на подкрепление перебросить 79-ю морскую стрелковую бригаду. Руководил переброской бригады капитан 1-го ранга В.А. Андреев, который, как командир отряда артиллерийской поддержки, готовился к высадке на Керченском полуострове. Уже через полчаса после получения приказа крейсера «Красный Кавказ», «Красный Крым», лидер «Харьков», эсминцы «Бодрый» и «Незаможник» приготовились принимать войска. Погрузка прошла быстро. Корабли должны были прибыть к Севастополю до рассвета, но задержались из-за ожидания командующего флотом. Затем свои коррективы внесли шторм и туман. Так как точного места не знали, было опасно идти через минные заграждения. После совещания с Андреевым и флагманским штурманом Ф.С. Октябрьский решил маневрировать вблизи фарватеров. Так как туман к рассвету не рассеялся, Октябрьский приказал прорываться прибрежным фарватером. Несмотря на обстрел береговой артиллерии и удары с воздуха, корабли без потерь полным ходом вошли в Севастопольскую бухту. Во время выгрузки бригады корабли обстреливали неприятельские позиции. Благодаря поддержке корабельной артиллерии и контратаке 79-й бригады удалось восстановить положение под Севастополем и сорвать план неприятеля взять город. За успешную высадку войск Ф.С. Октябрьский, которому Андреев доложил о выполнении задачи, объявил морякам благодарность от имени Военного совета

Севастопольского оборонительного района и защитников Севастополя [589] .

В Керченско-Феодосийской десантной операции (декабрь 1941 – январь 1942 года) Андреев командовал отрядом кораблей артиллерийской поддержки. Он обеспечил прорыв кораблей в порт Феодосия и высадку десантников на причалы и мол [590] .

Высадку десанта в Феодосии возложили на отряд высадки «А» под командованием капитана 1-го ранга Н.Е. Басистого. В его состав входил отряд кораблей высадки и поддержки десанта, которым командовал Андреев. Планировали, что в порт Феодосия сначала войдут сторожевые катера с передовыми отрядами, разведут боновые заграждения и зажгут на молу маячный огонь. За ними к молам предстояло швартовать крейсеры «Красный Крым» и «Красный Кавказ», эсминцы и тральщик «Щит». Они должны были высаживать десант и поддерживать его огнем [591] .

После погрузки десанта на корабли военком эскадры В.И. Семин и В.А. Андреев провели совещание об операции с командирами и военкомами частей. С наступлением темноты корабли вышли в море. Для маскировки цели корабли сначала шли на Севастополь, потом повернули к Феодосии. Только в море десантникам сообщили место высадки [592] .

В день высадки 29 декабря 1941 года Андреев находился на крейсере «Красный Кавказ». Когда крейсер не удалось пришвартовать к молу бортом из-за сильного отжимного ветра, капитан 1-го ранга разрешил причаливать так, как получится. Под огнем противника крейсер, получивший повреждения, с трудом пришвартовали кормой, и десантники бросились на берег [593] .

1 января 1942 года, после возвращения кораблей в Новороссийск, Андреев и бригадный комиссар В.И. Семин докладывали начальнику Главного политического управления ВМФ И.В. Рогову о ходе боевых действий при высадке десанта и получили высокую оценку; особенно высоко Рогов оценил взаимодействие моряков и сухопутных войск [594] .

Позднее В.А. Андреева назначили командовать отрядом высадки десанта в Судаке. Десантники (1750 человек, 4 горных орудия) после высадки должны были овладеть узлом дорог, чтобы способствовать наступлению войск Крымского фронта. Отряд высадки составили крейсер «Красный Крым», эсминцы «Сообразительный», «Шаумян» и канонерская лодка «Красный Аджаристан» с группой высадочных средств (6 сторожевых катеров). Операция началась вечером 15 января. Тихоходная канлодка с катерами, хотя и вышла в море заранее, не успела к

месту встречи. В ночь на 16 января, после обстрела побережья с кораблей отрядом поддержки, когда подошла канлодка, начали высадку. После нее отряд высадки вернулся в базу. Однако десант был блокирован на суше, так как фронт не смог выполнить задачу и продвинуться к месту высадки [595] .

22 января командующий Кавказским фронтом приказал высадить еще один горнострелковый полк у Судака. Командиром высадки назначили вновь Андреева. В его распоряжении был отряд высадки, который составили крейсер «Красный Крым» и эсминец «Шаумян», отряд артиллерийской поддержки (2 эсминца) и отряд высадочных средств (тральщик и 6 сторожевых катеров). Собрав 23 января корабли и суда в Новороссийске, командование высадки провело инструктаж командиров подразделений десанта, командиров кораблей и катеров. Вечером 24 января, несмотря на штормовую погоду, моряки доставили на берег большую часть десанта и грузов. Однако и этот десант, высаженный вдали от фронта, был изолирован и уничтожен [596] .

26–27 февраля для поддержки запланированного наступления Крымского фронта корабли эскадры должны были обстрелять многие пункты побережья Крыма. К этой операции привлекали все 14 боеспособных кораблей. Штаб эскадры во главе с Андреевым четко спланировал действия. Однако не во все части левого фланга Крымского фронта были посланы корректировочные посты, и эффективность обстрела оказалась невелика. Для себя начальник штаба эскадры оставил особую задачу. 28 февраля из Севастополя вышел отряд кораблей капитана 1-го ранга Андреева (крейсер «Красный Крым» и 2 эсминца). Эти корабли должны были служить отрядом поддержки высадки демонстративного десанта под Алуштой, которую предстояло осуществить отряду высадки (2 тральщика, 4 сторожевых катера). Отряд Андреева подавил огневые точки противника на берегу. Десант был высажен и к 4.00 уже возвратился на суда [597] .

С февраля 1943 года Андреева назначили заместителем начальника оперативного управления Главного морского штаба. Но эту должность он занимал недолго, ибо в апреле 1943 года его направили на Дальний Восток, командующим Северной Тихоокеанской флотилией. 18 апреля 1943 года моряка произвели в контр-адмиралы, 5 ноября 1944 года – в вице-адмиралы. Командующим флотилией он участвовал в войне с Японией 1945 года [598] .

По плану Южно-Сахалинской операции 56-й стрелковый корпус 16-й армий 2-го Дальневосточного фронта должен был 11 августа перейти границу и во взаимодействии с Северной

Тихоокеанской флотилией к 25 августа овладеть Южным Сахалином. За 5 суток первого этапа операции войскам следовало прорвать передовые укрепленные позиции на границе. На втором этапе предстояло овладеть за три дня хорошо укрепленной позицией; на этом этапе с помощью десанта предполагали взять порт Эсутору и лишить противника связи по западному побережью полуострова. На третьем этапе для поддержки стремительно наступавших войск следовало морским десантом взять порт Маока и поставить под угрозу военно-морскую базу Отомари [599] .

8 августа моряки флотилии скрытно выставили минные заграждения в Татарском проливе и Сахалинском заливе. 10 августа флотилия получила приказ командующего флотом о высадке в портах Южного Сахалина десанта для содействия 16-й армии. К этому времени флотилия располагала сторожевым кораблем «Зарница», минными заградителями «Астрахань», «Океан», 9 подводными лодками, 24 торпедными катерами, 2 дивизионами тральщиков, дивизионом сторожевых катеров. Специальных десантных судов флотилия не имела, а для поддержки огнем высадки можно было использовать только «Зарницу», «Океан», 3 тральщика и морские охотники. Флотилия имела на вооружении 15 бомбардировщиков, 12 штурмовиков, 21 разведчик и 44 истребителя. Но частые туманы в августе могли свести эту главную ударную силу флотилии на нет. Для высадки подготовили 365-й батальон морской пехоты. Моряки готовились к высадкам десантов, однако их было мало. Кроме того, под рукой не оказалось десантно-высадочных средств из числа торговых либо рыболовецких судов. Так как начавшие наступление 11 августа сухопутные войска двигались медленно, стало ясно, что десантников ждет сопротивление противника. Однако задачу следовало выполнять. Разведка показала, что первоначально избранный порт Эсутору слишком мелководен для выгрузки техники. 14 августа избрали порт Торо. Кроме морских пехотинцев, привлекли стрелковый батальон. Командиром высадки назначили наиболее опытного капитана 1-го ранга Леонова. Высадку планировали при поддержке авиации и артиллерии кораблей. Для отвлечения внимания следовало нанести за 12–14 часов удар по Эсутору, а потом уже атаковать с воздуха Торо. Для высадки организовали 4 десантных отряда и группу охранения [600] .

В ночь на 16 августа I десантный отряд: «Зарница», 4 сторожевых катера МО (в ходе подготовки минный заградитель «Океан» исключили из состава отряда) – высадил в Торо разведывательный отряд, который овладел портом. Вслед за тем

II десантный отряд (14 торпедных катеров) доставил в Торо батальон морской пехоты. III отряд (4 тральщика) перебросил стрелковый батальон. К утру 17 августа IV десантный отряд (2 транспорта, 2 катера) доставил артиллерию и тылы. В этот день были взяты Эсутору и соседние городки. А Андреев получил нагоняй от командующего фронтом за то, что без разрешения использовал стрелковый батальон. Пришлось его вернуть, а 365-й батальон морской пехоты (заслуживший звание гвардейского) направили на юг к сильно укрепленному порту Маока. Порт этот стал второй целью для Северной Тихоокеанской флотилии. 15 августа от командующего Тихоокеанским флотом поступил приказ: «…силами СТОФ, двумя батальонами 13-й стрелковой бригады подготовить десант для захвата Маока…» Вслед за тем прибыл приказ командующего фронтом о высадке десанта в порту Маока и взятии Сахалина к 25 августа. Пока шли бои за Торо, проходила подготовка и к взятию второго порта. Высадку одновременно в центральной гавани и южном ковше порта наметили на 18 августа, но перенесли из-за неготовности транспортов. Утром 20 августа 5 транспортов и 17 кораблей с десантом (113-я стрелковая бригада и сводный батальон моряков частей флотилии) вышли из Советской Гавани. В тумане нашли вход в порт Маока, и катера высадили десант так стремительно, что японцы не сразу начали сопротивление. К 14.00 город Маока был взят, несмотря на возрастающее сопротивление противника. Борьба разгорелась за соседние города [601] .

Когда разведка доложила, что на взятом в Маоке транспорте нашли карту минных полей, на которых был проложен фарватер у берега, пришлось призадуматься, ибо фарватер простреливала батарея на берегу, а в Отомари обнаружили большой корабль. Андреев на гидросамолете вылетел в Маоку, чтобы принять руководство операцией на себя. Прибыв в город, он видел многочисленные следы ожесточенных боев. После обсуждения было решено утром 22 августа собрать 3 батальона морской пехоты и 24 августа высадиться в Отомари. Несмотря на шторм, от которого страдали шедшие на буксире катера, флотилия продвигалась вперед. Ее составили минный заградитель «Океан», 6 торпедных катеров, 8 тральщиков, 4 морских охотника. 24 мая десант высадился в Отомари. Японский гарнизон капитулировал. Южный Сахалин был возвращен нашей стране [602] .

На этом действия моряков Северной Тихоокеанской флотилии не завершились. Требовалось принять капитуляцию японских войск на Южных Курильских островах Итуруп, Кунашир, Шикотан и других. Со 2 по 5 сентября острова Малой Курильской гряды были заняты без сопротивления десантами из Отомари

[603] .

В Южно-Сахалинской и Курильской операциях (август-сентябрь 1945 года) Андреев руководил разработкой и проведением боевых действий по высадке десантов, захвату портов на Южном Сахалине и Курильских островах. За проведение этих операций вице-адмирала наградили орденом Ушакова I степени. В наградном листе было написано: «…провел большую работу по подготовке Военно-морских сил флотилии к активным действиям против японских захватчиков на Южном Сахалине. Корабли флотилии приняли участие в обеспечении фланга армии при прорыве обороны японцев на Сахалине. Подготовил и осуществил высадку морского десанта в базы противника и захват их» [604] .

Имя Андреева упоминали в приказах Верховного главнокомандования. После окончания боевых действий В.А. Андреев продолжал командовать флотилией. С ноября 1945 по июнь 1946 года он был командующим Сахалинской военной флотилией Тихоокеанского флота. Затем его перевели на Балтику. В июне 1946 – марте 1947 года Андреев был начальником штаба Юго-Балтийского, а позднее, до августа 1952 года, командовал 4-м ВМФ. 27 января 1951 года его произвели в адмиралы. С августа 1952 до мая 1953 года Андреев состоял первым заместителем начальника Морского генерального штаба и Главного штаба ВМС, позднее, до марта 1955 года, – заместителем начальника Главного штаба ВМС. После этого он был адмирал-инспектором ВМФ Главной инспекции Министерства обороны до января 1957 года; одновременно в ноябре-декабре 1955 года моряк исполнял обязанности командующего Черноморским флотом. С января 1957 по январь 1961 года Андреев был начальником Военно-морской академии. В 1959 году журнал «Морской сборник» № 4 опубликовал его статью «40 лет Военно-морской академии». С ноября 1960 до апреля 1967 года Андреев – начальник тыла ВМФ. Позднее моряк находился в распоряжении главкома ВМФ. С марта 1968 года адмирал вышел в отставку [605] .

Свободное время ветеран использовал для литературной деятельности. В 70-х годах его статьи о действиях моряков появлялись в различных изданиях: *Андреев В.А.* Северная Тихоокеанская вступает в бой // Боевая вахта. 1972. 2 сентября; *Он же.* Первая морская // Форпост героев. Хабаровск, 1973. С. 280–284; Воспоминания // Боевая вахта. 1977. 27 и 29 марта, 2 апреля; *Он же.* Освобождение Сахалина // Мы – тихоокеанцы. Владивосток, 1977. С. 260–269. В 1982 году «Воениздат» выпустил книгу воспоминаний В.А. Андреева «Моря и годы» о начале

службы моряка.
Адмирал был награжден орденом Ленина (1948), 3 орденами Красного Знамени (1942, 1944, 1953), орденами Ушакова I степени (1945), Нахимова I степени (1944), Отечественной войны I степени (1985), Красной Звезды (1984), медалями, именным оружием (1954), американским орденом «Легион достойных». Скончался адмирал в Москве 27 января 1994 года. После кремации урна с прахом В.А. Андреева была помещена в колумбарий Донского кладбища [606] .

АНТОНОВ НЕОН ВАСИЛЬЕВИЧ Командующий Онежской и Амурской флотилиями

Н.В. Антонов успешно начал службу морским пограничником, а в годы войны, командуя двумя флотилиями, отличился взятием Петрозаводска и Харбина.

Родился Антонов в селе Краскове (ныне поселок Люберецкого района Московской области) 6 (19) января 1907 года [607] . Будущий флагман происходил из семьи железнодорожника. Когда отца перевели в Коломну, с ним переехала семья. Неон окончил школу и начал работать в Коломне. Оттуда его и направили на флот по комсомольской путевке.

В 1926 году Антонов поступил в Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе и окончил его в 1930 году. Службу он проходил первоначально в морской пограничной охране на Дальнем Востоке. Сначала Антонов был вахтенным командиром на пограничном судне ПС-10 (май 1930 – февраль 1932 года). Потом моряк служил штурманом (февраль 1932 – сентябрь 1933 года), исполнял должность помощника командира сторожевого корабля «Воровский» Владивостокского морского погранотряда (сентябрь – декабрь 1933 года). С декабря 1933 по апрель 1936 года Антонов работал в Хабаровске на должности помощника начальника штаба флотилии НКВД СССР. В 1936 году он вернулся на «Воровский» уже командиром и служил с апреля 1936 по январь 1939 года. Затем Н.В. Антонова направили учиться на командном факультете Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. В связи с началом войны моряка выпустили из академии досрочно. Капитан 2-го ранга Н.В. Антонов с июня 1941 года командовал 1-м дивизионом канонерских лодок шхерного отряда Краснознаменного Балтийского флота [608] .

Дивизион следовало сформировать. Канонерская лодка «Красное знамя» была построена еще в 1897 году и названа тогда «Храбрый». Остальные канлодки «Амгунь», «Волга», «Москва» являлись землеотвозными шаландами, в начале июля были мобилизованы и лишь 15–19 июля после вооружения вошли в состав КБФ [609] .

Пока Антонов готовил экипажи канонерских лодок к боевым действиям, обстановка на фронте резко изменилась. Немцы продолжали продвигаться на восток. 22 июля, получив

подкрепления, гитлеровские войска развернули наступление в Эстонии против 8-й армии. Прорвав оборону армии, противник вышел к берегу Финского залива у Кунды. 11-й стрелковый корпус отходил к Нарве, а 10-й был отрезан в Таллине и составил основу его обороны. Начальник корпуса 14 августа по приказу Ставки принял командование всеми сухопутными силами под Таллином, но оказался в оперативном подчинении Военного совета Краснознаменного Балтийского флота (КБФ). 19 августа неприятель начал бои на подступах к Таллину. Антонов с канлодками «Москва» и «Амгунь» оказывал систематическую огневую поддержку в восточном секторе обороны Таллина частям 22-й мотострелковой дивизии НКВД и 1-й бригады морской пехоты, подавляя огневые точки противника. Участник обороны Таллина Ю.В. Ладинский писал в воспоминаниях: «Оборона не выдержала бы и первых ударов, если бы не артиллерия кораблей. И чем ближе к Таллину продвигалась линия фронта, тем сильнее становился огонь мощных флотских артиллерийских установок. Вначале по различным береговым целям, по скоплениям вражеских войск и танковым колоннам били орудия канонерских лодок «Москва» и «Амгунь». 22 августа первые артиллерийские удары по врагу нанесли крейсер «Киров» и мощная береговая батарея острова Вульф (Аэгна). С 23 августа уже все корабли, находившиеся в районе Таллина, оказывали артиллерийскую поддержку нашим сухопутным войскам, поскольку бои шли уже в 9–12 километрах от города» [610] .

Канонерки участвовали и в знаменитом Таллинском прорыве. Антонов командовал вторым конвоем. В охранении конвоя шли канлодка «Москва», сторожевой корабль «Чапаев», 4 тральщика, 9 катерных тральщиков, 2 катера МО-4. Канонерская лодка «Амгунь» шла в третьем конвое [611] .

Эскорт, которым располагал Антонов, имел немного средств для борьбы с авиацией. Поэтому транспорты его конвоя днем 29 августа оказались почти без защиты. Поврежденный авиацией «Иван Папанин» с трудом дотянул до острова Гогланд, где 2500 пассажиров высадили на берег. Транспорт «Шауляй» также получил повреждения, его к берегу Гогланда доставил буксир «Тазуя», который из-за повреждения сам приткнулся к берегу. На берег с «Шауляя» выгрузили 700 человек артдивизиона. Позднее спасенных вывозили, и они входили в состав войск, оборонявших Ленинград [612] . Транспорт «Эверитас» подорвался на мине и затонул [613] .

Переход конвоев и отрядов был завершен 30 августа. В Кронштадт прибыли 112 кораблей, 23 транспорта и вспомогательных судна; в пути погибли 15 кораблей и 31 судно;

торговый флот Балтийского бассейна лишился 22 судов, не считая 6 судов, стоявших на мели у Гогланда.

Корабли дивизиона Антонова также пострадали. Канлодка «Амгунь» из третьего конвоя 29 августа получила 2 бомбовых попадания, но смогла дойти до Кронштадта [614] .

После Таллинского прорыва органы НКВД провели расследование и допросили всех должностных лиц, однако с протоколами допроса, по уверениям В.Д. Доценко, не ознакомился ни один морской историк [615] . Можно полагать, что вины в действиях Антонова не нашли, и он оставался командиром дивизиона канлодок, которым еще предстояло немало повоевать.

С приходом главных сил флота в Кронштадт 30 августа все исправные 23 корабля были включены в систему обороны города. Среди них были 2 линкора, 3 крейсера, 10 эсминцев и лидеров, отряд канонерских лодок из 8 единиц («Амгунь», «Красное знамя», «Волга», «Зея», «Кама», «Москва», «Селенга», «Сестрорецк») [616] . Их артиллерия составила основу обороны Ленинграда.

В начале октября 1941 года Краснознаменный Балтийский флот оказал значительную помощь войскам Ленинградского фронта, которые попытались провести наступательную операцию, чтобы восстановить сухопутные коммуникации на южном побережье Невской губы. Несколько десантов были высажены в районе Нового Петергофа и Стрельны при поддержке 4 авиаполков. С моря десантников поддерживала артиллерия линкора «Октябрьская революция», крейсера «Киров», 6 эсминцев и лидеров, а также канонерских лодок «Амгунь», «Волга», «Москва» и «Кама». Эти действия заставили противника стянуть войска и срочно создавать противодесантную оборону побережья. Высадка десантов кончилась неудачей. 20 октября корабельная артиллерия поддерживала попытку окружить и уничтожить шлиссельбургско-сенявинскую группировку противника, но неприятель опередил. Только в ноябре удалось восстановить положение, а в декабре оттеснить противника в прежнее положение [617] .

1 декабря канлодка «Волга» участвовала в прикрытии конвоя от Ханко и отражала нападение неприятельских кораблей, вышедших из шхер [618] .

К концу 1941 года большая часть кораблей была собрана в Ленинграде. Для обороны Кронштадта зимой оставили линкор «Марат», лидер «Минск», канлодки «Волга» и «Кама», 5 сторожевых кораблей и 18 тральщиков [619] .

Осенью 1941 года на Антонова была составлена аттестация, в которой значилось: «Корабли дивизиона в результате 5-ти

месяцев боевой деятельности подготовлены удовлетворительно к выполнению задач по огневому содействию сухопутным войскам, отражению атак с воздуха и перевозкам войск… Долгое время Антонов действовал с дивизионом самостоятельно, с возложенными на него задачами справился. В боевой обстановке ведет себя спокойно и уверенно, в сложной обстановке ориентируется хорошо» [620] .

С 20 января 1942 года капитан 2-го ранга состоял начальником штаба Охраны водного района (ОВР) КБФ [621] . После эвакуации Таллина была создана единая Охрана водного района флота из кораблей и судов ОВРа Таллинской, Кронштадтской военно-морских баз и Минной обороны КБФ. К ним присоединили катера и корабли с Ханко [622] . Всего в составе организованного 30 августа ОВРа КБФ состояло 210 различных кораблей и катеров, в том числе 2 минных заградителя, 50 тральщиков, 47 катеров-тральщиков и 45 малых охотников. В условиях, когда неприятель из береговой артиллерии мог обстреливать маршрут от Кронштадта до Ленинграда, корабли и катера обеспечивали дозорную службу, морские перевозки и выполняли другие задачи [623] . В частности, моряки очищали от мин фарватеры, осуществляли защиту конвоев от ударов с воздуха и моря.

В зимний период моряки занимались ремонтом и довооружением своих кораблей и судов. Кроме того, из экипажей были сформированы сухопутные отряды, которые охраняли места базирования со стороны земерзших Невы и Невской губы. Ладинский отмечал, что за зиму были подведены итоги боевых действий 1941 года, проанализированы недостатки, а лучшее из боевого опыта сделано достоянием всех экипажей. Моряки изучали оружие и тактические приемы. С весны ОВР КБФ получил ряд задач: обеспечение выхода в море подводных лодок, поддержание сообщений с островами Лавенсари и Сескар, где оставались гарнизоны, дозорная служба, постановка мин на фарватерах противника, траление неприятельских мин с различными типами взрывателей [624] .

Нет сомнения, что во всех этих действиях принимал участие и штаб ОВРа. Позднее Ладинский вспоминал о моряке, который сменил его на посту начальника штаба ОВР КБФ: «Первые впечатления обнадеживали – Неон Васильевич за дело взялся энергично, разумно, показал неплохие штабные качества. Эти впечатления подтвердились и в дальнейшем» [625] .

Неон Васильевич недолго руководил штабом ОВРа КБФ. Уже в апреле Антонов получил новое назначение. Некоторое время он состоял начальником штаба Отряда вновь строящихся надводных

кораблей (ОВСНК) [626] . Летом 1942 года его перевели на Онежское озеро, где военная флотилия взаимодействовала с сухопутными войсками.

Флотилия существовала с июля 1941 года. Она успешно поддерживала действия сухопутных войск под командованием капитана 2-го ранга А.П. Дьяконова. 24 октября флотилия ушла на зимовку в Пермь [627] . 28 ноября 1941 года флотилию расформировали, ее корабли вошли в состав Волжской военной флотилии [628] . Однако опыт показал, что боевые корабли на Онежском озере необходимы.

30 апреля 1942 года нарком ВМФ приказал создать Онежский отряд кораблей из состава Волжской военной флотилии. В состав отряда включили управление отряда (штабной корабль «Московский комсомолец»), 6 канонерских лодок, 8 бронекатеров, 7 сторожевых катеров и катеров-тральщиков, 4 глиссера охраны водного района, 31-й отдельный батальон морской пехоты, службу наблюдения и связи, отделы тыла, складов и производственных предприятий. В качестве базы вновь избрали город Вытегра [629] . Моряки взаимодействовали с войсками 7-й отдельной армии. Они несли дозорную службу, высаживали разведчиков, обстреливали береговые позиции. В летнюю кампанию Онежский отряд кораблей успешно выполнял указания сухопутного командования [630] .

В аттестации этого времени на Антонова было указано: «За месяц пребывания в отряде разрабатывал и принимал личное участие в выполнении набеговой операции около города Вознесенск, высадке диверсионной группы 100 человек в тылу противника и ряде других операций» [631] .

В середине ноября 1942 года Онежский отряд, оставив на месте 31-й батальон морской пехоты, направился в Рыбинск на зимовку. Ранее были отправлены катера, часть тыла и оперативная часть для подготовки базирования. За зиму, несмотря на авиационные налеты противника, корабли прошли ремонт, а весной 1943 года на базе отряда была воссоздана Онежская военная флотилия. Первым эшелоном на озеро отправили канонерские лодки, бронекатера с походным штабом, тогда как капитан 2-го ранга Антонов с группой офицеров штаба оставался, чтобы ликвидировать последствия налета авиации противника и дождаться прибытия дивизиона торпедных катеров; эти минные (ракетные) катера, вооруженные «катюшами», значительно усилили огневую мощь флотилии [632] .

С января 1943 года Антонов стал начальником штаба восстановленной Онежской военной флотилии [633] .

На кампанию 1943 года Карельский фронт по согласованию с

Главным штабом ВМФ поставил перед флотилией следующие задачи: противодесантная оборона побережья, содействие флангам войск артиллерией и высадками десантов, оборона озерных путей сообщения и действия на коммуникациях противника, ведение постоянных боевых действий. Основными противниками флотилии являлись авиация и береговая артиллерия [634] .

В первой половине мая 1943 года основные силы флотилии прибыли. Сразу же начались боевые действия бронекатеров.

Летом прибыл дивизион торпедных катеров с неуправляемыми ракетами («катюшами»), которые именовали минными кораблями. После изучения новой техники А.П. Дьяконов решил проверить готовность дивизиона и отправился вместе с Антоновым к устью реки Вытегра. Так как поступило сообщение о появлении неприятельского конвоя, Антонов с 2 бронекатерами вышел в море. После того как обнаружили буксир с баржей в охранении сторожевого катера, начальник штаба флотилии радировал командующему флотилией: «Вижу противника. Прошу выслать катера». Сам он принял решение атаковать противника. Так как подкрепления не прибыли, Антонов приказал второму катеру поставить дымовую завесу, прикрывающую от огня береговых батарей. Сблизившись на 42 кабельтова, атакующий катер открыл огонь и вскоре поразил баржу; буксир и сторожевой катер отвернули под прикрытие береговых батарей. Так как второй катер не успел поставить отсекающую завесу из-за малой скорости, катера попали под обстрел береговых орудий противника, и Антонов приказал выходить из боя. Катера, маневрируя под огнем, почти без повреждений прибыли на базу. Катерники получили благодарность командующего. После того были проведены успешные испытания минных катеров [635] .

7 июля – 11 августа 1943 года Антонов временно исполнял обязанности командующего флотилией [636] .

22 августа 1943 года флотилия, которой тогда командовал контр-адмирал П.С. Абанькин, осуществила огнем поддержку прорыва сухопутными войсками вражеской обороны в районе Важерокса. Тщательно спланированная и подготовленная штабом операция прошла успешно. Главные силы, скрытно сосредоточенные в Онежском обводном канале, огнем поддерживали наступление, тогда как прорвавшиеся в Онежское озеро 6 торпедных катеров с реактивными установками должны были ошеломить противника и отвлечь его внимание от места прорыва. Перед началом операции моряки наладили взаимодействие с сухопутными войсками, провели разведку

района действий, оборудовали створы, по которым катера должны были направлять свои удары [637] . Прибывший командующий контр-адмирал П.С. Абанькин не стал вмешиваться в подготовку и оставил проведение операции на Антонове [638] .

Операция войск завершилась успешно. Захваченные пленные на допросе сообщили, что удар «катюшами» со стороны озера оказал ошеломляющее воздействие [639] .

В кампанию флотилия провела более 20 боев. В частности, в ночь на 27 сентября отряд минных кораблей обстрелял и подавил батарею и опорный пункт у населенного пункта Жабинец. Утром 10 октября катера обстреляли пристань Шелейки. В результате активных действий советских моряков противник мог проводить суда только под прикрытием батарей. В то же время онежцы провели без противодействия около 240 конвоев, более 800 судов с войсками и грузами [640] .

Осенью 1943 года флотилию с Онежского озера уводили по частям, чтобы как можно дольше держать часть сил для поддержки сухопутных войск. В начале октября на зимовку ушла большая часть кораблей. Для прикрытия перебазирования моряки высаживали разведгруппы и обстреливали береговые пункты, а оживленные радиопереговоры создавали впечатление, что флотилия остается на озере. Резкое понижение температуры во второй половине октября и падение уровня воды в Мариинской водной системе заставили поторопиться с выводом оставшихся кораблей [641] .

С 25 января по 10 июля 1944 года Антонов был командующим Онежской военной флотилией [642] .

8 мая 1944 года флотилия вновь появилась на Онежском озере. К этому времени сохранялось относительное затишье до начала Свирско-Петрозаводской операции [643] .

В кампанию 1944 года советское командование рассчитывало развернуть наступление на всем фронте, чтобы развить успехи 1943 года и воспользоваться высадкой союзников в Нормандии. Одним из направлений явилось наступление в Карелии с целью вывести из войны Финляндии. Утром 9 июня сухопутная и морская артиллерия начала обстрел неприятельских укреплений на Карельском перешейке. 10 июня войска перешли в наступление и форсировали реку Сестру. После упорных боев 20 июня советские войска взяли Выборг и продолжили наступление [644] .

Успех под Выборгом позволил перейти в наступление войскам Карельского фронта. 21 июня левый фланг Карельского фронта при поддержке Ладожской флотилии форсировал Свирь и 25 июня овладел городом Олонец и Олонецким укрепленным

районом. Правее советские войска также форсировали Свирь от Онежского до Ладожского озера и 23 июня овладели всем течением реки, заставляя врага отходить к Петрозаводску. Севернее войска фронта 21 июня взяли Повенец, очистили полностью Беломорско-Балтийский канал, 24 июня освободили Медвежьегорск и двигались также на Петрозаводск [645] .

Онежской флотилии следовало поддерживать 368-ю стрелковую дивизию, которая наступала на правом фланге 7-й армии. Подразделения дивизии к исходу 20 июня вышли на левый берег Свири, но попытка с ходу на лодках и плотах форсировать реку не удалась. Тогда Антонов передал в распоряжение командира дивизии 17 катеров, в том числе минных, вооруженных ракетными снарядами [646] . Для помощи в верховье Свири были сосредоточены 4 минных катера, 4 бронекатера, 5 сторожевых катеров и 4 катера тральщика; еще 7 минных катеров должны были поддерживать войска, наступавшие вдоль берега. Для переправы войск собрали плавучие средства у организаций и гражданского населения.

Утром 22 июня корабли, прошедшие скрытно по заминированному каналу к Жабино, были замаскированы. Следующим утром армейская артиллерия сосредоточила огонь на дороге Вознесенье – Петрозаводск. Бронекатера стреляли по минометно-артиллерийским позициям. Сначала они подавили опорные пункты у берега, потом перенесли огонь в глубь обороны. При огневой поддержке пехота на лодках и плотах пересекла реку и взяла Вознесенье. Боевые корабли не только вели огонь по огневым точкам противника, но и доставляли на катерах бойцов [647] .

К вечеру дивизия заняла плацдарм и начала наступление в сторону Петрозаводска. Так как переправа на плотах оказалась затруднена, технику и людей перевозили на спаренных катерах. Наступающим достались значительные трофеи. Моряки-онежцы за переправу получили благодарность Верховного главнокомандования [648] .

Чтобы помочь сухопутным войскам, наступавшим вдоль дорог от Вознесенья на Ладву и Петрозаводск, 26 июня флотилия высадила десант (около 100 человек) в губу Лахтинская у села Шелтозеро и огнем подавила огневые точки. К 17.30 десантники выдвинулись к дороге на Петрозаводск. К этому времени подошли и войска, двигающиеся по суше. В результате совместных действий был разгромлен батальон противника. Угрозой тылу поселка Шелт-озеро десант заставил неприятеля оставить укрепленный пункт [649] .

Утром 28 июня высадку предприняли в Уйской губе. Подавив

огневые точки противника, катера высадили первых десантников, которые встретили слабое сопротивление. Через 7–10 минут подошли катера ОВРа, канонерские лодки, сторожевые катера и транспорты с главными силами десанта. 31-й отдельный батальон морской пехоты занял село Деревянное и начал наступать на Петрозаводск, несмотря на большое число мин на дороге и взорванные мосты.

Так как войска 32-й армии наступали с севера, неприятель покинул Петрозаводск. Только диверсионные отряды были оставлены для уничтожения предприятий и административных зданий. Узнав о начале разрушений в городе, Антонов направил для его спасения корабли. В 10.0 отряд минных и торпедных катеров входил в порт и высадил на пирс часть команды. В 16.00 основные силы флотилии доставили в Петрозаводск 31-й отдельный батальон морской пехоты, снятый с берега. Моряки первыми заняли город, в который лишь на следующий день с севера и юга вступили сухопутные войска [650] . Так как онежцы первыми ворвались в Петрозаводск, о них первых было упомянуто в приказе Верховного главнокомандования. В 22.0 29 июня Москва салютовала освободителям столицы Карелии [651] .

В ходе Свирско-Петрозаводской операции корабли Онежской военной флотилии отконвоировали 268 судов, которые перевезли до 20 тысяч тонн грузов и более 15 тысяч бойцов, обеспечив наступление сухопутных войск [652] .

Боевая деятельность флотилии была отмечена приказом Верховного главнокомандующего, дивизион канонерских лодок, 1-й дивизион бронекатеров, дивизион минных катеров и 31-й отдельный батальон морской пехоты по лучили наименования Петрозаводские. Более 350 матросов, старшин и офицеров флотилии получили ордена и медали. Капитана 1-го ранга Антонова за руководство боевыми действиями под Петрозаводском наградили орденом Ушакова II степени [653] .

После освобождения Петрозаводска Онежская военная флотилия была за ненадобностью расформирована. В августе Антонова назначили начальником штаба Рижского морского оборонительного района [654] . В сентябре 1944 года его направили командовать военно-морской базой Порккала-Удд, которую Финляндия предоставила вместо Ханко. В эту базу, как и другие финские порты (Хельсинки, Ханко, Мариенхамн), была перебазирована бригада шхерных кораблей. В портах Финляндии Хельсинки, Турку, Ханко базировались советские подводные лодки [655] . Благодаря выходу на просторы Балтийского моря балтийские моряки успешно действовали против гитлеровцев.

9 мая 1945 года кончилась Великая Отечественная война. Однако

для опытного, энергичного моряка нашлось новое дело на другом конце Советского Союза. Его назначили командующим Краснознаменной Амурской военной флотилией.

Когда Н.В. Антонов прибыл на Дальний Восток, Советский Союз уже принял решение по просьбе союзников вступить в войну с Японией. Американцы нуждались в советской военной мощи, которая должна была связать боем огромную Квантунскую армию в Маньчжурии. Так как японцы на своих берегах Амура и других рек создали мощные укрепленные районы, то советским сухопутным войскам для переправы следовало рассчитывать на Краснознаменную Амурскую флотилию.

К началу боевых действий в строю флотилии состояли 6 мониторов, 11 канонерских лодок, 7 минных катеров, 52 бронекатера, 12 тральщиков, 36 катеров-тральщиков и ряд вспомогательных судов, а также 70 самолетов; 2 монитора и 2 канлодки находились в ремонте. Часть кораблей флотилии представляли вооруженные речные суда, большинство экипажей которых составляли гражданские моряки. Из состава флотилии были назначены командиры, заместители по политчасти и комендоры. Организационно флотилия была подразделена на 1, 2, 3-ю Зее-Бурейскую бригады и Сретенский отдельный дивизион речных кораблей. Кроме того, существовали Уссурийский и Ханкайский отдельные отряды бронекатеров и охрана рейда главной базы [656] .

Главной базой служил Хабаровск. Базами были М. Сазанка на реке Зея, Сретенск на Шилке и озеро Ханка. С началом боевых действий флотилии подчинили все сторожевые катера пограничной охраны на Амуре и Уссури и 106 мобилизованных судов речного пароходства [657] .

Неприятельская Сунгарийская речная флотилия насчитывала 26 кораблей и катеров, а также около 50 мотоботов, 60 десантных моторных лодок и 3 полка морской пехоты. Эти силы вместе с войсками укрепленных районов становились противниками Амурской флотилии.

Антонов значится командующим Краснознаменной Амурской флотилии с 23 июня 1945 года, когда он вступил в должность [658] . Всего два месяца ему было предоставлено на подготовку к боевым действиям.

По плану Сунгарийской операции предстояло форсировать Амур и захватить устье Сунгари, а также форсировать Уссури на вспомогательном направлении. Далее 2-му Дальневосточному фронту следовало наступать в глубину территории и взять Харбин. Во многом успех этой операции зависел от действий флотилии [659] .

Развертывание флотилии началось с утра 8 августа.

В Сунгарийской операции три бригады начали действия одновременно и к 10 августа овладели: 1-я бригада речных кораблей – островом Татарский и соседними островками, 2-я бригада речных кораблей – укрепленным сектором Фуюань и 3-я бригада речных кораблей – укрепленным сектором Дунаньчжень [660] . Их успех позволил провести переправу под Благовещенском. Уже с утра 11 августа началась переправа войск 2-й Краснознаменной армии. До 1 сентября были переправлены 64 891 солдат, 747 танков и бронемашин, 406 орудий, 3545 автомашин и масса грузов. Тем временем моряки флотилии 11 августа высадили десант на пристань Цихэ, и к вечеру город был взят. В тот же день высаженный десант овладел городом Мохэ [661] .

На левом фланге операционной зоны Краснознаменной Амурской флотилии бронекатера Ханкайского отдельного отряда в ночь на 9 августа обстреляли японские укрепления северного побережья озера Ханка. Были уничтожены 15 казарм, 8 наблюдательных вышек, 3 сторожевых катера, 2 дота, 4 дзота, 4 склада боеприпасов, рассеяны 3 гарнизона и комендатура [662] .
Итак, за первые дни наступления войска 2-го Дальневосточного фронта полностью овладели течением Амура и создали плацдармы в районе Благовещенска и устья Сунгари для дальнейшего наступления. Так как противников на Амуре не оставалось, Краснознаменной Амурской флотилии оставалось продолжать участие в Сунгарийской операции.

Главное направление наступления 2-го Дальневосточного фронта проходило вдоль реки Сунгари. Японцы на этом направлении, проходившем по правому берегу Амура и Сунгари, имели укрепленные районы Фуюань, Циндели, Эту, Гайцзы, Тунцзян, Фуцзинь, Цзямусы, Саньсин, которые стояли на пути войск, наступавших к Харбину. В условиях бездорожья реки являлись основными линиями коммуникаций. Это повышало важность действий Краснознаменной Амурской флотилии. Если наступлением 15-й армии и 5-го стрелкового корпуса на Сунгарийском направлении руководил сам командующий 2-го Дальневосточного округа генерал М.А. Пуркаев, командование основной частью флотилии (1-я и 2-я бригады речных кораблей, позднее усиленная 3-й бригадой и частью сил бригады Воронкова) принял Военный совет Краснознаменной Амурской флотилии во главе с Антоновым. Войскам и флотилии следовало решительно наступать вдоль Сунгари и овладеть Харбином. Чтобы не отрываться далеко от кораблей, Военный совет флотилии располагался на штабном корабле «Амур» [663] .

От устья Сунгари 15-я армия наступала сразу по двум берегам: по правому шли части 361-й стрелковой дивизии и 171-й танковой бригады, по левому – 34-я стрелковая дивизия. По размытым ливнями дорогам войска двигались медленно. Поэтому на части флотилии была возложена основная задача: с сухопутными войсками на борту служить передовыми отрядами. Морякам приходилось действовать на незнакомой реке, которая часто меняла русло. Даже в штабе флотилии не было карт. Тем не менее флотилия успешно выполняла задачу.

Японцы от Тунцзяна отходили к Фуцзину, вокруг которого создали укрепленный район. К городу стягивались отходившие неприятельские войска. Задачу по овладению городом 10 августа поставили 15-й армии и 1-й бригаде речных кораблей. Командующий армией решил овладеть Фуцзиньским укрепленным районом совместными ударами 361-й стрелковой дивизии и 171-й танковой бригады с суши и флотилии с реки. 1-й бригаде речных кораблей следовало высадить на правый берег десант из двух батальонов и штурмовой роты. В 16.00 10 августа корабли выступили от Тунцзина. Так как в пути отряды не встретили минных заграждений, а навигационные знаки японцы не сняли, 70 километров до Фуцзиня корабли прошли без проблем. Утром 11 августа на рейд вошли 6 бронекатеров и высадили на причал штурмовую роту. В упорном бою, при поддержке артиллерии и ракетных установок, штурмовая рота заняла плацдарм на берегу, на который монитор «Сунь Ят-сен» высадил батальон 264-го стрелкового полка. Десантники вели бой за город. С подходом сухопутных войск противник отступил на главную позицию. Только после подхода главных сил дивизии и танковой бригады 13 августа Фуцзиньский укрепленный пункт был взят [664] .

После пополнения запасов 1-я бригада речных кораблей приступила к подготовке взятия укрепленного района и города Цзямусы. Наступление по суше было задержано до 14 августа из-за того, что японцы взорвали мост через Сунгари и оказывали значительное сопротивление. Кроме того, движению мешали размытые дождями дороги. Чтобы преодолеть эти препятствия, 13 августа командование 2-го Дальневосточного фронта поставило перед Краснознаменной Амурской флотилией задачу совместно с частями 361-й и 388-й дивизий взять Цзямусы. Антонов перенес флагманский командный пункт на штабной корабль «Амур». На корабле, кроме Военного совета, находились оперативные группы штабов флотилии, 29-й истребительной дивизии и 10-й воздушной армии. 14 августа командующий флотилией прибыл в Фуцзинь, где поставил задачи 1-й и 2-й бригадам речных

кораблей [665] .

На подступах к Цзямусы 1-й отряд бронекатеров после боя захватил неприятельский корабль. Движение к Цзямусы оказалось сложным из-за массы бревен и плотов, пущенных противником по течению. Моряки высадили десант в 40 километрах от Цзямусы, а сами к вечеру 15 августа прибыли на рейд города. Оказалось, что основные силы противника (3500 человек 7-й смешанной японо-маньчжурской бригады) отошли на Мингали. В городе осталось 500 смертников. Командующий флотилией решил часть сил с кораблей 2-й бригады высадить в районе Мингали, чтобы отрезать пути отхода 7-й смешанной бригады. Во исполнение его приказа с бронекатеров и катеров-тральщиков 16 августа были высажены две роты автоматчиков. Мониторы готовились открыть огонь. Однако стрелять не пришлось: вражеская бригада капитулировала. Вскоре город был занят частями 361-й стрелковой дивизии. А ночью 16 августа бронекатера 2-й бригады огнем помогли передовым войскам 34-й стрелковой дивизии пленить противника южнее Линьцзянкоу. 16 августа Военный совет 2-го Дальневосточного фронта объявил благодарность всему личному составу Краснознаменной Амурской флотилии и десантным войскам, которые овладели Цзямусы [666] .

Так как разрозненные неприятельские войска отходили вдоль Сунгари в основном на Саньсин, появилась возможность разгромить врага до подхода к Харбину. Потому контр-адмирал Антонов 16 августа запросил у Военного совета 2-го Дальневосточного фронта разрешения овладеть с 632-м стрелковым полком Саньсином. К этому времени войска наступали по двум берегам Сунгари. Однако командующий флотилией получил разрешение взять Саньсин. Он поставил задачу командирам 1-й и 2-й бригад к 10.00 высадить десант в Саньсин и поддержать его огнем; по пути к цели следовало вести разведку и уничтожать отходящие части противника. Для проведения разведки был выделен дозорно-разведывательный отряд из монитора «Сунь Ят-сен» и 3 бронекатеров. Двигаясь вдоль реки, отряд огнем и высадкой десантов громил отступавшие вдоль берега войска. В тяжелый бой отряд попал под селением Хуньхэдао вечером 16 августа. Противник обстреливал монитор из полевых орудий. Японцы старались удержать пункт, в котором дорога отступления на Саньсин проходила близко к берегу. Лишь к вечеру 17 августа, когда подошли основные силы 1-й бригады, под прикрытием огня мониторов и бронекатеров был высажен десант, который к 23.00 овладел селением [667] .

Сняв с берега десант, корабли направились к Саньсину, утром 18 августа присоединили 2-ю бригаду. Попав под обстрел

противника с берега у Саньсина, моряки флотилии подавили неприятельские огневые точки и потопили у пристани пароход, с которого стреляли солдаты противника. Десант высадили прямо на пристань. Вскоре стало известно о капитуляции Квантунской армии, и части японских войск начали сдаваться. Трофеями в Саньсине стали 5 буксиров, пароход, 2 земснаряда, 19 барж, несколько складов [668] .

Переход кораблей в Харбин напоминал торжественное шествие, ибо в прибрежных городах моряков приветствовали местные жители. Утром 20 августа на подходе к Харбину навстречу советским кораблям вышел катер с начальником штаба Сунгарийской военной флотилии генерал-майором Цау. Тот сообщил советскому командованию о капитуляции Харбина и флотилии. 1-я и 2-я бригады речных кораблей с двумя стрелковыми батальонами прибыли в Харбин 21 августа; 22 августа пришла 3-я бригада с 394-м стрелковым полком. В Харбине моряки разоружали Сунгарийскую флотилию. Трофеями стали 4 башенные канлодки, 9 бронекатеров, 8 сторожевых катеров, более 30 буксиров, 20 грузопассажирских пароходов, много различных судов и плавсредств. На этом действия Краснознаменной Амурской флотилии были завершены [669] .

Боевые действия флотилии получили высокую оценку командования. Многие корабли и соединения получили почетные наименования и ордена. За боевые заслуги 3315 краснофлотцев, старшин и офицеров флотилии были награждены орденами и медалями. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 года семь амурцев, в том числе контр-адмирал Н.В. Антонов, были удостоены звания Героя Советского Союза [670] .

Антонов получил за службу также орден Ленина (1945), 2 ордена Красного Знамени (1944 и 1945), орден Ушакова II степени (1944), Отечественной войны I степени (1945), Красной Звезды (1944), медали. После войны он продолжал службу на флотилии и трагически погиб 24 октября 1948 года в Хабаровске [671] .

В городе Коломна Московской области установлен бюст Героя Советского Союза. Имя Антонова присвоили кораблю ВМФ [672] .

АРАПОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ Командующий Северной Тихоокеанской флотилией

М.И. Арапов явился одним из тех, кто создавал Тихоокеанский флот и готовил Северную Тихоокеанскую флотилию к неминуемым боевым действиям против Японии, а затем начальником штаба Балтийского флота организовывал подготовку прорыва блокады Ленинграда.

Михаил Арапов родился 18 (30) октября 1898 года в Санкт-Петербурге. На флот он пришел в 1918 году. С декабря 1918 по май 1919 года Арапов служил учеником-электриком в Учебно-минном отряде (Кронштадт). В годы Гражданской войны он был красноармейцем, воевал на Западном фронте в составе подразделений кронштадтских моряков против войск генерала Н.Н. Юденича. С сентября 1919 по октябрь 1921 года Арапов являлся старшиной-электриком. Видимо, молодой моряк был человеком способным. Его направили учиться в Военно-морское училище, которое Арапов закончил в мае 1925 года. В том же году он стал членом ВКП(б). В 1925 году Арапов был помощником вахтенного начальника линейного корабля «Марат». С сентября 1925 по октябрь 1926 года военмор состоял вахтенным начальником и командиром башни линейного корабля «Октябрьская революция». В октябре 1926 – ноябре 1927 года М.И. Арапов окончил штурманский класс Специальных курсов комсостава ВМС РККА. С ноября 1927 по октябрь 1928 года он был штурманом эсминца «Карл Маркс», далее до октября 1930 года – помощником командира эсминца «Калинин» Морских сил Балтийского моря. В октябре 1930 года Арапов поступил в Военно-морскую академию имени К.Е. Ворошилова и окончил военно-морской факультет академии в мае 1933 года. Его направили на Тихоокеанский флот. С мая 1933 по март 1934 года моряк состоял помощником начальника оперативного отдела штаба флота, затем до марта 1937 года начальником штаба бригады заграждения и траления. В декабре 1936 – марте 1937 года Арапов окончил курсы командиров миноносцев; в марте-октябре 1937 года был командиром лидера «Киев». В октябре 1937 года его назначили помощником начальника штаба, с октября 1938 года – временно исполняющим должность начальника штаба Тихоокеанского флота, а с августа 1938 года – заместителем командующего флотом. В октябре 1939 года моряка

назначили командующим Северной Тихоокеанской флотилией. 29 июля 1939 года его произвели в флагманы 2-го ранга, 4 июня 1940 года – в контр-адмиралы [673] .

В должности командующего флотилией Арапов готовил моряков к боевым действиям. В аттестации на него было отмечено: «В оперативно-тактическом отношении подготовлен. Учить подчиненных может. Организовать и провести боевую операцию способен. План боевой подготовки за 1942 год выполнен… Командирская учеба организована и проводилась в соответствии с существующими требованиями. Опыт Отечественной войны изучался достаточно… проделал большую организационную работу по созданию, укреплению Тихоокеанского флота» [674] .

С февраля 1943 года Арапова перевели начальником штаба Краснознаменного Балтийского флота. Под его руководством штаб флота разработал и провел операции: по перевозке кораблями флота войск и боевой техники из Ленинграда и мыса Лисий Нос в город Ораниенбаум; по обеспечению перехода из военно-морской базы Кронштадт на остров Лавенсаари (Мощный) первой группы подводных лодок для действий на коммуникациях противника в Балтийском море. Совместно со штабом Ленинградского фронта штаб флота во главе с Араповым участвовал в подготовке и проведении Мгинской наступательной операции (июль – август 1943 года) войск Ленинградского и Волховского фронтов, в сентябре – наступательной операции 67-й армии по овладению Синявинскими высотами. С декабря 1943 года Арапов находился на лечении. С июня 1946 года моряк вышел в отставку. За службу М.И. Арапов был награжден орденом Ленина (1945), 2 орденами Красного Знамени (1943, 1944), медалями. Скончался Арапов 25 мая 1947 года в Москве. Похоронили его на Новодевичьем кладбище, на 4-м участке, в 60-м ряду на 11-м месте [675] .

АРЖАВКИН АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ Командующий Чудской военной флотилией

В трудном первом году Великой Отечественной войны А.Ф. Аржавкин воевал на Волжской военной флотилии, а затем на Чудском озере и Дунае гнал неприятеля на запад, поддерживая сухопутные войска.

Александр Аржавкин родился 18 апреля 1909 года (по н. с.) в городе Ярцево, ныне Смоленской области. До 1922 года он носил фамилию Зайченков. С июня 1932 по апрель 1936 года юноша учился в Училище береговой обороны Морских сил РККА имени ЛКСМУ в Севастополе. После окончания училища Аржавкина оставили на Черном море. Он командовал батареей сторожевого корабля «Шторм» (август 1936 – март 1937 года) и лидера «Харьков» (март – июль 1937). В июле 1937 – апреле 1938 года моряк служил начальником отделения отдела командно-начальствующего состава штаба Черноморского флота. В апреле-октябре 1938 года Аржавкин был командиром БЧ-2 и временно исполнял обязанности помощника командира эсминца «Быстрый». С марта 1939 по июнь 1941 года он обучался на командном факультете Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова и с началом Великой Отечественной войны был досрочно выпущен. В июне-июле 1941 года Аржавкин состоял командиром по мобилизационной части 1-го отделения мобилизационного отдела 2-го Управления Главного морского штаба ВМФ. Затем моряка назначили на Волгу. В июле-декабре 1941 года он командовал канонерской лодкой «Федосеенко» Учебного отряда кораблей. Позднее до июля 1942 года Аржавкин являлся начальником штаба и командиром дивизиона бронекатеров 2-й бригады речных кораблей Волжской военной флотилии [676] . В начале прорыва немцев к Волге севернее Сталинграда был создан отряд бронекатеров и катеров-тральщиков под командованием капитан-лейтенанта Аржавкина. Отряд оказал значительную поддержку левому флангу Донского фронта [677] . 1 сентября 1942 года капитан-лейтенант Аржавкин прибыл с отрядом бронекатеров Волжской военной флотилии для взаимодействия с частями 66-й армии. 18–19 сентября отряд бронекатеров Аржавкина поддерживал наступление 451-й стрелковой дивизии 66-й армии [678] .

С июля 1942 до мая 1943 года Аржавкин был командиром

сначала дивизиона тральщиков отдельной, затем дивизиона и катеров-тральщиков 2-й бригады траления [679] . В 1943 году капитан-лейтенант командовал 6-м дивизионом 2-й бригады тральщиков Волжской военной флотилии. Командующий флотилией Ю.А. Пантелеев писал в воспоминаниях о событиях лета 1943 года: «Мне особенно запомнился командир 6-го дивизиона капитан-лейтенант А.Ф. Аржавкин. Он дневал и ночевал на реке, переходя с корабля на корабль. Узнав о приближении вражеских самолетов (к Камышину. – (*Н. С.*), Аржавкин успел подтянуть свои корабли к рейду, и они также приняли участие в отражении налета» [680] .

В наградном листе было записано: «…за период боевых действий на Сталинградском фронте показал себя исключительно смелым и инициативным командиром, воспитавшим десятки бесстрашных бойцов. Он смело отражал неоднократные атаки вражеских самолетов на сопровождаемые ТЩ ТЩ суда. В районе Горный Балыклей под руководством Аржавкина спасено из затонувших барж свыше 500 минометов и огромное количество армейского обмундирования. Во время ожесточенных боев у Сталинграда Аржавкин руководил приданными бронекатерами, провел ряд огневых налетов на пр-ка у д. Томилино и перебрасывал через Волгу части КА, оказывал большую помощь наступающим частям…» [681]

Осенью 1943 года для поддержки войск Северо-Западного фронта на озере Ильмень был создан отряд из минных катеров, сторожевых катеров и полуглиссеров; позднее к ним присоединили несколько вооруженных парусных шхун. Ильменскому отряду следовало осуществлять активную оборону побережья озера, нападения на коммуникации противника и разведку в тылу врага. Флотилия базировалась в устье Ловати. Она сразу оказала влияние на перевозки противника. Немцы располагали 16 вооруженными быстроходными моторными шхунами. Парусные суда противника свободно двигались по озеру и даже корректировали огонь полевой артиллерии. Однако уже в сентябре неприятелю пришлось сократить перевозки: моряки захватили несколько шхун, а 8 октября флотилия нанесла удар по базе вражеской флотилии в Устреке. По данным разведки, в базе были истреблены 43 парусных судна и несколько катеров. После этого противник стал проводить суда под берегом, в зоне действия своей артиллерии [682] . Капитан 3-го ранга Аржавкин с августа 1943 по июнь 1944 года командовал 25-м отдельным дивизионом на озере Ильмень [683] . В октябре на берег озера были высажены несколько разведывательных групп. Последнюю высадку моряки провели 7 ноября. Зимой моряков,

ремонтировавших корабли, неоднократно привлекали к действиям на суше. В январе 1944 года войска Волховского фронта форсировали реку Волхов и освободили Новгород. Моряки Ильменского соединения кораблей в феврале помогали очищать от противника южный берег озера [684] .

Весной 1944 года отряд кораблей капитана 2-го ранга А.Ф. Аржавкина перешел с озера Ильмень по Ладоге и Неве в Ленинград [685] . В мае катера Ильменского отряда были по железной дороге переброшены на Чудское озеро. Вскоре дивизион катеров капитана 3-го ранга Аржавкина преобразовали в бригаду речных кораблей. Перед бригадой, или Чудской флотилией, была поставлена задача помочь войскам изгнать противника из северной и западной частей озера и с острова Пирисаар – ключевого пункта на пути из Чудского в Псковское озеро [686] . С июня 1944 года катера бригады начали дозорную службу и активно действовали на коммуникациях противника. В первом же бою с 4 катерами противника 2 катера моряки потопили и взяли пленных. Пленные сообщили, что на Псковском и Чудском озерах немцы имели до 20 быстроходных десантных барж, 6 бронекатеров, свыше 30 быстроходных катеров, катерных тральщиков и десятки более мелких судов. С 18 августа по 14 ноября 1944 года бригада действовала совместно с войсками Ленинградского фронта, имея главную базу в Гдове. В книге «Боевой путь Советского Военно-Морского Флота» сказано: «В период подготовки Таллинской наступательной операции 25-я отдельная бригада речных кораблей, которой командовал капитан 2-го ранга А.Ф. Аржавкин, усиленная переправочными средствами инженерных войск фронта, скрытно перевезла через пролив между Чудским и Псковским озерами более 100 тыс. солдат и офицеров, свыше 1 тыс. орудий, до 4 тыс. автомобилей и много других грузов 2-й ударной армии. Оперативная группировка сил и средств армии явилась основным из главных условий успешного проведения наступательной операции по освобождению Эстонии» [687] .

Далее Аржавкин служил на Дунайской флотилии в то время, когда корабли флотилии помогали советским войскам освобождать страны Европы. С ноября 1944 года моряк являлся командиром 2-й бригады речных кораблей. Имя капитана 2-го ранга Аржавкина трижды упоминали в приказах, которыми Верховное главнокомандование объявляло благодарность отличившимся морякам [688] .

В ходе Будапештской операции 2-я бригада речных кораблей капитана 2-го ранга Аржавкина была оставлена в районе Новисада для поддержки 68-го стрелкового корпуса 57-й армии в

междуречье Савы и Дуная. В оперативное подчинение бригады были переданы батальон 83-й отдельной бригады морской пехоты, рота морской пехоты и 122-мм батарея. 24 ноября 1944 года Дунайская флотилия получила от командования 3-го Украинского фронта задачу способствовать наступлению 4-й и 57-й гвардейской армий высадками десантов, артиллерийской поддержкой. Морякам следовало обеспечивать оперативные переправы и продольные перевозки войск на Дунае [689] .

2-й бригаде речных кораблей капитана 2-го ранга Аржавкина предстояло поддержать наступление дивизий 68-го стрелкового корпуса, 1-го гвардейского укрепленного района и частей Народно-освободительной армии Югославии с рубежа Коменица – Рума на Осиек, ликвидировать прибрежные опорные пункты Илок, Сотин, Опатовац, Вуковар. Наступавшие должны были соединиться с 57-й армией севернее устья Дравы [690] .

С 1 по 9 декабря войска 68-го стрелкового корпуса наступали на Вуковарском направлении при поддержке артиллерии 2-й бригады речных кораблей. Так как 3 дня войска не смогли прорвать оборону противника, 2-й бригаде была поставлена задача: высадить десанты в Илок и Опатовац, чтобы дезорганизовать приречную оборону противника и отвлечь часть сил неприятеля. Командовать высадкой назначили Аржавкина. По плану передовой отряд (305-й отдельный батальон морской пехоты) и 2-й эшелон следовало доставить 9 бронекатерам; огневую поддержку должны были осуществить 5 минометных катеров и береговая артиллерия. Так как 2-я бригада уже с ноября готовила войска к высадке, времени на подготовку почти не потребовалось. Вечером 3 декабря войска были посажены на катера и направились к цели. Чтобы отвлечь внимание врага и заглушить шум моторов, неприятельские позиции обстреляла береговая артиллерия. Утром 4 декабря десантники высадились в Опатовац и Илок; так как наступление 68-го стрелкового корпуса задержалось на 6 часов, десанту пришлось выдержать контрудар и одновременно расширять плацдарм [691] .

Так как германское командование организовало оборону на подступах к Вуковару и задержало наступление сухопутных войск, командующий 3-м Украинским фронтом поставил Дунайской флотилии задачу высадить десант в Вуковаре. Командующий С.Г. Горшков поручил эту задачу Аржавкину. В ночь на 8 декабря 2-й бригаде при поддержке береговой артиллерии следовало высадить те же войска, что и в Опатовац. 1 бронекатер и 5 минометных катеров составляли отряд артиллерийской поддержки. Командир бригады для удобства руководства операцией расположил свой вспомогательный пункт

управления вблизи района высадки. В ночь на 8 декабря при поддержке береговой артиллерии десант был высажен выше Вуковара. Появление полутора тысяч десантников с артиллерией вблизи узла дорог оказалось внезапным для противника. Доставка 2-го эшелона уже была встречена огнем. Корабли подавили сопротивление. Но войска 68-го стрелкового корпуса не смогли прорвать оборону неприятеля, и десантникам пришлось 3 дня вести бои в обороне [692] .

9 декабря противник, сосредоточив группы танков и пехоты на флангах, пытался отрезать десант от реки и разгромить. Однако Аржавкин направил на фланги 9 бронекатеров и 4 минометных катера. 2 катера погибли, но моряки позволили десантникам удержать небольшой плацдарм. Так как к вечеру стало ясно, что сухопутные войска не в силах прорваться к Вуковару, в ночь на 10 декабря 5 бронекатеров и 4 минометных катера 2-й бригады речных кораблей под обстрелом вывезли 988 десантников [693] .

Наступление на Будапештском направлении возобновилось 20 декабря. Флотилии, которой с 12 декабря командовал контр-адмирал Т.Н. Холостяков, предстояло огнем поддерживать наступающие войска.

В то время как 1-я бригада речных кораблей обеспечивала наступление на Будапешт, 2-я бригада вела бои в районе Вуковара. 12 декабря командование бригады и 68-го стрелкового корпуса разработало план совместных действий. По решению Аржавкина 6 бронекатеров и 2 минометных катера составили отряд артиллерийской поддержки; в позициях войск развернули корректировочные посты. С 14 по 18 декабря бригада поддерживала войска, пытавшиеся взять Сотин. Так как 19 декабря 68-й стрелковый корпус был выведен на другой участок фронта, командованию бригады пришлось налаживать отношения с командованием войск 1-й болгарской армии, прибывшей на смену. Корабли флотилии перевезли болгарские войска на плацдарм. Был разработан совместный план действий против Сотина и других прибрежных пунктов. Аржавкин выделил отряд артподдержки из 7 бронекатеров и 3 минометных катеров. При поддержке артиллерии кораблей и береговых батарей болгарские войска начали наступление. Но противник сам переходил в контратаки, которые отбивали с помощью моряков. Бои продолжались до 29 декабря, после чего советские и болгарские войска на подступах к Будапешту перешли к обороне. А в январе им пришлось выдержать мощные удары неприятельских войск, которым удалось прорваться к Дунаю. Советские войска на правом берегу реки оказались в сложном положении, ибо за одну

ночь ледоходом были снесены мосты. В этой ситуации переправу пришлось взять на себя Дунайской флотилии. 2-я бригада отвечала за переправу в районе Илок, Опатовац и 6 бронекатеров выделила в поддержку 1-й бригаде траления. Несмотря на сложную ледовую обстановку, моряки успешно перевозили войска и грузы через Дунай [694] .

В середине февраля будапештская группировка противника была разгромлена и советские войска начали подготовку к наступлению на Вену. Противник также готовился к боям. Чтобы не допустить свободного движения Дунайской флотилии по реке, немцы заминировали Дунай, взорвали Естергомский мост и сосредоточили речную флотилию у Братиславы. Братиславско-Венское направление стало основным для флотилии. На этом направлении Холостяков сосредоточил главные силы, оставив часть кораблей на Вуковарском направлении [695] .

1-я и 2-я бригады речных кораблей принимали активное участие в борьбе за Естергом, который был взят 21 мая. Корабли 2-й бригады обстреливали переправы противника через Дунай на участке Естергом – Шютте с позиции у левого берега и с ходу, когда прорывались вверх по реке. В приказе Верховного главнокомандования от 25 марта 1945 года по случаю разгрома противника под Естергомом и Татом среди отличившихся указаны и моряки А.Ф. Аржавкина [696] .

При дальнейшем наступлении вдоль Дуная Аржавкин руководил высадкой батальона морской пехоты на левый берег Дуная. Он располагал 15 бронекатерами 1-й и 2-й бригад речных кораблей и 2 катерами-тральщиками. При поддержке 4 минометных катеров, береговой артиллерии и авиации отряд высадки в ночь на 28 марта прорвался мимо Естергомского моста и вышел в район переправы. Правда, из-за того, что командование 59-й дивизии не было оповещено о прорыве, оба катера-тральщика потопила своя артиллерия, а бронекатера получили повреждения. Накануне высадки Аржавкин пригласил командиров для согласования действий. 9 бронекатеров приняли батальон морской пехоты, который после огневой подготовки береговых батарей, катеров артиллерийской поддержки и ударов с воздуха направился к цели. Несмотря на огонь противника, батальон был высажен. Часть катеров оставили для поддержки. Остальные занялись переброской основных частей 83-й отдельной бригады морской пехоты. Десант ослабил сопротивление противника и позволил советским войскам к 24.00 28 марта продвинуться по левому берегу на 25 километров [697] .

В дальнейшем моряки 2-й бригады с 30 марта по 4 апреля переправили с левого берега Дуная на правый 7537 солдат и

офицеров, 124 орудия и миномета, 128 автомашин, другие грузы, что способствовало наступлению на Братиславу. 30 марта отряд бронекатеров высадил десант в Комарно. В ночь на 4 апреля корабли бригады огнем поддерживали штурм Братиславы. В приказах Верховного главнокомандования от 30 марта и 4 апреля наряду с другими отличившимися в боях за Комарно и Братиславу были упомянуты моряки капитана 2-го ранга Аржавкина.

2-й бригаде речных кораблей и ее 1-му дивизиону присвоили почетное наименование Братиславские. Национальный комитет Братиславы присвоил звание почетных граждан города группе моряков, в том числе и А.Ф. Аржавкину [698] .

6 апреля 2-я бригада речных кораблей получила указание обеспечить форсирование Дуная 46-й армией и оказать содействие его наступлению по левому берегу реки; в оперативное подчинение Аржавкину поступили корабли 1-й бригады, действующие на Венском направлении. Холостяков указал капитану 2-го ранга развернуть командный пункт в окрестностях Вены. Утром 7 апреля корабли Аржавкина начали переправу войск через Дунай. Располагая 9 бронекатерами и 12 минометными катерами, Аржавкин часть сил выдвинул на фланги для поддержки наступающих войск. Несмотря на атаки с воздуха, моряки успешно выполнили задачу по переправе войск. С 6 по 14 апреля флотилия перевезла более 100 тысяч бойцов 46-й армии с их вооружением [699] .

Аржавкину поручили также высадку десанта южнее Орта с целью захвата узла дорог в тылу противника. Так как переправа продолжалась, капитан 2-го ранга сформировал десантный отряд из 4 бронекатеров и 3 минометных катеров при поддержке береговой артиллерии. В ночь на 8 апреля десант был высажен. Его действия помогли взломать оборону противника и продвинуться к Вене. Моряки участвовали в боях за столицу Австрии. В частности, когда 9 и 10 апреля не удалось взять мост через Дунай, Аржавкин предложил высадить десант сразу на два берега реки и захватить мост. Чтобы пройти по фарватеру, на котором препятствиями являлись обломки другого моста и затопленные суда, капитан 2-го ранга решил провести высадку днем 11 апреля при поддержке сухопутной артиллерии. Были сформированы: десантный отряд и отряд прикрытия (5 бронекатеров), отряд кораблей артиллерийской поддержки (8 минных катеров). Десант составила усиленная рота. 10 апреля были подготовлены документы на высадку. Аржавкин согласовал с командиром 80-й гвардейской стрелковой дивизии совместные действия. Морякам и десантникам разъяснили обстановку и

задачи десанта. Днем 11 апреля десантники под огнем высадились у концов моста, перерезали провода к зарядам и предотвратили взрыв, после чего двое суток удерживали единственную переправу. Катера далее участвовали в борьбе за Вену. 13 апреля была разгромлена венская группировка противника, 14–15 апреля – группировка войск, пытавшихся уйти из Вены. Действия моряков флотилии отметили приказы Верховного главнокомандования. За боевые успехи на Венском направлении 2-я ордена Ушакова бригада речных кораблей получила орден Красного Знамени [700] .

После боев за Вену катера 1-й и 2-й бригад речных кораблей были направлены на боевое траление участка Дуная от Комарно до Вены, их использовали для буксировки трал барж [701] .

Инспекция Главного штаба ВМФ летом 1945 года отметила высокий уровень работы штаба флотилии. Историк Дунайской флотилии Локтионов отмечал в выводах о действиях моряков в Венской операции: «Командующий флотилией контр-адмирал Г.Н. Холостяков, командиры 1-й и 2-й бригад речных кораблей капитаны 2-го ранга П.И. Державин и А.Ф. Аржавкин своевременно и с оперативным предвидением реагировали на создававшуюся обстановку и ее изменения, вовремя предлагали командованию сухопутных войск наиболее рациональные способы решения задач силами флотилии в интересах развития наступления армий, корпусов и дивизий, наносивших удары на приречных флангах» [702] .

После войны Аржавкин командовал той же 2-й бригадой речных кораблей, с мая 1947 по апрель 1949 года – 1-й бригадой. В апреле-ноябре 1949 года моряк был начальником штаба, а затем до декабря 1950 года – командующим Дунайской военной флотилией. 27 января 1951 года Аржавкина произвели в контр-адмиралы. В 1951 году он окончил основной факультет Военноморской академии имени К.Е. Ворошилова. В мае 1951 – феврале 1953 года Аржавкин командовал Учебным отрядом кораблей ВМС, с февраля 1953 по март 1956 года был помощником командующего Северным флотом по строевой части. Из представления 1953 года можно видеть, что тот «… характеризуется как инициативный, грамотный морской офицер. Лично дисциплинирован, энергичен и смел… В сложной обстановке не теряется, умеет принять правильное решение и настойчиво провести его в жизнь, ответственности за принятое решение не боится. К подчиненным требователен и справедлив. Работоспособен, располагает хорошими организаторскими способностями…» [703] .

С марта 1956 по август 1958 года Аржавкин был командиром 17-

го объединенного Учебного отряда (УО), затем до января 1959 года – командиром 30-го УО авиации ВМФ. Моряк служил заместителем командующего по тылу – начальником тыла Ленинградской военно-морской базы (январь 1951 – декабрь 1960 года) и заместителем командира Ленинградской ВМБ по тылу – начальником тыла (декабрь 1960 – сентябрь 1965 года). 16 сентября 1965 года Аржавкин скончался в Ленинграде. Некрологи были помещены в газетах «Красная звезда» и «Советский моряк» от 18 сентября 1965 года. За службу Аржавкина наградили 3 орденами Красного Знамени (1944, 1945, 1953), Нахимова I степени (1945), Ушакова II степени (1945), Нахимова II степени (1944), Александра Невского (1944), Отечественной войны I степени (1943), 2 орденами Красной Звезды (1943, 1947), медалями. Он имел также югославский орден «За храбрость» и венгерский орден «Красное Знамя» (1955). В 1946 году моряка удостоили звания почетного гражданина города Братиславы. Его именем назвали сухогрузное судно. Похоронили Александра Федоровича на Серафимовском кладбище Ленинграда (Санкт-Петербурга) [704] .

БАРАНОВСКИЙ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ Командующий Ладожской флотилией

В.П. Барановский стал первым командующим Ладожской военной флотилией в Великой Отечественной войне, но занимал этот пост недолго.

Родился Владимир Барановский в Кронштадте 16 августа 1899 года. Послужная карта офицера отмечает, что юноша происходил из рабочих и сам работал чернорабочим. До того он окончил 4 класса городского и 4 класса высшего начального училища в 1917 году, счетоводческие курсы. В январе 1918 года Барановский поступил на службу в РККА. Тогда же его приняли членом ВКП(б). Сначала Барановский был строевым Кронштадтского флотского экипажа, воевал с мая по август 1919 года на Петроградском фронте в 1-м экспедиционном отряде. В том же 1919 году он окончил школу судовых содержателей-писарей. В 1920 году военмор являлся минно-артилерийским содержателем эсминца «Лейтенант Ильин», в 1921–1922-м – баталером и ревизором транспорта «Борго», в 1923 году – баталером эсминца «Сладков». В 1924 году Барановский стал политлектором во 2-й объединенной школе Балтийского флота [705] .

В 1926 году Барановский – преподаватель по политическим предметам 2-й объединенной школы учебного отряда БФ. Он был зачислен слушателем параллельных курсов при ВМУ [706] . В 1928 году командир окончил параллельный курс комполитсостава при Военно-морском училище имени М.В. Фрунзе. Это открыло для Барановского путь на флоте [707] . Приказом по ВМС РККА № 246 от 7 декабря 1928 года его назначили помощником командира канонерской лодки «Верный» отдельного отряда судов реки Днепр [708] .

В 1928–1930 годах он был последовательно вахтенным начальником, старшим помощником и командиром канонерской лодки «Верный», в 1931–1932 годах – исправляющим должность и командиром дивизиона бронекатеров, в 1933 году командиром 2-го дивизиона канонерских лодок. В следующем году Барановский оказался в штабе Краснознаменной Амурской флотилии (КАФ) [709] .

К лету 1934 года КАФ благодаря ремонту и восстановлению кораблей численно выросла и включала дивизион мониторов,

дивизион канонерских лодок, дивизион бронекатеров, 2 минных заградителя и 2 тральщика. В учебном отряде обучали 500 специалистов и 117 младших командиров. Для борьбы с возможной агрессии со стороны Японии и ее союзников в Китае были сформированы Сретенский, Зейский, Бурейский и Иманский речные отряды кораблей флотилии. Для усиления КАФ были переброшены по железной дороге с Днепровской флотилии разобранные монитор «Активный» и несколько бронекатеров. С кораблями прибыли экипажи [710] . Вероятно, с ними на Амур прибыл и Барановский.

Сначала он был временно начальником 2-го отдела, затем начальником боевой подготовки штаба флотилии. В 1935 году Барановского назначили начальником штаба, в 1937 – командиром Сретенского отряда речных кораблей КАФ, а в 1938 году – командиром Бурейского отряда речных кораблей. В 1939 году Барановский являлся инспектором, старшим группы контроля. В марте того же года ему присвоили звание капитана 2-го ранга [711] .

Служба на Амуре не была синекурой. С 1935 года японцы организовывали вооруженные провокации, проверяя боеспособность флотилии. Приходилось всегда быть настороже. Боевые действия у озера Хасан в 1938 и на Халкин-Голе в 1939 году показали, что японцы могут предпринять и более крупное вторжение. Постоянная боевая служба на водной границе воспитывала настоящих воинов.

Не особенно успешная Зимняя война с Финляндией потребовала укрепить командный состав обстрелянными, проверенными командирами. 21 февраля 1940 года Барановского назначили исправляющим должность начальника 1-го отделения штаба Ладожской военной флотилии, 18 марта – исполняющим должность начальника штаба флотилии, all июня утвердили в должности начальника штаба [712] .

Ладожская флотилия после окончания войны с Финляндией была расформирована. На Ладожском озере создали учебный отряд военно-морских учебных заведений (ВМУЗ). Вероятно, Барановский состоял в этом отряде, так как именно он оказался на месте, когда потребовалось воссоздать флотилию.

Ладожская военная флотилия была сформирована 25 июня 1941 года приказом наркома ВМФ из учебного отряда военно-морских учебных заведений (ВМУЗ). Главная база флотилии располагалась в Сортанлахти, тыловая – в Шлиссельбурге. Флотилию первоначально составили дивизион учебных кораблей (4 транспорта, 5 парусно-моторных шхун), дивизион катеров и учебно-артиллерийский дивизион. Первым командующим явился

капитан 2-го ранга Барановский. Однако уже 30 июня его сменил капитан 2-го ранга С.В. Земляниченко [713] .

14 июля 1941 года Барановского передали в распоряжение Военного совета КБФ. 13 ноября 1941 года он был исключен из списков, как умерший [714] .

БОГОЛЕПОВ ВИКТОР ПЛАТОНОВИЧ Командующий Ладожской флотилией

В.П. Боголепов был прирожденным начальником штаба и ученым, но судьба заставила его в самое тяжелое время принять командование Ладожской флотилией.

Виктор Боголепов родился 24 апреля (8 мая) 1896 года в Кишиневе, Молдавия. В 1916 году он окончил в родном городе гимназию, затем поступил гардемарином на морскую службу и в марте 1918 года окончил Морское училище в Петрограде. В годы Гражданской войны с мая 1918 по май 1919 года моряк был вахтенным начальником учебного судна «Народоволец» Балтийского флота. Затем он являлся начальником распорядительной части штаба Онежской озерно-речной флотилии (декабрь 1919 – май 1920 года) и Западно-Двинской военной флотилии (май-декабрь 1920 года). С декабря 1920 по март 1921 года Боголепов был начальником Службы наблюдения и связи и ОВРа Туапсинского порта, начальником штаба Таганрогского порта (март – апрель 1921), начальником Потийского укрепленного района (апрель – июль 1921 года). Затем моряк служил помощником начальника (июль 1921 – декабрь 1922 года) и начальником (до сентября 1924 года) оперативного отдела штаба Морских сил Черного моря. До конца 1924 года Боголепова прикомандировали к Военно-морской академии. С декабря 1924 по сентябрь 1927 года моряк был начальником штаба Амурской речной военной флотилии, с сентября по ноябрь 1927 года – начальником штаба Дальневосточной военной флотилии. С сентября 1927 по май 1930 года Боголепов окончил военно-морской факультет Военно-морской академии; параллельно он в 1928–1929 годах окончил артиллерийский класс Специальных курсов комсостава ВМС РККА. После академии Боголепова направили на Черное море. В мае-октябре 1930 года он служил старшим помощником командира крейсера «Червона Украина», затем до декабря 1931 года – начальником штаба дивизии крейсеров. С декабря 1931 по июнь 1935 года моряк был начальником оперативного отдела, а затем временно исполнял обязанности начальника штаба Черноморского флота. С июня 1935 по май 1937 года он состоял в должности начальника штаба. В мае 1937 – январе 1938 года Боголепов являлся преподавателем кафедры оперативного

искусства Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. В 1938 году его репрессировали, однако восстановили в кадрах ВМФ. Моряк преподавал в академии и с декабря 1940 года был доцентом кафедры стратегии и оперативного искусства. В этой должности Боголепов вступил в Великую Отечественную войну. Но уже в июле 1941 года он получил новую должность [715] .

С 21 июля капитан 1-го ранга Боголепов стал начальником штаба Ладожской военной флотилии. Командовал флотилией с 19 июля контр-адмирал П.А. Трайнин. Флотилия находилась с 10 июля в оперативном подчинении 19-го стрелкового корпуса. Когда финские войска прорвали фронт северо-восточнее Ладожского озера, флотилия получила 19 июля приказ высадить десант на остров Лункулансари, чтобы угрожать флангу и тылу противника. Утром 24 июля был высажен 1-й батальон 4-й отдельной бригады морской пехоты. При высадке был ранен Трайнин, и Боголепов принял командование флотилией. Десанту пришлось отступить, так как противник подтянул свежие части с бронетехникой. Неудачей окончилась и высадка 2-го батальона бригады морской пехоты на соседний остров Мантсинсари утром 26 июля. Из-за отсутствия взаимодействия с 23-й армией, недостаточной подготовки десантников и других ошибок десант не выполнил задачу и в ночь на 28 августа был эвакуирован [716] .

За неудовлетворительное проведение операции по высадке десанта моряка сняли с должности и отдали под суд. Исполнение приговора было отсрочено до окончания военных действий. В январе-мае 1942 года Боголепов оставался в распоряжении Наркомата ВМФ. Позднее он выполнял специальное задание по передаче опыта Краснознаменного Балтийского и Черноморского флотов морякам-тихоокеанцам, состоял начальником 1-го отдела Управления боевой подготовки ВМФ. С июля 1942 по июль 1943 года капитан 1-го ранга был начальником штаба Иоканьгской военно-морской базы [717] .

Иоканьгская военно-морская база была создана по приказу командующего Северным флотом от 22 июня 1941 года как маневренная база для обеспечения действий флота по обороне подступов к Белому морю. Моряки с начала войны содержали корабельные дозоры у Иоканьги и в северной части Белого моря. Ядро корабельного состава образовали из пограничных кораблей, дополненных вооруженными мирными судами. Саму базу укрепили батареями для отражения атак с моря и воздуха. В 1942 году авиация, прикрывающая с воздуха конвои, была значительно увеличена. Этим сравнительно небольшим силам приходилось отбивать нападения германских кораблей, подводных лодок. Со

временем база стала важным промежуточным пунктом, обеспечивающим переходы судов как внутренних, так и внешних конвоев и авиации. А 2 августа 1941 года приказом наркома ВМФ для обороны побережья, баз, портов и морских коммуникаций была создана Беломорская военная флотилия. В ее состав вошла и Иоканьгская военно-морская база [718] .

Летом 1942 года Иоканьгская военно-морская база продолжала обеспечивать перевозки в северной части Белого моря. Конвои в Иоканьге формировал штаб военно-морской базы. Во второй половине года увеличилась воздушная опасность. Если ранее конвои из 1–2 судов прикрывало столько же кораблей охранения, теперь морякам пришлось формировать конвои по 3–4 судна и 3–4 корабля, а для конвоев в Арктику, насчитывавших до 13 транспортов – по 1 кораблю на 2 судна. На наиболее опасных участках конвои прикрывали с воздуха [719] .

Осенью 1942 года Иоканьгская военно-морская база обеспечивала переход в своей зоне одиночных союзных судов, которые перевозили грузы в период, когда англичане прекратили отправку конвоев. В оперативное распоряжение командира базы Г.А. Степанова 3 ноября 1942 года были переданы 3 эсминца, 2 сторожевых корабля и 2 английских тральщика. База в Иоканьге обеспечивала также переход конвоя JW-51 в декабре 1942 года [720] .

Работа Беломорской военной флотилии по обеспечению доставки стратегических грузов была высоко оценена в Москве. В феврале 1943 года «за успешную работу, проявленную при этом энергию, смелость, решительность и мужество в руководстве боевыми действиями подчиненных частей» судимость с Боголепова сняли. С 20 июля 1943 по март 1945 года он состоял начальником штаба Беломорской флотилии, а позднее – начальником штаба Беломорского морского оборонительного района Северного флота. 31 марта 1944 года его произвели в контр-адмиралы [721] .

С 11 марта 1943 года по 30 августа 1944 года Беломорской флотилией командовал контр-адмирал С.Г. Кучеров. 20 июля 1943 года Боголепов сменил Ф.В. Зозулю на посту начальника штаба флотилии [722] .

В 1943 году часть кораблей флотилии, переоборудованных из рыболовецких судов, вернули рыбакам для увеличения лова рыбы. Но уменьшение численности компенсировали возрастанием качества. Флотилия получила в 1943 году 3 тральщика, в 1944 году – 8 больших охотников из США. Корабли оснащали современным оружием и техническими средствами. Недостаток кораблей во флотилии пополняли за счет приданных

кораблей Северного флота, что позволяло обеспечивать операции. А зона операций Беломорской военной флотилии распространилась в 1943 году не только на Карское море, но и на все море Лаптевых. В июле 1944 года в зону флотилии вошел и Беломорско-Балтийский канал. В своей зоне флотилия обеспечивала плавание торговых судов, не допускала прорыва кораблей противника в Белое море и обеспечивала безопасность берегов от высадки десантов [723] .

В 1943–1944 годах две трети конвоев прошли в Белом море и на линии Архангельск – Кольский залив, треть – в Арктике. В зоне главной базы флотилии формированием конвоев руководил начальник штаба Беломорской военной флотилии через конвойное отделение оперативного отдела. Начальник штаба принимал решение о составе эскорта, давал указание штабам соединений на выделение кораблей и ставил в известность о времени и месте формирования конвоя начальника пароходства, который давал заявку на организацию конвоя. Конвоирование продолжалось до конца войны, так как сохранялась угроза от авиации и подводных лодок [724] .

Наиболее сложным и важным районом перевозок явилась Арктика. По Северному морскому пути осуществляли маневр кораблями и судами с Тихим океаном, вывозили продукцию северных предприятий и завозили необходимое снабжение. Чтобы прервать перевозки, германские подводные лодки в арктических морях ставили мины и атаковали суда и корабли торпедами, в том числе самонаводящимися на шум винтов.

Так как активность германских подводников возросла в июле-августе 1943 года, в Арктике к середине сентября сосредоточили большую часть кораблей Беломорской военной флотилии. Поэтому В.П. Боголепов с группой офицеров штаба прибыл для руководства действиями в районе пролива Югорский Шар и Диксона. А в марте 1944 года начали организацию Карской военно-морской базы [725] .

Осенью 1943 года для вывода ледоколов и транспортов из Арктики на Диксон прибыли Боголепов и командующий контр-адмирал С.Г. Кучеров, а всей операцией командовал командующий Северным флотом. С 20 по 22 октября корабли выступали навстречу ледоколам «И. Сталин» и «Ф. Литке», образовавшим конвой АБ-55 под командованием Кучерова; с последним отрядом кораблей вышел Боголепов. Для прикрытия и обеспечения перехода были по пути развернуты эсминцы и тральщики, очищавшие путь от мин и отгонявшие германские подводные лодки. 18 ноября конвой благополучно прибыл к устью Северной Двины [726] .

В следующем году перевозки в Карском море продолжались до ледостава и, несмотря на атаки противника, моряки почти не имели потерь [727] .

Кучерова сменил в августе вице-адмирал Ю.А. Пантелеев. О первых впечатлениях по прибытии на Север Пантелеев писал в воспоминаниях:

«…В Архангельске на вокзале меня встретил начальник штаба флотилии контр-адмирал В.П. Боголепов – весьма колоритная и широко известная на флоте личность. Мы когда-то служили на Черноморье, воевали на Балтике, и вот теперь вновь встретились. Я был этому рад, зная, что Виктор Платонович – высокообразованный человек с гибким умом и широким кругозором. Работать с такими людьми – всегда удовольствие.

– Война, кажется, на исходе, – сказал он, – впору думать о плане боевой подготовки применительно к условиям мирного времени.

– Не торопитесь! – заметил я. – Думаю, что нам еще боевых дел хватит…» [728]

Дел хватало, так как неприятель продолжал действовать подводными лодками и авиацией против советского судоходства и союзных конвоев. Однако у Северного флота стало больше кораблей и самолетов, чтобы отражать нападения неприятеля. Свою лепту внесла и Беломорская флотилия. Недаром Пантелеева удивил простор, на котором предстояло действовать. Для Боголепова уже было привычно, что флотилия оперировала от Новой Земли на западе до бухты Тикси на востоке.

Осенью вновь для вывода ледоколов из Арктики (из моря Лаптевых) собрали конвой АБ-15. На сей раз Боголепов командовал отрядом кораблей, которые должны были встретить ледоколы при выходе их изо льдов, а командующий флотилией Ю.А. Пантелеев на лидере «Баку» с отрядом кораблей охранения встречал ледоколы в Карских Воротах. Два отряда кораблей и две авиагруппы обеспечивали переход конвоя. 10 октября Боголепов с походным штабом прибыл на Диксон, через 10 дней вышел навстречу ледоколам с ЗМ-90 и СКР-19. В середине ноября конвой встретился с двумя отрядами охранения и 23 ноября, идя сквозь шторм, благополучно прибыл к Северной Двине [729] .

Как и ранее, в последние месяцы войны Беломорская военная флотилия обеспечивала в своей зоне переход союзных конвоев, борьбу с подводными лодками и минами. В послевоенные годы В.П. Боголепов сначала оставался на Севере. Для моряков война продолжалась. К примеру, транспорт «Кингисепп» получил повреждение от взрыва мины 26 июня 1945 года. Потребовалось проводить траление в 1945–1947 годах, чтобы уничтожить

якорные, донные и плавающие мины, угрожавшие мирным судам [730] .

С марта 1946 по ноябрь 1947 года Боголепов являлся председателем научно-технического комитета, затем оставался в распоряжении главкома. С февраля 1948 по октябрь 1949 года моряк служил заместителем председателя по малым надводным кораблям Постоянной комиссии госприемки военных кораблей при главкоме ВМС. С октября 1949 по декабрь 1954 года Боголепов находился в запасе. Затем его призвали. Контр-адмирал находился в распоряжении Управления кадров ВМС. С февраля 1955 по май 1956 года он являлся начальником полигона № 220. Затем до июня 1957 года моряк служил адмиралом по исследованию оперативно-тактических проблем Группы исследования оперативно-тактических проблем. С июня 1957 по июнь 1958 года Боголепов был научным референтом заместителя главкома, а с июня 1958 референтом самого главкома по военно-научной работе. С июля 1960 по март 1961 года контр-адмирал служил начальником 2-го отдела ПВО ВМФ, затем до декабря 1961 года – заместителем руководителя научно-исследовательской группы. С декабря 1961 года по октябрь 1963 года моряк являлся профессором-консультантом Военно-морской академии, после чего вышел в отставку. За службу моряка наградили орденом Ленина (1945), 3 орденами Красного Знамени (1944, 1945, 1948), орденом Ушакова II степени (1944), медалями, именным оружием (1958). Скончался В.П. Боголепов 19 декабря 1974 года в Москве [731] .

Еще в 30-х годах Виктор Платонович начал научную работу. Он являлся автором трудов: «О тактике применения прожекторов» (1930), «Описание Черноморского театра военных действий» (1932), «Методика тактической подготовки надводного корабля» (1935). Его перу принадлежит свыше сотни статей в журналах и газетах. Под его редакцией вышел капитальный труд «Блокада и контр-блокада» (1967), в котором А.П. Боголепов являлся одним из соавторов.

ВОРОБЬЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
Командующий Волжской флотилией

Большинство морских командиров-пограничников, которые после начала Великой Отечественной войны были включены в состав ВМФ, во флоте и остались. Одним из исключений явился С.М. Воробьев, который не только вернулся в строй пограничников, но и выдвинулся в руководители морской пограничной охраны.

Родился Сергей Воробьев 24 сентября (6 октября) 1904 года в деревне Батеевка, ныне Весьегонского района Тверской области. В октябре 1925 года он поступил в Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе и окончил его в сентябре 1928 года. Направили молодого командира на Тихий океан. Он служил помощником вахтенного начальника, затем вахтенным начальником сторожевого корабля «Красный вымпел» (сентябрь 1928 – январь 1931 года). В 1929 году Воробьев стал участником боевых действий во время конфликта на КВЖД. С января по апрель 1931 года моряк был завхозом, далее до ноября 1931 года – артиллеристом монитора «Яков Свердлов». С ноября 1931 по май 1934 года Воробьев служил помощником начальника оперативного отдела, затем до ноября 1934 года – начальником отдела боевой подготовки Краснознаменной Амурской флотилии. С декабря 1934 по март 1938 года Воробьев учился на командном факультете Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. После окончания академии его направили в Главный морской штаб. Моряк был младшим помощником начальника, а затем и начальником (с мая 1938 по май 1939 года) 1-го отделения отдела боевой подготовки Главного морского штаба. В мае-ноябре 1938 года он состоял начальником инспекции тактической подготовки Управления боевой подготовки ВМФ [732] .

В феврале 1939 года создали Главное управление Пограничных войск, в составе которого был предусмотрен Морской отдел. Деятельность этого отдела регламентировало Положение, утвержденное 17 августа 1939 года. По Положению на Морской отдел возлагали руководство морскими частями во всех отношениях, кроме оперативных. Отдел контролировал оперативное и техническое использование судов, руководил тактической подготовкой, эксплуатацией и ремонтом судов, всеми видами морского обеспечения. Задачами отдела являлись подготовка технических заданий на создание кораблей и вооружения, составление кораблестроительных планов и

размещение заказов на предприятиях, подготовка планов комплектования и мобилизации. Начальником отдела назначили капитана 1-го ранга С.М. Воробьева [733] .

С ноября 1939 года моряк являлся также заместителем начальника пограничных войск НКВД СССР по морской части. Эту должность он занимал до июля 1941 года, когда был возвращен в кадры ВМФ. 4 июня 1940 года Воробьеву присвоили звание контр-адмирала [734] .

В период его руководства проходила реорганизация морских пограничных частей. Морской отдел активно работал над подготовкой документов, регламентирующих деятельность соединений и частей, которые охраняли морские участки границы. 3 февраля 1940 года появилась Инструкция по охране государственной границы по реке Амуру. 28 августа утвердили Инструкцию по взаимодействию морских и авиационных частей пограничных войск в охране морских государственных границ СССР, 18 октября – Инструкцию по охране морской границы в Финском заливе и Балтийском море. 17 июня 1941 года был подписан приказ начальника пограничных войск «Об организации связи между кораблями и морскими постами» [735] .

Морским отделом была разработана и утверждена Комитетом обороны СССР судостроительная программа на третью пятилетку (1938–1942). Уже к 1940 году численность пограничных судов по сравнению с 1938 годом возросла на 93 процента. Пограничники получали новые сторожевые корабли, сторожевые катера типа МО-IV и бронекатера типа БК-1. Эти корабли и катера объединяли в отряды пограничных судов, которые в случае войны должны были перейти в оперативное подчинение ВМФ. Так как при росте числа пограничных судов подготовку для них моряков всех уровней флот обеспечить не мог, пограничники в 1940 году организовали Анапский учебный центр для обучения специалистов. 23 июня 1940 года вышел приказ о создании Военно-морского пограничного училища в Ленинграде; первым начальником училища стал контр-адмирал А.Б. Садников. С 1 сентября началось обучение курсантов, которым предстояло стать командирами-пограничниками. Однако с началом Великой Отечественной войны училище передали ВМФ [736] . Флоту передали также 368 пограничных судов, в том числе 11 сторожевых кораблей, 310 сторожевых катеров и 47 вспомогательных судов. Это значительно увеличило морские эскортные силы, так как если флот имел на Баренцевом, Балтийском, Черном и Каспийском морях имел 59 малых охотников, то пограничники добавили 130 таких катеров МО и столько же катеров других типов [737] . Можно полагать, что

свою роль в развитии пограничной охраны сыграл и Воробьев.

Во флот передали и самого Воробьева. Войну моряк начинал на Волге. В июле-ноябре 1941 года Воробьев был командиром учебного отряда кораблей, с ноября по декабрь – командовал 3-й бригадой речных кораблей и одновременно исполнял обязанности командующего Волжской военной флотилией [738] .

27 октября 1941 года приказом наркома ВМФ учебный отряд кораблей, который решением Государственного Комитета Обороны был создан в июле на Волге, переименовали в Волжскую военную флотилию. Командовал флотилией с 28 октября капитан 1-го ранга С.Г. Сапожников. По приказу наркома ВМФ от 6 ноября предполагали создать 6 бригад речных кораблей (54 канонерские лодки, 30 бронекатеров, 90 катеров-тральщиков и сторожевых катеров, 60 катеров – малых охотников, 6 дивизионов торпедных катеров, 6 отрядов судов специального назначения, 6 авиаотрядов, 6 отдельных батальонов морской пехоты). Всем этим обширным объединением 6 ноября назначили командовать контр-адмирала С.М. Воробьева; капитан 1-го ранга Сапожников стал начальником штаба флотилии. Предстояло до 1 апреля 1942 года организовать флотилию на основе приказа наркома ВМФ. Директива начальника Главного морского штаба от 28 ноября поставила перед флотилией задачи: подготовка отрядов речных кораблей к действию совместно с войсками в кампанию 1942 года, подготовка кадров для действующих флотов, оборона бассейна Волги. После победы под Москвой Государственный Комитет Обороны 21 января издал постановление о приостановке массовой мобилизации судов для Волжской военной флотилии [739] . Советское командование планировало начать широкое наступление, после которого Волга должна была остаться в глубоком тылу. Это, безусловно, создало трудности с комплектованием флотилии. Но весной, когда обстановка на фронтах изменилась, на Волжскую флотилию вновь обратили внимание.

С.М. Воробьев командовал Волжской военной флотилией с 6 ноября 1941 по 16 февраля 1942 года [740] . Ему пришлось укомплектовывать флотилию судами, решать непростую проблему их вооружения, готовить к боевым действиям экипажи, в основном составленные из моряков речного флота. Воробьев сдал командование контр-адмиралу Д.Д. Рогачеву, который оправился от ран. Скорее всего, когда выяснилось, что Волга из тыловой реки, транспортной артерии и учебного центра может превратиться в поле боя, Воробьеву предпочли прошедшего суровую школу войны командующего Пинской флотилией.

28 мая 1942 года приказ командующего флотилией

определил состав и задачи сил флотилии. 1-я бригада включала дивизион канлодок (3 единицы), дивизион бронекатеров (12 единиц), отряд полуглиссеров (10 единиц), отряд катеров-тральщиков (6 единиц). Отряд сторожевых катеров составляло 6 строящихся судов. 1-я бригада базировалась на Горький. Бригаде следовало содействовать частям армии, обеспечивать переправы, бороться с переправами противника и высаживать тактические десанты. Командиром бригады являлся контр-адмирал С.М. Воробьев [741] .

Противник развивал наступление к Сталинграду. 22 июля 1942 года вражеская авиация начала активные действия на Волге. 24 июля Волжскую флотилию подчинили Сталинградскому фронту. 25 июня командующий флотилией приказом объявил ее действующей. 30 июля по приказу Рогачева 1-я бригада речных кораблей была перебазирована в Камышин. 31 июля тральщики из ее состава передали в отдельную бригаду траления для борьбы с минной опасностью. А 5 августа командующий Сталинградским фронтом включил Волжскую флотилию в систему обороны Сталинграда. 1-я бригада речных кораблей (2 канлодки, 2 плавбатареи, 6 бронекатеров) в районе Красноармейск – Светлый Яр поддерживала войска 57-й армии. Часть сил бригады выделили для создания северной группы кораблей, которая непосредственно поддерживала войска 62-й армии, обороняющие город. С 24 августа моряки флотилии начали боевые действия против рвущихся к Волге неприятельских войск [742] .

27 октября 1942 года в связи с перебазированием основной части флотилии на зимовку была сформирована Сталинградская оперативная группа в составе 2 канлодок, 15 бронекатеров, 4 катеров-тральщиков под командованием контр-адмирала Воробьева. Группе была поставлена задача артиллерийской поддержки войск, переправы войск и грузов, эвакуации раненых и уничтожения переправ противника. 31 октября на основании решения наркома ВМФ приказом командующего Сталинградским фронтом все корабли флотилии, кроме Сталинградской оперативной группы, с 1 ноября переводили на зимовку в Астрахань и Гурьев. Воробьеву в условиях начинающегося ледохода приходилось взять на себя основную работу по обеспечению действий войск. Только с 1 по 20 ноября бронекатера и тральщики в период подготовки к контрнаступлению перевезли 22,5 тысячи войск с вооружением и боеприпасами, вывезли более 11 тысяч раненых [743] .

После начала контрнаступления 19–20 декабря корабли и катера Воробьева продолжали поддержку войск. 1 декабря приказом командующего флотилией штаб 1-й бригады речных

кораблей был переименован в управление Сталинградской оперативной группы [744] .

Итак, с января по декабрь 1942 года Воробьев командовал 1-й бригадой речных кораблей Волжской военной флотилии; в ноябре-декабре он одновременно являлся командиром Сталинградской опергруппы. В наградном листе на него было написано: «За время боевых действий по обороне Сталинграда, взаимодействуя с частями 57-й и 64-й армий, корабли бригады под его командованием нанесли большой урон противнику. Не раз на отдельных участках при поддержке корабельной артиллерии части Красной Армии отбивали яростные атаки противника. По неполным данным, кораблями бригады уничтожено и рассеяно 11 батальонов пехоты, уничтожено: 7 артбатарей, 27 дзотов и блиндажей, 27 танков, 4 склада БЗ, 60 автомашин с войсками и грузами и др. Подавлено 34 артминометных батареи, 42 разные огневые точки. Сбито 3 самолета противника. Переправлены под огнем противника войска 62-й армии: войск – 25 800 человек, около 2000 тонн грузов и БЗ. Эвакуировано 6800 раненых бойцов и командиров на левый берег Волги. Воробьев месяц командовал Сталинградской оперативной группой кораблей, на которую была возложена задача переправы всех видов питания 62-й армии через р. Волга. Под огнем противника за месяц бронекатера и тральщики перевезли на правый берег 31 476 человек, более 1000 тонн различного груза и боеприпаса. Корабли поддерживали огнем группу полковника Горохова и 138 сд. Двумя канлодками уничтожено 3 танка, одна тяжелая батарея, 1 миномет, 16 разных огневых точек, отбито 10 атак противника на группу Горохова и 138 сд» [745] . Боевые действия бригады речных кораблей помогли 64-й и 62-й армиям удержать занимаемые рубежи.

В начале 1943 года Воробьева вернули в пограничные войска и направили на Дальний Восток. С января 1943 по ноябрь 1944 года он являлся заместителем начальника пограничных войск по морской части Управления пограничных войск НКВД Приморского края. Затем моряка перевели в Москву [746] .

С июня 1944 года пограничные корабли и катера стали возвращать из состава ВМФ в пограничные войска, из них формировали отряды и дивизионы пограничных судов. 15 января 1947 года было переформировано Главное управление пограничных войск; Морской отдел в его составе сохранили [747] .

Воробьев вновь служил начальником Морского отдела Главного управления пограничных войск МВД СССР (ноябрь 1944 – январь 1951 года), затем до мая 1953 года занимал ту же

должность в Главном управлении пограничных войск МГБ СССР, потом, до июня 1956 года – ту же должность в Главном управлении пограничных войск МВД СССР [748] .

В этот период нарастания холодной войны в мире Воробьеву пришлось участвовать не в одной реорганизации пограничной службы. В ноябре 1946 года Наркомат внутренних дел переименовали в министерство, а 15 января 1947 года был утвержден новый штат Главного управления пограничных войск, в котором морской отдел был увеличен и превращен в морское управление. В 1949 году пограничные войска были переданы в ведение Министерства государственной безопасности СССР. Но в 1953 году, после смерти И.В. Сталина, при объединении МГБ и МВД пограничные войска перешли в подчинение Министерства внутренних дел. Пограничников почти не коснулось значительное сокращение вооруженных сил, начатое в 1953 году. Наоборот, они воспользовались возможностью пополнить свои ряды лучшими сокращаемыми с флота офицерами, чтобы обеспечить безопасность границ [749] .

Уже 17 августа 1945 года, после окончания войны на западе, началось переформирование в отдельные дивизионы соединений наличных пограничных кораблей. Пришлось развертывать новые дивизионы на Балтике и Тихом океане, чтобы обеспечивать границы территорий, присоединенных к СССР. В это время на службе оставались старые корабли. В 1952–1955 годах не раз то морские соединения вводили в состав пограничных отрядов, то выводили из них, то сводили в отряды, то вновь дробили на дивизионы. И отряды, и дивизионы находились в оперативном подчинении начальников береговых пограничных отрядов, что приводило к недостаточно компетентному руководству морской охраной и даже нарушениям законности [750] .

При этих обстоятельствах С.М. Воробьеву пришлось заниматься восстановлением морской пограничной охраны, которая за годы войны понесла большие потери на Севере, Черном и Балтийском морях; да и возвращенные флотом корабли и катера за годы войны были изношены. Переданные пограничникам несколько трофейных кораблей положение не могли исправить.

В начале 1946 года был подготовлен минимальный план поставки плавсредств для пограничников, которые при необходимости могли быть использованы и ВМФ.

29 апреля Совет министров СССР утвердил план выделения в 1948–1955 годах кораблей и судов для пограничной службы и программу кораблестроения на 1946–1950 годы, учитывающую этот план. Правда, план этот не был выполнен полностью, но к

1954 году морские части имели 144 сторожевых корабля, 33 сторожевых и 146 малых катеров. Морское управление ГУПВ заказало на следующую пятилетку около 110 кораблей среднего водоизмещения. Пограничники строили посты технического наблюдения, получили стоянки в Балаклаве, Владивостоке, Таллине, Ленинграде. Однако, несмотря на рост числа кораблей, только на Ленинградском направлении удалось достигнуть плотности 1 корабль на 10 миль участка. На других направлениях западных границ эта величина достигала 30–50 миль, а в северных районах Тихого океана большую часть берегов охранять было нечем [751] .

Разумеется, Сергей Михайлович Воробьев по своей должности отвечал и за численность пограничных судов, и за подготовку специалистов для них, и за оборудование театра.

С ноября 1956 года С.М. Воробьев находился в запасе. В 1958 году в книге «Битва за Волгу. Воспоминания. Сталинград» были опубликованы его воспоминания «Надежная защита переправ» (с. 257–258). За службу моряк-пограничник награжден орденом Ленина (1950), 3 орденами Красного Знамени (1941, 1943, 1945), орденом Кутузова II степени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды (1944), медалями. Скончался контр-адмирал С.М. Воробьев 8 августа 1974 года в Москве. Похоронили его на Новодевичьем кладбище [752] . Прах его покоится в колумбарии, в секции 135, место 4–1 [753] .

ГОРШКОВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ Командующий Азовской и Дунайской флотилиями

С.Г. Горшков вошел в историю как создатель отечественного ракетно-ядерного флота. Но путь к званию Адмирала Флота Советского Союза оказался непростым; он лежал через труды и военные годы.

Сергей Горшков родился 13 (26) февраля 1910 года в Каменец-Подольском, ныне Хмельницкая область, Украина [754] .

Мальчик появился в семье учителей Георгия Михайловича и Елены Федосеевны и был средним из троих детей. С детства мальчика и его сестер воспитывали в атмосфере уважения к труду. С 1912 года семья переселилась в Коломну Московской области. Отец хотел, чтобы Сергей стал по его примеру преподавателем. В 1926 году, окончив среднюю школу, юноша поехал поступать в Ленинградский университет, стал вольнослушателем физико-математического факультета и подрабатывал на жизнь в порту. Море и морская служба привлекли Сергея Горшкова. В то время молодежь стремилась на флот. Решающую роль сыграла встреча с другом детства Неоном Антоновым, который приехал курсантом в Коломну на побывку. Лихой морской вид и рассказы Антонова сделали свое дело. В 1927 году Горшков поступил в Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе [755] .

Уже летом 1928 года курсант участвовал в первом дальнем походе на крейсере «Аврора», что окончательно определило дальнейший путь моряка. Плавание вдоль берегов Скандинавии было нелегким и послужило проверкой моряков, школой для них. Значительно позднее Сергей Георгиевич писал: «Часто говорят о романтике морской службы, романтике дальних океанских плаваний. Да, действительно, в морской службе романтики немало. Но по-настоящему понять и оценить эту романтику могут только люди, избравшие судьбу моряка, преданные флоту, отлично знающие и глубоко любящие свое дело, хотя в службе на море им не всегда легко. Порой возникают весьма сложные ситуации, в которых приходится постоянно быть готовым к любым, подчас тяжелейшим моральным и физическим испытаниям, требующим предельного напряжения сил. Однако великая цель служения Родине помогает морякам преодолевать все трудности…» [756]

После окончания училища в ноябре 1931 года молодой моряк служил вахтенным начальником (ноябрь – декабрь 1931 года), затем до марта 1932 года – штурманом эсминца «Фрунзе» (Черноморский флот). В 1932 году молодого моряка перевели на Тихоокеанский флот. Сначала он служил штурманом минного заградителя «Томск» (март 1932 – январь 1934 года), был флагманским штурманом бригады заграждения и траления (январь – ноябрь 1934 года), командовал сторожевым кораблем «Бурун» (с ноября 1934 по декабрь 1936 года). С декабря 1936 по март 1937 года Горшков учился на курсах командиров эсминцев при Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. После окончания курсов моряк вернулся на Тихий океан и командовал эсминцем «Разящий» (март-октябрь 1937 года). В октябре 1937 – мае 1938 года Горшков был начальником штаба, а затем до июня 1940 года служил командиром бригады эсминцев Тихоокеанского флота [757] .

Во время боев у озера Хасан (1938) капитана 3-го ранга назначили командиром 7-й морской бригады, которая конвоировала транспорты с войсками из Владивостока в бухту Новгородская и несла дозорную службу, отличаясь слаженностью действий и тесным взаимодействием с другими силами. Из-за гибели эсминца «Решительный», переводом которого Горшков руководил, осенью 1938 года его сняли с должности. Благодаря поддержке наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова было решено под суд никого не отдавать [758] .

Семь лет моряк провел на Дальнем Востоке, получил отличную практику и представление о действиях флота. В июне 1939 года капитана 2-го ранга Горшкова назначили командиром бригады эскадренных миноносцев Черноморского флота [759] .

В октябре 1939 года лидер «Москва» с эсминцем «Беспощадный» под брейд-вымпелом капитана 2-го ранга С.Г. Горшкова доставил в Стамбул министра иностранных дел Турции, возвращавшегося из Советского Союза [760] .

Моряк продолжал повышать квалификацию. С февраля 1939 до апреля 1941 года он учился на курсах усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС) при Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. С июня 1940 года С.Г. Горшков был командиром бригады крейсеров Черноморского флота. В этой должности он вступил в Великую Отечественную войну [761] .

К началу Великой Отечественной войны капитан 1-го ранга более года командовал бригадой крейсеров – основным боевым соединением Черноморского флота. Летом 1940 года бригада участвовала в маневрах, отрабатывая совместные действия с сухопутными войсками по отражению десантов с моря. Бригада в

составе «синих» из Одессы должна была доставить и высадить в районе Евпатории десант. Высадку Горшков приказал производить с помощью корабельных средств. «Красный Кавказ» и «Красный Крым» справились с этим необычным делом успешно. Вместо разбора учений корабли спешно вернулись 19 июня в Севастополь. А вскоре после возвращения в базу началась война [762] .

Бригада крейсеров с первых военных дней вступила в действие. Корабли огнем артиллерии отражали первый воздушный налет на Севастополь, ставили мины. Крейсера, которые готовили к борьбе с воздушными и морскими целями, теперь учили стрельбе по целям береговым. Горшкову самому приходилось выходить на обстрелы неприятельских войск под Одессой. Он сделал вывод о необходимости корректировки огня и присутствия в войсках представителя флота со средствами связи.

14 сентября Военный совет Черноморского флота принял решение организовать высадку десанта под Григорьевкой, чтобы улучшить положение защитников Одессы. Командиром высадки назначили контр-адмирала Л.А. Владимирского, а капитана 1-го ранга С.Г. Горшкова – командиром десантного отряда кораблей. Так как эсминец «Фрунзе», на котором Владимирский следовал в Одессу для установления взаимодействия с отрядом высадочных средств, был потоплен немецкой авиацией, Горшкову было приказано принять командование высадкой [763] .

Горшков, готовясь к операции, приказал крейсерам принять несколько баркасов с других кораблей, провел занятие с командирами по изучению обстановки в районе высадки, предусмотрел светящийся буй в районе встречи. В состав первого броска включили корректировочные партии [764] .

Крейсера «Красный Кавказ», «Красный Крым», эсминцы «Бойкий» и «Безупречный» с десантом в ночь на 22 сентября уже были на исходных рубежах. Так как отряд высадочных средств не получил указаний от Владимирского и не прибыл, Горшков решил проводить высадку на корабельных средствах. Решительно действовавшие моряки доставили на берег первую волну десанта. Подошедший позднее отряд высадочных средств принял оставшуюся часть десанта, после чего крейсера ушли, а эсминцы, к которым присоединился «Беспощадный», продолжили огневую поддержку наступавших. В итоге высадки неприятельские войска были отброшены от Одессы с большими потерями [765] .

Адмирал флота И.С. Исаков писал позднее: «Высадка с боевых кораблей под прикрытием крейсеров и миноносцев была настолько внезапной и стремительной, а взаимодействие с поддерживавшими огнем кораблями и авиацией настолько

четким, что фланг противника, упиравшийся в берег, был смят» [766] .

В ходе высадки пришло известие о присвоении С.Г. Горшкову звания контр-адмирала. Его произвели в новое звание 16 сентября 1941 года [767] .

С 13 октября 1941 года по 14 октября 1942 года Горшков командовал Азовской военной флотилией [768] .

Флотилия, сформированная решением Государственного Комитета Обороны СССР от 20 июля 1941 года, уже вскоре начала действовать. Корабли флотилии конвоировали транспортные суда, отражали атаки с воздуха. С осени 1941 года, когда германские войска приближались к Азовскому морю, флотилия приступила к поддержке действий сухопутных войск. Моряки обстреливали береговые цели, выводили из портов транспортные средства. Однако командовавший флотилией капитан 1-го ранга А.П. Александров не смог организовать управление и взаимодействие с 9-й и 51-й армиями, которые отходили под давлением неприятеля. Гитлеровцы были остановлены лишь на рубеже реки Миус. Решением наркома ВМФ СССР Александров был сменен более опытным Горшковым. Лишившись прежних баз, флотилия получила в качестве главной базы Ахтари и маневренных – Азов и Ейск. Потребовалось сформировать Ейскую военно-морскую базу. Флотилии была поставлена задача вывести суда из Ростова, уничтожить оставшиеся в Геническе плавсредства, не допустить высадки десантов на побережье от Таганрога до Темрюкского залива, обезопасить свои коммуникации, содействовать войскам Южного фронта и 51-й отдельной армии [769] .

16 ноября с разрешения Ставки были эвакуированы войска с Керченского полуострова, и единственным центром обороны Крыма стал Севастополь. В этот период возможности флотилии были невелики, да и те использовали не полностью. Так как в войсках не было представителей флота, первоначально командующему приходилось ставить задачу кораблям по радио, не зная точно обстановку. Горшков настоял, чтобы задачи флотилии ставил командующий войсками в Крыму из Керчи. Однако надежной связи с сухопутными войсками не было, не существовало планов совместных действий армии и флота при защите Керченского полуострова, и корабли привлекали к поддержке войск эпизодически [770] .

Горшков основными путями выполнения задач определил действия кораблей и авиации против неприятеля на северном побережье, создание единой с Южным фронтом противодесантной обороны восточного берега, действие против

вражеских коммуникаций и конвоирование наиболее ценных транспортов. Штаб флотилии установил взаимодействие с сухопутными войсками и готовил планы боевой деятельности. Была развернута плановая и систематическая разведка, береговая и корабельная дозорная служба, налажена регулярная боевая подготовка кораблей и частей. На собраниях и совещаниях были обсуждены недостатки предшествующей деятельности. Все эти меры способствовали превращению только что созданного соединения в эффективно действующую боевую силу. После войны бывший начальник штаба флотилии А.В. Свердлов вспоминал:

«С приходом Сергея Григорьевича мы все сразу почувствовали твердую руку. Свежая струя вливалась во все наши дела. На флотилии были проведены совещания командного и начальствующего состава, а также партийные собрания, на которых разбирались ошибки, допущенные при эвакуации Мариуполя и Таганрога, обсуждались меры по повышению боеготовности кораблей.

Разобравшись в обстановке, контр-адмирал Горшков очень верно, как показали последующие события, определил пути решения поставленных флотилии задач. Они включали действия кораблей и авиации против немецко-фашистских войск на северном побережье, создание единой с войсками Южного фронта противодесантной обороны восточного побережья моря, действия против коммуникаций и баз противника, конвоирование своих более ценных транспортов» [771] .

Основной задачей флотилии стала поддержка армии. Переброска 106-й стрелковой дивизии 22–23 ноября из Темрюка в Приморско-Ахтарскую, поддержка артиллерией наступления войск Южного фронта, действия отряда из 300 моряков-добровольцев, сформированного по инициативе Горшкова, 40-го отдельного подвижного артдивизиона и истребителей 9-й эскадрильи флотилии способствовали борьбе на суше, в частности возвращению Ростова 29 ноября [772] .

Первую серьезную проверку флотилия прошла в Керченско-Феодосийской десантной операции. В ней Азовской флотилии и Керченской военно-морской базе предстояло высадить 13 тысяч человек от 51-й армии на северное и восточное побережья Керченского полуострова и 3 тысячи от 44-й армии – у горы Опук. Горшков начал высадку 25 декабря, и к 30 декабря было переброшено на плацдарм до 20 тысяч войск 51-й армии.

Так как сопротивление противника не позволило высадить десант у Ак-Монайской позиции, Горшков принял решение провести десант у мысов Зюк и Хрони. Пришлось для высадки

собрать и приспособить свыше 300 единиц малых судов, не имевших связи и плохо пригодных для действий на море. Им предстояло в последующие месяцы стать основной десантной и транспортной силой в Керченском проливе. Именно о них И.С. Исаков писал: «Если бы старый адмирал, воспитанный на классических традициях линейного флота, увидел это сложное соединение самых разнообразных кораблей и судов – от монитора специальной постройки, бронекатера и охотника до рыбачьих мотоботов и сейнеров, вооруженных малокалиберной артиллерией и пулеметами, – он, наверное, скептически улыбнулся бы, недоумевая, как можно воевать на подобного рода «композитной» эскадре. Однако азовцы воевали, и воевали неплохо, именно на этих судах… Эти маленькие корабли делали большое дело» [773] .

После высадки основного десанта в Феодосии 29 декабря и переброски с 26 по 31 декабря крупных сил на Керченский полуостров немецкому командованию пришлось направить все, что возможно, на восток, ослабив группировку под Севастополем.

Зимой десятки штурмовых отрядов флотилии по льду атаковали неприятельские укрепления у Таганрога и восточнее Мариуполя, истребляли дозоры и быстро уходили. От моряков, возвращавшихся с задания, командующий или офицеры штаба узнавали детали похода и учитывали опыт. Действовали против неприятеля авиация и артиллерия флотилии [774] . Контр-адмирал, изучавший уставы и наставления сухопутных войск, свободно оперировал армейскими понятиями, что помогало взаимодействию с войсками [775] .

Весной 1942 года, когда гитлеровское командование готовилось к наступлению на Кавказ, Военный совет Северо-Кавказского направления поставил перед Азовской военной флотилией задачи обеспечить безопасность коммуникаций на море, содействовать войскам Крымского фронта на северном берегу Керченского полуострова и войскам Южного фронта на участке Таганрог – Мариуполь, продолжать обеспечивать противодесантную оборону. Дальнюю воздушную разведку и активные минные постановки с воздуха должен был обеспечить по заявкам Горшкова Черноморский флот. Командование флотилии приняло решение: поддерживать фланги армий отдельными отрядами кораблей, выставить с судов и самолетов минные заграждения на путях противника и оборонительные заграждения возле пригодных для высадки участков побережья. Ударами артиллерии и авиации по портам и судам в море следовало нарушать перевозки противника, защищать свои коммуникации и побережье, используя как прежние, так и

приданные силы. При перевозках применяли систему конвоев. Для действий на коммуникациях высылали отряды быстроходных судов. Мариуполь по ночам бомбили самолеты, Таганрог обстреливала береговая батарея № 661 [776] .

После того как потерпевшие поражение войска Крымского фронта отступили и начали эвакуацию в мае 1942 года, в распоряжение Керченской военно-морской базы передали все суда Азовского бассейна, а корабли флотилии прикрывали перевозки. Благодаря решительным действиям удалось перебросить на Таманский полуостров 120 тысяч человек, оставив технику. Флотилия действовала против вооруженных судов противника, сосредоточенных в Мариуполе. В соответствии с разработанным штабом флотилии планом минных постановок на путях движения противника катера в течение трех месяцев скрытно ставили минные банки, на которых неприятель нес потери.

После взятия Севастополя 3 июля гитлеровские войска развернули наступление в юго-западном направлении, к 24 июля вышли в нижнее течение Дона. Командующий Северо-Кавказским фронтом, образованным 20 мая из направления, поставил подчиненным Черноморскому флоту и Азовской флотилии задачу воспрепятствовать ожидавшейся высадке десанта через Керченский пролив. Корабли и авиация флотилии действовали против судов противника в портах и войск на побережье, отвлекая внимание и силы от Керченского пролива, поддерживали действия войск на Дону и переправу отходивших за реку частей.

24 июля немецкие войска взяли Ростов и на следующий день начали наступление на Северный Кавказ. Отдельному Донскому отряду командующий флотилией приказал поддерживать войска в районе Азов – Кагальник до последнего снаряда. Когда командир Отдельного Донского отряда под ударами авиации оставил флагманский корабль и было потеряно управление, Горшков направил в Азов флагманского артиллериста П.И. Чеснокова и офицера связи с рацией, которые обеспечили поддержку сухопутных войск [777] .

Особое место играла борьба на Таманском полуострове. Германское командование намеревалось окружить войска Северо-Кавказского фронта в районе Новороссийск– Краснодар – Туапсе наступлением с северо-запада и десантом из Крыма. 5 августа 1-я танковая армия была направлена на Армавир, Майкоп, Туапсе, чтобы отрезать пути отступления войскам фронта. Главные силы фронта были развернуты против наступающих. Оборону Таманского полуострова оставили частям Черноморского флота в районе Новороссийска. 9 августа командование силами

флотилии, Керченской и Новороссийской военно-морских баз Военные советы Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота поручили контр-адмиралу С.Г. Горшкову; 12 августа он переместил командный пункт из Темрюка в Су-Псех вблизи Анапы. Командование флотилии приняло решение всеми силами морской пехоты и артиллерии, кораблей и авиации содействовать действиям 47-й армии. Одновременно была организована противодесантная оборона. Используя различные средства, моряки наносили удары по скоплениям десантно-высадочных средств и войск противника, отбили несколько десантов, которые противник пытался высадить на косы Тузла и Чушка. Германские войска смогли занять Таманский полуостров лишь после того, как Азовское море оставил последний корабль флотилии, а войска отошли для обороны Новороссийска [778] .

17 августа Военный совет Азовской флотилии обращался к командующему Черноморским флотом:

«Противник вышел на непосредственные подступы к Новороссийску. Если НОР (Новороссийский оборонительный район) не будет создан немедленно с концентрацией всех сил флота и армии, обороняющих Темрюк, Таманский полуостров, обводы Новороссийска, возникает прямая угроза Новороссийску. Кроме этого, отсутствие единого твердого командования в Новороссийске не обеспечивает наиболее полного использования всех возможностей для усиления обороны, условий местности… Считаю необходимым:

1. Немедленно назначить единого командующего морской и сухопутной обороной Новороссийска с флагманским командным пунктом в Новороссийске.

2. Снять полевые части и подвинуть артиллерию с Таманского полуострова, эвакуировать Темрюк, что даст до двух бригад морской пехоты и до полка полевой артиллерии, перевести их для обороны Новороссийска.

3. Держать Таманский полуостров береговой артиллерией до полного расстрела артиллерии. *Горшков, Прокофьев, Моргунов* » [779] .

В тот же день приказом командующего Северо-Кавказским фронтом был создан Новороссийский оборонительный район (НОР). Вечером 18 августа это решение утвердила Ставка Верховного главнокомандования.

В боях под Азовом, Ейском и Темрюком, на Кубани и Таманском полуострове в августе 1942 года Азовская флотилия задержала наступающего противника на месяц и нанесла ему значительные потери. Флотилия лишилась большинства кораблей, однако часть их прорвалась через Керченский пролив.

Удалось спасти и значительную часть скопившихся в портах Азовского моря плавсредств; до 13 августа через Керченский пролив под ударами авиации и артиллерии противника пробились 164 судна с ценными грузами. Несмотря на то что пролив простреливала немецкая артиллерия, суда проходили под конвоем боевых кораблей и прикрытием дымзавес, выставляемых катерами. Прорвавшиеся корабли были включены в состав Новороссийского оборонительного района (НОР) [780] .

По предложению командования Азовской флотилии и заместителя командующего Черноморским флотом по береговой обороне генерал-майора П.А. Моргунова 20 августа 1941 года Новороссийский оборонительный район (НОР) был образован в составе 47-й армии, Азовской флотилии, Темрюкской, Керченской, Новороссийской морских баз и сводной авиагруппы под командованием генерал-майора Т.П. Котова. Его заместителем назначили командующего флотилией С.Г. Горшкова, а штаб флотилии стал морской частью штаба НОР и руководил действиями кораблей флотилии и Черноморского флота в сфере района. На оборудование оборонительной линии, проходившей в 30–35 километрах от Новороссийска, времени почти не было. Часть укреплений создавали уже в ходе боев. Укрепляли и сам город [781] .

18 августа, узнав о захвате станиц Абинская и Крымская, Горшков приказал командованию военно-морской базы выслать на перевалы отряды из штабов, тыловых учреждений, усиленные подвижной артиллерией. От других баз силы были выдвинуты на фланги. Сам командующий основал командный пункт на 9-м километре от Новороссийска, вместе с КП 47-й армии и Новороссийской морской базы. Вся линия обороны была разбита на 7 секторов [782] . 25 августа была сформирована из моряков 1-я сводная бригада морской пехоты. А С.Г. Горшков в конце августа 1942 года стал членом ВКП(б) [783] .

К началу сентября неприятельские войска прорвались к морю в районе Анапы, охватили Новороссийск в тесное полукольцо. 1 сентября 1942 года Ставка преобразовала Северо-Кавказский фронт в Черноморскую группу войск Закавказского фронта, которому оперативно подчинялся Черноморский флот. Морские части под Новороссийском и Туапсе, включенные в состав Черноморской группы войск, должны были удержать Новороссийскую военно-морскую базу и не допустить использования порта для действий против Кавказа. 2 сентября Горшкова назначили руководителем непосредственной обороны города [784] . Контр-адмирал перенес командный пункт на берег бухты. Когда в ночь на 10 сентября с ним прервалась связь войск,

отошедших из города, посланный отряд разведчиков нашел флагмана в подвале разрушенного дома и вывез на восточный берег [785] .

В начале сентября гитлеровские войска овладели Таманским полуостровом; советские части морем были переброшены к Новороссийску. За сентябрь советские войска, в основном морские бригады и отдельные подразделения, в боях под Новороссийском и за сам город нанесли противнику большие потери. Несмотря на натиск гитлеровцев, часть города они так и не смогли взять. Артиллерия 47-й армии и морских частей продолжала держать под обстрелом акваторию порта, не позволяя использовать ее для перевозок противника.

14 октября 1942 года приказом командующего Черноморским флотом Азовская флотилия была расформирована. Но в начале 1943 года советские войска начали наступление, были освобождены Ростов, Ейск, Азов, Приморско-Ахтарская. Противник укрепился по линии рек Миус и Кубань, располагал флотилией на Азовском море. Вновь потребовалась Азовская флотилия, и 3 февраля 1943 года нарком ВМФ издал приказ о ее воссоздании. В тот же день началось формирование флотилии. Возглавил ее контр-адмирал С.Г. Горшков [786] .

Вторично Горшков принял Азовскую флотилию 20 февраля 1943 года, когда советские войска отбросили гитлеровские войска на запад от берегов Азовского моря. Флагман стоял во главе флотилии до 5 января 1944 года, затем – с 6 февраля по 20 апреля 1944 года [787] .

С.Г. Горшков в автобиографии записал: «Весной 1943 года командовал рядом десантных и набеговых операций на временно занятое немцами побережье для содействия наступающим сухопутным войскам Южного и Северо-Кавказского фронтов. Наиболее крупными операциями флотилии были: десанты в Мариуполь, Осипенко и Темрюк; поддержка с моря частей Северо-Кавказского фронта при освобождении Таманского полуострова и, наконец, крупная десантная операция в ноябре 1943 года по высадке частей отдельной Приморской армии на Керченском полуострове. Этот десант впоследствии перерос в операцию по систематическим перевозкам через Керченский пролив войск, техники и грузов армии» [788] .

Так как Керченский пролив оставался в руках противника, первоначально в апреле-мае перебрасывали на Азовское море по железной дороге катера. Более крупные корабли действовали на Черном море у берегов Кавказа. В состав флотилии входили подвижные артиллерийские батареи, авиация и морская пехота, которые при участии приданных войск обеспечивали

противодесантную оборону. С апреля началось траление акватории и восстановление оборудования Ейского порта, ремонт судов, которые пополнили состав флотилии. Морякам приходилось бороться с неприятельскими десантами, снабжать сухопутные войска в плавнях.

В условиях численного превосходства неприятельских судов на Азовском море командование флотилии определило основными направлениями северные побережья Таманского полуострова и Таганрогского залива, чтобы обстрелами скоплений войск заставить неприятеля оттянуть силы с фронта для обороны берега. Кроме того, планировали удары авиацией и артиллерией по судам в портах и в море, нарушение коммуникации, в частности постановку мин на судоходных путях, и оборону собственных берегов [789] .

Германское командование, сняв авиацию с фронта, 25 апреля – 25 мая наносило удары по Ахтари и Ейску, потопив несколько катеров и судов. Однако моряки уже 1 мая высадили десант, способствовавший наступлению 9-й армии. Отвлекая вражеское внимание, в начале июня моряки флотилии на Черном и Азовском морях обстреливали пункты, занятые неприятелем. С появлением на флотилии артиллерийских катеров и речных бронекатеров, вооруженных ракетами, огневая мощь возросла настолько, что позволила малыми силами добиваться значительных успехов. Всего с 7 июля по 8 октября было выпущено 584 ракеты. Не раз суда флотилии вели успешные бои с неприятельскими. Интересно, что набеговые операции, как правило, проводили во взаимодействии с авиацией.

Когда 5-я ударная армия Южного фронта в августе 1942 года прорвала Миусский оборонительный рубеж противника, перед флотилией встала новая задача: не дать окруженным в районе Таганрога войскам уйти морем или берегом. Азовцы нарушали коммуникацию между городами Таганрог и Осипенко, поставили 11 минных банок, блокировали с моря Мариуполь и Таганрог силами кораблей, авиации и береговой артиллерии, высаживали десанты, которые перехватывали прибрежные дороги.

В ходе боев за Таганрог по заявке командования 44-й армии командующий флотилией организовал обстрел и блокаду 27 и 28 августа Таганрогского порта. 27–29 августа самолеты флотилии отгоняли неприятельские конвои, направлявшиеся для эвакуации окруженных. По указанию Военного совета Северо-Кавказского фронта контр-адмирал Горшков организовал высадку в тылу неприятеля в ночь на 30 августа усиленной роты морской пехоты в двух пунктах – у Безымяновки и Веселого. При поддержке кораблей и авиации тщательно подготовленная штабом высадка у

Безымяновки завершилась успехом. Успешные движения десантников и обстрелы прибрежных пунктов с моря вызвали замешательство противника. Однако из-за задержки наступления армии десант пришлось снять с берега. Катера, направлявшиеся для высадки второго десанта, в ночь на 30 августа вступили в бой с шедшим в Таганрог конвоем противника и не пропустили его к цели, нанеся врагу потери. Днем удары по неприятельским плавсредствам наносила авиация. Вошедшие в занятый войсками Таганрог катера не позволили уничтожить или увести остававшиеся в порту суда. За участие во взятии Таганрога 70 моряков наградили орденами и медалями.

2 сентября Ставка Верховного главнокомандования передала Азовскую флотилию в оперативное подчинение Южного фронта. Флотилия продолжала поддерживать наступление 44-й армии в направлении Мариуполя. Как и под Таганрогом, с 31 августа моряки блокировали порт, действовали на его коммуникациях, а в ночь на 8 сентября высадили десант в тылу неприятеля у села Ялта; второй десант из-за бурной погоды высадить не удалось. Десантники лейтенанта К.Ф. Ольшанского четверо суток вели бои в тылу противника и 11 сентября вышли в район Мариуполя. Тем временем второй десант с целью овладеть портом Мариуполь и преградить пути отхода противника был высажен в ночь на 10 сентября в Мелекино и наступал на Мариуполь. В результате упорных боев город был взят.

Сразу же после взятия Мариуполя Горшков приказал развернуть в порту командный пункт, на который перешла из Ейска оперативная группа во главе с начальником штаба [790] .

В ходе боев за Осипенко с 16 сентября авиация и артиллерия флотилии наносила удары по скоплениям войск на берегу и судам в море. В ночь на 17 сентября высаженный по приказу Горшкова в районе Луначарское– Бердянск и непосредственно в порт десант помог 28-й армии овладеть городом.

Особенностью этого периода были непосредственные подготовка и проведение операций штабом флотилии; из штабных офицеров назначались командиры высадки и офицеры их штабов. К успеху приводила совместная работа командующего и штаба.

За освобождение Таганрога, Мариуполя и Осипенко контр-адмирала С.Г. Горшкова наградили орденом Кутузова I степени [791] .

19 сентября Ставка Верховного главнокомандования подчинила Азовскую флотилию Северо-Кавказскому фронту. Отряд сил Мариупольской военно-морской базы оставили в Осипенко для прикрытия фланга Южного фронта. Основные силы

были направлены для операций у Таманского полуострова. После высадки советского десанта в порту Новороссийск 10 сентября гитлеровские войска отошли к протянувшейся от Азовского до Черного моря Голубой линии. Под ее прикрытием германские войска эвакуировались с Таманского полуострова в Крым. Азовской флотилии предстояло вместе с Черноморским флотом действовать против неприятельских перевозок в Керченском проливе и высаживать десанты на Таманском полуострове. Контр-адмирал Горшков решил высадить одновременно 545-й стрелковый полк в Голубицкой и 200 бойцов 369-го отдельного батальона морской пехоты у Чайкино, чтобы охватить Темрюк, перехватить пути отхода неприятеля по единственной дороге на Пересыпь и способствовать наступлению войск Северо-Кавказского фронта. План операции предусматривал тесное взаимодействие авиации, надводных кораблей и десантников. Были организованы тренировки десантников в погрузке на суда и действиях на берегу [792] .

В ночь на 25 сентября десанты были высажены и при поддержке огня судов перешли в наступление. Экипажи погибших кораблей Азовской флотилии присоединялись к десантникам, которые перерезали дорогу Темрюк – Пересыпь и вышли в тыл немцам у Темрюка. Подкрепления высадить не удалось, противник оттеснил десантников от берега. Но при поддержке штурмовой авиации флота десантники удержали позицию. 9-я армия прорвала фронт, 27 сентября освободила Темрюк и на следующий день соединилась с частями десанта. К 9 октября войска Северо-Кавказского фронта при поддержке сил флотилии очистили от противника весь Таманский полуостров. За успешные действия при освобождении Таманского полуострова Азовская флотилия получила благодарность Верховного главнокомандования [793] .

12 октября Ставка Верховного главнокомандования предписала Северо-Кавказскому фронту провести высадку на Керченском полуострове и создать плацдарм в Крыму. Было решено, что 56-я армия на судах Азовской флотилии займет северо-восточную часть полуострова и город Керчь, а 18-я армия на судах Черноморского флота форсирует пролив в районе Камыш-Бурун – Эльтиген и также наступает на Керчь. Горшков договорился с командующим 56-й армией о высадке после артиллерийской и авиационной подготовки двух десантов за ночь на одних и тех же плавсредствах. В каждом десанте была дивизия с подразделениями морской пехоты в первом броске. После занятия плацдарма следовало перебрасывать остальные силы армии. Штабы армии и флотилии совместно спланировали

операцию и провели подготовку. Были проверены границы минных заграждений противника и протралены проходы, оборудованы пристани для погрузки войск, обеспечены разведка, связь, навигационная обстановка и т. д. Войска ознакомили с порядком десанта и морально к нему подготовили. Для более четкого управления офицеры штаба участвовали в осуществлении разработанного ими плана [794] .

В ночь на 1 ноября корабли Черноморского флота, несмотря на шторм, высадили часть десанта у Эльтигена. Действия германских кораблей блокировали десант, и он не получил развития.

Моряки флотилии 1 ноября отказались от высадки из-за плохой погоды и укрылись в ближайших портах. Благодаря этому решению командующего удалось сохранить силы. Высадку произвели в ночь на 3 ноября. Корабли выходили из Темрюка, где был оборудован флагманский командный пункт и вспомогательный пункт управления вместе с командным пунктом 56-й армии, командующего артиллерией и командующего 4-й воздушной армией. Несмотря на плохую погоду и подрыв части судов на минах, высадочные средства вошли в Керченский пролив. Когда большинство сил было готово (22.00 2 ноября), по сигналу командира высадки началась авиационная и артиллерийская подготовка в районе Глейка – Жуковка. При поддержке огневых средств кораблей флотилии десант высадился и после полуночи перешел в наступление. Тем временем освободившиеся суда начали, а к 5.00 завершили переброску на плацдарм 2-й гвардейской Таманской стрелковой дивизии. В 3.25 началась подготовка высадки 55-й гвардейской стрелковой дивизии в районе Опасного; к 4.35 первый эшелон высадился в районе Опасное – Рыбный промысел и также перешел в наступление. Тем временем суда возвращались к косе Чушка с ранеными и принимали подкрепления. К 13.00 3 ноября все войска десанта были на берегу. Часть флотилии в соответствии с приказом высадила подкрепления у Эльтигена.

За успешную высадку С.Г. Горшков от имени Президиума Верховного Совета СССР наградил 47 человек; четверым было присвоено звание Героя Советского Союза.

После десанта флотилия приступила к снабжению высаженных войск. Приводя в порядок приданные суда, моряки под ударами противника ходили днем и ночью через Керченский пролив.

К 11 ноября десантники приблизились к окраинам Керчи. Из высаженных дивизий была сформирована Отдельная Приморская армия. Однако высаженные у Эльтигена части оказались

блокированы и с боем прорвались к горе Митридат. Азовской флотилии было поручено оказать им помощь. В это время Горшков был на лечении, и сменивший его начальник штаба А.В. Свердлов организовал 8–9 декабря переброску подкреплений на удерживаемый десантниками плацдарм, а когда защитникам плацдарма не удалось соединиться с главными силами, 10–11 декабря организовал их вывоз. На этом завершилась Керченско-Эльтигенская десантная операция. Отдельная Приморская армия прочно закрепилась на Керченском полуострове [795] .

Зимой суда и корабли Азовской флотилии продолжали снабжение армии, всего 165 суток, во время которых авиация, морские и наземные силы флотилии вели борьбу с неприятелем, пытавшимся прервать перевозки, и поддерживали действия войск на плацдарме.

В декабре Отдельной Приморской армии не удалось прорвать фронт и взять Керчь. Для облегчения прорыва Азовской флотилии поручили высадить в январе 1944 года десант против левого фланга неприятельской позиции восточнее мыса Тархан. Чтобы перебросить стрелковый полк, батальон и две роты, с которыми должен был взаимодействовать воздушный десант, пришлось использовать все десантные суда флотилии. Высадку намечали после тщательной авиационной и артиллерийской подготовки. Противника предполагали отвлечь демонстративными действиями на широком фронте разными силами, включая приданную с 3 января флотилии Керченскую военно-морскую базу. Общее руководство десантными действиями осуществлял командующий Черноморским флотом вице-адмирал Л.А. Владимирский. В первых числах 1944 года был создан Военный совет Азовской флотилии. Во временное командование из-за болезни Горшкова вступил контр-адмирал Г.Н. Холостяков [796] .

Высадка задержалась из-за плохой погоды и началась только в ночь на 10 января. Утром при поддержке артиллерии кораблей десантники высадились в районе мыса Тархан и к исходу дня соединились с войсками армии. Высаженный в ночь на 23 января в Керчь десант соединился с частями армии, однако к широкому наступлению это не привело.

В начале февраля 1944 года в командование флотилией вновь вступил С.Г. Горшков. В этот период над Керченским проливом шли бои с германской авиацией, пытавшейся прервать поставки для Отдельной Приморской армии. В апреле, когда армия перешла в наступление, флотилия напряженно работала, доставляя на плацдарм все необходимое в большинстве на маломореходных судах. Кроме того, моряки обеспечивали траление на Азовском море. 11 апреля 1944 года войска

Отдельной Приморской армии освободили Керчь, через три дня прорвали Ак-Монайские позиции и полностью очистили от неприятеля берега Азовского моря. Среди отличившихся при взятии Керчи были упомянуты моряки Азовской флотилии под командованием С.Г. Горшкова [797] .

За руководство флотилией при освобождении Крымского полуострова Горшкова наградили орденом Ушакова II степени [798] .

Бои на Азовском море завершились. Однако Горшкову и его обстрелянному, спаянному коллективу нашлось новое дело. Решением народного комиссара ВМФ 13 апреля 1944 года была расформирована Азовская флотилия и на ее базе создана Дунайская флотилия во главе с С.Г. Горшковым; флотилия непосредственно подчинялась командованию Черноморского флота [799] .

Флотоводец в полной мере освоил умение на флотилии из разномастных кораблей и судов, часто маломореходных, выполнять сложные задачи, умело планировать операции, координировать действия судов с авиацией и сухопутными войсками. Все это потребовалось на Дунае.

С 20 апреля по 12 декабря 1944 года С.Г. Горшков командовал Дунайской флотилией, которая поддерживала советские войска в наступлении по Восточной Европе. Флагман взял с собой на Дунай опытных моряков, которые в новых условиях продемонстрировали свое умение.

Перебазирование катеров и орудий береговых батарей с Азовского моря к Одессе происходило на 16 эшелонах. В организационный период флотилия тралила мины и проводила подготовку одиночных кораблей, сбор и изучение данных обстановки. Спускали суда в районе Днепровско-Бугского лимана, в Херсоне, Очакове и Одессе. С 1 июля по 12 августа проходила подготовка бригад бронекатеров и речных кораблей к высадкам десанта, переправе войск и другим действиям, которые ожидали в ходе наступления 3-го Украинского фронта в дельте Дуная. К началу августа прошедшие подготовку силы флотилии были сосредоточены в Одессе [800] .

По плану наступления силы 2-го и 3-го Украинских фронтов при поддержке Дунайской флотилии должны были окружить и ликвидировать ясско-кишиневскую группировку противника. Флотилии следовало во взаимодействии с Черноморским флотом и с левым флангом 3-го Украинского фронта разбить аккерманскую группировку гитлеровцев и выйти к устью Дуная. Морякам флотилии предстояло помочь войскам форсировать Днестровский лиман и действовать на Нижнем Дунае, воды

которого были засорены многочисленными минными постановками.

Форсирование Днестровского лимана планировал и осуществлял штаб под руководством Горшкова. 11 августа маршал Ф.И. Толбухин поставил задачу и назначил командующим операцией генерал-лейтенанта Бахтина, а его заместителем по морской части – командующего Дунайской флотилией. Все силы следовало подготовить к 20 августа [801] .

В августе началась подготовка к преодолению Днестровского лимана. На окраине Одессы две недели бойцов готовили садиться на суда и высаживаться, грести веслами. Нередко за подготовкой наблюдал сам командующий. Для переправы использовали гребные суда и малые катера [802] . Горшков решил неожиданно для противника высадить десанты на флангах позиции под Аккерманом, чтобы создать при поддержке артиллерии, авиации и кораблей плацдарм для переправы главных сил.

11–12 августа были разработаны основные оперативные документы. Для удобства взаимодействия командные пункты Горшкова и Бахтина расположились рядом в Овидиополе [803] .

20 августа началось успешное наступление фронтов, 21 августа поступило указание о форсировании лимана силами флотилии, уже скрытно сосредоточенными вблизи пунктов посадки. Высадка проходила в ночь на 22 августа. Первая волна десанта шла скрытно без артподготовки и была обнаружена в 100–200 метрах от берега. Когда десантники под огнем высадились на другом берегу, в лиман вошли бронекатера, минометные катера и тральщики, прикрываемые катерами-дымзавесчиками. Корабли поддержали наступающих, которые вскоре овладели Аккерманом (Белгород-Днестровским).

Командующий и в этой, и в последующих операциях использовал ранее применяемые методы, ведущие к победе: тщательное планирование и подготовка, внезапность и стремительность действий, отработанное взаимодействие между различными силами флотилии и с сухопутными войсками. Он требовал от штаба четкого руководства действиями и сам нередко выезжал на места, разъясняя задачу командирам [804] .

24 августа корабли прорыва при поддержке авиации и торпедных катеров вошли в Килийское гирло Дуная, заняли Вилково, Килию, Тулчу и другие населенные пункты, а бронекатера направились вверх по Дунаю, расчищая берега от противника. 25 августа был взят Измаил. Стремительно наступая, нередко моряки занимали порты до того, как к ним подходили войска 3-го Украинского фронта. В частности, 25 августа Горшков доносил в Москву: «Частей армии нет. Прошу уточнить

обстановку» [805] . К 27 августа флотилия выполнила задачу, овладев руслом реки до Галаца. 31 августа бронекатера флотилии заняли остров Змеиный. 27–29 августа капитулировали суда Румынской речной дивизии [806] .

Чтобы завершить освобождение Румынии и Болгарии, войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов по приказу Ставки Верховного главнокомандования было приказано наступать за Дунай. Переправу в районе Измаил – Галац и у Тулчи и Исакчи в конце августа – начале сентября 1944 года обеспечивали корабли Дунайской флотилии.

8 сентября советские войска вступили в Болгарию. Переправу войск обеспечивала флотилия. Так как Болгария выступила на стороне СССР, то во второй половине сентября вся ее территория была очищена от гитлеровцев общими усилиями. Флотилия в сентябре обеспечивала траление, перевозку и переправу войск и грузов на Дунае.

В период освобождения Болгарии и Румынии имя Горшкова не раз упоминали приказы Верховного главнокоман дующего. В сентябре 1944 года его произвели в вице-адмиралы [807] .

В Белградской операции (28 сентября – 20 октября) Дунайская флотилия содействовала наступлению войск, проводила траление на реке и наблюдение за минными постановками противника, переправу и перевозку войск и грузов для них. Река была разбита на участки, подчиненные старшим морским начальникам. Командный пункт развернули у Калафата, вблизи штаба 57-й армии, с которой предстояло ваимодействовать, тогда как штаб оставался в Измаиле. При необходимости создавали вспомогательные пункты управления [808] .

В боях за Радуевац и Прахово (28–30 сентября) силы флотилии для поддержки наступления использовали артиллерию кораблей и высадили 29 сентября десант под Радуевацем, а 30 сентября – в Прахово. Действия флотилии способствовали окружению и ликвидации неготинской группировки противника. К середине октября советские войска вышли к Белграду. Командование Дунайской флотилии организовало проход отряда бронекатеров через Железные Ворота на Дунае. В боях за Смедерово 12–15 сентября береговая артиллерия поддержала наступление войск. Действовавшие с реки бронекатера обстреливали неприятельские войска и дважды совершали набеги на порт Смедерово 14 сентября. В ночь на 16 сентября моряки высадили по заявке армии десант западнее Смедерово. 17 сентября порт был взят, что открывало путь на Белград. 17 октября бронекатера флотилии прорвались по реке к Белграду и

установили связь с армейскими частями. Получив приказ высадить десант на остров Ратно, два дня моряки вели разведку загроможденного прохода. 18 и 19 октября бронекатера и береговые орудия вели обстрел противника. Днем 19 октября бронекатера прорывались между фермами взорванного моста и под огнем противника. Так как противник оставил остров, десант не потребовался. Бронекатера поддерживали действия наступающих войск до 20 октября, когда Белград был освобожден. Одновременно силы флотилии осуществляли траление, перевозки и переправы на Дунае в целях обеспечения наступления на Белград и перегруппировки войск для наступления на Будапешт.

В соответствии с приказом народного комиссара ВМФ СССР от 30 октября Дунайская флотилия получила новую организацию, ей подчинили флотилии Румынии и Болгарии. Оперативное развертывание флотилии на Будапештском и Вуковарском направлениях осуществляли уже в ходе Будапештской операции, которая проходила 29 октября 1944 – 13 февраля 1945 года.

9 ноября Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин отдал приказ флотилии поторопиться завершить подготовку. Горшков решил развернуть по бригаде речных кораблей с усилением на Вуковарском и Будапештском направлениях [809] .

Осенью 1944 года Дунайская флотилия приблизилась к границам Венгрии. Однако дальнейший путь ей преграждали сильные неприятельские укрепления у Вуковара. Начальник штаба флотилии А.В. Свердлов обнаружил на карте старые каналы и предложил провести разведку, которая показала возможность воспользоваться этим путем. Командующий, прибывший из Наркомата ВМФ, согласился с предложением обойти Вуковарскую позицию. Расчищая завалы и разрушенные мосты, флотилия за 10 дней прошла к Байя. Тем временем Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин приказал высадить бригаду морской пехоты на правый берег Дуная, а затем обеспечить переправу войск на занятый плацдарм для окружения Будапешта с юго-запада. 1 декабря плацдарм был занят в районе Герьена, 7 декабря – в Дунапентеле. Переправа войск способствовала окружению неприятельской будапештской группировки войск. Советские бронекатера поддерживали наступление сухопутных войск [810] .

В последние месяцы 1944 года флотилия высадила 20 тактических десантов, очистила от мин 2500 километров рек, участвовала в освобождении Белграда и Будапешта, была награждена орденами Красного Знамени, Нахимова I степени и Кутузова II степени.

С.Г. Горшков командовал Дунайской флотилией до 12 декабря. Сдал он ее контр-адмиралу Г.Н. Холостякову. Дунайцы продолжили наступление далее в Европу.

Имя Горшкова 7 раз упоминали приказы Верховного главнокомандования. А самого флагмана в декабре 1944 года назначили командующим эскадрой Черноморского флота [811] . В представлении на эту должность было написано: «Назначение тов. С.Г. Горшкова на должность командующего эскадрой преследует цель дать боевое ядро флота в руки опытного, решительного и боевого адмирала» [812] .

В первые послевоенные годы вице-адмиралу, остававшемуся в прежней должности, пришлось заниматься ремонтом поврежденных кораблей, восстановлением баз. Он сам так писал об этом периоде: «Четыре года командования эскадрой кораблей флота дали мне хорошую практику в руководстве крупными корабельными соединениями, в проведении больших восстановительных работ на кораблях и в местах базирования, организации боевой и политической подготовки личного состава, в проведении испытаний новых, послевоенных кораблей и их оружия и техники» [813] .

Адмирал В.С. Сысоев вспоминал о подходе флагмана к обучению эскадры: «Период командования С.Г. Горшковым эскадрой Черноморского флота – это был расцвет его деятельности. В эти годы на эскадре были выработаны многие принципы морской службы на плавающих соединениях. Достаточно сказать о вошедших в то время в практику боевой подготовки эскадры Черноморского флота, а позднее и других флотов системе сбор-походов, практике сдачи экзаменов на самостоятельное управление кораблем, боевой частью, заведованием от матроса до командира корабля и соединения. Нам, служившим в то время на эскадре, было видно, с какой настойчивостью вводил Сергей Георгиевич эти и другие новшества, ставшие потом основой руководящих документов для плавающих соединений. Можно смело утверждать, что эскадра Черноморского флота в то время была образцовым соединением и именно здесь была заложена основа школы морской службы С.Г. Горшкова. Не случайно из состава эскадры Черноморского флота вышли многие видные военачальники, ставшие потом командующими флотами и заместителями Главнокомандующего. Среди них можно назвать таких, как адмирал флота С.М. Лобов, адмирал В.В. Михайлин, адмирал-инженер В.Г. Новиков и другие» [814] .

В ноябре 1948 – августе 1951 года Горшков состоял начальником штаба флота. Со 2 августа 1951 года по 12 июля

1955 года флагман был командующим Черноморским флотом. 3 августа 1953 года его произвели в адмиралы [815] . На всех постах моряк развивал и совершенствовал свой опыт командования.

Итак, за 40 лет жизни и четверть века службы на флоте С.Г. Горшков послужил на нескольких флотах и флотилиях, получил немалый опыт управления различными кораблями и соединениями. Это позволило ему подняться на новый уровень.

В июле 1955 года возглавлявший тогда Военно-морской флот Н.Г. Кузнецов назначил своим первым заместителем С.Г. Горшкова. Когда Кузнецов 5 января 1956 года оставлял высший пост на флоте, он рекомендовал в качестве замены именно Горшкова, ставшего главнокомандующим ВМФ – заместителем министра обороны СССР. В 1967 году он получил звание Адмирала Флота Советского Союза – высшее на флоте. А занимал пост главкома Горшков до декабря 1985 года, то есть почти 30 лет [816] .

В середине 50-х годов начался этап перехода флота на новый этап развития. Было положено начало ракетно-ядерному океанскому флоту. Вокруг вопроса, каков должен быть этот флот, существовали разногласия. Жертвой этих разногласий стал Н.Г. Кузнецов, сторонник развития сбалансированного флота. Стоявший во главе государства Н.С. Хрущев считал, что авиация, подводные лодки и береговая оборона способны решить все проблемы. В этой ситуации Горшкову и пришлось принять командование.

В качестве главнокомандующего ВМФ Горшков стал наследником Кузнецова и других организаторов отечественного флота – сторонников создания морской силы, достойной великой державы. Однако в отличие от Кузнецова, который нередко вступал в дискуссии на самом высоком уровне, Горшков принял более гибкую тактику. Он должен был учитывать требования, которые выдвигало высшее партийное руководство страны. В выступлении на пленуме ЦК КПСС 28 октября 1957 года он почти в каждом абзаце упоминал о направляющей деятельности ЦК КПСС и его Президиума. Помня о судьбе предшественника, флагман подчинялся решениям свыше. В январе 1956 года он подчеркивал, что отсутствие авианосцев – крупная ошибка, в результате которой флот в светлое время суток не может действовать далее 100 миль от берега без прикрытия с воздуха, и просил Президиум ЦК КПСС «принять решение об ускорении строительства авианосцев». В мае 1960 года на IV сессии Верховного Совета СССР он высказал точку зрения Хрущева о том, что крупные корабли вроде крейсера или авианосца «устарели

как средство ведения войны на море и являются лишь хорошей мишенью для современных ракет» [817] .

В промежутке между этими датами главкому ВМФ пришлось выполнять постановление Совета министров СССР от 25 марта 1958 года, в соответствии с которым было сдано на металлолом 240 кораблей и судов, в том числе недостроенные линейные корабли и крейсера; 375 кораблей поставили на консервацию. Резкое сокращение личного состава привело к тому, что с флота ушло немало хороших специалистов [818] . Со временем перекосы, в соответствии с которыми Н.С. Хрущев признавал реальной силой только подводные лодки и ракеты, потребовалось исправлять. Это можно было сделать проще, оснастив сданные на слом корабли ракетным оружием.

28 января 1956 года, обращаясь к командующим флотами, Горшков сказал: «ЦК КПСС занимался очень много и всесторонне вопросами ВМФ. В результате всестороннего и глубокого изучения дел, обстановки и состояния флота были вскрыты крупные недостатки и ошибки в целом ряде важнейших областей нашей деятельности». Он подчеркнул, что допущено игнорирование главной задачи флота – нарушение морских сообщений противника, где возможно нанести противнику ощутимые поражения, лишив подвоза сырья, людей, техники. Надводный флот этой задачи не решит. Основой боевой мощи советского ВМФ должны быть сильный подводный флот и морская авиация, способные с началом боевых действий потрясти морскую мощь противника и дать нам победу на море. Это положение и поддерживал главком ВМФ, пока у власти оставался противник надводного флота Н.С. Хрущев. В этот период со стапелей сходили атомные торпедные подводные лодки. С 1960 года лодки начали вооружать баллистическими ракетами. Параллельно строили много дизельных подводных лодок, ракеты устанавливали на модернизируемые корабли, а затем строили корабли специально для реактивного вооружения. На заседании пленума ЦК КПСС 29 августа 1957 года было принято решение в 1958 году поставить первый ракетный корабль флоту. Построенные на базе корпусов эсминцев ракетные корабли и ракетные катера с крылатыми ракетами к началу 60-х годов стали первыми кораблями с преимущественно реактивным вооружением. Одновременно развивали морскую авиацию, которую оснащали управляемыми ракетами «воздух – корабль» и атомным оружием [819] . Горшков добивался, чтобы предложения по развитию флота соответствовали уровню развития техники. Адмирал К.Г. Котов отмечал: «Сергей Георгиевич при подготовке и обсуждении предложений на всех уровнях заботился и

настойчиво добивался создания кораблей с учетом опыта войны, современного уровня развития науки и техники, исходя из задач Военно-Морского Флота и противостоящих ему сил вероятного противника. Он многое делал для того, чтобы научные исследования в интересах развития кораблей, науки и техники проводились непрерывно. В эпоху научно-технической революции, когда наука и техника развиваются быстрыми темпами, Главком придавал особое значение вопросам прогнозирования развития флота, научному руководству строительством флота. В дальнейшем он требовал от нас учитывать первый опыт дальних плаваний кораблей, который оказывал существенное влияние на такие элементы, как надежность, мореходность, автономность, дальность плавания, обитаемость кораблей и т. д.» [820]

Горшков на предложения о создании флота, подобного западным флотам, отвечал, что это потребует больших средств и много времени. Когда один из заместителей на высказывание главкома в пользу подводных лодок отметил, что в ходе войны подводники несли большие потери, Горшков предложил проанализировать факты. После научных исследований было выяснено, что при правильном использовании и обеспечении подводные лодки высокоэффективны [821] .

Горшков не упирался в проблему единственного оружия. Кроме постройки атомных ракетных и многоцелевых подводных лодок, развивали океанскую авиацию, совершенствовали средства борьбы с подводными лодками, электронику, автоматику и вычислительную технику.

Постройка новых кораблей требовала новых подходов и знаний. Горшков писал: «Современный боевой корабль – это сложнейшее сочетание технических устройств, систем и комплексов, являющихся самыми последними достижениями науки, инженерной мысли и производства. Это ядерная энергетика, газовые и паровые турбины с большой удельной мощностью, стратегические и оперативно-тактические ракеты, самонаводящееся подводное оружие, автоматическая артиллерия, техника, обеспечивающая комплексную автоматизацию процесса управления, прецизионная штурманская аппаратура, сложнейшие гидроакустические и радиолокационные комплексы и др.» [822]

Для новых кораблей требовались новые кадры, и главком требовал приглашать кандидатов на командирские должности для личного собеседования с ним. Особенно внимательно он относился к выбору командира первой атомной подводной лодки, капитана 1-го ранга А.И. Сорокина. Требовалось убрать предубеждение в отношении нового вооружения. Когда

распространилось мнение об опасности радиации на атомной подлодке, Горшков лично вышел на первые испытания лодки. После удачных испытаний первых атомных подлодок Горшков постепенно наращивал сложность задач. Сначала такая лодка под командованием А.П. Михайловского выходила в Атлантический океан [823] .

По инициативе главкома было предпринято плавание к Северному полюсу. Горшков гарантировал удачу плавания атомной подводной лодки подо льдами. Такое плавание осуществила лодка «Ленинский комсомол» под командованием Л.М. Жильцова, всплывшая в полынье вблизи полюса. 29 сентября 1963 года подводная лодка капитана 2-го ранга Ю.А. Сысоева всплыла точно на полюсе. В феврале 1966 года целый отряд атомных подводных лодок отправился в кругосветное плавание и благополучно вернулся [824] . Все эти плавания проходили по инициативе главкома.

Особую тревогу главкома вызвала операция «Анадырь», породившая Карибский кризис. Осенью 1962 года, чтобы создать противовес американским ракетам в Турции, которые могли за 10 минут достичь Москвы, было принято решение разместить на Кубе ракеты средней дальности и тем создать угрозу территории США. 18 октября большая часть запланированных к переброске сил уже была на Кубе. Флоту предстояло обеспечить операцию на море. В группировку входили ракетные корабли и катера, подводные лодки. В этот период Горшков перестал ночевать дома и требовал сообщать ему в любое время суток об изменениях в районе Карибского моря. Причины для беспокойства существовали, так как после 15 октября американцы обнаружили в море вблизи берегов США советские подводные лодки и выслали для их поиска более 200 кораблей и 200 самолетов. А советские подводники были вынуждены всплывать, так как температура на борту поднималась до 60 градусов и двигатели отказывали. Всплывшие подлодки шли в сопровождении американских кораблей и не всегда имели возможность оторваться от них. А подводники 24 октября получили приказ топить американские корабли, если те будут обыскивать советские суда. В ночь на 27 октября главком не спал, ожидая вторжения американцев на Кубу. Только 28 октября, после того как была достигнута договоренность между США и СССР и принято большинство советских условий, поступил приказ расформировать Группу советских войск на Кубе и вывести средства доставки ядерного оружия [825] .

Карибский кризис показал, что советский флот почти не имеет кораблей для действия в океане на больших расстояниях.

После того как у власти Л.И. Брежнев сменил Хрущева, Горшкову стало проще получать средства на постройку современных надводных кораблей и для обучения моряков в учениях и дальних походах.

В 1964 году на учениях «Циклон» в отдаленных районах Тихого океана советские корабли впервые применили ракетное оружие. На разборе учений С.Г. Горшков отметил, что силы флота должны обнаружить и уничтожить неприятельские ракетные подводные лодки ранее, чем те произведут залп. Для этого необходимо нести боевую службу так, чтобы знать районы крейсерства подводных лодок противника и организовать поиск и слежение за ними. Другой важнейшей целью главком считал возможно более быстрое уничтожение неприятельских авианосных ударных группировок (АУГ) с помощью ударных группировок, наносящих ракетно-ядерные удары, и атомных подводных лодок. Для этого следовало до начала боевых действий знать расположение АУГ и подводным лодкам следовать за ними. Кроме того, флот должен был быть готов к высадке десантов в самом начале войны, после первых ядерных ударов по сухопутным целям [826] . Можно заметить, что отечественный флот в период командования С.Г. Горшкова в основном и развивали в соответствующих направлениях.

Техника в плаваниях чаще всего выдерживала. Более слабым звеном оказались люди. Для эксплуатации современных кораблей требовался повышенный уровень знаний. Чтобы избежать доучивания специалистов на кораблях, в высших военно-морских училищах по пятилетней программе начали впервые готовить моряков одновременно по командной и инженерной должности. Разговоры Горшкова с вернувшимися из длительных плаваний моряками сделали актуальными проблемы морально-психологической подготовки экипажей и мер для борьбы со стрессами в походах.

Круг вопросов, которыми занимался Горшков, был весьма широк. Адмирал флота Н.Д. Сергеев рассказывал: «Трудно охватить все вопросы, которые приходилось решать Главкому Военно-Морского флота. Много внимания он уделял центральному аппарату, в частности Главному штабу – основному органу управления силами флота, всему сложному комплексу флотского организма, включающему такие рода войск, как морская авиация, береговые ракетно-артиллерийские войска, морская пехота, а также учебным заведениям, Военно-морской академии. А сколько сил, энергии отдано модернизации и ремонту кораблей, капитальному строительству, быту и здоровью личного состава…» [827]

Главком, находясь в Москве, наблюдал за передвижениями и действиями кораблей в различных районах Мирового океана и принимал решения. Нередко в своих решениях опытный моряк и организатор, наряду с научным подходом, проявлял интуицию. Он и сам нередко выходил в море.

Со временем технические, экономические и политические возможности позволили развивать и крупные корабли (авианосные, ракетоносные) по оригинальным проектам, вытекающим из особенностей отечественной доктрины. Все больше флот становился сбалансированным. Увеличение числа авианесущих кораблей и десантных судов, противолодочных сил наряду с сохранением большого подводного флота и ударной авиации вызывало заметную тревогу НАТО.

Создание авианесущих кораблей, которым занимался С.Г. Горшков, вновь вызвало комплекс проблем в их эксплуатации. Потребовались принципиально новые самолеты. Летчиков приходилось готовить заново. Главком рекомендовал отбирать пилотов, способных изучать новую технику в непривычных условиях движущегося корабля с качающейся взлетной площадкой. Однажды он говорил командующему авиацией ВМФ: «Нужно отбирать самых смелых. Только человек беззаветной храбрости может поднять самолет с ходящей ходуном палубы и, не надеясь ни на какие запасные аэродромы, уйти в синюю даль океана, вступить в бой, победить, а потом, отыскав свой корабль, опустить свою крылатую машину точно в круг посадочной площадки…» [828]

Совершенствование средств навигации, связи, управления и других технических средств, развитие отношений со многими странами мира позволили увеличить число дальних плаваний боевых кораблей, не теряя управления ими. Наиболее распространенными явились визиты дружбы в порты стран Европы, Азии, Африки и Америки. Не располагавшему базами за рубежом Советскому ВМФ пришлось создать систему подвижного базирования из вспомогательных судов, сопровождавших корабли в плаваниях. Появление в иностранных портах советских кораблей, отличавшихся чистотой и порядком, создавало у жителей других стран представление отличное от того, которое предлагали средства массовой информации.

Особое значение имела помощь Советского военно-морского флота другим странам. Помощь жертвам урагана на острове Маврикий, расчистка гавани Читтагонга (Бангладеш) в 1972 году от затопленных судов, разминирование Суэцкого канала в 1974 году явились не только проверкой умения советских моряков действовать в трудных условиях, но и свидетельством дружбы

СССР к этим странам.

Неоднократно главком ВМФ СССР проводил учения с флотами стран Варшавского договора, что позволяло готовиться к возможным столкновениям с флотами НАТО: «Север» (1968), «Братство по оружию», «Одра – Ныса», «Щит-72» и другие, проходившие на Балтике и Черном море. Наиболее широкие масштабы имели учения «Океан» весной 1970 года, в ходе которых главнокомандующий управлял согласованно эскадрами, действовавшими в различных районах Мирового океана (в Атлантике и на Средиземном море) [829] . Это потребовало новых подходов к управлению.

В центре внимания Горшкова были люди, ибо именно они создавали корабли, вооружение и технику и управляли ими. Потому главком интересовался условиями жизни и быта личного состава, умел вести беседы с офицерами и матросами, использовал полученные в ходе разговоров с моряками предложения. Когда матрос, вернувшийся из дальнего похода, посетовал на редко приходившую почту, адмирал флота Советского Союза отдал указания обеспечивать уходящих в плавание книгами, музыкальными инструментами, кинофильмами. Узнав о героическом поведении подводника, 20 суток поддерживавшего мужество подчиненных в трудных условиях, Горшков добился награждения его орденом [830] .

Как-то флотоводец прочел в еженедельнике «Тайм» о том, что ВМФ СССР стал далеко действующим, одним из новейших и прекрасно оснащенных. Во многом это означало заслугу самого С.Г. Горшкова.

Горшков, страстью которого была военно-морская история, излагал свои представления о роли флота на печатных страницах. В 1977 году в Москве вышла книга «Военно-морской флот». Затем сначала в «Морском сборнике», а затем и отдельной книгой под названием «Морская мощь государства» (М., 1979) вышел основной труд главкома ВМФ о месте флота в современном мире и задачах по поддержанию морской силы на уровне достаточном для ее безопасности. С гордостью говоря о победах русского флота, Горшков писал о традициях отечественного флота, развивавшихся издревле, и выдвинул мысль об особом складе характера русских моряков, которые сделали невероятное, доведя армаду разномастных кораблей до Цусимы.

Поддерживая старые традиции, на флоте создавали новые ритуалы: воинские почести у «координат боевой славы», на местах, где героически погибали советские корабли, название новых кораблей именами героев – советских и русских флотоводцев, а также именами героических кораблей [831] .

В 1980 году в Москве вышла книга Горшкова «На страже Отчизны», в 1982 году в Риге – «Проблемы изучения и освоения Мирового океана», в 1996 году в Санкт-Петербурге – «Во флотском строю». Уже после смерти флагмана опубликовали его книгу «На южном приморском фланге. Осень 1941 – весна 1944 г.» (Воениздат, 1989), в которой моряк на основе архивных материалов и собственных воспоминаний восстановил действия армии и флота у берегов Черного и Азовского морей.

Горшков с 1956 года был кандидатом, с 1961 года – членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР 4–11-го созывов. За достижения в развитии флота С.Г. Горшков был удостоен Государственной премии СССР (1980) и Ленинской премии (1985), дважды – звания Героя Советского Союза (7 мая 1965 и 21 декабря 1982 года). Моряка наградили 7 орденами Ленина (1953, 1960, 1963, 1965, 1970, 1980, 1982), орденом Октябрьской Революции (1968), 4 орденами Красного Знамени (1942, 1943, 1947, 1959), орденами Ушакова I и II степени (1945 и 1944), орденами Кутузова I степени (1943), Красной Звезды (1944), Отечественной войны I степени (1985), «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени (1975), многими медалями, почетным оружием (1968). Флагмана награждали также орденами и медалями других государств. Среди них были: ордена «За военные заслуги перед Республикой» I степени (АРЕ, 1972), «Народная Республика Болгария» (1970, 1974, 1985), Святого Александра Невского 3-го класса с мечами посередине (1945, Болгария), «Венгерская Народная Республика» I степени (1965, Венгрия), «За воинскую доблесть» I степени (1983, Вьетнам), «За заслуги перед Отечеством» I степени (1970, ГДР), «Шарнхорст» (1980, ГДР), «Звезда Индонезии» I степени (1961, Индонезия), «Дружба народов» (1983, Йемен), Сухэ-Батора (1971, МНР), Военно-морских заслуг I степени (1972, Перу), Возрождения Польши 2-го класса со звездой (1968, Польша), Возрождения Польши 3-го класса (1973, Польша), «23 августа» I степени (1974), Тудора Владимиреску I степени (1969), «Звезда Румынской Народной Республики» III степени (1950), «Защита Родины» (1950, Румыния), Тунисской Республики I степени (1977, Тунис), «Партизанская звезда» I степени с золотым венком (1945, 1965, Югославия). С декабря 1985 года флотоводец состоял в Группе генеральных инспекторов МО СССР. Скончался Адмирал Флота Советского Союза 13 мая 1988 года [832] .

Похоронен он на 11-м участке, в 1-м ряду некрополя Новодевичьего кладбища [833] .

Летом 1997 года в ходе торжеств в честь присвоения Центральному спортивному клубу ВМФ имени С.Г. Горшкова на

здании клуба по Ленинградскому шоссе была открыта памятная доска [834] .

С 4 октября 1990 года имя флагмана носил тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал Флота Советского Союза Горшков» (бывший «Баку») [835] . Однако в последнее время этот корабль уже не входит в состав отечественного ВМФ. Его продали в Индию.

ГРИГОРЬЕВ ВИССАРИОН ВИССАРИОНОВИЧ Командующий Днепровской флотилией

В.В. Григорьев в годы войны был начальником штаба Дунайской, Волжской флотилий, а затем, командуя Днепровской флотилией, прошел с ней от Белоруссии до Берлина.

Виссарион Григорьев родился 4 (17) апреля 1907 года в городе Данков, ныне Липецкой области [836] . Позднее он жил в Рязани. После смерти отца мальчик остался старшим из троих детей. Он учился во вторую смену, чтобы иметь возможность с 14 лет подрабатывать курьером, мечтал стать журналистом и музыкантом. Заканчивая последний, девятый класс, Виссарион работал управделами горкома комсомола. Губком комсомола направил его на флот по разверстке ЦК [837] .

В октябре 1926 – апреле 1930 года Григорьев учился в Военно-морском училище имени М.В. Фрунзе. После окончания училища моряка послали на Амур. Точнее, как восьмой по успеваемости, Григорьев сам избрал Дальневосточную военную флотилию. Сказалась любовь к артиллерии: на мониторах флотилии было много пушек в башнях, отчего они походили на броненосцы. С мая 1930 по апрель 1931 года Григорьев состоял вахтенным начальником, затем до декабря 1931 года – помощником командира канонерской лодки «Пролетарий», с декабря 1931 по январь 1934 года – помощником командира монитора «Ленин». С января 1934 по сентябрь 1937 года он командовал монитором «Красный Восток» [838] .

Уже в 1934 году «Красный Восток» занял первое место на флотилии по огневой подготовке и последующие три года удерживал это место. Как командир корабля, Григорьев немало постиг после того, как командование Амурской флотилией принял И.Н. Кадацкий-Руднев. Опытный моряк заставил отказаться от использования лоцманов, и вскоре командиры хорошо изучили реку Амур. С 1935 года экипажи не переселялись на берег зимой, а жили на утепленных кораблях. В 1935 году Григорьев стал капитаном 3-го ранга. «Красный Восток» часто дежурил в протоке Казакевича, которая соединяла Амур с Уссури неподалеку от Сунгари. При соседстве с японцами, которые оккупировали Маньчжурию и устраивали мелкие провокации, брандвахтенная служба в любой момент могла превратиться в боевую. Летом 1936 года монитор под флагом начальника

Генерального штаба РККА ходил в низовья Амура с группой военачальников, которые изучали возможности укрепления Дальнего Востока [839] .

В сентябре 1937 – июне 1940 года Григорьев учился на командном факультете Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. После досрочного окончания академии его назначили начальником штаба Днепровской военной флотилии. На этой должности моряк служил в июне-июле 1940 года [840] .

Прибыв в Киев, Григорьев узнал, что командующий флотилией капитан 1-го ранга Н.О. Абрамов с главными силами перешел в Одессу и готовится идти с кораблями на Дунай в процессе возвращения Бессарабии. Григорьев отправился в Пинск, где стоял отряд кораблей флотилии, исследовал реку, провел учения. Когда поступило сообщение, что Днепровская флотилия разделена на Дунайскую и Пинскую, Григорьев считал себя начальником штаба при командующем Пинской флотилией Д.Д. Рогачеве. Но вскоре он получил подтверждение приказа о назначении начальником штаба Дунайской военной флотилии [841] .

Как начальник штаба флотилии, Григорьев согласовал с сухопутным командованием предложения о первых действиях в случае вооруженного конфликта. Одобрено было все, кроме предложенного флотилией десанта на правый берег Дуная, чтобы обеспечить существование находившегося под обстрелом противника Измаила. Однако командующий Одесским военным округом генерал-полковник Я.Т. Черевиченко сказал, что никто не будет возражать, если флотилия окажется в состоянии самостоятельно провести такую операцию после начала боевых действий. А командующий Черноморским флотом Ф.С. Октябрьский признал, что замысел десанта был правильным, и предложил подумать о нем. В остававшееся до начала войны время был укомплектован штаб флотилии. Моряки готовились к войне. Сам Григорьев провел рекогносцировку на советской части Дуная. Были замечены немецкие офицеры на румынских кораблях. После летних учений Черноморского флота Дунайской флотилии приказали оставаться в готовности № 2. Корабли рассредоточили по плану оперативного развертывания, наладили взаимодействие с сухопутными войсками. И война не застала врасплох [842] .

В должности начальника штаба Дунайской флотилии капитан 2-го ранга Григорьев вступил в Великую Отечественную войну. После получения в полночь на 22 июня 1941 года приказа Дунайская флотилия была переведена на оперативную готовность № 1. Начальник и офицеры штаба сделали все возможное, чтобы

приказ командующего флотилией достиг исполнителей как можно быстрее.

Уже через 5 минут после получения сообщения о том, что противник начал обстрел стоянок кораблей флотилии, командующий отдал приказ открыть ответный огонь. В первый же день были отбиты попытки противника переправиться на левый берег Дуная. Но этого было мало.

Не получив поддержки от сухопутного командования, моряки флотилии с помощью пограничников в ночь на 24 июня высадили десант у мыса Сату-Ноу, что сразу ослабило обстрел главной базы Измаила. Григорьев находился на батарее, поддерживавшей высадку. Он переправился на другой берег, чтобы показать командиру выделенных все же армией войск, где предстоит высадка. Вслед за укреплением плацдарма у Сату-Ноу в ночь на 26 июня был высажен стрелковый полк у Старой Килии. Вскоре советские войска заняли 70–75 километров берега Килийского гирла Дуная, что позволило обеспечить маневр между устьем гирла и Измаилом. На предложенную Октябрьским высадку для взятия Сулины сил не оказалось [843] .

На рассвете 24 июня 4 бронекатера выставили, не особенно скрываясь, 24 мины. Заграждение было слабое. Когда со стороны Галаца вечером 27 июня появилась колонна румынских мониторов, их обстреляла береговая артиллерия, удар нанесли самолеты. Противник не получил больших повреждений, однако повернул, не доходя до заграждения. Видимо, неприятельское командование опасалось подрыва на минах.

Неприятель проявлял активность и на суше. 30 июня противник пытался сбросить в Дунай войска от Сату-Ноу. Командующий послал Григорьева на плацдарм, чтобы ликвидировать угрозу. Начальник штаба использовал дополнительно к артиллерии мониторов и береговых батарей пушки и пулеметы бронекатеров. Благодаря решительным действиям моряков удалось восстановить положение [844] .

После отхода 14-го корпуса флотилии пришлось с боем вывести мониторы с озера Кагул, где они располагались незаметно для противника. С 9 июля охрана границы по Дунаю была возложена на флотилию. Для обороны берега и Измаила сформировали полк из моряков, измаильского истребительного батальона и частей НКВД. Флотилия продолжала вести успешные боевые действия, отбивая попытки врага прорваться к городу.

Однако неприятель продолжал наступать на Кишинев и далее на Одессу. Флотилия получила приказ прорываться к Одессе. 17 июля отправили тыловые подразделения. Следующим вечером выходили главные силы: часть на кораблях, часть по суше. Без

потерь незаметно сняли войска с плацдарма на правом берегу. К утру 20 июля 100 вымпелов, выведенных из Дуная, собрались у одесских причалов. Отсюда флотилия, оставив в Одессе береговые батареи и часть кораблей, получила назначение в Николаев [845] .

К началу августа после ремонта кораблей флотилия насчитывала 3 монитора, 17 бронекатеров, отряд катерных тральщиков, 2 канонерские лодки; ее подчинил командующий фронтом генерал армии И.В. Тюленев. По его приказу моряки обстреливали войска противника.

13 августа корабли вели бой в черте Николаева; моряки оставили город последними. Затем флотилия перебазировалась с Южного Буга на Днепр, участвовала до последнего момента в обороне Херсона и, наконец, взаимодействовала с Тендровским боевым участком, который контролировал вход в Днепровско-Бугский лиман. Несмотря на непривычные условия действий, моряки продолжали вести бои, пока в конце сентября флотилию не увели в Севастополь для ремонта и пополнения. В дальнейшем она участвовала в обороне Крыма. С флотилией Григорьев прошел боевые действия на Дунае в июне-июле, на Южном Буге и Днепре в июле-сентябре и в Керченском проливе (октябрь – ноябрь). Моряки поддерживали сухопутные войска, а когда становилось невозможно удерживать позиции, эвакуировали их по воде. Для лучшего взаимодействия штаб и командный пункт флотилии размещали на суше, вблизи штабов сухопутных войск. Григорьев возглавлял штаб, пока флотилию не расформировали 20 ноября 1941 года. Корабли передали Азовской военной флотилии [846] .

Последней должностью на Дунайской флотилии у Григорьева явились обязанности коменданта переправы Еникале – коса Чушка – Тамань в Керченском проливе. Вскоре после завершения переправы 51-й армии на Тамань он получил новое назначение. В ноябре 1941 – июле 1942 года Григорьев был начальником штаба Новороссийской военно-морской базы. В июле 1942 – мае 1943 года моряк состоял начальником отдела речных и озерных флотилий Управления боевой подготовки ВМФ. В мае-сентябре 1943 года Григорьев являлся начальником штаба Волжской военной флотилии [847] .

Весной 1943 года командование Волжской военной флотилии сменили после того, как в апреле-мае суда, доставлявшие с Каспийского моря нефтепродукты, стали подрываться на минах. Посчитали, что боевого контр-адмирала Д.Д. Рогачева необходимо заменить более обстоятельным контр-адмиралом Ю.А. Пантелеевым. Сменили и начальника штаба, и члена

Военного совета. Прибывший в мае с Тихого океана новый член Военного совета Н.П. Заремба узнал от друга Григорьева, что из-за разрушений в порту Сталинграда штаб разместили в 60 километрах от города, на пароходе «Железнодорожник». Заремба считал своего друга человеком собранным и целеустремленным. Теперь основной задачей являлась очистка фарватеров от мин. Для траления было мобилизовано более 200 судов, которые следовало отремонтировать, оснастить и вооружить как тральщики. Занимались и подготовкой экипажей из мирных волгарей [848] .

За летнюю кампанию 1943 года по Нижней Волге прошло более 8 тысяч судов, из которых только 20 подорвались на минах [849] .

В этом, безусловно, была и заслуга капитана 2-го ранга Григорьева, его штаба. Командующий Волжской военной флотилией Ю.А. Пантелеев вспоминал о Григорьеве как о прекрасном товарище и отличном организаторе [850] .

Было организовано сотни постов наблюдения, которые замечали места падения мин. Десятки тральщиков и пловцы-минеры уничтожали обнаруженные мины. Нередко морякам приходилось отбивать огнем налеты германских бомбардировщиков [851] .

Кончились боевые действия на Волге. В конце августа поступил приказ часть кораблей Волжской военной флотилии передать во флотилию Днепровскую, командовать которой назначили Григорьева. К этому времени Григорьев во внеочередном порядке был произведен в капитаны 1-го ранга, награжден орденом Красного Знамени. Но назначение командующим флотилией явилось для него полной неожиданностью [852] .

По пути на реку Десну, где собирали корабли передового отряда (около 40 боевых единиц с обстрелянными экипажами), Григорьев заехал в Москву и имел разговор с наркомом ВМФ, в прямом подчинении которого находилась Днепровская флотилия. Кузнецов сказал Григорьеву, что избрали его из нескольких кандидатур и доверие необходимо оправдать. Нарком обрисовал перспективу для флотилии перейти в дальнейшем на Висленский бассейн, а далее, возможно, дойти по рекам и до Берлина [853] .

Днепровскую флотилию создали для поддержки наступления советских войск на Украине и Белоруссии 14 сентября 1943 года. В этот день приказом наркома ВМФ был сформирован передовой отряд из дивизиона бронекатеров (10 единиц), дивизиона минных катеров (10 катеров) и плавучей батареи [854] .

Капитан 1-го ранга В.В. Григорьев командовал Днепровской

военной флотилией с 22 сентября 1943 по декабрь 1945 года. Вместе с ним по железной дороге с Волги на Десну были перевезены 18 бронекатеров, катеров-тральщиков и плавучая батарея [855] . В сентябре-ноябре 1943 года корабли из Сталинграда на Десну доставили по железной дороге. Из Москвы прибыли 26 полуглиссеров. Флотилии предстояло оказывать поддержку войскам на Припяти и Десне и организовать противоминную оборону Днепровского бассейна. Главный штаб ВМФ спланировал для выполнения этих задач с 1 декабря 1943 по 15 апреля 1944 года сформировать 2 бригады речных кораблей, бригаду траления, службу наблюдения и связи, 2 зенитных дивизиона и посты противоминного наблюдения. К концу марта сформировали 1-ю бригаду речных кораблей и 3-ю бригаду траления, 2 зенитных дивизиона; 2-ю бригаду еще формировали. Штаб флотилии с 15 ноября по 7 февраля находился в Чернигове, а затем в Киеве. Зимой моряки занимались ремонтом кораблей и боевой подготовкой. Командование отрабатывало преимущественно задачи, которые предстояло решать в боях на реке во взаимодействии с войсками. Во время оперативной игры 3–6 марта выяснились недостатки в организации, которые пришлось устранять при развертывании флотилии в марте-мае [856] .

Командование 1-го Белорусского фронта, готовившее наступление правым флангом в направлении Бобруйска, поставило задачу Днепровской флотилии содействовать 55-й стрелковой дивизии и 119-му укрепленному району, которые на левом фланге должны были наступать на Люблинско-Брестском направлении. Флотилии следовало прикрыть стык дивизии и укрепрайона на Припяти и содействовать наступательным операциям в полосе Березины, Припяти и Днепро-Бугского канала. В марте были развернуты выносные пункты управления флотилией на Припяти и Березине, организованы передовые базы материально-технического обеспечения. С началом навигации 3-я бригада траления развернулась для обеспечения действий других двух бригад. 1-я бригада речных кораблей к началу апреля прибыла на Припять в распоряжение 61-й армии, а 2-я бригада к 6 июня перешла на Березину. До 28 июня обе стороны на Припяти вели бои местного значения, причем корабли Днепровской флотилии обеспечивали своей артиллерией фланги 55-й стрелковой дивизии и 119-го укрепленного района. В ночь на 23 апреля моряки высадили разведывательный десант.

За зиму-весну флотилию не раз переподчиняли. В начале апреля Григорьев встретился с генералом армии К.К. Рокоссовским, который командовал Белорусским фронтом.

Именно с войсками этого фронта предстояло взаимодействовать морякам. Однако из сотни судов флотилии только 16 бронекатеров и плавучая батарея могли поддерживать наступление огнем артиллерии. Рокоссовский заявил наркому ВМФ, что численность флотилии недостаточна для выполнения предстоящих боевых действий. Вскоре был подготовлен график, по которому флотилия получала корабли от промышленности [857] .

К началу наступления фронт под командованием Рокоссовского вновь переименовали в 1-й Белорусский. 11 июня 1944 года начальник штаба фронта предложил срочно укрепить 2-ю бригаду речных кораблей на Березине. Григорьев приказал перебросить с Припяти часть боевых кораблей и более опытный штаб 1-й бригады. Сам он также перенес флагманский командный пункт на Березину, где готовили наступление на Бобруйск, установил связь с сухопутным командованием. На реку прибывали и новопостроенные корабли [858] .

23 июня началась операция «Багратион». В ходе наступления, поддерживая войска огнем, моряки флотилии высадили десант, который помог овладеть важным опорным пунктом в Здудичах. Затем катера флотилии уничтожили неприятельскую переправу у Паричей. Благодаря этому Паричи были взяты 26 июня.

В ходе дальнейшего наступления корабли флотилии поддерживали войска, которые преследовали отходившие к Бобруйску германские войска, за трое суток переправили через Березину 48-ю армию (66 тысяч человек с многочисленной техникой). Так как крупных судов не было, людей переправляли на катерах, 122-мм пушки – на спаренных бронекатерах, а лошадей – вплавь на буксире. Часть кораблей флотилии поддерживала войска, штурмовавшие Бобруйск. Город был взят 29 июня. Приказом Верховного главнокомандующего наименование Бобруйские получили 1-я бригада речных кораблей и 2-й гвардейский дивизион бронекатеров; приказ упоминал и фамилию Григорьев [859] .

Еще шли бои в Бобруйске, а флотилия получила приказ ко 2 июля все силы перевести на Припять, за 700 километров. Григорьев, обгоняя корабли, 1 июля прибыл на Припять. 2-я бригада речных кораблей начала поддержку наступления 61-й армии, которая имела задачу сорвать планомерный отход германских войск. 28–30 июня моряки высадили два тактических десанта и обеспечили переправу дивизии.

Интересно, что десантом за отсутствием морской пехоты служил отряд дымомаскировки и дегазации, который ранее для этой цели приказал применить Григорьев [860] .

Моряки высадили десант, который помог взять Дорошевичи, ставшие базой флотилии. В Дорошевичах собралась 2-я бригада речных кораблей и был 3 июля основан временный пункт управления. Вскоре прибыла 1-я бригада речных кораблей и новые корабли. Флотилия продолжала поддерживать наступавшие войска. Она перешла в только что взятый при поддержке моряков Туров; Григорьев шел на головном бронекатере [861] .

Получив просьбу командования захватить немецкие переправы, 7–8 июля флотилия артиллерией и ракетами помешала на время переправе немцев по мостам у Лунинца. На большее сил не хватило. Но 9 июля, когда железнодорожный узел был взят, противник сам взорвал мосты. А 2-ю бригаду речных кораблей удостоили почетного наименования Лунинецкая.

Впереди был Пинск. Для действий под городом собирались использовать 90 вымпелов (в том числе 21 бронекатер). Ожидали прибытия из Киева плавбатарей со 100-мм пушками. Командование флотилии, хотя еще и не были собраны все корабли, предложило командованию 61-й армии высадить на кораблях в городе, в тылу противника полк и затем перебросить еще один полк в подкрепление. Предложение было принято. К счастью, плавбатареи прибыли вовремя. По замыслу командования флотилии в ночь на 12 июля включавшая основные силы 1-я бригада речных кораблей (отряд высадки, отряд артиллерийской поддержки, разведывательный отряд полуглиссеров, отряд дымомаскировки и противоминного обеспечения) должна была провести десант со стороны реки Пины, тогда как 2-я бригада должна была действовать отвлекающе по мелководной Ясельде. Сухопутные войска обещали уничтожить немецкую батарею, которая могла помешать движению, а партизаны – истребить неприятельские посты вдоль реки, чтобы корабли могли пройти ночью 18–20 километров до города незамеченными. Сам Григорьев в начале операции находился на борту сторожевого катера, где располагался командный пункт 1-й бригады [862] .

Благодаря совету местного рыбака первый бросок десанта с катеров высадили в не охраняемый противником рыбный порт. Десантники успели закрепиться на плацдарме ранее, чем противник начал сопротивление. Весь полк высадили почти без потерь. Так как второй выделенный для десанта полк получил иное назначение, войска на плацдарме оказались в трудном положении. Пришлось собрать все, что можно, в тылах 415-й стрелковой дивизии и на флотилии и высаживать подкрепления днем. Несмотря на потери, доставленное катерами подкрепление

помогло удержать плацдарм. Тем временем 2-я бригада поддерживала наступление на Пинск с другой стороны фронта 397-й стрелковой дивизии. В ночь на 14 июля бригада высадила под Пинском последний в Белоруссии десант. Затем командующий флотилией, зная, что части двух дивизий ворвались в Пинск, послал отряд бронекатеров с целью захватить стоявшие в военном порту неприятельские суда. Сам он прибыл в город, когда тот был полностью взят утром 14 июля. Немцы так и не успели уничтожить суда в порту. А моряков Днепровской флотилии третий раз отметили в приказе Верховного главнокомандующего [863] .

Указом Президиума Верховного Совета СССР Днепровская флотилия, 1-я и 2-я бригады речных кораблей, 3-й гвардейский дивизион бронекатеров были награждены орденом Красного Знамени [864] .

В боевой характеристике на командующего было написано: «В период подготовки и проведения Бобруйско-Пинской операции хорошо и умело провел организационную работу среди личного состава флотилии и в осуществлении операции по рр. Березина – Припять и Цна, лично руководил операцией и, находясь непосредственно в районе боевых действий, показал умение в командовании флотилией в сложной боевой обстановке. За период проведенных операций при занятии городов Бобруйск, Лунинец и Пинск кораблями флотилии уничтожено, подавлено и частично рассеяно: 71 артминометных батарей, 106 пулеметных точек, 18 полевых и самоходных орудий, 60 автомашин, 2 самолета, 16 складов… Флотилия своими боевыми действиями значительно способствовала общему успеху операции в целом» [865] .

Вскоре В.В. Григорьева наградили орденом Нахимова I степени, а в сентябре – орденом Ушакова II степени [866] .

Далее флотилия, получившая указание действовать в бассейне Западного Буга, должна была выдвигаться к Бресту. Но гитлеровцы разрушили железную дорогу до Бреста и шлюзы Днепро-Бугского канала. В Москве даже обсуждали, не стоит ли корабли использовать в другом месте, а флотилию расформировать. Однако советские войска форсировали Западный Буг и вступили в Польшу. Командующий фронтом маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский 23 июля поставил флотилии задачу перебазировать корабли на Западный Буг и Вислу по восстановленной железной дороге. 28 июля был освобожден Брест, 27 июля советские войска вышли к Висле у Демблина. В двух этих пунктах начали работать рекогносцировочные группы. Но Рокоссовский отложил спуск

кораблей на воду до того, как сухопутные войска закрепятся на берегах. Только 10 августа начали погрузку кораблей, чтобы доставить их на Западный Буг. Пока корабли готовили к отправке, гидрографы установили, что провести флотилию к Висле будет сложно, ибо на Западном Буге до устья реки Нарев – 93 мелководных переката. Погрузку продолжили и завершили к 25 августа. Но лишь в начале сентября разрешили отправить первый эшелон [867] .

Месяц потребовался, чтобы провести через перекаты бронекатера и другие корабли. Пришлось использовать буксировку кораблей по отмели с помощью тракторов, повышать уровень воды с помощью предложенных местным речником струенаправляющих запруд. Работа, которую Н.Г. Кузнецов назвал позднее массовым подвигом, позволила к 15 сентября сосредоточить к линии фронта 1-ю бригаду речных кораблей, за ней шла 2-я бригада, всего 104 вымпела, включая 24 бронекатера. Не удалось провести лишь двухбашенные бронекатера. Наконец, бригада получила и роту берегового сопровождения кораблей, составившую морскую пехоту [868] .

Итак, от Бреста корабли были перевезены по восстановленной железной дороге в Польшу. Через месяц, пройдя 90 километров по почти несудоходному в это время Западному Бугу, флотилия сосредоточилась на Висле вблизи Варшавы и участвовала в напряженных осенних боях 1944 года. Очевидно, в столице оценили действия командующего флотилией. 25 сентября 1944 года В.В. Григорьева произвели в контр-адмиралы [869] .

Осенью Днепровская флотилия взаимодействовала с 70-й армией, которая на правом фланге 1-го Белорусского фронта должна была выбить противника из междуречья Буга и Вислы. Моряки успешно действовали под Сероцком, несмотря на малые глубины. Именно десантники с флотилии подняли флаг на самом высоком здании города. Далее флотилия перевезла через Буго-Нарев 47-й корпус, огнем поддерживала наступление войск, 25 октября высадила по заявке командования 70-й армии десант. К концу месяца флотилия была недалеко от Вислы. Однако командующий фронтом приказал перейти к жесткой обороне в междуречье Западного Буга и Вислы, чтобы подготовить силы к новому наступлению. До середины ноября 1-я бригада речных кораблей поддерживала сухопутные войска, затем ее сменила 2-я бригада. В декабре корабли из-за ледостава отвели на Западный Буг. Передышку использовали для ремонта, боевой подготовки и изучения бассейна Одера.

Днепровская военная флотилия участвовала в Висло-

Одерской наступательной операции 12 января – 8 мая 1945 года. Первоначально скованные льдом корабли вели артиллерийскую поддержку войск, пока наступающие не вышли за пределы дальнобойности орудий. А Москва намечала широкие планы для флотилии. 15 января нарком ВМФ Кузнецов в разговоре с Григорьевым утвердил передислокацию на реки Германии. Было получено разрешение сформировать 3-ю бригаду речных кораблей. Вернувшись из Москвы на флотилию, Григорьев занялся подготовкой к передислокации кораблей. Для базирования был избран и согласован с сухопутным командованием Модлин у впадения Западного Буга в Вислу. Модлин находился на стыке двух фронтов, и потребовалось согласие двух командующих, Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского. В крепость переместили флагманский командный пункт. Тем временем советские войска перешли границу Германии и в феврале 1945 года заняли Кюстринский плацдарм на левом берегу Одера, в 60 километрах от Берлина, после чего в наступлении к столице Германии наступила пауза. Днепровская флотилия готовилась принять участие в наступлении, как только лед на реках сойдет. Военный совет после сбора сведений о реках установил, что корабли флотилии могут поддержать наступление 1-го Белорусского фронта в среднем течении Одера с выходом на канал Гогенцоллерна и далее на Шпрее; 1-го Украинского фронта на Одере в районе Бреслау; 2-го Белорусского в низовьях Вислы и прибрежных водах Данцигской бухты. На Берлинское направление намечали 1-ю Краснознаменную Бобруйскую бригаду речных кораблей, на Вислу – 2-ю Краснознаменную Лунинецкую бригаду, в верховья Одера – отдельный дивизион, который следовало пополнить кораблями из Пинска [870] .

С началом вскрытия Одера около 10 февраля воздушная разведка обнаружила неприятельские суда, которые признали военными. Позднее сообщение не подтвердилось. Однако командование флотилии получило разрешение Наркомата ВМФ на вооружение 4 дизельных барж, которые оснастили зенитными пушками.

13 февраля стало известно о приказе Г.К. Жукова обеспечить к началу ледохода трассу перехода флотилии к Одеру. Григорьев с группой специалистов лично объехал весь маршрут. К счастью, гитлеровцы не успели взорвать шлюзы канала, который соединял Вислу и Одер. Правда, на пути оказалось 48 взорванных мостов и три десятка действующих переправ. После возвращения командующий получил боевое распоряжение перебазировать две бригады в район Кюстрина; туда же перемещался флагманский командный пункт Днепровской флотилии. Корабли будущей 3-й

бригады следовало направить в Познань. В середине марта их перенацелили на Одер, в порт Одерек, в десятках километров от устья Нейсе. А две остальные бригады должны были прибыть к Кюстринскому плацдарму 10 апреля. Корабли 1-й и 2-й бригад после спешной установки отремонтированных двигателей выступили 17–18 марта. Пришлось снимать часть выступающих деталей, догружать катера, чтобы провести их под действующими мостами. Но 7–8 апреля обе бригады были у Кюстрина. Прибыло 94 вымпела из 100. 6 бронекатеров были направлены в устье Вислы и действовали в составе Краснознаменного Балтийского флота. На Одере присоединились переброшенные из Пинска корабли, и численность флотилии превысила 130 единиц [871] .

7 апреля 1945 года Днепровская флотилия получила директиву выделить по бригаде для взаимодействия с тремя наступающими на Берлин армиями. Директива выделяла основную задачу – содействие переправам войск и обеспечение этих переправ от мин и нападений военных кораблей. Командующие армиями не могли ставить задачи бригадам без согласования с командующим флотилией, чтобы не требовать невозможного. К 12 апреля флагманский командный пункт флотилии был перенесен на окраину Кюстрина. Свои боевые посты заняли корабли артиллерийской поддержки, были подтянуты тылы. Флотилия ждала приказа. Только катера-тральщики под ударами противника буксировали конструкции новых переправ. 14–15 апреля корабли флотилии поддерживали разведку боем.

Наступление с Кюстринского плацдарма началось в ночь на 16 апреля. 1, 2 и 3-я бригады речных кораблей взаимодействовали соответственно с 5-й ударной, 8-й гвардейской и 33-й армиями 1-го Белорусского фронта в ходе Берлинской (15 апреля – 8 мая 1945 года) стратегической наступательной операции.

Войска наступали так стремительно, что вскоре артиллерия флотилии не могла стрелять по удаляющемуся противнику. Флотилия получила задачу выяснить условия плавания в низовьях Одера и в районе Померанской бухты. Корабли 1-й и 2-й бригад речных кораблей направились вниз по реке. Из-за многочисленных преград в виде мостов и переправ корабли шли медленно и достигли цели (устья Альт-Одера) лишь 22 апреля.

3-я бригада по приказу командующего 33-й армией своими силами 24 апреля взяла город Фюрстенберг. Корабли бригады направились по каналу Одер – Шпрее к Берлину.

Тем временем отряд полуглиссеров, переброшенный автомашинами на Шпрее, с 23 апреля помогал войскам 5-й

ударной армии форсировать реку. Несмотря на потери и повреждения от огня противника, легкие суда перевозили пехоту и буксировали понтоны с техникой. Штаб 9-го стрелкового корпуса подсчитал, что моряки перевезли 16 тысяч человек, 600 орудий и минометов, 27 танков, другие грузы. Но к концу боев в отряде остались всего 16 человек; из 7 удостоенных звания Героя Советского Союза пятерых наградили посмертно [872] .

Все водные пути к Берлину были заграждены взорванными мостами и завалами. Поэтому обе группы кораблей флотилии, стремясь к столице Германии, занимались вместе с саперами расчисткой пути. Но моряки, кроме отряда полуглиссеров, не успевали к штурму Берлина. 1 мая уже было поднято знамя над рейхстагом. В тот же день Григорьев получил приказ наркома ВМФ. Флотилию подчинили 2-му Белорусскому фронту. Ей следовало перебазироваться в Штеттин и действовать на Балтийском море у острова Рюген.

Так как еще в январе Григорьев докладывал наркому ВМФ о возможности использования части флотилии в Данцигской бухте, 1-ю и 2-ю бригады сразу повернули на новое направление; 3-ю бригаду оставили на канале Одер – Шпрее для содействия войскам. Григорьев после встречи с командующим 2-м Белорусским фронтом К.К. Рокоссовским получил приказ к 6 мая перебазировать флотилию в Пелитц севернее Штеттина. 1-я и 2-я бригады речных кораблей прибыли к цели ранее, 5 мая. Однако гарнизоны Свинемюнде и острова Рюген уже были взяты. Флотилии пришлось заниматься вылавливанием рассеянных гитлеровцев и разведкой. Моряки обнаружили и заняли оставленные экипажами тяжелый крейсер «Лютцов» и старый линкор «Шлезиен». Флотилия продолжила боевую службу даже после заключения мира, и 10 мая на мине подорвался тральщик [873] .

За отличия в боях флотилия была награждена орденами Красного Знамени, Ушакова I степени; двум дивизионам присвоили гвардейские звания, две бригады и один дивизион удостоены ордена Красного Знамени, многим соединениям и частям были присвоены почетные наименования. Имя Григорьева неоднократно отмечали в приказах Верховного главнокомандования [874] .

После окончания войны Григорьев продолжал командовать флотилией. 8 июля 1945 года моряка произвели в вице-адмиралы. В феврале 1947 года за нарушение воинской дисциплины флагмана сняли с должности командующего и зачислили в распоряжение Управления кадров ВМС. В апреле его уволили в запас. С ноября 1947 года В.В. Григорьев работал в

Главсевморпути. Он был начальником морских операций в Западном секторе Арктики, дублером капитана линейного ледокола «Капитан Белоусов». С 1954 года моряк стал научным сотрудником Московского отдела Антарктического научно-исследовательского института. Ему присвоили звание кандидата географических наук [875] .

Григорьев опубликовал несколько статей и книг своих воспоминаний: *Григорьев В.В.* Действия Днепровской фло тилии на Березине и Припяти летом 1944 года // Военноисторический журнал (ВИЖ). 1974. № 7. С. 17–23; *Он же.* Днепровская флотилия в боях за Берлин // ВИЖ. 1975. № 6. С. 87–92; *Он же.* Дунайская флотилия в первые дни войны // ВИЖ. 1980. № 7. С. 52–57; *Он же.* Десант на Припять // Морской сборник. 1984. № 7. С. 65–68; *Он же.* И корабли штурмовали Берлин. М., 1984; *Он же.* Десант в Берлин. М., 1989.

За службу моряк был награжден 2 орденами Красного Знамени (1943, 1946), орденами Ушакова I, II степени (1945), Нахимова I степени (1944), Отечественной войны I степени (1985), медалями, польскими орденами Крест Грюнвальда и «Виртути Милитари» (1946). Скончался В.В. Григорьев 12 октября 1992 года в Москве [876] .

ДОЛИНИН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ Командующий Беломорской флотилией

М.М. Долинин начал морскую службу политработником, завершил ее историком и начальником библиотеки академии. А в промежутке он командовал Беломорской флотилией, которая обеспечивала морские перевозки на Севере.

Михаил Долинин родился 11 (24) июля 1902 года в Санкт-Петербурге. В годы Гражданской войны он воевал на Западном фронте, был с июня 1920 по февраль 1921 года инспектором комиссии штаба 7-й армии. С 1921 года его направили на флот, в Морские силы Балтийского моря. Долинин с февраля 1921 года по июль 1930 года служил информатором-статистиком, инструктором, начальником клубного отделения, начальником информационной части, старшим инструктором оргработы, начальником оперативно-мобилизационного сектора. В 1922 году он стал членом партии большевиков, в 1928 году окончил курсы мобработников. С июля 1930 по декабрь 1932 года Долинин был военкомом штаба, заместителем начальника политотдела, военкомом и начальником политотдела Отряда учебных кораблей Морских сил Балтийского моря. В 1932 году Долинин окончил тактические курсы для высшего политсостава при Военно-морской академии. С декабря 1932 по июнь 1934 года и с октября 1934 по май 1935 года он учился на Особом курсе при Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. В промежутке между занятиями моряк исполнял должность помощника начальника штаба бригады подводных лодок (июнь-август 1934) и командира дивизиона подводных лодок (август – октябрь 1934). С мая по декабрь 1935 года он был начальником штаба 2-й бригады подводных лодок. Видимо, полученной подготовки оказалось недостаточно для подводника, и Долинин окончил в декабре 1935 – июле 1936 года командирский класс Учебного отряда подводного плавания. С июля по август 1936 года Долинин был помощником командира подводной лодки Щ-206, далее до января 1937 года – дублером командира подлодки Щ-204 Черноморского флота. Затем его перевели на Балтику. В январе-июне 1937 года моряк командовал подлодкой Щ-313, далее до февраля 1938 года исполнял должность командира 16-го дивизиона 2-й бригады подводных лодок, с февраля по июнь 1938 года был начальником штаба 2-й бригады подводных лодок Краснознаменного

Балтийского флота. В июне 1938 – мае 1941 года Долинин был председателем Постоянной приемной комиссии по приему вновь построенных и капитально отремонтированных кораблей ВМФ. 6 июня 1940 года ему присвоили звание контр-адмирала [877] .

В этот период строили огромное количество новых кораблей. Создавали океанский флот, способный вести боевые действия с ведущими флотами мира. Долинину приходилось много работать. В период его руководства (1939–1940) флот получил 265 новых кораблей. В частности, 26 сентября 1938 года были завершены приемные испытания крейсера «Киров» и Долинин подписал приемный акт [878] .

Постоянная приемная комиссия действовала по Положению 1930 года, которое устанавливало порядок предъявления кораблей на приемо-сдаточные испытания, организации проведения и обеспечения испытаний, форму приемной документации. В процессе испытаний встречались неожиданности. От комиссии требовалось вносить изменения в программы испытаний, добиваться объективной оценки вступающих в строй кораблей. Приходилось бороться с интересами кораблестроителей, стремившихся уложиться в сроки и избежать сложных испытаний. Комиссия, работавшая с различными заводами, сообщала руководству судостроительной промышленности и ВМФ о положении дел, что позволяло принимать меры, повышающие темпы строительства и качество кораблей [879] .

В мае 1941 года Долинина назначили помощником начальника Главного морского штаба, но ненадолго. Началась война. В июле-августе 1941 года моряк командовал Беломорской военно-морской базой [880] . 2 августа 1941 года нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов подписал приказ о формировании Беломорской военной флотилии с главной базой в Архангельске. Командующим флотилией назначили контр-адмирала М.М. Долинина [881] . Командовал он Беломорской флотилией с 15 августа по 7 октября 1941 года [882] .

Флотилию создали на основе Беломорской военно-морской базы. Она была в первую очередь предназначена для охраны внутренних и внешних морских коммуникаций. Причиной стала активизация неприятельских подводных лодок, надводных кораблей и авиации. Операционной зоной флотилии стали Белое море и часть Баренцева моря, Новая Земля и западная часть Карского моря. В ее состав вошли все соединения и части Беломорской, Иоканьгской военно-морских баз, Северный отряд, аварийно-спасательный отряд ЭПРОНа, ледокольный отряд, лоцманская, гидрографическая и другие службы. Был придан

также дивизион эсминцев. Формировали бригаду траления из трех дивизионов, охрану водного района. Долинину пришлось фактически организовывать флотилию заново. К 15 августа в строю были 33 корабля, через 10 дней – уже 57 кораблей и катеров. Почти все они были переоборудованы из гражданских судов. Ядро флотилии составили рыболовные траулеры, которые после вооружения становились тральщиками и сторожевыми кораблями. Грузопассажирские пароходы переоборудовали в санитарные транспорты, сетевые и минные заградители. Из рыболовных мотоботов получались сторожевые катера и катерные тральщики, а колесные пароходы превращались в речные тральщики. Вооружение устанавливали также на ледокольных, некоторых транспортных и вспомогательных судах [883] .

Командующий руководил работой по созданию береговой, противолодочной и противовоздушной обороны в северной и западной частях Белого моря и на подходах к Архангельску. Во взаимодействии с командующим войсками Архангельского военного округа и командиром Иоканьгской военно-морской базы он добивался, чтобы противник не мог проникнуть в Белое море. Моряки флотилии вели разведку морского театра, обеспечивали плавание кораблей и судов. Организованная система обороны позволила не допустить прорыв морских сил противника в Белое море [884] .

К концу августа на берегу Белого моря от Иоканьги до Архангельска были установлены 18 батарей (63 ствола, в том числе 43 – калибром 122–180 миллиметров). Были сформированы артдивизион для обороны Диксона и батареи для обороны Иоканьги и Архангельска. Остро не хватало специалистов, и штабу флотилии (также не полностью укомплектованному) приходилось брать на себя управление некоторыми соединениями и кораблями, у которых не было подготовленных командиров. Обучение приходилось проводить нередко в ходе боевых походов [885] .

А боевые походы начались уже летом 1941 года. 22–24 июля 4 германских эсминца прошли вдоль мурманского берега и потопили у Териберки гидрографическое судно «Меридиан». 12 июля была впервые обнаружена в Святоносском заливе и атакована СКР-129 неприятельская подводная лодка; в конце лета – осенью германские подводники потопили несколько кораблей и судов. Командование Беломорской военной флотилии приняло меры. Почти все корабли и суда камуфлировали. Опасные районы конвои проходили лишь в темное время суток, двигаясь противолодочным зигзагом. Была разработана специальная инструкция о действиях кораблей дозора при обнаружении

подводных лодок. Моряки постепенно приобретали боевой опыт, и осенью 1941 года неприятельские подводные лодки уже не могли действовать безнаказанно [886] .

С первых дней войны германская авиация поставила донные мины в Белом море. Дополнительную опасность составили свои минные заграждения. 20 августа на отечественных минах подорвался транспорт «Поморье», капитан которого нарушил правила плавания. Погибали корабли и от плавучих мин. Уже в июне пришлось обеспечивать безопасное передвижение судов по постоянно протраливаемым фарватерам. Принятые меры позволили уже в 1942 году избавиться от потерь на минах в Белом море.

Флотилия не располагала достаточно сильной авиацией, чтобы прикрыть от ударов неприятеля и порты, и конвои на переходе. Тем не менее корабли в море и в портах, береговые батареи значительно ослабляли налеты и наносили гитлеровской авиации потери.

Несмотря на все вышеуказанные проблемы, флотилия успешно выполняла свои задачи по перевозкам грузов и войск. К примеру, только с 5 июля по 8 октября из Кандалакши в Архангельск было доставлено 97 тысяч человек и 12 тысяч тонн грузов. Почти без потерь проводили и другие суда в зоне действия Беломорской флотилии [887] .

В октябре 1941 года контр-адмирала Долинина направили в распоряжение Командного управления Наркомата ВМФ. В июле-августе 1942 года он был командиром Горьковской базы речных кораблей Волжской военной флотилии. С августа 1942 года Долинин стал заместителем начальника, а с июля 1943 до сентября 1944 года являлся начальником Исторического отдела Главного морского штаба; одновременно в июле-декабре 1943 года он был старшим морским начальником города Куйбышева. В сентябре-декабре 1944 года моряк находился на лечении, после чего был назначен начальником академической библиотеки Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. Эту же должность он занимал и в послевоенное время. В июне 1947 года Долинин стал помощником главного редактора Морского атласа. С июля 1947 года он вышел в отставку. За службу М.М. Долинина наградили орденами Ленина (1945), Красного Знамени (1944), Красной Звезды (1944), медалями. Скончался М.М. Долинин 1 февраля 1950 года. Похоронили его на Большеохтинском кладбище в Ленинграде [888] .

ДРЕВНИЦКИЙ ВАСИЛИЙ МАРТЫНОВИЧ Командующий Ильменской флотилией

Не многие моряки в чине капитана 3-го ранга командовали соединением. Такой чести удостоился В.М. Древницкий. В литературе очень мало сведений о жизни и деятельности Древницкого до и после того, как он командовал Ильменской военной флотилией. Но справка, присланная из Центрального военно-морского архива, позволила оценить его вклад в защиту страны от гитлеровского вторжения.

Родился будущий моряк 13 января 1910 года на Грозненских нефтепромыслах. С детства он жил у Каспийского моря. Видимо, море привлекло его к себе прочными узами. Юноша в октябре 1929 года поступил в Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе и в 1932 году окончил его артиллеристом. В феврале-декабре 1933 года Древницкий служил дивизионным артиллеристом дивизиона сторожевых кораблей Морских сил Балтийского моря. Видимо, молодой командир проявил способности, ибо уже через год после училища его отправили учиться дальше. В 1933–1934 годах В.М. Древницкий окончил артиллерийский класс Специальных курсов командного состава Морских сил РККА. После курсов моряка отправили на Север [889] .

Из Кронштадта по Беломорско-Балтийскому каналу переводили эскадренные миноносцы и сторожевые корабли, которые составили ядро Северной военной флотилии. Флотилия была сформирована 1 июля 1933 года. 11 мая 1937 года Приказом народного комиссара обороны флотилию реорганизовали в Северный флот [890] .

Вместе с флотом рос и Древницкий. Он служил командиром артиллерийского сектора эсминцев «Рыков» (1934–1935), «Урицкий» (1935–1937). С ноября 1937 по декабрь 1939 года Древницкий командовал сторожевым кораблем «Гроза». С декабря 1939 по декабрь 1940 года Древницкий был командиром 2-го дивизиона сторожевых кораблей Охраны водного района Северного флота. На Севере он участвовал в советско-финляндской войне [891] .

30 ноября 1939 года войска 14-й армии начали наступление на полуостровах Средний и Рыбачий при поддержке огня артиллерии эсминца «Карл Либкнехт». Войска продолжали

наступать на Петсамо. 1 декабря в Петсамский залив были посланы для разведки сторожевой корабль «Гроза» капитан-лейтенанта В.М. Древницкого и два тральщика под прикрытием эсминцев «Грозный» и «Куйбышев». «Гроза» обстреляла предполагаемое место расположения береговых батарей и небольшой порт Лиинахамари в глубине залива. Так как противник не противодействовал, тральщики с поставленными тралами пошли к Петсамо; за ними двигался сторожевой корабль, продолжая обстрел Лиинахамари. Подойдя к Петсамо, Древницкий огнем подавил пулеметную точку на колокольне и способствовал тому, что к вечеру советские войска взяли Петсамо и Лиинахамари. Среди награжденных был и капитан-лейтенант В.М. Древницкий [892] .

Древницкого наградили в 1940 году орденом Красного Знамени. Затем способного командира направили учиться в Военно-морскую академию имени К.Е. Ворошилова. Как и многие соученики, в июле 1941 года он был досрочно выпущен из академии и направлен в распоряжение командующего Северо-Западным фронтом. 28 июля 1941 года по приказанию командующего Северо-Западным фронтом в Новгороде из судов Волхово-Ильменского речного пароходства начали формировать Ильменскую флотилию под командованием капитана 3-го ранга В. М. Древницкого. Командный и рядовой состав укомплектовали моряками с мобилизованных судов и краснофлотцами. Штаба у флотилии не было [893] .

31 июля флотилия получила задание командования нести сторожевую службу в западной части озера Ильмень, чтобы не допустить прорыва противника в Новгородском и Старорусском направлениях. С начала августа корабли флотилии несли дозоры и вели разведку противника на побережье [894] .

К 5 августа в состав флотилии входили 3 канлодки, перестроенные из буксиров, и 9 катеров; большинство экипажей составляли гражданские моряки. Противник к этому времени располагал на озере Ильмень 3 вооруженными катерами и более чем 30 ботами. Флотилии, которую подчинили командующим 4, 48 и 54-й армиями, следовало нести сторожевую службу, не допускать прорыва противника к Новгороду и Старой Руссе и готовиться к высадке десантов [895] .

8 августа один из катеров флотилии впервые подвергся атаке неприятельской авиации и отбил нападение 3 самолетов. Моряки других кораблей также успешно отражали атаки с воздуха. После 14 августа флотилия прикрывала вывоз грузов и мирного населения из Новгорода. Доставив конвой до пристани Волхов, флотилия охраняла мост через Волхов. При этом флотилия

оторвалась от своих войск на 15–20 километров и оказалась в тылу противника. После занятия немцами станции Волхов флотилия отошла к Грузино и установила связь со своими частями. В августе-сентябре корабли флотилии по заявкам сухопутного командования вели обстрел противника на суше, прикрывали отход своих войск, перебрасывали войска через реки, вели разведку. В октябре вооруженные буксиры перевели на Ладожское озеро, и на Волхове для содействия сухопутным войскам остались лишь катера [896] .

Флотилия была расформирована 20 октября 1941 года [897] .

Древницкий командовал Ильменской военной флотилией до 25 октября 1941 года, но официально приказом его не назначили, поэтому в аттестации от февраля 1942 года было записано: «С 25 июля по 15 октября 1941 года исполнял должность командующего Ильменской флотилией. За указанный период времени руководил операциями флотилии по блокаде побережья противника, конвоированию транспортов и высадке разведывательных групп на побережье противника… С 12.09.41 по 15.10.41 производил переброску частей Кр. Армии через р. Волхов». Древницкого вернули на Север. С октября 1941 по апрель 1942 года он командовал 2-м дивизионом ОВРа Северного флота. Затем до октября 1945 года моряк был старшим помощником командира крейсера «Максим Горький» Краснознаменного Балтийского флота. 31 августа 1942 года ему присвоили звание капитана 2-го ранга, в 1944 году наградили 2 орденами Отечественной войны I степени и орденом Красной Звезды [898] .

Скорее всего, награды Древницкий получил за участие крейсера «Максим Горький» в прорыве блокады Ленинграда, в Выборгской операции и других боевых действиях конца 1943–1944 года.

«Максим Горький» был заложен на Балтийском судостроительном заводе в Ленинграде 20 декабря 1936 года. 12 декабря 1940 года корабль вошел в состав Краснознаменного Балтийского флота. С первых дней войны он участвовал в боевых действиях, 23 июня 1941 года потерял носовую оконечность при подрыве на мине, когда обеспечивал минные постановки в устье Финского залива, но уже 24 августа после ремонта вернулся в строй [899] .

В августе отремонтированный корабль занял огневую позицию у Хлебного мола Торгового порта. 18 сентября крейсер под обстрелом противника получил повреждения. Командир крейсера капитан 1-го ранга А.Н. Петров с разрешения штаба укрыл корабль в Гутуевском ковше, а с наступлением ночи вышел

на огневую позицию. К концу сентября «Максим Горький» оставался в Торговом порту. На зиму крейсер пришвартовали к железной стенке Торгового порта так, чтобы он мог при необходимости вести огонь. 4 апреля 1942 года в ходе бомбардировки стоянки кораблей гитлеровской авиацией крейсер получил повреждения от близких разрывов. При авиационном налете 24 апреля вокруг корабля разорвалось 15 авиабомб и свыше 100 снарядов, в корпусе появилось около 300 осколочных пробоин, было убито четверо и ранено восемь человек [900] . Видимо, после этого налета и прислали Древницкого на крейсер.

Корабль зимой 1942/43 года проходил ремонт на заводе № 194 (завод имени А. Марти). Зимой 1943/44 года корабль в составе главных сил флота базировался в Ленинграде. Командовал кораблем капитан 1-го ранга А.Г. Ванифатьев. Утром 15 января 1944 года после мощной артподготовки 2-я ударная армия перешла в наступление. С утра 15 января 1944 года «Максим Горький» и другие корабли Балтийского флота открыли огонь по опорным пунктам противника. Командир корабля приказал команде надеть парадную форму и ордена. Он сообщил по корабельной трансляции, что крейсеру предстоит выпустить 800 снарядов главного калибра по четырем укрепленным позициям противника [901] . Артиллерия боевых кораблей позволила наступавшим войскам отбросить противника от Ленинграда. Крейсер прекратил огонь, когда неприятель отступил за дальность стрельбы орудий.

22 марта 1944 года крейсер «Максим Горький» наградили орденом Красного Знамени [902] .

Вторично крейсер привлекли к боевым действиям в ходе Выборгской операции, когда потребовалось прорывать прочную оборону на Карельском перешейке. В начале июня 1944 года корабли Краснознаменного Балтийского флота скрытно перебросили на Карельский перешеек 5 дивизий, а утром 10 июня огонь открыли 11 кораблей (линкор, 2 крейсера, 4 эсминца и 4 канонерские лодки). В их числе был и «Максим Горький». Наступление войск обеспечивали также стационарные, железнодорожные батареи и 198 самолетов. В результате согласованных действий уже 20 июня был взят Выборг [903] . Тяжелая артиллерия (180 стволов 100–406-мм калибров, сведенная в 4 группы, разрушала долговременные укрепления противника на Карельском перешейке, уничтожала скопления войск, командные пункты, железнодорожные узлы [904] .

В октябре 1945 года Древницкого назначили командиром гвардейского крейсера «Красный Кавказ» Черноморского флота. Однако уже в июне 1946 года его от должности отстранили «за

плохую работу». Полгода моряк находился в распоряжении командования флотом. С декабря 1946 по январь 1949 года Древницкий состоял старшим помощником командира крейсера «Чапаев» Северного Балтийского флота (8-го ВМФ). С января 1949 года моряк находился в запасе по болезни. Скончался он 20 декабря 1957 года в Ленинграде. Награжден был Древницкий орденом Красного Знамени (1940), 2 орденами Отечественной войны I степени (1944), орденом Красной Звезды (1944), медалями [905] .

ДЬЯКОНОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ Командующий Онежской флотилией

А.П. Дьяконов с лета 1941 года командовал Онежской флотилией. Но допущенные им ошибки, которые привели к потерям, заставили наркома ВМФ перевести его летом 1943 года на менее ответственную работу.

Александр Дьяконов родился 5 декабря 1899 года в городе Холм, ныне Новгородской области. На флоте он служил с 1922 года. После окончания морской строевой школы в Ораниенбауме моряк был старшиной (январь – март 1923 года), главным боцманом (март 1923 – март 1926 года), политруком (до ноября 1927 года) эскадренного миноносца «Валериан Куйбышев»; в июле-ноябре 1928 года он временно исправлял должность военного комиссара того же эсминца. В декабре 1928 – декабре 1931 года Дьяконов являлся инструктором организационно-партийной работы политического отдела бригады миноносцев, в 1931–1934 годах был военкомом эсминца «Урицкий», сначала в составе Морских сил Балтийского моря, а с мая 1933 года – Северной военной флотилии, куда корабль перевели по Беломорско-Балтийскому каналу. С декабря 1934 по ноябрь 1938 года моряк окончил командный факультет Военно-морской академии; его назначили начальником штаба бригады миноносцев Балтийского флота. С ноября 1939 по декабрь 1940 года Дьяконов состоял начальником отдела Специальных курсов командного состава, а затем до июля 1941 года – начальником курсов командиров кораблей Высших специальных курсов командного состава ВМФ. Курсы под его руководством готовили командиров эскадренных миноносцев [906] .

В июле 1941 года капитана 2-го ранга А.П. Дьяконова назначили командиром Онежской военно-морской базы. Первоначально ему удалось вооружить лишь 4 буксира. 7 августа по предложению моряков командование Северо-Западного направления приняло решение о формировании флотилии. В тот же день приказом заместителя наркома Военно-морского флота И.С. Исакова флотилия была создана. Сначала в Онежской военной флотилии состояли 5 канлодок из озерных буксиров и несколько тральщиков. Осенью 1941 года эта небольшая флотилия под командованием Дьяконова поддерживала огнем войска 7-й армии [907] .

18 сентября неприятель занял село Остречины на правом берегу Свири, но 19 сентября неожиданный обстрел канонерской

лодки № 12 заставил неприятеля оставить деревню. Бой стал боевым крещением флотилии. 20 сентября десант (100 человек) выбил неприятеля из села Гак-Ручей при поддержке канонерских лодок № 13 и 14. Еще неделю флотилия из Свирской губы продолжала боевые действия в районе Вознесенья, не позволяя противнику форсировать Свирь.

28 сентября превосходящие силы противника заняли Петрозаводск. Главной базой флотилии стало село Вознесенье. Но 7 октября противник занял и Вознесенье [908] .

В начале октября противнику удалось прорвать советские позиции за пределами огня корабельной артиллерии, и советские войска укрепились южнее Вознесенья на реке Ошта. Флотилия была вынуждена базироваться на Вытегру в устье одноименной реки. Моряки поддерживали сухопутные войска, не позволяя врагу переправиться. А 24 октября флотилия ушла на зимовку в Пермь [909] .

Поздней осенью боевые корабли перебазировали на Волгу. Дьяконов командовал флотилией с августа по ноябрь. 28 ноября 1941 года флотилию расформировали, ее корабли вошли в состав Волжской военной флотилии. Дьяконов был командиром 6-й бригады речных кораблей (ноябрь 1941 – февраль 1942 года), командиром Отряда вновь строящихся кораблей в Астрахани (февраль – май 1942 года) [910] . Однако опыт показал, что боевые корабли на Онежском озере необходимы. 30 апреля 1942 года нарком ВМФ приказал создать Онежский отряд кораблей из состава Волжской военной флотилии. В состав отряда включили управление отряда (штабной корабль «Московский комсомолец»), 6 канонерских лодок, 8 бронекатеров, 7 сторожевых катеров и катеров-тральщиков, 4 глиссера охраны водного района, 31-й отдельный батальон морской пехоты, службу наблюдения и связи, отделы тыла, складов и производственных предприятий. В качестве базы вновь избрали город Вытегра. В мае под командованием капитана 2-го ранга А.П. Дьяконова отряд с Волги направился на Онежское озеро. Переход проходил с 19 мая по 7 июня. В последний день корабли, кроме бронекатеров, прибыли в Вытегру и начали боевые действия. Отряд был непосредственно подчинен наркому ВМФ, а оперативно – командующему 7-й Отдельной армией. Восточный берег Онежского озера охраняли части 32-й армии севернее реки Водла и части 7-й отдельной армии (южнее реки). Главной базой Онежского отряда кораблей служила река Вытегра, но суда базировались также в Обводном канале, на реке Андома и реке Водла. База Вытегра, канал и шлюзы Мариинской системы были слабо защищены от ударов с воздуха. С появлением кораблей положение на Онежском озере

улучшилось, так как и южная и северная (Шальская) группы кораблей своими активными действиями с июня до октября связали флотилию противника и помешали его перевозкам [911] .

16 июня на флотилию прибыл дивизион бронекатеров. После трех дней подготовки катера перешли в устье реки Вытегра. Уже в ночь на 27 июня катера произвели первый обстрел берегов. В ночь на 9 августа бронекатера вели разведку боем в районе Вознесенья.

В состав Онежского отряда входили дивизион канонерских лодок (7 единиц), дивизион бронекатеров (8 единиц), дивизион катерных тральщиков и сторожевых катеров (9 единиц) и 31-й батальон морской пехоты. Моряки взаимодействовали с войсками 7-й Отдельной армии. Они несли дозорную службу, высаживали разведчиков, обстреливали береговые позиции. В летнюю кампанию Онежский отряд кораблей успешно выполнял указания сухопутного командования. Были установлены тесные связи со штабами армии, а также 4-го стрелкового корпуса, 272-й и 368-й дивизий [912] .

Финны от города Повенец до села Вознесенье оборудовали опорные пункты с береговыми батареями; дополнением к ним служила озерная флотилия из нескольких канонерских лодок (вооруженных буксиров), самоходных барж и вооруженных катеров. Однако, прибыв в Вытегру, моряки не только выставили дозоры вблизи своей базы, но и высылали разведку в район Вознесенье. Благодаря активным действиям дозоров движение неприятельских судов было прервано, а линия сообщения Вытегра – Андома, по которой перевозили лес, была защищена от нападений врага. Канонерские лодки Шальской группы обеспечивали переход судов на линии Петрозаводск–Медвежьегорск. Канонерские лодки за кампанию 1942 года провели несколько десятков буксиров и 37 транспортов с 8 тысячами тонн грузов. Корабли и катера обстреливали населенные пункты, занятые противником, заставляя его держать часть сил на побережье. Были прерваны неприятельские коммуникации. Более 40 высаженных на берег разведгрупп собрали сведения о положении неприятеля у побережья и в глубине [913] .

С июня по октябрь северная группа совершила более 70 боевых выходов, в том числе 27 в дозор, и 5 раз проводила артобстрелы. Кроме дозоров, охраны коммуникаций, 15 раз высаживала разведгруппы, общим числом 126 человек, и снимала ранее высаженные группы. За тот же срок южная группа поддерживала фланг 368-й стрелковой дивизии. Было совершено 130 боевых выходов. 30 раз корабли и катера вели огонь по

береговым объектам противника, 107 раз выходили в дозор, 3 раза – в поиск. Всего отряд выполнил 231 действие для обеспечения задания командования [914] .

Сухопутное командование высоко оценило помощь моряков. Командир 4-го стрелкового корпуса генерал-майор П.А. Зайцев в отзыве писал: «Отряд кораблей за период своих действий оказал значительную поддержку и помощь в деле активной обороны частями корпуса. Своими решительными, дерзкими и смелыми налетами на тыл противника отряд оказал немалую услугу войскам, ослабляя врага и причиняя ему большие потери» [915] .

Онежским отрядом кораблей Дьяконов командовал с мая 1942 по январь 1943 года [916] .

В середине ноября 1942 года Онежский отряд, оставив на месте 31-й батальон морской пехоты, направился в Рыбинск на зимовку. Ранее были отправлены катера, часть тыла и оперативная часть для подготовки базирования. За зиму, несмотря на авиационные налеты противника, корабли прошли ремонт, а весной 1943 года на базе отряда была воссоздана Онежская военная флотилия. Первым эшелоном на озеро были отправлены канонерские лодки, бронекатера с походным штабом, тогда как начальник штаба капитан 2-го ранга Н.В. Антонов с группой офицеров оставался, чтобы ликвидировать последствия налета авиации противника и дождаться прибытия дивизиона торпедных катеров; именно эти катера, вооруженные «катюшами», значительно усилили огневую мощь флотилии.

Командующим флотилией с января по июль 1943 года оставался А.П. Дьяконов, которому 7 апреля 1943 года присвоили звание капитана 1-го ранга [917] .

К 1943 году положение на берегах Онежского озера не изменилось. Финны удерживали западное побережье от Повенца до реки Ошта на юге, 32-я армия – восточное побережье от Заонежского и Повенецкого заливов до Повенца и севернее, 7-я отдельная армия – от устья реки Водла до устья реки Ошта. Финская флотилия состояла из 4 канлодок, 3 бронекатеров, 3 быстроходных десантных барж (БДБ) и нескольких катеров, а также 2 смешанных эскадрилий. 20 береговых батарей калибром от 75 до 152 миллиметров прикрывали все побережье.

В кампанию 1943 года флотилию оперативно подчинили 7-й отдельной армии. Ее задачей стала активная оборона южного и восточного побережья озера во взаимодействии с сухопутными войсками, артиллерийская поддержка приозерного фланга войск, защита перевозок и создание благоприятного оперативного режима на озере. Для этого Онежская флотилия располагала дивизионом канонерских лодок, отрядом бронекатеров,

дивизионом минных катеров (из сторожевых и торпедных катеров, вооруженных ракетами), группы кораблей охраны водного района из сторожевых кораблей и сторожевых катеров и катеров-тральщиков. Со временем численность флотилии выросла [918] .

На кампанию 1943 года Карельский фронт по согласованию с Главным штабом ВМФ поставил перед флотилией следующие задачи: противодесантная оборона побережья, содействие флангам войск артиллерией и высадками десантов, оборона озерных путей сообщения и действия на коммуникациях противника, ведение постоянных боевых действий. Основными противниками флотилии являлись авиация и береговая артиллерия [919] .

В первой половине мая 1943 года основные силы флотилии прибыли. Сразу же начались боевые действия бронекатеров.

В мае 1943 года была сделана попытка обстрелять канонерскими лодками военные объекты под Петрозаводском. Однако противник, узнав о приближении кораблей, выслал авиацию, которая нанесла потери флотилии и заставила ее отойти, так как своего прикрытия с воздуха не было [920] .

Летом прибыл дивизион торпедных катеров с неуправляемыми ракетами («катюшами»), которые именовали минными кораблями. После изучения новой техники А.П. Дьяконов решил проверить готовность дивизиона и отправился вместе с Антоновым к устью реки Вытегра. Так как поступило сообщение о появлении неприятельского конвоя, Антонов с 2 бронекатерами вышел в море. После того как обнаружили буксир с баржей в охранении сторожевого катера, начальник штаба флотилии радировал командующему флотилией: «Вижу противника. Прошу выслать катера». Сам он принял решение атаковать противника [921] .

Так как подкрепления не прибыли, Антонов приказал второму катеру поставить дымовую завесу, прикрывающую от огня береговых батарей. Сблизившись на 42 кабельтова, атакующий катер открыл огонь и вскоре поразил баржу; буксир и сторожевой катер отвернули под прикрытие береговых батарей. Так как второй катер не успел поставить отсекающую завесу из-за малой скорости, катера попали под обстрел береговых орудий противника, и Антонов приказал выходить из боя. Катера, маневрируя под огнем, почти без повреждений прибыли на базу. Катерники получили благодарность командующего. После того были проведены успешные испытания минных катеров [922] .

Так как документов по управлению катерами с ракетными установками не существовало, при помощи побывавшего на

флотилии главного артиллериста ВМФ контр-адмирала В.В. Чистосердова было подготовлено Наставление по боевому применению реактивных установок на катерах ВМФ. Подготовка экипажей минных катеров позволила успешно использовать их в боях.

Дьяконов командовал Онежской флотилией с 7 августа по 28 ноября 1941 года, Онежским отрядом кораблей – с апреля по 13 декабря 1942 года и затем снова флотилией с 10 мая по 7 июля 1943 года [923] . Снят он был приказом наркома ВМФ за потери в начале кампании 1943 года.

С июля 1943 года капитан 1-го ранга Дьяконов был назначен начальником 4-го (июль 1943 – ноябрь 1944), затем до июля 1945 года – 5-го отделения исторического отдела Главного морского штаба. С июля 1945 по сентябрь 1949 года Дьяконов являлся заместителем начальника Военно-морского отдела по флоту советской части Союзной комиссии в Австрии. Затем он состоял начальником факультета заочного обучения Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова (сентябрь 1949 – сентябрь 1955 года). С сентября 1955 года Дьяконов оставался в запасе. Скончался А.П. Дьяконов в сентябре 1978 года в Москве. О его смерти поместила некролог газета «Московская правда» от 8 сентября 1978 года. Моряка наградили орденом Ленина (1946), 2 орденами Красного Знамени (1944, 1951), орденом Отечественной войны I степени (1945), Красной Звезды (1943), медалями [924] .

О действиях Онежской флотилии А.П. Дьяконов рассказал в статье «Памятные годы» сборника воспоминаний онежцев «Боевые вымпела над Онего», изданном в Петрозаводске в 1972 году и переизданном в 1980 году.

ЗЕМЛЯНИЧЕНКО СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ Командующий Ладожской флотилией

С.В. Земляниченко по специальности являлся химиком. Но обстоятельства заставили его ненадолго стать командующим флотилией.

Сергей Земляниченко родился в Саратове 21 января 1900 года. Он происходил из семьи служащего. В 1919 году юноша окончил школу II ступени, был телеграфистом. В августе 1921 года его приняли на ускоренные курсы техников начсостава флота, но уже в сентябре перевели в Военно-морское училище. После окончания училища в мае 1925 года Земляниченко был назначен вахтенным начальником канонерской лодки «Красное знамя» Морских сил Балтийского моря, в августе 1926 года – вахтенным начальником посыльного судна «Кречет» на Балтике. В октябре 1926 года его перевели помощником начальника курса Военно-морского политического училища имени Рошаля. В марте 1927 года Земляниченко стал исправлять должность штурмана вспомогательного судна особого назначения «Смольный» [925] .

24 ноября 1928 года Земляниченко был зачислен слушателем химического класса спецкурсов командного состава ВМС РККА [926] . 18 октября 1929 года он окончил курсы и был назначен в отдельный отряд реки Днепр [927] . В 1930 году Земляниченко являлся химиком отдельного отряда судов реки Днепр. Он предложил «Описание щелочения паровых котлов соляной кислотой», и на его метод был дан отзыв Мортехупра [928] .

В декабре 1936 года Земляниченко стал преподавателем, а с 3 сентября 1938 года – начальником химического отдела Спецкурсов комсостава РККФ. 3 марта 1938 года он стал капитаном 3-го ранга, 14 апреля 1939 года – капитаном 2-го ранга [929] .

Ладожская военная флотилия была сформирована 25 июня 1941 года приказом наркома ВМФ из учебного отряда военно-морских учебных заведений (ВМУЗ). Главная база флотилии располагалась в Сортанлахти, тыловая – в Шлиссельбурге. Флотилию первоначально составили дивизион учебных кораблей (4 транспорта, 5 парусно-моторных шхун), дивизион катеров и учебно-артиллерийский дивизион. Первым командующим назначили капитана 2-го ранга Барановского. Однако уже 30 июня его сменил капитан 2-го ранга С.В. Земляниченко [930] .

29 июня 1941 года Приказом № 01110 Наркомата ВМФ Земляниченко был назначен командующим Ладожской военной флотилией [931] .

Командующему досталась непростая задача. К началу июля перешли в наступление на Ленинград Карельская и Юго-Восточная финские армии. Под давлением превосходящих сил противника войска 7-й армии отходили, нанося контрудары. С 28 июня до 5 июля флотилия вывозила ценности и военное имущество из Лахденпохья, с острова Валаам в Сортанлахти и Шлиссельбург. 5 июля она была оперативно подчинена командующему Морской обороной Ленинграда. Тот поставил задачи обеспечить перевозки по озеру и в случае выхода противника к берегу поддерживать фланги армии. Флотилия была пополнена и насчитывала 6 канонерских лодок, дивизионы тральщиков (5 единиц), катеров-тральщиков (16 единиц), корабли специального назначения и береговые части. 10 июля флотилию подчинили командиру 19-го стрелкового корпуса [932] .

Очевидно, командование пришло к выводу, что капитан 2-го ранга недостаточно подготовлен к тому, чтобы командовать такими значительными силами в сложной обстановке. Командовать Ладожской военной флотилией назначили контр-адмирала П.А. Трайнина.

Пункт приказа о назначении Земляниченко командующим был отменен, и капитана 2-го ранга назначили помощником командующего флотилией. 19 июля 1941 года Земляниченко назначили начальником тыла флотилии и комендантом БО Шлиссельбургской базы. 17 августа его зачислили в распоряжение Морской обороной Ленинграда и Озерного района. 11 декабря 1941 года Земляниченко уволили из ВМФ по пункту «в» статье 44. Только 29 июля 1942 года пункт об увольнении был отменен, и капитана 2-го ранга назначили флагманским химиком в Волжскую военную флотилию [933] .

29 июля 1943 года Земляниченко назначили старшим преподавателем кафедры химии и химического оружия ВСККС ВМФ. 22 марта 1945 года его назначили старшим преподавателем кафедры боевого использования химического оружия, а с 5 января 1946 года он являлся исправляющим должность начальника кафедры боевого использования химического оружия Специальных курсов офицерского состава ВМФ. 31 июля 1947 года ему присвоили звание капитана 1-го ранга. 29 июня 1950 года моряка уволили в отставку по статье 43 (по болезни). Скончался Земляниченко 21 января 1956 года (по сообщению Санкт-Петербургского горвоенкомата). За выслугу лет он был награжден орденами Красного Знамени (1944) и Ленина (1947)

[934] .

ЗОЗУЛЯ ФЕДОР ВЛАДИМИРОВИЧ Командующий Каспийской флотилией

Ф.В. Зозуля был штабным работником и дослужился до начальника Главного штаба ВМФ. Но в военное время ему довелось командовать отрядами, обеспечивавшими войска на плацдарме у Невской Дубровки под Ленинградом, и Каспийской флотилией.

Родился Федор Зозуля 27 октября (9 ноября) 1907 года в городе Ставрополе, на Украине [935] . Мальчик окончил школу в родном городе. В 1925 году после смерти отца юноша переехал с семьей к сестре матери в Ленинград. Начал он учиться в индустриальном техникуме, но не окончил его и поступил в ВВМУ имени М.В. Фрунзе (1925) [936] .

Окончил училище Зозуля в 1928 году. В мае-сентябре 1928 года он был корабельным курсантом эсминца «Калинин», в сентябре 1928 – январе 1929 года состоял командиром взвода Балтийского флотского экипажа, с января 1929 по февраль 1930 года исполнял обязанности штурмана учебного судна «Комсомолец», а затем до апреля 1931 года – штурмана эсминца «Урицкий» Морских сил Балтийского моря. В апреле-декабре 1931 года он был старшим штурманом «Урицкого». С декабря 1931 по ноябрь 1934 года Зозуля проходил обучение на военно-морском факультете Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова [937] .

При выпуске Зозулю аттестовали как кандидата для службы в Генеральном штабе РККА. В ноябре 1934 – январе 1935 года он был помощником начальника сектора, занимавшегося Черноморским театром и флотилиями, морского отдела 1-го управления штаба РККА, в январе-марте – помощником начальника сектора отделения 1-го отдела того же штаба. С марта 1935 по апрель 1939 года моряк состоял последовательно помощником, старшим помощником, начальником отделения Оперативного управления Генерального штаба РККА. С апреля по ноябрь 1939 года Зозуля был начальником штаба Каспийской военной флотилии, затем заместителем начальника штаба Балтийского флота по июль 1940 года. Моряк принимал участие в войне с Финляндией, участвовал в боевых операциях при занятии острова Бьёрке (Койвисто). С июля 1940 года Зозуля – начальник штаба Кронштадтской военно-морской базы. В этой должности он

оставался и к началу Великой Отечественной войны. С августа 1941 года Зозуля – заместитель начальника штаба Балтийского флота. Он участвовал в обеспечении перехода сил флота из Таллина в Кронштадт, руководил оказанием помощи поврежденным кораблям на острове Гогланд, вывозом с острова спасенного личного состава и эвакуированного населения. Моряк руководил высадкой морского десанта в районе Петергофа. В конце сентября он командовал отрядом моряков, который обеспечивал переправу войск Невской оперативной группы в районе Московской Дубровки [938] .

В районе Невской Дубровки были сосредоточены войска, 22 сентября 1941 года объединенные в Невскую оперативную группу. Войскам предстояло захватить плацдарм на левом берегу Невы. Для переправы собрали катера, шлюпки, лодки. Был выделен специальный отряд моряков, которым командовал капитан 1-го ранга Ф.В. Зозуля. 20 сентября войска были успешно переправлены и при поддержке флота заняли плацдарм. Моряки обеспечивали перевозку войск, боеприпасов, продовольствия и вывоз раненых. С 23 по 27 октября Зозуля вновь командовал отрядом, обслуживавшим переправу у Невской Дубровки. Действия Невской оперативной группы позволили связать значительные силы противника и ослабить их натиск на Ленинград [939] .

С декабря 1941 по июль 1943 года Зозуля был начальником штаба Беломорской военной флотилии, которая обеспечивала оборону коммуникаций в Белом, Баренцевом и Карском морях. Штаб обеспечивал беспрепятственное движение советских и союзных транспортных судов. В аттестации на моряка было сказано: «По назначении в Беломорскую военную флотилию быстро изучил театр, людей и уверенно стал руководить работой по своей должности… Завоевал авторитет как среди командиров соединений и начальников отделов, так и командиров штаба. Организовал управление на обширном Беломорском театре и умело обеспечивал и организовывал боевые действия. Кампания 1942 года прошла в условиях интенсивного выполнения задач, укрепления и оборудования Беломорского театра».

В наградном листе было отмечено: «Никогда, даже в трудных условиях обстановки, не терял выдержки и хладнокровия… неоднократно проявлял личное мужество в борьбе с фашистами» [940] .

Эти строки из наградного листа подтверждают факты. В сентябре 1942 года Северный флот встречал конвой PQ-18. Выдержав атаки неприятельской авиации, 19 сентября в штормовую погоду транспорты встали у острова Мудьюгский в

ожидании лоцманов. На следующий день шторм не прекратился, а германская авиация вела атаки на суда конвоя. Следовало спешно ввести суда в Архангельский порт. Командующий Беломорской военной флотилией Г.А. Степанов приказал командиру тральщика Т-907 во что бы то ни стало доставить на транспорты лоцманов. Для руководства действиями командира на тральщике шел начальник штаба флотилии капитан 1-го ранга Зозуля. Задача была выполнена, несмотря на 8–9-балльный шторм и темноту [941] . С тральщика высадили лоцманов на 12 судов.

С Севера моряка перевели в Москву. В июле 1943 – сентябре 1944 года капитан 1-го ранга служил заместителем начальника Оперативного управления Главного морского штаба ВМФ. 21 июля 1944 года его произвели в контр-адмиралы. С сентября 1944 года Зозуля – командующий Каспийской военной флотилией и оставался в этой должности до начала 1946 года [942] .

К этому времени война ушла далеко на запад. Теперь Каспийская флотилия, кроме обеспечения судоходства, служила резервом и кузницей кадров. Каспийцы воевали на многих фронтах, флотах и флотилиях. Многие из них были награждены орденами и медалями. А флотилию 25 апреля 1945 года Президиум Верховного Совета СССР наградил за боевые заслуги и в связи с 25-летним юбилеем орденом Красного Знамени [943] .

В январе-феврале 1946 года Зозуля – начальник штаба Краснознаменного Балтийского флота, далее до февраля 1947 года – начальник штаба Северо-Балтийского флота. В феврале-июле 1947 года контр-адмирал был начальником Оперативного управления Главного штаба ВМС. С июля 1947 по февраль 1950 года моряк являлся командующим 8-м ВМФ. 11 мая 1949 года его произвели в вице-адмиралы. В феврале 1950 – сентябре 1953 года Зозуля – начальник Военно-морской академии кораблестроения и вооружения имени А.Н. Крылова [944] .

Зозуля являлся одним из тех, кто мог стать главкомом ВМФ. Г.Г. Костев писал о Зозуле того периода: «К этому времени ему исполнилось 46 лет. Казалось бы, для флотоводца это возраст полного расцвета сил, но, к сожалению, напряжение всех физических и моральных сил в годы войны сказалось на здоровье Федора Владимировича. Появились признаки сердечно-сосудистого заболевания. К своей болезни он всегда относился с юмором. «Лечусь порохом», – говорил он, проглатывая очередную порцию нитроглицерина. «Подождите немного, сейчас в голове будет щелчок, разомкнутся контакты, и будем работать дальше», – вспоминал о частом высказывании Ф.В. Зозули в моменты обострения болезни Б.М. Хомич» [945] .

С сентября 1953 по февраль 1958 года моряк был заместителем начальника Генерального штаба Министерства Вооруженных сил. Его произвели в адмиралы 8 августа 1955 года. С февраля 1958 года Зозуля – первый заместитель главкома – начальник Главного штаба, с декабря 1960 года – начальник Главного штаба – первый заместитель главнокомандующего ВМФ [946] .

На посту начальника Главного штаба ВМФ Зозуля сменил адмирала В.А. Фокина, который в руководстве применял резкий командирский стиль [947] . Вступая на пост начальника Главного штаба ВМФ, Зозуля изложил свои требования к штабным работникам:

«1. В работе я никого не должен подталкивать, а меня должны подталкивать все. Начальники, которых надо подталкивать, мне не нужны, и, если такие окажутся, им будет об этом прямо сказано.

2. От себя в мой адрес, как правило, письменных докладов делать не следует. Мне докладываются на подпись ответы на запросы в мой адрес или проекты моих докладов в вышестоящие инстанции, а в ряде особых случаев – доклады за подписью главкома в эти инстанции или его ответы заявителям запросов, ходатайств и жалоб. В отдельных случаях проекты таких документов с моего ведома могут быть переданы в секретариат главкома для доклада ему без вашего присутствия.

3. Документы, идущие в вышестоящие организации, подписываю я или главком.

4. Тот, кто докладывает какой-либо разработанный им документ на подпись или утверждение, должен уметь доказать необходимость или целесообразность его подписи или утверждения в том виде и в той редакции, в каких он докладывается. Расчет на то, что недоработка может быть замечена и исправлена мною или главкомом, должен быть полностью исключен.

5. Если я документ утвердил или подписал, никаких его поправок или исправлений не должно быть.

6. Для показа загруженности в работе появляться в моем кабинете часто не следует. В целях экономии служебного времени при докладе простых и ясных вопросов, суть которых излагается в документах, требующих моего утверждения или подписи, присутствие докладчиков не обязательно.

7. Любой утвержденный план работ должен быть выполнен своевременно и обязательно. При этом в нем необходимо учитывать время, требуемое для рассмотрения плановых документов у тех лиц, коим они докладываются. О каких-либо

срывах плана меня необходимо предупреждать заблаговременно.

8. За советами по работе в трудных случаях, например для уточнения предварительных решений командования или для уяснения генеральной линии по тому или иному вопросу, разрешаю обращаться по мере необходимости, однако в таких случаях я должен видеть старание подчиненного понять проблему.

9. Между органами штаба должна быть полная согласованность в работе, особенно когда нужна своевременная взаимоинформация. Пренебрежение соседями по работе, склоку, наушничество считаю тягчайшим нарушением порядка службы. Все споры личного порядка лучше решать у меня, но еще лучше, если их не будет вовсе.

10. Обнаружив ошибку или провал в работе, в первую очередь следует без паники думать, как исправить их. Доложить о случившемся с предложением мероприятий, как устранить последствия. С моего согласия немедленно приступать к реализации принятого предложения.

11. Бесцельных командировок, устраиваемых для отдыха, не терплю. Для этого следует использовать очередной отпуск, пребывание на курортах и в домах отдыха.

12. Ни одного запроса, ходатайства или жалобы не должно быть без ответа в установленные сроки. Независимо от того, будет ли этот ответ положительным или отрицательным, он должен быть дан. Если по уважительной причине дать ответ в установленный срок нельзя, об этом также необходимо поставить в известность заявителя и объяснить ему причину задержки решения по поставленному ему вопросу…

Возможно, будут случаи, когда для уточнения деталей рассматриваемых вопросов главком пожелает заслушать непосредственного их исполнителя. Поэтому при подготовке докладов, рассматриваемых главкомом, необходимо учитывать это обстоятельство и уметь четко и немногословно отвечать главкому на все интересующие его вопросы» [948] .

Зозуля установил четкий порядок работы Главного штаба ВМФ, сохранившийся при его преемниках. Он умело подбирал помощников. В представлении главкома ВМФ

С.Г. Горшкова на адмирала Зозулю написано: «Высокая штабная культура. Правильно руководит Главным штабом. Имеет деловую связь с Генеральным штабом. Хорошо развито чувство ответственности. Заслуживает звание адмирал флота». Звание это моряк не получил [949] . Г.Г. Костев отмечал, что заслуги Зозули в развитии флота и проведении в жизнь идей С.Г. Горшкова были исключительно велики. В моряке сочетались командирские и

штабные качества. Прежде чем занять высшую штабную должность, он прошел школу на флоте, и считал это необходимым для работника штаба [950] .

Зозуля состоял начальником Главного штаба 6 лет и 2 месяца, несмотря на болезнь сердца. Умер он в кабинете [951] .

Адмирал был награжден орденом Ленина (1950), 3 орденами Красного Знамени (1943, 1945, 1956), 2 орденами Красной Звезды (1940, 1944), медалями, английским орденом Британской империи III степени (1944). Скончался он 21 апреля 1964 года в Москве. Похоронили моряка на Новодевичьем кладбище [952] .
Его имя присвоено ракетному крейсеру «Адмирал Зозуля» (в 1994 году выведен из состава флота) [953] .

КУЧЕРОВ СТЕПАН ГРИГОРЬЕВИЧ Командующий Беломорской флотилией

Войну С.Г. Кучеров начал начальником штаба Северного флота, а завершил начальником Главного штаба ВМФ. Между этими постами он командовал Беломорской флотилией, а после войны – флотилией Каспийской.

Родился Степан Кучеров в селе Олыпаки, ныне Аркадакского района Саратовской области 19 июля (1 августа) 1902 года [954] . Биограф моряка М. Филимошин приводит другую дату – 13 (26) августа 1902 года. После окончания школы Степанов поступил в один из институтов Саратова. Но осенью 1922 года в город прибыл моряк с Балтики. Он зажигательно выступал перед молодежью и призывал идти на флот, чтобы восстанавливать его после разрухи Гражданской войны [955] .

Выступление это последовало за Y Всероссийским съездом РКСМ, делегаты которого 16 октября 1922 года приняли решение о шефстве комсомола над «Красным Военным Флотом Республики». Комсомольцы организовали среди населения пропаганду необходимости восстановления флота и призывали активистов. Тысячи комсомольцев, влившихся в состав флота, позволили решительно изменить его лицо. Благодаря энтузиазму молодежи удалось восстановить первые боевые корабли и начать боевую подготовку. М.В. Фрунзе писал: «Этот момент, безусловно, в жизни флота сыграл колоссальную роль. Только с этого времени стала возможной живая созидательная работа. Тысячи комсомольского пополнения, образовавшие ядро нового флота, заложили тот фундамент, на основании которого стала возможна вся дальнейшая творческая деятельность» [956] .

Добровольцев оказалось немало и в Саратове. Комсомольская организация отбирала из них лучших. Среди избранных был и Кучеров. Отправили его на Балтийский флот. Будущий адмирал прошел ту же школу, что и его сверстники, будущие известные флотоводцы [957] .

В 1922–1923 годах Кучеров служил матросом 2-го Балтийского флотского экипажа, в апреле-ноябре был учеником-электриком Электромашинной школы. В ноябре 1923 года его послали в Военно-морское училище, которое он окончил в октябре 1926 года и был направлен в распоряжение командующего Морскими силами Черного моря. С декабря 1926

года Кучеров командовал бронекатером, с августа 1927 по октябрь 1928 года – дивизионом бронекатеров на Днепре. Окончив химический класс Специальных курсов командного состава ВМС РККА (1929), он с октября 1929 года состоял флагманским химиком штаба Морских сил Каспийского моря. С марта по август 1931 года Кучеров исполнял обязанности командира канонерской лодки «Азербайджан». С августа 1931 по октябрь 1933 года моряк был командиром химического сектора Спецкурсов комсостава ВМС РККА. С августа 1931 по октябрь 1933 года он – командир сектора Специальных курсов комсостава. В 1933–1936 годах моряк являлся флагманским химиком штаба Морских сил Черного моря, затем штаба Черноморского флота. В ноябре 1936 года Кучеров поступил на командный факультет Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова, окончил ее в феврале 1939 года и работал в академии ассистентом кафедры оперативного искусства командного факультета. В феврале-марте 1940 года он состоял начальником штаба Балтийской военно-морской базы, в марте-августе 1940 года командовал военно-морской базой в Палдиски, участвовал в советско-финляндской войне 1939–1940 годов. 4 июля 1940 года моряка произвели в контр-адмиралы. С августа 1940 года он был начальником штаба Северного флота [958] .

Во время Великой Отечественной войны Кучеров участвовал в разработке операций по высадке десантов, нарушению вражеских коммуникаций, обеспечению проводки союзных конвоев и эффективной организации действий флота. Под его руководством штаб флота разработал эффективную систему руководства действиями разнородных сил (надводные корабли, подводные лодки, береговая артиллерия и авиация) на коммуникациях противника. Совместно со штабом английской военно-морской миссии в Полярном Кучеров выработал порядок формирования и проводки конвоев в советских водах [959] .

Начальник штаба основал тыловой штабной пост флагманского командного пункта, который организовал учет материальных ресурсов и подачу всего необходимого на корабли и на суда конвоев, как только те прибывали в порт. А.Г. Головко писал о Кучерове: «Энергичный и настойчивый, Кучеров был хорошим начальником штаба. Предпочитал докладывать на усмотрение старшего начальника, но в работе был неутомим. Он мог не спать несколько суток подряд, если того требовала обстановка. Был исключительно дисциплинирован: если даже отвергалось его предложение и принималось решение старшего начальника, он выполнял это решение как свое собственное. В любом положении он не унывал, обладал чувством юмора… К

войне он относился со всей серьезностью. Примерно через два месяца он как-то заявил мне, что война будет длительной. Штабные офицеры побаивались Кучерова. Он был высокотребователен, не давал спуска за любое упущение. Думаю, он как начальник штаба флота был на месте…» [960]

Начальник политотдела Северного флота Н.А. Торик вспоминал о Кучерове как о человеке принципиальном, непримиримо относившемся к недостаткам по службе и в быту. Моряк правильно воспринимал критику в свой адрес. Он помогал политорганам по воспитанию политических и командных качеств офицеров [961] .

Видимо, благодаря хорошему мнению о нем Кучеров получил самостоятельное назначение командующим Беломорской военной флотилией. В 1943 году германские подводные лодки появились в Баренцевом и Белом морях, затем проникли в Карское море. Они ставили минные заграждения на пути арктических конвоев, наносили торпедные удары [962] . Требовался человек, способный со сравнительно небольшими силами обеспечить безопасность мореплавания по Северному морскому пути. Кучерова назначили командующим Беломорской военной флотилией в феврале 1943 года; 31 марта 1944 года его произвели в вице-адмиралы [963] .

Важнейшей задачей флотилии являлось обеспечение переходов конвоев по внутренним и внешним коммуникациям. Весной 1943 года оперативная зона Северного флота была распространена на все Карское море и часть моря Лаптевых; последние два моря оказались в сфере деятельности Беломорской флотилии. Сразу же были приняты меры по укреплению береговой обороны, установке батарей и наблюдательных постов, воздушной разведке. Благодаря усилению авиации конвои прикрывали с воздуха, а использование современной техники позволило применить для поиска подводных лодок гидролокаторы. Благодаря принятым мерам Северный флот не имел потерь от мин с лета 1943 года. По мере прибытия пополнения число кораблей охранения росло; от частичного конвоирования конвоев в 1944 году перешли к сквозному конвоированию или по этапам, организовывали круговое конвоирование, иногда даже в две линии. При переходе особо ценных конвоев организовывали целые операции [964] .

Проводкой наиболее важных конвоев руководил сам командующий флотилией. В частности, 23 мая 1943 года он получил приказ обеспечить в июне переход группы ледоколов из Северодвинска в Карское море при поддержке кораблей и авиации Северного флота. Кучеров решил заранее обеспечить

траление, поиск мин и подлодок противника на маршруте. Ледоколы были распределены в два конвоя, БА-4 и БА-7, каждый из которых предстояло конвоировать всем составом эскортных сил. Организовав разведку и обеспечение всего маршрута, Кучеров сам возглавил конвой БА-4, расположившись на эсминце «Урицкий» с походным штабом. Конвой прикрывали от нападения подлодок эскортные корабли и самолеты, маршрут перед ним очищали тральщики. 17 июня конвой вышел и 22 июня благополучно достиг Диксона; вслед за ним 29 июня – 5 июля прошел БА-7 [965] .

Экспедиция под руководством Кучерова продолжалась более полутора месяцев. Несмотря на то что конвоям угрожали немецкие подводные лодки, развернутые в Карском и Баренцевом морях, суда были доставлены без потерь [966] .

Прибытие ледоколов позволило обеспечить постоянные перевозки по Северному морскому пути. Однако активность подводных лодок и гибель нескольких кораблей и судов от мин и торпед заставили принять решение оставить суда на зимовку в Карском море.

В начале октября 1943 года решением ГКО на Кучерова была возложена задача провести из бухты Тикси стоявшие там ледокол «Иосиф Сталин» и ледорез «Федор Литке», которые были необходимы в Белом море. Контр-адмирал лично возглавил экспедицию, которая продолжалась более полутора месяцев. Штаб разработал план перехода, была проведена тщательная разведка и приняты меры против нападения германских подводных лодок, находившихся в Карском и Белом морях. Благодаря хорошей организации ледоколы, составившие конвой АБ-55, были доставлены к цели благополучно, несмотря на атаки неприятельских подлодок [967] .

В боевой деятельности важнейшей задачей флотилии являлось конвоирование транспортов. Командующий флотилией несколько раз лично возглавлял конвой. В кампанию 1943 года Беломорская флотилия обеспечила переход 280 конвоев, в зимнее время без потерь провела 8 союзных конвоев из 58 транспортов. К навигации 1944 года флотилия готовилась тщательно на основе опыта предшествующей кампании. Для обеспечения безопасности коммуникаций в морях Карском и Лаптевых была создана Карская военно-морская база, в организации которой принимал непосредственное участие Кучеров [968] .

В 1944 году благодаря увеличению численности эскортных сил потери от атак германских подводников, несмотря на применение акустических торпед, оказались сравнительно невелики. Только конвой БД-5 лишился в августе 1944 года

транспорта и 2 тральщиков эскорта [969] . Но к этому времени С.Г. Кучеров уже получил новое назначение.

С июля 1944 года Кучеров был заместителем начальника Главного штаба ВМФ – начальником оперативного управления, с 21 апреля 1945 по 18 февраля 1946 года – начальником Главного морского штаба ВМФ. Как представитель главного командования ВМФ, моряк принимал участие в проведении морской части Кенигсбергской наступательной операции и был награжден орденом Ушакова I степени. 8 июля 1945 года Кучерова произвели в адмиралы. Моряк руководил разработкой ряда боевых операций флота и мероприятий послевоенного устройства флота. Вместе с наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецовым он участвовал в Ялтинской и Потсдамской конференциях, возглавлял рабочую группу офицеров флота (военно-морских советников) [970] .

Во главе Главного морского штаба ВМФ Кучеров пробыл недолго, ибо его заносчивость и высокомерие, нетерпимость к критике и неуважение к младшим по чину были замечены И.В. Сталиным, почему адмирала и заменили А.Г. Головко [971] .

В феврале 1946 – декабре 1948 года С.Г. Кучеров командовал Каспийской флотилией. Под его руководством в июне-июле 1946 года корабли флотилии совершили первое после войны длительное плавание с выполнением сложных учебно-боевых задач и заходами в Красноводск, Шевченко, Гурьев, Астрахань, Махачкалу, Дербент и Ленкорань [972] . Моряки действовали уверенно, несмотря на шторм. В том же году корабли флотилии ходили по Волге в Сталинград, проводили по пути боевую учебу, организовали встречи со сталинградцами и концерты для них [973] .

В декабре 1948 года Кучеров продолжил обучение. Моряк окончил Высшую военную академию имени К.Е. Ворошилова (ныне Военная академия Генштаба) в декабре 1950 года. В 1950–1953 годах он – начальник военно-морского факультета Высшей военной академии. С ноября 1953 по октябрь 1962 года Кучеров состоял начальником Управления военно-морских учебных заведений. Он много сделал для развития материальной базы училищ, развития научно-исследовательской работы и улучшения подготовки кадров для флота [974] .

Это был период, в котором Н.Г. Кузнецов, вернувшийся к руководству ВМФ, добивался создания флота, достойного великой державы, какой стал Советский Союз. Работы было немало, если учесть, что для подготовки кадров растущего флота к концу 1952 года было создано 15 высших военно-морских учебных заведений и несколько средних; кадры для флота готовили в военно-морских отделениях мореходных училищ, в

почти 80 средних и высших гражданских учебных заведениях.

С Кучеровым было нелегко служить, но он высоко ценил и защищал при необходимости грамотных, деловых и добросовестных офицеров [975] .

С октября 1962 по март 1963 года моряк находился в распоряжении главкома ВМФ. В марте 1963 – августе 1964 года адмирал был профессором-консультантом Ученого совета Военно-морской академии. С августа 1964 по июнь 1965 года Кучеров вновь оказался в распоряжении главкома ВМФ, а потом до апреля 1967 года вернулся к должности профессора-консультанта Ученого совета Военно-морской академии. С апреля 1967 года моряк был в запасе [976] . И вне строя он продолжал активно участвовать в общественной жизни, занимался военно-патриотическим воспитанием молодежи [977] .

Наградили Кучерова 2 орденами Ленина (1944, 1947), 3 орденами Красного Знамени (1942, 1944, 1953), орденами Ушакова I степени (1945), Нахимова I степени (1944), Отечественной войны I степени (1945), медалями и орденом США Морской крест (1943). Скончался С.Г. Кучеров 31 марта 1973 года в Москве. Похоронен моряк на Новодевичьем кладбище [978] . Его могила – в 43-м ряду 1-го участка, место 8-е [979] .

ПАНТЕЛЕЕВ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ Командующий Беломорской и Волжской флотилиями

Биография Ю.А. Пантелеева известна во многом благодаря его мемуарам, в которых адмирал рассказывал о себе и сослуживцах со времен Гражданской войны и до окончания службы после войны Великой Отечественной.

Родился Юрий Пантелеев 18 (31) октября 1901 года в Санкт-Петербурге. Правда, в документах РГА ВМФ указано, что родился он 31 октября 1900 года [980] .

С раннего детства Юрий был увлечен флотом. Отец, актер А.П. Пантелеев, после революции ставил первые советские фильмы. Его хорошо знали на флоте. С отцом на кораблях нередко бывал и сын. В 1918 году он посещал вольнослушателем занятия в клубе военных моряков, где преподавали известные специалисты. Тогда же Юрий поступил в команду молодых военморов-добровольцев, которые охраняли флотские учреждения [981] .

В мае 1918 – мае 1919 года Пантелеев был начальником команды при Верховной морской коллегии. В мае-августе 1919-го, январе 1920 – январе 1921-го, июне 1921 – мае 1922 года он состоял командиром 1-го морского отряда всеобуча. В промежутках между командованием отрядом всеобуча молодой моряк был начальником отряда сторожевых судов по охране реки Невы (август 1919 – январь 1920 года) и командиром отряда связи и разведки при штабе 7-й армии (январь – июнь 1921 года) [982] .

После того как 18 августа 1919 года английские торпедные катера атаковали Кронштадт, было решено организовать сторожевую службу; на малых глубинах действовали вооруженные парусники под командованием Пантелеева. Они патрулировали до ледостава и не допустили прохода английских катеров, которые ранее пробирались для связи с агентами в Петрограде. В дни ликвидации Кронштадтского мятежа (март 1921 года) Пантелеев командовал отрядом лыжников, которым предстояло действовать на льду Финского залива. Отряд проводил разведку подступов к Котлину. Комсомольцы указывали дорогу наступавшим войскам. За участие в операции Пантелеев и еще 9 лыжников были награждены орденами Красного Знамени [983] .

После окончания курса штурманов в первом походе советского парусного торгового судна «Лауристин» за границу, в Эстонию (лето 1921 года), моряк являлся помощником капитана [984] .

В мае 1922 – апреле 1923 года Пантелеев был младшим штурманом, в апреле-декабре 1923 года – старшим штурманом линейного корабля «Марат». В декабре 1923 – феврале 1925 года моряк учился в штурманских классах Специального курса комсостава ВМС РККА [985] .

Во время учебы Пантелеев участвовал в переходе посыльного судна «Воровский» на Тихий океан. Плавание было начато 12 июля 1923 года, закончено во Владивостоке 20 ноября 1924 года. Курс пролегал через Северное море, Гибралтар, Суэцкий канал, Красное море, Индийский океан, Малаккский пролив. Впервые моряк побывал в портах разных стран [986] .

После окончания курсов моряка направили на Черное море. В феврале-июле 1925 года он был штурманом подводной лодки «Политрук», в июле 1925 – апреле 1926 года – старшим помощником командира эсминца «Шаумян», затем до декабря 1928 года – старшим штурманом крейсера «Червона Украина». Далее до октября 1930 года Пантелеев служил помощником начальника отдела боевой подготовки штаба Морских сил Черного моря. С октября 1930 по апрель 1933 года Пантелеев учился на военно-морском факультете Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. В апреле-июне 1933 года он состоял помощником начальника сектора Управления боевой подготовки Морских сил РККА [987] .

Летом 1933 года Пантелеева направили начальником штаба Экспедиции особого назначения (ЭОН-2). В то время с Балтийского моря по Беломорско-Балтийскому каналу переводили корабли для флотилии на Севере. Первая экспедиция перевела из Кронштадта в Мурманск 2 эсминца, 2 подводные лодки и 2 сторожевых корабля. ЭОН-2 должна была доставить эсминец, сторожевой корабль, подводную лодку и 2 тральщика. С кораблей сняли все, что можно. Так как осадка эсминца оказалась более допустимой, на пути до канала его пришлось поставить в плавучий док. Несмотря на узкий фарватер, с помощью буксиров суда доставили до Белого моря благополучно. Корабли пришли в Мурманск. А Пантелеева оставили начальником штаба Северной военной флотилии. Молодые штабные работники исследовали новый для них театр, подбирали места базирования кораблей будущего Северного флота [988] .

Пантелеев исполнял должность начальника штаба Северной военной флотилии в июне 1933 – апреле 1935 года. С апреля 1935

по ноябрь 1936 года моряк был начальником штаба 1-й бригады подводных лодок Черноморского флота. Когда установили персональные звания, он получил звание капитана 2-го ранга [989] .

С ноября 1936 до августа 1938 года Пантелеев командовал 2-й бригадой подводных лодок Черноморского флота [990] . На бригаде был придуман и освоен интересный тактический ход. Несколько «малюток» шли на буксире крейсера в подводном положении и, получив по телефону с крейсера информацию о цели, направлялись в атаку. Позднее Пантелеев писал: «Много времени и сил мы отдали этому тактическому приему. А жизнь в первые же месяцы Отечественной войны показала, что он не годится. Но было бы несправедливо утверждать, что усилия наши затрачены впустую. Эта учеба принесла свою пользу, она впоследствии помогла подводникам в отработке взаимодействия с авиацией. Но вообще-то было бы куда целесообразнее в то время учить подводников другому – без промаха поражать быстроходную цель на свободном зигзаге. К сожалению, тогда это было трудно организовать: не было быстроходных и маневренных кораблей-целей. Учиться атаковать вражеские корабли на зигзаге, да еще идущие в сильном охранении, пришлось уже в тяжелые дни войны. Не сразу, но научились и этому…» [991]

В августе 1938 – октябре 1939 года Пантелеев состоял членом, а затем председателем Постоянной приемной комиссии Наркомата ВМФ [992] . Пришлось принимать новые корабли, вступавшие в строй на Тихом океане. Командующий Тихоокеанским флотом И.С. Юмашев, присмотревшись к Пантелееву, предложил ему стать командиром бригады заграждения и траления. Моряк согласился. Однако в Москве для него готовили другую должность. Когда Пантелеев прибыл к наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову, тот уточнил по телефону у Сталина назначение моряка начальником штаба Балтийского флота и обратил его внимание на опасность со стороны Финляндии [993] .

С октября 1939 года Пантелеев являлся начальником штаба Балтийского флота. 28 ноября командующий Ленинградским военным округом К.А. Мерецков предупредил о том, чтобы моряки были готовы ко всему. 30 ноября начались бои на границе с Финляндией. Флот развернул подводные лодки и дозорные корабли, вел воздушную разведку, поддерживал наступление войск артиллерией фортов. Моряки заняли десантами острова в Финском заливе. Подводники действовали на неприятельских коммуникациях. Лично Пантелеев по приказу командующего флотом В.Ф. Трибуца возглавил разведку боем острова Колписари

у входа в порт Котка. Отряд кораблей (лидер «Минск», 2 эсминца и несколько катеров) приблизился к острову, пока вражеская батарея не открыла огонь. Подавить орудия не удалось. Установили хотя бы точное место батареи. На память о первом морском бое Пантелеев сохранил осколок снаряда, попавший в меховой воротник реглана. Другие стрельбы советских кораблей по береговым целям также были малоэффективны из-за отсутствия корректировщиков. В воспоминаниях Пантелеев отметил немало недостатков в действиях Балтийского флота [994] .

4 июня 1940 года Пантелеева произвели в контр-адмиралы. Великую Отечественную войну он встретил начальником штаба КБФ [995] . С 20 июня 1940 года штаб располагался в Таллине. Работали допоздна. Штаб готовил к приближающейся войне все соединения и части флота, расположенные на берегах и действующие в море. Уже 19 июня флот перевели на готовность № 2, а около полуночи 21 июня по указанию Кузнецова – и на готовность № 1. Штаб начал боевую деятельность, сообщая о войне соединениям и частям. Были погашены маяки, снимали плавучие ограждения банок и мелей [996] .

Война начиналась нелегко. Под давлением сухопутных войск противника одну за другой флот терял свои базы. В воспоминаниях Ю.А. Пантелеев описывал, как после упорной обороны была оставлена Либава, как пришлось эвакуировать Ригу. Однако первых успехов добивались подводники. Несмотря на несогласованность действий, разнородные силы флота наносили удары по неприятельским конвоям. К обороне готовили Моонзундские острова. С острова Эзель советские бомбардировщики нанесли несколько ударов по Берлину.

Гитлеровские войска продолжали наступление. Под угрозой оказалась главная база флота. За оборону Таллина отвечал командующий флотом. В помощь сухопутным войскам были сформированы морские части, обороняющихся поддерживал огонь корабельной артиллерии. Однако силы оказались неравны. 20 августа противник перешел в наступление по всему фронту. 26 августа поступил приказ эвакуировать Таллинский гарнизон. Всего за два дня предстояло вывезти более 23 тысяч человек и большое количество грузов на судах и боевых кораблях в Кронштадт. Флоту предстояло пройти 321 километр, в основном под ударами неприятельской авиации и береговой артиллерии. На пути стояло минное поле более чем из 4 тысяч мин, тогда как налицо оказалось 25 тральщиков вместо необходимых 100. А воздушного прикрытия не было, так как авиация перелетела на восток [997] .

Суда были собраны в 4 конвоя, движение которых обеспечивали три отряда боевых кораблей. Пантелеев на лидере «Минск» командовал отрядом прикрытия, который должен был защищать второй и третий конвои на участке от острова Кери до острова Вайндло [998] .

Моряк рассказал в воспоминаниях, что видел обломки кораблей и взрывы мин вдали; самому лидеру с другими кораблями пришлось отбивать атаку торпедных катеров. Несмотря на потери, 29 августа корабли достигли Кронштадта и вскоре включились в оборону Ленинграда [999] . 1 сентября командование Северо-Западного направления решило вывести из района Койвисто части 50-го стрелкового корпуса. Для выполнения операции сформировали отряд из транспортов, канонерских лодок и катеров под непосредственным командованием Ю.А. Пантелеева. 1–2 сентября было эвакуировано около 20 тысяч человек [1000] . По воспоминаниям флагмана, на транспортах и кораблях было вывезено 28 тысяч бойцов двух дивизий, раненых и пассажиров [1001] .

В сентябре-октябре 1941 года контр-адмирала направили в распоряжение Наркомата ВМФ. В октябре его назначили командующим Морской обороной Ленинграда и Озерного района; одновременно с октября 1941 по апрель 1942 года он командовал Ленинградской военно-морской базой. Пантелеев, как командир базы, был назначен также старшим морским начальником в Ленинграде и заместителем начальника гарнизона города по морской части. Он командовал базой с 4 октября. В соответствии с директивой командующего флотом Ленинградская военно-морская база обеспечивала противовоздушную и противоминную оборону кораблей в Ленинграде и содействовала сухопутным войскам при проведении наступательных операций [1002] .

В базу реорганизовывали морскую оборону Ленинграда. Уже 2 октября контр-адмирал получил приказ командующего Ленинградским фронтом Г.К. Жукова о подготовке десанта под Стрельной в поддержку наступления на Стрельну 42-й армии. Десант был благополучно высажен, как и последующие – 3 у Стрельны и 1 в Петергоф. Десанты эти погибли, так как наступающие войска не смогли выполнить свою задачу и соединиться с ними. Однако командующий 42-й армией отметил, что десанты нанесли противнику потери и заставили гитлеровцев приступить к созданию противодесантной обороны [1003] .

Под командованием Пантелеева Ленинградская военно-морская база во взаимодействии с Кронштадтской базой с 15 октября 1941 года организовала перевозку из Ораниенбаума в Ленинград нескольких дивизий 8-й армии с использованием

малых транспортов, самоходных и несамоходных барж, буксиров. На военно-морские базы в этой операции было возложено обеспечение противоминной и противовоздушной обороны. К 4 ноября в Ленинград доставили почти без потерь около 40 тысяч бойцов и командиров, боевую технику, продовольствие. Была обеспечена переправа через Неву на пятачок в район Невской Дубровки 16 тысяч личного состава, около сотни орудий и нескольких десятков танков. Под руководством Ю.А. Пантелеева разработали планы морской обороны Ленинграда. Всю Неву разделили на боевые секторы. Благодаря принятым мерам моряки пресекали попытки перейти в наступление через реку.

Ленинградской военно-морской базе приходилось заниматься разведкой ледовой трассы на Ладожском озере и охраной этой трассы с помощью буеров, укомплектованных опытными яхтсменами. Яхтсмены провели разведку и обнаружили гитлеровцев, устраивающих наблюдательный пункт у затонувшего буксира. Вскоре буксир был разбит артиллерией обороны Ленинграда. Разведку вели и лыжники. А когда зимой противник пробовал пустить по льду войска с танками, артиллерия рассеяла наступающих.

Моряки военно-морской базы принимали активное участие в операциях, которые проводили весной 1942 года войска Ленинградского и Волховского фронтов.

С апреля 1942 по май 1943 года Пантелеев был помощником начальника Главного морского штаба. В его аттестации записано: «Характер имеет живой и энергичный. Любит морскую службу, хороший командир-моряк» [1004] .

Параллельно с работой помощника начальника Главного морского штаба Пантелеев редактировал журнал «Морской сборник». Неожиданно его вызвали в Кремль. После разговора с А.И. Микояном и Н.Г. Кузнецовым моряк узнал, что назначен командующим Волжской военной флотилией и что на Волге от неприятельских мин гибнут суда, в том числе баржи с нефтепродуктами. 8 мая он с Н.Г. Кузнецовым и наркомом речного флота З.А. Шашковым вылетел в Сталинград [1005] .

Командовал флотилией Пантелеев с 14 мая по 16 декабря 1943 года [1006] . Он сменил Д.Д. Рогачева, который не смог избежать потерь судов на Волге от ударов неприятельской авиации и поставленных самолетами мин. Рогачев не мог найти общий язык с речниками. Но Кузнецов добился, что все волжские пароходства оперативно подчинили командующему флотилией. Речники были обязаны передать суда с экипажами для переоборудования под боевые корабли; пилюлю для моряков речного флота нарком ВМФ подсластил тем, что Пантелееву дали

право награждать не только моряков флотилии, но и отличившихся речников [1007] .

На командующего флотилией была возложена полнота ответственности за безопасность судоходства по Волге от Астрахани до Саратова, перевозки нефти и нефтепродуктов. В короткий срок Пантелеев устранил недостатки в противоминной и противовоздушной обороне. Под его руководством штаб флотилии разработал гибкую систему безопасности перевозок. В основе лежало закрепление определенных участков реки за мощными соединениями тральных сил.

Главную силу флотилии составили в кампанию 1943 года две бригады траления. Тральщики вели регулярную очистку от мин участков реки, проводили за тралами конвои. Для конвоирования судов, защиты их от ударов с воздуха и охраны наиболее важных участков реки существовали две бригады речных кораблей. Не только моряки, но и местное население следило за неприятельскими минными постановками. Часть кораблей Волжской военной флотилии использовали для перевозки грузов [1008] .

В первую очередь организовали сотни постов наблюдения за местами падения мин. К этой работе привлекли многочисленное местное население. Для ускорения движения караванов судов в качестве буксиров использовали канонерские лодки [1009] .

Моряки изучали тактику неприятельской авиации и, чтобы уменьшить потери, установили ложные бакены в стороне от фарватера. Германская авиация сбрасывала мины по ложным целям. В свою очередь, гитлеровцы стали сбрасывать вместо мин похожие на них предметы, которые было невозможно вытралить; об этом нововведении удалось узнать от местных жителей, которые отличали ложные «мины» по звуку падения [1010] .

Принятые меры позволили провести более 8 тысяч судов и перевезти более 7 миллионов тонн нефтепродуктов без потери танкеров. Действия Волжской флотилии высоко оценил командующий 62-й армией генерал В.И. Чуйков [1011] .

В кампанию 1943 года, после поражения германских войск в сражениях, неприятельская авиация была вынуждена ослабить минные постановки на Волге, и флотилии оставалось вытралить уже поставленные мины, чтобы устранить опасность для судоходства.

Кончились боевые действия на Волге. В конце августа поступил приказ часть кораблей Волжской военной флотилии передать во флотилию Днепровскую, командовать которой назначили В.В. Григорьева. Волжская флотилия продолжала траление и до наступления зимы уничтожила 751 немецкую мину

[1012] .

Для Пантелеева нашли новое назначение. С декабря 1943 по июль 1944 года он был помощником начальника Главного морского штаба ВМФ. 29 января 1944 года Пантелеева произвели в вице-адмиралы [1013] .

С 30 августа 1944 по 15 апреля 1945 года Пантелеев командовал Беломорской военной флотилией [1014] .

Флотилия осуществляла охрану водных районов Арктики от подводных лодок, авиации и мин противника. Пантелеев сразу же после вступления в командование приказал командирам военно-морских баз настойчиво преследовать всеми силами обнаруженные подводные лодки противника. Для борьбы с подводной опасностью Беломорская военная флотилия получила 6 эсминцев, 10 больших охотников, противолодочные самолеты [1015] .

С конца июля 1944 года флотилия провела более 200 внутренних конвоев, обеспечила без потерь проводку 10 союзных конвоев в составе 123 транспортов. В 1945 году под руководством Пантелеева была усилена борьба с подводными лодками противника. Флотилия использовала авиацию и корабли. Из аттестации можно узнать: «Задачи и обстановку понимает быстро и правильно, по характеру спокоен и не суетлив. Вежлив и умеет наладить взаимоотношения как с лицами, так и с организациями. Полностью освоил сложный театр. Лично проверял части, побывал в самых отдаленных базах (Диксон, Новая Земля, Вайгач), лично проверял все батареи Белого и Карского моря. Грамотный адмирал с большим опытом и знаниями. Умело направлял работу своего штаба, умеет самостоятельно решать все возникающие перед ним задачи. Проделана большая работа по тралению Белого моря и отдельных участков Карского моря. План траления выполнен полностью» [1016] .

В конце арктической навигации Пантелеев на лидере «Баку» возглавил отряд кораблей, который обеспечил вывод ледоколов из моря Лаптевых [1017] .

Зимой 1944/45 года начальник английской военной миссии в Архангельске вручил Пантелееву высший орден Великобритании – орден Бани – за участие в уничтожении линкора «Тирпиц». Корабль был потоплен тяжелыми бомбардировщиками «Ланкастер», которые базировались и получили необходимое обеспечение на советских аэродромах [1018] .

Приходилось охранять конвои от атак немецких подводных лодок даже после окончания войны. Оставалась и минная опасность. С марта 1945 года Пантелеев был командующим Беломорским оборонительным районом, оставался он в этой

должности и по окончании войны. С июля 1946 по апрель 1947 года Пантелеев служил начальником Управления боевой подготовки, затем до июля 1947 года являлся заместителем начальника Главного штаба ВМФ. В июле 1947 – апреле 1948 года моряк был начальником оперативного управления – заместителем начальника Главного штаба ВМС. В апреле 1948 – августе 1951 года вице-адмирал состоял начальником Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. В августе 1951 года Пантелеева назначили командующим 5-м флотом. Весной 1953 года два флота на Дальнем Востоке вновь объединили в один. С апреля 1953 по январь 1956 года моряк был командующим Тихоокеанским флотом. 3 августа 1953 года Ю.А. Пантелеева произвели в адмиралы [1019] .

Флот рос, и перед его командованием стояли большие задачи как по строительству баз и аэродромов, так и по боевой подготовке моряков. Адмирал вспоминал через много лет:

«В те дни, по еще горячим следам войны, моряки всех рангов занимались изучением боевого опыта. На важность этой задачи мне указали еще в Москве. И сразу по приезде на флот я занялся ею. Главное было – всячески развивать инициативу командиров всех степеней, воспитывать решительность и настойчивость в достижении цели. Планы боевой подготовки составлялись тщательно, в соответствии с нашими техническими возможностями, хотя их было не сравнить с нынешними. В то время атомных подводных лодок у нас еще не было, плавали на дизельных торпедных, которые не могли находиться в подводном положении столько времени, как это стало возможным сейчас. Не все надводные корабли имели хорошую зенитную артиллерию, а наша истребительная авиация не могла прикрывать их далее сотни миль от берега.

Мы понимали неизбежность перемен. Пока теоретически, на играх, моряки начали осваивать новую технику. Революция в технике и оружии уже настойчиво пробивала себе дорогу. Но как бы ни совершенна была техника, решающая роль остается за человеком. Надо было вырабатывать наиважнейшие качества завтрашнего моряка, и прежде всего командира – организатора боя. Флот тех дней сыграл свою роль в подготовке многих тысяч матросов и офицеров для будущего ракетного и атомного флота» [1020] .

Командующий, чтобы развивать у подчиненных умение быстро ориентироваться в обстановке, нередко при подходе к базе на Камчатке давал указание «атаковать» свой корабль. Он учил командиров даже при дефиците времени выполнять боевую задачу всеми наличными силами. В результате корабль

командующего стали обнаруживать ранее, чем он достигал цели [1021] .

В этот период Президиум ЦК КПСС рассматривал проект десятилетнего плана кораблестроения, но долго не мог принять решение, какие корабли строить. Отголосок споров дошел и до Тихого океана. По этому вопросу Пантелеев высказался в воспоминаниях: «Кое-кто ставит вопрос так – что важнее строить – танкер или подводную лодку? Это схоластическая болтовня, на самом деле мощь флота состоит из совокупности всех взаимодействующих элементов, а значит, одинаково нужны и подводные лодки, и танкеры, иначе в нашем боевом организме образуется флюс в одну сторону» [1022] .

Сам Пантелеев не стеснялся поднимать флаг командующего флотом и на танкере, и на подводной лодке – «малютке», подчеркивая значение всех кораблей и судов.

С января 1956 по ноябрь 1960 года Пантелеев был начальником Военно-морской академии кораблестроения и вооружения имени А.Н. Крылова. Далее до января 1967 года адмирал состоял начальником Военно-морской академии [1023] .

Г.Г. Костев считал, что принятое в 1960 году решение объединить две академии (Военно-морскую академию кораблестроения и вооружения и Военно-морскую) вытекало из субъективного мнения главкома ВМФ С.Г. Горшкова, который исходил из необходимости экономии средств; это решение было поддержано начальниками академий В.А. Андреевым и Ю.А. Пантелеевым [1024] . Пантелеев думал об этом иначе: «Теперь уже немыслимо отделять вопросы военной техники от военного искусства. Жизнь потребовала от строевых офицеров глубоких технических знаний, а от инженеров – знания тактики и оперативного искусства. Неудивительно, что в 1960 году вместо двух военно-морских академий организовалась одна, которая стала готовить и офицеров-операторов, и военно-морских инженеров всех специальностей…» [1025]

В 1962 году Пантелеев стал профессором. В январе-апреле 1967 года адмирал оставался в распоряжении главкома ВМФ. Далее до апреля 1968 года моряк служил профессором-консультантом Ученого совета Военно-морской академии. Ю.А. Пантелеев был яхтсменом, мастером спорта (с 1958 года). С марта 1968 года моряк вышел в отставку. Он являлся депутатом Верховного Совета СССР 4-го созыва. За заслуги Пантелеева наградили орденом Ленина (1945), 4 орденами Красного Знамени (1922, 1944, 1944, 1948), орденами Нахимова I степени (1945), Отечественной войны I степени (1944), Трудового Красного Знамени (1961), 3 орденами Красной Звезды (1940, 1944, 1981),

медалями, именным оружием (1933, 1952), английским орденом Бани III степени (1945). Скончался Ю.А. Пантелеев 5 мая 1983 года в Ленинграде. Похоронили его на Серафимовском кладбище. Имя адмирала после его смерти было присвоено большому противолодочному кораблю [1026] .

После Пантелеева остались его публикации: *Пантелеев Ю.А.* Морские вооружения прибалтийских государств. М., 1933; *Он же.* Подводная война и торговый флот. Л., 1934; *Он же.* Сталинская операция // Красный флот. 1949. 16 июня; *Он же.* Морской фронт. М.: Воениздат, 1965; *Он же.* Полвека на флоте. М.: Воениздат, 1974; *Он же.* Фарватером мужества // Советский моряк. 1981. 29 августа; *Он же.* Парус – моя жизнь. Л., 1984.

РОГАЧЕВ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ Командующий Пинской и Волжской флотилиями

Д.Д. Рогачев командовал Пинской и Волжской флотилиями в самое трудное для них время, а затем занимался переводом боевых кораблей на Северный флот.

Родился Дмитрий Рогачев 20 сентября (2 октября) 1895 года в деревне Большой Росляковке, ныне Жуковского района Калужской области. Призвали его на службу в 1915 году. Шла Первая мировая война. Сметливого юношу отправили в Школу рулевых и сигнальщиков, которую он окончил в 1916 году. Рогачев служил матросом и рулевым на транспорте «Русь» и линейном корабле «Слава» Балтийского флота. В годы Гражданской войны Рогачев был бойцом 1-го Балтийского десантного отряда моряков, участвовал в боях под Нарвой и Ревелем. С апреля по сентябрь 1918 года моряк состоял в бессрочном отпуске, а затем поступил в Рабоче-крестьянский Красный флот. С сентября 1918 года по март 1920 года он служил рулевым штаба ОВРа Кронштадтской крепости, участвовал в подавлении мятежа на форту Красная Горка. Скорее всего, моряк отличился, ибо пошел на повышение. Правда, новое место службы было далеко от Петрограда, на Дальнем Востоке. В марте-ноябре 1920 года Рогачев помощник начальника, а затем до марта 1921 года – начальник службы связи Восточного района, с марта по октябрь 1921 года – начальник связи Благовещенского района Сибирской военной речной флотилии. Очевидно, моряк вновь проявил свои недюжинные способности, которые позволили назначить его на командирские должности. С октября 1921 по апрель 1922 года Рогачев командовал канонерской лодкой «Вогул», в сентябре-ноябре 1922 года был старшим помощником командира канонерской лодки «Красное знамя», в сентябре-ноябре того же года – старшим помощником командира канонерской лодки «Беднота». С ноября 1922 по январь 1923 года он состоял командиром канлодки «Ленин». С января по октябрь 1923 года моряк был вахтенным начальником, ревизором минного заградителя «Труд». В октябре 1923 года его назначили флаг-секретарем Амурской военной флотилии. С июля по ноябрь 1924 года моряк состоял вахтенным начальником, старшим помощником командира канлодки «Беднота». В январе 1925 – ноябре 1926 года он (последовательно) состоял командиром

минных заградителей «Труд» и «Сильный». Дальнейшее продвижение по службе требовало пополнения знаний. С ноября 1926 по июль 1929 года военмор обучался в параллельных классах при Военно-морском училище имени М.В. Фрунзе. Возвратился он на Амур и в июле-октябре 1929 года был старшим помощником командира монитора «Сунь Ятсен». С экипажем корабля он принимал участие в боевых действиях во время конфликта на КВЖД [1027] . Президиум ЦИК СССР 28 апреля 1930 года наградил Дальневосточную (Амурскую) флотилию орденом Красного Знамени за разгром в исключительно трудных условиях Сунгарийской флотилии [1028] . Далее Рогачев командовал канонерской лодкой «Бурят» (октябрь 1929 – март 1932 года), монитором «Тайфун» («Вострецов») с марта 1932 по апрель 1935 года. С апреля 1935 по апрель 1937 года он был командиром дивизиона мониторов, с апреля 1937 по май 1938 года – бригады мониторов [1029] . 29 декабря 1935 года среди группы моряков Краснознаменной Амурской флотилии Д.Д. Рогачева наградили орденом Красной Звезды [1030] .

Репрессии в стране освобождали путь для роста способного командира. В мае-декабре 1938 года Рогачев – помощник командующего Амурской военной флотилией. С декабря 1938 по май 1939 года он исполнял должность заместителя командующего, а далее с мая по август 1939-го – командующего флотилией. С августа 1939 по июль 1940 года он вновь стал исполнять обязанности заместителя командующего Краснознаменной Амурской флотилией. В июле 1940 года Д.Д. Рогачева назначили командовать Пинской военной флотилией. 21 мая 1941 года его произвели в контр-адмиралы [1031] .

Флотилия была создана в июне 1940 года при разделе Днепровской флотилии на Дунайскую и Пинскую. Пинская флотилия, ранее базировавшаяся на Днепре, выдвинулась на запад, когда советские войска вступили на землю Западной Украины и Западной Белоруссии.

К началу Великой Отечественной войны Рогачев оставался командующим Пинской военной флотилией, которой пришлось принять удар противника на неподготовленном театре.

Пинская военная флотилия включала в себя 9 мониторов, 8 канонерских лодок, 9 сторожевых кораблей, 16 бронекатеров, минный заградитель, 10 сторожевых катеров, 14 катеров-тральщиков, 20 глиссеров и полуглиссеров, 6 плавучих самоходных баз, артиллерийский зенитный дивизион, другие части и подразделения. Боевые корабли имели на вооружении морские орудия калибром до 120 миллиметров. Они были подразделены на дивизионы, отряды и группы однородных

кораблей. Главной базой флотилии являлся Пинск, тыловой – Киев. Уже 22 июня передовой отряд и основные силы по предвоенному плану вышли из Пинска в Кобрин для содействия 4-й армии, которая действовала на Брестском направлении. Контр-адмирал Рогачев шел с основными силами (4 монитора, 6 бронекатеров, минный заградитель). Корабли из Киева выдвигали по приказу командующего в район Мозырь – Дорошевичи на Припяти [1032] .

23 июня передовой отряд (монитор и 4 бронекатера) вышел к Кобрину, а основные силы были в Днепро-Бугском канале. Так как установить связь с отходившими разрозненными частями 4-й армии не удалось, Рогачев, опасавшийся падения воды, отвел флотилию в Пинск. До 9 июля корабли флотилии с частями 4-й армии обороняли Пинск, Лунинец и Туров. К 10 июля флотилия сосредоточилась на Припяти и установила связь с командованием Юго-Западного фронта. Моряки получили задачу оказывать артиллерийскую поддержку своим войскам у берегов рек, прикрывать стык войск Юго-Западного и Западного флотов, препятствовать переправам противника. Флотилия выделила отряды для действия на суше [1033] .

С 22 июня по 11 июля в полосе Западного и Юго-Западного фронтов германские ударные группировки наступали на Киевском и Брестско-Минском направлениях, и флотилия оказалась вне зоны главных боевых действий. С выходом противника к Жлобину, Рогачеву, Киеву реки, на которых могла действовать Пинская флотилия (Днепр, Припять, Березина, Десна), превращались в рубежи обороны, на которых боевые корабли становились средствами артиллерийской поддержки войск.

С 10 июля флотилию оперативно подчинили командованию Юго-Западного фронта. К 11 июля основные силы флотилии были сведены в три отряда речных кораблей (Березинский, Припятский и Днепровский), которые действовали во взаимодействии с частями 4, 21, 26, 38-й армий и подчинялись командующим армиями. Они способствовали удержанию переправ через Днепр и позиций на левом берегу Днепра. Штаб флотилии Рогачев основал в Киеве [1034] .

С 10 июля по 20 августа Березинский и Припятский отряды речных кораблей взаимодействовали с 21-й армией Западного фронта. Березинский отряд, в частности, с 13 по 24 июля содействовал контрудару 21-й армии на Бобруйск. 26 июля моряки обстреляли неприятельскую переправу в районе Паричи. Припятский отряд способствовал обороне сухопутных войск на стыке фронтов артиллерийской поддержки, прикрытием переправ

и набегами на приречные опорные пункты противника. С 20 августа они были подчинены Юго-Западному фронту и прикрывали отход войск его правого крыла.

Днепровский отряд 11 июля – 19 августа содействовал войскам Юго-Западного фронта в прикрытии переправ южнее Киева. Германские войска, остановленные в направлении Киева, направили свои усилия южнее города. С 1 августа корабли отряда, ранее отбивавшие только атаки авиации, вступили в бои с наступающим противником. К исходу 15 августа советские войска отошли на левый берег Днепра южнее Киева; флотилия помогла сорвать попытку гитлеровцев с ходу форсировать реку. Однако вышедшие к реке немецкие войска отрезали Днепровский отряд от Киева. 16 августа командование флотилии и Юго-Западного фронта решило отвести основные силы флотилии севернее Киева, на Припяти и Днепре, для прикрытия переправы отходивших войск севернее города. План прорыва был разработан оперативной группой штаба Пинской флотилии и согласован с сухопутными войсками. 17–19 августа моряки отряда без потерь от Канева прорвались мимо берегов, занятых противником. Командующий поздравил моряков с успехом [1035] .

В августе-сентябре 1941 года флотилия под командованием Рогачева участвовала в обороне Киева. С 20 августа по 12 сентября Пинская флотилия содействовала войскам Юго-Западного фронта, действовавшим в междуречье Припяти, Днепра и Десны. Штаб фронта 20 августа потребовал от флотилии обеспечить переправы через Припять и Днепр севернее Киева. 22 августа штаб флотилии распределил корабли для охранения переправ. Командование флотилии договорилось со штабом фронта, чтобы при отводе главных сил на левый берег для прикрытия переправ оставались боеспособные части. 22–23 августа большая часть переправ работала благополучно, и приходилось отбивать атаки с воздуха. Однако прорыв в районе Окуниново германских войск составил опасность для правого фланга фронта. Так как других сил для ликвидации прорыва не было, командующий фронтом вечером 23 августа приказал любой ценой, вплоть до потери кораблей, уничтожить окуниновскую переправу противника и не допустить переправу через Десну у Остера. Высланные Рогачевым 3 канонерские лодки в ночь на 24 августа заняли позиции и открыли огонь по Печкинскому мосту. Канлодка «Верный» разрушила мост, но была потоплена авиацией. Ее действия помогли провести переправу войск правого фланга фронта. Освободившиеся корабли по приказу Рогачева с разрешения командования фронта перевели под Киев, причем три корабля погибли. 26 августа они соединились с Днепровским

отрядом. В ночь на 31 августа корабли с потерями пробились в Киев. Флотилия выполнила задачу. 2 сентября Военный совет Юго-Западного фронта писал командующему Пинской военной флотилией: «Задачи Вами выполнены в ходе традиций советских моряков» [1036] .

С 24 августа позицию под Остером на Десне по приказу командующего фронтом М.П. Кирпоноса занимал отряд моряков флотилии, который более суток задержал движение противника, пока не подошли свои войска. Флотилия со 2 по 12 сентября поддерживала обороняющихся и прикрывала отход сухопутных войск за Десну. Другие оставшиеся в строю корабли с 7 августа по 19 сентября содействовали обороне флангов Киевского укрепленного района, а с 17 по 19 сентября прикрывали отход войск из Киевского укрепленного района [1037] .

С отходом частей Красной Армии из города личный состав флотилии взорвал корабли и воевал в составе сухопутных частей окруженной группировки. Рогачев был тяжело ранен и направлен в госпиталь. В ночь на 19 сентября его на самолете вывезли в Полтаву [1038] .

После выздоровления Рогачева направили на Волгу. С ноября 1941 по январь 1942 года контр-адмирал командовал 5-й бригадой речных кораблей, которую еще предстояло создать. 1 января 1942 года его назначили командующим Волжской военной флотилией [1039] .

Флагману пришлось пройти с флотилией самые тяжелые дни борьбы за Волгу и Сталинград.

Волжская военная флотилия существовала с октября 1941 по июнь 1944 года. Командовали ею С.Г. Сапожников (28 октября – 6 ноября 1941), С.М. Воробьев (6 ноября 1941 – 16 февраля 1942 года). Рогачев был командующим с 16 февраля 1942 по 14 мая 1943 года [1040] .

К началу боевых действий летом 1942 года в состав Волжской военной флотилии входили канонерские лодки, бронекатера, плавучие батареи, катера-тральщики, тралбаржи и полуглиссеры; кроме того, при мобилизации флотилию пополнили невооруженные катера-тральщики и катера ПВО. Канонерские лодки и бронекатера составляли 1-ю и 2-ю бригады речных кораблей, а тральщики и несколько бронекатеров – отдельную бригаду траления. Отдельно действовал Северный отряд бронекатеров и тральщиков. Флотилию дополняли 68-я отдельная железнодорожная батарея и 2 батальона морской пехоты [1041] .

Летом 1942 года германские войска развернули наступление в сторону Сталинграда и к середине июля вышли на реку Чир. Германская авиация усилила постановку мин на Волге и удары с

воздуха по пунктам базирования кораблей и по караванам судов на реке, чтобы прервать важную коммуникацию. С конца июля 1942 года флотилия проводила траление мин, поставленных неприятельской авиацией на Волге от Астрахани до Саратова. Корабли флотилии конвоировали караваны и отдельные суда. Только с 22 июля по 1 ноября корабли флотилии отконвоировали без потерь 113 транспортов, отбили 152 воздушные атаки и сбили 3 самолета. Пришлось выделить часть моряков, чтобы управлять вооружением, установленным на гражданские суда. Военные команды судов за 1942 год сбили 21 самолет [1042] .

Так как боеприпасов для морских орудий было немного, цели для обстрела согласовывали с командующим флотилией. Рогачев издал специальный приказ, который обобщал опыт действий артиллеристов флотилии и пропагандировал совершенствование их мастерства в стрельбе по невидимым целям с помощью корректировочных постов. Командующий требовал не бояться применения сложных видов стрельбы, проводить разбор стрельб, повышать выучку командиров и боевых расчетов, установить связь с армейскими артиллеристами [1043] .

В период битвы за Сталинград, с 24 июля 1942 до конца января 1943 года, Волжская военная флотилия оказалась в оперативном подчинении командующего войсками Сталинградского фронта. Она поддерживала сухопутные войска огнем, высаживала десанты, охраняла речные коммуникации, перевозила войска и военные грузы под непрерывным воздействием артиллерии и авиации противника. Корабли и суда флотилии совершили более 35 тысяч рейсов через Волгу, доставив на правый берег около 120 тысяч человек, 13 тысяч тонн грузов, более 400 автомашин. Артиллерией Волжской военной флотилии были уничтожены 3 полка пехоты, 48 танков, 16 самолетов. За проявленный героизм два дивизиона бронекатеров были удостоены звания гвардейских, две канонерские лодки наградили орденами Красного Знамени [1044] .

В ходе наступления 19–23 ноября войска Юго-Западного и Донского фронтов соединились и замкнули кольцо окружения вокруг Сталинграда. После этого корабли флотилии способствовали уничтожению окруженного противника. До 15 октября, пробиваясь сквозь льды, бронекатера доставляли подкрепления и грузы через Волгу. Корабли продолжали артиллерийскую поддержку сухопутных войск. Последние выстрелы канонерские лодки флотилии сделали 30–31 января 1943 года, при ликвидации окруженной группировки противника. А 2 февраля остатки германских войск под Сталинградом прекратили сопротивление [1045] .

К весне 1943 года определилась основная задача флотилии: противоминное и противовоздушное обеспечение перевозок по Волге. По приказу наркома ВМФ Рогачев подготовил к 5 марта план весеннего боевого траления; 10 марта план был утвержден. Развернулась широкая работа, в первую очередь с минной опасностью [1046] . Уже к середине апреля после контрольного траления началось движение транспортных судов. Затем последовали массовые перевозки нефтепродуктов.

Несмотря на успехи флотилии, командующего постигла немилость. Весной 1943 года германская авиация, за время борьбы за Сталинград поставившая сотни мин, активизировала действия. В 1943 году она поставила 409 мин. Этим занималось специальное соединение самолетов [1047] . В результате на Волге, оказавшейся в тылу фронта, появились потери.

В чем-то была и вина Рогачева. Он настолько привык к тому, что флотилия должна бороться с врагом силой своих пушек, что не уловил основного изменения обстановки. Противником стала авиация, которая атаковала суда и ставила донные мины. К концу апреля налицо было 57 тральщиков, а требовалось их гораздо больше. Невысока оказалась и культура управления раскиданным по реке хозяйством флотилии. К примеру, Рогачев прибыл в зону действия Отдельной бригады траления без оперативной группы для подготовки документов, что затрудняло управление. Накопившиеся недостатки, наряду с нарушениями правил плавания командирами кораблей и капитанами судов, привели к значительным потерям, в том числе нескольких барж с нефтепродуктами. Пламя на водах Волги увидели в Москве. Апрельский план перевозок нефтепродуктов, от которых зависели действия войск, в апреле был выполнен на 68,4 процента, в мае – на 76,5 процента [1048] .

Рогачева обвинили в том, что он не обеспечил перевозок по Волге; на минах подорвались пароход и баржи с нефтепродуктами. Постановлением ГКО от 10 мая 1943 года Д.Д. Рогачева сняли с должности [1049] . На смену ему прислали Ю.А. Пантелеева.

Контр-адмирала Рогачева назначили командиром Отряда вновь строящихся кораблей в Горьком и по совместительству старшим морским начальником в городе. Эту должность он занимал до октября 1944 года. Одновременно моряк был назначен уполномоченным по переводу 38 кораблей с Северного флота на Черноморский по Северодвинской водной системе, а также подводных лодок из Астрахани на Северный флот по той же системе.

В 1943 году по решению Государственного Комитета Обороны

с Каспийского моря было переведено для усиления Северного флота 6 новых подводных лодок. В мае они были успешно доставлены в Архангельск. В 1944 году с Каспия на север было переведено еще 3 подводные лодки; одновременно на Азовское море по рекам перегоняли 6 больших, 20 малых охотников, 12 торпедных катеров. Доставленные моряками Беломорской флотилии сквозь льды в Архангельск, 21 и 22 мая корабли четырьмя эшелонами под командованием Рогачева продолжили путь по Северной Двине и другим рекам на юг. Большие охотники поставили по два в плавучие доки, на которых ранее перевозили подводные лодки. Остальные корабли по 4–6 единиц буксировали речные пароходы. Все они достигли цели и участвовали в боевых действиях [1050] .

В наградном листе было записано: «Рогачев с полным успехом справился с возложенными на него задачами и довел порученные боевые единицы до места назначения без каких-либо аварий и задержек и в короткий срок. Операция по переводу имела исключительно большое значение как для Северного флота, так и в особенности для Черноморского» [1051] .

В октябре 1944 года контр-адмирала назначили командиром Киевской военно-морской базы Днепровской военной флотилии и старшим морским начальником города Киева. В марте 1945 года, оставаясь командиром военно-морской базы, он был назначен уполномоченным по переводу кораблей из Полярного по Северодвинской водной системе и из района Волги эвакуированных недостроенных тральщиков и подводных лодок в Ленинград. В конце ноября моряк завершил операцию, обеспечив перевод свыше 70 кораблей и судов. После окончания войны Рогачев оставался некоторое время в прежней должности. С февраля 1946 по октябрь 1949 года он состоял командиром Учебного отряда Южного Балтийского флота, 4-го ВМФ, Отряда вновь строящихся кораблей ВМС (октябрь 1949 – август 1950 года), 101-й бригады строящихся кораблей ВМФ (август 1950 – май 1956 года). С мая 1956 года контр-адмирал находился в отставке [1052] .

В 1973 году в Волгограде вышла книга «Сталинградская битва», в которой на страницах 259–265 была помещена статья Д.Д. Рогачева «Удары с Волги».

За службу моряк получил в награду 2 ордена Ленина (1942, 1945), 3 ордена Красного Знамени (1943, 1944, 1948), орден Отечественной войны I степени (1944), Красной Звезды (1935), медали, наградное оружие (1929, 1955). Скончался Д.Д. Рогачев 23 мая 1963 года в городе Зеленодольске, Татарстан [1053] .

САПОЖНИКОВ САМУИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ Командующий Волжской флотилией

Как командир учебного отряда на Волге, при создании Волжской флотилии С.Г. Сапожников оказался первым ее командующим, пока его не сменил контр-адмирал Воробьев.

Сапожников родился в городе Сызрани Ульяновской области в 1903 году. В послужной карте офицера указано, что он был рабочим (слесарем), происхождением из мещан. В 1923 году юноша окончил рабфак и 15 октября 1923 года стал курсантом Военно-морского подготовительного училища, 3 сентября 1924 года был принят в Военно-морское училище. После окончания училища в 1927 году моряка назначили помощником вахтенного начальника, в 1729 году – вахтенным начальником линейного корабля «Марат». Вскоре его перевели в штаб Морских сил Балтийского моря. В 1929 году он помощник начальника 1-го отдела, в 1931 году – помощник начальника 2-го сектора 1-го отдела, в 1934 году заместитель начальника и врид начальника отдела боевой подготовки. Знаний не хватало. 11 декабря 1934 года Сапожников стал слушателем Военно-морской академии, в 1938 году окончил академию с дипломом II степени и был оставлен адъюнктом. В 1936 году ему присвоили звание капитан-лейтенанта, в 1939 году – капитана 2-го ранга, в 1938 году наградили орденом Красного Знамени [1054] .

Капитан-лейтенант Сапожников получил орден по указу от 14 ноября 1938 года среди группы командиров, политработников, врачей, техников, младших командиров и красноармейцев РККА «За образцовое выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за выдающиеся успехи в боевой, политической и технической подготовке соединений, частей и подразделений Рабочее-Крестьянской Красной Армии» [1055] .

После академии Сапожникова в 1939 году назначили исправляющим должность заместителя начальника управления боевой подготовки ВМФ СССР. 29 июля 1939 года он стал заместителем начальника Управления боевой подготовки РК ВМФ, 30 ноября 1940 года – капитаном 1-го ранга.

17 июля 1941 года его назначили начальником штаба Учебного отряда кораблей на реке Волге. 9 сентября его вновь назначили заместителем начальника Управления боевой

подготовки, но 24 сентября этот пункт приказа был отменен [1056] .

Учебный отряд кораблей на Волге, далеко от границ, был организован в июле 1941 года для подготовки в тылу кадров моряков. 27 октября приказом наркома ВМФ он был переименован в Волжскую военную флотилию. Первым командующим флотилией с 28 октября по 10 ноября являлся капитан 1-го ранга С.Г. Сапожников, пока его не сменил контр-адмирал С.М. Воробьев [1057] .

Сапожников стал начальником штаба флотилии и занимал эту должность с 10 ноября по 7 декабря 1941 года [1058] .

6 декабря Сапожникова назначили начальником штаба 3-й бригады речных кораблей Волжской военной флотилии, 28 января 1942 года – начальником штаба 1-й бригады речных кораблей. Но уже 12 февраля 1942 года его назначили начальником управления подготовки и комплектования ВМФ. 29 ноября 1944 года капитана 1-го ранга назначили начальником отдела подготовки и комплектования Черноморского флота. В послужной карте офицера указано, что он участвовал в Великой Отечественной войне на Черноморском флоте с 29 декабря 1944 по 9 мая 1945 года [1059] .

В 1947 году Сапожникова назначили первым заместителем начальника тыла Черноморского флота, в 1949 году – начальником тыла 7-го ВМФ. 1 ноября 1951 года он был отстранен от занимаемой должности и направлен в распоряжение Управления кадров ВМС. 26 декабря 1951 года его назначили начальником учебной части военно-морского факультета Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова. 17 января 1953 года Сапожникова перевели заместителем начальника артиллерийского факультета по учебно-строевой части 2-го Балтийского высшего ВМУ. 10 марта его зачислили на особый учет Управления кадров ВМС, как находящегося под следствием с 26 февраля, но уже 29 апреля главком ВМС отменил этот пункт приказа.

5 сентября 1953 года Сапожникова уволили в запас по болезни с правом ношения военной формы [1060] .

Сапожников был награжден орденами Красного Знамени (1938, 1944, 1944), Красной Звезды (1943), Отечественной войны I степени (1945), за выслугу лет орденом Ленина (1949) [1061] .

СЕДЕЛЬНИКОВ ФЕДОР СЕМЕНОВИЧ Командующий Каспийской и Амурской флотилиями

Ф.С. Седельников успешно командовал флотилиями, был удостоен орденов; но первую награду он получил еще курсантом.

Федор Седельников родился 18 ноября (1 декабря) 1902 года в городе Сарапуле, Республика Удмуртия. На флот он пошел с 1921 года. В сентябре 1921 – мае 1925 го да юноша учился в Военно-морском училище; в 1925 году он стал членом РКП(б) [1062] .

Еще во время учебы Седельников успел заслужить орден Красного Знамени. В ночь на 19 июля 1924 года на форту «Павел» под Кронштадтом загорелась одна из выловленных в море мин заграждения. Огонь заметили с крейсера «Аврора», на котором проходили практику курсанты. На шлюпках группа курсантов во главе с заведующим обучением В.В. Гедле подошла к форту. Молодые моряки потащили горящую мину к воде, чтобы избежать взрыва всех собранных на форту мин. Они успели предотвратить катастрофу, но при взрыве мины погибли Гедле и 4 курсанта. Курсанты Ф.С. Седельников, А.К. Евсеев, В.А. Полещук и Н.К. Моралев были ранены и контужены; не пострадал только К.И. Сокольский. Все выжившие герои были награждены орденом Красного Знамени. В 1924 году они участвовали в учебном плавании крейсера «Аврора» по странам Скандинавии. Ордена им вручила в Бергене полномочный представитель СССР в Норвегии А.М. Коллонтай [1063] .

После окончания училища моряка направили на Черное море. С мая по февраль 1926 года он был минером подводной лодки «Шахтер», в феврале-апреле 1926 года исполнял обязанности помощника командира. В апреле 1926 – сентябре 1927 года моряк являлся помощником командира подводной лодки «Политрук». С сентября 1927 по октябрь 1928 года он учился в подводном классе Специальных курсов комсостава ВМС РККА, после чего стал помощником командира подлодки «Политработник» (октябрь 1928 – декабрь 1929 года). В 1929–1930 годах Седельников исполнял обязанности командира подводных лодок «Политрук» и «Марксист» Морских сил Черного моря. В сентябре 1930 – апреле 1933 года моряк учился на военно-морском факультете Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. После академии его направили на Тихий океан. В апреле-ноябре

1933 года Седельников был начальником штаба бригады подводных лодок, в ноябре 1933 – ноябре 1935 года командовал дивизионом подводных лодок на Тихоокеанском флоте. В 1935 году Седельникова перевели на Черноморский флот. До декабря 1937 года он командовал дивизионом подводных лодок. С декабря 1937 по февраль 1938 года моряк был слушателем Академии Генерального штаба РККА. В марте-ноябре 1938 года он состоял инспектором, а далее, до июня 1939 года, – старшим инспектором военно-морской инспекции, в июне-августе 1939 года исполнял должность начальника группы контроля и инспекции Наркомата ВМФ. В августе 1939 года Седельникова назначили командующим Каспийской военной флотилией. 4 июня 1940 года его произвели в контр-адмиралы [1064] . Моряк был командующим флотилией по 10 сентября 1944 года [1065] .

Великую Отечественную войну моряк встретил командующим Каспийской флотилией. Под его командованием корабли обеспечивали морские перевозки, а с августа 1941 года – переброску войск в Иран. В октябре 1941 года из добровольцев флотилии был сформирован батальон для участия в боевых действиях под Севастополем, Керчью, Мариуполем, Орджоникидзе и др. После включения флотилии в состав действующих сил ВМФ с августа 1942 года Седельников занимался организацией сопровождения транспортов с топливом и другими грузами. Моряки обеспечивали боевое траление фарватеров на подходах к Астрахани. В августе-сентябре 1942 года флотилия под командованием Седельникова доставила из Астрахани и Красноводска на западное побережье Каспийского моря два стрелковых и один артиллерийский корпуса, сыгравшие важную роль в контрнаступлении северной группы войск Закавказского фронта. Во флотилии было отремонтировано, достроено и доукомплектовано экипажами более 200 катеров, кораблей и судов. С началом навигации 1943 года флотилия под руководством Седельникова занималась противовоздушной и противоминной обороной Астраханского рейда, Волго-Каспийского канала и района Астрахани. На этом участке моряки прикрывали проходящие суда, установили на Астраханском рейде самоходные плавучие зенитные батареи. Флотилия совместно со Сталинградским корпусным районом ПВО обеспечила оборону Волго-Каспийского канала и низовьев Волги, создала цепь постов минного наблюдения. За счет мобилизации судов была создана бригада траления и отдельный отряд катеров ПВО для прикрытия караванов с нефтью. Седельников лично контролировал траление мин, сброшенных авиацией противника на Волге, Волго-Каспийском канале и Астраханском рейде. В течение всей войны,

кроме выполнения прямых задач, Каспийская военная флотилия обеспечивала прохождение практики курсантов военно-морских училищ, специалистов школ и отрядов ВМФ, проводила испытания новых видов вооружения и техники. Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов докладывал Совету народных комиссаров СССР о Седельникове:

«В период Отечественной войны как командующий флотилией полностью справился с поставленными перед флотилией задачами по выполнению боевых заданий командования, а также по обеспечению переброски войск, боевой техники, нефтепродуктов и других грузов на Каспийском морском бассейне» [1066] .

Со 2 сентября 1944 по 23 июня 1945 года Седельников командовал Краснознаменной Амурской военной флотилией [1067] . 5 ноября 1944 года его произвели в вице-адмиралы [1068] .

В этот период моряки флотилии продолжали боевую подготовку. Эта подготовка сказалась, когда Седельников сдал флотилию контр-адмиралу Н.В. Антонову. Под командованием последнего моряки-амурцы успешно действовали против японцев на Амуре и Сунгари.

В июне-сентябре 1945 года Седельников был начальником морского отдела ВМФ, затем находился в распоряжении наркома ВМФ. С февраля 1946 по март 1947 года Седельников состоял начальником военно-морского отдела Советской военной администрации Германии. В марте 1947 – июне 1948 года вице-адмирал был начальником инспекции подготовки и службы штабов ВМС, затем до июля 1950 года – адмирал-инспектором надводного флота и баз инспекции надводного флота штаба Главной инспекции Вооруженных сил СССР. Временно моряк исполнял должность заместителя начальника кафедры мобподготовки военных округов (июль – август 1950, февраль 1951 – май 1952 года). В промежутке он был начальником кафедры оперативного искусства ВМС военно-морского факультета Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова. За службу моряка наградили орденом Ленина (1946), 4 орденами Красного Знамени (1924, 1843, 1944, 1951), орденом Нахимова I степени (1945), Отечественной войны I степени (1945), медалями. Скончался Ф.С. Седельников 26 мая 1952 года в Москве. Похоронен моряк на Ваганьковском кладбище [1069] .

СМИРНОВ ПЕТР АНДРЕЕВИЧ
Командующий Волжской флотилией

Смирнов П.А., награжденный еще в Первую мировую войну, отличился в борьбе за Сталинград. Ему досталась также роль последнего командующего Волжской флотилией военного времени.

Петр Смирнов родился 23 мая 1893 года (по новому стилю) в деревне Малое Рябцево, ныне Осташковского района Тверской области. Начинал он службу на Балтике учеником минера (1911–1913). С апреля 1913 до июля 1914 года моряк был минным унтер-офицером в штабе минной дивизии. С июля 1914 по январь 1915 года Смирнов служил на миноносцах «Новик», «Охотник», затем по октябрь 1917 года был на эсминце «Гром». Трижды он был награжден Георгиевским крестом и георгиевскими медалями за активные минные постановки и за участие в потоплении крейсера и двух немецких миноносцев, стал унтер-офицером 1-й статьи. После ранения он в декабре 1917 года лечился. В 1917 году моряк стал членом партии большевиков. С января 1918 года моряк состоял в финской Красной гвардии, воевал под Таммерфорсом, Або, Ганге, Гельсингфорсом, был командиром роты разведки. Далее до июня 1918 года он служил заместителем начальника отряда особого назначения, воевал против белочехов под Казанью, Богородском и Симбирском. С июня по декабрь 1918 года балтийский моряк командовал отдельным дивизионом паровых катеров Волжской военной флотилии, далее до мая 1919 года был командиром роты десантного отряда моряков. В мае-декабре 1919 года П.А. Смирнов служил минным специалистом и помощником командира минного заградителя «Ксения», в январе-сентябре 1920 года – командиром и комиссаром минного отряда Волжско-Каспийской флотилии. С сентября 1920 по март 1922 года Смирнов состоял военкомом управления по подъему судов, затем до сентября 1924 года служил начальником и комиссаром 1-й Объединенной школы Учебного отряда Морских сил Черного моря. В 1924–1926 годах он учился на подготовительных курсах и сдал экзамен за курс морского училища, был переведен на основной факультет Военно-морской академии. Во время учебы моряк проходил стажировку вахтенным начальником на крейсере «Аврора», помощником командира на эсминце «Ленин», вахтенным начальником подводной лодки «Барс», летчиком-наблюдателем эскадрильи ВВС флота. Окончив академию в мае 1929 года, Смирнов был заместителем начальника штаба дивизии

линкоров (июнь 1929 – январь 1930 года), начальником оргмобилизационного отдела Главного военного порта флота (январь – декабрь 1930 года), командиром и военкомом бригады заграждения и траления Морских сил Балтийского флота (январь 1931 – февраль 1934 года). В феврале-июле 1934 года он был начальником и военкомом Военно-морского училища имени М.В. Фрунзе, в ноябре 1934 – ноябре 1937 года – командиром и военкомом Архангельского морского порта. Далее до июня 1938 года Смирнов командовал охраной водного района Северного флота. Моряк был репрессирован, но в мае 1940 года его реабилитировали и восстановили в кадрах. С июля 1940 по 8 августа 1941 года он командовал учебным отрядом Днепровской военной флотилии. В этой должности и командиром Киевской тыловой военно-морской базы Пинской военной флотилии (август – сентябрь) моряк начинал воевать в Великой Отечественной войне. После гибели Пинской флотилии Смирнова направили на Волгу. С ноября 1941 по январь 1942 года он командовал Уфимской, затем до июля 1942 года – Сарапульской тыловой военно-морскими базами. С августа 1942 по август 1943 года П.А. Смирнов командовал бригадой траления [1070] .

Капитан 1-го ранга Смирнов командовал Отдельной бригадой траления с 10 августа 1942 по 20 мая 1943 года. После этого он до 11 декабря 1943 года командовал 1-й бригадой траления [1071] . Во время боев за Сталинград флотилия обеспечивала войска на другом берегу всем необходимым и вывозила раненых. 24 сентября Военный совет фронта подчинил в оперативном отношении 9 тральщиков и 4 вспомогательных судна 62-й армии и разрешил при необходимости требовать для вывоза раненых бронекатера. Руководство кораблями, снабжавшими армию и вывозившими раненых и беженцев, было возложено на командование Отдельной бригады траления, которой командовал капитан 1-го ранга П.А. Смирнов. Несмотря на удары с воздуха и обстрел артиллерии противника, корабли бригады явились единственным средством переправы, которое позволяло 62-й армии удерживать город [1072] .

В наградном листе на П.А. Смирнова написано: «Командуя бригадой тральщиков, несмотря на недостаточное число тральщиков и тралящих средств, [сорвал] все старания противника [путем] постановки магнитных мин и нападения прервать важнейшую коммуникацию по реке Волге, сумел обеспечить при минимальных потерях продвижение стратегически важных грузов на участке Астрахань – Саратов. Одновременно в период напряженных боев за Сталинград до 29 ноября 1942 года обеспечивал тральщиками и приданными

бронекатерами главные переправы 62-й армии, находящейся под беспрерывным огнем противника, и группу полковника Горохова. Неоднократно лично участвовал на переправах и бывал там, где требовалось подбодрить людей. Своей храбростью и бесстрашием заслужил всеобщее уважение. Лично выводил из-под огня поврежденные тральщики и занимался спасением экипажей с погибших тральщиков. Тральщики бригады помимо выполнения основной задачи, боевого траления и проводки караванов по минированным участкам под огнем противника переправили пополнения 62-й армии: 38 тысяч человек, эвакуированных раненых из Сталинграда более 24 тысячи человек и 10 тысяч человек гражданского населения» [1073] .

В конце 1943 года П.А. Смирнова назначили командующим Волжской военной флотилией. Он командовал флотилией с 16 декабря 1943 по 30 июня 1944 года [1074] . Моряку досталась задача свертывания деятельности флотилии. Тральщики завершали траление. Часть кораблей переводили на другие флоты и флотилии, другие возвращали гражданским организациям. Тем не менее зимой 1943/44 года моряки флотилии продолжали боевую подготовку. В апреле-июне 1944 года 8 дивизионов тральщиков провели контрольное траление от Астрахани до Саратова и повторное траление нейтрализованных минных банок. Приказом наркома ВМФ от 30 июня 1944 года Волжскую военную флотилию расформировали, а ее суда возвратили организациям Волжского бассейна [1075] .

С июня по декабрь 1944 года Смирнов был командиром Волжской военно-морской базы, далее до ноября 1945 года командовал Учебным отрядом. С декабря 1945 по октябрь 1946 года моряк служил командиром 1-го Отряда вновь строящихся кораблей ВМФ. В октябре 1946 – мае 1947 года капитан 1-го ранга командовал бригадой траления Дунайской военной флотилии. Скончался П.А. Смирнов 27 мая 1947 года в Будапеште. Похоронили его на городском кладбище города Измаила. За службу моряка наградили орденом Ленина (1945), 2 орденами Красного Знамени (1943, 1944), орденом Отечественной войны I степени (1944), медалями. Некролог был помещен в газете «Дунаец» от 29 мая 1947 года [1076] .

СТЕПАНОВ ГЕОРГИЙ АНДРЕЕВИЧ Командующий Беломорской флотилией

Г.А. Степанов, несмотря на незаслуженный арест, остался в истории как моряк, отличившийся в годы Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, как командующий Беломорской флотилией и начальник Главного штаба ВМФ.

Степанов продолжил морскую династию. Его дед вышел в отставку капитаном 1-го ранга. Отец, Андрей Иванович Степанов (1863–1905), погиб капитаном 2-го ранга в Цусимском сражении, командуя транспортом «Камчатка» [1077] .

Родился Георгий Степанов в Кронштадте 18 (30) ноября 1890 года. В 1905–1907 годах юноша окончил Александровский кадетский корпус, в 1907–1911 годах – Морской корпус. Моряк служил вахтенным офицером учебного судна «Николаев». В 1912–1914 годах Степанов окончил Минный офицерский класс с дополнительным курсом радиотелеграфии. В Первой мировой войне он начал службу младшим минным офицером линейного корабля «Андрей Первозванный». 6 декабря 1915 года его произвели в лейтенанты. С февраля 1916 по март 1917 года Степанов состоял старшим минным офицером линкора «Слава», с марта 1917 по сентябрь 1918 года – минным офицером штаба дивизии сторожевых судов Балтийского флота, участвовал в Ледовом походе [1078] .

Свидетельством деятельности молодого моряка в годы Первой мировой войны могут служить награды: орден Святого Станислава III степени с мечами и бантом (1915), орден Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость» (1915), орден Святой Анны III степени с мечами и бантом (1916), орден Святого Владимира IV степени с мечами и бантом (1916). Лейтенанта даже представили к ордену Святого Георгия IV степени [1079] .

Началась Гражданская война. Степанов участвовал в боевых действиях на Онежском озере против белофиннов (1919) и за активные боевые действия был награжден орденом Красного Знамени. С сентября 1918 по март 1919 года он был командиром минного заградителя «Шексна», затем до марта 1920 года – начальником штаба, а далее до мая того же года временно исполнял должность командующего Онежской военной флотилией. С мая 1920 по июнь 1921 года моряк состоял начальником штаба действующего Отряда Морских сил Черного

моря, в июне-августе временно исполнял должность начальника Западно-Черноморского сектора обороны побережья. В августе 1921 – декабре 1924 года Степанов был начальником Оперативного управления Морского штаба республики. Затем моряка вернули на Черное море. С декабря 1924 по октябрь 1925 года он служил начальником штаба Морских сил Черного моря. В октябре 1925 – апреле 1926 года Степанов закончил Военно-морские академические курсы при Военно-морской академии и продолжал руководить штабом Морских сил Черного моря до марта 1928 года; в январе-марте этого года он также исполнял должность командующего. Далее Г.А. Степанова перевели на преподавательскую работу. В марте 1928 – сентябре 1931 года он был преподавателем, позднее до марта 1933 года – старшим руководителем, далее – до июня 1938 года – начальником службы штаба Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. В июне 1938 – сентябре 1939 года моряк состоял заместителем начальника академии по научно-учебной работе. 3 апреля 1939 года моряку присвоили звание флагман 1-го ранга [1080] . По другим данным, в 1931–1937 годах Степанов являлся начальником кафедры, в 1937–1939 годах – начальником военно-морского факультета, в 1939–1940-м – заместителем начальника и в 1940–1941 годах – начальником Военно-морской академии [1081] .

В бытность начальником командного факультета Военно-морской академии под руководством Степанова в 1937 году был создан проект Наставления по боевой службе морских штабов, разработаны первые наставления по боевым действиям различных классов кораблей и использованию оружия [1082] .

В 1939 году моряк стал доцентом. 4 июня 1940 года его произвели в вице-адмиралы. С сентября 1939 года Степанов состоял начальником Военно-морской инженерно-технической академии и по совместительству начальником Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. В этой должности он вступил и в Великую Отечественную войну [1083] .

В начале войны Степанов, после того как многие преподаватели ушли на фронт, запросил наркома ВМФ, стоит ли продолжать обучение. В результате было решено перестроить учебную и научную работу в соответствии с требованиями военного времени [1084] .

Под руководством Степанова были произведены досрочные выпуски, часть преподавательского состава откомандировали на действующий флот, а академию перевели в Астрахань [1085] .

Самому моряку досталась боевая служба. С 7 октября 1941 по 6 марта 1943 года Степанов командовал Беломорской военной

флотилией [1086] .

В сентябре 1942 года корабли Беломорской военной флотилии обеспечивали переход конвоев PQ-18 и QP-14. На последнем этапе 19 сентября корабли и суда конвоя PQ-18 стали у острова Мудьюгский, ожидая прибытия лоцманов. Из-за штормовой погоды конвой задержался, его атаковала неприятельская авиация. В этих условиях Степанов приказал командиру тральщика Т-907 высадить лоцманов на суда, даже рискуя кораблем. Задача была выполнена, хотя тральщик, приближаясь к судам в темноте при шторме в 8–9 баллов, получил значительные повреждения. Конвой благополучно прошел в Архангельск [1087] .

В октябре-декабре 1942 года Степанов осуществлял общее руководство операцией по выводу ледоколов, транспортов и боевых кораблей из Арктики. Был сформирован отряд, включавший 25 кораблей флотилии, 5 английских и несколько кораблей из главной базы флота. С 1 октября была начата воздушная разведка и траление. Затем суда и корабли несколькими конвоями сосредоточили в проливе Югорский Шар. Несмотря на то что германские подводные лодки и надводные корабли выставили мины на выходе из пролива и несколько судов подорвалось, большинство судов и кораблей до 4 декабря были доставлены к цели [1088] .

Г.А. Степанов руководил обороной проливов Карские Ворота, Югорский Шар, портов и полярных станций. В бухте Белушья была организована Новоземельская военно-морская база. По внутренним морским коммуникациям за время его руководства прошли 426 конвоев (747 транспортов). Силы флотилии успешно действовали в районе Главной базы и для защиты морских коммуникаций в арктических районах, обеспечивая морские перевозки с Дальнего Востока в Архангельск. В боевой характеристике было записано: «В командование Беломорской флотилией вступил в период ее формирования… По подготовке и знаниям с должностью вполне справляется. Аккуратный до педантичности командир… Делами штаба флотилии занимается очень много. Спокойный, уравновешенный, умеет себя держать… В течение 1942 флотилией выполнялась большая работа по обеспечению проводки ТЩ, ТР в Арктику и обратно в Белое море. Всего проведено в Арктику и обратно 367 судов. Боевых потерь флотилия в течение 1942 года имеет: 5 кораблей, 3 сторожевых корабля и 2 тральщика. Степанов за истекший период приобрел опыт, стал ближе к флотской жизни» [1089] .

Видимо, эта характеристика послужила основанием для повышения вице-адмирала в должности. С апреля 1943 по июль

1944 года он исполнял должность начальника Главного морского штаба ВМФ. Однако 2 марта 1944 года моряк постановлением ГКО был отстранен от должности и понижен в звании до контр-адмирала. Восстановили его в звании вице-адмирала 1 июня 1944 года. В дальнейшем за умелое руководство боевыми операциями флота и достигнутые успехи Степанова наградили орденом Нахимова I степени. С июля 1944 года Г.А. Степанов состоял начальником Управления военно-морских учебных заведений и одновременно старшим морским начальником в Ленинграде. После окончания войны он оставался в той же должности. В феврале 1947 года моряка перевели в распоряжение главкома ВМС. С апреля по ноябрь 1947 года он был начальником кафедры «Организация и мобилизация» Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. В феврале 1948 года Г.А. Степанова вместе с Н.Г. Кузнецовым, Л.М. Галлером и В.А. Алафузовым обвинили в передаче бывшим союзникам парашютной торпеды высотного бомбометания, документации по артиллерийскому вооружению кораблей, дистанционной 130-мм гранаты, некоторых навигационных карт и трофейной торпеды с акустическим самонаведением. 3 февраля 1948 года Военная коллегия Верховного суда СССР присудила его к 10 годам лишения свободы. Постановлением Совета министров СССР от 10 февраля 1948 года Степанова лишили звания вице-адмирала. Лишь 13 мая 1953 года Постановлением Совета министров СССР моряк был восстановлен в звании и полностью реабилитирован. С мая 1953 по январь 1957 года Степанов являлся членом редколлегии и главным редактором III тома военно-исторического Морского атласа. За службу в советское время вице-адмирал был награжден орденом Ленина (1945), 4 орденами Красного Знамени (1921, 1943, 1944, 1947), орденом Нахимова I степени (1944), медалями, именным оружием (1928, 1955), югославским орденом «Братство и единство» I степени (1946). Скончался Георгий Андреевич Степанов 3 января 1957 года в Ленинграде. Похоронили его на Серафимовском кладбище [1090] .

ТРАЙНИН ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ Командующий Ладожской флотилией

П.А. Трайнин дважды командовал Ладожской флотилией. Несмотря на то что моряк был ранен и попал под суд, он продолжал успешно воевать на Черном море, на Волге и Дунае.

Павел Трайнин родился 12 февраля 1895 года в городе Пинске (ныне Брестская область Белоруссии). В 1916 году он окончил второй курс Петроградского политехнического института и был призван на военную службу. Первоначально Павел служил в мае 1916 – апреле 1917 года рядовым пехотного запасного полка, участвовал в Первой мировой войне, в апреле-августе 1917 года окончил Петергофскую школу прапорщиков, получил первый офицерский чин, но вскоре был демобилизован. В Гражданскую войну Трайнин воевал против белополяков. В июле 1919 – мае 1920 года Павел был техником военно-полевого строительства 12-й армии. Затем он перешел на корабли Днепровской военной флотилии. В 1920 году Трайнин служил артиллеристом на канонерских лодках «Меткий» и «Мощный». После окончания боевых действий на Западе молодого моряка направили на Дальний Восток. С октября 1920 по март 1921 года он служил артиллеристом Сибирской военной флотилии, с сентября 1921 по июль 1922 года – флагманским артиллеристом, затем до декабря 1922 года – начальником оперативного отдела штаба Народно-революционного флота Дальневосточной республики (ДВР) в Хабаровске. В 1923 году моряка перевели на Балтику. Он служил помощником командира эсминца «Володарский» Морских сил Балтийского моря. С декабря 1923 по февраль 1925 года Трайнин окончил артиллерийский класс Специальных курсов комсостава ВМС РККА и вернулся на Дальний Восток. С февраля 1925 по июль 1926 года Трайнин был артиллеристом Владивостокского военного порта, затем до ноября 1927 года состоял начальником оперативной части Дальневосточной военной флотилии. В ноябре 1927 – декабре 1929 года моряк командовал монитором «Свердлов», служил флагманским артиллеристом флотилии. Он участвовал в боевых действиях при конфликте на КВЖД в 1929 году и был награжден орденом Красного Знамени [1091] .

С декабря 1929 по март 1931 года Трайнин – начальник штаба Дальневосточной военной флотилии. В ноябре 1930 –

марте 1931 года он окончил Курсы усовершенствования высшего начсостава при Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. Моряка оставили при академии. С марта 1931 по апрель 1937 года он был начальником командного факультета, затем до декабря 1939 года состоял начальником кафедры тактики береговой обороны, речных флотилий и сухопутных сил. В 1938 году он получил ученое звание доцента. В декабре 1939 – марте 1940 года Трайнин являлся командующим Ладожской военной флотилией, принимал участие в советско-финляндской войне 1939–1940 годов [1092] .

Ладожскую военную флотилию было приказано сформировать в октябре 1939 года, когда шла подготовка к войне с Финляндией. Флотилией командовал капитан 1-го ранга С.М. Кобыльских, подчиненный Военному совету КБФ. Для создания флотилии вооружали транспортные суда под канонерские лодки и для других целей. Фактически на Ладожское озеро прибыло кораблей меньше, чем было запланировано, да и те были в большинстве заблокированы ледовой обстановкой. Трайнина первоначально назначили начальником штаба флотилии. Одновременно ему было поручено командование 1-м отрядом, включавшим большинство кораблей флотилии. В ночь на 30 ноября 1940 года, с началом войны, 1-й отряд перешел из Шлиссельбурга ближе к расположению противника. Трайнин нашел подходящее место для базы флотилии и начал боевые действия с обстрела неприятельских береговых батарей. Так как единственная канонерка с 2 130-мм орудиями в первом же походе села на камни и стреляла с этой позиции, остальные корабли с 45-мм пушками имели малое значение и могли вести обстрел демонстративный. К 20-м числам флотилия из-за потерь сократилась, все оставшиеся корабли свели в 1-й отряд. Командир отряда Трайнин 20 декабря был по совместительству назначен командующим флотилией. Так как флотилия получила боевую задачу взять острова в восточной части озера и подавить 152-мм батареи, Трайнину пришлось напомнить, что он не располагает соответствующими силами. В дальнейшем корабли, вмерзшие в лед, вели огонь как постоянные батареи и отражали атаки противника с воздуха. Только в марте 1940 года нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов приказал значительно пополнить Ладожскую военную флотилию кораблями, береговыми орудиями и самолетами. Так как ледовая обстановка не позволяла перевести на озеро корабли, моряки флотилии действовали на лыжах и аэросанях по льду. Для атак неприятеля использовали авиацию. 13 марта боевые действия прекратились ранее, чем приданные флотилии корабли могли прибыть на озеро [1093] .

Боевые действия показали, что как флотилия, так и весь Краснознаменный Балтийский флот вели боевые действия не лучшим образом. Уже 13 марта в Ленинграде состоялось совещание, на котором были разобраны недостатки боевых действий на море. Одним из выступавших явился П.А. Трайнин, сделавший обстоятельный доклад [1094] .

3 апреля 1940 года Трайнину присвоили звание флагмана 2-го ранга. 4 июня 1940 года он стал контр-адмиралом. С марта 1940 года моряк был командиром Либавской военно-морской базы. В мае 1941 года его назначили командиром Рижской военно-морской базы. В этой должности Трайнин и встретил Великую Отечественную войну [1095] .

Трайнину пришлось руководить эвакуацией базы. 27 июня он получил указание командующего Краснознаменным Балтийским флотом вывезти Прибалтийскую военно-морскую базу. К вечеру Отряд легких сил и основная масса кораблей оставила Усть-Двинск; моряки отряда малых кораблей после погрузки транспортов взорвали портовые сооружения и затопили 2 транспорта на фарватере. 28 июня штабной корабль «Вирония» прибыл в Рохукюла. Контр-адмирал состоял командиром Прибалтийской военно-морской базы в Рохукюла. Но уже 5 июля пришлось приступить к перебазированию кораблей на Моонзундские острова, и после завершения перебазирования 9 июля Прибалтийскую военно-морскую базу расформировали. А Трайнина назначили командующим Ладожской военной флотилией [1096] .

Командовал флотилией Трайнин недолго. Так как финны прорвали фронт северо-западнее Ладожского озера, 19 июля Ладожская флотилия получила приказание высадить десант на остров Лункулансари, чтобы создать угрозу флангу и тылу противника. Для проведения операции флотилия выделила сторожевой корабль «Пурга», 3 канонерские лодки, 2 бронекатера, 2 катера МО и авиацию (5 МБР-2, 6 СБ и 6 И-15бис). Высадка началась 24 июля [1097] .

По другим данным, утром 19 июля адмирал Исаков устно приказал командующему МОЛ и ОР (контр-адмиралу Челпанову) организовать высадку десанта на острова Лункулансари и Мантсинсаари. Были выделены сторожевой корабль «Пурга», судно спецназначения «Связист», канлодки «Бира», «Селемжа», «Олекма», БКА-97, БКА-98, МО-205, МО-206, несколько малых катеров и 9 транспортов. Для высадки назначили 4-ю бригаду морской пехоты (4 батальона) и авиагруппу из Новой Ладоги. 20 июня корабли провели разведку Мантсинсаарского пролива, 21 июня на разведку на «Пурге» ходил сам Челпанов. В ночь на 23

июля 2 отделения краснофлотцев для разведки высадились на Лункулансари. Высадка 1-го батальона началась утром 24 июля. Но противник открыл артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь. Из-за ранения командира батальона три высаженные роты потеряли управление. Командующий Трайнин шел на канлодке «Олекма», был ранен при попадании снаряда в шлюпбалку и отправлен в Шлиссельбург. Так как Челпанов ушел в Сортанлахти за 2-м батальоном, старшим морским начальником остался начальник штаба В.П. Боголепов. Дальнейшие попытки взять острова окончились потерями и неудачей [1098] .

28 июля Трайнина арестовали по обвинению в оставлении части имущества в Риге и беспорядочной эвакуации Либавы и Виндавы. 12 августа Военная коллегия Верховного суда СССР присудила контр-адмирала к лишению свободы на 10 лет и воинского звания. 11 сентября его помиловали со снятием судимости и восстановлением воинского звания. Моряка направили в действующую армию. С декабря 1941 по январь 1942 года Трайнин являлся начальником штаба Волжской военной флотилии. Затем он работал доцентом кафедры тактики береговой обороны речных флотилий и сухопутных сил Военно-морской академии. В марте-июне 1942 года моряк был начальником штаба Туапсинской, а затем до сентября 1942 года – Керченской военно-морской базы. Силы базы провели несколько разведочно-диверсионных высадок на побережье Керченского пролива, организовали ежедневные прорывы плавучих средств из Азовского моря в Черное. В боевой характеристике этого периода было записано: «В боях на Таманском полуострове грамотно руководил частями базы, удовлетворительно организовал эвакуацию с Таманского полуострова» [1099] .

К 1 сентября Керченская военно-морская база располагала отрядами катеров и сухопутных войск общей численностью до 6200 человек. Этими силами побережье было подготовлено в противодесантном отношении, минированы берега и Керченский пролив. 25 августа начались бои с наступавшим противником [1100] .

В августе-сентябре 1942 года контр-адмирал Трайнин оказался старшим начальником в районе Тамани [1101] . 26 августа он приказал создать три боевых участка. Бойцы Керченской военно-морской базы отбивали попытки гитлеровцев высадить десант, они продолжали оборонять позиции и после того, как были отрезаны с суши наступающим противником. Ввиду явного превосходства противника 4–5 сентября защитники Тамани были вывезены под Новороссийск. Командующий базой перенес флагманский командный пункт на катер в ночь на 5

сентября. Береговые батареи были взорваны. Из вывезенных войск сформировали 5 батальонов для обороны Новороссийска [1102] .

С сентября 1942 по январь 1943 года Трайнин являлся заместителем командующего Волжской военной флотилией и одновременно командовал бригадой речных кораблей, которая взаимодействовала с частями Донского фронта [1103] .

Контр-адмирала назначили командовать 3-й бригадой речных кораблей, которую следовало еще сформировать. 1 октября по приказу наркомов ВМФ и речного флота 12 буксирных пароходов для переоборудования в канонерские лодки передали на заводы. 3 октября командующий флотилией поставил перед Трайниным задачу с его бригадой действовать в поддержку войск Донского фронта, бороться с минной опасностью от Саратова до Дубовки и готовить базы для зимней стоянки кораблей. Бригаде в оперативное подчинение передали 2 дивизиона катеров-тральщиков и дивизион сторожевых катеров [1104] .

К весне 1943 года 3-я бригада из 5 дивизионов канонерских лодок (19 единиц) была в стадии становления. 16 апреля она оказалась в числе действующих. После разгрома немецких войск под Сталинградом необходимость в артиллерийской поддержке войск отпала. Однако канонерки использовали как буксиры судов и для защиты караванов и портов от атак авиации противника [1105] .

А контр-адмирал Трайнин в марте-апреле 1943 года вновь командовал Керченской военно-морской базой. Затем до мая 1944 года он состоял начальником морской группы офицеров связи при командующем войсками Северо-Кавказского, а в мае – 3-го Украинского фронта. В мае-августе 1944 года моряк являлся начальником отдела послевоенного траления. Затем до февраля 1945 года он был помощником начальника Главного морского штаба. С февраля 1945 до лета 1947 года, как помощник председателя Союзной контрольной комиссии в Венгрии, Трайнин занимался восстановлением судоходства по Дунаю. В аттестации было указано: «Обеспечил расчистку фарватера от обломков разрушенных мостов, очистку Дуная от плавучих мин, установку навигационных знаков и организовал контроль за пароходством… проделал большую работу по восстановлению и строительству мостов на рр. Дунай и Тиса. Под его контролем проводились работы по организации подъема затопленных судов и ремонту их на судостроительных заводах. Он контролировал также перевозки по Дунаю» [1106] .

После возвращения в СССР Трайнин с июня 1947 по май 1950 года был начальником кафедры оперативно-тактических наук, а затем до июня 1956 года – кафедры оперативного искусства и

общей тактики Военно-морской академии кораблестроения и вооружения имени А.Н. Крылова. За службу моряка наградили орденами Ленина (1945), Красного Знамени (1930, 1940, 1944), Кутузова II степени (1943), Отечественной войны I степени (1944), медалями, именным оружием (1955), венгерскими орденами «Венгерская свобода» серебряной степени (1946), «Венгерская республика», Крест и звезда к ордену (1947). Скончался Павел Алексеевич Трайнин 4 июня 1956 года в Ленинграде. Похоронили его на Серафимовском кладбище [1107]
.

ФРОЛОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ Командующий Дунайской флотилией

Фролов А.С. принял Дунайскую флотилию, когда та уже покинула Дунай. Флотилия действовала на реках и у берегов Крыма, сдерживая противника. А заканчивал войну вице-адмирал начальником штаба Тихоокеанского флота.

Александр Фролов родился 21 августа (2 сентября) 1902 года в городе Гатчине под Санкт-Петербургом. Службу в Красной армии он проходил с февраля 1918 по сентябрь 1922 года. Юноша был красноармейцем отдельной роты связи, командиром отделения 1-го отдельного стрелкового полка в Петрограде, сотрудником Особого отдела ВЧК 7-й армии, помощником коменданта особого отдела по охране финской границы, инструктором Детскосельского военкомата. В 1921 году он участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. В сентябре 1922 – сентябре 1924 года Фролов прошел курс Военно-морского подготовительного училища, в апреле 1927 года окончил Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе. В 1925 году он стал членом РКП(б). В апреле 1927 – январе 1928 года моряк состоял помощником вахтенного начальника линейного корабля «Парижская коммуна», командиром роты молодых матросов Учебного отряда. Далее Фролова направили на Черное море. До февраля 1929 года моряк был вахтенным начальником тральщика «Язон», а с февраля по сентябрь 1929 года – минером подводной лодки «Коммунист». С сентября 1929 по сентябрь 1930 года Фролов окончил подводный класс Специальных курсов комсостава ВМС РККА. С октября по декабрь 1930 года он являлся минером подводной лодки «Спартаковец», в декабре 1930 – ноябре 1931 года был помощником командира, а затем – командиром и комиссаром подводной лодки «Коммунист» до февраля 1932 года. В 1932 году моряк окончил тактические курсы при Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. В октябре 1932 года он вернулся командиром и комиссаром «Коммуниста» и командовал подлодкой до ноября 1933 года. В ноябре 1933 – апреле 1935 года Фролов командовал подводной лодкой «Революционер». В апреле 1935 – декабре 1937 года Фролов командовал дивизионом подводных лодок, далее до апреля 1939 года состоял начальником штаба 1-й бригады подводных лодок, а с апреля 1939 по сентябрь 1940 года командовал 3-й бригадой

подводных лодок Черноморского флота. С сентября 1940 года Фролов был заместителем начальника штаба Черноморского флота. В июле-сентябре 1941 года он состоял командиром Новороссийской военно-морской базы. Под его руководством моряки базы не позволили противнику поставить мины на входе в Цемесскую бухту. Он организовал и наладил конвойную службу перевозок грузов из Новороссийска в обороняющиеся города Причерноморья. 16 сентября 1941 года Фролова произвели в контр-адмиралы и назначили командующим Дунайской военной флотилией [1108] .

Фролов прибыл 19 сентября из Севастополя на торпедном катере в село Покровка на берегу Ягорлыцкого лимана, где стоял штаб флотилии, и принял дела у контр-адмирала Абрамова. Вспоминая об этом эпизоде, его соученик по Военно-морскому училищу, начальник штаба флотилии В.В. Григорьев отмечал:

«А.С. Фролов, вскоре ставший контр-адмиралом, а потом возглавлявший штабы флотов и командовавший флотом, был человеком волевым, смелым до дерзости, горячим. Флотилия же, вверенная ему тогда, состояла из двух мониторов, шести бронекатеров, нескольких тральщиков, эскадрильи «ястребков». Сводный полк наших береговых подразделений был передан Тендровскому боевому участку, канонерские лодки – Одесской военно-морской базе.

Дунайские корабли, оставшиеся в строю, впервые сражались не на реке, а в мелководном морском заливе. Трудно было им прорваться сюда из лимана, мимо Очакова, где фарватер простреливался теперь немецкими батареями. Но еще труднее – отбиваться здесь от немецких пикировщиков. И на Буге, и на Днепре корабли укрывались в окруженных густыми зарослями протоках. А тут – голый берег с широкими песчаными отмелями. На рейде вблизи штаба мониторы защищались батареями дивизиона ПВО. Выходя на боевое задание, они могли рассчитывать лишь на собственные зенитные средства и на уклонение от бомб маневром» [1109] .

Фролов командовал Дунайской флотилией с 16 сентября по 21 ноября 1941 года [1110] . Флотилия после боев на Дунае, Буге и Днепре понесла значительные потери. Оставшиеся корабли 24 сентября прибыли в Севастополь. После ремонта и переформирования командование Черноморского флота решило использовать флотилию для обороны части Керченского полуострова от Ак-Моная до Керченского пролива и самого пролива. К 20 октября в Камыш-Буруне собрались монитор «Железняков», дивизион канонерских лодок («Красная Грузия», «Красный Аджаристан» и «Красная Абхазия»), плавучая батарея, 6

бронекатеров, 5 катеров-тральщиков, 46-й отдельный зенитный артдивизион, батальон морской пехоты и другие подразделения. В Камыш-Буруне расположились командный пункт и штаб флотилии, в ходе боев они перемещались в Керчь (6 ноября) и на пристань Войково (16 ноября). Тем временем 20 октября германские войска прорвали Ишуньские позиции. Под их давлением Отдельная Приморская армия отходила к Севастополю; Керченский полуостров предстояло оборонять 51-й армии при поддержке Керченской военно-морской базы, Дунайской и Азовской флотилий. Фролов приказал основать посты наблюдения и связи в Казатине, на мысах Зюк, Хрони, Пекли, выслал подвижные корабельные дозоры, организовал разведку побережья в операционной зоне флотилии, наладил взаимодействие со штабами 51-й армии, Азовской флотилии и Керченской военно-морской базы [1111] .

Совместно с частями 51-й отдельной армии корабли и береговые части флотилии занимали оборону под Керчью. 6 ноября германские войска вышли к Камыш-Буруну и Керчи. Ввиду превосходства противника было решено оставить Керченский полуостров. Перевозки войск и эвакуацию гражданского населения поручили Дунайской флотилии. Командующий направил в войска офицеров штаба для руководства погрузкой. Сам он руководил действиями из Керчи, а затем и с пристани Войково. Корабли артиллерийским огнем поддерживали сухопутные войска, удерживавшие позиции до завершения эвакуации [1112] .

Эвакуация войск армии на Таманский полуостров была успешно выполнена. 16 ноября войска оставили Керченский полуостров. 20 ноября решением заместителя наркома ВМФ И.С. Исакова Дунайская военная флотилия была расформирована; к 1 декабря ее корабли и части были переданы в состав Азовской военной флотилии и Керченской военно-морской базы. С ноября 1941 по июнь 1942 года командиром Керченской военно-морской базы являлся Фролов [1113] . В этом качестве он участвовал в Керченско-Феодосийской десантной операции.

По плану следовало высадить на Керченский полуостров войска 44-й и 51-й армий. 26 декабря корабли Азовской военной флотилии и Керченской военно-морской базы должны были высадить часть сил 51-й армии на северное и восточное побережье Керченского пролива. Отряду кораблей контр-адмирала Н.О. Абрамова предстояло доставить на берег у горы Опук отряд войск 44-й армии. Основные силы армии Черноморский флот высаживал 29 декабря в порт Феодосия [1114] .

Штормовая погода позволила высадить только часть сил 51-й армии. Корабли Керченской военно-морской базы должны были высадить десант в нескольких пунктах, но 26 декабря были высажены лишь три группы, ибо по плану каждый из трех отрядов кораблей и судов получил несколько районов высадки. К вечеру на берег доставили 2175 человек, в основном в Камыш-Бурун и на Камыш-Бурунскую косу. Последующие эшелоны десанта перевозили в ночь на 28 декабря, когда шторм поутих [1115] .

После того как Керченский полуостров был освобожден от противника и образовался Крымский фронт, Керченская военно-морская база обеспечивала снабжение войск фронта. Ей же досталась и эвакуация с Керченского полуострова, когда весной 1942 года войска Крымского фронта потерпели поражение. В боевой характеристике Фролова записано: «Проявил достаточную инициативу, смелость и решительность в выполнении задач… Под сильным воздействием авиации и артиллерии противника хорошо руководил эвакуацией войск из Керчи на Таманский полуостров при оставлении нашими войсками Керченского полуострова» [1116] .

С июня 1942 по январь 1943 года А.С. Фролов был начальником тыла Черноморского флота. С ноября 1942 по февраль 1943 года моряк являлся консультантом по военно-морским вопросам при представителе СССР в Консультативном совете по делам Италии. В феврале 1943 – июне 1944 года Фролов состоял начальником Управления подводного плавания. С ноября 1943 по февраль 1944 года контр-адмирал был наблюдателем в штабе англо-американского командования на Средиземном море при проведении союзным командованием десантной операции в январе 1944 года в Анцио. С июня 1944 года А.С. Фролова назначили начальником штаба Тихоокеанского флота. 25 сентября 1944 года его произвели в вице-адмиралы. В этом качестве он принимал участие в советско-японской войне 1945 года. Имя Фролова отмечали в приказах Верховного главнокомандования [1117] .

Тихоокеанскому флоту предстояло нарушить сообщения противника в Японском море, поддерживать наступление в сторону Кореи и оборонять свои берега. При благоприятных обстоятельствах Северной Тихоокеанской флотилии, входившей в Тихоокеанский флот, следовало овладеть Северным Сахалином и Курильскими островами. Эти задачи тихоокеанцы успешно выполнили [1118] .

В наградном листе на Фролова было отмечено: «С исключительной энергией руководил работой штаба по развертыванию флота для боевых действий, непосредственно

руководил разработкой боевых операций на театре военных действий с японскими захватчиками. Умело и организованно были проведены десантные операции в портах Юки, Расин, Сейсин. Правильно было организовано взаимодействие торпедных катеров и авиации при действии их по портам Юки, Расин, Сейсин. За умелое руководство боевыми операциями частей флота и достигнутые результаты в борьбе с японскими захватчиками награжден орденом Ушакова I степени» [1119] .

После окончания войны Фролов оставался начальником штаба Тихоокеанского флота. С января 1947 по декабрь 1949 года моряк был командующим 5-м ВМФ [1120] . По другим данным, командовал 5-м ВМФ с 17 января 1947 по 20 февраля 1950 года [1121] .

Как командующий флотом, он высказывал замечания по мореходности сторожевого корабля проекта СКР-29 [1122] .

С декабря 1949 по ноябрь 1951 года Фролов прошел курс обучения на военно-морском факультете Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова. После окончания академии вице-адмирал был оставлен в распоряжении ее начальника для преподавательской работы. Он работал в академии с ноября 1951 по август 1952 года. За службу моряка наградили орденом Ленина (1945), 4 орденами Красного Знамени (1942, 1944, 1945, 1948), орденом Ушакова I степени (1945), Нахимова I степени (1944), Красной Звезды (1938), именным оружием. Скончался А.С. Фролов 9 августа 1952 года в Москве. Похоронили его на Введенском кладбище [1123] .

ХОЛОСТЯКОВ ГЕОРГИЙ НИКИТИЧ Командующий Азовской и Дунайской флотилиями

Когда Георгия Никитича Холостякова арестовали 7 мая 1938 года, следователи инкриминировали ему в числе прочего и то, что он не сдал свой комсомольский билет, являясь членом ВКП(б). Не расставался с ним моряк и позднее, став флагманом. Не раз от него жизнь требовала молодого задора в сочетании с упорством.

Родился Холостяков 7 (20) июля 1902 года в городе Барановичи (Белоруссия) [1124] . По другим сведениям, Георгий появился на свет 18 июля 1902 года. Отец, Никита Кириллович, белорус, был машинистом на железной дороге. В 1915 году он находился в рейсе, а мать с младшими сыновьями уходила в толпе беженцев от германского наступления и осела в Речицах. Там юноша начал работать чернорабочим, а затем перешел линию фронта и в Курске присоединился к отцу и старшему брату Василию, большевику с дореволюционным стажем. С 1918 года он член РКСМ. Как большинство комсомольцев, юноша вступил в отряды ЧОН, участвовал с младшим братом Николаем в боях против белых. Побывав по гостевому билету на II съезде комсомола, Холостяков недолго работал в Москве при агитвагоне, а затем вернулся в Речицу и стал секретарем укома комсомола. В феврале 1920 года его приняли в члены РКП(б) [1125] .

В годы Гражданской войны Холостяков – красноармеец при штабе Курского укрепленного района, в батальоне ЧОН Курского губкома, помощник политрука, политрук роты 57-й дивизии [1126] . Когда началась война с Польшей, мобилизованного комсомольца направили в войска политруком роты. Он воевал на Березине, у Мозыря, 9 мая 1920 года под Речицей раненным попал в плен к полякам. За год – три попытки побега, избиения и издевательства белополяков. Только весной 1921 года он вернулся в Речицу и был демобилизован, как не достигший призывного возраста. В удостоверении комиссии при РВС Западного фронта указывалось: «…по имеющимся данным, тов. Холостяков, служивший до пленения в роте особого назначения РКП Речицкой организации, попал в плен не добровольно, раненный. За время пребывания в плену не исполнял у неприятеля обязанностей, относящихся к военным действиям» [1127] .

В декабре 1921 года Георгий Холостяков добровольцем отправился с комсомольским набором на флот. В роте 2-го Балтийского флотского экипажа он был замполитрука, затем учился в артиллерийской школе. Об успехах его говорит тот факт, что молодого моряка наградил в 1922 году ценным подарком командующий Балтфлотом М.В. Викторов, а в начале 1922 года его избрали участником III конференции моряков-комсомольцев Балтики. Учеба в артшколе не привлекала, и Холостяков решил учиться на командира. В Барановичах он окончил только церковноприходскую школу и год обучался в высшем начальном училище. Потому после поступления в подготовительную школу для военных моряков пришлось много заниматься. Осенью 1922 года, окончив школу, он получил право без экзаменов учиться дальше и выбрал Гидрографическое училище; вскоре он стал секретарем РКСМ училища [1128] .

Военно-морское гидрографическое училище моряк окончил в сентябре 1925 года. Выпущенный из училища Холостяков – вахтенный начальник на линкоре «Марат», зимой 1925/26 года – командир взвода в казармах флотского экипажа. Однако моряка привлекали подводные лодки, и он напросился в подплав. В ноябре 1925 – ноябре 1927 года Холостяков – штурман подводной лодки «Коммунар». В ноябре 1927 – ноябре 1928 года моряк окончил подводный класс Специальных курсов комсостава ВМС РККА. Он служил старшим помощником командира подводных лодок «Пролетарий» (ноябрь 1928 – май 1929), «Красноармеец», «Батрак» (до января 1930 года), L-55 (до января 1931 года). С января 1931 до октября 1932 года Холостяков командовал подводной лодкой «Большевик» Морских сил Балтийского моря. В январе-марте 1932 года он окончил тактические курсы при Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. Экипаж его лодки неплохо показал себя на учениях осенью 1932 года [1129] .

Учения эти решили судьбу моряка. Среди других лучших он получил назначение на Дальний Восток, где воссоздавали флот. Уезжал он с женой, Прасковьей Ивановной, которая оставила преподавательскую работу в Комвузе, чтобы сопровождать мужа к новому месту службы [1130] .

По документам, в октябре 1932 – сентябре 1933 года Холостяков служил командиром подводной лодки Щ-229 Тихоокеанского флота. Затем до апреля 1935 года он командовал дивизионом подводных лодок, а далее до мая 1938 года – 5-й морской бригадой подводных лодок. Репрессирован в мае 1938 года, восстановлен в кадрах флота в августе 1940 года [1131] . Фактически было гораздо интереснее.

На Тихом океане все пришлось создавать заново: и базы, и

верфи, и корабли. Т.Н. Холостяков стал командиром и головной «щуки», и дивизиона. Моряк занимался как достройкой лодок, так и подготовкой экипажей. Еще на Балтике он разработал «5 программ» по освоению лодки и применил этот опыт для обучения тихоокеанцев. В итоге к осени 1933 года в строй вошли 4 лодки 1-го дивизиона. Зимой сам комдив провел эксперименты по плаванию во льдах. Следующим летом подводники освоили плавание на штатную автономность, и на рубке **щ** -11 появилось изображение комсомольского значка – единственная такого рода награда на флоте. Вскоре дивизион вошел в состав новой, 5-й бригады подводных лодок, командиром которой назначили Холостякова. Приходилось и обживать новое место базирования, и готовить моряков. Когда в конце 1935 года многие моряки были награждены, и Георгий Никитич получил орден Ленина [1132] .

В следующей кампании подводники по настоянию своего комбрига продемонстрировали возможность удвоить автономность «щук», а затем и увеличить ее за счет смекалки и переоборудования лодок до 103 суток вместо 20. Вполне заслуженно Холостякову доверили выступать с рапортом тихоокеанцев X съезду ВЛКСМ. А вскоре и Прасковью Ивановну за ее участие в движении командирских жен наградили орденом Трудового Красного Знамени [1133] .

Казалось, все шло хорошо. Но уже начиналась чехарда с командованием флота. Одного за другим арестовывали моряков, обвиняя их в чудовищных преступлениях. Весной 1938 года арестовали по доносу некоего подводника Исаева и комбрига 5-й. Более года длилось следствие, сопровождаемое пытками. Холостякова осудили по статье 58, обвинив сразу по 6 пунктам: в измене Родине, шпионаже, вредительстве, диверсии, терроризме и контрреволюции – и приговорили к 15 годам исправительно-трудовых лагерей с последующим поражением в правах на 5 лет. Его исключили из РКП(б) и отобрали орден. Отбывал он каторгу там же, на Тихом океане, в бухте Ольги. Однако моряку удалось связаться с братом и женой, они смогли дойти до М.И. Калинина. Дело пересмотрели. Обвинения были сняты, и Холостякову вернули звание и награду [1134] .

Осенью 1940 года Георгия Никитича назначили командиром 3-й бригады подводных лодок Черноморского флота, но уже в середине зимы новоиспеченный капитан 1-го ранга стал начальником отдела подводного плавания флота. Холостяков старался уменьшить число бумаг и чаще бывать на кораблях. За два месяца он получил представление о каждой подводной лодке. Весной и в начале лета штаб Черноморского флота спешил ввести в строй новые подводные лодки. Время было тревожное, поэтому,

как только стало известно о большом сборе в ночь на 22 июня, Холостяков поспешил в штаб и видел, как начиналась война на Черном море. 4 июля командующий Черноморским флотом Ф.С. Октябрьский назначил Холостякова начальником штаба Новороссийской военно-морской базы. Георгий Никитич обиделся, считая, что его отправляют в тыл. Но, прибыв в Новороссийск, моряк увидел, что командир базы капитан 1-го ранга А.П. Александров готовился к боевым действиям в Цемесской бухте. Ожидали нападения кораблей итальянского флота. Вскоре Александрова назначили командовать Азовской военной флотилией. Сменивший его А.С. Фролов вскоре стал командовать новой Керченской военно-морской базой. Холостяков возглавил Новороссийскую военно-морскую базу, на которую 30 августа упали первые бомбы [1135] .

База находилась в тылу, но уже с лета 1941 года жила активной военной жизнью. Здесь комплектовали маршевые батальоны и морские части, мобилизовали и превращали в военные транспорты и боевые корабли мирные суда. Немногочисленные корабли базы охраняли на переходах конвои, шедшие от Новороссийска до Феодосии и обратно. Однако суда из Новороссийского порта шли гораздо дальше. Самыми ответственными Холостяков считал рейсы в осажденную Одессу. Специалисты Новороссийской военно-морской базы исследовали устройство немецких неконтактных мин.

Фронт был еще далеко, но встал вопрос об укреплении Новороссийска с суши. Был подготовлен проект сухопутной обороны. Когда противник вышел к Перекопу, проект этот начали осуществлять. А Холостякову, который объезжал места постройки укреплений, пришлось научиться ездить верхом [1136] .

После оставления Одессы в Новороссийск была перебазирована часть кораблей, в том числе одесская Охрана водного района (ОВР) с обстрелянными моряками. Все это пригодилось вскоре, когда гитлеровская авиация с крымских аэродромов стала нападать на Новороссийск и суда в море все чаще, а Ставка установила Новороссийский порт базой питания Севастопольского оборонительного района. Пришлось бороться и с авиацией, и с минами, которые неприятельские самолеты ставили у входа в порт. Все эти препятствия задерживали перевозки.

С сентября 1941 года Холостяков был также и начальником гарнизона Новороссийска. После взятия Ростова-на-Дону 21 ноября город готовили к обороне. К счастью, советские войска освободили Ростов. А Новороссийской военно-морской базе довелось участвовать в крупной десантной операции [1137] .

10 декабря Ф.С. Октябрьский прибыл в Новороссийск и приказал максимально ускорить ремонт судов. Только через несколько дней Холостяков узнал, что готовится десант в Крым. Правда, первоначально часть войск пришлось спешно перебросить в Севастополь, где осложнилось положение. Высадку войск 51-й армии начали Азовская флотилия и Керченская военно-морская база. Корабли и суда, собранные в Новороссийске, были подготовлены для высадки войск 44-й армии в Феодосии. Первый эшелон был высажен прямо в порт с боевых кораблей. За ними базу оставили суда второго эшелона. Руководство морской частью операции осуществляла оперативная группа штаба Черноморского флота, располагавшаяся на командном пункте базы. Вскоре высадившиеся войска заняли Керченский полуостров.

Теперь основной задачей стало обеспечение Крымского фронта всем необходимым. Моряки, несмотря на суровые условия зимнего моря, успешно выполняли поставленную задачу. В начале 1942 года месячный грузооборот порта вырос в полтора раза по сравнению с довоенным. Потребовалось улучшить организацию портовой службы, ввести карточки с указанием возможностей и схемами трюмов каждого судна. Рейсы в Феодосию прекратились уже в январе: порт был взят гитлеровцами. Суда пошли в менее подготовленные порты Керчь и Камыш-Бурун. Благодаря смекалке удавалось перевозить через пролив и тяжелые танки, и даже паровозы в плавучем доке. Одновременно суда из Новороссийска доставляли грузы и пополнения в Севастополь, а боевые корабли выходили для поддержки войск в Крыму [1138] .

Рассчитывали, что весна 1942 года в Крыму станет победной. Однако в мае германские войска перешли в наступление, и пришлось спешно эвакуировать армии Крымского фронта.

Теперь основным объектом снабжения и поддержки стал Севастополь. С весны германская авиация стала наносить удары по судам, доставлявшим грузы и подкрепления в главную базу. Появились значительные потери в судах и на море, и в портах. В апреле 1942 года Октябрьский в разговоре с Холостяковым посоветовался, как организовать доставку грузов на подводных лодках, если движение к берегам Крыма надводных кораблей станет невозможным. Опытный подводник объяснил, что, если снять торпеды и уменьшить запас топлива, возможно перевозить 70–80 тонн компактных грузов. Вскоре Октябрьский отдал приказ выделить 5 больших подлодок для транспортных перевозок. Затем в перевозках участвовали средние и даже малые подлодки. Они доставляли боеприпасы, продовольствие, принимали в

балластные цистерны бензин, вывозили раненых. Всего за 75 рейсов подводники доставили около 2,5 тысячи тонн боеприпасов, более 1000 тонн продовольствия и 500 тонн бензина, что было важно для обороны Севастополя [1139] .

Конечно, перевозок на лодках было недостаточно, и приходилось отправлять подкрепления и грузы на быстроходных транспортах, а с середины июня – только на боевых кораблях. В основном они выходили из Новороссийска. На переходе и корабли, и суда несли значительные потери от ударов неприятельской авиации. Однако без их деятельности Севастополь не мог бы продержаться так долго.

После падения Севастополя германские войска перенесли наступление на Кавказ. Возросла и опасность с воздуха. 1 июля эвакуированный из Севастополя Октябрьский прибыл в Новороссийск. Сразу же Холостяков доложил ему, что необходимо увести из порта ненужные корабли. К вечеру командующий отдал приказ о порядке вывода кораблей. Но успели отправить только часть кораблей. Сильный налет 2 июля привел к гибели нескольких кораблей и судов. Оказалось, оперативный дежурный ПВО посчитал приближающиеся самолеты, замеченные радиолокатором, своими. Не был дан сигнал тревоги, и атака оказалась неожиданной. Этот опыт был учтен в дальнейшем. Моряки принимали меры и для обороны от десантов. На берегу устанавливали батареи, по ночам организовали дозоры в море и разведку с воздуха, в готовности находились два батальона. Но противник предпочел наступать по суше. Пали Ростов, Краснодар. Все ценное вывозили из Новороссийска, к которому приближался фронт [1140] .

18 августа Военный совет Северо-Кавказского фронта организовал Новороссийский оборонительный район (НОР), в состав которого вошла и Новороссийская морская база. Наличных сил и времени оказалось мало, чтобы успеть занять заранее построенную линию обороны. Пришлось направить на оборону перевалов моряков с кораблей и из тыловых частей. Командование обороной города принял на себя контр-адмирал С.Г. Горшков. На сушу были повернуты орудия береговых батарей. В результате удалось задержать наступление противника на Новороссийск. Но 31 августа прервалась связь с Анапским сектором береговой обороны. Посланный Горшковым Холостяков на торпедных катерах ночью у захваченного врагом берега установил, что Анапу заняли немцы, а артиллеристы, расстреляв снаряды, взорвали батареи. Позднее большинство батарейцев сняли суда, посланные из Новороссийской морской базы [1141] .

2 сентября гитлеровцы форсировали Керченский пролив. НОР

оказался в подчинении Закавказского фронта. Однако большинство сухопутных войск отходили в стороне от Новороссийска. В первые дни сентября городской гарнизон в основном составляли моряки (2 сводные морские бригады и 1 морской полк), перевезенные с Тамани и из южных портов. Моряков поддерживали огнем корабли. Однако противник имел явное численное превосходство. К 5 сентября неприятель прорвал оборону, 6 сентября начались бои в Новороссийске. Корабли и вспомогательные суда перевели в Геленджик. Горшков остался в городе. 8 сентября командующий НОР генерал-майор Г.П. Котов, безуспешно пытавшийся связаться с Горшковым, приказал закрыть брешь в районе вокзала Холостякову. Тот собрал взвод из охраны штаба и отправился в город. По пути он подчинял себе отбившихся от частей армейцев и моряков. Так как противник наступал значительными силами с танками, задержать его не удалось. В бою капитан 1-го ранга едва не погиб, оказавшись среди гитлеровцев. После боя в его диске автомата ППШ насчитали три пробоины. Холостяков принял решение отвести отряд к балке Адамовича между цементными заводами, где небольшими силами можно было удержать узкий фронт между бухтой и горой. Туда же он отправил и встреченный в пути 305-й батальон морской пехоты. Со временем именно там было остановлено неприятельское наступление [1142] .

10 сентября принявший командование НОР генерал-майор А.А. Гречко приказал вывезти войска, отрезанные на западном берегу Цемесской бухты. Моряки Новороссийской военно-морской базы эвакуировали на судах и катерах более 3 тысяч человек; в числе последних перевезли и контр-адмирала С.Г. Горшкова. Доставленные в Геленджик и Кабардинку войска влились в оборону восточной части города. Гитлеровцам так и не удалось преодолеть балку Адамовича.

Новороссийская военно-морская база переместилась в Геленджик. В Геленджике моряки Новороссийской военно-морской базы на базе местной машинно-тракторной станции организовали ремонт кораблей. Осваивали новые места базирования кораблей и катеров. Положение оставалось очень опасным. 19 сентября противник развернул наступление с целью прорваться к морю у Геленджика. Холостякову пришлось даже согласиться подготовить склад имущества на случай, если бы пришлось уходить партизанить в горы. Однако 25–26 сентября гитлеровцев отбросили, обезопасив Геленджик с суши. Но бои под Туапсе продолжались, и морякам пришлось поддерживать линию перевозок Геленджик – Туапсе. В декабре стало ясно, что взять Туапсе противнику не удастся. Ожидали и высадки

неприятельского десанта. В ночь на 30 октября гитлеровцы форсировали на судах Цемесскую бухту и пытались взять батарею на мысе Пенай. Но краснофлотцы отбили нападение [1143] .

Артиллерия базы действовала настолько эффективно, что неприятель так и не смог использовать Новороссийский порт. Более того, пушки береговых батарей в новогоднюю ночь нанесли огневой удар по заранее разведанным пунктам в Новороссийске, нанеся потери немцам.

Вполне заслуженно 13 декабря 1942 года Холостякова произвели в контр-адмиралы [1144] .

С конца 1942 года началась разработка десантной высадки под Новороссийском. Октябрьский наедине с Холостяковым сообщил, что намечена высадка у Южной Озерейки. Задумали устроить демонстративную операцию, после которой следовало снять высаженные войска. Брать город предполагали с суши. Холостяков предложил организовать чисто флотский отвлекающий десант у Станички. Он обосновал свое предложение тем, что высадка в пригородном поселке при поддержке береговой артиллерии будет эффективнее. Через некоторое время последовали указания готовить штурмовой отряд в 250 человек для высадки на Суджукскую косу и в Станичку [1145] .

Группу десантников Цезаря Куникова готовили тщательно. По плану они должны были высадиться с выходом войск 47-й армии на Маркотский и Неберджаевский перевалы. Однако 3 февраля сухопутные войска перевалы не взяли. Командующий фронтом решил провести высадку десанта, чтобы облегчить наступление. В ночь на 4 февраля моряки при поддержке береговой артиллерии и залпов ракет катерного тральщика «Скумбрия» успешно высадились у Станички. Десантники захватили 4 неприятельские пушки и использовали их против противника. А катера подвозили подкрепления. К утру на берег были высажены 870 человек, которые заняли плацдарм 3 километра по фронту и 2,5 километра в глубину. Высадка главного десанта у Южной Озерейки началась с опозданием, корабли в шторм попали под обстрел противника и понесли потери. Пришлось отказаться от высадки. На берег вышло лишь 1,5 тысячи человек. Холостяков предложил часть сил направить для высадки у Станички. Октябрьский не принял предложение. Но 5 февраля стало известно, что десант у Южной Озерейки блокирован противником, и командующий приказал Холостякову готовить переброску войск в Станичку [1146] .

Двое суток куниковцы удерживали занятую территорию. Их действия позволили перебросить на плацдарм главные силы, которые так и не смогли высадиться в ранее намеченном месте.

Образовалась Малая Земля, надолго приковавшая к себе значительные силы немецко-фашистских войск, пока не настало время продолжить наступление. Но в боях погиб Ц. Куников.

Так как противник сильно укрепил Новороссийск, прорвать оборону с суши не удавалось. Новороссийская военно-морская база должна была пополнить и обеспечить защитников Малой Земли, численность которых со временем выросла до двух корпусов. Войска под Новороссийском были объединены в 18-ю десантную армию, которой оперативно подчинили Черноморский флот. Морякам базы при перевозках приходилось выдерживать обстрел артиллерии, атаки авиации и торпедных катеров. Приходилось применять смекалку. Корпус подорванной торпедой канонерской лодки превратили в причал. Так как крупные корабли несли потери, пришлось для перевозок использовать речные и озерные мотоботы, сейнеры, моторные шхуны [1147] .

В марте 1943 года немцы усилили бомбардировки Геленджика; от близкого разрыва мин пострадал командный пункт, на котором располагался Холостяков. В начале апреля советские войска предприняли неудачную попытку освободить Новороссийск. В этот период из-за штормовой погоды было затруднено снабжение Малой Земли. В ночь на 15 апреля сам Холостяков побывал на Мысхако. Он решал с командованием проблемы снабжения войск, эвакуации раненых и местных жителей и вернулся в Геленджик. А утром 17 апреля гитлеровцы начали наступление на Малую Землю. Сначала нанесла сильный удар авиация; всего участвовало 1074 самолета, атаковавшие группами по 30–40 машин. Так как противник блокировал подступы к Новороссийску с моря, военно-морская база была усилена боевыми катерами. В результате неприятелю не удавалось срывать доставку грузов на Малую Землю. Защитники успешно отбивали атаки. А удар советских самолетов из корпуса РГК сорвал наступление 20 апреля. Малая Земля держалась. В начале мая советские войска вышли на северные подступы к Новороссийску. Однако и на этот раз не удалось вернуть город. В первой половине июня ожесточенные бои прекратились. Морякам осталось снабжать защитников плацдарма в условиях коротких летних ночей. Они научились доставлять даже танки на спаренных мотоботах [1148] .

В конце августа Холостяков организовал вывоз с Малой Земли 255-й бригады морской пехоты и 290-го стрелкового полка. За несколько ночей они были доставлены в Геленджик и заменены другими войсками. Начиналась подготовка к высадке в Новороссийск, задуманный еще весной. Высаживаться предстояло в Цемесскую бухту и Новороссийский порт. Командовать

высадкой назначили Холостякова. Предложил его кандидатуру вице-адмирал А. Л. Владимирский, принявший командование Черноморским флотом [1149] .

Подготовку проводили втайне. Холостяков создал особый штаб высадки, который работал на территории госпиталя. Официально говорили о высадке в Южной Озерейке или расширении Малой Земли [1150] .

Разведчики установили, что вход в порт заграждают трос и остатки бона. Было решено уничтожить их в начале высадки подрывными патронами.

Неприятель хорошо укрепился в порту. В городе оборону держали 2 дивизии, на Таманском плацдарме – 17 дивизий. Поэтому потребовался неожиданный ход. Было решено атаковать торпедами молы, чтобы пробить проходы для судов с десантом и уничтожить долговременные огневые точки. Пришлось переделать часть ударников торпед, чтобы они могли вылетать на пляж и взрывом разрушать огневые точки в 10–15 метрах от уреза воды. Для огневой подготовки привлекали береговую артиллерию. Передовые группы бойцов должны были высадить торпедные и сторожевые катера; остальные войска предстояло доставить на мотоботах и других малых судах. Десантников защищали установленные на суда железные щиты. Управление высадкой Холостяков решил осуществлять с развалин маяка на мысе Дооб, откуда Цемесская бухта хорошо видна [1151] .

Оперативная директива Военного совета Черноморского флота от 28 августа предписывала контр-адмиралу Холостякову высадить 255-ю Краснознаменную бригаду морской пехоты, батальон морской пехоты, 1339-й стрелковый полк, 290-й стрелковый полк НКВД от мыса Любви до линии фронта на восточном берегу Цемесской бухты с целью захвата Новороссийска. Следовало завершить подготовку к 2 сентября. Для высадки предназначали 6400 человек обстрелянных и знакомых с местностью войск [1152] .

Поддерживать десант должны были 213 береговых и полевых орудий калибром до 203 миллиметров. Всего на подступах к Новороссийску сосредоточили более 800 орудий и минометов, 5 полков «катюш» и бригаду тяжелых реактивных установок. Артиллерия начала постепенное разрушение оборонительных сооружений в Новороссийске.

3 сентября Холостяков подписал приказ № 1, в котором поставил задачи на высадку. 5 сентября прошел инструктаж командования. Офицерам показали развернутую на полу карту Новороссийска, чтобы все запомнили пути движения. 6 сентября командиры передовых отрядов наблюдали порт с гребня

Маркотхского хребта. 7 сентября вице-адмирал Л.А. Владимирский назначил высадку на ночь на 9 сентября. Командирам отрядов время высадки следовало сообщить перед посадкой на суда [1153] .

Из-за шторма пришлось перенести десант на сутки. Только вечером 9 сентября начали погрузку на суда. В 21.15 катера с первым броском десантов оставили Геленджик.

Холостяков наблюдал с мыса Дооб за ходом событий. Волнение задержало движение судов. Пришлось на 45 минут перенести час Ч для всех войск, принимавших участие в операции. В 2.30 началась атака авиации, затем вступила в действие артиллерия. Германское командование, знавшее о скоплении судов в Геленджике, не было уверено в скором десанте, так как крупных кораблей поблизости не было. Высадку в порт не ожидали, и взрывы у молов явились неожиданными. Пробить проходы в прочных сооружениях не удалось, но огневые точки были подавлены, и десантники овладели молом. Катерам с десантом пришлось прорываться сквозь простреливаемый вход в порт, в котором подрывники уничтожили трос и часть бонов [1154] .

И в порту, и за его пределами гибли и выходили из строя катера. До утра удалось высадить только часть подкреплений. Многие суда возвращались в Геленджик с повреждениями.

Передовые отряды десанта закрепились в порту и начали наступать далее. Утром 10 сентября Военно-морской флаг был поднят на крыше вокзала. Отряд продолжал атаковать, связывая силы противника. Одновременно в наступление перешли советские войска от цементных заводов и с Малой Земли. Однако, отбив их наступление, гитлеровцы усилили давление на десант. Десантники держались, приходилось даже вызывать огонь на себя. Им требовалось подкрепление. Холостяков получил приказ в ночь на 11 сентября высадить второй эшелон войск (2900 человек) на правом фланге, где десантники оказывались ближе к наступавшим войскам. Этот эшелон, как и первый, доставляли на берег под огнем. Погибли 4 торпедных и 2 сторожевых катера, но подкрепления помогли правому флангу десанта соединиться с наступавшими войсками. Остальные части десанта продолжали удерживать позиции. А 16 сентября Новороссийск был освобожден. Несколько часов спустя катера Холостякова и Владимирского входили в порт Новороссийска [1155] .

Вечером в переданном по радио приказе Верховного главнокомандующего были упомянуты и фамилия Холостякова, и имена наиболее отличившихся участников взятия Новороссийска. В честь освободителей города прогремел салют. Наиболее

отличившиеся части получили почетное наименование Новороссийские. А Холостякова наградили орденом Суворова I степени [1156] .

21 сентября Холостяков получил приказ Владимирского высадить два десанта под Анапой, к которой с суши приблизились советские войска. Десанты должны были перерезать дороги в тылу противника и наступать на Тамань. Основной десант (83-ю Новороссийскую морскую стрелковую бригаду) следовало высадить у озера Соленого, а полк 55-й гвардейской дивизии – на косе под станицей Благовещенской. На подготовку предоставили только двое суток; третьи сутки прибавил разразившийся на море шторм. Были сформированы три отряда из сорока исправных судов. На одном отряде шел вспомогательный, на двух – основной десант. Холостяков управлял операцией с борта сторожевого корабля «Шквал». На переходе «Шквалу» пришлось отбить атаку торпедных катеров противника; торпеды прошли мимо и взорвались на скалах. Группа обеспечения (9 торпедных катеров) прикрыла отряды с войсками. Противник не заметил десантников до начала высадки. Вспомогательный десант, несмотря на шторм, высадился успешно и перекрыл путь на Соленое озеро; сутки спустя десант соединился в Благовещенской с наступающими по суше войсками. Два отряда из-за опасности высадки на волнении у Соленого озера Холостякову пришлось направить в Анапу. Они провели высадку следующей ночью. 83-я бригада развернула наступление на Тамань. 26–27 сентября в подкрепление десантникам высадили еще 2 бригады. Всего на плацдарм под Анапой моряки доставили около 8,5 тысячи человек, десятки орудий и десятки тонн боеприпасов. Тем временем и Азовская флотилия высадила десанты у Голубицкой и Чайкино. Был освобожден Темрюк, а 3 октября в руки советских войск перешла Тамань – последний порт противника на Кавказе. 9 октября восточный берег Керченского пролива очистили от гитлеровцев [1157] .

Моряки готовились к высадке в Крыму. Формировали Керченскую военно-морскую базу, которую временно, до захвата порта, подчинили Холостякову. Контр-адмирал занимался разминированием Новороссийска и оживлением порта, восстановлением судоремонтного хозяйства. Пользуясь относительным затишьем, он решил подлечиться от ревматизма в Мацесте. Однако уже через неделю его вызвали в Геленджик. Была запланирована высадка на Керченском полуострове. Северо-восточнее и севернее Керчи десант должна была высаживать Азовская флотилия. Высадка вспомогательного десанта южнее

Керчи досталась кораблям Новороссийской и Керченской военно-морских баз под командованием Холостякова [1158] .

Подготовку к высадке начали с разведки позиций противника за Керченским проливом. В разрушенном Таманском порту, в Кроткове и у Соленого озера строили причалы для посадки войск на суда. Под Тамань перенесли, кроме подвижных, и несколько стационарных батарей. Для перевозки десанта (318-я стрелковая дивизия) было собрано 82 боевых катера и 53 различных плавединицы, пригодных для высадки на необорудованный берег. Планировали начать высадку в ночь на 28 октября. Однако шторм внес коррективы. Часть судов выбросило на берег. Только к концу месяца шторм стал стихать. Высадку наметили в ночь на 1 ноября [1159] .

Волнение на море продолжалось и даже усиливалось, пока корабли шли к поселку Эльтиген. Движение отрядов с десантом задерживалось. Пришлось перенести время артподготовки. После 5.00 началась высадка. Однако на волнении суда разбрасывало у берега, части перемешивало. Некоторые мотоботы, которые перевозили десантников с более крупных судов, были выброшены на берег, некоторые пострадали от обстрела противника. Высадить все войска до рассвета не удалось, и Холостяков приказал кораблям возвращаться в порты Тамани. Чтобы продолжить перевозки, следовало спешно отремонтировать пострадавшие суда и переформировать отряды. На плацдарме высадилось более 2 тысяч человек и 14 орудий. Их следовало подкрепить и снабжать. Днем удалось высадить на берег командира дивизии В.Ф. Гладкова с его штабом. Только в ночь на 2 ноября на плацдарм доставили 3 тысячи человек, боеприпасы, продовольствие, орудия [1160] .

Холостяков рассчитывал, что снабжать войска на плацдарме придется дня три-четыре. Советские войска 1 ноября прорвались через Турецкий вал к Армянску. Полагали, что вскоре начнется наступление в Крыму. В ночь на 3 ноября Азовская военная флотилия начала высадку основного десанта на северо-восточной оконечности Керченского полуострова. Вскоре на новом плацдарме была сосредоточена 56-я армия. Но положение десанта у Эльтигена оказалось сложным. Он не располагал силами, чтобы расширить плацдарм. Перевозкам мешали неприятельские корабли (хорошо вооруженные БДБ, торпедные катера), ночами нападавшие на конвои. Для прикрытия транспортных судов были организованы отряды из бронекатеров, торпедных и сторожевых катеров, которые вступали в бои с неприятелем. Но 11 ноября к плацдарму, который окрестили Огненной Землей, прорваться не удалось. И позднее подкрепления и грузы доставляли отдельные

мотоботы и самолеты. Несмотря на дефицит боеприпасов, Огненная Земля приковала к себе две дивизии противника. Но снабжать ее было слишком сложно. Так как снять дивизию Гладкова морем было невозможно, командовавший Отдельной Приморской армией в Крыму И.Е. Петров предложил дивизии пробиваться по суше. 6 декабря Гладков начал прорыв. Ее поддерживала артиллерия Новороссийской военно-морской базы. 7 декабря дивизия вышла к Керчи. Так как брать Керчь сразу не стали, дивизию вывезли кораблями Азовской флотилии [1161] .

Корабли и части базы, кроме участия в Новороссийско-Таманской (сентябрь – октябрь 1943 года) и Керченско-Эльтигенской (октябрь – декабрь 1943 года) десантных операциях, ставили мины в Керченском проливе, под Анапой, Новороссийском и Туапсе, с 1941 по 1944 год проводили боевое траление в районах Туапсе, Геленджика, Цемесской бухты, Новороссийска и Керчи.

Г.Н. Холостякова, признанного мастера десанта, назначили исполняющим обязанности командующего Азовской флотилией вместо больного С.Г. Горшкова. Эти обязанности он исполнял с декабря 1943 по март 1944 года [1162] .

О назначении временно командовать Азовской флотилией Холостяков узнал под утро 1 января. До того его ознакомили с планом высадки у мыса Тарханкут, и моряк его одобрил. Теперь предстояло план осуществить. Для высадки 166-го гвардейского полка флотилия собрала до 40 тендеров и мотоботов, несколько малых боевых кораблей и катеров. Из-за неготовности сухопутных войск и плохой погоды десант откладывали. Наконец поступил категорический приказ провести высадку. В ходе движения судов волнение возрастало. Так как возвращать десант было поздно, Холостяков приказал по возможности поторопиться. Однако удалось достичь берега только к рассвету. Высадка началась при поддержке артиллерии Новороссийской военно-морской базы. Полк высадили почти без потерь. Он прорвал позиции противника и успешно наступал. Зато на обратном пути при шторме шесть-семь баллов моряки потеряли несколько мотоботов [1163] .

В ночь на 23 января Холостяков руководил высадкой десанта в Керченской бухте. Первую волну высадки в порту Керчи составили два батальона морской пехоты, вторую – стрелковый полк. Десанту предстояло наступать от порта через город, чтобы помочь 339-й дивизии прорвать оборону противника под Керчью. Высадка прошла успешно. Но в январе взять Керчь не удалось [1164] .

Весной отряды кораблей уходили на запад, для действий у

берегов Крыма. В Одессу перешла Азовская флотилия, которая должна была стать Дунайской. Холостяков занимался приведением в порядок Новороссийского порта. Начались будни начальника базы, если считать буднями восстановление разрушенного и заминированного порта. В боевой характеристике записано: «Командуя Новороссийской Военно-морской базой, проделал большую работу по снабжению Крымского фронта, Севастопольского оборонительного района и обеспечению кораблей, дислоцируемых в базе. Много уделяет внимания оборонительному строительству базы, а когда противник подошел к Новороссийску, непосредственно и вполне успешно руководил боевыми действиями частей базы. Боевые задачи выполнялись хорошо. Личный состав базы показал образцы в борьбе с врагом, проявляя мужество, героизм, преданность Родине» [1165] .

В начале декабря Холостяков получил телеграмму наркома ВМФ: «Назначены командующим Дунайской военной флотилией. Отбыть немедленно» [1166] . Уже через сутки, сдав дела, моряк выехал к новому месту службы. 12 декабря он вступил в командование флотилией, имевшей задачу поддержать войска, наступавшие на Будапештском направлении.

12 декабря Ставка Верховного главнокомандования дала указание войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов окружить неприятельские войска в районе Будапешта. Дунайской флотилии предстояло оказать поддержку войскам 46-й армии, которая наступала на Будапешт с юга вдоль Дуная, и 68-му стрелковому корпусу, наступавшему с югославскими войсками на Вуковарском направлении. Холостяков, вступив в командование, не изменил задачи, поставленные Горшковым Бригаде траления и соединениям флотилии, которые действовали на Вуковарском и Будапештском направлениях. К 19 декабря командный пункт командующего флотилией был перенесен ближе к штабу 3-го Украинского фронта. А 20 декабря началось наступление главных сил 2-го и 3-го Украинских фронтов. На этом этапе Дунайская флотилия поддерживала огнем наступавшие в приречном районе войска [1167] .

1-я бригада речных кораблей огнем бронекатеров поддерживала успешное наступление 316-й стрелковой дивизии 46-й армии, которая пробивалась к южному предместью Будапешта. 27 декабря моряки переправили части дивизии и 83-й бригады морской пехоты, которые овладели 14 кварталами предместья. 28–30 декабря катерники продолжали поддерживать наступающих артиллерийским огнем. Тем временем 2-я бригада речных кораблей на Вуковарском направлении поддерживала

наступление 68-го стрелкового корпуса, а затем 1-й Болгарской армии. Моряки флотилии перевезли болгарские войска, не имевшие опыта высадок. Для переправы Холостяков выделил часть кораблей и судов. С 19 по 21 декабря 1-я Болгарская армия сменила 68-й стрелковый корпус. Моряки 2-й бригады речных кораблей поддержали наступление армии вдоль берега Дуная до устья Дравы. Но взять Сотин не удалось. В конце декабря войска 2-го и 3-го Украинских фронтов перешли к обороне на внешнем фронте окруженной под Будапештом группировки противника [1168] .

В январе-феврале советские войска отражали натиск противника и уничтожали будапештскую группировку противника. В этот период главной задачей флотилии стала перевозка войск, так как мосты в ледоход были снесены за ночь. Корабли флотилии стали единственным средством переправы. Холостяков, выполняя приказ командования 3-го Украинского фронта, 29 и 30 декабря отдал распоряжения, которыми распределял корабли трех бригад для обеспечения переправ на разных участках реки. Переправу осуществляли на понтонах, которые буксировали бронекатера. Всего с 1 января по 20 февраля 1945 года было перевезено 316 220 человек, 496 танков и самоходных орудий, 10 380 орудий, другая техника и грузы, что помогло 3-му Украинскому фронту маневрировать силами при отражении трех контрударов противника и уничтожении будапештской группировки. Одновременно Дунайская флотилия осуществляла траление и перевозки вдоль реки. Только для нужд Народно-освободительной армии Югославии и Белграда было доставлено 50 тысяч тонн зерна и более 15 тысяч тонн угля [1169] .

При необходимости Холостяков легко переносил командный пункт в нужное место. Управление силами флотилии во время перемещения он осуществлял через вспомогательный пункт управления, на котором оставался начальник штаба.

В приказе советского Верховного главнокомандования от 13 февраля 1945 года были упомянуты и моряки контр-адмирала Г.Н. Холостякова [1170] .

17 февраля Верховное главнокомандование поставило 2-му и 3-му Украинским фронтам задачу подготовить и провести наступательную операцию с целью разгрома группы армий «Юг», освобождения западной части Венгрии, Венского промышленного района и выхода к границе Германии. Начало операции планировали на 15 марта. Так как наступление 2-го Украинского фронта должно было развиваться по двум берегам Дуная, Дунайскую флотилию и 83-ю бригаду морской пехоты передали в

его оперативное подчинение. Морякам предстояло наступать в Братиславско-Венском направлении. Командующий фронтом приказал сосредоточить основные силы флотилии к Естергому для поддержки 7-й и 46-й гвардейской армий, которым предстояло наступать вдоль правого и левого берегов Дуная. Часть сил предстояло оставить на Вуковарском направлении для поддержки югославских войск, часть – для тральных работ. В соответствии с этим Холостяков распределил силы. К 10 марта 1-я бригада речных кораблей и 83-я бригада морской пехоты стояли в Вышеграде, 2-я бригада – в районе Вац, Береговой отряд сопровождения у села Соб. Для обеспечения их действий в районе Вышеграда оставались 18 катеров-тральщиков, а остальные суда проводили траление на Дунае. На Вуковарском направлении было 2 монитора, 4 бронекатера и 8 катеров-тральщиков. Остальные корабли и катера находились в ремонте, так как их механизмы были изношены в ходе непрерывных боевых действий. Чтобы обеспечить все многочисленные задачи на просторах Дуная, Холостяков оставил штаб в Турну-Северине. Штаб руководил тралением и поддерживал устойчивый оперативный режим от устья Дуная. Сам он управлял действующими на Братиславско-Венском направлении силами с командного пункта при помощи оперативной группы штаба во главе с его начальником. И командный пункт, и оперативная группа располагались вблизи штаба 2-го Украинского фронта. Перемещаясь за наступающими войсками, командующий постоянно поддерживал связь и со своими соединениями, и с войсками 7-й и 46-й гвардейской армий. Вслед за наступающими двигалось и подвижное отделение тыла флотилии [1171] .

6 марта гитлеровское командование начало контрнаступление у озера Балатон силами 6-й танковой армии. Но уже в первые дни стало ясно, что противник не в силах прорвать советскую оборону. 9 марта Ставка Верховного главнокомандования отдала приказ 2-му и 3-му Украинским фронтам разгромить 6-ю армию и перейти в наступление в Венском направлении. Наступление на Венском направлении началось 16 марта и развивалось успешно. 17 марта главные силы 46-й армии перешли в наступление с целью окружения естергомско-товарошской группировки врага и вышли 18–19 марта в тыл противника. Для поддержки наступления было решено высадить батальон морской пехоты в тылу Естергома, в Тат, чтобы помешать отходу противника. 2 батальона морской пехоты должны были наступать по правому берегу Дуная на Естергом.

Чтобы высадить десант у Тата, следовало прорваться на 14

километров по реке, оба берега которой занимал противник. Немцы создали на реке мощную оборонительную позицию. Препятствием служил и разрушенный Естергомский мост. Учитывая сложный характер операции, командование выделило в распоряжение Холостякова истребительный и бомбардировочный полки.

Руководить высадкой десанта должен был командир 1-й бригады речных кораблей П.И. Державин. На основе данных разведки определили пути движения. Разработанные штабом документы были уточнены в штабе флотилии, 1-й бригады речных кораблей и 83-й отдельной бригады морской пехоты, налажено взаимодействие с наземными войсками и авиацией. Вечером 19 марта корабли и части, участвующие в десанте, собрались в Вышгороде, где находился и командующий флотилией. В 22.00 катера направились к Естергомскому мосту, прошли под ним около полуночи, потеряв один катер, и направились вверх по Дунаю. Противник открыл огонь, но на него обрушилась артиллерия флотилии и сухопутных войск. В 1.20 началась высадка при поддержке огня катеров. Вскоре батальон морской пехоты, не встречая сопротивления, занял позицию и преградил противнику пути отхода. А катера благополучно вернулись в Вышеград.

Рассматривая эту операцию, историк И.И. Локтионов отмечал: «Командование флотилии спланировало, обеспечило и успешно осуществило высадку десанта в районе Тат в точном соответствии с указаниями командования 2-го Украинского фронта. Успех выполнения поставленной задачи был обеспечен тщательной подготовкой кораблей и частей, участвовавших в высадке десанта, высоким морально-боевым духом матросов, солдат, старшин и офицеров, хорошо организованным взаимодействием с сухопутными войсками и авиацией и четким управлением силами» [1172] .

Противник упорной обороной не позволил наступавшим войскам взять Естергом, и в то же время превосходящими силами старался сбить десант у Тата. 20 марта флотилия получила приказ поддержать войска, наступавшие на Естергом, и высадить подкрепление десантникам. Холостяков направил для высадки те же катера, которые высаживали десант. Однако противник был готов к встрече. Только немногие изрешеченные катера смогли пройти Естергомский мост и далее с повреждениями дойти до района Тата. Удалось высадить только 60 человек. Вечером 21 марта Естергом был взят. Это позволило Холостякову подвести туда корабли для поддержки десанта и наступавших далее войск. Лишь 23 марта удалось соединиться с десантниками, которые

продержались 4 дня вместо двух. А 25 марта был завершен разгром неприятельской группировки. Приказ Верховного главнокомандования от 25 марта отмечал среди отличившихся в боях за Естергом, Нисмей и Тат и моряков контр-адмирала Холостякова [1173] .

Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов продолжали продвигаться вперед. 25 марта 7-я гвардейская армия на левом берегу Дуная перешла в наступление, но была задержана противником. Более успешно наступала 46-я армия, которая выдвинулась вперед на 50 километров. Чтобы поддержать 7-ю гвардейскую армию, командующий 2-м Украинским фронтом приказал высадить на левый берег 83-ю бригаду морской пехоты. Корабли, предназначенные для переправы, провели под правым берегом; однако они получили повреждения от огня своих войск, не получивших предупреждения. 83-я бригада морской пехоты до утра 28 марта из-за разрушенных мостов не успела прибыть в район посадки на суда, Холостяков решил осуществить высадку днем. Свой командный пункт он расположил на правом берегу напротив места высадки. Пока корабли с десантом шли к месту высадки, авиация и артиллерия обрабатывала неприятельские позиции. Несмотря на то что противник сохранил способность сопротивляться, десант был высажен благополучно и вызвал дезорганизацию на приречном фланге противника. К полуночи десантники соединились с наступавшими войсками 7-й гвардейской армии. 25-й гвардейский стрелковый корпус при поддержке флотилии наступал с востока на Комарно. С запада наступал 23-й стрелковый корпус; поддержать его моряки не могли, так как русло Дуная преграждали обломки мостов. 30 марта Комарно был взят; первыми Военно-морской флаг подняли в порту моряки [1174] .

Дунайская флотилия поддерживала и переправляла войска, которые к 2 апреля вышли на подступы к Братиславе. Холостяков 3 апреля подтягивал к Карлсбургу катера и береговые части, которым предстояло обеспечить наступление на Братиславу. Штурм города начали в ночь на 4 апреля. Братислава пала 4 апреля, но только к вечеру 5 апреля при помощи моряков удалось взять правобережный пригород Петржалка. В приказах Верховного главнокомандования 30 марта и 4 апреля среди других были отмечены и моряки контр-адмирала Холостякова. А 4 апреля 1946 года Г.Н. Холостякову и другим отличившимся дунайцам национальный комитет Братиславы присвоил звание почетных граждан города [1175] .

Далее целью флотилии стала Вена. 6 апреля Ставка Верховного главнокомандования поручила взятие столицы

Австрии войскам 3-го Украинского фронта, охватившего город с юго-востока, юга и юго-запада, а 2-му Украинскому фронту следовало переправить на левый берег Дуная 46-ю армию, чтобы отрезать пути отхода гитлеровцев на север и северо-запад. Холостяков решил 2-ю бригаду речных кораблей использовать для форсирования Дуная и поддержки 46-й армии; ей были подчинены Береговой отряд сопровождения и корабли 1-й бригады, действующие на Венском направлении. Корабли 2-й бригады, действующие на Вуковарском направлении, были подчинены командованию 1-й бригады. Сам контр-адмирал расположил командный пункт в Братиславе, чтобы поддерживать связь с командованием фронтов, своих соединений и частей. Командиры бригад должны были со штабами располагаться вблизи соответствующих сухопутных штабов. Несмотря на атаки вражеской авиации, с 6 по 14 апреля корабли флотилии переправили основные соединения 46-й армии, более 100 тысяч человек с вооружением и тылами. Чтобы расширить плацдарм и дезорганизовать оборону противника, Холостяков предложил высадить десант южнее Орта и наступать на город, чтобы помочь наступлению двигающегося навстречу 75-го стрелкового корпуса. Для высадки 2-я бригада речных кораблей, занятая переправой, могла выделить лишь 4 бронекатера и 3 минометных катера. Высадка первого эшелона прошла утром 8 апреля, а второй эшелон высаживали днем. Расширение плацдарма позволило ускорить переправу 46-й армии. А корабли флотилии шли на Вену. Холостяков направил основные силы для поддержки войск 4-й гвардейской армии, которая наступала у правого берега реки. Остальные катера поддерживали переправу и наступление войск 46-й армии [1176] .

Так как войска не могли взять единственный уцелевший мост, Холостяков поддержал предложение капитана 2-го ранга Аржавкина высадить десант сразу на оба конца моста. Чтобы пройти по фарватеру, загражденному обломками и затопленными судами, Аржавкин 11 апреля предпринял прорыв днем. Десантники под обстрелом высадились, предотвратили взрыв и двое суток удерживали мост. И при прорыве, и на отходе катера под обстрелом несли потери, но все вернулись. Благодаря их помощи 13–15 апреля советские войска разгромили группировку противника в Вене и группировку, пытавшуюся отойти на север. В приказах 13 и 15 апреля 1945 года в числе отличившихся отметили корабли и части Дунайской флотилии. В дальнейшем Холостяков руководил тралением на Дунае, а часть кораблей использовали для поддержки продолжавших наступление советских войск. Боевые действия продолжались до 9 мая.

Холостяков намеревался уничтожить обнаруженные на реке более 30 судов и кораблей противника, но в связи с капитуляцией Германии операция была отменена [1177] .

Пока шли бои в Австрии, флотилия вела боевые действия на Вуковарском направлении. До 9 апреля корабли переправляли войска Народно-освободительной армии Югославии и поддерживали огнем их фланг. В ночь на 12 апреля по приказу Холостякова корабли 1-й бригады речных кораблей осуществили высадку 5-й бригады югославских войск в районе Опатовац – Сотин. Десант при поддержке артиллерии кораблей взял Опатовац. Фронт противника был прорван. 12–13 апреля югославские войска при поддержке флотилии очистили от противника последний участок на правом берегу Дуная и продолжили преследование отходившего врага.

Параллельно с поддержкой войск флотилия вела траление. Тральщики брались за работу, как только часть реки освобождали от противника. Для обеспечения безопасности судоходства было организовано размагничивание судов и кораблей. Командование флотилии применило групповой метод очистки фарватеров от мин, применяя на полосе 60–100 метров различные виды уничтожения мин. В результате за сутки тральщики флотилии прокладывали 40–45 километров фарватеров. Фарватеры на Дунае были проложены от Джурджу до Вены [1178] .

Итак, вместе с войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов Дунайская флотилия под командованием Г.Н. Холостякова участвовала в Будапештской (октябрь 1944 – февраль 1945 года) и Венской (март – апрель 1945 года) операциях, во взятии городов Будапешт, Комарно, Братислава и Вена.

В боевой характеристике Холостякова этого времени записано: «Энергичный, решительный, дисциплинированный, способный и авторитетный адмирал, требовательный к себе и подчиненным. Подготовлен в оперативно-тактическом отношении. Хороший организатор и руководитель. Имеет боевой опыт по руководству и организации совместных действий кораблей и частей флота с войсками Красной армии. Успешно решал задачи по боевому тралению и минированию. Правильно руководит подготовкой своего штаба и подчиненных командиров соединений».

7 раз имя Холостякова было упомянуто в приказах Верховного главнокомандования. 24 мая 1945 года моряка произвели в вице-адмиралы [1179] .

После долгих поисков моряку удалось найти в эвакуации больную Прасковью Ивановну. Вскоре она скончалась [1180] .

После войны Холостяков продолжал командовать Дунайской

флотилией. Моряки флотилии в основном занимались очисткой реки от мин. Тральные работы продолжались до осени 1948 года, после чего Дунай считали безопасным от мин.

С декабря 1948 по декабрь 1950 года моряк учился на военно-морском факультете Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова. Академию он окончил с золотой медалью. В феврале-декабре 1951 года моряк командовал Каспийской военной флотилией, затем до августа 1953 года – 7-м ВМФ на Тихом океане [1181] .

Все это время Холостяков переписывался с Натальей Васильевной Куниковой, вдовой легендарного десантника, а когда стал командующим флотом, пригласил ее с сыном Юрием Цезаревичем к себе и предложил руку и сердце. С 1952 года они жили единой любящей семьей. Георгий Никитич любил приемного сына и его детей не меньше, чем родного сына Георгия [1182] .

В августе 1953 – феврале 1956 года Холостяков занимал пост заместителя начальника управления боевой подготовки Главного штаба ВМФ, затем до июля 1956 года находился в распоряжении главкома ВМФ, после чего был направлен на преподавательскую работу. С июля 1956 по февраль 1957 года вице-адмирал являлся старшим преподавателем кафедр тактики высших соединений ВМФ и подводных сил ВМФ в Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова. Далее до апреля 1959 года моряк был начальником морской подготовки ЦК ДОСААФ. Три месяца он находился в распоряжении главкома ВМФ. С июля 1959 по декабрь 1960 года Холостяков был заместителем начальника Управления госприемки кораблей, а затем до апреля 1965 года – заместителем председателя постоянной комиссии госприемки кораблей. В апреле-июне 1964 года он руководил 51-суточным непрерывным подводным плаванием в Центральной Атлантике атомохода К-27. С апреля 1965 по март 1969 года Холостяков был консультантом по ВМФ при министре обороны СССР. Только 7 мая 1965 года моряка с опозданием на два десятилетия наградили «Золотой Звездой» Героя Советского Союза «За умелое руководство войсками, мужество, отвагу и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 20-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне» [1183] .

С 1969 года Холостяков находился в отставке. Но годы не брали моряка. Он сохранял чувство юмора и трогательную любовь к стареющей жене. Холостяков написал при помощи писателя Н.Н. Ланина воспоминания, которые вышли под названием «Вечный огонь» в 1976 году. Обладая талантом

рассказчика, вице-адмирал многократно выступал с лекциями о действиях моряков в Великой Отечественной войне и завораживал зал [1184] .

80-летие флотоводца отметили официально скромно: заметкой в «Вечерней Москве» и орденом Красной Звезды. Хорошо знавший Холостякова артист Б. Попов считал, что его из зависти держат в тени, – ведь на фоне деятельности вице-адмирала бледным казалось пребывание Л.И. Брежнева на Малой Земле. Тем не менее друзья отметили юбилей хорошо, ибо Георгий Никитич был хозяином хлебосольным [1185] .

При консультации вице-адмирала Б. Попов подготовил моноспектакль «225 дней», посвященный Малой Земле. Этот спектакль, основанный не на брошюре Л.И. Брежнева, а на воспоминаниях Холостякова и на подобранных им материалах, выходил на широкую сцену.

За службу Холостякова наградили 3 орденами Ленина (1935, 1946, 1965), 3 орденами Красного Знамени (1943, 1944, 1951), орденом Суворова I степени (1943), 2 орденами Ушакова I степени (1945, 1945), орденами Отечественной войны I степени (1945), Красной Звезды (1982), медалями, почетным оружием (1964), иностранными орденами: английским – Британской империи III степени (1944), болгарскими – «За военные заслуги» II и III степени (1945, 1945), венгерским – «Венгерская свобода» серебряной степени (1946), румынскими – «Звезда Румынии» I степени (1946), «Звезда Румынской Народной Республики» (1950), чехословацкими – Белого льва «За победу» II степени, Военный крест 1939 года (оба в 1946), югославским – «Партизанская звезда» I степени (1945) [1186] .

Супруги Холостяковы болели. Однако не годы и не болезни прервали их жизнь за два дня до 81-й годовщины адмирала. 18 июля их убили в квартире на Тверском бульваре преступники, укравшие китель с боевыми наградами. Только в октябре мерзавцев поймали. Оказалось, что существует преступная организация, специализировавшаяся на краже и перепродаже коллекционерам орденов и медалей. Убийца Геннадий Калинин и его подруга Инесса действовали под видом журналистов, обманывая простосердечных ветеранов, а потом дошли до убийств. Всего они совершили 39 краж в 19 городах. Золото с наград снимали, а оставшееся собирались выбросить. Оба виновных были приговорены к исключительной мере наказания, замененной Инессе на 15 лет тюрьмы [1187] .

По другим данным, умер вице-адмирал 21 июля 1983 года [1188] .

Холостяковы как жили вместе, так и легли в одну могилу на

Кунцевском кладбище. На черной полированной плите две фотографии и массивный якорь. Стараниями родственников в Барановичах открыт дом-музей героя-моряка, в 1984 году на воду сошел сухогруз с его именем на борту. Но очень мало известно было о жизни моряка, пока его воспоминания, урезанные цензурой, не были дополнены стараниями Бориса Попова в книге «Трагедия на Тверском бульваре».

ХОРОШХИН БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ Командующий Ладожской флотилией

Б.В. Хорошхин отличился в Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной войнах, воевал на Балтике и флотилиях. Он единственный из всего списка командующих в годы войны погиб в ходе боевых действий.

Родился Борис Хорошхин 30 июня (12 июля) 1892 года в Санкт-Петербурге. На службе во флоте он состоял с 1910 года. В 1913 году Хорошхин окончил Морской корпус. В годы Первой мировой войны он был офицером для связи с войсками и крепостями на Балтийском флоте, вахтенным начальником линейного корабля «Севастополь». В мае-октябре 1915 года его временно откомандировали на транспорт «Мартин» для осуществления десантной операции в Рижском заливе. В 1916 году моряк служил ротным командиром, вахтенным начальником линейного корабля «Севастополь». 30 июля 1916 года его произвели в лейтенанты. После Октябрьской революции Хорошхин продолжил службу в той же должности до августа 1918 года. Моряк участвовал в Ледовом походе Балтийского флота. С 1918 года он состоял в Красном флоте [1189] .

Летом 1918 года в составе 4-го экспедиционного отряда моряков Балтийского флота, набранного из Кронштадтской базы и с кораблей, Хорошхин был направлен на Северный фронт. Отряд численностью 1000 человек 18 августа прибыл к Котласу, а 20 августа вступил в бой. Моряки остановили наступление противника, а 22–25 августа отбросили его на 60 километров. 31 октября 1918 года отряд возвратился на Балтику. В приказе по Балтийскому флоту от 13 ноября 1918 года были отмечены заслуги отряда. В следующем году наиболее отличившиеся моряки были награждены [1190] . Хорошхин остался на флотилии. С августа 1918 по сентябрь 1919 года он был начальником артиллерии, исполнял обязанности командующего Северо-Двинской военной флотилией [1191] .

8 июня 1919 года начальник артиллерии Северо-Двинской военной флотилии Хорошхин (Хорошкин), как моряк 4-го экспедиционного отряда Балтийского флота, был награжден орденом Красного Знамени за то, что руководил огнем всех орудий под обстрелом неприятеля, в результате чего удалось заглушить огонь неприятельской артиллерии, подбить корабль

«Опыт» и заставить противника отступить [1192] .

Моряк участвовал в боях против войск генерала А.И. Деникина в районе Мариуполь – Перекоп. В сентябре 1919 – мае 1920 года Хорошхин был первым помощником командира линкора «Севастополь», в мае 1920 года – ревизором отряда Петроморбазы. В июне 1920 года он служил командиром вооруженного парохода «Спасск» Морских сил Черного моря, командиром дивизиона речных канонерских лодок, в июне-июле командовал отрядом судов Днепровской военной флотилии, а с июля 1920 до августа 1922 года командовал этой флотилией [1193] .

Усть-Днепровскую флотилию с главной базой в Николаеве создали в составе Морских сил Черного и Азовского морей для обороны Херсона от войск Врангеля в июне 1920 года. С 28 июля 1920 года флотилия была подчинена начальнику Действующего отряда судов Черного моря, в оперативном отношении – 52-й стрелковой дивизии. Флотилию составили 5 канлодок, посыльное судно, 2 плавбатареи, пароход, 5 катеров, 3 бронекатера и другие суда. Взаимодействуя с сухопутными войсками, флотилия не позволила противнику прорваться в Днепровско-Бугский лиман, участвовала в налетах на вражеские части и разгромах кулацких мятежей. С 7 июля 1921 года флотилия подчинялась командующему Харьковским военным округом и 21 марта 1922 года была расформирована [1194] .

За храбрость и мужество, проявленные в боях, Хорошхин первым из военных моряков был награжден вторым орденом Красного Знамени. В приказе РВСР от 10 ноября 1920 года было написано: «Награждается вторично орденом Красного Знамени начальник дивизиона канлодок действующего отряда судов Черного моря военный моряк Хорошкин Борис Владимирович за то, что, имея в своем распоряжении две речные канонерские лодки, вооруженные двумя 75-мм пушками, буксир и два катера, своей распорядительностью и храбростью 7 и 22 августа 1920 года способствовал переправам наших войск через Днепр в районе города Алешки. 18 июля того же года, обстреливая противника и перевозя под усиленным огнем свои десантные части, прикрывал высадку десанта у деревни Рыбальче. 24 и 25 июля руководил десантной операцией у местечка Станислав; 14, 21 и 24 сентября по собственной инициативе выслал отряд в целях разведки… войск противника, причем 24 сентября разведывательными отрядами у хутора Шабе было захвачено 17 пленных. 12 и 23 августа при отходе наших сухопутных частей… Херсонской группы взял на себя весь удар противника. Под его ураганным огнем перевозил части… не давая противнику ни

одного раза переправиться на наш берег…» [1195]

В августе 1922 года Хорошхин командовал канонерской лодкой «Терец», затем до января 1923 года был командиром дивизиона канонерских лодок Морских сил Черного моря. В 1923 году он состоял начальником отряда судов пограничной охраны войск ОГПУ, затем до августа 1925 года находился в бессрочном отпуске. С августа 1925 года Хорошхин был командиром отдельного дивизиона бронекатеров реки Западной Двины. С июля 1926 по июнь 1931 года моряк командовал отрядом судов Днепровской военной флотилии. В 1929 году он окончил Курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии имени М.В. Фрунзе. С июня 1931 по ноябрь 1937 года Хорошхин был командующим Днепровской флотилией. С ноября 1937 по апрель 1938 года Хорошхина оставили в распоряжении Главного управления ВМФ. В апреле 1938 года его назначили командиром плавбазы «Нева». В августе 1938 года моряка репрессировали. В октябре 1939 года его восстановили в кадрах ВМФ. С января 1940 года Хорошхин служил начальником исторического отдела Главного штаба ВМФ. Великую Отечественную войну Хорошхин начинал в июле-августе начальником ОВРа Главной базы КБФ [1196] .

В этот период он участвовал в минных постановках. В частности, 6 июля капитан 1-го ранга командовал отрядом из эсминцев «Сильный», «Сердитый», «Энгельс», сторожевых кораблей «Снег», «Туча», которые ставили мины в Ирбенском проливе. На подступах к месту постановки отряд вступил в перестрелку с плавбазой и 2 тральщиками противника. Это был первый бой артиллерийских кораблей в Великой Отечественной войне. Только поставив 130 мин, Хорошхин приказал преследовать неприятельские корабли, но догнать их не удалось [1197] .

В августе 1941 года моряка назначили командующим Ладожской военной флотилией.

В начале Великой Отечественной войны командующие флотилией менялись очень часто. Основу флотилии составил отряд учебных кораблей, который пополняли мобилизованными вооруженными судами. К примеру, канонерские лодки оборудовали из землеотвозных шаланд.

При формировании флотилии временно исполняющим обязанности с 25 по 30 июня 1941 года состоял В.П. Барановский, затем до 18 июля флотилией командовал С.В. Земляниченко. 18 июля наконец прибыл ему на смену П.А. Трайнин, который уже был командующим Ладожской флотилией в 1939–1940 годах. Однако и Трайнин командовал недолго. Он был ранен при

высадке на остров Лункулунсари, а 28 июля арестован по обвинению в оставлении части имущества в Риге при ее эвакуации. Его обязанности временно (с 24 июля по 8 августа) исполнял начальник штаба флотилии В.П. Боголепов, который и сдал командование Хорошхину [1198] . Тому пришлось принять на себя наиболее трудные первые бои.

За август – октябрь Хорошхин руководил организацией и первыми боевыми действиями флотилии. В аттестации этого времени было сказано: «Командуя флотилией, проявил исключительную храбрость и настойчивость по руководству боевыми операциями против флангов противника, под огнем противника лично руководил эвакуацией из окружения частей 142, 168 и 198 дивизий. Показал себя мужественным, храбрым и настойчивым командиром. Беспощадно борется с трусами и паникерами. Благодаря умелому руководству, при незначительных потерях в личном составе и материальной части, из окружения противника кораблями флотилии вывезено до 26 тыс. бойцов, командиров и политработников Красной Армии, 155 орудий, 781 автомашина» [1199] .

После кровавых боев под Питкярантой, Кексгольмом, Сортавалой 10 августа поступил приказ командования эвакуировать три дивизии с побережья. Под обстрелом противника было вывезено около 23 тысяч бойцов и командиров, 155 орудий, 781 автомашина, 5031 лошадь, 1209 повозок, 10 тысяч тонн ценнейших грузов, десятки тысяч гражданских лиц и раненых. Телеграмма, подписанная К.Е. Ворошиловым и А.А. Ждановым, гласила: «Пример эвакуации 168-й дивизии из-под Сортавалы в исключительно тяжелых условиях показал, что при умелом и твердом руководстве можно даже под огнем противника вывести всех людей и технику» [1200] .

16 сентября 1941 года Хорошхина произвели в контр-адмиралы [1201] . В октябре В.С. Чероков вручил Хорошхину орден Красного Знамени, которым Хорошхина наградили за минные постановки в начале войны [1202] .

Но в сентябре перед флотилией встали новые, крайне сложные задачи. Ленинград, в котором оставалось 2,5 миллиона жителей, был почти отрезан от страны, и запасы продовольствия в городе катастрофически сокращались. Кроме воздушного моста, продовольствие, подкрепления и другие грузы можно было доставлять лишь по Ладожскому озеру. 30 августа Государственный Комитет Обороны принял постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда». Уже 1 сентября Военный совет Ленинградского фронта принял постановление об организации погрузки и разгрузки, подготовке необходимого

числа судов и других мерах. За перевозки отвечал начальник тыла фронта. 2 сентября Военный совет приказал командующему Ладожской военной флотилией Хорошхину организовать конвоирование, противоминную оборону, навигационное и спасательное обеспечение судов, двигающихся по озеру, каналам и рекам Свири, Волхову, Неве. Для непосредственного обеспечения транспортных операций в штат флотилии ввели должность заместителя командующего, на которую назначили капитана 1-го ранга Н.О. Абрамова. Но уже 30 августа гитлеровцы вышли к Неве, а 8 сентября овладели Шлиссельбургом. Потребовалось создавать новые пункты разгрузки и погрузки [1203] .

Хорошхин по характеру предпочитал бой текущей работе. Прибывший на смену В.С. Чероков позднее рассказывал о старом моряке, что тот был человеком отважным и энергичным; он предпочитал не опираться на подчиненных, а действовать временами за них. К примеру, он не поехал с Чероковым к командующему 7-й отдельной армией К.А. Мерецкову, чтобы познакомить его с новым командующим флотилией. Хорошхин сам на канонерской лодке отправился подавлять неприятельскую батарею на мысе Гумбарица [1204] . Видимо, поэтому его заменили на посту командующего В.С. Чероковым, когда встал вопрос о том, что флотилии предстоит не столько воевать, сколько обеспечить снабжение Ленинграда.

В октябре-ноябре 1941 года моряк оказался в распоряжении Военного совета КБФ. Затем его направили на Волжскую военную флотилию. С ноября 1941 по июнь 1942 года Хорошхин командовал бригадой речных кораблей, в июне-июле 1942 года был командиром бригады траления, а с июля – заместителем командующего флотилией. На Хорошхина была возложена задача создания системы защиты Волжской водной коммуникации, при ко торой были бы обеспечены бесперебойные перевозки по реке в условиях сильного противодействия авиации противника и большой минной опасности. Бригада траления расчищала фарватеры. Тралами вооружали мобилизованные транспортные и промысловые суда. В боевой аттестации на Хорошхина было написано: «Неутомимо, днем и ночью проверял работу тральщиков, встречал и провожал караваны речных судов, давал указания и рекомендации капитанам и лоцманам судов по безопасности плавания, контролировал посты противоминного наблюдения» [1205] .

Моряк погиб 1 августа 1942 года. Бронекатер, на котором он шел, подорвался на мине и затонул вместе с экипажем под деревней Ступино, в 150 километрах южнее Сталинграда. За службу

Хорошхин был награжден 3 орденами Красного Знамени (1919, 1920, 1941), медалью «XX лет РККА» (1938). Его имя после смерти было присвоено кораблю ВМФ [1206] .

ЧЕРОКОВ ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ Командующий Ладожской флотилией

В.С. Чероков прошел путь моряка от помощника вахтенного начальника до командующего флотилией. Большую часть войны он обеспечивал перевозки по Ладожскому озеру, от которых зависела жизнь Ленинграда.

Родился Виктор Чероков 10 (23) ноября 1907 года в городе Ордубат, ныне Нахичеванская Республика, Азербайджан. В мае 1930 года Чероков окончил Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе. После училища с мая по ноябрь 1930 года моряк был помощником вахтенного начальника, а затем до марта 1932 года командовал торпедным катером. В 1933 году Чероков окончил курсы телемеханики при Учебном отряде подводного плавания.

С марта 1932 по август 1933 года моряк был командиром-водителем дивизиона, затем до августа 1936 года – командиром 2-го дивизиона, а в августе-ноябре 1936 года – командиром учебно-испытательного дивизиона торпедных катеров. С ноября 1936 по февраль 1939 года Чероков досрочно окончил командный факультет Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. С февраля 1939 года его назначили командиром бригады торпедных катеров Краснознаменного Балтийского флота. В советско-финляндской войне 1939–1940 годов Чероков командовал операцией по захвату острова Большой Тютерс в Финском заливе, прикрывал боевыми действиями катеров высадку десанта на остров Гогланд, командовал отдельным отрядом кораблей. В начале Великой Отечественной войны он находился в прежней должности. С августа 1941 года Чероков вновь командовал бригадой торпедных катеров. Под его руководством катера провели десятки самостоятельных дерзких операций, наносили удары по кораблям и транспортам противника в Финском и Рижском заливах [1207] . С дивизионом торпедных катеров моряк участвовал в Таллинском прорыве. После прибытия в Кронштадт Черокова назначили комадиром Отряда кораблей реки Невы, который он сформировал на базе бригады торпедных катеров. В составе отряда состояли недостроенные эсминцы «Стройный», «Строгий», 4 канонерские лодки, 3 сторожевых корабля, 4 тральщика, 4 бронекатера, торпедные катера, малые охотники и плавучая батарея. Штаб отряда располагался на плавучей базе «Банга». Уже 30 августа

эсминцы по заявкам войск открыли огонь. Кроме поддержки защитников Ленинграда, морякам приходилось бороться с плавучими минами, которые противник посылал по течению Невы. 9 октября Черокова назначили командующим Ладожской военной флотилией. Он получил приказ обеспечить перевозку людей и грузов в Ленинград по Ладожскому озеру и помочь прокладке телефонного кабеля через Ладогу [1208] .

Чероков командовал флотилией с октября 1941 по ноябрь 1944 года [1209] . 13 октября он принял командование у Б.В. Хорошхина [1210] .

Флотилию организовали в начале войны на базе немногих кораблей, оказавшихся на Ладоге, и судов Балттехфлота и Северо-Западного речного пароходства. К середине октября в составе флотилии было 6 канонерских лодок, 2 сторожевых судна, 5 транспортов, 2 шхуны; в охране водного района состояло 6 малых охотников, 2 бронекатера, 16 тральщиков, два десятка малых катеров. На суше флотилия располагала 6 батареями, стрелково-пулеметной ротой, имела немного морской пехоты и строительный батальон. Для перевозок Северо-Западное пароходство имело 5 озерных, 72 речных буксира, 29 озерных и около 100 речных деревянных барж по 300–400 тонн грузоподъемности; в большинстве они мало годились для осенних перевозок на Ладоге [1211] .

К этому времени и у Осиновецкого маяка, и на другом конце озерного пути не существовало оборудованных для разгрузки причалов. У пристаней, роль которых играли баржи, глубины были малы для причаливания крупных судов. Наличная зенитная артиллерия не могла спасти флотилию от ударов с воздуха. Самолетов почти не было. Осенняя погода задерживала передвижения озерных судов и барж, которые временами гибли в шторм. Не существовало ни ремонтных, ни топливных баз [1212] . Однако флотилия действовала.

В середине октября флотилия получила приказ перебросить для усиления войск Волховского фронта 4-ю, 191-ю стрелковые дивизии и 6-ю отдельную бригаду морской пехоты. Задача была выполнена 4 ноября. Несмотря на бурную осеннюю погоду, было перевезено 20 334 человека, 129 орудий, больше сотни танков, автомашин, тракторов, около 1000 лошадей. Войска с ходу вступали в бой [1213] .

Наряду с боевой деятельностью по поддержке войск и боями с неприятельскими кораблями и самолетами Чероков организовал бесперебойную доставку грузов для блокированного Ленинграда и эвакуацию мирного населения. Осенью 1941 года последние суда с грузами проводили через замерзавшее озеро,

после чего корабли и суда флотилии поставили на зимовку. За военные месяцы моряки перевезли 34 900 человек и 61 700 тонн грузов (продовольствие, оружие, боеприпасы) [1214] . 29 октября была завершена прокладка кабеля для связи с Большой землей [1215] .

Трассу ледовой Дороги жизни прокладывали по указаниям флотских гидрографов. Перевозки начали с 22 ноября. Благодаря регулярной доставке продовольствия с 25 декабря удалось увеличить нормы выдачи хлеба [1216] .

В зимнее время моряки флотилии ремонтировали корабли и обеспечивали охрану Дороги жизни по льду Ладожского озера от ударов с воздуха. Строили железные и деревянные баржи, самоходные тендеры для перевозки грузов, порты и причалы на двух концах трассы. 24 апреля было прекращено движение по Дороге жизни [1217] . Теперь задача перевозок ложилась на флотилию.

9 апреля 1942 года Государственный Комитет Обороны (ГКО) поставил перед наркомом ВМФ задачу обеспечения доставки через Ладожское озеро ежедневно 4200 тонн грузов (2500 тонн продовольствия, 300 тонн боеприпасов, 300 тонн горюче-смазочных материалов, 1000 тонн горючего). Следовало вывозить 3 тысячи человек гражданских лиц и раненых. Кроме того, флотилии предстояло проводить оперативные перевозки грузов и войск для нужд флота и фронта. Чтобы обеспечить выполнение этих нелегких требований, ГКО тем же постановлением подчинил командующему Ладожской флотилией озерный и речной флот Северо-Западного речного пароходства с портами, пристанями, береговым устройством и вспомогательными предприятиями. Кроме перевозок, флотилии следовало прикрывать движение судов, содействовать 7-й и 23-й армиям и войскам Волховского фронта в прибережных зонах [1218] .

К началу навигации были созданы порты с причалами и оборудованием. К портам была подведена сеть дорог, организованы оперативная группа и диспетчерская по перевозкам.

Весна запоздала, и пришлось спасать корабли, оказавшиеся в опасном положении из-за подвижки ледового покрова. Только 21 мая первое судно пробилось сквозь тающие льды. К концу месяца перевозки стали регулярными, несмотря на льды и массированные атаки неприятельской авиации. Советские истребители вели ожесточенные бои с противником. Несмотря на авиационные налеты и навигационные потери, в начале навигации суда перевозили в сутки 3200 тонн, а в июле-августе 6–7 тысяч тонн [1219] .

За лето по дну Ладожского озера была проложена труба для подачи жидкого топлива и силовые кабели для снабжения Ленинграда электричеством [1220] .

В 1942 году на Ладожском озере были сосредоточены германские, итальянские и финские корабли и катера, которым следовало прервать грузопоток. Однако эффективность их действий оказалась невелика, тогда как корабли флотилии 27 июля обстреляли бухту, в которой базировался противник. Сам Чероков не раз выходил в боевой поход. Не удалось неприятелю помешать перевозкам и минными постановками. Чтобы обеспечить суда от нападения кораблей противника, было установлено несколько береговых батарей.

В сентябре германское командование предприняло попытку захватить Ленинград. Однако советские войска при поддержке КБФ обескровили наступающих и сорвали попытку взять город. Свою роль сыграла и Ладожская флотилия. Корабли, несмотря на удары с воздуха и потери, обстреливали позиции противника. Успешно действовали летчики и катерники, отражали попытки неприятеля помешать перевозкам.

Чероков осуществлял руководство разгромом неприятельского отряда, пытавшегося 22 октября 1942 года высадить десант на остров Сухо. На острове в 1942 году были установлены 3 100-мм орудия. Батарея прикрывала вход в Волховскую губу. Мимо нее проходила основная судоходная трасса. Потому Сухо противник избрал как цель для своего десанта. Утром 22 октября с патрульного тральщика ТЩ-100 и МО-171 сообщили, что появились неприятельские суда. Позднее стало известно, что атаковали 14 десантных катеров и 24 самоходные баржи. Более сотни стволов орудий обрушили огонь на небольшой искуственный островок. Затем Сухо атаковали с воздуха. Гитлеровцам удалось высадить десятки автоматчиков на берег, но защитники острова отбросили десантников. Единственное уцелевшее орудие повредило десантную баржу. Тральщик и МО поддерживали защитников огнем. Тем временем Чероков узнал о нападении и послал к Сухо все боеготовые корабли. К месту боя стягивали 4 канонерские лодки, тральщики, малые охотники, бронекатера и торпедные катера. Из Новой Ладоги выслали озерный буксир «Морской лев» с ротой морской пехоты и медиками. Контр-адмирал направлял информацию в Главный штаб ВМФ, в штаб КБФ, в штабы ближайших фронтов и армий. Были приняты широкие контрмеры. По берегу развернули сухопутные войска. По десантным судам противника нанесла удар авиация. Неприятель, потеряв 2 десантные баржи, удалился. ТЩ-100, приняв на борт раненых, по приказу Черокова вывез их в

Новую Ладогу [1221] .

Так как командующий считал, что следует добить противника, с флангов неприятеля атаковали малые охотники, высланные на перехват. Они связали боем неприятеля, позволив подойти тихоходным канонеркам. Те завязали бой на предельной дистанции и подбили одну десантную баржу. Эту баржу и десантный катер моряки взяли как трофеи. Они послужили образцами для изучения техники противника. Советское информбюро сообщало, что действиями кораблей и авиации уничтожено до 16 десантных судов и 15 самолетов противника [1222] .

В октябре Военный совет КБФ обратился к ладожцам с призывом вдвое увеличить перевозку грузов по сравнению с летом. Несмотря на тяжелую штормовую погоду, которая составила 72 дня за лето, несмотря на потерю 21 судна от ударов авиации и 34 судов от непогоды, моряки наращивали перевозки. Потери составили всего 0,4 процента от перевезенных грузов. Грузов доставляли так много, что возникли трудности с разгрузкой. Перевозки продолжали и после ледостава. Командование шло на потерю судов, чтобы до последнего момента доставлять грузы. В ноябре суда шли во льду. В декабре, когда установилась ледовая трасса, продолжали перевозки на канонерских лодках и металлических баржах. Последний конвой провели 7 января 1943 года, но еще неделю шли отдельные суда. Только 20 января поступил приказ судам и кораблям приступить к зимнему ремонту. За 194 дня навигации озеро пересекли 21 700 судов, которые перевезли 1 009 700 тонн грузов. Было доставлено 300 тысяч человек пополнения и вывезено более 500 тысяч эвакуированных и раненых [1223] .

12 января наконец началась операция «Искра», для которой флотилия и везла срочно грузы и людей. Ленинградский и Волховский фронты перешли в наступление и 18 января соединились юго-восточнее Шлиссельбурга. Участвовала и артиллерия Ладожской военной флотилии. Чероков руководил действиями флотилии при прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 года. Прорыв блокады позволил соединить Ленинград с Большой землей железной дорогой. Однако потребности города и фронта были столь велики, что и в 1943 году Ладожской флотилии предстояло продолжить перевозки. За зиму боевые корабли, в первую очередь канонерские лодки, получили более мощное вооружение, современную технику, уделили время тактической подготовке командного состава.

Уже 26 марта 1943 года канлодка «Шексна» прошла к Кабоне, взрывая ледовые перемычки, а в конце марта – начале апреля

перевозки были налажены, несмотря на атаки с воздуха. 26 марта флотилия получила увеличенный по сравнению с прошлым годом план перевозок. Но ранняя весна не исключала подвижек льда. Под давлением льдов погиб транспорт «Вилсанди». Погиб на мине тральщик ТЩ-126. Оба были подняты и восстановлены.

Несмотря на авиационные налеты, перевозки резко возросли. Однако летом требования к перевозкам были уменьшены, так как центр боевых действий сместился к Курской дуге. Часть тендеров была отправлена в Ленинград и на Черное море. Ладожская флотилия получила указание главным образом наносить удары по противнику.

Оперативные перевозки не прекращались. Флотилия обеспечивала войска 2-й ударной армии всем необходимым, затем за 5 дней перебросила на западный берег 86-ю стрелковую дивизию и 76-ю отдельную морскую стрелковую бригаду (8 тысяч человек с вооружением и техникой). Перевозки продолжали до ноября [1224] .

Силы Ладожской военной флотилии в 1943 году пополнили доставленные по суше подводные лодки М-77 и М-79, новые тральщики. Подводники высаживали разведывательные группы, которые позволяли осветить положение неприятельских сил. В течение кампании 1943 года корабли и части флотилии успешно справились с разведывательными операциями и выполнили план перевозок для фронта. Озерные корабли систематически поддерживали сухопутные войска, совершали набеги на неприятельские коммуникации.

Навигацию продолжали до 3 января 1944 года. За время кампании было более 20 активных боевых столкновений на воде, более сотни выходов кораблей для поддержки сухопутных войск, доставлено на западный берег более 160 тысяч пополнения для флота и фронта. По озеру перевезли 556 816 тонн грузов, 20 процентов от всего числа грузов, доставленного в Ленинград всеми видами транспорта. Моряки перевезли 162 076 человек, возвращавшихся в город [1225] .

Флотилия поддерживала перевозки по Ладоге все время, пока блокада не была полностью снята в январе 1944 года. После этого Черокову пришлось организовать траление мин на озере и Неве. 22 января 1944 года его произвели в контр-адмиралы [1226] .

За все время блокады через Ладогу на судах и по льду перевезли 1 848 645 человек и 2 335 051 тонну грузов. 29 марта 1944 года Чероков доложил Военному совету КБФ о суточной готовности кораблей флотилии. Навигация началась уже в марте, хотя лед и мешал временами перевозкам. Но план перевозок был значительно сокращен, и флотилии в 1944 году предстояло

главным образом содействовать флангам сухопутных войск. В состав флотилии прибыло еще 3 подводные лодки типа «М» [1227] .

Чероков организовал в 1944 году усиленную боевую подготовку кораблей и частей флотилии для предстоящих операций на суше и на море. Часть мобилизованных судов флотилия вернула гражданским пароходствам. Но оставшихся сил было достаточно для выполнения боевых задач. Весной корабли флотилии неоднократно обстреливали берега, занятые противником, определяя расположение неприятельских батарей [1228] .

Контр-адмирал руководил демонстрацией высадки десанта 12 июня 1944 года у мыса Илланиниеми, что способствовало прорыву линии Маннергейма и взятию Выборга.

11 июля Чероков получил приказ командующего Ленинградским фронтом генерала армии Л.А. Говорова провести демонстративную высадку в районе мыса Илланиниеми. Корабли флотилии поддержали артподготовку, начатую артиллерией фронта. Для десанта спешно сформировали отряды высадки и поддержки. Из-за тумана вместо утра 12 июня высадку провели после 17.00. Противник сосредоточил огонь по десантникам; в свою очередь, канлодки обрушились на обнаружившие себя огневые точки противника. Командующий 23-й армией генерал-лейтенант А.И. Черепанов высоко оценил действия десанта: «Демонстративный десант сковал значительные силы противника и не дал ему перебросить свои войска на правый фланг, где наносился главный удар» [1229] .

Благодаря совместным действиям 20 июня был освобожден Выборг. В июне-августе Ладожская военная флотилия участвовала в Свирско-Петрозаводской наступательной операции. Корабли флотилии прикрывали фланги 7-й армии, обеспечивали форсирование рек, высаживали десанты в тыл противника. В этот период флотилия провела самостоятельно 9 операций на побережье, занятом противником [1230] .

Еще до взятия Выборга, 14 июня, командующий Карельским фронтом генерал армии К.А. Мерецков ознакомил Черокова с замыслом Свирско-Петрозаводской операции, в ходе которой следовало очистить от противника Карелию. Флотилии следовало высадить 70-ю морскую стрелковую бригаду в районе Гумбарицы или бухты Андрусово. Однако Чероков со штабом избрал более удобное место, в районе междуречья Видлицы и Тулоксы. Его предложение было принято Мерецковым. Флотилия 18 июня получила задачу способствовать действиям 7-й армии и готовиться к высадке десанта в районе устьев рек Видлица,

Олонка. Операция была подготовлена в срок, к 20 июня. Командование операцией Чероков оставил за собой. Для проведения операции было выделено более 70 кораблей (подводные лодки, канонерские лодки, катера, тральщики, транспорты и другие суда). Суда, которым предстояло доставить десант на берег, были оборудованы трапами, а десантники на них – прикрыты броневыми листами и мешками с песком. Для прикрытия и поддержки с воздуха были выделены значительные силы авиации; для управления воздушными силами – оборудован командный пункт на канонерской лодке «Бира». Чтобы обеспечить взаимодействие, создали «план артиллерийско-авиационного наступления». К вечеру 19 июня корабли и суда были собраны вдоль левого берега Волхова в ожидании приказа [1231] .

До начала Тулоксинской десантной операции по просьбе командования 7-й армии моряки обеспечили переправу войск через Свирь. Сначала авиация разрушила плотину, чтобы противник не мог открыть заслонки и смыть десантников. Затем началось форсирование реки при поддержке артиллерии катеров. С 21 по 25 июня тендеры флотилии перевезли тысячи людей, сотни автомашин, орудий, 1770 лошадей, 1407 повозок и 3220 тонн грузов. Остальную часть перевозок осуществили суда Северо-Западного речного пароходства [1232] .

22 июня Ладожская флотилия получила приказ приступить к Тулоксинской десантной операции. В 15.25 передовые корабли выступили от Волхова на север. Чероков поднял флаг на канонерской лодке «Бира». Пока суда двигались к цели 5-узловой скоростью, авиация и сухопутные войска перешли в наступление и заняли район Гумбарицы, где первоначально был намечен десант. В 5.00 корабли поддержки подошли к цели и открыли огонь, через 45 минут берег атаковали самолеты. Первая волна десанта почти не понесла потерь. Вместе с десантниками высадились корректировочные посты и коменданты пунктов высадки, направлявшие высаженные войска. Благодаря радиосвязи Чероков имел надежную связь с берегом [1233] .

Германские «Юнкерсы» атаковали корабли флотилии, воспользовавшись моментом, когда советские истребители ушли на заправку, но были отбиты зенитным огнем. Эффект их бомбежки оказался невелик. К 6.20 десантники закрепились на берегу и отражали неприятельские атаки при поддержке кораблей флотилии. Моряки катеров под обстрелом доставляли на плацдарм грузы и подкрепления. Для выгрузки были построены причалы и поставлены две баржи [1234] .

В первый день Тулоксинской десантной операции был захвачен плацдарм в тылу противника, перерезаны железная и

шоссейная дороги. Однако к вечеру 23 июня противник усилил контрдействия. На следующий день плохая погода и отсутствие поддержки авиации заставили десант перейти к обороне. В критический момент Черокову пришлось приказать командиру канлодки «Бурея» стрелять прямой наводкой по наступавшему врагу. С кораблей на берег передали боеприпасы, которые из-за шторма не могли доставить катера. Флотилия обеспечила дополнительную высадку на плацдарм 3-й отдельной бригады морской пехоты.

Побывав на берегу, Чероков по возвращении на борт канлодки послал донесение командующему фронтом и командующему флотом о положении вещей. Штормовая погода мешала доставке грузов и вывозу раненых. 3-я бригада начала высадку вечером 24 июня, но последние эшелоны оказались на берегу только утром 25 июня. 26 июня десантники продвинулись вперед. К утру 27 сентября они форсировали Видлицу и сблизились с частями 7-й армии, а в полночь и соединились с ними. Соединившиеся войска двигались вдоль берега на север при поддержке кораблей флотилии. 28 июня Тулоксинская десантная операция была завершена. Войска Карельского фронта при поддержке Ладожской и Онежской флотилий вышли на государственную границу СССР [1235] .

Ладожская военная флотилия 2 июля 1944 года была награждена орденом Красного Знамени. Ее корабли продолжали поддерживать наступление войск вдоль побережья озера. 18 июля Совинформбюро сообщило, что корабли флотилии высадили десант на остров Вуарайсунсаари и заняли остров. Это была последняя операция Ладожской флотилии [1236] .

В боевой характеристике Черокова было записано: «В период наступательных операций войск Ленинградского и Карельского фронтов в 1944 году флотилия принимала активное участие при наступлении войск Ленфронта, на правом фланге флотилия выполнила огневую поддержку и демонстративную операцию по высадке десанта. При наступлении войск Карельского фронта огнем канонерских лодок, бронекатерами поддерживала фланг наступающих частей КА и в ходе наступления выполнила задачу по высадке двух стрелковых бригад… За боевые успехи флотилия награждена орденом Красного Знамени» [1237] .

Имя Черокова упоминали в приказах Верховного главнокомандования.

4 сентября Финляндия прекратила боевые действия на Ладожском озере. Вскоре корабли флотилии перевели в Прибалтику, и они создали ядро Рижского морского оборонительного района [1238] . В ноябре 1944 – январе 1945

года контр-адмирал командовал Рижским морским оборонительным районом, сформированным на основе Ладожской флотилии, а с января 1945 года – Островным морским оборонительным районом. С июня 1947 по март 1948 года Чероков был командиром Рижской военно-морской базы 8-го ВМФ, с марта по декабрь 1948 года – командующим Беломорской военной флотилией. С декабря 1948 по февраль 1950 года Чероков окончил военно-морской факультет Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова. С августа 1850 по май 1953 года моряк являлся старшим советником при командующем польским ВМФ. 3 ноября 1951 года его произвели в вице-адмиралы. После возвращения, с мая 1953 по январь 1956 года, Чероков стал первым заместителем командующего – начальником штаба 4-го ВМФ. Затем до февраля 1957 года он командовал Восточно-Балтийской флотилией КБФ. С февраля 1957 по сентябрь 1960 года Чероков – начальник военно-морского факультета, затем до октября 1970 года – начальник кафедры Военной академии Генштаба Министерства обороны. С октября 1970 года вице-адмирал был в запасе. Моряка наградили 2 орденами Ленина (1943, 1952), 3 орденами Красного Знамени (1940, 1942, 1945), орденами Ушакова II степени (1944), Трудового Красного Знамени (1967), Красной Звезды (1944), Отечественной войны I степени (1944, 1985), медалями, именным оружием (1957), польским орденом (1953) [1239] .

На склоне лет Чероков стал писать воспоминания. Часть из них опубликована:

Чероков В.С. Годы и люди, которых забыть нельзя // Ладога родная. Воспоминания ветеранов Краснознаменной Ладожской флотилии. Л., 1969; *Он же.* Гром с Ладоги. Петрозаводск, 1984; *Он же.* Для тебя, Ленинград! М., 1978.

Скончался В.С. Чероков 21 февраля 1995 года в Москве. Похоронили его на Троекуровском кладбище [1240] .

Заключение

Перед вами, уважаемый читатель, прошли десятки лиц. Каждый из моряков был человеком выдающимся. Иначе они не смогли бы достигнуть своих постов и удержаться на них в трудное время перемен, репрессий и превратностей судьбы в годы войны. Они имели различные судьбы. Однако можно вывести и определенные закономерности.

Почти все командующие флотами и флотилиями выходили из трудового народа и низшего слоя интеллигенции. В детстве они не получали какого-либо особого образования. Однако их воспитание заложило основу будущей деятельности. Система военно-морского образования и продвижения по службе позволяла выдвигать способных и энергичных людей. Значительная часть именно таких людей шла на флот, который в предвоенные годы служил прибежищем тех, кто хотел найти дело для настоящего мужчины. А моряков в то время уважали во всей стране.

Благодаря тому что в Военно-морском училище и Военно-морской академии сохранились кадры специалистов старого флота, молодая поросль моряков впитала лучшее из традиций и получила ту базу знаний, которая позволила им создать основу следующих уровней развития морского дела, которые называли школами Н.Г. Кузнецова и С.Г. Горшкова. Эти школы базировались на всем опыте Российского военно-морского флота. Моряки обретали новые знания в ходе плаваний и боевых действий. Знания эти развивались в соответствии с совершенствованием военно-морской техники и, в свою очередь, развивали военно-морскую науку.

Для молодых людей, вышедших из рядов трудового народа, служба во флоте, даже матросами, нередко была шагом вперед. Жизнь на корабле или в отдаленном гарнизоне была лучше, чем в деревне или на окраине города. Привыкшим к нелегкой работе было сравнительно проще справляться с бытовыми трудностями и тяготами службы, чем современному молодому поколению.

Многие флагманы Великой Отечественной войны в молодости участвовали в Гражданской войне, кто на море или реках, а кто – на суше. Большинство их пришло на флот добровольно. В 20–30-х годах быть моряком было весьма престижно. Понятно, что почти все добровольцы относились к числу комсомольцев. Именно Российский коммунистический союз молодежи формально объявил себя шефом Красного флота. Лучших комсомольцев и направляли в учебные заведения и на

корабли флота.

Люди одного слоя, командиры и матросы, были близки в повседневной жизни. Когда советские корабли приходили в иностранный порт, местных жителей удивляли необычайно дружественные отношения офицеров и подчиненных. Расслоение началось значительно позднее.

Бывших офицеров, участников Первой мировой войны, среди командующих к началу Великой Отечественной войны было немного. Сказались избиения старых кадров в 20–30-х годах, после которых на важные посты выдвинули молодежь способную, но не имевшую опыта командования крупными объединениями. Правда, следует учесть, что репрессии коснулись и молодых командиров пролетарского происхождения. Не всем им, как Холостякову, удалось добиться освобождения.

Многие проблемы в начале войны возникали именно из-за недостатка опыта. Бывших офицеров старались держать на вторых ролях, и первые роли командующих флотилиями им доставались, как правило, при отсутствии других кандидатур и ненадолго. Преимущественно старались выдвигать моряков пролетарского происхождения, членов ВКП(б).

В этом был не только минус, но и плюс. Выдвинутые из низов командиры внесли свежее веяние в жизнь флота.

Большинство командующих по национальности были русскими, меньше было украинцев и белорусов.

За годы войны погиб только один из списка командующих флотами и флотилиями – Хорошхин, да и тот подорвался на тральщике, когда командовал бригадой. Ранения командующих также были редкостью. Это определялось тем, что командующие флотами и флотилиями редко выходили в море сами. Более того, командующим временами даже запрещали командовать операциями в море. Современные средства связи и размах операций Великой Отечественной войны требовали, как правило, управлять своими объединениями с берега. Эта тенденция сохранилась и позднее. В наше время возможно управлять частями и соединениями различных флотов, не уезжая из Москвы.

Только в том случае, когда вставала необходимость срочно решать вопросы в ходе операции, командующие сами принимали в ней участие, располагаясь со штабом на борту корабля или судна. Так действовал командующий Волжской военной флотилией Ю.А. Пантелеев, которому было необходимо срочно наладить противоминную борьбу на просторах Волги. Так действовал командующий Краснознаменной Амурской военной флотилией Н.В. Антонов, когда в ходе Сунгарийской операции

пришлось перейти на штабное судно, чтобы угнаться за кораблями, спешившими к Харбину. Нередко в море для участия в операции выходил командующий Черноморским флотом Владимирский, хотя ему и запрещено было лично командовать операциями. За годы войны из командующих получили звание Героя Советского Союза только Н.Г. Кузнецов и Н.В. Антонов, да и то в конце войны с Японией. Некоторых командующих высокого звания Героя Советского Союза удостаивали уже через многие годы после войны.

Даже те моряки, которые занимали пост командующего недолгое время, оказались способны выполнять важные административные и боевые задачи на других, не менее важных постах. Например, командование бригадой траления на Волге или должность начальника штаба флота мало уступали деятельности на посту командующего флотилией. Те из флагманов, которые временно командовали флотилиями в военные годы, нередко командовали флотами, флотилиями и занимали важные посты после войны. Если не считать отмеченных в текстах биографий недостатков, командующие в основном оказались на высоте положения.

Высказывали мнение, что ход боевых действий в Великой Отечественной войне мог стать иным, если бы во главе флота стояли те более опытные моряки, которых выкосили репрессии 30-х годов. Но история не имеет сослагательного наклонения. События происходили как происходили, и вряд ли можно угадать, каков бы стал ход и исход войны на море, если бы вместо вышеуказанных флагманов флотами командовали, к примеру, М.В. Викторов или И.К. Кожанов.

Литература

Абламонов П.Ф. Адмирал. О дважды Герое Советского Союза С.Г. Горшкове. М.: Политиздат, 1986.

Андреев В А. Моря и годы. М.: Воениздат, 1982.

Андреев В А. Освобождение Сахалина // Мы – тихоокеанцы. Владивосток, 1977.

Багров В.Н. Южно-Сахалинская и Курильская операции. М.: Воениздат, 1959.

Багров В.Н., Сунгоркин Н.Ф. Краснознаменная Амурская флотилия. М.: Воениздат, 1976.

Басистый Н.Е. Море и берег. М.: Воениздат, 1970.

Басов А. Видный советский флотоводец // Военно-исторический журнал. 1969. № 10. С. 50–56.

Бережной С.С. Крейсера и миноносцы: Справочник. М.: Воениздат, 2002.

Бережной С.С. Линейные и броненосные корабли. Канонерские лодки: Справочник. М.: Воениздат, 1997.

Бережной С.С. Советский ВМФ 1945–1995. Крейсера, большие противолодочные корабли, эсминцы // Морская коллекция. 1995. № 1.

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота / Под ред. А.В. Басова М.: Воениздат, 1988.

Боевая летопись Военно-Морского флота, 1941–1942. М.: Воениздат, 1983.

Боевая летопись Военно-Морского флота, 1941–1942. М.: Воениздат, 1992.

Боевые вымпела над Онего: Воспоминания моряков Онежской военной флотилии о Великой Отечественной войне. Петрозаводск: Карелия,1980.

Болгари П., Зоткин Н., Корниенко Д., Любчиков М., Ляхович А. Черноморский флот: Исторический очерк. М.: Воениздат, 1967.

Боярский В., Дмитриев В., Кудинов Н. Пограничный надзор на море. М.: Граница, 2006.

Вайнер Б А. Северный флот в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1964.

Ванеев Г.И. Черноморцы в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1978.

Василевский А.М. Дело всей жизни: Воспоминания. Кн. 2. М.: Политиздат, 1988.

Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. М.: Воениздат, 1970.

Владимирский Л А. Вокруг света на «Полюсе». (Путевые

заметки) // Морской сборник. 1971. № 5–9.

Военно-морская академия (краткая история). Л., 1991.

Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917–1920). Л., 1982.

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Военные флотилии в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1957.

Гельфонд Г.М. Советский флот в войне с Японией. М.: Воениздат, 1958.

Герои Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 1974. № 7. С. 57–58.

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Походы боевые. Эскадра Черноморского флота в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1966.

Головко А.Г. Вместе с флотом. М.: Воениздат, 1979, 1984.

Горшков С.Г. На южном приморском фланге. Осень 1941 г. – весна 1944 г. М.: Воениздат, 1989.

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987.

Григорьев В.В. И корабли штурмовали Берлин. М.: Воениздат, 1984.

Гринкевич В., Корсунский М. Адмирал Трибуц: Биографический очерк. Таллин: Ээсти Раамат, 1980.

Доценко В.Д. Тайны российского флота. СПб.: Terra fantastica; М.: Эксмо, 2005.

Доценко В.Д., Гетманец Г.М. Флот в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб.: Terra fantastica; М.: Эксмо, 2005.

Егоров Г.М. Фарватерами флотской службы: Записки командующего флотом. М.: Патриот, 1999.

Зарембо Н.П. Волжские плесы. М.: Воениздат, 1970.

Захаров С. Адмирал А.Г. Головко // Военно-исторический журнал. 1976. № 6. С. 122–124.

Захаров С. Видный советский флотоводец // Военно-исторический журнал. 1975. № 10. С. 123–126.

Захаров С.Е. и др. Тихоокеанский флот. М.: Воениздат, 1966.

Зимонин В.П., Золотарев В.А., Козлов И.А., Шломин В.С. История флота государства Российского. Т. 2. 1941–1990. М., 1996.

Зонин С.А. Адмирал Л.М. Галлер. М.: Воениздат, 1991.

Зонин С. «Беру ответственность на себя…» // Морской сборник. 1990. № 10. С. 82–85.

Зонин С.А. Верность океану. М.: Политиздат, 1986.

Касатонов В.А. Н.Г. Кузнецов – выдающийся советский флотоводец // Флагманы. М.: Воениздат, 1991. С. 147–168.

Кипнис С.Е. Новодевичий мемориал. Некрополь

Новодевичьего кладбища. М.: Пропилеи, 1995.

Ковальчук В.М. Ленинград и Большая Земля. История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941–1943 гг. Л.: Наука, 1975.

Ковель Ю. От юнги до адмирала // Морской сборник. 1978. № 5. С. 72–73.

Козлов И.А., Шломин В.С. Краснознаменный Балтийский в героической обороне Ленинграда. Л.: Лениздат, 1976.

Козлов И.А., Шломин В.С. Северный флот. М.: Воениздат, 1966.

Королев В.Т. Герои Великого океана. Владивосток, 1972.

Костев Г.Г. Военно-Морской Флот страны за последние полвека. Взлеты и падения. М.: Глобус, 2000.

Красавкин В.К., Смуглин Ф.С. Здесь град Петра и флот навеки слиты: История морских частей в городе на Неве (1703–2008). СПб., 2004.

Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941–1944 гг. м.: Наука, 1973.

Кузнецов Н.Г. Накануне. М.: Воениздат, 1989.

Кузнецов Н.Г. Накануне. М.: АСТ; СПб.: Terra fantastica, 2003.

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. М.: Воениздат, 1971.

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М.: Воениздат, 1989.

Кузнецов Н.Г. Крутые повороты: Из записок адмирала. М.: Молодая гвардия, 1995.

Кузнецов Н.Г. На далеком меридиане: вспоминания участника национально-революционной войны в Испании. М.: Наука, 2005.

Ладинский Ю.В. На фарватерах Балтики. М.: Воениздат, 1973.

Ладинский Ю.В. Военная вахта. М.: Воениздат, 1983.

Локтионов И.И. Пинская и Днепровская флотилии в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1958.

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1962.

Локтионов И.И. Волжская флотилия в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1974.

Лурье В.М. Адмиралы и генералы Военно-Морского Флота СССР в период Великой Отечественной и Советско-японской войн (1941–1945). СПб.: Блиц, 2001.

Маковеев А. 200 тысяч суровых миль // Наше Красково. М.: Энциклопедия российских деревень, 1998.

Манштейн Э. Проигранные победы. М.: Центрполиграф, 2009.

Маковский А., Радченко Б. Каспийская Краснознаменная. М.: Воениздат, 1961.

Михайлов Л.Н. Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов. СПб.: Судостроение, 2004.

Михайловский Н. Он мерил жизнь особой меркой. М.: Политиздат, 1977.

Монаков М.С. Главком: Жизнь и деятельность Адмирала флота Советского Союза С.Г. Горшкова. М.: Кучково поле, 2008.

Моргунов ПА. Героический Севастополь. М.: Наука, 1979.

Москва и судьбы Российского флота. М.: Мосгорархив, 1996.

Мошков Ф.А. Морская пограничная охрана России: от Петра I до наших дней: Краткий исторический очерк. М.: Граница, 2003.

Мушников А.Н. В боях за Выборг и Петрозаводск. М.: Воениздат, 1957.

Октябрьская Р.Ф. Штормовые годы: Рассказ об адмирале Октябрьском. Киев: Политиздат Украины, 1989.

Пантелеев Ю.А. Полвека на флоте. М.: Воениздат, 1974.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I.

Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. М.: Изд-во политической литературы, 1986.

Петров Л. В. «Зимняя война», Балтика 1939–1940. Хельсинки: RME Group Oy, 2008.

Попов Б. Трагедия на Тверском бульваре: О жизни и гибели Героя Советского Союза вице-адмирала Г.Н. Холостякова. М.: Московский рабочий, 1990.

Пузырев В.П. Беломорская флотилия в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1981.

Рудный В.А. Готовность № 1. М.: Политиздат, 1982.

Свердлов А.В. Дунайская флотилия в боях за освобождение Венгрии // Освобождение Венгрии от фашизма. М.: Наука, 1965.

Свердлов А.В. На море Азовском. М.: Воениздат, 1966.

Сирота Н. Так сражалась Керчь. Симферополь: Крым, 1968.

Словарь биографический морской. СПб.: Logos, 2000.

Сорокин А.П., Краснов В.Н. Корабли проходят испытания. Л.: Судостроение, 1982.

Список Политического Состава Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Л., 1926.

Список начальствующего состава Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Л., 1928.

Список начальствующего состава Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии по состоянию на 1-е мая 1930 года. Л., 1930.

Трибуц В.Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининград, 1972.

Трибуц В.Ф. Балтийцы наступают. Калининград, 1968.

Трибуц В.Ф. Балтийцы сражаются. Калининград, 1975.

Трибуц В.Ф. Балтийцы сражаются. М., 1985.

Трибуц В.Ф. Подводники Балтики атакуют. Л.: Лениздат, 1963.

Федоров М.Р. Морской некрополь Петербурга. СПб.: Политехника, 2003.

Филимошин М. Адмирал С.Г. Кучеров // Военно-исторический журнал. 1982. № 8. С. 94–96.

Финал Второй Мировой войны. Разгром Квантунской армии. М., 2005.

Флагманы. М.: Воениздат, 1991.

Флотоводец: Материалы о жизни и деятельности Николая Герасимовича Кузнецова, наркома Военно-Морского Флота, адмирала Флота Советского Союза / Автор-составитель Р.В. Кузнецова. М.: Садовое кольцо, 2004.

Харламов Н. Жизнь, отданная флоту. (К 80-летию со дня рождения адмирала И.С. Юмашева) // Морской сборник. 1975. № 10. С. 63–64.

Холостяков Г.Н. Вечный огонь. М.: Воениздат, 1976.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 1 (с 21 июня по 31 декабря 1941 г.). М.; Л.: Управление Военно-морского изд-ва НКВМФ СССР, 1945. УВМА. Последняя карта офицера.

Широкорад А.Б. Адмирал Октябрьский против Муссолини. М.: Вече, 2011.

Широкорад А.Б. Битва за Черное море. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Широкорад А.Б. Корабли и катера ВМФ СССР 1939–45 гг.: Справочник. Минск: Харвест, 2002.

Шитиков Е.А., Краснов В.Н., Балабин В.В. Кораблестроение в СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1995.

Чероков В.С. Для тебя, Ленинград! М.: Воениздат, 1978.

Примечания

1

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота / Под ред. А.В. Басова. М.: Воениздат, 1988. С. 523–529.

2

Касатонов В.А. Н.Г. Кузнецов – выдающийся советский флотоводец // Флагманы. М.: Воениздат, 1991. С. 148.

3

Рудный В.А. Указ. соч. М.: Политиздат, 1982. С. 14–15.

4

Михайлов Л.Н. Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов. СПб., 2004. С. 16–20.

5

Касатонов В.А. Указ. соч. С. 148–149.

6
Рудный В.А. Указ. соч. С. 24–25.
7
Там же. С. 20.
8
Там же. С. 26.
9
Кузнецов Н.Г. Крутые повороты: Из записок адмирала. М.: Молодая гвардия, 1995. С. 198–199.
10
Рудный В.А. Указ. соч. С. 22–23.
11
Кузнецов Н.Г. Накануне. М.: Воениздат, 1969. С. 56–57.
12
Рудный В.А. Указ. соч. С. 23–24.
13
Рудный В.А. Указ. соч. С. 30.
14
Рудный В.А. Указ. соч. С. 36–37.
15
Касатонов В.А. Указ. соч. С. 150–151.
16
Рудный В.А. Указ. соч. С. 45.
17
Кузнецов Н.Г. На далеком меридиане: воспоминания участника национально-революционной войны в Испании. М.: Наука, 2005.
18
Рудный В.А. Указ. соч. С. 59–59.
19
Рудный В.А. Указ. соч. С. 65.
20
Касатонов В.А. Указ. соч. С. 152.
21
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 572.
22
Рудный В.А. Указ. соч. С. 77.
23
Кузнецов Н.Г. Указ. соч. С. 220–222.
24
Касатонов В.А. Указ. соч. С. 145, 153–154; *Кузнецов Н.Г.* Накануне. С. 233–234.
25
Рудный В.А. Указ. соч. С. 90–92, 94.

26
Касатонов В.А. Указ. соч. С. 154–155.
27
Рудный В.А. Указ. соч. С. 101.
28
Касатонов В.А. Указ. соч. С. 155.
29
Рудный В.А. Указ. соч. С. 102.
30
Касатонов В.А. Указ. соч. С. 155–156.
31
Михайлов Л.Я. Указ. соч. С. 126.
32
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 8–9.
33
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 10–11.
34
Костев Г.Г. Военно-Морской Флот страны в последние полвека. Взлеты и падения. М.: Глобус, 2000. С. 8.
35
Доценко В.Д., Гетманец Г.М. Флот в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб.: Terra Fantastica; М.: Эксмо, 2005. С. 8–9.
36
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 153.
37
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 11, 16–20.
38
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 12.
39
Там же. С. 30–32.
40
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 15.
41
Там же. С. 23–24.
42
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 29.
43
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 41–47.
44
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 62–71.
45
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 33–40.
46
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 75–76.

47

Там же. С. 78–79.

48

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. М.: Изд-во политической литературы, 1986. С. 32.

49

Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. С. 219.

50

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 86, 89–91.

51

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 219–223.

52

Широкорад А.Б. Адмирал Октябрьский против Муссолини. М.: Вече, 2011. С. 99–100.

53

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 105.

54

Широкорад А.Б. Адмирал Октябрьский против Муссолини. С. 69–82.

55

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 110.

56

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 115.

57

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 125.

58

Там же. С. 132.

59

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 137–140.

60

Там же. С. 137.

61

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 284–286.

62

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 290–295.

63

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 146–147.

64

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 150.

65

Там же. С. 156–157.

66
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 157–158.
67
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 153–156.
68
Там же. С. 160–162.
69
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 164–166.
70
Там же. С. 170.
71
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 180–181.
72
Там же. С. 182–183.
73
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 185–189.
74
Там же. С. 231–232.
75
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 236–239.
76
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 250.
77
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 255.
78
Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. С. 67–69.
79
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 256–257.
80
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 265–270.
81
Там же. С. 281–284.
82
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 286–288.
83
Касатонов В.А. Указ. соч. С. 158.
84
Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 305.
85
Там же. С. 158–160.
86

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М.: Воениздат, 1989. С. 259–260.

87

Там же. С. 263–265.

88

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 266–267.

89

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 271.

90

Флотоводец : Материалы о жизни и деятельности Николая Герасимовича Кузнецова, наркома Военно-Морского Флота, адмирала Флота Советского Союза / Автор-составитель Р.В. Кузнецова. М.: Садовое кольцо, 2004. С. 124.

91

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 272–273.

92

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 274.

93

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 279–281.

94

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 281–182.

95

Там же. С. 289.

96

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 295–296.

97

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 316–317.

98

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 327–331.

99

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 333.

100

Доценко В.Д., Гетманец Г.М. Флот в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 8–10.

101

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 336–339.

102

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 339–342.

103

Там же. С. 345.

104

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 357.

105

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 349–350.

106
Там же. С. 351–352.
107
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 354.
108
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 374–377.
109
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 384.
110
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 386–387.
111
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 397–398.
112
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 403–405.
113
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 409.
114
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 413–415.
115
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 420–423.
116
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 423–426.
117
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 430–433.
118
Там же. С. 436–437.
119
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 437–441.
120
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 444–445.
121
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 445–447.
122
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 449–452.
123
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 446.
124
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 467–469.
125
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 458.
126
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 476–477.
127
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 480.

128
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 482–483.
129
Там же. С. 486.
130
Касатонов В.А. Указ. соч. С. 160.
131
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 486.
132
Касатонов В.А. Указ. соч. С. 145–146, 161.
133
Там же. С. 146, 161–162.
134
Там же. С. 163.
135
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 579.
136
Касатонов В.А. Указ. соч. С. 164.
137
Касатонов В.А. Указ. соч. С. 164–165.
138
Там же. С. 146, 165–166.
139
Там же. С. 166–167.
140
Рудный В.А. Указ. соч. С. 124.
141
Рудный В.А. Указ. соч. С. 97.
142
Лурье В.М. Адмиралы и генералы Военно-Морского Флота СССР в период Великой Отечественной и Советско-японской войн (1941–1945). СПб.: Блиц, 2001. С. 124, 126; *Кипнис С.Е.* Новодевичий мемориал. Некрополь Новодевичьего кладбища. М.: Пропилеи, 1995.
143
Рудный В.А. Указ. соч. С. 126–127.
144
Словарь биографический морской. СПб., 2000. С. 217.
145
Рудный В.А. Указ. соч. С. 127.
146
Костев Г.Г. Указ. соч. С. 614.
147
Зонин С. «Беру ответственность на себя…» // Морской

сборник. 1990. № 10. С. 82; *Ковель Ю.* От юнги до адмирала // Морской сборник. 1978. № 5. С. 72; *Лурье В.М.* Указ. соч. С. 23.

148

Зонин С. «Беру ответственность на себя…». С. 82–83; *Лурье В.М.* Указ. соч. С. 23.

149

Лурье В.М. Указ. соч. С. 23.

150

Зонин С. «Беру ответственность на себя…». С. 73; *Лурье В.М.* Указ. соч. С. 23.

151

Басистый Н.Е. Море и берег. М.: Воениздат, 1970. С. 5–6.

152

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Походы боевые. М.: Воениздат, 1966. С. 32–36, 38–39.

153

Там же. С. 44–45.

154

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 60–63.

155

Там же. С. 66–67.

156

Зонин С. «Беру ответственность на себя…». С. 83–84.

157

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 72, 74–75, 81, 95, 97.

158

Лурье В.М. Указ. соч. С. 23.

159

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 101–102.

160

Зонин С. «Беру ответственность на себя…». С. 84.

161

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 102–103.

162

Там же. С. 105–117.

163

Зонин С. «Беру ответственность на себя…». С. 84.

164

Лурье В.М. Указ. соч. С. 23.

165

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 122–123, 139–140, 142–143, 149, 152.

166

Зонин С. «Беру ответственность на себя…». С. 84.

167

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 153–154.

168

Там же. С. 155–158.

169

Зонин С. «Беру ответственность на себя…». С. 85.

170

Лурье В.М. Указ. соч. С. 23.

171

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 177.

172

Там же. С. 180.

173

Боевая летопись Военно-Морского флота, 1941–1942. М.: Воениздат, 1983. С. 327–328; Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 180–184.

174

Зонин С. «Беру ответственность на себя…». С. 85.

175

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. 185–188, 199.

176

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 189–197.

177

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 202–203.

178

Зонин С. «Беру ответственность на себя…». С. 85–86.

179

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 203–208.

180

Зонин С. «Беру ответственность на себя…». С. 86.

181

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 523.

182

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С.

210.

183

Лурье В.М. Указ. соч. С. 23.

184

Болгари П., Зоткин Л., Корниенко Д., Любчиков М., Ляхович А. Черноморский флот: Исторический очерк. М.: Воениздат, 1967. С. 294, 309.

185

Лурье В.М. Указ. соч. С. 23.

186

Ковель Ю. Указ. соч. С. 73.

187

Лурье В.М. Указ. соч. С. 23.

188

Кипнис С.Е. Указ. соч. С. 242.

189

Лурье В.М. Указ. соч. С. 46.

190

Зонин С.А. Верность океану. С. 4–5.

191

Там же. С. 7; *Лурье В.М.* Указ. соч. С. 46.

192

Зонин С.А. Верность океану. С. 7–9; *Лурье В.М.* Указ. соч. С. 46.

193

Зонин С.А. Верность океану. С. 10–12.

194

Лурье В.М. Указ. соч. С. 46.

195

Зонин С.А. Верность океану. С. 14.

196

Там же. С. 14–17, 19.

197

Зонин С.А. Верность океану. С. 19–22.

198

Лурье В.М. Указ. соч. С. 46.

199

Зонин С.А. Верность океану. С. 22–24.

200

Там же. С. 24–25.

201

Зонин С.А. Верность океану. С. 27.

202

Лурье В.М. Указ. соч. С. 47.

203
Зонин С.А. Верность океану. С. 30–31.
204
Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 28.
205
Зонин С.А. Верность океану. С. 34.
206
Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 46.
207
Зонин С.А. Верность океану. С. 39–42.
208
Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 82–83.
209
Зонин С.А. Верность океану. С. 42–45.
210
Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 95–97.
211
Там же. С. 103.
212
Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 125.
213
Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 130–135.
214
Там же. С. 143.
215
Зонин С.А. Верность океану. С. 50.
216
Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 144–149.
217
Лурье В.М. Указ. соч. С. 46.
218
Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 167–171; *Зонин С.А.* Верность океану. С. 54–57.
219
Зонин С.А. Верность океану. С. 60.
220
Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч.

С. 180–184.

221

Зонин С.А. Верность океану. С. 60.

222

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 186–187.

223

Зонин С.А. Верность океану. С. 62–64.

224

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 203.

225

Там же. С. 204.

226

Зонин С.А. Верность океану. С. 65–66.

227

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 571.

228

Зонин С.А. Верность океану. С. 68–69.

229

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 210–211.

230

Там же. С. 214–215; *Зонин С.А.* Верность океану. С. 70.

231

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 215; *Зонин С.А.* Верность океану. С. 72–77.

232

Зонин С.А. Верность океану. С. 83–84.

233

Там же. С. 86–93.

234

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 357.

235

Лурье В.М. Указ. соч. С. 47.

236

Зонин С.А. Верность океану. С. 95.

237

Зонин С.А. Верность океану. С. 97–98.

238

Лурье В.М. Указ. соч. С. 47.

239

Там же. С. 46–47; *Зонин С.А.* Верность океану. С. 98–99.

240

Лурье В.М. Указ. соч. С. 46–47; *Зонин С.А.* Верность океану. С. 98–99.

241

Там же. С. 47; Там же. С. 100–101.

242

Лурье В.М. Указ. соч. С. 47.

243

Зонин С.А. Верность океану. С. 101–102.

244

Владимирский Л.А. Вокруг света на «Полюсе». (Путевые заметки) // Морской сборник. 1971. № 5–9.

245

Зонин С.А. Верность океану. С. 108.

246

Зонин С.А. Верность океану. С. 108.

247

Лурье В.М. Указ. соч. С. 47.

248

Кипнис С.Е. Указ. соч. С. 228.

249

Зонин С.А. Верность океану. С. 57.

250

Там же. С. 85–86.

251

Головко А.Г. Вместе с флотом. С. 9; *Михайловский Н.* Он мерил жизнь особой меркой. М.: Политиздат, 1977. С. 4.

252

Лурье В.М. Указ. соч. С. 57; *Захаров С.* Адмирал А.Г. Головко // Военно-исторический журнал. 1976. № 6. С. 122.

253

Михайловский Н. Указ. соч. С. 4–5.

254

Лурье В.М. Указ. соч. С. 57–58; Михайловский Н. Указ. соч. С. 5–6

255

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 571.

256

Головко А.Г. Указ. соч. С. 11.

257

Михайловский Н. Указ. соч. С. 8.

258

Головко А.Г. Указ. соч. С. 12–15.

259

Михайловский Н. Указ. соч. С. 12–13.

260
Головко А.Г. Указ. соч. С. 20, 22.
261
Головко А.Г. Указ. соч. С. 29–30.
262
Там же. С. 30–31.
263
Головко А.Г. Указ. соч. С. 43.
264
Там же. С. 38–41.
265
Головко А.Г. Указ. соч. С. 46–48.
266
Там же. С. 50–53.
267
Головко А.Г. Указ. соч. С. 69–70.
268
Лурье В.М. Указ. соч. С. 58.
269
Михайловский Н. Указ. соч. М., 1977. С. 29–30.
270
Головко А.Г. Указ. соч. С. 91.
271
Головко А.Г. Указ. соч. С. 98.
272
Там же. С. 105–107.
273
Головко А.Г. Указ. соч. С. 139.
274
Головко А.Г. Указ. соч. С. 153.
275
Головко А.Г. Указ. соч. С. 170–171.
276
Головко А.Г. Указ. соч. С. 189–190.
277
Михайловский Н. Указ. соч. С. 54.
278
Головко А.Г. Указ. соч. С. 207–208.
279
Михайловский Н. Указ. соч. С. 54.
280
Там же. С. 63–66.
281
Лурье В.М. Указ. соч. С. 57.

282
Головко А.Г. Указ. соч. С. 229–240.
283
Михайловский Н. Указ. соч. С. 86.
284
Головко А.Г. Указ. соч. С. 245–246.
285
Там же. С. 248.
286
Головко А.Г. Указ. соч. С. 259.
287
Там же. С. 272.
288
Лурье В.М. Указ. соч. С. 57.
289
Михайловский Н. Указ. соч. С. 90–98.
290
Лурье В.М. Указ. соч. С. 57.
291
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. М., 1988. С. 570.
292
Лурье В.М. Указ. соч. С. 57.
293
Егоров Г.М. Фарватерами флотской службы. Записки командующего флотом. М.: Патриот, 1999. С. 14–16.
294
Михайловский Н. Указ. соч. С. 99–100.
295
Михайловский Н. Указ. соч. С. 102–103.
296
Лурье В.М. Указ. соч. С. 57.
297
Бережной С.С. Крейсера и миноносцы: Справочник. М.: Воениздат, 2002. С. 180.
298
Лурье В.М. Указ. соч. С. 163.
299
Басов А. Видный советский флотоводец // Военно-исторический журнал. 1969. № 10. С. 50; *Лурье В.М.* Указ. соч. С. 163; *Октябрьская Р.Ф.* Штормовые годы: Рассказ об адмирале Октябрьском. Киев, Политиздат Украины, 1989. С. 11–12.
300
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 5–8, 11–12.

301

Лурье В.М. Указ. соч. С. 163.

302

Басов А. Указ. соч. С. 50.

303

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 13–15.

304

Лурье В.М. Указ. соч. С. 163.

305

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 15–16, 18–19.

306

Лурье В.М. Указ. соч. С. 163; *Октябрьская Р.Ф.* Указ. соч. С. 19.

307

Басов А. Указ. соч. С. 51; *Лурье В.М.* Указ. соч. С. 163; *Октябрьская Р.Ф.* Указ. соч. С. 38–41.

308

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 62.

309

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 44.

310

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 523; *Лурье В.М.* Указ. соч. С. 164.

311

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 48.

312

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 48–50.

313

Там же. С. 51–53.

314

Лурье В.М. Указ. соч. С. 164.

315

Широкорад А.В. Адмирал Октябрьский против Муссолини. М.: Вече, 2011. С. 29–30.

316

Там же. С. 30–32.

317

Широкорад А.В. Адмирал Октябрьский против Муссолини. С. 29.

318

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 53–54.

319

Широкорад А.В. Адмирал Октябрьский против Муссолини. С. 34–35.

320

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 59.

321

Басов А. Указ. соч. С. 51.

322

Там же. С. 52.

323

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 65.

324

Широкорад А.Б. Адмирал Октябрьский против Муссолини. С. 94–104.

325

Широкорад А.Б. Адмирал Октябрьский против Муссолини. С. 69–76.

326

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 21.

327

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 1. (с 21 июня по 31 декабря 1941 г.). М.; Л.: Управление Военно-морского изд-ва НКВМФ СССР, 1945. С. 21–22, 27, 72.

328

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 11–20.

329

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 66.

330

Там же. С. 72.

331

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 80.

332

Басов А. Указ. соч. С. 52.

333

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 82–83.

334

Там же. С. 85.

335

Широкорад А.Б. Адмирал Октябрьский против Муссолини. С. 106.

336

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 81.

337

Широкорад А.Б. Адмирал Октябрьский против Муссолини. С. 108–113.

338

Басов А. Указ. соч. С. 52–53; Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 88–

339

Басов А. Указ. соч. С. 53.

340

Манштейн Э. Проигранные победы. М.: Центрполиграф, 2009. С. 204–215.

341

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 93.

342

Басов А. Указ. соч. С. 53.

343

Горшков С.Г. На южном приморском фланге. Осень 1941 г. – весна 1944 г. М.: Воениздат, 1989. С. 49–50.

344

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 102–103.

345

Там же. С. 104.

346

Горшков С.Г. Указ. соч. С. 56.

347

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 105.

348

Там же. С. 106–108.

349

Басов А. Указ. соч. С. 54–55.

350

Ванеев Г.И. Черноморцы в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1978. С. 131.

351

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 116.

352

Там же. С. 117.

353

Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 128.

354

Там же. С. 129.

355

Басов А. Указ. соч. С. 55.

356

Манштейн Э. Указ. соч. С. 241–243.

357

Там же. С. 245–256.

358
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 135–137.
359
Манштейн Э. Указ. соч. С. 256.
360
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 153.
361
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 161–164.
362
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 525.
363
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 165.
364
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 167–168.
365
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 168–170.
366
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 571.
367
Лурье В.М. Указ. соч. С. 163.
368
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 172–173.
369
Широкорад А. Битва за Черное море. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. С. 505.
370
Басов А. Указ. соч. С. 55; Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 173–174.
371
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 175–177.
372
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 178–181.
373
Там же. С. 184–185.
374
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 186, 188–190.
375
Там же. С. 191.
376
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 192–193.
377
Там же. С. 194.
378
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 195–197.

379
Там же. С. 197–198.
380
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 198–199.
381
Там же. С. 202.
382
Там же. С. 204.
383
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 203.
384
Там же. С. 214.
385
Там же. С. 217–219.
386
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 200–202, 204–205.
387
Лурье В.М. Указ. соч. С. 164.
388
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 207.
389
Там же. С. 208.
390
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 210–212.
391
Там же. С. 226.
392
Там же. С. 212–213.
393
Лурье В.М. Указ. соч. С. 163–164.
394
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 220–222.
395
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 237.
396
Лурье В.М. Указ. соч. С. 164.
397
Октябрьская Р.Ф. Указ. соч. С. 228.
398
Лурье В.М. Указ. соч. С. 164.
399
Басов А. Указ. соч. С. 56; Лурье В.М. Указ. соч. С. 163–164.
400
Гринкевич В., Корсунский М. Адмирал Трибуц: Биографический

очерк. Таллин: Ээсти Раамат, 1980. С. 7, 12–13; *Лурье В.М.* Указ. соч. С. 218.

401
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 14, 16, 19.

402
Там же. С. 22–25.

403
Там же. С. 25–27.

404
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 30–36.

405
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 37–38.

406
Там же. С. 43; Лурье В.М. Указ. соч. С. 218–219.

407
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 44–47.

408
Там же. С. 47–50.

409
Лурье В.М. Указ. соч. С. 218–219.

410
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 52–53.

411
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 50–51.

412
Там же. С. 54.

413
Лурье В.М. Указ. соч. С. 218–219.

414
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 55–56.

415
Лурье В.М. Указ. соч. С. 218–219.

416
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 59.

417
Там же. С. 61–62.

418
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 60–63.

419
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 66.

420
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 72.

421
Там же. С. 75.

422
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 76.
423
Там же. С. 77–80.
424
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 85–86.
425
Там же. С. 87.
426
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 89–90.
427
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 93–94.
428
Там же. С. 95–96.
429
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 99–101.
430
Лурье В.М. Указ. соч. С. 218–219.
431
Там же. С. 218–219.
432
Лурье В.М. Указ. соч. С. 218–219.
433
Гринкевич В., Корсунский М. Указ. соч. С. 140.
434
Лурье В.М. Указ. соч. С. 218–219.
435
Там же. С. 218–219; *Кипнис С.Е.* Указ. соч. С. 233.
436
Там же. С. 247.
437
Захаров С. Видный советский флотоводец // Военно-исторический журнал. 1975. № 10. С. 123; *Королев В.Т.* Герои Великого океана. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1967. С. 235–236.
438
Харламов Н. Жизнь, отданная флоту. (К 80-летию со дня рождения адмирала И.С. Юмашева) // Морской сборник. 1975. № 10. С. 63–64.
439
Захаров С. Видный советский флотоводец. С. 123.
440
Королев В.Т. Указ. соч. С. 236.
441

Захаров С. Видный советский флотоводец. С. 123; *Королев В.Т.* Указ. соч. С. 237; *Харламов Н.* Указ. соч. С. 63.

442

Лурье В.М. Указ. соч. С. 247–248.

443

Захаров С. Видный советский флотоводец. С. 123.

444

Лурье В.М. Указ. соч. С. 247–248.

445

Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 238.

446

Захаров С. Видный советский флотоводец. С. 124.

447

Андреев В.А. Моря и годы. М.: Воениздат, 1982. С. 216–211.

448

Лурье В.М. Указ. соч. С. 248.

449

Захаров С. Е. и др. Тихоокеанский флот. М.: Воениздат, 1966. С. 144.

450

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 472.

451

Захаров С. Е. и др. Указ. соч. С. 145–146.

452

Захаров С. Видный советский флотоводец. С. 124.

453

Захаров С. Е. и др. Указ. соч. С. 145–146.

454

Захаров С. Видный советский флотоводец. С. 125.

455

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 473–474.

456

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 475–476

457

Лурье В.М. Указ. соч. С. 248.

458

Захаров С. Е. и др. Указ. соч. С. 145.

459

Захаров С. Е. и др. Указ. соч. С. 157.

460

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 477.

461

Захаров С. Е. и др. Указ. соч. С. 162.

462

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 478.
463
Захаров С. Е. и др. Указ. соч. С. 162.
464
Захаров С. Е. и др. Указ. соч. С. 173.
465
Там же. С. 182–187.
466
Королев В.Т. Указ. соч. С. 239–240.
467
Захаров С. Е. и др. Указ. соч. С. 188–190.
468
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 480.
469
Захаров С. Е. и др. Указ. соч. С. 212–213.
470
Захаров С. Видный советский флотоводец. С. 123–126.
471
Лурье В.М. Указ. соч. С. 248.
472
Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. С. 481.
473
Харламов Н. Указ. соч. С. 64.
474
Захаров С. Указ. соч. С. 126.
475
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 579.
476
Лурье В.М. Указ. соч. С. 248.
477
Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. С. 32–33.
478
Захаров С. Указ. соч. С. 126.
479
Лурье В.М. Указ. соч. С. 248.
480
Андреев В.А. Указ. соч. С. 279.
481
Лурье В.М. Указ. соч. С. 6.
482
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 525.
483
Лурье В.М. Указ. соч. С. 6.
484

Багров В.Н., Сунгоркин Н.Ф. Краснознаменная Амурская флотилия. М.: Воениздат, 1970. С. 95.

485

Там же. С. 104–105.

486

Там же. С. 97–99.

487

Лурье В.М. Указ. соч. С. 6.

488

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 529.

489

Боевые вымпела над Онего. Воспоминания моряков Онежской военной флотилии о Великой Отечественной войне. Петрозаводск: Карелия, 1980. С. 96–99.

490

Боевые вымпела над Онего. С. 20–23.

491

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Военные флотилии в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1957. С. 86–89.

492

Лурье В.М. Указ. соч. С. 6.

493

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 89–90.

494

Лурье В.М. Указ. соч. С. 6.

495

Там же.

496

Зонин С.А. Адмирал Л.М. Галлер. Воениздат, 1991. С. 387–406.

497

Лурье В.М. Указ. соч. С. 6.

498

Лурье В.М. Указ. соч. С. 6–7.

499

Григорьев В.В. И корабли штурмовали Берлин. М., 1984. С. 32, 34.

500

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). М.: Воениздат, 1962. С. 14–15.

501

Григорьев В.В. Указ. соч. С. 47–51.

502

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М.,

1983. С. 213–214.

503

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 11–14.

504

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 216–224.

505

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 15–17.

506

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 20–23.

507

Григорьев В.В. Указ. соч. С. 63.

508

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 217; Григорьев В.В. Указ. соч. С. 65–67.

509

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 23–26.

510

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 217.

511

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 28.

512

Там же. С. 31–33.

513

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 34–35.

514

Там же. С. 39–42.

515

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 44–45.

516

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 46–49.

517

Там же. С. 50–52.

518

Болгары П., Зоткин Н., Корниенко Д., Любчиков М., Ляхович А.

Указ. соч. С. 150.

519

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 53–54.

520

Лурье В.М. Указ. соч. С. 6–7.

521

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 54–55.

522

Лурье В.М. Указ. соч. С. 7.

523

Григорьев В.В. Указ. соч. С. 97.

524

Лурье В.М. Указ. соч. С. 7.

525

Моргунов П.А. Героический Севастополь. М.: Наука, 1979. С. 41.

526

Там же. С. 219.

527

Там же. С. 228.

528

Лурье В.М. Указ. соч. С. 7.

529

Вайнер Б.А. Северный флот в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1964. С. 279.

530

Боевая летопись Военно-Морского Флота: 1941–1942. М., 1983. С. 62–64, 69–70.

531

Лурье В.М. Указ. соч. С. 7.

532

Лурье В.М. Указ. соч. С. 6–7; *Федоров М.Р.* Морской некрополь Петербурга. СПб.: Политехника, 2003. С. 15.

533

Справка , подготовленная по материалам ЦВМА В.М. Лурье.

534

Федоров М. Р. Указ. соч. С. 15.

535

Справка ЦВМА.

536

Словарь биографический морской. С. 9–10; Справка ЦВМА; *Федоров М.Р.* Морской некрополь Петербурга. С. 15.

537

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 344.

538

Там же. С. 345; *Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н.* Указ. соч. С. 109.

539

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 345–346.

540

Чероков В.С. Для тебя, Ленинград! М.; Л.: Воениздат, 1978. С. 8.

541

Справка ЦВМА.

542

Ковальчук В.М. Ленинград и Большая Земля. Л.: Наука, 1975. С. 60–63.

543

Там же. С. 69–70, 72.

544

Чероков А.С. Указ. соч. С. 8–9.

545

Там же. С. 24.

546

Ковальчук В.М. Указ. соч. С. 80.

547

Чероков А.С. Указ. соч. С. 42.

548

Ковальчук В.М. Указ. соч. С. 213, 226.

549

Чероков А.С. Указ. соч. С. 63.

550

Ковальчук В.М. Указ. соч. С. 248–249.

551

Справка ЦВМА.

552

Словарь биографический морской. С. 10; Справка ЦВМА.

553

Пузырев В.П. Беломорская флотилия в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1981.

554

Справка ЦВМА.

555

Федоров М.Р. Указ. соч. С. 15.

556

Справка ЦВМА.

557

Словарь биографический морской. С. 10; Справка ЦВМА.

558

Некролог // Красный флот. 1949. 7 апреля; *Справка* ЦВМА; *Федоров М.Р.* Указ. соч. 2003. С. 15.

559

Лурье В.М. Указ. соч. С. 9—10.

560

Холостяков Г.Н. Вечный огонь. С. 126–127.

561

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 238–239.

562

Сирота Н. Так сражалась Керчь. Симферополь: Крым, 1968. С. 27.

563

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 239–240.

564

Свердлов А.В. На море Азовском. М.: Воениздат, 1966. С. 14–15.

565

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 240–241.

566

Свердлов А.В. Указ. соч. С. 18.

567

Лурье В.М. Указ. соч. С. 10.

568

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 241.

569

Лурье В.М. Указ. соч. С. 10.

570

Чероков В.С. Указ. соч. С. 168.

571

Там же. С. 177.

572

Лурье В.М. Указ. соч. С. 10.

573

Там же. С. 9–10.

574

Лурье В.М. Указ. соч. С. 15.

575

Андреев В.А. Моря и годы. С. 3.

576

Лурье В.М. Указ. соч. С. 15.

577

Андреев В.А. Моря и годы. С. 119.

578

Лурье В.М. Указ. соч. С. 15.

579

Захаров С.Е. и др. Указ. соч. С. 119–121.

580

Андреев В.А. Моря и годы. С. 184–187.

581

Андреев В.А. Моря и годы. С. 186.

582

Лурье В.М. Указ. соч. С. 15.

583

Андреев В.А. Моря и годы. С. 213–218.

584

Лурье В.М. Указ. соч. С. 15.

585

Там же.

586

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 51–54.

587

Там же. С. 30, 36.

588

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 67.

589

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. 89–94.

590

Лурье В.М. Указ. соч. С. 15.

591

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 101–102.

592

Там же. С. 106–107.

593

Там же. С. 113–114.

594

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 117.

595

Там же. С. 131.

596

Там же. С. 134–135.

597

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 137–139.

598

Лурье В.М. Указ. соч. С. 15.

599

Багров В.Н. Южно-Сахалинская и Курильская операции. М., 1959. С. 24–27.

600

Андреев В.А. Освобождение Сахалина // Мы – тихоокеанцы. Владивосток. 1977. С. 260–263.

601

Андреев В.А. Освобождение Сахалина. С. 263–267.

602

Андреев В.А. Освобождение Сахалина. С. 268–269.

603

Багров В.Н. Указ. соч. С. 105–106.

604

Лурье В.М. Указ. соч. С. 15.

605

Лурье В.М. Указ. соч. С. 15.

606

Там же.

607

Лурье В.М. Указ. соч. С. 17.

608

Там же.

609

Широкорад А.Б. Корабли и катера ВМФ СССР 1939–45 гг.: Справочник. Минск, Харвест, 2002. С. 80–86.

610

Ладинский Ю.В. Военная вахта. М.: Воениздат. 1983. С. 27.

611

Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941–1944 гг. М.: Наука, 1973. С. 85.

612

Трибуц В.Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининград, 1972. С. 157–158.

613

Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941–1944 гг. С. 90.

614

Бережной С.С. Линейные и броненосные корабли. Канонерские лодки: Справочник. М.: Воениздат, 1997. С. 170.

615

Доценко В.Д. Тайны Российского флота. М.: Эксмо, 2005. С. 258.

616

Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941–1944 гг. С. 287.

617

Там же. С. 214–215.

618

Ладинский Ю.В. На фарватерах Балтики. М.: Воениздат, 1973. С. 64.

619

Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941–1944 гг. С. 215.

620

Лурье В.М. Указ. соч. С. 17.

621

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 136.

622

Ладинский Ю.В. На фарватерах Балтики. С. 3–4.

623

Там же. С. 50–51.

624

Ладинский Ю.В. На фарватерах Балтики. С. 71–76.

625

Ладинский Ю.В. Военная вахта. 1983. С. 91–92.

626

Лурье В.М. Указ. соч. С. 17.

627

Боевые вымпела над Онего. С. 29–31.

628

Там же. С. 13.

629

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1992. С. 378.

630

Боевые вымпела над Онего. С. 13–15.

631
Лурье В.М. Указ. соч. С. 17.
632
Боевые вымпела над Онего. С. 15–17.
633
Лурье В.М. Указ. соч. С. 17.
634
Боевые вымпела над Онего. С. 20.
635
Там же. С. 91–95.
636
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 529.
637
Боевые вымпела над Онего. С. 20–22.
638
Там же. С. 96–99.
639
Там же. С. 23.
640
Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 88–89.
641
Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 89–90.
642
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 529.
643
Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 90.
644
Мушников А.Н. В боях за Выборг и Петрозаводск. М.: Воениздат, 1957. С. 27–43.
645
Мушников А.Н. Указ. соч. С. 82–85.
646
Козлов И.А., Шломин В.С. Краснознаменный Балтийский в героической обороне Ленинграда. Л.: Лениздат, 1976. С. 351.
647
Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 93.
648
Там же. С. 93–96.
649
Козлов И.А., Шломин В.С. Краснознаменный Балтийский в героической обороне Ленинграда. С. 353.
650
Там же. С. 355.
651

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 98.

652

Там же. С. 96.

653

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 560.

654

Лурье В.М. Указ. соч. С. 17.

655

Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941–1944 гг. С. 271.

656

Багров В.Н., Сунгоркин Н.Ф. Указ. соч. С. 128.

657

Василевский А.М. Дело всей жизни: Воспоминания. Кн. 2. М.: Политиздат, 1988. С. 249.

658

Багров В.Н., Сунгоркин Н.Ф. Указ. соч. С. 166.

659

Там же. С. 130.

660

Гельфонд Г.М. Советский флот в войне с Японией. М.: Воениздат, 1958. С. 143.

661

Гельфонд Г.М. Указ. соч. С. 148–149.

662

Багров В.Н., Сунгоркин Н.Ф. Указ. соч. С. 145–147.

663

Гельфонд Г.М. Указ. соч. С. 150–151.

664

Багров В.Н., Сунгоркин Н.Ф. Указ. соч. С. 148–153.

665

Гельфонд Г.М. Указ. соч. С. 162.

666

Багров В.Н., Сунгоркин Н.Ф. Указ. соч. С. 154–156; *Гельфонд Г.М.* Указ. соч. С. 164–165.

667

Багров В.Н., Сунгоркин Н.Ф. Указ. соч. 157–159; *Гельфонд Г.М.* Указ. соч. С. 165–170.

668

Там же. С. 170–171.

669

Там же. С. 171.

670

Багров В.Н., Сунгоркин Н.Ф. Указ. соч. С. 163.

671
Лурье В.М. Указ. соч. С. 17.
672
Словарь биографический морской. С. 23.
673
Лурье В.М. Указ. соч. С. 17–18.
674
Там же. С. 18.
675
Кипнис С.Е. Указ. соч. С. 185; *Лурье В.М.* Указ. соч. С. 17–18.
676
Справка , подготовленная В.М. Лурье по материалам ЦВМА.
677
Федоров М.Р. Указ. соч. С. 24; Боевой путь советского Военно-Морского Флота. С. 391.
678
Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 359, 362.
679
Справка ЦВМА.
680
Пантелеев Ю.А. Полвека на флоте. М.: Воениздат, 1974. С. 251.
681
Справка ЦВМА.
682
Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 103–105.
683
Справка ЦВМА.
684
Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 105–107.
685
Чероков В.С. Указ. соч. С. 176.
686
Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 108, 111.
687
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 294.
688
Там же. С. 376; Справка ЦВМА.
689
Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 166, 168.
690
Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой

Отечественной войне (1941–1945). С. 171.

691

Там же. С. 175–179.

692

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 181–184.

693

Там же. С. 187–188.

694

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 194–202.

695

Там же. С. 218–220.

696

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 240.

697

Там же. С. 244–250.

698

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 253–257.

699

Там же. С. 258–260.

700

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 260–271.

701

Там же. С. 281.

702

Там же. С. 284.

703

Справка ЦВМА.

704

Там же; *Федоров М.Р.* Указ. соч. С. 24–25.

705

ЦВМА. Послужная карта офицера.

706

Список Политического Состава Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Л., 1926. С. X.

707

ЦВМА. Послужная карта офицера.

708

РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 5. Ед. хр. 5. Л. 351.

709

ЦВМА. Послужная карта офицера.

710

Багров В.Н., Сунгоркин Н.Ф. Указ. соч. С. 91–92.

711

ЦВМА. Послужная карта офицера.

712

ЦВМА. Послужная карта офицера.

713

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1992. С. 441.

714

ЦВМА. Послужная карта офицера.

715

Лурье В.М. Указ. соч. С. 30.

716

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 159–160.

717

Лурье В.М. Указ. соч. С. 30.

718

Пузырев В.П. Указ. соч. С. 11–13, 23.

719

Там же. С. 43–44.

720

Пузырев В.П. Указ. соч. С. 104–109.

721

Лурье В.М. Указ. соч. С. 30.

722

Пузырев В.П. Указ. соч. С. 124.

723

Там же. С. 121–123.

724

Пузырев В.П. Указ. соч. С. 127–128.

725

Там же. С. 139–140.

726

Пузырев В.П. Указ. соч. С. 174–177.

727

Там же. С. 177–179.

728

Пантелеев Ю. Указ. соч. С. 258

729

Пантелеев Ю. Указ. соч. С. 286–288; *Пузырев В.П.* Указ. соч. С. 180–181, 218.

730

Пузырев В.П. Указ. соч. С. 196.

731

Лурье В.М. Указ. соч. С. 30.

732

Лурье В.М. Указ. соч. С. 50.

733

Мошков Ф.А. Морская пограничная охрана России: от Петра I до наших дней: Краткий исторический очерк. М.: Граница, 2003. С. 102.

734

Лурье В.М. Указ. соч. С. 50.

735

Мошков Ф.А. Указ. соч. С. 109.

736

Боярский В., Дмитриев В., Кудинов Н. Пограничный надзор на море. М.: Граница, 2006. С. 99–102.

737

Боярский В., Дмитриев В., Кудинов Н. Указ. соч. С. 111.

738

Лурье В.М. Указ. соч. С. 50.

739

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1992. С. 351–353.

740

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 526.

741

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 353.

742

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 354–358.

743

Там же. С. 366–367.

744

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 369–371.

745

Лурье В.М. Указ. соч. С. 50.

746

Лурье В.М. Указ. соч. С. 50.

747

Мошков Ф.А. Указ. соч. С. 190–192.

748

Лурье В.М. Указ. соч. С. 50.

749

Боярский В., Дмитриев В., Кудинов Н. Указ. соч. С. 139–140.

750

Боярский В., Дмитриев В., Кудинов Н. Указ. соч. С. 141–143.

751

Там же. С. 146–148.

752

Лурье В.М. Указ. соч. С. 50.

753

Кипнис С.Е. Указ. соч. С. 340.

754

Лурье В.М. Указ. соч. С. 59.

755

Монаков М.С. Главком. Жизнь и деятельность Адмирала флота Советского Союза С.Г. Горшкова. М., Кучково поле, 2008. С. 10–29.

756

Абламонов П.Ф. Адмирал. О дважды Герое Советского Союза С.Г. Горшкове. С. 37.

757

Лурье В.М. Указ. соч. С. 59–60.

758

Монаков М.С. Указ. соч. С. 130–134.

759

Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 38–39.

760

Москва и судьбы Российского флота. М.: Мосгорархив. 1996.С. 350.

761

Лурье В.М. Указ. соч. С. 59–60.

762

Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 16–18.

763

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 45–51.

764

Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 21.

765

Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Указ. соч. С. 51–54.

766

Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 22.

767

Лурье В.М. Указ. соч. С. 60.
768
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 572.
769
Свердлов А.В. На море Азовском. С. 8–18.
770
Горшков С.Г. Указ. соч. М.: Воениздат, 1989. С. 46–48.
771
Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 23–24.
772
Свердлов А.В. На море Азовском. С. 23–24.
773
Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 26–27.
774
Свердлов А.В. На море Азовском. С. 46–47.
775
Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 28.
776
Свердлов А.В. На море Азовском. С. 48–51.
777
Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 58–59.
778
Свердлов А.В. На море Азовском. С. 64–67.
779
Монаков М.С. Указ. соч. С. 271–272.
780
Лурье В.М. Указ. соч. С. 60.
781
Свердлов А.В. На море Азовском. С. 80–81.
782
Свердлов А.В. На море Азовском. С. 82–83.
783
Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 13–14.
784
Свердлов А.В. На море Азовском. С. 85.
785
Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 31–32.
786
Свердлов А.В. На море Азовском. С. 98–99.
787
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 572.
788
Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 40.
789

Свердлов А.В. На море Азовском. С. 103–104.

790

Свердлов А.В. На море Азовском. С. 135.

791

Лурье В.М. Указ. соч. С. 59.

792

Свердлов А.В. На море Азовском. С. 140–143.

793

Там же. С. 144–148.

794

Свердлов А.В. На море Азовском. С. 151–156.

795

Свердлов А.В. На море Азовском. С. 175–182.

796

Свердлов А.В. На море Азовском. С. 189–192.

797

Там же. С. 206–208.

798

Лурье В.М. Указ. соч. С. 60.

799

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 63.

800

Там же. С. 65–66, 71.

801

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 78.

802

Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 42.

803

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 80–81.

804

Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 43.

805

Там же. С. 43–44.

806

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 108–114.

807

Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 44.

808

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 129–130.

809

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 165–166.

810

Свердлов А.В. Дунайская флотилия в боях за освобождение Венгрии // Освобождение Венгрии от фашизма. М.: Наука, 1965. С. 167–169.

811

Лурье В.М. Указ. соч. С. 60.

812

Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 44.

813

Там же. С. 46.

814

Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 45.

815

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 571; Лурье В.М. Указ. соч. С. 60.

816

Лурье В.М. Указ. соч. С. 60.

817

Москва и судьбы Российского флота. С. 326–327.

818

Москва и судьбы Российского флота. С. 326.

819

Там же. С. 328–330.

820

Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 47–48.

821

Там же. С. 50.

822

Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 53.

823

Там же. С. 54–55, 57–61.

824

Там же. С. 63–65, 68–69, 70–71.

825

Монаков М.С. Указ. соч. С. 495–506.

826

Монаков М.С. Указ. соч. С. 530–532.

827

Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 74–75.

828

Там же. С. 77.

829
Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 81–88.
830
Абламонов П.Ф. Указ. соч. С. 80–81.
831
Там же. С. 104–105.
832
Лурье В.М. Указ. соч. С. 59–60.
833
Кипнис С.Е. Указ. соч. С. 269.
834
Подмосковные известия. 1997. 27 июля.
835
Бережной С.С. Советский ВМФ 1945–1995. Крейсера, большие противолодочные корабли, эсминцы // Морская коллекция. 1995. № 1. С. 9.
836
Лурье В.М. Указ. соч. С. 61.
837
Григорьев В.В. Указ. соч. С. 5–6.
838
Григорьев В.В. Указ. соч. С. 9; *Лурье В.М.* Указ. соч. С. 61.
839
Григорьев В.В. Указ. соч. С. 24–31.
840
Лурье В.М. Указ. соч. С. 61.
841
Григорьев В.В. Указ. соч. С. 32–33.
842
Там же. С. 38–46.
843
Григорьев В.В. Указ. соч. С. 51–61.
844
Григорьев В.В. Указ. соч. С. 72–74.
845
Там же. С. 86–91.
846
Григорьев В.В. Указ. соч. С. 92–99; *Локтионов И.И.* Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне. С. 59–61.
847
Григорьев В.В. Указ. соч. С. 99; *Лурье В.М.* Указ. соч. С. 62.
848
Заремба Н.П. Волжские плесы. М.: Воениздат, 1970. С. 12–13.
849

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 387.

850

Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 236.

851

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 386–387.

852

Григорьев В.В. Указ. соч. С. 103–104.

853

Там же. С. 104, 107–108.

854

Локтионов И.И. Пинская и Днепровская флотилии в Великой Отечественной войне. М., 1958. С. 103.

855

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 401, 527.

856

Локтионов И.И. Пинская и Днепровская флотилии в Великой Отечественной войне. М., 1958. С. 103–105.

857

Григорьев В.В. Указ. соч. С. 117–118.

858

Григорьев В.В. Указ. соч. С. 123–125.

859

Там же. С. 138–144.

860

Там же. С. 137, 146.

861

Григорьев В.В. Указ. соч. С. 148–153.

862

Там же. С. 157–161.

863

Григорьев В.В. Указ. соч. С. 163–169.

864

Локтионов И.И. Пинская и Днепровская флотилии в Великой Отечественной войне. С. 180.

865

Лурье В.М. Указ. соч. С. 62.

866

Григорьев В.В. Указ. соч. С. 171–172, 178.

867

Там же. С. 171–177.

868

Григорьев В.В. Указ. соч. С. 181–186.

869

Лурье В.М. Указ. соч. С. 62.

870
Григорьев В.В. Указ. соч. С. 197–202.
871
Григорьев В.В. Указ. соч. С. 204–206, 209–212.
872
Григорьев В.В. Указ. соч. С. 227–234.
873
Григорьев В.В. Указ. соч. С. 244–248.
874
Лурье В.М. Указ. соч. С. 62.
875
Там же. С. 62.
876
Лурье В.М. Указ. соч. С. 61–62.
877
Лурье В.М. Указ. соч. С. 71.
878
Сорокин А.И., Краснов В.Н. Корабли проходят испытания. Л., 1982. С. 146, 154.
879
Там же. С. 152–154.
880
Лурье В.М. Указ. соч. С. 71.
881
Пузырев В.П. Указ. соч. С. 12–13.
882
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 525.
883
Пузырев В.П. Указ. соч. С. 13–15.
884
Лурье В.М. Указ. соч. С. 71.
885
Пузырев В.П. Указ. соч. С. 16–19.
886
Там же. С. 25–28.
887
Пузырев В.П. Указ. соч. С. 40–42.
888
Лурье В.М. Указ. соч. С. 71.
889
Справка , подготовленная В.М. Лурье по материалам ЦВМА.
890
Козлов И.А., Шломин В.С. Северный флот. С. 264–265.
891

Справка , подготовленная В.М. Лурье по материалам ЦВМА.

892

Козлов И.А., Шломин В.С. Северный флот. С. 92–93.

893

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1992. 347; *Справка* , подготовленная В.М. Лурье по материалам ЦВМА.

894

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 100.

895

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М.,1983. С. 347.

896

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 101–103.

897

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 377, 528.

898

Справка , подготовленная В.М. Лурье по материалам ЦВМА.

899

Бережной С.С. Крейсера и миноносцы. С. 142–143.

900

Красавкин В.К., Смуглин Ф.С. Здесь град Петра и флот навеки слиты: История морских частей в городе на Неве (1703–2003). СПб., 2004. С. 290, 297, 307–308, 317–318.

901

Красавкин В.К., Смуглин Ф.С. Указ. соч. С. 337, 340, 351, 353.

902

Бережной С.С. Крейсера и миноносцы. С. 142–143.

903

Краснознаменный Балтийский флот в завершающий период Великой Отечественной войны. 1944–1945 гг. С. 11–12.

904

Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне 1941–1945: Статьи и очерки. М.: Наука, 1981. С. 134–136.

905

Справка Центрального Военно-Морского архива, подготовленная В.М. Лурье.

906

Справка , подготовленная В.М. Лурье по материалам ЦВМА; *Словарь* биографический морской. С. 135.

907

Боевые вымпела над Онего. С. 3–4, 9–10.

908

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 77, 79.

909

Боевые вымпела над Онего. С. 29–31.

910

Справка ЦВМА.

911

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 377–379.

912

Боевые вымпела над Онего. С. 13–15.

913

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 80–83.

914

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 379–380.

915

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 83.

916

Справка ЦВМА.

917

Справка ЦВМА.

918

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 84.

919

Боевые вымпела над Онего. С. 20.

920

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 85.

921

Боевые вымпела над Онего. С. 91–93.

922

Боевые вымпела над Онего. С. 94–95.

923

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 529.

924

Словарь биографический морской. С. 135; *Справка* ЦВМА.

925

ЦВМА. Послужная карта офицера; Список начальствующего состава Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Л., 1928. С. 108; *Список* начальствующего состава Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии по состоянию на 1-е мая 1930 года. Л., 1930. С. 72.

926

РГА ВМФ. Ф. р-1483. Оп. 5. Ед. хр. 5. Л. 312.

927

Там же. Ед. хр. 6. Л. 53.

928

Там же. Ф. р-360. Оп. 2. Ед. хр. 393. Л. 46–54, 57–57 об.

929

ЦВМА. Послужная карта офицера.

930

Боевая летопись Военно-Морского Флота: 1941–1942. М., 1992. С. 202.

931

ЦВМА. Послужная карта офицера.

932

Боевая летопись Военно-Морского Флота: 1941–1942. М., 1992. С. 202–203.

933

ЦВМА. Послужная карта офицера.

934

Там же.

935

Лурье В.М. Указ. соч. С. 90.

936

Костев Г.Г. Указ. соч. С. 276.

937

Лурье В.М. Указ. соч. С. 90.

938

Лурье В.М. Указ. соч. С. 90.

939

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 150–151, 155–156.

940

Лурье В.М. Указ. соч. С. 90.

941

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 83.

942

Лурье В.М. Указ. соч. С. 90.

943

Маковский А., Радченко Б. Каспийская Краснознаменная. С. 178.

944

Лурье В.М. Адмиралы и генералы Военно-Морского Флота СССР в период Великой Отечественной и Советско-японской войн (1941–1945). С. 90–91.

945

Костев Г.Г. Указ. соч. С. 262, 277.

946

Лурье В.М. Указ. соч. С. 91.
947
Костев Г.Г. Указ. соч. С. 274–275.
948
Костев Г.Г. Указ. соч. С. 277–279.
949
Там же. С. 277.
950
Там же. С. 270, 276.
951
Там же. С. 279.
952
Лурье В.М. Указ. соч. С. 90–91.
953
Костев Г.Г. Указ. соч. С. 279.
954
Лурье В.М. Указ. соч. С. 132.
955
Филимошин М. Адмирал С.Г. Кучеров // ВИЖ. 1982. № 8. С. 94.
956
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 127–128.
957
Филимошин М. Указ. соч. С. 94.
958
Лурье В.М. Указ. соч. С. 132.
959
Филимошин М. Указ. соч. С. 95.
960
Головко А.Г. Указ. соч. С. 192.
961
Филимошин М. Указ. соч. С. 95.
962
Вайнер Б.А. Указ соч. С. 278–279.
963
Лурье В.М. Указ. соч. С. 133.
964
Вайнер Б.А. Указ. соч. С. 278–282, 284–286.
965
Вайнер Б.А. Указ. соч. С. 290–293.
966
Лурье В.М. Указ. соч. С. 133.
967
Вайнер Б.А. Указ. соч. С. 298–303; *Филимошин М.* Указ. соч.

С. 95–96.

968

Лурье В.М. Указ. соч. С. 133.

969

Вайнер Б.А. Указ. соч. С. 303–305.

970

Лурье В.М. Указ. соч. С. 133.

971

Костев Г.Г. Указ. соч. С. 36–37.

972

Филимошин М. Указ. соч. С. 96.

973

Маковский А., Радченко Б. Указ. соч. С. 179–180.

974

Филимошин М. Указ. соч. С. 96.

975

Костев Г.Г. Указ. соч. С. 70.

976

Лурье В.М. Указ. соч. С. 133.

977

Филимошин М. Указ. соч. С. 96.

978

Лурье В.М. Указ. соч. С. 132–133.

979

Кипнис С.Е. Указ. соч. С. 40.

980

Лурье В.М. Указ. соч. С. 169.

981

Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 5–9.

982

Лурье В.М. Указ. соч. С. 169.

983

Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 14–24.

984

Там же. С. 25–30.

985

Лурье В.М. Указ. соч. С. 169.

986

Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 55–80.

987

Лурье В.М. Указ. соч. С. 169.

988

Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 118–121.

989

Лурье В.М. Указ. соч. С. 169; *Пантелеев Ю.А.* Указ. соч. С. 97.

990

Там же. С. 169.

991

Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 97–98.

992

Лурье В.М. Указ. соч. С. 169.

993

Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 124–125.

994

Там же. С. 126–130.

995

Лурье В.М. Указ. соч. С. 169–170.

996

Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 140–143.

997

Там же. С. 170–172.

998

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 109.

999

Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 172–174.

1000

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 121.

1001

Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 175–183.

1002

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 152; *Лурье В.М.* Указ. соч. С. 169.

1003

Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 196–199.

1004

Лурье В.М. Указ. соч. С. 169.

1005

Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 231–233.

1006

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 526.

1007

Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 233–234.

1008

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 40–41.

1009

Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 236–241.

1010
Там же. С. 243–244, 248.
1011
Лурье В.М. Указ. соч. С. 169.
1012
Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 256–257.
1013
Лурье В.М. Указ. соч. С. 169–170.
1014
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 525.
1015
Пузырев В.П. Указ. соч. С. 158.
1016
Лурье В.М. Указ. соч. С. 169.
1017
Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 285–291.
1018
Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 293–296.
1019
Лурье В.М. Указ. соч. С. 169–170.
1020
Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 303.
1021
Там же. С. 307.
1022
Там же. С. 301–302.
1023
Лурье В.М. Указ. соч. С. 170.
1024
Костев Г.Г. Указ. соч. С. 159.
1025
Пантелеев Ю.А. Указ. соч. С. 317.
1026
Лурье В.М. Указ. соч. С. 169–170.
1027
Лурье В.М. Указ. соч. С. 186.
1028
Багров В.Н., Сунгоркин Н.Ф. Указ. соч. С. 83.
1029
Лурье В.М. Указ. соч. С. 186.
1030
Багров В.Н., Сунгоркин Н.Ф. Указ. соч. С. 92.
1031
Лурье В.М. Указ. соч. С. 186.

1032

Локтионов И.И. Пинская и Днепровская флотилии в Великой Отечественной войне. С. 15–16.

1033

Там же. С. 16–18.

1034

Лурье В.М. Указ. соч. С. 186.

1035

Локтионов И.И. Пинская и Днепровская флотилии в Великой Отечественной войне. С. 36–63.

1036

Локтионов И.И. Пинская и Днепровская флотилии в Великой Отечественной войне. С. 64–74.

1037

Локтионов И.И. Пинская и Днепровская флотилии в Великой Отечественной войне. С. 74–85.

1038

Там же. С. 93.

1039

Лурье В.М. Указ. соч. С. 186.

1040

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 526.

1041

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 13.

1042

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 12–14.

1043

Локтионов И.И. Волжская флотилия в Великой Отечественной войне. 1974. С. 60–61.

1044

Лурье В.М. Указ. соч. С. 187.

1045

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 31–35.

1046

Локтионов И.И. Волжская флотилия в Великой Отечественной войне. С. 123–126.

1047

Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Указ. соч. С. 39.

1048

Локтионов И.И. Волжская флотилия в Великой Отечественной войне. С. 133–135.

1049

Лурье В.М. Указ. соч. С. 187.

1050

Пузырев В.П. Указ. соч. С. 130–132.
1051
Лурье В.М. Указ. соч. С. 187.
1052
Там же. С. 187.
1053
Лурье В.М. Указ. соч. С. 186–187.
1054
ЦВМА. Послужная карта офицера.
1055
Vif2ne/ru/nvi/forum/archive /122/122456/htm.
1056
ЦВМА. Послужная карта офицера.
1057
Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1992. С. 441.
1058
Доценко В.Д, Гетманец Г.М. Указ. соч. С. 327.
1059
ЦВМА. Послужная карта офицера.
1060
Там же.
1061
Там же.
1062
Лурье В.М. Указ. соч. С. 201.
1063
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 130–131.
1064
Лурье В.М. Указ. соч. С. 201.
1065
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 528.
1066
Лурье В.М. Указ. соч. С. 201–202.
1067
Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 525.
1068
Лурье В.М. Указ. соч. С. 201.
1069
Лурье В.М. Указ. соч. С. 201–202.
1070
Справка , подготовленная В.М. Лурье по материалам ЦВМА.
1071
Локтионов И.И. Волжская флотилия в Великой Отечественной

войне. С. 177.

1072

Там же. С. 80.

1073

Справка ЦВМА.

1074

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 526.

1075

Локтионов И.И. Волжская флотилия в Великой Отечественной войне. С. 161–162.

1076

Справка ЦВМА.

1077

Федоров М.Р. Указ. соч. С. 2003. С. 281

1078

Лурье В.М. Указ. соч. С. 209.

1079

Там же. С. 210; Федоров М.Р. Указ. соч. С. 281.

1080

Лурье В.М. Указ. соч. С. 209–210.

1081

Военно-морская академия (краткая история). С. 63.

1082

Там же. С. 86.

1083

Лурье В.М. Указ. соч. С. 209.

1084

Военно-морская академия (краткая история). С. 120.

1085

Лурье В.М. Указ. соч. С. 209–210.

1086

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 525.

1087

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 82–83.

1088

Там же. С. 68–69.

1089

Лурье В.М. Указ. соч. С. 210.

1090

Лурье В.М. Указ. соч. С. 209–210.

1091

Лурье В.М. Указ. соч. С. 217.

1092

Лурье В.М. Указ. соч. С. 217–218.

1093

Петров П.В. «Зимняя война». Балтика 1939–1940. Хельсинки: RME Group Oy, 2008. С. 280–312.

1094

Петров П.В. Указ. соч. С. 349–354.

1095

Лурье В.М. Указ. соч. С. 217–218.

1096

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 92; Лурье В.М. Указ. соч. С. 217.

1097

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1992. С. 202–203.

1098

tsushima.su/forums/yiewtopic.php?id=6128.

1099

Лурье В.М. Указ. соч. С. 218.

1100

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 309–310.

1101

Холостяков Т.Н. Указ. соч. С. 206.

1102

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 310–313.

1103

Лурье В.М. Указ. соч. С. 218.

1104

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 364.

1105

Локтионов И.И. Волжская флотилия в Великой Отечественной войне. С. 128–129, 132, 139.

1106

Лурье В.М. Указ. соч. С. 218.

1107

Там же. С. 217–218.

1108

Лурье В.М. Указ. соч. С. 230.

1109

Григорьев В.В. Указ. соч. С. 97.

1110

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 527.

1111

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне. С. 55–58.

1112

Там же. С. 59.

1113

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне. С. 59; Лурье В.М. Указ. соч. С. 230.

1114

Болгари П., Зоткин Н., Корниенко Д., Любчиков М., Ляхович А. Указ. соч. С. 186–187.

1115

Там же. С. 191–192.

1116

Лурье В.М. Указ. соч. С. 230.

1117

Там же. С. 230.

1118

Лурье В.М. Указ. соч. С. 160.

1119

Лурье В.М. Указ. соч. С. 230.

1120

Там же. С. 230.

1121

Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 524.

1122

Шитиков Е.А., Краснов В.Н., Балабин В.В. Кораблестроение в СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1995. С. 76.

1123

Лурье В.М. Указ. соч. С. 230.

1124

Лурье В.М. Указ. соч. С. 232.

1125

Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 9–13.

1126

Лурье В.М. Указ. соч. С. 232–233.

1127

Попов Б. Трагедия на Тверском бульваре: О жизни и гибели Героя Советского Союза вице-адмирала Г.Н. Холостякова. М., 1990. С. 23–25.

1128

Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 14–22.

1129

Лурье В.М. Указ. соч. С. 232–233; *Холостяков Т.Н.* Указ. соч.

С. 25–38, 5–7.

1130

Попов Б. Указ. соч. С. 30–32.

1131

Лурье В.М. Указ. соч. С. 232–233.

1132

Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 41–87.

1133

Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 88–98.

1134

Попов Б. Указ. соч. С. 100–107.

1135

Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 125–128.

1136

Там же. С. 139–141.

1137

Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 149–150.

1138

Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 159–166.

1139

Там же. С. 172–178.

1140

Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 191–195.

1141

Там же. С. 197–205.

1142

Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 206–216.

1143

Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 222–230.

1144

Лурье В.М. Указ. соч. С. 233.

1145

Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 237–238.

1146

Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 252, 258–263.

1147

Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 275–280.

1148

Там же. С. 284–299.

1149

Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 305–308.

1150

Там же. С. 311–313.

1151

Там же. С. 313–320.
1152
Там же. С. 320–321.
1153
Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 330–332.
1154
Там же. С. 340–346.
1155
Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 351–365.
1156
Там же. С. 369–370.
1157
Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 371–375.
1158
Холостяков Т.Н. Указ. соч. С. 376–379.
1159
Там же. С. 379–384.
1160
Там же. С. 385–390.
1161
Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 391–401.
1162
Лурье В.М. Указ. соч. С. 232–233.
1163
Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 403–406.
1164
Там же. С. 407–411.
1165
Лурье В.М. Указ. соч. С. 233.
1166
Холостяков Г.Н. Указ. соч. С. 413.
1167
Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне. С. 189–191.
1168
Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне. С. 192–198.
1169
Там же. С. 206–210.
1170
Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне. С. 212–213.
1171
Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой

Отечественной войне. С. 219–223.

1172

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне. С. 234.

1173

Там же. С. 235–244.

1174

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне. С. 245–252.

1175

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне. С. 253–257.

1176

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне. С. 258–265.

1177

Там же. С. 265–272.

1178

Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне. С. 279–281.

1179

Лурье В.М. Указ. соч. С. 233.

1180

Попов Б. Указ. соч. С. 147.

1181

Лурье В.М. Указ. соч. С. 232–233.

1182

Попов Б. Указ. соч. С. 148.

1183

Лурье В.М. Указ. соч. С. 232–233.

1184

Попов Б. Указ. соч. С. 154–155.

1185

Там же. С. 53.

1186

Лурье В.М. Указ. соч. С. 232–233.

1187

Попов Б. Указ. соч. С. 157–163, 203.

1188

Лурье В.М. Указ. соч. С. 232.

1189

Лурье В.М. Указ. соч. С. 233–234.

1190

Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917–

1920). Л., 1982. С. 211, 377–378.

1191

Лурье В.М. Указ. соч. С. 233–234.

1192

Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917–1920). С. 277–278.

1193

Лурье В.М. Указ. соч. С. 233–234.

1194

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 629.

1195

Герои Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 1974. № 7. С. 57–58.

1196

Лурье В.М. Указ. соч. С. 234.

1197

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1983. С. 133–134.

1198

Там же. С. 159.

1199

Лурье В.М. Указ. соч. С. 234.

1200

Чероков В.С. Указ. соч. С. 15.

1201

Лурье В.М. Указ. соч. С. 234.

1202

Чероков В.С. Указ. соч. С. 19.

1203

Ковальчук В.М. Указ. соч. С. 59–61.

1204

Чероков В.С. Указ соч. С. 19–21.

1205

Лурье В.М. Указ. соч. С. 233–234.

1206

Там же. С. 233–234.

1207

Лурье В.М. Указ. соч. С. 238–239.

1208

Чероков В.С. Указ. соч. С. 6–7.

1209

Лурье В.М. Указ. соч. С. 239.

1210

Чероков В.С. Указ. соч. С. 20.
1211
Там же. С. 13–14.
1212
Там же. С. 10–12.
1213
Там же. С. 31–35.
1214
Чероков В.С. Указ. соч. С. 41–43.
1215
Там же. С. 26–27.
1216
Там же. С. 44–45, 47.
1217
Там же. С. 59–65.
1218
Чероков В.С. Указ. соч. С. 67.
1219
Там же. С. 70–71, 80.
1220
Там же. С. 99–103.
1221
Чероков В.С. Указ. соч. С. 122–129.
1222
Чероков В.С. Указ. соч. С. 131–133.
1223
Там же. С. 137–147.
1224
Чероков В.С. Указ. соч. С. 162–167.
1225
Чероков В.С. Указ. соч. С. 172–173.
1226
Лурье В.М. Указ. соч. С. 238–239.
1227
Чероков В.С. Указ. соч. С. 175.
1228
Там же. С. 177–178.
1229
Чероков В.С. Указ. соч. С. 178–179.
1230
Лурье В.М. Указ. соч. С. 239.
1231
Чероков В.С. Указ. соч. С. 180–185.
1232

Там же. С. 185–187.
1233
Там же. С. 187–190.
1234
Чероков В.С. Указ. соч. С. 191–195.
1235
Там же. С. 198–201.
1236
Там же. С. 202.
1237
Лурье В.М. Указ. соч. С. 239.
1238
Чероков В.С. Указ. соч. С. 203.
1239
Лурье В.М. Указ. соч. С. 238–239.
1240
Там же.